

Мәдени мұра бейнiшiа деректер мен зерттеулер

Александр Таиров

ЖАЙЫҚ-ЕРТiС ҚОСӨЗЕН
АРАЛЫҒЫНЫҢ Б.Д.Д.
VIII-VI ҒҒ. ЕРТЕ КӨШПЕЛЕРI

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ МӘДЕНИЕТ
ЖӘНЕ СПОРТ МИНИСТРЛІГІНІҢ
ҚАЗАҚ ҒЫЛЫМИ-ЗЕРТТЕУ
МӘДЕНИЕТ ИНСТИТУТЫ

КАЗАХСКИЙ НАУЧНО-
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ И СПОРТА
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

KAZAKH RESEARCH
INSTITUTE OF CULTURE
MINISTRY OF CULTURE AND SPORTS
OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Қазақстан Республикасы мәдениет және спорт министрлігінің
Қазақ ғылыми-зерттеу мәдениет институты

МӘДЕНИ МҰРА БОЙЫНША ДЕРЕКТЕР МЕН ЗЕРТТЕУЛЕР

Басылым 2012 жылдан бастап шығарылуда

VIII ТОМ

Жалпы редакциясын басқарушы
З. САМАСHEB

Редакциялық кеңес:

БИСЕНБАЕВ А., ЕРМОЛАЕВА А.С., ЖҰМАТАЕВ Р.,
ҚҰРМАНҚҰЛОВ Ж., ЛҰҚПАНОВА Я., ОМАРОВ Г., ОҢҒАР А.,
САМАСHEB З. (председатель), ТӨЛЕУБАЕВ А., ХАЗБУЛАТОВ А., ЧОТБАЕВ А.

Астана 2017

Kazakh research institute of culture
Ministry of culture and sports of the Republic of Kazakhstan

CULTURAL HERITAGE: MATERIALS AND RESEARCHES

The edition is based in 2012

VOLUME VIII

Under the general edition of
Z. SAMASHEV

Editorial Council:

BISENBAEV A., ERMOLAEVA A.S., ZHUMATAEV R.,
KURMANKULOV ZH., LUKPANOVA YA., OMAROV G., ONGAR A.,
SAMASHEV Z. (chairman), TOLEUBAEV A., HAZBULATOV A., CHOTBAEV A.

Astana 2017

Қазақстан Республикасының
Мәдениет және спорт министрлігінің
Қазақ ғылыми-зерттеу мәдениет институты

Қазақстан Республикасы мәдениет және спорт министрлігінің
Қазақ ғылыми-зерттеу мәдениет институты

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО КУЛЬТУРНОМУ НАСЛЕДИЮ

Издание основано в 2012 г.

ТОМ VIII

Под общей редакцией
З. САМАШЕВА

Редакционный совет:

БИСЕНБАЕВ А., ЕРМОЛАЕВА А.С., ЖУМАТАЕВ Р.,
КУРМАНКУЛОВ Ж., ЛУКПАНОВА Я., ОМАРОВ Г., ОНГАР А.,
САМАШЕВ З. (председатель), ТОЛЕУБАЕВ А., ХАЗБУЛАТОВ А., ЧОТБАЕВ А.

Александр Таиров

ЖАЙЫҚ-ЕРТІС ҚОСӨЗЕН АРАЛЫҒЫНЫҢ Б.Д.Д.
VIII-VI ҒҒ. ЕРТЕ КӨШПЕЛІЛЕРІ

Астана 2017

Астана 2017

Kazakh research institute of culture
Ministry of culture and sports of the Republic of Kazakhstan

Казахский научно-исследовательский институт культуры
Министерства культуры и спорта Республики Казахстан

Aleksandr Tairov

Александр Таиров

EARLY NOMADS OF THE ZHAIYK-IRTYSH
INTERFLUVE IN VIII-VI CC. BC.

РАННИЕ КОЧЕВНИКИ ЖАЙЫК-ИРТЫШСКОГО
МЕЖДУРЕЧЬЯ В VIII–VI ВВ. ДО Н. Э.

Astana 2017

Астана 2017

УДК 94(574)
ББК 63.3(5Қаз)
Т14

Т14 Таиров А.

Жайық-Ертіс қосөзен аралығының б.д.д. VIII-VI ғғ. ерте көшпелілері =Early Nomads of the Zhayik-Irtysh Interfluve in VIII-VI cc. BC=Ранние кочевники Жайык-Иртышского междуречья в VIII-VI вв. до н. э.: /А. Таиров – Астана: Қазақ ғылыми-зерттеу мәдениет институтының баспа тобы, 2017. – 392 б. – Қазақша, орысша, ағылшынша

ISBN 978-601-7908-37-9
Т.VIII – 392б.

Басылым Еуразияның далалық бөлігінің орта тұсын мекендеген көшпелілер тарихының ең ерте кезеңдеріне – б.д.д. VIII–VI ғасырларда Орал сыртының оңтүстігі, Солтүстік және Орталық Қазақстанда сақ мәдениетінің қалыптасуы мен даму уақытына арналған. Еңбекте Орта Азияның ерте көшпелілерінің мәдени қауымдастықтарының орнығуы мен өмір сүруіне негіз болған жайылымдық-көшпелі жүйені қалыптастырған табиғи-климаттық жағдайлар қарастырылады. Материалдық мәдениет бұйымдарын сарапқа салу арқылы Жайық-Ертіс қосөзен аралығын мекен еткен ерте көшпелілердің қоршаған ортамен қарым-қатынасына сипаттама беріледі.

Кітап алдымен барлық тарихшыларға, археологтарға, жоғары оқу орындарының тарих факультеттерінің студенттеріне арналады.

The monograph highlights the earliest period of the history of nomads in the central part of the steppe Eurasia - the development of the Saka cultures of the South Trans-Ural area, North and Central Kazakhstan in the VIII-VI cc. BC. The natural and climatic conditions that determine the composition of the pasture-nomadic system, which is the basis for the development and functioning of the community of cultures of the early nomads of Central Asia, are considered. On the basis of the analysis of objects of material culture, the relationship of the early nomads of the Zhayik-Irtysh interfluve with the surrounding world is given.

The book is intended primarily for historians, archaeologists, students of historical faculties of universities.

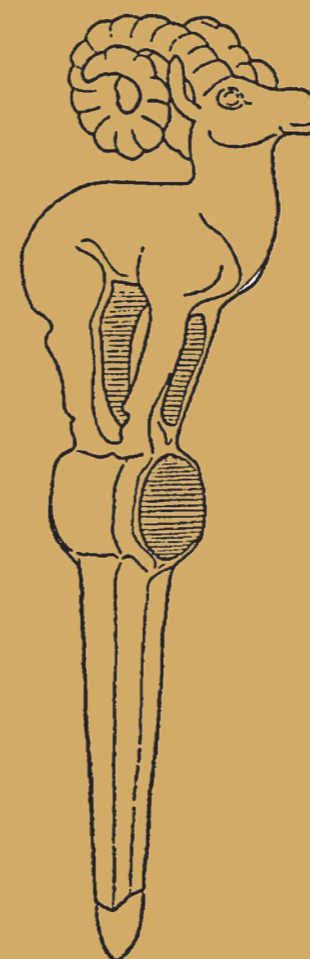
Издание освещает самый ранний период истории кочевников центральной части степной Евразии – формирование и развитие сакских культур Южного Зауралья, Северного и Центрального Казахстана в VIII–VI вв. до н. э. Рассматриваются природно-климатические условия, определившие сложение пастбищно-кочевой системы, являющейся основой становления и функционирования общности культур ранних кочевников Центральной Азии. На основе анализа предметов материальной культуры дается характеристика отношений ранних кочевников Жайык-Иртышского междуречья с окружающим миром.

Книга адресована прежде всего историкам, археологам, студентам исторических факультетов вузов.

© Таиров А., 2017
© Автор проекта Самашев З., 2017
© Казахский научно-исследовательский институт культуры, 2017
© Дизайн и верстка Исмаилова А., 2017

А. Таиров

ЖАЙЫҚ-ЕРТІС ҚОСӨЗЕН АРАЛЫҒЫНЫҢ Б.Д.Д. VIII-VI ҒҒ. ЕРТЕ КӨШПЕЛІЛЕРІ

EARLY NOMADS OF THE ZHAIYK-IRTYSH INTERFLUVE IN VIII-VI CC. BC

РАННИЕ КОЧЕВНИКИ ЖАЙЫК-ИРТЫШСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ В VIII–VI ВВ. ДО Н. Э.

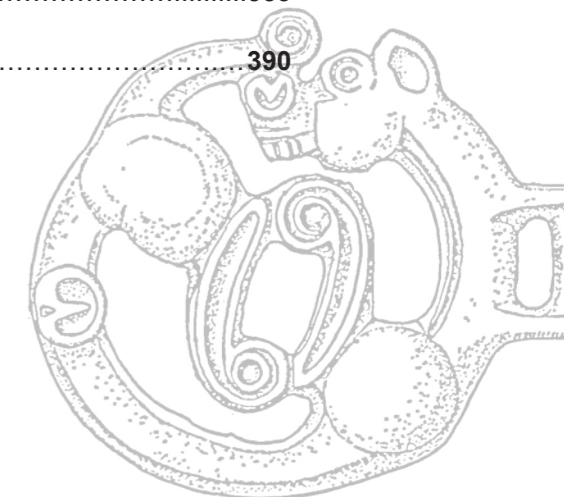

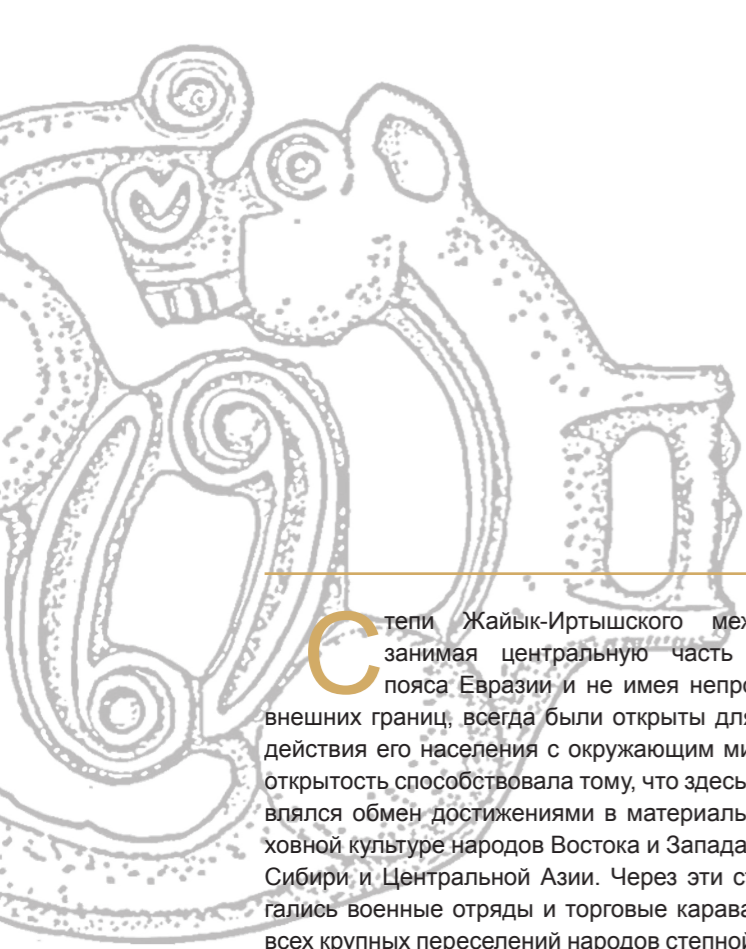

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	14
Глава I. ГЕНЕЗИС КУЛЬТУР РАНЕСАКСКОГО ВРЕМЕНИ СТЕПЕЙ ЖАЙЫК-ИРТЫШСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ	19
1. Погребальный обряд ранних кочевников VIII–VI вв. до н. э. степей Жайык-Иртышского междуречья и сопредельных территорий	20
1.1. Погребальный обряд ранних кочевников VIII–VI вв. до н. э. степей Жайык-Иртышского междуречья.....	20
1.2. Погребальный обряд ранних кочевников VIII–VI вв. до н. э. Южного Приуралья и Приаралья.....	22
1.3. Погребальный обряд ранних кочевников VIII–VI вв. до н. э. Алтая, Восточного Казахстана и степей Обь-Иртышского междуречья.....	23
2. Становление культур ранних кочевников степей Жайык-Иртышского междуречья	28
2.1. Погребальные памятники населения Южного Зауралья, Северного и Центрального Казахстана в конце эпохи бронзы.....	30
2.2. Процесс формирования культур ранних кочевников степей Жайык-Иртышского междуречья.....	34
2.3. Ранние кочевники Северного и Северо-Западного Китая и формирование культур начала эпохи железа в степях Жайык-Иртышского междуречья.....	40
2.4. Некоторые вопросы антропологии населения степей Центральной Евразии.....	46
2.5. Причины и модель миграций кочевников Внутренней Азии в начале I тыс. до н. э.....	51
Глава II. ПАСТБИЩНО-КОЧЕВАЯ СИСТЕМА В СТЕПЯХ ЖАЙЫК-ИРТЫШСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ	63
1. Некоторые общие вопросы использования данных этнографии в исторических реконструкциях	64
2. Пастбищно-кочевая система по историческим и этнографическим данным	67
2.1. Факторы, определяющие формирование и функционирование пастбищно-кочевой системы.....	68

2.2. Пастбищно-кочевая система по данным письменных источников и этнографии казахов XVIII – начала XX в.....	82
3. Пастбищно-кочевая система и исторические судьбы населения степей Жайык-Иртышского междуречья в раннем железном веке	87
Глава III. РАННИЕ КОЧЕВНИКИ СТЕПЕЙ ЖАЙЫК-ИРТЫШСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ И ВНЕШНИЙ МИР В VIII–VI ВВ. ДО Н. Э	97
1. Кочевники степей Жайык-Иртышского междуречья и Приаралья.....	98
2. Кочевники степей Жайык-Иртышского междуречья и население Зауральско-Западносибирской лесостепи.....	102
3. Ананьинские племена и сакский мир.....	109
4. Кочевники степей Жайык-Иртышского междуречья и Саяно-Алтая.....	113
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	136
ЖАЙЫҚ-ЕРТІС ҚОСӨЗЕН АРАЛЫҒЫНЫҢ Б.Д.Д. VIII-VI ҒҒ. ЕРТЕ КӨШПЕЛІЛЕРІ	141
EARLY NOMADS OF THE ZHAIYK-IRTYSH INTERFLUVE IN VIII-VI CC. BC	189
ПРИМЕЧАНИЯ	230
ИЛЛЮСТРАЦИИ	239
ЛИТЕРАТУРА	353
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	390

От редактора

Степи Жайык-Иртышского междуречья, занимая центральную часть степного пояса Евразии и не имея непроходимых внешних границ, всегда были открыты для взаимодействия его населения с окружающим миром. Эта открытость способствовала тому, что здесь осуществлялся обмен достижениями в материальной и духовной культуре народов Востока и Запада Евразии, Сибири и Центральной Азии. Через эти степи двигались военные отряды и торговые караваны. Пути всех крупных переселений народов степной Евразии с востока на запад или с запада на восток проходили через Жайык-Иртышское междуречье. И потому неудивительно, что все более или менее крупные этнокультурные трансформации, протекавшие в древности в евразийском поясе степей, нашли отражение в многочисленных археологических памятниках Южного Урала, Северного и Центрального Казахстана. Вследствие этого анализ этнических и культурных трансформаций древности и Средневековья в степях между Жайыком и Иртышем позволяет понять глубинную сущность истории народов Великой степи.

Начало I тыс. до н. э. в степях от Хингана до Карпат ознаменовалось глобальными изменениями, связанными со сменой населения, культур, типа хозяйственной деятельности. С этого времени

основой хозяйства в степи становится кочевое скотоводство, являющееся в доиндустриальную эпоху наиболее рациональной формой использования скудных природных ресурсов ее огромных открытых пространств. В начале I тыс. до н. э. были заложены основы того комплекса материальной и духовной культуры, особенностей мировосприятия и культурных связей населения степи, который определяется понятием «номадизм». С этого времени население безбрежных степей Евразии представляет собой единый организм – скифо-сакский мир, отдельные части которого находятся в постоянных связях друг с другом и с внешним миром.

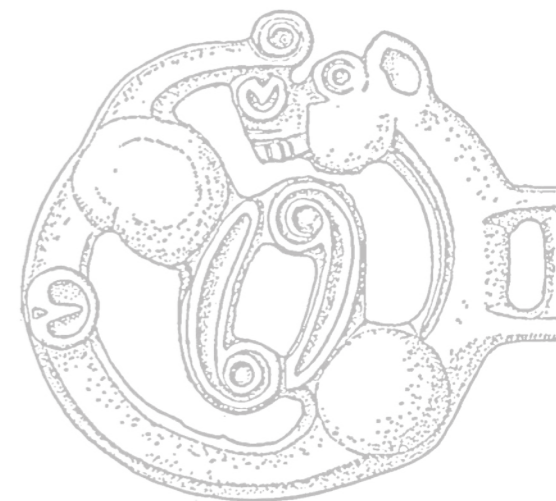
Номады раннесакского времени степи Жайык-Иртышского междуречья являлись естественной составной частью этого огромного мира степной Евразии, заняв в нем место ретранслятора культурных новаций. Археологические памятники этого времени Жайык-Иртышского междуречья дают нам примеры широких и разнообразных связей его населения, простиравшихся от Волго-Камья до Северного Китая.

Отсутствие в степи Жайык-Иртышского междуречья непроходимых для номадов внутренних барьеров способствовало установлению тесных контактов между кочевыми объединениями отдельных ее регионов. Археологическим их отражением является

хорошо фиксируемая близость материальной культуры и отдельных элементов погребальной обрядности кочевников Южного Зауралья, Северного и Центрального Казахстана VIII–VI вв. до н. э. Эта близость явилась основой для выделения в степях Жайык-Иртышского междуречья тасмолинской историко-этнографической общности раннесакского времени.

Александр Дмитриевич Таиров, выпускник Карагандинского государственного университета, ныне доктор исторических наук, профессор Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск), уже обращался к теме этнокультурных процессов в степях Жайык-Иртышского междуречья в раннесакское время, итогом чего стала его монография, вышедшая в 2007 г. Высказанные автором положения вызвали неоднозначную реакцию в научном сообществе. Часть из них была принята, часть поставлена под сомнение или подвергнута критике, что, впрочем, совершенно естественно для научной дискуссии. Однако за последние неполные десять лет в результате бурного развития казахстанской археологии, в том числе и археологии раннего железного века, получено большое количество новых материалов сакского времени. Так, впервые в Центральном Казахстане исследованы погребения элиты кочевого общества начала I тыс. до н. э., в степях Северного

и Центрального Казахстана открыты и исследованы поселения сакского времени, выявлена и охарактеризована антропоморфная скульптура этой эпохи, получены данные по антропологии населения Жайык-Иртышского междуречья заключительного этапа эпохи бронзы и самого начала раннего железа. Все это позволило А.Д. Таирову вновь обратиться к теме становления культур раннесакского времени в евразийских степях, к характеристике этнокультурных процессов, протекавших в Жайык-Иртышском междуречье, к вопросам взаимосвязей кочевников этого региона с внешним миром. Автор, опираясь на работы предшественников (А.Х. Маргулан, К.А. Акишев, М.К. Кадырбаев, М.П. Грязнов и многие другие) и основываясь на материалах по ранним кочевникам Евразии, полученных в последние годы, попытался реконструировать процесс становления культур раннесакского времени в степях Жайык-Иртышского междуречья, охарактеризовать взаимодействие номадов региона с населением сопредельных территорий. Особое внимание им уделено характеристике пастбищно-кочевой системы, являющейся основой для археологически фиксируемой культурной и этнической общности населения Жайык-Иртышского междуречья.

Введение

Под степями Жайык-Иртышского междуречья¹ понимаются, исходя из физико-географических данных и археологических материалов, степи от восточных отрогов гор Южного Урала и Мугоджар на западе до долины Иртыша на востоке, от лесостепной полосы Зауралья и Западной Сибири на севере до озера Балхаш и правобережья рек Чу и Сырдарья на юге. Эту обширную область можно разделить на три крупных региона – Южное Зауралье, Северный Казахстан и Центральный Казахстан. Границей между Южным Зауральем с одной стороны, Северным и Центральным Казахстаном – с другой является Тургайская ложбина с реками Тургай и Убаган, системой озер Сарыкопа, Аксуат, Жарман и Кушмурун. Границу между Северным и Центральным Казахстаном можно условно провести по широтному отрезку реки Ишим и долине Селеты. Кочевые общества этих регионов на протяжении всего периода существования здесь кочевья составляли единую культурно-хозяйственную общность, в основе которой лежала пастбищно-кочевая система.

Степи Жайык-Иртышского междуречья, занимая срединную часть Великого пояса степей, во все эпохи являлись связующим звеном, контактной зоной между западной и восточной частями степной Евразии. Древности изучаемой территории отразили динамику взаимодействия Востока и Запада, здесь находили отражение традиции как зародившиеся первоначально на Западе и распространявшиеся затем на Восток, так и транслирующиеся с Востока

на Запад. Через степи Жайык-Иртышского междуречья пролегли пути большинства массовых миграций кочевников с востока на запад. Впрочем, выбор конкретного пути движения кочевников с востока на запад – через степи междуречья или Семиречье (Жетису) – во многом определялся этнополитической ситуацией в степях Жайык-Иртышского междуречья, в частности в Центральном Казахстане. В изучении процессов миграций и этнических взаимодействий, протекавших в древности и Средневековье в евразийских степях, особое место принадлежит Южному Зауралью. Это обусловлено тем, что любое крупное перемещение кочевников с востока степной Евразии на запад или с запада на восток проходило, в силу географических особенностей степного пояса, через Южное Зауралье. На этой территории осуществлялся сплав привнесенных переселенцами традиций Востока и Запада, здесь зарождались новые этнокультурные образования, сыгравшие в дальнейшем свою роль в древней истории западной части Евразии, особенно Восточной Европы.

Вместе с тем степи Жайык-Иртышского междуречья являлись составной частью системы «оазис – степь – лесостепь», включающей три основные подсистемы: государственные образования оседло-земледельческих обществ Средней Азии, кочевые объединения степи и оседлые и полуседлые образования лесостепи. Естественно, что каждая из названных подсистем имела свою специфику с присутствием только ей особенностями и закономерностями развития. Однако, входя в систему взаимоотноше-

ний, любая из этих подсистем так или иначе влияла на другие и, в свою очередь, испытывала обратное воздействие. Ключевым звеном в этой системе, звеном, объединяющим систему, были кочевники степей Жайык-Иртышского междуречья.

В настоящее время одной из основных задач исследования евразийских степных древностей эпохи раннего железа является переход от изучения отдельных археологических культур и создания региональных периодизаций к реконструкции общей картины культурно-исторических процессов. Поэтому целью данной работы является характеристика этнокультурных процессов в степях Жайык-Иртышского междуречья в VIII–VI вв. до н. э., определение особенностей развития кочевых обществ Южного Зауралья, Северного и Центрального Казахстана, их роли и места в истории степной и лесостепной Евразии.

Наличие обобщающих работ по всем регионам степей Жайык-Иртышского междуречья (Маргулан и др., 1966; История Казахской ССР..., 1977; Бейсенов, 2015; 2015в; 2016; Бейсенов и др., 2015; Хабдулина, 1994; 2007; Пшеничнюк, 1983; Таиров, 2000а; 2002б; 2014а; 2015; 2016), в которых подробно охарактеризованы как отдельные памятники, так и погребальный обряд и инвентарь в целом, избавляет от необходимости подробной характеристики источниковой базы данного исследования и проведения необходимых процедур источниковедческого анализа.

Несколько слов об используемых в работе понятиях. Кочевое скотоводство, или кочевничество, с хозяйственной стороны кочевое скотоводство (кочевничество) можно определить как особый вид производящей экономики, при котором преобладающим занятием является экстенсивное подвижное скотоводство, связанное с круглогодичным вольным содержанием скота на подножном корму. Все население или его большая часть вовлечена в регулярные периодические перекочевки в пределах определенных пастбищных территорий или между ними (Хазанов, 2000, с. 84, 85). Несмотря на то что при кочевничестве скотоводство составляет основу хозяйственной деятельности и доставляет главные средства существования, оно не исключает и других видов деятельности. В качестве основных форм скотоводческого хозяйства, по мнению А.М. Хазанова, выделяются два: кочевое и полукочевое. Кочевое скотоводство в своих чистых проявлениях характеризуется отсутствием земледелия даже в качестве вспомогательного занятия, полукочевое – тем, что, хотя экстенсивное скотоводство с периодической сменой пастбищ на протяжении всего или большей части года является и в нем преобладающим занятием, в качестве второстепенного и вспомогательного оно дополняется земледелием или, как в Северной Евразии, сочетается с иными родами хозяйственной деятельности (Хазанов, 2000, с. 88, 89).

Понятие «кочевничество» включает не только хозяйственную, но и социальную характеристику обще-

¹ Согласно решению Республиканской ономастической комиссии при Правительстве Республики Казахстан, в русскоязычных изданиях Республики Казахстан название реки Урал пишется как «Жайык»

16

ства, так как номады составляют отдельные от земледельческих народов социальные организмы, а экстенсивный пастбищный скотоводческий базис порождает соответствующую социальную структуру и племенную форму общественной организации (Калиновская, Марков, 1983, с. 61).

Однако «кочевое скотоводство кочевому скотоводству рознь» (Зиманов, 1958, с. 26). В разных областях Евразии оно имело свои специфические особенности, обусловленные прежде всего природными условиями территории. И данное обстоятельство необходимо учитывать при реконструкции хозяйственной деятельности номадов каждого конкретного региона.

Термин «саки» впервые употреблен в ранних персидских источниках для обобщающего наименования кочевых племен, проживающих на территориях современных Средней Азии и Казахстана, безотносительно к их этнической и языковой принадлежности. В таком же расширенном значении он применяется в данном исследовании для наименования кочевых племен азиатских степей и предгорий. Критерием причисления того или иного комплекса к числу «сакских» остается тот же набор признаков, по которым он был бы отнесен к «скифскому», но с одним непеременимым ограничением – его размещение в азиатской части Евразии (Раевский, 1983, с. 34). Соответственно, ранний этап истории кочевых племен этого обширного региона, охватывающий период с конца IX по конец VI в. до н. э., носит название «раннесакское время». На наш взгляд, применение

этого термина как в исторических исследованиях, посвященных кочевым обществам азиатской части Евразии, так и при характеристике оставленных ими археологических памятников более оправданно, чем использование термина «раннескифское время» (Таиров, 2014, с. 84, 85).

По определению ЮНЕСКО, под Центральной Азией понимается обширный регион, включающий Монголию, северо-западный Китай (Синьцзян, Тибет, Внутренняя Монголия, Цинхай, западный Сычуань и северный Ганьсу), Пенджаб, северную Индию и северный Пакистан, северо-восточный Иран, Афганистан, районы азиатской России южнее таежной зоны (Бурятия, Тува, Горный Алтай, Прибайкалье), Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Туркменистан и Таджикистан. В советской и частично постсоветской археологической литературе под Центральной Азией имелся в виду регион, включающий Монголию и северо-западный Китай. Существовало также понятие «Средняя Азия», включающее бывшие советские республики, а ныне независимые государства Кыргызстан, Узбекистан, Туркменистан и Таджикистан. Это было связано с делением СССР на экономические районы: в советской Центральной Азии выделялись два экономических района – Среднеазиатский (Узбекистан, Туркмения, Таджикистан и Киргизию) и Казахстанский. Отсюда произошло привычное в советские времена словосочетание «Средняя Азия и Казахстан». В 1992 г. президент Казахстана Н.А. Назарбаев на саммите государств Средней Азии предложил отказаться от определе-

ния «Средняя Азия и Казахстан» в пользу понятия «Центральная Азия», охватывающего все постсоветские государства этого региона. В данной работе мы придерживаемся терминов, используемых авторами цитируемых публикаций. В ряде случаев даются пояснения определения «Центральная (Средняя) Азия», когда речь идет о территориях бывших республик Средней Азии. Для региона, называемого в советской археологической литературе Центральной Азией, мы используем понятие «Внутренняя Азия», заключающее в себе пространство от Тибета на юге до Алтая на севере, от Памира на западе до Хингана на востоке.

Схожесть погребального обряда и инвентаря, которая прослеживается при сравнительном анализе памятников, оставленных кочевниками VIII–VI вв. до н.э. Центрального Казахстана (тасмолинская культура), Северного Казахстана (улубаевско-тасмолинская культура) и Южного Зауралья (бобровско-тасмолинская культура), позволила нам выделить тасмолинскую историко-этнографическую общность ранних кочевников степей Жайык-Иртышского междуречья. В.П. Алексеев отмечал, что «термин “историко-этнографическая общность” часто употребляется наряду с термином “историко-этнографическая область”. Между тем во избежание путаницы понятий целесообразно первый из них употреблять как название класса, а второй – для обозначения лишь принадлежности к одной из типологических единиц класса. Иными словами, под историко-этнографическими общностями желательно понимать любую

общность народов, выделяемую по принципу общности их исторической судьбы, независимо от ее, так сказать, таксономического уровня. Историко-этнографическая область представляет собой при таком подходе конкретное выражение такой общности – совокупность нескольких народов, объединенных общей историей» (Алексеев, 1986, с. 20). Согласно М.Г. Левину и Н.Н. Чебоксарову (1955, с. 10), историко-этнографическая область – это «территория, на которой в результате длительных связей, взаимного влияния и общности исторических судеб народов, населяющих эту территорию, сложилась определенная культурная общность». По определению Б.В. Андрианова (1985, с. 19), «историко-этнографические области, как правило, охватывают группы народов определенной территории хотя бы и различного происхождения, но связанные между собой общностью исторических судеб, длительностью соседства и общения». Таким образом, историко-этнографическая общность – это **общность народов**, археологическим выражением которой является культурная или историко-культурная общность.

Данное исследование является исправленным и дополненным вариантом изданной в Челябинске в 2007 г. монографии «Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н.э.».

17

ГЛАВА I

**ГЕНЕЗИС КУЛЬТУР
РАНЕСАКСКОГО ВРЕМЕНИ
СТЕПЕЙ ЖАЙЫК-ИРТЫШСКОГО
МЕЖДУРЕЧЬЯ**

В начале раннего железного века просторы степей от Жайыка до Иртыша были заняты кочевыми племенами тасмолинской историко-этнографической общности, являющейся составной частью обширного сакского мира. Основной сложения и функционирования общности явилась пастбищно-кочевая система с ее круглогодичным кочеванием в меридиональном направлении, постоянными районами летних и зимних пастбищ, относительно стабильными маршрутами перекочевок (Акишев, 1972; 1986, с. 7–14; Таиров, 1993; 2000а, с. 125–135). Археологическим же выражением этой общности является та близость погребального обряда и инвентаря, которая прослеживается при анализе памятников VIII–VI вв. до н. э. тасмолинской культуры Центрального Казахстана, улубаевско-тасмолинской Северного Казахстана и бобровско-тасмолинской Южного Зауралья. По основным своим параметрам погребальные комплексы кочевников тасмолинской историко-этнографической общности достаточно четко отличаются от памятников кочевого населения раннесакского времени сопредельных территорий – Приаралья, Восточного Казахстана и Алтая.

1. Погребальный обряд ранних кочевников VIII–VI вв. до н. э. степей Жайык-Иртышского междуречья и сопредельных территорий

1.1. Погребальный обряд ранних кочевников VIII–VI вв. до н. э. степей Жайык-Иртышского междуречья

Раннесакское время в степной части Южного Зауралья представлено памятниками двух культурно-хронологических горизонтов. Первый, чиликтинский (вторая половина VIII – первая половина VII в. до н. э.), маркируется немногочисленными случайными находками предметов вооружения и конской упряжи (Таиров, 2002; 2011). По особенностям изображения хищника на костяном гребне к этому горизонту, вероятно, следует отнести погребение 2 кургана 2 Варненской группы курганов (Боталов, Таиров, 1996, с. 117–119; Переводчикова, Таиров, 2015, с. 123–127). Второй горизонт, аржано-кичигинский (вторая половина VII – середина VI в. до н. э.), характеризуют памятники бобровско-тасмолинской культуры (Таиров, 2016).

Захоронения ранних кочевников Южного Зауралья раннесакского времени (вторая половина VIII – середины VI в. до н. э.) являются основными или изредка вводными в курганы эпохи бронзы. Надмогильные сооружения – курган или округлая кольце-

вая вымостка – входят в могильники, включающие погребальные сооружения эпохи бронзы и раннего железа или только раннего железа. Могильники второго типа – это бессистемные курганные группы или неправильные цепочки. Расположены они на возвышенностях, находящихся на останцах первых надпойменных террас и на коренных берегах рек, у берегов озер.

Все вводные погребения совершены в курганах с земляной насыпью. Насыпи курганов с основными захоронениями раннесакского времени состоят из земли, камня или их сочетаний (рис. 1). Современный их диаметр колеблется от 7 до 35 м при высоте 0,1–1,9 м. В курганах с каменно-земляной насыпью камень использовался для сооружения панциря на насыпи, вымостки над и вокруг могильной ямы, кольцевой вымостки под насыпью, кольца из вертикально поставленных плит вокруг насыпи. В насыпях курганов, как правило, в полах, найдены кости лошади и барана. В редких случаях в насыпи и под ней отмечены следы огня в виде зольных пятен и небольших кострищ.

Захоронения совершались в простых грунтовых ямах прямоугольной, овальной или неправильно-округлой формы, иногда с нишей вдоль продольной или торцевой стенки, в ямах с подбоем вдоль длинной стенки или в ямах с дромосом (рис. 1). Отметим, что крупные курганы и погребения в могильных ямах с дромосом сакского времени исследованы пока только в пограничье степи и лесостепи Южного Зауралья. По сравнению со степной зоной региона здесь чаще фиксируются погребения в подбоях.

Засыпка ям состояла из земли, в которой встречались мелкие угольки и зола, смеси земли и камня или только камни. Следов перекрытия простых могильных ям не обнаружено. Входы в подбой закрывались, очевидно, какими-то деревянными конструкциями, остатки которых отмечены лишь однажды. В одном случае зафиксировано плоское деревянное перекрытие погребальной камеры и дромоса. Оно состояло из бревен, уложенных вплотную друг к другу, вероятно, в два слоя. Отмечены случаи отсутствия ям, при этом кости животных, керамика и вещи находились на уровне древней поверхности.

Положение погребенных – вытянуто на спине, руки, как правило, вдоль тела, иногда обе ноги покойного были отклонены от оси тулова влево. В одном случае зафиксирована «атакующая» поза. Ориентировка погребенных разнообразна, но в основном преобладает расположение головы в северо-западном секторе. На дне ям отмечаются следы золистой подсыпки или органической подстилки коричневого, черного или белесого цвета. В каче-

стве напутственной пищи в погребальную камеру помещались передняя или задняя нога барана, грудная часть лошади.

Погребальный инвентарь мужских захоронений представлен предметами вооружения (кинжалы, чеканы, стрелы, колчаные крюки), наборными поясами. В женских погребениях найдены зеркала, каменные жертвенники без ножек, наборы для татуировок (рис. 2–5).

Анализ мужских воинских захоронений этого времени позволяет разделить их на три основные группы, отличающиеся размерами и сложностью погребальных сооружений и составом сопроводительного инвентаря. В погребениях первой группы обнаружены наконечники стрел, колчаные крючки и ножи. Для погребений второй группы характерен представительный комплекс вооружения, включающий кинжал, колчан со стрелами, поясной набор, атрибуты воинского статуса. Захоронения третьей группы отличает сложность погребальных сооружений, богатый набор вооружения и наличие изделий из драгоценных металлов (Таиров, 2007, с. 11, 12; Таиров, Боталов, 2010).

Надмогильные сооружения раннесакского времени Северного Казахстана представлены курганами с каменными, каменно-земляными или земляными насыпями (рис. 6). Центральной частью многих земляных курганов является надмогильная конструкция, представленная низкими бревенчатыми выкладками либо сооружениями объемного типа в виде клетки или сруба. Все бревенчатые выкладки связаны с погребениями на древнем горизонте или материке, а сооружения объемного типа возводились на древней поверхности над погребениями в грунтовых ямах. Внекурганые конструкции представлены круглыми кольцевыми или квадратными в плане рвами, зафиксированными главным образом вокруг земляных насыпей, а также каменными кольцевыми оградками. Основной тип погребальной камеры – простая грунтовая яма подпрямоугольной или овальной формы. Фиксируются различные проявления ритуальных действий, связанных с огнем (сожжение или обугливание деревянных перекрытий, прокалы или выстилание золой древней поверхности, угольки в заполнении и на дне погребальных камер). Положение погребенных – вытянуто на спине, руки, как правило, вдоль тела, иногда обе ноги покойного были отклонены от оси тулова вправо или влево. Ориентировка их разнообразна, но основным является положение головой на запад и северо-запад. В качестве напутственной пищи в погребальную камеру помещались передняя или задняя нога барана, его хребет или изредка голова.

Погребальный инвентарь представлен предметами вооружения (наконечники стрел, кинжалы, чекан), зеркалами, каменными жертвенниками, ножами, амулетами. Иногда в погребальную камеру ставили керамический сосуд (Хабдулина, 1987, с. 6–13; 1994, с. 20–24; Ярыгин, 2014, с. 279).

Большинство курганов раннесакского времени Центрального Казахстана возведено из камня, гораздо меньше – из земли или земли и камня (рис. 7). Сооружения в насыпи и под ней представлены кольцами из плашмя уложенных плит или каменными вымостками. В ряде случаев по краю кургана отмечена крепида из крупных плит, обрамляющих насыпь. Достаточно часто земляная или каменно-земляная насыпь кургана покрывалась набросом из камня («каменный панцирь»). В крупных курганах выявлены «микровозвышения» над могильной ямой в виде полого склепа, возведенного из плитняка, дерева, сырцовых блоков, или сплошного сооружения из глины и камня. Известны юртообразные конструкции из плитняка, скрепленного глинистым раствором.

Из внекурганых конструкций отмечены кольцевые рвы, ямы, образованные выборкой грунта для сооружения насыпи, каменные округлые и прямоугольные оградки, небольшие кольцевидные выкладки, пяти- и восьмикаменные жертвенники¹.

Погребения совершались в могильных ямах или изредка на древней поверхности. Основной тип погребальной камеры – простая грунтовая яма овальной или, реже, подпрямоугольной формы. Неоднократно встречались ямы с дромосом, с заплечиками, с подбоем вдоль длинной стенки, облицованные камнем, с впущенными на их дно каменными ящиками. Довольно часто ямы перекрывались тремя-четырьмя каменными плитами, реже над могильной ямой сооружался каменный наброс из плит небольших размеров и рваного камня. Вход в подбой также заставлялся плитами (рис. 7–9).

Для крупных курганов характерны могильные ямы с пологим дромосом, отходящим, как правило, от восточной стенки погребальной камеры (рис. 8; 9). В некоторых случаях они перекрывались бревнами и/или плитами, заваливались камнями. Стенки дромосов иногда оформлялись вертикально поставленными каменными плитами. В ряде случаев вплотную к краям могильных ям устанавливается однорядная каменная кладка.

Известны и погребения на горизонте внутри деревянной столбовой конструкции, от которой фиксируются ряды ямок.

Положение погребенных – вытянуто на спине, руки, как правило, вдоль тела, иногда обе ноги по-

койного отклонены от оси тулова. Ориентировка их разнообразна, но преобладает положение погребенных головой на северо-запад, север и запад. В качестве напутственной пищи в погребальную камеру помещались передняя или задняя нога барана, его хребет, лопатка, реберная часть, голова или изредка целая туша. Достаточно часто в могильную яму укладывались лошадиные головы. Сопроводительный инвентарь (рис. 10–13) представлен предметами вооружения (кинжалы, наконечники стрел), наборными поясами, конской сбруей, зеркалами, каменными жертвенниками, ножами, амулетами (Маргулан и др., 1966, с. 311–348; Бейсенов, 2001, с. 66–71; 2010; 2015в, с. 23–32; 2016; 2016а; 2016б; Бейсенов, Дуйсенбай, 2015; Бейсенов и др., 2015, с. 14–20; Бейсенов, Минасян, 2015, с. 58; Бейсенов, Чотбаев, 2001, с. 290–292; Кукушкин, Ломан, 2013; Пересветов, 2001, с. 282, 283; 2004, с. 40–44; Пересветов, Куропятникова, 2002, с. 126–130; Хабдулина, Ярыгин, 2013, с. 179, 180).

Как в Северном (Саргары II, Жабай-Покровка, Рузаевка), так и в Центральном Казахстане (Толагай, Талдысай, Ак-Мустафа, Бақыбулак) обнаружены каменные кольцевые оградки из вертикально установленных или горизонтально уложенных плит или из крупных камней, без могильных ям внутри них и каких-либо следов человеческих захоронений. Внутри ограды или под ее камни помещались предметы конской упряжи (Мошкова, 1966, с. 45, 46; Кадырбаев, 1958, с. 97; Хабдулина, 1994, с. 22; Курманкулов, 1989, с. 145–147; Бейсенов, Смаилов, 1998, с. 271, 272; Бейсенов, 2015а, с. 96–104; 2015б, с. 114; Бейсенов и др., 2015, с. 14, 15; Бейсенов, Хаврин, 2015; Бейсенов, Шаблавина, 2015).

1.2. Погребальный обряд ранних кочевников VIII–VI вв. до н. э. Южного Приуралья и Южного Приаралья

В Южном Приуралье к VIII – первой половине VI в. до н. э. достаточно уверенно могут быть отнесены четыре вводных погребения: у села Ягодное в Самарской области (Смирнов К.Ф., 1964, с. 29; Кореняко, 1982, с. 39, 42), Новая Белогорка, курган 2, погребение 38 в Оренбургской области (Смирнов К.Ф., 1964, с. 39; Тереножкин, 1976, с. 53; Кореняко, 1982, с. 39, 42), Елбулак-Тамак, курган 2, погребение 1 в Приуральской Башкирии (Пшеничнюк, 1983, с. 8, 76). Погребенные лежали вытянуто на спине с легким поворотом на правый бок. Ориентированы они головой на ЮЮВ, запад, северо-запад. Сопровождающий инвентарь представлен бронзовыми двухлопастными наконечниками стрел (Новая Белогорка, Елбу-

лак-Тамак), бронзовыми деталями узды (Ягодное). Здесь найдены зубы (Ягодное) или ребра и крестец (Елбулак-Тамак) лошади. К этим погребениям следует добавить погребение 1 кургана 59 могильника Целинный I (конец VII – первая половина VI в. до н. э.) и погребение 1 кургана 17 могильника Покровка 2 (первая половина VI в. до н. э.) на Илеке. В первом случае погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад, в подпрямоугольной могильной яме под земляной насыпью. Во втором случае под земляной насыпью кургана выявлена могильная яма с подбоем, вход в который закрывался деревом. Погребенный был уложен на камышовую подстилку вытянуто на спину, головой на запад (Гуцалов, 1998; 2000, с. 92, 93; Яблонский и др., 1994, с. 39, 40, рис. 54; 81–83).

В целом VII–VI вв. до н. э. датируется разграбленное погребение кургана 2 могильника Буранчи I в Центральном Оренбуржье. Оно совершено в овальной могильной яме, ориентированной по линии север–юг. На дату погребения указывают овальные желобчатые пряжки с прямоугольной рамкой и неподвижным крючком-застежкой и полусферическая бляха, имеющая на оборотной стороне ромбовидный щиток на стержне (Моргунова и др., 2004, с. 4, 5, рис. 2, 8, 9).

В интервале от второй половины VIII в. до н. э. до первой половины VII в. до н. э. или даже VII–VI вв. до н. э. разными исследователями датируется погребение 3 Большого Гумаровского кургана, впущенное в курган эпохи бронзы (Исмагилов, 1988, с. 29–47; Зуев, Исмагилов, 1999, с. 105, 106; Членова, 1988, с. 8; 2004, с. 224; Петренко, 1990, с. 75; Ковалев, 2000, с. 162; Вальчак, 2004, с. 23)². Здесь поверх древней насыпи возведен курган из земли и камня, но с каким погребением раннего железа, погребением 3 или погребением 2 (V в. до н. э.) он связан, не ясно. Погребенный лежал на слое органической подстилки на спине, с легким поворотом на правый бок. Руки вытянуты вдоль тела, ноги отклонены от оси туловища вправо. Головой погребенный ориентирован на ВЮВ.

Из всех погребений Южного Приуралья, датированных К.Ф. Смирновым VI в. до н. э., к первой половине этого столетия можно более или менее уверенно отнести погребение в основной могиле 5 кургана 1 урочища Лапасина у села Любимовка. Могильная яма здесь была обрамлена квадратным деревянным сооружением в виде сруба, подожженным во время похорон. Могильная яма ориентирована по линии ЗСЗ–ВЮВ. Все остальные погребения VI в. до н. э. датируются второй половиной столетия или его концом (Смирнов К.Ф., 1964, с. 39, 40). Они по-

погребальному обряду и инвентарю идентичны памятникам следующего, обручевского (древнепрохоровского), этапа истории ранних кочевников Южного Зауралья.

В Южном Приаралье в раннесакское время выделяются две группы погребений – куюсайская и сакарчагинская. Большинство погребений первой группы совершены в узких прямоугольных неглубоких ямах. Преобладает широтная ориентировка погребенных, уложенных вытянуто на спину или скорченно на бок. Встречаются захоронения полурасчлененных тел, а также многоактные захоронения в общей камере. Инвентарь очень беден и чаще всего представлен лепным сосудом. Куюсайская группа, как подчеркивает Л.Т. Яблонский (1998, с. 37, 38, 46), исключительно специфична для территории Центральной (Средней) Азии и Казахстана, и ее культурогенез «несомненно отличается от культурогенеза сакской (в широком смысле этого слова) культуры». Возможно, эта группа появилась в Южном Приаралье с «последней волной миграции срубных племен из Поволжья на юг в конце VIII – начале VII в. до н. э.».

Для сакарчагинских могильников характерно сочетание в погребальных комплексах кремации и ингумации, сосуществование захоронений в ямах и на поверхности древнего горизонта, одиночных, парных и коллективных многоактных погребений. Особенностью их являются столбовые конструкции в ямах или на поверхности древнего горизонта, яркие проявления огненного ритуала. В могильниках Присарыкамья, будь то погребения с кремацией или ингумацией, абсолютно преобладают захоронения «вытянуто на спине». Встречаются и захоронения, где покойные лежат на боку в скорченном или полускорченном положении. Преимущественная ориентировка погребенных – головой на запад, иногда на северо-запад или юго-запад. Встречаются и захоронения с восточной ориентировкой. Сопроводительный инвентарь представлен керамикой, предметами вооружения и конской упряжи, каменными жертвенниками, украшениями, орудиями труда (ножи, зернотерки, песты) и т. п. (Яблонский, 1996, с. 18–21, 26; 2015, с. 28–35, 49–86). Погребальный обряд кочевников Южного Приаралья (сакарчагинская группа) по большинству своих показателей весьма близок к погребальному обряду саков Нижней Сырдарьи, оставивших могильники Уйгарак и Южный Тагискен (Вишневецкая, 1973, с. 60–69; Итина, Яблонский, 1997, с. 28–37). Данное обстоятельство явилось основанием для объединения населения этих районов в одну историко-этнографическую общность (Яблонский, 1988, с. 189).

1.3. Погребальный обряд ранних кочевников VIII–VI вв. до н. э. Алтая, Восточного Казахстана и степей Обь-Иртышского междуречья

В памятниках Горного Алтая раннесакского времени абсолютно доминирует положение погребенного скорченно на боку. Лишь в шести случаях зафиксировано положение «вытянуто на спине». Причем «вытянуто на спине умерших хоронили в неглубоких ямах и на УДГ (уровне древнего горизонта. – А.Т.), и, судя по материалам раскопок, такое явление отмечается на относительно поздних этапах существования культуры раннескифского времени Горного Алтая» (Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 52). Для Горного Алтая характерно также размещение лошади в отдельной погребальной камере, которая представляла собой изолированную яму или конструкцию (в виде каменного кольца или ящика), примыкавшую с восточной (юго-восточной, северо-восточной) или южной стороны к камере с погребением человека. В то же время здесь обнаружены и немногочисленные комплексы, где человек и лошадь находились в одной погребальной камере в виде простой могильной ямы (Кер-Кечу) или могильной ямы с подбоем (Карбан I, курган 5). Зафиксирован и случай захоронения человека и лошади на уровне древней поверхности без оформленных погребальных камер (Кор-Кобы I, курган 26) (Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 43–49, 59; Могильников, Суразаков, 2003). В кургане 1 могильника Каракол внутри каменного ящика, впущенного в могильную яму, находилось погребение человека, лежащего головой на север. За южной стенкой ящика, у его юго-западного угла, был помещен комплект узды (Кубарев, 1997, с. 6).

Данные алтайские комплексы по погребальному обряду весьма близки к центральноказахстанским (Котанэмель; Тасмола I, курганы 19, 24; Тасмола V, курганы 3, 6; Тасмола VI, курган 1 и др.). Здесь имеется в виду обычай размещения лошади в одной могильной яме с человеком, или, по А.А. Тишкину и П.К. Дашковскому (1998, с. 584), в одном сакральном пространстве. Причем лошадь может быть представлена в натуральном виде, в виде макета – шкуры с головой и конечностями, а также, как и в Центральном Казахстане, в виде символа – головы с уздечкой или только уздечки. Близки к центральноказахстанским и уздечные принадлежности из этих памятников. Так, круглые или овальные обоймы с грибовидным щитком на стойке и «запонковидные» застежки с грибовидным щитком из кургана 1 могильника Каракол (вторая половина VII – начало VI в. до н. э. или начало VI в. до н. э.) аналогичны изделиям из Котанэмеля и Тасмолы (рис. 11, 1–3, 8, 11,

23, 24) (Кубарев, 1997, рис. 2, 5, 17, 19; 1998, рис. 2, 5, 17, 19; Кадырбаев, 1975, рис. 1; Маргулан и др., 1966, рис. 8; 15; 28; Марсадоллов, 2000, с. 22). Бронзовые удила, имеющие стремевидные окончания с ладьевидной прорезью и дополнительным округлым отверстием, из кургана 5 могильника Карбан I аналогичны удилам из Котанэмеля и Толагая (рис. 11 51, 53) (Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 69, рис. 48, 2; Кадырбаев, 1958. Табл. II, 2; 1975, рис. 1)³. Для раннесакского времени в Горном Алтае известны и могильные ямы с подбоем вдоль одной из стенок (Бийке, курган 7; Карбан I, курган 5). Они, по мнению исследователей, являются показателем каких-то брачных связей с другими племенами, ибо в обоих случаях в них обнаружены захоронения женщин с «импортными» ожерельями из каменных бусин (Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 47, 59; Тишкин, 1996, с. 24, 47, 53). Так, Л.С. Марсадоллов (1998, с. 23) считает, что молодая женщина, захороненная в могильной яме с подбоем кургана 5 могильника Карбан I, «вполне могла быть иноземкой (из юго-западного от Алтая региона), погребенная по «смешанному» обряду».

По мнению А.А. Тишкина (1998, с. 90), племена, мигрировавшие начиная с VII в. до н. э. с территории Горного Алтая, послужили основой для сложения здесь быстрианской культуры. На пришлый сакский элемент как один из компонентов формирования быстрианской культуры указывает и В.А. Могильников (1999а, с. 136).

Погребальные памятники раннесакского времени (VII – начало VI в. до н. э.) северо-западных предгорий Алтая и прилегающих районов Восточного Казахстана П.И. Шульга первоначально предложил разделить на пять групп, за которыми, по его мнению, стоят определенные этнические образования (Шульга, 1999, с. 246). Позднее число таких групп было увеличено вдвое, так как «практически каждый могильник имеет свои специфические особенности» (Шульга, 2008, с. 15). В первую группу он включил курганы с каменной кольцевой оградой, в центре которой находилась могильная яма с подбоем вдоль длинной стенки. Погребенных укладывали в подбой вытянуто на спину, головой на запад, северо-запад или север. Во входную яму помещали лошадь и барана (Солонечный Белок, курганы 1 и 2; Майэмер II; Машенка I, курган 1; Чекановский Лог-10). Сюда же он включает курган 5 могильника Карбан I на Катунь. Во вторую группу входят погребения могильника Чесноково I на реке Чарыш, которые имеют сходное с первой группой устройство могил под кольцевыми или подквадратными каменными выкладками. В трех из шести изученных здесь захоронений погребения были совершены в небольших подбоях.

Умершие укладывались вытянуто на спину, головой на северо-запад или северо-восток. В одном случае рядом с умершим на приступке находились остатки шкур двух лошадей. Особенностью погребального обряда этой группы является наличие в заполнении могил двух поминальников, включавших керамику, изделия из кости, обломки зернотерок, черепа и кости лошади, овцы, диких животных и, возможно, крупного рогатого скота. В трех случаях могилы дополнены подзахоронением людей (Шульга, 1998а, с. 379–384). Такое разнообразие и неустойчивость погребальной обрядности населения северо-западных предгорий Алтая – следствие географического положения региона, являвшегося контактной зоной и заселявшегося разнородными группами населения (Шульга, 2008, с. 16).

Среди погребений конца VII – первой половины VI в. до н. э. могильника Гилево-10 из этого же региона зафиксированы погребения в каменных ящиках, впущенных в глубокие могильные ямы, в могильных ямах с подбоем, в грунтовых ямах с уступами в придонной части, в простых грунтовых ямах. Погребаемых укладывали вытянуто на спину, головой на север или восток. Захоронения сопровождали лошади и бараны. Туши животных или их головы, а также сбруя укладывались либо в могильную яму на перекрытие или специальный уступ, либо в отдельные ямы (Шульга, 2003, с. 522–524; 2008, с. 15). Сбруйные наборы и особенно боевые пояса находят ближайшие аналогии в памятниках VII–VI вв. до н. э. Центрального Казахстана и Южного Зауралья. По совершенно справедливому замечанию П.И. Шульги, наблюдаемая в этом могильнике вариативность погребальной обрядности является отражением сложного процесса консолидации различных этнокультурных групп и определенного уровня их общественной организации (Шульга, 2003, с. 524).

Территориально, хронологически и культурно к могильнику Гилево-10 близок одиночный курган Кондратьевка XXI, датированный концом VII – началом VI в. до н. э. Здесь, под курганной насыпью, внутри каменной кольцевой выкладки, выявлены погребение человека (могила 1) и яма с захоронением трех лошадей и двух баранов, вместе с которыми находилась сбруя лошади (могила 2). Захоронение человека, лежащего вытянуто на спине, головой на ССЗ, совершено в долбленной из цельного ствола дерева колоде. Колода помещена на дно глубокой могильной ямы подпрямоугольной формы с бревенчатым перекрытием (Алехин, Шульга, 2003, с. 62–70).

Отмечая, что большинство раннескифских могильников и отдельных захоронений в северо-запад-

ных предгорьях Алтая тяготеет к тасмолинской культуре, П.И. Шульга вполне обоснованно считает, что они «не могут считаться тасмолинскими, чиликтинскими и тем более бийкенскими или алдыбельскими, поскольку имеют от них существенные отличия и не вписываются в эти достаточно стабильные этнокультурные образования» (Шульга, 2003а, с. 3).

Из комплексов северо-западных предгорий Алтая особенно интересно погребение в кургане 1 могильника Машенка 1 (конец VII – начало VI в. до н. э.). Здесь исследована могильная яма с подбоем, закрытым каменными плитами. Во входной яме обнаружены оседланная и взнузданная лошадь и овца. В подбое помещалась молодая женщина, уложенная вытянуто на спину, головой на север. Справа у ее пояса находилась кожаная сумочка с бронзовым зеркалом, костяной трубочкой, костяным гребнем, кусочком обработанного дерева и кожаным мешочком с красной и черной краской. Наиболее близкие аналогии погребальному обряду и инвентарю данного кургана П.И. Шульга находит в памятниках Центрального Казахстана (Шульга, 1998, с. 37). Напомним также, что наборы, почти аналогичные предметам из кожаной сумочки могильника Машенка 1, обнаружены в ряде погребений VII–VI вв. до н. э. Южного Зауралья и Северного Казахстана (Таиров, Бушмакин, 2001; 2001а). Однако ни в Центральном Казахстане, ни в Южном Зауралье в могильных ямах с подбоем раннесакского времени ни разу не зафиксировано случая размещения во входной яме или в погребальной камере лошадей, их шкур или черепов. Не отмечено также ни одного факта обнаружения в таких погребальных сооружениях наборов конской узды.

По определению С.С. Тур (1997, с. 141), «череп из Машенки сближается с восточноазиатскими монголоидами Северного Китая». Как считает П.И. Шульга, данное обстоятельство, а также близость рассматриваемых погребений к более поздним захоронениям сюнну в Северном Китае «позволяет допустить присутствие в VII – начале VI в. до н. э. в примыкающей к Алтаю Джунгарской межгорной впадине культуры, близкой тасмолинской Центрального Казахстана». Выделенная же группа памятников отражает, по его мнению, существование в VII–VI вв. до н. э. на Северо-Западном Алтае, в Восточном Казахстане и в Джунгарской впадине особой культурной общности, становление которой, вероятно, связано не только с перемещением населения между этими областями, но и притоком его из казахских степей и, возможно, Восточного Туркестана (Шульга, 1998, с. 49; 1999, с. 247).

Следует отметить, что, по мнению ряда исследователей, вполне вероятно миграция в VII в. до н. э. какой-то родовой группы из северо-западных предгорий Алтая в верховья Енисея (Тува). Показателем ее является распространение узды с U-образными псалями (Бородаев, 1993, с. 152, 155; 1998, с. 72, 73; Кубарев, 1997, с. 9; 1998, с. 77; Чугунов, 2001, с. 177; с оговорками Могильников, 1999, с. 135). Вероятно, с этим движением связано появление такой узды на Катунь (Суртайка I), в северных предгорьях Алтая (Абдулганеев, Панин, 1999, рис. 3, 6–10, с. 12). Впрочем, как указывает Вл. А. Семенов, при всей заманчивости этой гипотезы стоит помнить о различиях в погребальной обрядности населения Тувы и северо-западных предгорий Алтая (Семенов, 2011, с. 383). П.И. Шульга, дополнив список аналогий в инвентаре двух этих регионов и отметив различия в погребальной обрядности, считает, что «отмеченная близость материальных комплексов не может быть объяснена непосредственным проникновением населения» (Шульга, 2008, с. 16, 17).

Яркие сакские черты в погребальном инвентаре демонстрируют, по мнению А.Л. Кунгурова, комплексы раннего этапа (конец VII – VI в. до н. э.) староалейской культуры из могильников Малого Гоньбинского Кордона под Барнаулом. К таковым относятся бронзовые зеркала с бортиком или без него, с центральной ручкой-петелькой, бронзовые двухлопастные втульчатые и трехлопастные черешковые наконечники стрел, бронзовые и железные булавки, каменные овальные жертвенники без ножек, золотые нашивные бляшки с изображением львов. Все аналогии этому «вещевому набору уходят в южные и юго-западные области Евразии» (Кунгуров, 1999, с. 92–98). Одной из основных определяющих черт староалейской культуры являются грунтовые могильники с расположением могил рядами. Неглубокие могильные ямы подпрямоугольной (преимущественно) или овальной формы, ориентированы преимущественно по линии ЮЗ–СВ. Ямы перекрывались деревом, на дне их сооружалась дощатая рама. Покойного укладывали вытянуто на спину, головой в основном на юго-запад. Набор погребального инвентаря в целом совпадает с общим стандартом для могильников сакского времени азиатской части степной Евразии (Фролов, 2007, с. 17–21).

Как считает А.Л. Кунгуров, погребальный инвентарь характеризует этот раннескифский комплекс как «пришлый, инородный в Верхнем Приобье». Придя в VII в. до н. э. в Верхнее Приобье, эти переселенцы, «имеющие культуру, родственную сакской», постепенно оттеснили отсюда племена большебереченцев в верховья Оби (Кунгуров, 1999, с. 92–98)⁴. Приход

«групп населения культур раннескифского круга» в степи Обь-Иртышского междуречья произошел, возможно, несколько ранее. По мнению Д.В. Папина и Я.В. Фролова (Папин, Фролов, 2006, с. 49; Фролов, 2007, с. 22), на Кулундинской равнине эти группы присутствуют уже в VIII–VII вв. до н. э., о чем говорят массовые находки здесь предметов конской упряжи, оружия и изделий, выполненных в скифо-сибирском зверином стиле, при отсутствии погребальных памятников этого времени. В VIII–VII вв. до н. э. зона распространения большереченской керамической традиции ограничивалась Приобьем. Картографирование же городищ юга Западной Сибири показало, что все они располагаются по кромке лесостепи, прикрывая ее внутренние районы от угрозы со стороны степи Обь-Иртышья. Интересно отметить, что люди, погребенные в Бобровском грунтовом могильнике VIII–VI вв. до н. э. большереченской культуры, убиты наконечниками раннескифских типов (Шамшин и др., 1996, с. 71, рис. 4, 4–6). Но в то же время в антропологической серии этого могильника выделяется группа мужских погребений с северо-западной ориентацией и краниологическими параметрами, характерными для «ранних скифов» степной зоны Верхнего Приобья. Как считает С.С. Тур, эти погребения наиболее целесообразно связывать с проникновением в большереченскую среду «ранних скифов» (Тур, 2001, с. 73). На самой же Кулундинской равнине погребальные памятники VIII–VII вв. до н. э. пока не обнаружены, а наиболее ранние могильники кочевнического облика датируются здесь VII–VI вв. до н. э. Не исключено, считают Д.В. Папин и Я.В. Фролов (2006, с. 50), что Кулундинские степи в VIII–VII вв. до н. э. являлись районом летних кочевий населения Рудного и Горного Алтая, а также Восточного Казахстана.

Фролов Я.В. (2007, с. 21) отмечает, что в начале скифского времени в Верхнем Приобье происходит резкая смена традиций погребения людей. Эти изменения «все исследователи связывают с продвижением на эту территорию нового населения – носителей традиций культур сакского круга». Так, по мнению Д.В. Папина и Я.В. Фролова, формирование культур раннескифского времени в степной зоне Обь-Иртышского междуречья происходит «на основе саргаринско-алексеевского и, возможно, бегазыдандыбаевского населения при влиянии пришлых элементов». Скифские же культуры VII–VI вв. до н. э. Верхнего Приобья (быстрянская, староалейская, каменская) «формируются не на основе местного населения переходного времени, а под влиянием мигрантов из других регионов. Каменская культура включает черты степной саргаринско-алексеевской

культуры, а староалейская и быстрянская – отдельные традиции населения переходного времени. Причем ни в староалейских, ни в быстрянских комплексах черт материальной культуры переходного времени практически не прослеживается... Все культуры скифского круга на Верхней Оби формируются при взаимодействии мигрантов из других регионов и местного населения. Причем традиции местных культур переходного времени от бронзы к железу подавляются пришельцами, и лишь отдельные элементы включены в новые культурные образования» (Папин, Фролов, 2006, с. 50, 51).

Погребальные традиции населения Верхнего Приобья демонстрируют, считает Я.В. Фролов, два направления связей. Первое представлено некрополями Юго-Восточного Приаралья, Северного, Центрального и Восточного Казахстана. Эта традиция погребального обряда оказала непосредственное влияние на формирование ритуала захоронений каменной культуры и в какой-то мере староалейской. Специфические же особенности инвентаря позволяют связывать один из компонентов сложения староалейской погребальной обрядности с другими территориями – «с северными предгорьями Алтая, долиной Средней Катунь, Тувой, Минусинской котловиной, возможно, Монголией и северным Китаем (Ордосом и сопредельными территориями)» (Фролов, 2007, с. 23, 24).

Погребальные памятники раннесакского времени казахстанской части Алтая представлены курганами с каменной, каменно-земляной, земляной насыпью. А. Жунисхановым все они разделены на семь типов по сходству конструкций подкурганых сооружений и могильных ям, по признакам погребального обряда (Жунисханов, 2014, с. 139–141). Первый представлен кольцевой конструкцией под курганной насыпью, в центре которой находятся две неглубокие ямы для раздельного захоронения человека и лошади. Положение погребенного – скорченно на левом боку, головой на северо-запад. Второй тип характеризуется подквадратной или овальной подкурганной конструкцией и неглубокой овальной или подквадратной могильной ямой. Умерших укладывали в скорченном положении на левый (реже правый) бок, головой на юг, иногда на юго-запад. К третьему типу относятся курганы с каменной насыпью и могильной ямой с каменным ящиком в ней. Курганы с каменной насыпью и могильной ямой, в которую впущен деревянный сруб с ложем, образуют четвертый тип погребальных памятников. К пятому типу относятся курганы с земляной насыпью, под которой находится могильная яма с подбоем в северной стенке. Жертвенные животные укладывались в одной яме

с человеком, между ними устанавливался заслон, или же усопшие помещались в отдельный ящик или саркофаг. После совершения захоронения входная яма заполнялась каменными плитами. Погребальные памятники шестого типа представляют собой захоронения на дневной поверхности с дромосами, идущими с восточной стороны. Седьмой тип – погребения в могильных ямах с подбоем в северной части. Умерших укладывали в вытянутом положении, головой на запад.

Среди памятников ранних кочевников Усть-Каменогорского микрорайона известны как курганы с каменными овальными, округлыми или прямоугольными оградками под насыпью, так и каменные оградки без насыпи. Умерших укладывали вытянуто на спину, головой на запад с отклонениями к северу или югу, в грунтовые ямы, изредка в каменные ящики. Причем северо-западная ориентировка погребенных и размещение их в каменном ящике более характерны для памятников раннесакского времени. Иногда умерших сопровождала лошадь (Герасимовка, курган 28; Меновое VIII, курган 6). Порой в могильную яму помещали набор конской упряжи (Герасимовка, ограда 22). Найдено здесь и погребение в могильной яме с подбоем (Герасимовка, ограда 28) (Ткачев, Ткачева, 1999, с. 141, 142; Ткачев, Тишкин, 1999, с. 194, 195, рис. 1; 2).

В пределах казахстанского Алтая зафиксированы погребения в подбое без помещения во входную яму лошади или предметов конского убора. Мы имеем в виду погребения в могильнике Маймер II и в ограде 23 могильника Тар-Асу (Самашев и др., 1998, с. 155–160). Набор наконечников стрел из Маймера II позволяет датировать это погребение VIII–VII вв. до н. э.

Как уже отмечалось, в Северном и Центральном Казахстане известны каменные кольцевые оградки без могильных ям внутри них, но с предметами конской упряжи внутри оградки или под ее камнями. В Восточном Казахстане к этому типу памятников, возможно, относится находка в ограде 17 могильника Измайловка (Ермолаева, 1987, с. 69–72, рис. 31–33; Бейсенов, Смаилов, 1998, с. 272). Здесь же, в Усть-Каменогорском микрорайоне, обнаружена прямоугольная ограда, в восточную стенку которой встроены округлый жертвенник, содержащий набор конской упряжи (Меновое VIII, ограда 29). В центре ограды находился каменный ящик, впущенный в грунтовую яму (Ткачев, Ткачева, 1999, с. 141). На Южном Алтае в могильнике Кок-су I исследовано кольцо диаметром 3,5 м, сложенное из тринадцати крупных камней. В его центре, в небольшом углублении, вместе с фрагментами костей лошади найден уздечный на-

бор, состоящий из удил, псалиев, трочных пряжек и пронизи для перекрестных ремней (Сорокин, 1969, с. 249, рис. 2; 1974, с. 75, 79, рис. 2, 1–6). Псалии с Т-образными выступами из Кок-су аналогичны псалиям из Северного Казахстана (Грязнов, 1956, с. 13, рис. 3, 9, 10). К этому же типу памятников относится, по нашему мнению, кольцо из семи массивных каменных глыб, исследованное к юго-западу от кургана 2 Майэмира. Здесь под самой большой глыбой найден клад («Майэмирский клад»), состоящий из предметов упряжи, в том числе и пяти золотых округлых пластин с изображением свернувшегося в кольцо хищника (Киселев, 1947, с. 159, 160; Грязнов, 1947, с. 11, рис. 4, 1, 2, 8). Как правило, большинство этих комплексов, в том числе и комплекс Талдысая (рис. 11, 44–46), по предметам конской упряжи датируется в рамках второй половины VIII – VII в. до н. э. (Марсадолов, 1998, с. 5, 12, рис. 1; Шульга, 1998, с. 34; Горбунова, 2001, с. 193, 194).

В Алакульской котловине (Джунгарская впадина) погребения в могильных ямах с подбоем выявлены в кургане 2 могильника Арасан I и кургане 4 могильника Джарбулак. В первом случае умершая лежала вытянуто на спине, головой на запад, во втором – вытянуто на спине, головой на северо-запад. В обоих погребениях найдены бронзовые зеркала с бортиком и центральной ручкой-петелькой на обороте (Кушаев, 1968, с. 143–145).

Наличие в памятниках скифского времени Северного Китая сакских черт в погребальном обряде (положение умерших вытянуто на спине, головой в северный сектор, размещение в могильной яме или на ее перекрытии в определенном порядке черепов, фаланг, копыт и лопаток животных) и в инвентаре (керамика, украшения, предметы вооружения, бронзовые наборные пояса и т.п.) позволяет, как считает Н.В. Полосьмак, говорить о присутствии в неоднородной среде населения этого региона сакского этнического компонента. Ближайший аналог погребальному обряду скифского времени Северного Китая она находит в погребении 1 могильника Сибирка (V–III вв. до н. э.) на Северо-Западном Алтае. Появление же этого комплекса на Алтае связано, по ее мнению, с миграцией представителей тасмолинской культуры Центрального Казахстана через Алтай в Северный Китай, где они явились «одним из источников формирования особой протосюнунской культуры». «Центральный Казахстан, Северо-Западный Алтай, Западная Монголия... Северный Китай – таков вероятный путь и место сложения одного из компонентов культуры сянну» (Полосьмак, 1990, с. 104, 105)⁵.

В подтверждение этого положения А.З. Бейсенов и Д.А. Кожиков (Бейсенов, Кожиков, 1999, с. 28) указывают еще на три памятника – два с территории Горного Алтая (Кер-Кечу, курган 9; Елангаш, курган 2) и один из Восточной Монголии (Хоолтын-Гол), в которых погребение человека сопровождалось размещением у изголовья покойных черепов животных.

Сразу отметим, что конструкции погребальных сооружений, ориентировки погребенных, места размещения черепов животных и датировки этих памятников различны. В кургане 9 могильника Кер-Кечу (V–IV вв. до н. э.) захоронение совершено в каменном ящике, впущенном в грунтовую яму. Погребенный уложен вытянуто на спину, головой на восток. Черепа двух коз и лошади находились на уровне перекрытия ящика. Как отмечает В.А. Могильников, размещение головы и лопатки лошади на уровне перекрытия каменного ящика имеется и в других погребениях кара-кобинской культуры (Могильников, 1988, с. 68, 72, 73). В кургане 2 могильника Елангаш умерший ребенок лежал в листовидной колоде скорченно на боку, головой на северо-восток. За пределами колоды, в северном углу могильной ямы, находились четыре козлиных черепа. Данное погребение авторы раскопок отнесли к IV–II вв. до н. э. (Кубарев, Гребенников, 1979, с. 70, 71). По мнению же В.А. Могильникова (1988, с. 73, 74), оно может быть датировано III–II вв. до н. э., а обнаружение в нем черепов коз можно объяснить влиянием погребальной обрядности хунну.

Погребение 1 в местности Хоолтын-Гол находится на реке Керулен, на крайнем востоке Монголии. Захоронение совершено в простой грунтовой яме, перекрытой каменными плитами. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на север. Череп лошади, ее копыта, а также череп барана были помещены в подбойную нишу, сделанную в северной стенке могильной ямы выше ее дна. Погребальный инвентарь представлен четырьмя бронзовыми черешковыми наконечниками стрел, костяной пряжкой и двумя бронзовыми полусферическими бляшками с петлей на обороте. И.В. Асеев на основании наличия трехгранных черешковых наконечников датировал погребение V–III вв. до н. э. (Асеев, 1975, с. 183, 186. Табл. IV). Однако все наконечники из этого погребения, как трехлопастные, так и трехгранные, имеют длинный раскованный клинообразный черешок, характерный для наконечников VII–VI вв. до н. э. Для наконечников же V–III вв. до н. э. типичен более короткий, иногда круглый в сечении, черешок. Поэтому данное погребение совершено, на наш взгляд, не позднее VII–VI вв. до н. э.

Таким образом, среди памятников раннесакского времени Алтая и прилегающих к нему территорий выделяется группа комплексов, близкая по погребальному обряду к памятникам кочевников тасмолинской общности в целом или тасмолинской культуры Центрального Казахстана в частности. Это погребения, где умершие лежат вытянуто на спине, головой на запад, северо-запад, север или северо-восток. Изредка эти погребения совершались на поверхности древнего горизонта, гораздо чаще – в простых грунтовых ямах или ямах с подбоем вдоль длинной стенки. Часто в сакральное пространство могильной ямы, будь то простая яма или яма с подбоем, помещали лошадь или ее макет (шкура с головой). Инвентарь этих погребений, особенно снаряжение коня, находит ближайшие аналогии в тасмолинских памятниках Центрального Казахстана.

Причину такого сходства погребального обряда населения северо-западных предгорий Алтая и Центрального Казахстана П.И. Шульга видит в том, что этот регион являлся контактной зоной между племенами Казахстана, степей и гор Алтая. «Именно здесь проходили уже с VII в. до н. э. степняки из Казахстана на Алтай и далее на север вдоль Оби и фаса Алтайских гор» (Шульга, 2003а, с. 3). Мы же считаем, что в основе определенной близости культур ранних кочевников Алтая и Казахстана раннесакского времени, прослеживаемой прежде всего в инвентаре, а также в погребальном обряде, лежит процесс становления культур этого времени степной Евразии.

2. Становление культур ранних кочевников степей Жайык-Иртышского междуречья

Еще С.И. Руденко (1952, с. 250) предположил, что, возможно, в конце VIII – начале VII в. до н. э. часть племен с верховий Иртыша из Зайсанской котловины или с предгорий Тарбагатай распространилась на Горный Алтай и ассимилировала местное население. Ю.Ф. Кирюшин и А.А. Тишкин, обобщив материалы раннесакского времени Центрального Алтая, пришли к выводу, что корни раннесакской культуры этого региона «следует искать к юго-юго-востоку от Центрального Алтая», в Северо-Западной Монголии и близлежащих к Алтаю районах Китая. «Первые проникновения носителей раннесакской культуры происходят, возможно, уже в конце IX в. до н. э., в начале же VIII в. до н. э. это явление приобрело массовый характер». Эту подвижку древнего населения вслед за Д.Г. Савиновым (1991, с. 94) Ю.Ф. Кирюшин и А.А. Тишкин синхронизируют с конкретным историческим событием – «концом государства Западные Чжюу в 770 г. до н. э. под давлением кочевых пле-

мен Центральной Азии» (Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 111). Развивая ранее высказанные положения, А.А. Тишкин предложил название «бийкенская» для культуры раннесакского (раннесакского) времени Горного Алтая. Хронологические рамки существования этой культуры – конец IX – вторая-третья четверти VI в. до н. э. Исходные компоненты культуры, по всей видимости, находились за пределами Горного Алтая, ибо, как подчеркивает А.А. Тишкин, «памятники эпохи поздней бронзы, с которыми можно было бы их связать, в горах не обнаружены». Выделив в бийкенской культуре три этапа ее развития, А.А. Тишкин считает, что начало семисартского этапа (вторая половина VIII – первая половина VII в. до н. э.) «связано с падением в Китае династии Западные Чжюу в 770 г. до н. э., что стало причиной массовых миграций» (Тишкин, 2005, с. 322–327; 2006, с. 23–25). Однако, на наш взгляд, этот процесс миграции был гораздо шире и охватывал не только Саяно-Алтай (Васютин, Садовой, 1999, с. 36), но и территории к западу от него – Восточный Казахстан, Семиречье (Жетису), Приаралье и степи Жайык-Иртышского междуречья.

Немногочисленность комплексов поздней бронзы в районе локализации памятников тасмолинской культуры на востоке Центрального Казахстана, в Павлодарском Прииртышье, отсутствие здесь памятников переходного времени, а также отдельные параллели в инвентаре погребений VII–VI вв. до н. э. с материалами IX–VII вв. до н. э. Восточного Казахстана (Зевакино, Измайловка) привели Г.Ю. Пересветова и С.В. Куропятникову к выводу о «пришлости населения сакского типа на данную территорию» из районов Восточного Казахстана. Возможно, что в Восточном Казахстане и находился очаг формирования раннесакских культур Казахстана (Пересветов, 2001, с. 285; Пересветов, Куропятникова, 2002, с. 130). Однако А.С. Ермолаева, характеризуя Измайловский погребальный комплекс, подчеркивает, что «полученный из раскопок материал пока не дает возможности с уверенностью говорить об этногенетической преемственности культур эпохи поздней бронзы и раннего железа» (Ермолаева, 1987а, с. 162).

Как совершенно справедливо отметили М.А. Итина и Л.Т. Яблонский (2001, с. 107), при рассмотрении на высоком таксономическом уровне вполне документированно выглядит гипотеза о прямом и непосредственном происхождении локальных вариантов сакских культур от срубной или андроновской, о среднеазиатско-казахстанском генезисе культур сакского круга. Однако «на уровне локальных этно- и расогенезов, в узкорегionalном смыс-

ле тезис о прямой преемственности населения двух эпох уже не кажется столь убедительным». Мы согласны и с их утверждением, что «рассмотрение материалов на региональном уровне не дает оснований говорить о постепенности трансформационных процессов при формировании культур сакского типа. Скорее, речь может идти не о плавной трансформации, а ...о появлении на территории Средней (Центральной. – А.Т.) Азии и Казахстана гетерогенных объединений всадников-мигрантов, не имеющих здесь собственных этногенетических корней и привнесших сюда элементы собственной этнической культуры и новый геном, фенотипически включающий комплекс монголоидных краниологических признаков» (Итина, Яблонский, 2001, с. 108; Яблонский, 2003, с. 203).

Рассматривая этническую ситуацию в степях Евразии в бронзовом и раннежелезном веках, к весьма интересным выводам пришел И.В. Пьянков. Он, в частности, констатирует, что преемственность между населением эпохи бронзы и ранними кочевниками выражается лишь «в их общей ираноязычности», в остальном же «это разные народы». Причем различия эти не могут быть результатом естественной эволюции и «могут быть объяснены лишь влиянием этнического суперстрата» (Пьянков, 2014, с. 147).

И еще одно замечание. Межгрупповой анализ краниометрических признаков методом главных компонент 41 краниологической серии Западной Сибири, Алтая, Центральной (Средней) Азии, Казахстана и Северо-Западного Китая эпохи бронзы и раннего железного века привел Т.А. Чикишеву к неожиданному, на ее взгляд, результату: «морфологический комплекс андроновского расового типа не улавливается в большинстве групп носителей скифо-сакских культур, и андроновский антропологический пласт не может рассматриваться как исходный тип для основного массива скифо-сакского населения Средней Азии, Казахстана, Южной Сибири и Центральной Азии» (Чикишева, 2000а, с. 118).

К такому же выводу пришел и Л.Т. Яблонский, который отмечает, что «палеоантропологические материалы при анализе их на популяционном уровне отнюдь не свидетельствуют о всеобщей «андроноидности» физического типа сакского населения Средней Азии и Казахстана» (Яблонский, 2003, с. 203). Он же констатирует, что «именно в раннесакскую эпоху на территории Казахстана и Средней Азии появляются популяции, носители мезо-брахи-кранного с более или менее выраженной монголоидной примесью антропологического комплекса, неизвестного до того в центральном степном ареале классической андроновской культуры» (Яблонский,

2015, с. 114). Анализ же археологического и антропологического материала из Южного Приаралья приводит Л.Т. Яблонского к ряду чрезвычайно важных, с нашей точки зрения, выводов: «1. Гипотеза о непосредственном перерастании культур андроновского типа в культуры сакского типа не подтверждается ни со стороны археологических, ни со стороны антропологических данных при рассмотрении ее на уровне локальных этногенезов. 2. Именно для эпохи формирования культур сакского типа впервые на территории степной части Средней Азии и Казахстана фиксируется монголоидная примесь... 3. Изменение характера антропологического покрова этих территорий со всей очевидностью фиксирует факт миграции саков. Монголоидная примесь не может иметь западное, южное или кавказское происхождение. Поэтому предположение о восточной (по отношению к Приаралью) прародине саков представляется вполне обоснованным... 5. Сформулированы две гипотезы о происхождении монголоидной примеси у саков Приаралья – центральноазиатская... и южносибирская...» (Яблонский, 2015, с. 160). Южносибирская гипотеза была предложена самим Л.Т. Яблонским, исходя из фиксируемого антропологического сходства сакского населения Южного Приаралья с карасукским населением Минусинской котловины (Яблонский, 1996, с. 57–59).

Исследование небольшой серии черепов из погребений раннесакского времени Южного Зауралья показало, во-первых, что как у мужчин, так и у женщин отмечается небольшая примесь монголоидности. Во-вторых, генезис населения этого времени не связан с населением предшествующего финального этапа эпохи бронзы (Китов, Хохлов, 2013, с. 280, 281). Р.М. Юсупов (2002, с. 30) отмечает, что краниологический материал савроматского времени Южного Урала «не выявил прямых расогенетических связей южноуральских савроматов с предшествующим населением эпохи бронзы». Однако столь категоричные утверждения вряд ли правомерны, тем более что исследование краниологического материала савроматского времени из района Орска (могильники Новый Кумак, Ново-Орский I и II) позволяет «предполагать автохтонное развитие части савроматского населения на основе южноуральской популяции, населявшей эти районы еще в эпоху средней бронзы» (Хохлов, Фризен, 2004, с. 259).

На наш взгляд, материалы погребальных памятников эпохи поздней бронзы и раннесакского времени степей Жайык-Иртышского междуречья полностью подтверждают наблюдения палеоантропологов.

2.1. Погребальные памятники населения Южного Зауралья, Северного и Центрального Казахстана в конце эпохи бронзы

В степной части Южного Зауралья погребальные памятники финальной бронзы (всего двадцать семь погребений в семнадцати курганах и два грунтовых захоронения) можно разделить на две хронологические группы. Подавляющее большинство погребений относится к последним векам эпохи бронзы. Временем перехода к раннему железному веку датируются погребения одиночного кургана Макан I, курганной группы Верблюжь Горки и вводное погребение 2 кургана 1 на раскопе IV Лисаковского могильника.

Памятники «ранней» группы (последних веков эпохи бронзы) представлены небольшими каменными или преимущественно земляными курганами, под насыпью которых иногда прослеживаются прерывистые кольцевые ровики. Обнаружены погребения в культурном слое поселения и под прямоугольной каменной оградкой. Захоронения совершались как на уровне древней поверхности или материка, так и в неглубоких могильных ямах подпрямоугольной или овальной формы (рис. 14). В первом случае – это вторичные захоронения, в которых кости умерших сложены кучкой. Во втором случае умерших укладывали в основном в сильно скорченной позе на бок или (реже) на спину, головой на юг, ЮЮВ, ЮЮЗ, запад или восток. Зафиксировано перекрытие могильных ям деревом или каменными плитами. Известно также погребение, совершенное по обряду трупосожжения в могильной яме (Дружный XIVa). Погребальный инвентарь обычно исчерпывается керамикой. Найдены также мелкие бронзовые украшения, костяной штамп, бронзовые ножи, обломок оселка. На подкурганной площадке иногда встречаются угли, керамика (как целые сосуды, так и их фрагменты), кости домашних животных (Сальников, 1951, с. 118, 119; 1952, с. 14–17; 1967, с. 273; Смирнов К.Ф., 1964, с. 32; Дрябина, 1978, с. 9–12; Костюков, 1999; Костюков, Епимахов, 2003, с. 279–281; Костюков, Ражев, 2004, с. 129–137; Костюков и др., 1996, с. 151–163; Гарустович, 2000, с. 123–128; Сляднев, 2001, с. 33–35; Vinogradov, Epimakhov, 2000; Епимахов, 2009, с. 73–79; 2010, с. 40–44).

Специфику «поздней» группы определяют западная ориентировка и слабая скорченность покойников, обнаружения железных ножей и втульчатых костяных наконечников стрел (Костюков, Епимахов, 2005, с. 70–76; Епимахов, Таиров, 2013, с. 220, 221).

В Северном Казахстане погребальные сооружения саргаринско-алексеевской культуры эпохи поздней бронзы (всего около 30) представлены не-

большими каменными оградками круглой, овальной, квадратной или прямоугольной формы (рис. 15). Сопровождены они из плит, сложенных плашмя в один-два слоя или вкопанных вертикально. В средней части всех исследованных оградок зафиксированы каменные набросы. Обнаружены конструкции, состоящие из двух-трех вписанных друг в друга колец или прямоугольников. Вторым типом надмогильных конструкций является каменный наброс из уложенных плашмя плит. Могильные ямы небольшие, преимущественно овальные, около трети ям имело прямоугольную форму. Изредка стенки ям частично обкладывались камнем. В ряде случаев в ямах выявлены каменные ящики. Умершие захоронены в скорченном положении на боку, ориентировка их неустойчива – головой на юг, восток, юго-запад, запад и северо-запад. Основным сопроводительным инвентарем является керамика (Зданович С.Я., 1979, с. 10, 11; Мартынюк, Зданович, 1985, с. 142–152; Зданович Г.Б., 1988, с. 151. Табл. 10, Г).

Анализируя погребальный обряд ранних кочевников Северного Казахстана, М.К. Хабдулина отмечает, что он как целостно оформленная система отличается от погребального ритуала предшествующей эпохи бронзы. Однако, по ее мнению, если разбить его на отдельные составляющие элементы, то проступает генетическая преемственность, единая линия эволюции. Наиболее ярко эта преемственность выражена в немногочисленных памятниках переходного периода (конец IX – VIII в. до н. э.). К элементам обряда позднебронзового времени она относит незначительную глубину могильных ям, погребения на горизонте или материке, скорченное положение умерших, неустойчивость ориентировки, погребения с сосудами (Хабдулина, 1994, с. 19).

Сразу отметим, что, насколько нам известно, погребений эпохи поздней бронзы на горизонте или материке в Северном Казахстане не зафиксировано. Из комплексов, причисляемых М.К. Хабдулиной к «переходным» (Берлик II, курган 5; Жабай-Покровка, погребение 170; Бурлук, курган 13), таковыми, на наш взгляд, можно считать лишь два – Берлик, курган 5 и Бурлук, ограда 13. Погребение 170 могильника Жабай-Покровка, где могильная яма, которая содержала захоронение человека в положении «скорченно на боку», ориентированного головой на юго-запад, с сосудом в изголовье, обведена кольцевым ровиком, полностью укладывается в традиции эпохи поздней бронзы. «Переходность» погребения на уровне материка в кургане 5 могильника Берлик выражается в наличии сосуда (рис. 6, 32), стоящего у головы погребенного, лежащего вытянуто на спине, головой на северо-восток (Хабдулина,

1994, с. 19, 20. Табл. 9; 10, 1). Данное погребение М.К. Хабдулина, во многом опираясь на найденный в нем «типично позднебронзовый сосуд», датировала IX–VIII вв. до н. э. (Хабдулина, 1994, с. 66). Однако набор наконечников стрел не позволяет нам принять эту дату. Состоит он из одного двухлопастного наконечника с овально-ромбической формой пера и едва выступающей втулкой и четырех черешковых (трехлопастных и трехгранно-трехлопастного) с длинными раскованными черешками (Хабдулина, 1994, рис. 9, 1–5). Как представляется, курган, возможно, сооружен в конце VIII – VII в. до н. э., но скорее всего, в VII в. до н. э. У погребенных в ограде 13 могильника Бурлук, лежавших скорченно на боку, головой на ССЗ, в ногах обнаружен овальный каменный жертвенник без ножек (Зданович С.Я., 1970, с. 157–160, рис. 1; 3, 14). На наш взгляд, эти памятники отражают не эволюцию погребальной обрядности при переходе от эпохи бронзы к раннему железу, а сосуществование на каком-то промежутке времени двух погребальных традиций. Одна из них продолжает местные традиции эпохи бронзы, а другая, не имеющая местных корней, привнесена извне. Памятником времени перехода к раннему железному веку в Северном Казахстане, синхронным «поздней» группе Южного Зауралья, является, на наш взгляд, курган 1 могильника Берлик. Здесь, под земляной насыпью, выявлены остатки прямоугольной деревянной постройки на древнем горизонте. Захоронение совершено в неглубокой могильной яме внутри постройки. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад (Хабдулина, 1987, с. 8, рис. 1, 1–6; 1994, с. 20–21, 68. Табл. 13, 1–6)

Анализируя находки фрагментов керамики и целых сосудов в памятниках кочевников VIII–VI вв. до н. э. Алтая и сопредельных с ним регионов, Л.С. Марсадолов наметил «обширный пласт синхронных памятников, в неграбленных курганах которых встречаются не целые глиняные сосуды, а только отдельные фрагменты керамики, т. е. сосуды не ставились рядом с погребенным человеком, но использовались в погребально-поминальных ритуалах». Этот пласт составляют, по его мнению, памятники Алтая, Центрального Казахстана и Тувы, где целые сосуды в погребении человека не встречаются или встречаются чрезвычайно редко (Марсадолов, 2004, с. 39). Заметим, что в Центральном Казахстане все целые керамические сосуды происходят из комплексов курганов с «усами» (Маргулан и др., 1966, с. 392–394), которые, как мы уже отмечали, не связаны с тасмолинской культурой (Боталов и др., 2006).

В намеченный Л.С. Марсадоловым пласт памятников VIII–VI вв. до н. э. следует включить памятники

Северного Казахстана и Южного Зауралья, а также, возможно, культуру плиточных могил Забайкалья, Монголии и части Северного Китая. Как отмечает А.Д. Цыбиктаров, в погребальных сооружениях культуры плиточных могил керамика представлена, как правило, фрагментами, целых же глиняных сосудов в могилах нет – возможно, на размещение их в захоронениях существовали какие-то запреты (Цыбиктаров, 1999, с. 105–109).

В Южном Зауралье фрагменты керамики найдены в насыпи кургана 4 могильника Солнце-Талика и кургана 2 могильника Целинный. Целый сосуд обнаружен под насыпью кургана 1 могильника Система I, который является сооружением, не имеющим следов погребения. По форме и орнаментации эта керамика продолжает традиции эпохи бронзы.

В Северном Казахстане в памятниках VIII–VII вв. до н. э. найдено восемь сосудов, которые М.К. Хабдулина разделяет на две группы. Первая включает типично позднебронзовую керамику, вторая группа представлена керамическими формами, характерными для раннего железного века. Сосуды первой группы найдены под насыпью кургана 1 и в могильной яме кургана 2 могильника Покровка, в погребении на уровне материка кургана 5 могильника Берлик. Сосуды второй группы происходят из кургана 6 могильника Покровка, могильной ямы кургана 7 могильника Улубай и из кургана 10 могильника Бектелиз (Хабдулина, 1994, с. 63. Табл. 59, 1, 5–8). На наш взгляд, наличие в Северном Казахстане погребений VIII–VII вв. до н. э. с сосудами в могильных ямах является отражением сосуществования двух погребальных традиций – автохтонной и привнесенной.

Погребальные памятники степного Обь-Иртышья XII–IX (VIII) вв. до н. э. представлены как курганными могильниками, так и грунтовыми погребениями. Все погребения одиночные и совершены по обряду труположения в подпрямоугольных или подовальных могильных ямах. Положение погребенных – скорченно на правом или левом боку, в одном случае умерший лежал на правом боку с небольшим разворотом на спину. Уложены они головой на северо-восток, юго-восток или юго-запад, иногда на юг. Сопроводительный инвентарь представлен в основном керамикой, в ряде случаев также найдены бронзовые украшения и предметы труда. Керамика этих погребений находит ближайšie аналогии в саргаринско-алексеевских и бегазы-дандыбаевских памятниках Казахстана (Папин, Федорук, 2007, с. 81–85).

Отсутствие генетической связи тасмолинской культуры Центрального Казахстана с андроновской отмечала Н.Л. Членова (1983, с. 55, прим. 18). Как считает Л.Р. Кызласов, носители тасмолинской куль-

туры вообще не являются «саками по происхождению», то есть потомками андроновцев. По его мнению, прямым предшественником саков Казахстана является не андроновская культура, а «культура дандыбай-бегазинских памятников», включаемая им в круг культур карасукского типа. «Что касается тасмолинской культуры, то, по нашему мнению, именно ее носители вытеснили предков саков из степей Центрального Казахстана» (Кызласов, 1977, с. 71, 72, 76). Однако еще М.К. Кадырбаев (1968, с. 32) отметил, что «попытки проследить преемственность между дандыбай-бегазинской культурой и культурой типа Тасмола до сих пор не привели к убедительным результатам. Очень интересную картину демонстрирует сравнение погребального обряда некоторых курганов ранних кочевников с памятниками позднеалакульского и замараевского времени, минуя дандыбай-бегазинскую культуру»⁶. Параллельно этой культуре, по его представлениям, в Центральном Казахстане существовала замараевская культура, представленная как поселениями, так и погребальными памятниками (Кадырбаев, 1968, с. 32–34)⁷. Новые исследования в Центральном Казахстане позволили В.В. Варфоломееву объединить обе эти культуры в рамках единой дандыбай-саргаринской культуры эпохи поздней бронзы. Погребальные сооружения этой культуры он разделил на две группы. Погребения группы I (типы 1–5 – погребальные сооружения) – это захоронения рядового населения или рядовых общинников, погребения группы II (типы 6–16 – мавзолеи) – захоронения лиц высокого социального ранга или правящей знати (Варфоломеев, 1991, с. 13–20; 2003, с. 270, 271; Бейсенов и др., 2014, с. 31).

К началу XXI в. в Центральном Казахстане открыто свыше 130 погребальных сооружений бегазы-дандыбаевской культуры⁸ из более чем 30 могильников. Лишь незначительную их часть (17 объектов) составляют крупные и сложные конструкции, известные в литературе как мавзолеи (Бейсенов и др., 2014, с. 31).

В памятниках I группы (рис. 16) более чем в половине случаев погребения совершены в каменных ящиках на уровне материка или дневной поверхности. Могилы обнесены оградой подпрямоугольной или квадратной формы из каменных плит, уложенных плашмя, иногда в несколько слоев, или установленных вертикально. Отмечены каменные площадки подпрямоугольной формы и овальные каменные выкладки с неглубокой могильной ямой в центре. Почти в четверти случаев погребения в каменных ящиках впущены в могильные ямы, находящиеся внутри прямоугольных оград. Изредка встречаются грунтовые могилы в каменных оградках или без

них, перекрытые каменными плитами. В памятниках II группы (мавзолеи) захоронения находились либо на уровне материка, либо в углубленных в материк могилах-цистах, могилах-ящиках. Преобладают групповые погребения по обряду труположения, трупосождения единичны. В обеих группах покойные лежали скорченно на боку. Изредка встречаются погребения, в которых покойные находятся в положении сидя, животом вниз с ногами, подогнутыми в положении «на левом боку», ничком на животе, на спине с ногами, согнутыми на уровне таза и уложенными в положении «на правом боку». Ориентировка погребенных нестабильна, но преобладает направление головы на северо-восток. Отмечена ориентировка погребенных головой на север, ВСВ, юг, юго-запад, запад, северо-запад. Инвентарь представлен в основном керамикой (Варфоломеев, 1991, с. 13, 14; 1991а, с. 27, 28; 1992, с. 72–76; 2003, с. 271, 272; 2006, с. 88–99; 2007, с. 50–57; Евдокимов, Варфоломеев, 2002, с. 43–54; Ткачев, 2002а, с. 128–145, 201–209; 2003, с. 372; Усманова, Варфоломеев, 1998, с. 59; Бейсенов и др., 2014, с. 31–80).

Не изменило ситуацию и открытие донгальских погребений в могильнике Кызыл (рис. 16, 15, 17, 22–25, 29–33), в каменных конструкциях двух типов. Наземная часть двух сооружений первого типа выполнена в виде подквадратной невысокой кладки размерами 4,8×5,8 – 5,4×6,0 м, из крупных и средних плит в один-два слоя. По углам строений отмечены вертикально установленные камни и плиты. В центральной части кладки фиксируется открытое, свободное от камней пространство над грунтовой могильной ямой. Ямы, ориентированные по линии запад–восток (кенотаф) или север–юг, перекрывались плитами. В могильной яме сооружения 2 погребенный был уложен скорченно на боку, головой на юг. Сооружения второго типа имеют вид прямоугольных и округлых, небрежно выполненных выкладок из плашмя уложенных каменных плит. Захоронения в них совершались в неглубоких округлых или подквадратных грунтовых ямах или в каменных ящиках, перекрытых плитами. Погребенных укладывали скорченно на боку, головой на юг. Как в погребениях второго, так и в погребениях первого типа в изголовье погребенного ставили сосуд (Бейсенов и др., 2013, с. 61–68; 2014, с. 51–60).

В настоящее время в Жайык-Иртышском междуречье выделяется небольшая группа памятников времени перехода к раннему железному веку (рис. 17). На наш взгляд, она включает погребения с западной ориентировкой, где умершие укладывались в слабо скорченном положении (реже в вытянутом): Верблюжь Горки (2 кургана, 5 погребений), Лисаков-

ский I (1 погребение), Первый Макан (1 погребение) и Соколок (?) (1 погребение) в Южном Зауралье, Танаберген II (1 погребение) и Илекшар I (2 погребения) в Южном Приуралье, Берлик в Северном Казахстане (1 погребение), Кудрявая Сопка I (3 кургана, 3 погребения) в Центральном Казахстане (Хабдулина, 1987; Гарустович, 2000; Костюков, Ражев, 2004; Гуцалов, 2004а; Гуцалов, Бисембаев, 2005; Епимахов, 2009; Ломан, Кукушкин, 2009; Епимахов, Таиров, 2013).

Расположение курганных могильников этого времени сильно отличается от большинства некрополей эпохи бронзы и близко к «кочевнической» модели. Практически все курганы имеют каменные насыпи небольшого размера (диаметром до 8 м). Могильные ямы рассчитаны только на размещение тела. Почти половина захоронений – впускные или ярусные. Первые совершены в насыпях более раннего времени, вторые хронологически близки к ним. Доминирующим способом обращения с умершими является ингумация. Погребенного укладывали на спину, часто с небольшим разворотом на бок (чаще всего на левый) и со слегка согнутыми в коленях ногами. Наряду с ингумацией единично зафиксирована кремация. Ориентировка головы в западный сектор может иметь некоторые отклонения, но лицевой отдел почти всегда обращен к северу. Подавляющее большинство погребенных относится к категории взрослых.

Инвентарь крайне беден: железный нож с выгнутым обушком (2 комплекта), костяные втульчатые наконечники стрел (3 комплекта), каменный наконечник дротика (?), костяная поделка и астрагалы. Из дополнительных обрядовых черт стоит упомянуть о как минимум трех случаях обнаружения костей овцы и золы. Следует обратить внимание на такую черту обрядности, как отсутствие керамической посуды, что сближает эту группу с погребениями ранних кочевников VIII–VII вв. до н. э. этого же региона (Епимахов, Таиров, 2013).

В памятниках I этапа тасмолинской культуры с погребальными традициями предшествующего времени, на наш взгляд, могут быть связаны каменные кольца или прямоугольные оградки в основании насыпи кургана, облицовка стенок могильной ямы каменными плитами, погребения на горизонте и в каменных ящиках. Впрочем, каменные кольца или прямоугольные оградки в основании насыпи кургана – явление широко распространенное не только территориально, но и хронологически. Проведенный нами анализ бегазы-дандыбаевских (саргаринско-алексеевских или дандыбаевских) погребений в положении «вытянуто на спине» показал, что лишь в одном случае (Айдарлы, ограда 4), возможно, мы

имеем дело с таким положением тела погребенного (Таиров, 2003б, с. 165)⁹.

Открытие дромосных могил в элитных курганах раннесакского времени (рис. 8; 9) позволило некоторым исследователям связать их с погребальными сооружениями высшей знати эпохи поздней бронзы – мавзолеями бегазы-дандыбаевской культуры (Бейсенов, 2010, с. 78; 2014а, с. 131; 2016, с. 123; 2016а, с. 88; Хабдулина, Ярыгин, 2013, с. 180; Бейсенов и др., 2014, с. 172). Однако, на наш взгляд, это сопоставление является чисто внешним: немногочисленные наземные мавзолеи с коридорообразным входом сравниваются с могильными ямами, имеющими дромос. Причем форма могильных ям в плане весьма существенно отличается от формы мавзолеев, не говоря уже об отличии их конструкций (ср.: рис. 8; 9, 4–7 и рис. 9, 1–3, 8). Помимо Центрального Казахстана дромосы известны в погребальных сооружениях сакского времени Семиречья (Жетису), Приаралья, Алтая, Тарбагатая, есть они и в Южном Зауралье. «Это, – отмечает А.З. Бейсенов, – общая черта погребального обряда раннесакского населения востока степной Евразии, уходящая корнями в эпоху поздней бронзы». Но тем не менее он заключает, что «для сакской эпохи Казахстана дромосы следует считать местной традицией», совершенно не обосновывая это утверждение (Бейсенов, 2016, с. 123; 2016а, с. 87; Бейсенов и др., 2015, с. 18).

Все вышеприведенные данные полностью подтверждают вывод К.А. Акишева о том, что в Центральном Казахстане совершенно неожиданно в VIII–VII вв. до н. э. происходят изменения не только в материальной культуре, но и в погребальном обряде: устанавливается обряд захоронения умерших вытянуто на спине, головой преимущественно на север или северо-запад, иногда на восток и запад. Эти изменения, с его точки зрения, «могут быть объяснены только проникновением или вторжением и смешением с потомками андроновцев в IX–VII вв. до н. э. новых этнических групп. Новый этнос мог быть двоякого происхождения: восточного, возможно протогунского (северная ориентировка, бронзовые колокольчики, форма сосудов), и западного, савроматского...». В то же время Семиречье (Жетису) и Приаралье являются двумя «регионами в сакском мире, где наиболее устойчиво сохранились архаические черты прошедшей бронзовой эпохи в материальной культуре (погребальный обряд, планировка надмогильных устройств, форма узкогорлых сосудов, типы бронзовых орудий и оружия)» (подтверждение этого тезиса см.: Итина, Яблонский, 2001, с. 109). Далее К.А. Акишев наметил два основных пути инфильтрации или миграции племен с востока на запад и с за-

пада на восток. Первый проходил через Алтай, Восточный, Центральный и Западный Казахстан, второй – через Сынцзян, Центральный Тянь-Шань и Памир (Акишев, 1973, с. 57, 58).

2.2. Процесс формирования культур ранних кочевников степей Жайык-Иртышского междуречья

Близость памятников Центрального Казахстана, северо-западных предгорий Алтая, Восточного Казахстана, Джунгарской впадины и Северного Китая, фиксируемая П.И. Шульгой и Н.В. Полосьяком, базируется, по нашему мнению, на общих путях расселения во второй половине – конце VIII в. до н. э. родственных групп кочевников, выходцев из районов Внутренней Азии¹⁰, через Джунгарские ворота и долину Черного Иртыша, вдоль предгорий Алтая в Центральный и Северный Казахстан и далее в степи Южного Зауралья (Таиров, 2003б, с. 165–167; 2003в, с. 176, 177). Миграцию кочевников Северного Китая на запад постулирует и С.Г. Боталов, который, в частности, отмечает: «Распад жунско-дисской общности варварских культур Северного Китая стал причиной миграции на запад (в Казахстан и Южное Зауралье) тасмолинского древнесакского населения, на северо-запад (Алтай) – племен, оставивших памятники типа Чесноково I, Солонечный Белок, Машенка I, а также привел к формированию в пределах Сынцзяна огромного пласта культур сакского облика» (Боталов, 2003, с. 106; 2003а, с. 30). С миграцией номадов из Внутренней Азии, вероятно из Сынцзяна, связывает появление памятников раннесакского времени Южного Зауралья и Н.С. Савельев (2003, с. 130).

Общим для всех групп переселенцев из Внутренней Азии, освоивших пространства от северо-западных предгорий Алтая до восточных отрогов Уральского хребта, было широкое использование камня для возведения внемогильных конструкций – кольцевых или прямоугольных выкладок и оград, каменных панцирей над земляной насыпью, каменных набросок, вымосток и т. п. Общим было и положение умерших – вытянуто на спине при разнообразной ориентировке, но преимущественно в северный или западный сектор, а также использование в погребально-поминальном ритуале керамических сосудов при запрете размещения целых сосудов рядом с умершим. Вероятно, неоднородный состав переселенцев обусловил разнообразие погребальных сооружений: простая грунтовая яма (основной тип погребальной камеры), каменный ящик, могильная яма с подбоем, могильная яма с дромосом для погребений элиты и другие. Однако в отношении са-

крального пространства могилы существовали, очевидно, две ярко выраженные традиции. Согласно первой традиции, могила предназначалась не только для человека, но и для его лошади. Отсюда встречающееся в Центральном Казахстане размещение умершего в погребальной камере в сопровождении макета взнузданной лошади в виде черепов с предметами упряжи и копыт или ее символа – уздечного набора. Согласно другой традиции, не только могильная яма, но и так или иначе выделенная подкурганная площадка предназначались лишь для человека.

В Северном Казахстане, Южном Зауралье и, возможно, в Алакульской котловине абсолютно преобладала вторая традиция – погребение в грунтовой яме различной конструкции, в том числе с подбоем, без сопроводительного захоронения лошади, ее макета или символа. В Центральном Казахстане обе традиции сосуществовали. Здесь известны погребальные сооружения различного типа, где захоронен только человек; но в таких же сооружениях, за исключением могильных ям с подбоем, вместе с человеком хоронили и его лошадь, представленную макетом или символом (уздечный набор). Существование обеих традиций характерно и для Приаралья (Вишневская, 1973, с. 66, 100; Яблонский, 1996, с. 43; Итина, Яблонский, 1997, с. 54).

Так же, как и в Центральном Казахстане, обе отмеченные традиции сосуществуют в северо-западных предгорьях Алтая и примыкающих к нему районах Восточного Казахстана (Шульга, 1999, с. 246; 2003, с. 521–524). Но в отличие от Южного Зауралья и Центрального Казахстана здесь допускается возможность захоронения человека вместе с конем в одном сакральном пространстве могильной ямы с подбоем. Причем чаще всего во входной яме помещается лошадь, а не ее макет или символ. Правда, лошадь отгорожена от человека закладом подбоя. Традиция размещения лошади в отдельной погребальной камере хорошо выражена в Горном Алтае (Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 43–49, 59). Поэтому присутствие лошади в могильных ямах или отдельных погребальных камерах в памятниках северо-западных предгорий Алтая является, на наш взгляд, свидетельством воздействия горноалтайских племен на население предгорий. В Восточном Казахстане (Казахстанский Алтай) известны и погребения в подбоях без размещения во входной яме лошади или предметов конского убора – это погребения в могильнике Майемер II и в ограде 23 могильника Тар-Асу (Самашев и др., 1998, с. 155–160; 1998а, с. 174, рис. 13; 14). Интересно отметить, что золотые серьги с навесками усеченно-конической формы, украшен-

ные ложной зернью, и золотая фигурка кошачьего хищника из этого погребения находят ближайшие аналогии в памятниках Центрального Казахстана (Жиланды, курган 2; Тасмола V, курганы 3, 4, 6; Бакыбулак, курган 15; Карашоки, курган 8; Бектауата, курган 1; Талды-2, курган 5; см.: рис. 12, 3, 4, 10, 11; 13, 20, 21, 26, 35) (Кадырбаев, 1974, с. 45, рис. 12; Маргулан и др., 1966, с. 398, рис. 63; Бейсенов, 2014, с. 121–122; Бейсенов и др., 2015, рис. 5, 13).

Движение кочевых племен из Внутренней Азии проходило, вероятно, в несколько этапов, имело различную интенсивность и было направлено в разные регионы.

С первой волной миграций в IX в. до н. э. связано, очевидно, освоение кочевниками Тувы и Минусинской котловины, что приводит к окончательному формированию здесь культур сакского типа. В конце IX в. до н. э. отдельные группы переселенцев первой волны осваивают и горные районы Алтая. Более массовый характер миграция в этот регион приобрела в начале VIII в. до н. э. (Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 111; Тишкин, 2005, с. 323, 324). С этого же времени, судя по радиоуглеродным датам раннесакских погребений из могильников Акбеит, Бегазы, Карашоки, Бакыбулак, начинается освоение и степей Центрального Казахстана (Бейсенов, 2015, с. 27; Бейсенов и др., 2014, с. 169, 171, 172; 2015, с. 13, 14; Бейсенов, Китов, 2014б, с. 32, 33).

С данной миграцией связана, очевидно, и первая волна новаций из Внутренней Азии, повлекшая формирование в Северном Причерноморье и на Кавказе раннескифской культуры первого этапа (РСК-1), которая появилась здесь не позднее середины VIII в. до н. э. (Дараган, 2005, с. 103). Результатом новаций этой волны стало распространение в Северном Причерноморье и на Кавказе костяных пластинчатых трехдырчатых псалиев с изображениями головы животного на одном конце и копыта – на другом, бронзовых, стержневидных, трехдырчатых муфтовых псалиев, удила со стремевидными окончаниями, удила со стремевидными окончаниями и дополнительным отверстием, звериного стиля в искусстве, биметаллических клеуцов, котлов типа Бештау, некоторых типов бронзовых двухлопастных втульчатых наконечников стрел и др. (Дараган, 2005, с. 99, Рябкова, 2014, с. 383, 401, 412; Ковалев, 2014, с. 130).

Вторая, более массовая волна миграций произошла, очевидно, во второй половине VIII в. до н. э. или на рубеже VIII–VII вв. до н. э. Она охватила более обширные территории и проходила, вероятно, двумя путями. Одна группа кочевников прошла через Джунгарские ворота, Алакольскую котловину,

Семиречье (Жетису) и Южный Казахстан и достигла низовий Сырдарьи и Амударьи (Яблонский, 1998, с. 45; Итина, Яблонский, 2001, с. 112). Второй путь миграции проходил через Восточный Казахстан, северо-западные предгорья Алтая в Центральный и Северный Казахстан и Южное Зауралье. Отдельные группы мигрантов этой волны проникли, по всей видимости, и в районы Горного Алтая.

Состав мигрантов, вероятно, был весьма неоднороден. Возможно, первую волну переселенцев составили в основном носители традиции «скорченных погребений». Вторая волна охватила главным образом носителей традиции «вытянутых погребений».

Смешение же мигрантов с местным населением, имевшим свои региональные особенности в погребальной обрядности, привело к формированию особенностей культур раннесакского времени того или иного региона. Так, своеобразие погребального обряда населения этого времени Горного Алтая обусловлено, вероятно, смешением здесь мигрантов первой волны из Северо-Западной Монголии и Северного Китая (Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 111) и переселенцев из равнин к северу от Алтая (Бобров, 1999, с. 20–23). Точка зрения В.В. Боброва о возможном участии носителей ирменской культуры в этногенезе населения Горного Алтая раннесакского времени, по мнению А.А. Тишкина, несомненно заслуживает внимания. «Действительно, на ранних этапах в бийкенской культуре проявляется больше связей с традициями эпохи бронзы, особенно в области мировоззренческих представлений» (Тишкин, 2005, с. 324).

Проникновение же в горные районы Алтая представителей второй волны мигрантов привело к появлению здесь обряда погребения покойных вытянуто на спине «на относительно поздних этапах существования культуры раннесакского времени» (Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 52). Смешение традиций погребальной обрядности аборигенов и мигрантов и формирование на этой основе погребальной обрядности населения раннесакского времени Юго-Восточного Приаралья хорошо показали в своей работе М.А. Итина и Л.Т. Яблонский (2001, с. 109). Сосуществование и взаимовлияние на коротком отрезке времени носителей культур эпохи бронзы и раннего железного века в Восточном Казахстане допускает и А.С. Ермолаева (1987а, с. 162). Аналогичная ситуация фиксируется и на юге Кулунды (Фролов, Папин, 2004, с. 39, 41).

В Северном и Центральном Казахстане экологический кризис последней трети II – начала I тыс. до н. э. вызвал отток значительной части его населения в соседние регионы, в частности в лесостепные районы Западной Сибири, в Верхнее Прииртышье и западные предгорья Алтая, а также, вероятно,

далее на восток, на территорию Саяно-Алтая и Хакассо-Минусинской котловины. Привнесенные ими традиции стали одним из основных компонентов в формировании здесь культур раннесакского времени (Чугунов, 2014; 2015а).

Оставшееся немногочисленное население концентрируется в районе горных массивов Северного и Центрального Казахстана – это Кокшетау, Каркаралинск, Баянаул, Кент, Улутау и другие. Данные группы смогли адаптироваться к новым условиям, перейдя к ведению хозяйства, основанного на различных формах специализированного скотоводства. Практиковалось, где это было возможно, земледелие. Сохранялась, правда, уже в менее значительных объемах, добыча и обработка меди. С этим автохтонным населением можно связывать обитателей поселений, которые в своей массе представлены небольшими зимними поселками, состоящими из двух-трех строений, находящихся в определенных топографических условиях (Таиров, 2015).

Необходимо отметить, что исследование поселений – новое направление в археологии раннего железного века Северного и Центрального Казахстана, которое появилось лишь в начале XXI в. Тем не менее к настоящему времени уже сложились определенные устойчивые представления об этом типе памятников.

В 2001 г. в ходе работ Сарыаркинской археологической экспедиции Института археологии МОН Республики Казахстан на территории Каркаралинского района Карагандинской области были выявлены поселения, которые резко отличались от поселений эпохи бронзы по планиграфии, площади, стратиграфии, технике строительства. Располагались они в иных топографических условиях, нежели поселения эпохи бронзы, в том числе ее заключительного этапа (Бейсенов, 2002). Дальнейшие работы на территории Восточной Сарыарки значительно увеличили количество таких памятников, в том числе исследованных раскопками.

Поселения эти находятся вдали от речных долин, на высоких восточных и юго-восточных склонах горных гряд и отдельно возвышающихся больших скал, в своеобразных нешироких нишах, укрытых окружающими возвышенностями. Открытые в сторону долин, они привязаны к небольшим родникам, стекающим с гор. «По местонахождению поселения устойчиво тяготеют к местам расположения казахских зимовок XIX – начала XX в. Часть из них использована вторично казахами указанного периода под зимовки» (Бейсенов, 2002, с. 11). Для выделенной группы поселений (а их на осень 2015 г. в восточной части Центрального Казахстана открыто не менее

пятидесяти, причем половина из них расположена в районе горы Едирей) характерна усадебная, скученная планиграфия – это когда жилая часть дома и хозяйственные постройки составляют единую систему. Основная масса поселений представлена всего лишь несколькими строениями, хотя встречаются и довольно крупные по площади (Бейсенов, 2015в, с. 12; Бейсенов и др., 2015, с. 9).

Выявленные жилища разной формы имеют каменные основания стен. Благодаря использованию камня и «своим планиграфическим особенностям поселения создают впечатление сооружений более позднего времени, в частности, они очень похожи на разрушенные казахские зимовки» (Бейсенов, 2002, с. 10, 11; 2009б). Тем более что прием, который применяли древние жители при возведении стен, существовал у казахов, живших на этой территории, вплоть до 50-х гг. XX в. (Бейсенов, 2015в, с. 14). На поселении Талдысай открыты глиняные платформы, предназначенные, скорее всего, для установки на них легких переносных жилищ типа юрт (Бейсенов и др., 2013а, с. 180).

Культурный слой поселений незначителен по мощности и достаточно беден. Находок мало, и представлены они главным образом керамикой, каменными орудиями и костями животных. Керамика горшечных и баночных форм, почти без орнамента. Найдены сосуды с носиками и сливами, ручками, ушками, небольшие чашки. Основной орнамент состоит из ряда «жемчужин», глубоких ямок, вдавленных, которые располагаются под венчиком. Венчики оформлены разнообразно: уплощенные, закругленные, грибовидные, с карнизом, утолщенные, желобчатые (Бейсенов и др., 2015, с. 10).

Среди орудий преобладают мотыги и мотыгообразные изделия, многочисленны зернотерки, куранты, терочки, терочные плиты, встречаются скребла, отбойники, диски, рубила и др. Металлические предметы представлены бронзовым ножом из поселения Сарыбуйрат (Бейсенов, 2009, с. 9; Бейсенов и др., 2015, рис. 2, 12), железными удилами из жилища на могильнике Красные горы (Бедельбаева, Варфоломеев, 2008, с. 243), бронзовой подпружной пряжкой с поселения Керегетас II (Бейсенов и др., 2015, рис. 2, 11).

Предварительно вновь выявленные поселения были отнесены к началу раннего железного века. Основанием для этого, помимо топо-планиграфических особенностей поселений, являлась керамика. По мнению А.З. Бейсенова, она, несмотря на кардинальное отличие от керамики поселений финальной бронзы Центрального Казахстана, все же сохраняла с ней некоторое общее сходство по орнаментации,

форме шейки и венчика. Автор раскопок подчеркнул, что немногочисленная керамика вновь открытых поселений «имеет лишь общее сходство с некоторыми образцами керамики» из поселений финальной бронзы Центрального и Восточного Казахстана (Бейсенов, 2002, с. 11). Позднее к основаниям для такой датировки были добавлены «наружные особенности строительной техники», «полученные из шурфов и раскопок данные стратиграфии, планировка жилищ и вещевой инвентарь», правда, без перечисленных данных. В пользу причисления выявленных памятников к раннему железному веку говорит, по мнению А.З. Бейсенова, и сравнение найденной на них посуды с керамическими комплексами поселений этого времени Северного Казахстана и Алтая (Бейсенов, Ломан, 2006, с. 36–41; 2007, с. 158; Восточная Сарыарка..., 2004, с. 217). Отмечалось также сходство керамики некоторых памятников Поволжья (Бейсенов, Ломан, 2006, с. 41; 2007, с. 158).

Открытие в Центральном Казахстане поселений, датированных ранним железным веком, а также раскопки таких же памятников в Акмолинской области побудили М.К. Хабдулину скорректировать хронологическую позицию исследованного ею в начале 90-х гг. XX в. поселения Кеноткель X (Хабдулина, 2003, с. 195, 196). Ранее это поселение, находящееся в степной зоне Северного Казахстана, датировалось концом IX – VII в. до н. э. или (IX) VIII–VII вв. до н. э., то есть «памятник появился в переходное от бронзы к раннему железу время и продолжал функционировать в VIII–VII вв. до н. э.» (Хабдулина, 1994, с. 29). По ее мнению, с памятниками эпохи бронзы поселение Кеноткель X сближает состав вещевого инвентаря, включающего бронзовые ножи, в том числе и с кольцевым навершием, фрагмент бронзового кельта, шилья, проколки, фрагменты костяных изделий, разнообразные каменные орудия. Материалы раннего железного века представлены оселком и фрагментами каменных жертвенников, типичных для курганов тасмолинской культуры. Кеноткельская керамика, украшенная только ямочно-жемчужной орнаментацией, «по форме и обедненному орнаменту находит аналогии в поздних комплексах поселений заключительного этапа эпохи бронзы». Судя по обилию изделий из бронзы и набору каменных орудий, вполне вероятно, что «поселение Кеноткель X было не только сезонным стойбищем, но и довольно стабильным центром кузнечного ремесла». Таким образом, по мнению М.К. Хабдулиной, это поселение демонстрирует сохранение очагов оседлости с традиционными направлениями хозяйственной деятельности в переходное от бронзы к железу время и в самом начале сакской эпохи (Хабдулина, 1994, с.

29, 66, 67). В статье 2003 г. все находки с поселения Кеноткель X, за исключением материалов эпохи неолита, отнесены к раннесакскому времени – VIII–VII вв. до н. э. (Хабдулина, 2003, с. 191).

Исследованные в 1999–2001 гг. в Акмолинской области (Северный Казахстан) поселения Таскора и Таскора 1 по особенностям расположения, планиграфии, конструкции жилищ, мощности, насыщенности и содержанию культурного слоя аналогичны центральноказахстанским. Находки на них представлены бронзовым однолезвийным ножом (Таскора), бронзовым трехлопастным черешковым наконечником стрелы (Таскора 1), мотыжками, плоской, пестами и другими орудиями из камня, а также фрагментами керамики, орнаментированной ямочными вдавлениями и «жемчужинами». Датировка поселений раннесакским временем (VIII–VI вв. до н. э.) основана на аналогиях изделий из бронзы. Керамика по форме, технике изготовления и орнаментации находит прямые аналогии в материалах поселения Кеноткель X, что позволяет, как полагает М.К. Хабдулина, объединить все три поселения в одну культурно-хронологическую группу. В эту группу, считает она, можно включить и некоторые поселения Центрального Казахстана, исследованные А.Х. Маргуланом и А.З. Бейсеновым (Хабдулина, 2003, с. 192–197; 2007, с. 189). Высказанное предложение нашло поддержку А.З. Бейсенова и В.Г. Ломана, отметивших, что поселенческие памятники Центрального Казахстана «представляются однокультурными с группой поселений раннесакского времени, выделенной М.К. Хабдулиной на территории Акмолинской области» (Бейсенов, Ломан, 2007, с. 158). В эту же группу они включили и «содержащие сходный материал поселения раннего железного века, открытые на Алтае» (Бейсенов, Ломан, 2009а, с. 244). В их статье 2007 г. впервые поселения Центрального Казахстана были отнесены «к кругу памятников раннесакского времени с предположительной датой VII–V вв. до н. э.» (Бейсенов, Ломан, 2007, с. 158). Позднее «на основании особенностей керамических комплексов предложена датировка раскопанных поселений в рамках VII–VI (VII–V) вв. до н. э.» (Бейсенов, 2009а, с. 80; 2009б; Бейсенов, Ломан, 2009а, с. 245). Радиоуглеродная датировка костных образцов из жилищ ряда поселений показала временной интервал в пределах середины VIII – V в. до н. э. Однако найденные на северо- и центральноказахстанских поселениях бронзовые черешковый наконечник стрелы, нож и подпружная пряжка датируют их периодом VII–VI вв. до н. э. или VII–V вв. до н. э. Поэтому «вопрос о периоде VIII в. до н. э.... по отношению к поселениям также остается открытым» (Бейсенов, 2015в, с. 13, 21, табл. 1).

Бедельбаева М.В. и Варфоломеев В.В. обратили внимание на то, что поселения раннего железного века с керамикой ямочно-жемчужной орнаментации, характерной для поселений Центрального Казахстана, занимают достаточно широкую территорию, включающую Северную и Восточную Сарыарку, Прииртышье и степной Алтай. Рассмотрев вопрос о таксономическом ранге совокупности этих поселений и соотношении их с комплексами финальной бронзы и тасмолинской культуры, они посчитали целесообразным выделить «особый культурный и хронологический вариант памятников кеноткельского типа... Вероятно, группа поселений кеноткельского типа со временем, по мере расширения источниковой базы, составит основной контингент особой археологической культуры (кеноткельской?)» (Бедельбаева, Варфоломеев, 2008, с. 243).

Бейсенов А.З., а вслед за ним и его ученик М.Ф. Мукажанов, проанализировав керамику поселений «раннего железного века» Каркаралинского района, пришли к заключению о том, что она достаточно четко отличается от посуды донгальского времени (заключительного этапа эпохи бронзы) (Восточная Сарыарка..., 2004, с. 217; Мукажанов, 2004, с. 79). Вместе с тем А.З. Бейсенов и его соавторы подчеркивают, что «по своим особенностям (форма сосудов, особенности венчиков, орнамент) керамика поселений, по-видимому, генетически восходит к донгальской посуде» (Восточная Сарыарка..., 2004, с. 218), и «по своему происхождению эта керамика связана с предшествующей культурой донгальского времени» (Ломан и др., 2004, с. 145). Близкой точки зрения придерживается и М.К. Хабдулина, указывающая, что кеноткельско-таскоринская керамика, несмотря на ее отличие от донгальской, имеет с ней генетическое родство (Хабдулина, 2003, с. 196, 198; 2007, с. 190). Тем не менее М.В. Бедельбаева и В.В. Варфоломеев, выделив памятники кеноткельского типа, констатировали проблему происхождения культуры этих поселений. По их мнению, керамика с ямочно-жемчужной орнаментацией – это единственное, что связывает поселения кеноткельского типа с памятниками донгальской стадии бронзового века Сарыарки. В связи с чем возникает задача поиска памятников переходного типа, без решения которой «проблемной остается гипотеза генетической связи самых поздних комплексов эпохи бронзы и самых ранних железного века» (Бедельбаева, Варфоломеев, 2008, с. 243, 244).

Бейсенов А.З. и Ломан В.Г. к памятникам переходного облика, посуда которых генетически связана с донгальским и раннесакским культурно-хронологическими пластами, отнесли поселение Едирей-2.

Керамика этого памятника «сближается» ими с керамическими комплексами поселений Центрального Казахстана, причисленных ранее к раннесакским на указанных выше основаниях. Бронзовое гвоздевидное шило с этого поселения «явно тяготеет к раннему железному веку», так как подобные изделия найдены на многих памятниках раннего железного века Западной Сибири. В целом материалы поселения Едирей-2, являющегося, по их мнению, памятником позднедонгальского времени VIII–VII вв. до н. э., характеризующиеся сочетанием в керамике донгальско-раннесакских черт, «позволяют связать раннесакские поселения с памятниками донгальского переходного этапа и констатировать факт участия в сложении культуры саков Центрального Казахстана донгальского населения» (Бейсенов, Ломан, 2009, с. 12, 14; см. также: Бейсенов, Ломан, 2009а, с. 238, 239, 245).

Бейсенов А.З. и его соавторы полагают, что по своему характеру «поселения раннего железного века» являлись, вероятно, зимниками (поселениями-зимовками) (Восточная Сарыарка..., 2004, с. 220; Бейсенов, Ломан, 2006, с. 42; 2007, с. 156; 2009а, с. 250; Бейсенов и др., 2015, с. 12). М.К. Хабдулина разделяет поселения степной зоны Северного и Центрального Казахстана по площади на две группы: крупные поселения и малые стойбища. «Существование поселений с капитальными и трудоемкими по возведению строениями – свидетельство их круглогодичного и стационарного использования. Наличие оседлых памятников второго типа – небольших по площади стойбищ, расположенных в горных и мелкокопчных долинах, свидетельствует о сезонном характере отгонного скотоводства» (Хабдулина, 2003, с. 198). Существование элементов оседлости у населения самого начала раннего железного века допускают и другие исследователи (Бедельбаева, Варфоломеев, 2008, с. 244).

Состав инвентаря (каменные мотыжки, кайла, терочки) раннесакских поселений указывает, по мнению М.К. Хабдулиной, на занятие жителей горнодобывающим производством, хотя часть этих орудий могла применяться и в земледелии (Хабдулина, 2007, с. 190). В качестве такого поселка горняков-ремесленников, на котором мог осуществляться начальный технологический этап многоступенчатого металлургического производства, М.В. Бедельбаева рассматривает поселение Кеноткель X (Бедельбаева, 2008).

Ломан В.Г. и Бейсенов А.З. считают, что многочисленные обнаружения мотыг и зернотерок «позволяют ставить вопрос о существовании у населения особой формы земледелия, функционировавшего

вокруг зимников» (Бейсенов, 2009а, с. 82). Вполне вероятно, что земледелие носило характер пойменного мотыжного и было похоже на то, что существовало у казахов Центрального Казахстана XIX – начала XX в. «Эта форма земледелия функционировала исключительно в орбите зимовочного пространства: небольшие посева пшеницы, проса, ячменя устраивались возле зимовок, работа по уходу за посевами возлагалась на группу бескотных сородичей (жатаки), уборка производилась по возвращении старейшин с летовки» (Бейсенов, 2009б).

По мнению автора данного исследования, выявленные в Северном и Центральном Казахстане поселения раннесакского времени принадлежат весьма немногочисленному местному автохтонному населению, продолжавшему традиции эпохи поздней бронзы. Оно занимало вполне определенную экологическую нишу и сосуществовало с пришедшими из Внутренней Азии кочевыми племенами, ведущими другой тип хозяйства и занимающими иную экологическую нишу (Таиров, 2014а, с. 580, 581).

Приход в первой четверти I тыс. до н. э. новых групп населения из Внутренней Азии привел к временному сосуществованию на территории Северного и Центрального Казахстана двух тесно взаимосвязанных групп населения – «автохтонов», наследников устоев эпохи бронзы, и «мигрантов», носителей традиций, ставших доминирующими на протяжении последующих веков. На начальном этапе это сосуществование обусловило появление памятников «переходного» типа, сочетавших обе традиции. В дальнейшем, несмотря на тесное взаимодействие, использование разных экологических ниш внутри степи «автохтонами» и «мигрантами» способствовало длительному сохранению традиций местного населения в материальной культуре, в том числе в архитектуре жилых построек и керамическом производстве. Поэтому-то и прослеживается генетическая связь керамического комплекса, полученного с поселений-зимовок, с керамикой донгальского типа финального этапа эпохи бронзы, а через нее – с валяковой керамикой поздней бронзы Центрального Казахстана. А архитектура жилых конструкций поселений-зимовок повторяет строительные традиции поздней бронзы Центрального Казахстана (Хабдулина, 2007, с. 190, 192). Однако автохтонное население, вероятно, не смогло оказать существенного влияния на погребальную обрядность пришельцев. Поэтому, как представляется, и не прослеживается почти никакой преемственности в погребальной обрядности населения эпохи поздней бронзы и раннесакского времени этих территорий. Вместе с тем приход нового населения вызвал кардинальную транс-

формацию духовной культуры «автохтонов», привел к восприятию ими новых, раннесакских, традиций (Таиров, 2014а).

Мигранты, освоившие казахстанские степи, использовали прежде всего навыки местного населения в скотоводстве и металлургии. Продолжается разработка медных рудников, совершенствуется металлургия и металлообработка, о чем свидетельствует сходство лигатуры и литейных операций от поздней бронзы до раннесакского времени (Хабдулина, 2007, с. 191). Наличие собственной металлургической базы во многом обусловило в дальнейшем ведущую роль тасмолинцев в степях Жайык-Иртышского междуречья в раннесакское время.

Навыки использования камня для сооружения жилищ на поселениях-зимовках, без сомнения, были применены при возведении элитных раннетасмолинских курганов (Хабдулина, 2007, с. 191, 192).

Немногочисленные поселения раннесакского времени выявлены и в Южном Зауралье. Они, так же как и центральноказахстанские, расположены в долинах или балках, на краю горных массивов или возвышенностей, в местах, изобилующих ручьями и родниками. По своей топографии эти поселения полностью отличаются от традиционного расположения поселенческих памятников как предшествующего, так и последующего времени. На современной поверхности они фиксируются по остаткам каменных конструкций и небольших и неглубоких жилищных впадин. Находки представлены кусочками обожженной глины, фрагментами керамики, костями животных, в основном домашних. Керамика представлена горшечными и баночными формами, и по своим особенностям она близка к керамике поселений Центрального Казахстана. Для нее характерны плотное тесто с примесью кварцевой дресвы или песка, толстостенность, грубая обработка поверхностей, крайне бедная орнаментация, представленная пояском ямочных, «жемчужных» или пальцевых вдавлений, значительная доля неорнаментированных сосудов, массивные Т- или Г-образные («грибовидные») венчики. По мнению Н.С. Савельева, появление этих поселений в Южном Зауралье связано с миграцией населения из Центрального Казахстана в конце VII в. до н.э. или на рубеже VII–VI вв. до н.э. (Савельев, 2015, с. 246–254).

Участие местного населения в формировании антропологического типа кочевых социумов Центрального Казахстана и Южного Зауралья подтверждается в какой-то степени и данными антропологии. Так, возможность биологических контактов пришельцев из Внутренней Азии «с местным населением, оставившим памятники бегазы-дандыбаевского

типа», допускают Е.П. Китов и А.А. Хохлов (2013, с. 281). Анализ краниологической серии савроматского времени из района Орска привел А.А. Хохлова и С.Ю. Фризену к выводу о том, что «основой ее антропологический компонент, вероятно, генетически связан с андронидными степными популяциями эпохи бронзы». С другой стороны, краниологическая серия этого же времени из южнозауральского могильника Альмухаметова показывает, что основой ее антропологический компонент, возможно, «не местного происхождения» (Хохлов, Фризен, 2004, с. 260; см. также: Юсупов, 2002, с. 30).

2.3. Ранние кочевники Северного и Северо-Западного Китая и формирование культур начала эпохи железа в степях Жайык-Иртышского междуречья

Как уже отмечалось, исходными территориями миграций начала I тыс. до н.э. были, вероятно, районы Внутренней Азии (Северного и Северо-Западного Китая и Монголии). В пользу высказанного предположения могут свидетельствовать некоторые данные археологии и антропологии. Так, положение умерших вытянуто на спине характерно для различных культур Северного Китая, начиная еще с развитого неолита (Варенов, 1984, рис. 2; 4; 8; 10; 11; 1995, с. 124; IMICRA, 1997. P. 309, 310, 314; 1997a. P. 328, 329; Каогу, 2003. № 12. P. 24)¹¹. Положение погребенных вытянуто на спине, головой чаще всего в восточном направлении типично для культуры плиточных могил эпохи поздней бронзы и раннего железного века Забайкалья, Центральной и Восточной Монголии, а также для части Северного Китая¹². Иногда в засыпь могильной ямы укладывали макет лошади – голову со шкурой и копытами. Положение покойных вытянуто на спине, головой на восток характерно и для памятников дворцового типа Забайкалья. Достаточно часто могильные ямы в них содержали черепа животных, в том числе и лошадей. В состав погребального инвентаря «плиточников» входят предметы вооружения и принадлежности конской сбруи. По антропологическому типу представители культуры плиточных могил были ярко выраженными монголоидами (Цыбиктаров, 1999, с. 102–117, 122, рис. 26; 34; 2012a, с. 14, 15). Захоронения с умершими, лежащими вытянуто на спине, головой на восток, исследованы и в трапециевидных «херексурах» центрально-монгольского типа эпохи поздней бронзы (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2010, с. 107).

На ближайших к Казахстану территориях положение умерших вытянуто на спине, головой на се-

вер или запад зафиксировано в погребениях эпохи бронзы (XV–VIII, XIII–VIII или X–VIII вв. до н.э.) могильника Кээрмуци в Северном Синьцзяне (Варенов, 1999a, с. 184–189; 1999б, с. 14, 22; 1999в, с. 54–56)¹³. А в могильнике Гумугоу в восточной части Таримского бассейна (первая половина II тыс. до н.э.) большинство погребений захоронений – одиночные, умерших укладывали на спину в вытянутом положении, головой на восток. Погребенные в Гумугоу относятся к протоевропейскому антропологическому типу (Худяков, Комиссаров, 2002, с. 31; Сверчков, 2011, с. 31, 32). К этому же времени относят и обнаруженные у реки Таибан (Tieban River) в Синьцзяне мумии людей, захороненных вытянуто на спине (The Ancient Corpses..., 2002. P. 32, 38–44). В могильнике Чжукайгоу (Ордос, середина II тыс. до н.э.) захоронения производились в простых грунтовых ямах с преобладающей ориентацией на северо-запад. В одиночных погребениях умершие лежат в вытянутом положении на спине. В парных же погребениях мужчина лежит в вытянутом положении на спине, женщина – в скорченном положении на боку, лицом к мужчине (Варенов, 1996, с. 97; The Collection..., 2004. P. 648–670).

Захоронения в подбоях и катакомбах характерны для разных культур Северного и Северо-Западного Китая, начиная еще с эпохи бронзы и даже финального неолита (Варенов, 1995, с. 124, 125; Коновалов, 1999, с. 58; IMICRA, 1997a. P. 329, 330; The Collection..., 2004. P. 692, 694; Каогу, 1987. № 12. P. 1097–1118). Особенностью культур раннего железного века Янлан и Шацзин на территории северо-западной провинции Ганьсу является значительное количество захоронений в могильных ямах с подбоем. Одно из традиционных положений покойных – вытянуто на спине, головой на север или восток. Как отмечает П.И. Шульга, «территория провинций Ганьсу и Цинхай среди китайских исследователей традиционно считается «родиной» подбоев, где таковые встречаются с неолита» (Шульга, 2014а, с. 256).

Следует подчеркнуть, что для эпохи бронзы степи Жайык-Иртышского междуречья погребения в подбоях не выявлены, так же как и вытянутое на спине положение умерших.

На востоке Синьцзяна в могильнике Яньблак (рис. 18), эталонном памятнике одноименной культуры, датированном по радиоуглероду периодом 1200–550 гг. до н.э., наряду с преобладающими погребениями «скорченно на боку» иногда встречаются погребения «вытянуто на спине». Погребальный инвентарь, помимо изделий из керамики, кости, камня, включает многочисленные предметы из бронзы и железа, в том числе ножи, наконечники стрел, зер-

кала с центральной петелькой (New Achievements..., 1995. P. 52–87; Сверчков, 2011, с. 36). Антропологический анализ серии из двадцати девяти черепов этого могильника показал, что двадцать один череп относится к «монголоидам, близким по своим морфологическим особенностям современным обитателям восточного Тибета (тибетцы группы В), и лишь восемь экземпляров оказались европеоидами, близкими к черепам из Гумугоу. Причем на раннем этапе могильника европеоиды представлены сравнительно мало» (Худяков, Комиссаров, 2002, с. 53; Поздняков, Комиссаров, 2003, с. 168; см. также: The Ancient Corpses..., 2002. P. 236–239; Сверчков, 2011, с. 37). По мнению Ю.С. Худякова и С.А. Комиссарова, «скорее всего, именно с культуры яньблак началось массовое проникновение монголоидов в Западный край». Кроме того, вполне возможно «ретроспективно связать культуру яньблак с одним из цянских племен. В общем плане ее (культуру яньблак. – А.Т.) можно сопоставить с культурами синьдянь и каяо (на территории Ганьсу и Цинхай), которые также связаны с деятельностью древних цянов» (Худяков, Комиссаров, 2002, с. 50–54; Комиссаров, 1999, с. 397–401).

В близком по погребальному обряду и керамике, но несколько более раннем по времени (примерно 1200 лет до н.э.) могильнике Упу (Убао)¹⁴ из этого же района среди захороненных были как европеоиды, так и монголоиды, причем монголоиды преобладают. Европеоидная группа обнаруживает наибольшее сходство с сериями из Алагоу (группа С), Чауху-4 и Яньблак. Некоторое их сходство отмечается и с серией из могильника эпохи бронзы Гумугоу (Поздняков, Комиссаров, 2003, с. 168–172). Смешение европеоидных и монголоидных черт фиксируется и в антропологических материалах могильника Ханьцигоу, который датируется второй половиной периода Чуньцю (конец VII – начало V в. до н.э.) и представляет поздний вариант культуры яньблак (Худяков, Комиссаров, 2002, с. 52, 53; Комиссаров, 1999, с. 400).

«В южных предгорьях Центрального Тянь-Шаня выявлена культура скифской эпохи, относящаяся к ранним ее этапам как по характеристикам инвентаря, так и по радиоуглеродным датам» (Худяков, Комиссаров, 2002, с. 59), представленная могильниками Чауху и Цюньбакэ (рис. 19; 20). Полученные радиоуглеродные даты определяют промежуток ее существования периодом 1000–500 гг. до н.э., причем половина захоронений в отмеченных могильниках относится к раннему периоду (Молодин, Комиссаров, 2001, с. 284)¹⁵. В могильниках Чауху на поверхности захоронения отмечались, как правило,

каменными насыпями, выкладками или оградками, под которыми находилось от одной до нескольких могильных ям. Могильные ямы, которые перекрывались каменными плитами или деревянными плахами, часто имели короткий и неглубокий дромос, а погребения чаще всего были групповыми, вторичными. Среди видов труположения выделяются два: скорченно на боку, головой на северо-запад и вытянуто на спине, головой на запад с отклонениями к северу или югу. Могилы взрослых часто сопровождалась детскими погребениями и жертвенными ямами с черепами лошадей, быков, верблюдов или скелетами собак. Погребальный инвентарь (рис. 19) представлен керамикой, изделиями из железа и бронзы – ножами, удилами, в том числе стремечковидными с дополнительным отверстием, обоймами, зеркалами с петелькой в центре оборотной стороны, наконечниками стрел, предметами, оформленными в скифском зверином стиле, и т.п. (Комиссаров, 2000а, с. 106–108; Худяков, Комиссаров, 2002, с. 55, 56, рис. XIV–XVI; Ковалев, 1996, с. 126; Ларичев, Комиссаров, 2002; New Achievements..., 1995. P. 221–301; Mei, Shell, 2002. P. 213–215. Fig. 14, 2; 14, 3; Xinjiang Chawuhu..., 1999; Шульга, 2009; 2010, с. 24–42, 44–46, рис. 3–26, 28–30)¹⁶.

В могиле 84М30 могильника Чаухугоу I найден трехдырчатый пластинчатый костяной псалий со скульптурно моделированной головой барана на одном конце (рис. 19, 51). По дереву из погребальной конструкции этой могилы получена радиоуглеродная дата 2720 ± 90 BP, что соответствует с вероятностью 94 % отрезку 1200–750 Cal BC¹⁷. Несколько костяных псалиев этого же типа найдено и в синьцзянском могильнике раннескифского времени Янхай I. Широкое распространение таких псалиев в Синьцзяне во второй половине VIII – первой половине VII в. до н. э. является основанием для предположения, выдвинутого А.А. Ковалевым, о происхождении скифов Северного Причерноморья из Джунгарии (Синьцзян). Другим основанием для такой гипотезы является хорошо фиксируемая близость по основным признакам каменной антропоморфной скульптуры чемурчекской культуры эпохи бронзы Синьцзяна и скифских изваяний Восточной Европы (Ковалев, 2014, с. 130–134). Интересно, что пара костяных трехдырчатых псалиев, правда, не плоских, а округлых в сечении, с изображением головы животного на одном конце и конского копыта на другом была найдена в кургане 26 могильника Карбан I в Горном Алтае (Ковалев, 2014, с. 130, рис. 3, 1). Памятник отнесен к семисартскому этапу (вторая половина VIII – первая половина VII в. до н. э.) бийкенской культуры. Как считает А.А. Тишкин, начало этого этапа, «...возмо-

но, связано с падением в Китае династии Западное Чжоу в 770 г. до н. э., что стало причиной массовых миграций» (Тишкин, 2007, с. 149).

Из могильника Чауху-4, кстати, происходит зеркало с петелькой и узким бортиком на оборотной стороне. Также на оборотной стороне этого зеркала нанесен рисунок, изображающий свернувшегося кольцом зверя (дракон, тигр или волк) (рис. 19, 27) (Шульга, 2010, рис. 13, 31). По общей стилистике изображение напоминает мотив «свернувшегося (кошачьего) хищника». Эта находка, по мнению С.А. Комиссарова (1998, с. 101), является косвенным подтверждением точки зрения Г.Н. Курочкина о формировании данного мотива у центральноазиатских кочевников под влиянием древнекитайского искусства. Примечательно также, что в этом могильнике «голова или целые туши лошадей, верблюдов и баранов приносили в жертву практически при каждом захоронении» (Комиссаров, 2000, с. 305). Антропологическое исследование материала могильника Чауху-4 «показало полное преобладание европеоидных черт у чаухусцев, причем наиболее близкими к ним оказались две ранее исследованные группы: люди из Алагоу и европеоидный компонент (группа С) в культуре яньблак. Последний факт в сочетании с другими обстоятельствами позволяет поставить вопрос о генетических связях» (Худяков, Комиссаров, 2002, с. 57). По мнению С.А. Комиссарова (2000, с. 306), антропологические данные могильника Чауху-4 подтверждают и трактовку могильника Алагоу как позднего варианта культуры чауху.

К одному из вариантов культуры чауху относится и могильник Цюньбакэ (Чунбак) (рис. 20)¹⁸. На поверхности погребения отмечены каменными насыпями, под которыми располагались одна или несколько могильных ям, перекрытых деревянными плахами. Здесь также обнаружены могильные ямы с коротким дромосом. В нескольких случаях камера с коридором возводилась из бревен на дневной поверхности, после чего над ней насыпался земляной курган. Могила перекрывалась каменными плитами или деревянными плахами. Дно ямы могло выстилаться жердями или матами из травы. Преобладают групповые вторичные захоронения; кости и деревянные конструкции, как правило, сильно обожжены. Рядом с могилами располагались жертвенные ямы с костями (большой частью черепами) лошадей и верблюдов (Комиссаров, 2000а, с. 106, 107; Худяков, Комиссаров, 2002, с. 57, 58; Шульга, 2010, с. 44–46). Встречались также погребения, в которых умершие лежали либо на спине с подогнутыми в коленях ногами, головой на север или северо-запад, либо скорченно на боку. Погребальный инвентарь (рис.

20) представлен, помимо керамики, различными изделиями из бронзы, железа, дерева и кости. Среди бронзовых предметов – удила со стремевидными окончаниями, в том числе и с дополнительными отверстиями, трехлопастные черешковые наконечники стрел, зеркала в виде плоского диска без ручки или с длинной боковой ручкой, имеющей на конце отверстие (Ларичев, Комиссаров, 2002; Mei, Shell, 2002. P. 215–218. Fig. 14,4; New Achievements..., 1995. P. 356–367; Шульга, 2010, рис. 28–30). Особенно интересны, на наш взгляд, найденные здесь бронзовые колесики с четырьмя спицами (Каогу, 1991. № 8. P. 693, 701; Шульга, 2010, рис. 30, 7, 27)¹⁹. Эти колесики (рис. 20, 21, 22) аналогичны амулетам-колесикам из погребений VII–VI вв. до н. э. Южного Зауралья (рис. 3, 13). Подчеркнем, что на других территориях амулеты-колесики обнаружены лишь в комплексах, относящихся к более позднему времени (Пшеничнюк, 1983. Табл. XXVI, 7; Боталов, Таиров, 1996, с. 128, 129).

Сравнительно поздний этап (в пределах VIII–VI вв. до н. э.) культуры чауху (вариант Чунбак) представлен могильником в Шанхусяне, где исследованы три могилы. В двух из них умершие лежат вытянуто на спине. Третья могила представляла собой большую яму с дромосом, содержащую остатки многоактных трупосожжений. В одной из могил с труположением (могила М1) возле женского захоронения найден кусочек красящего минерала, который, по мнению В.Е. Ларичева и С.А. Комиссарова (2002, с. 58), мог использоваться как косметическое средство. Аналогичные предметы обнаружены и в Чауху. Раскраска тела и татуировка отмечены на мумиях из могильников Вупу (Wupu) и Загунлук (Zagunluq, Zagunluk) в Синьцзяне. В Вупу умершие лежали скорченно на боку или на спине с согнутыми в коленях ногами. Четыре радиоуглеродные калиброванные даты укладываются в рамки 1414–828 гг. до н. э. В Загунлуке умерших укладывали на спину с согнутыми в коленях ногами. Радиоуглеродная калиброванная дата могилы М2 – 2960 ± 115 лет назад (The Ancient Corpses..., 2002. P. 51–93). Применение минеральных красок в разных целях, в том числе для татуировки, раскраски тела и косметики, отмечено и у кочевников VII–VI вв. до н. э. Южного Зауралья, Северного и Центрального Казахстана и Алтая (Таиров, Бушмакин, 2001; 2001а; Таиров, Бушмакин, 2002; Агапов, Кадырбаев, 1979, с. 99, рис. 7; Шульга, 1998, с. 37).

В могильниках Янхай 1 и 2 (Синьцзян) погребения совершались в простых грунтовых ямах, ямах с уступом вдоль одной из стенок или ямах с заплечиками (рис. 21; 22). Умерших клали непосредственно

на дно ямы или на специальные деревянные лежа скорченно на бок, вытянуто на спину или на спину с подогнутыми в коленях ногами, головой преимущественно на юго-восток. Погребения одиночные, парные и ярусные. Вместе с умершими в могилу помещали части туш животных, чаще всего головы мелкого и крупного рогатого скота. Среди погребального инвентаря – расписные керамические сосуды различных типов, деревянные емкости и большие блюда, костяные гребни, бронзовые ножи, оселки, предметы вооружения и конской упряжи, приборы для добывания огня и прочее. Особый интерес представляют ножи, удила и псалии, деревянные емкости с изображениями животных в зверином стиле (рис. 20, 11–14, 26, 27, 56, 57; 21, 9–13, 39–45) (Шульга, 2010, с. 48–55, рис. 33–46). Оба могильника китайские археологи предварительно относят к периоду 2000–1000 гг. до н. э. (Cultural Relics..., 2004. № 1. P. 1–27; 2004а. № 1. P. 28–49; Turfanological Research, 2004. № 1. P. 1–46). П.И. Шульга, считает, что захоронения в этих могильниках совершались в VIII–III вв. до н. э. (Шульга, 2010, с. 57). Деревянные изделия, в том числе и емкости, аналогичные янхайским, с изображениями животных в зверином стиле зафиксированы и в могильнике Загунлук (A Grand... P. 46, 47).

Положение погребенных «вытянуто на спине», головой на запад при преобладании погребений в положении «скорченно на боку» отмечено в могильнике Кизил (Синьцзян), относящемся к 1000–600 гг. до н. э. Здесь же зафиксированы кольцевые или подпрямоугольные ограды вокруг могильных ям, сооруженные из горизонтально уложенных камней. Насыпь кургана иногда обносилась кольцевой оградой из плашмя уложенных камней или частично покрывалась каменным панцирем (Cultural Relics..., 2004. № 4. P. 1–14).

Бронзовые кольчатые удила в комплекте с роговыми трехдырчатыми псалиями найдены в могильнике Люшуй на южной окраине пустыни Такла-Макан, в предгорьях хребта Куньлунь (Синьцзян). Согласно серии калиброванных радиоуглеродных дат, могильник относится к периоду 910–770 гг. до н. э. Простые грунтовые ямы могильника в большинстве случаев содержали останки нескольких человек, захороненных один над другим (послойно). Умерших укладывали на спину с согнутыми в коленях ногами, головой на восток. На поверхности захоронения маркировались концентрическими стенками, сложенными из крупных валунов, или каменными набросками. С восточной стороны к большому кругу обычно примыкал каменный круг меньшего диаметра, содержащий пепел и обугленные останки животных. Погребальный инвентарь представлен плоскодон-

ными и круглодонными керамическими сосудами с резной и гребенчатой орнаментацией, бронзовыми двухлопастными втульчатыми наконечниками стрел, ножами, оселками, бронзовыми зеркалами, украшениями из бронзы и золота (серьги, браслеты) (Xinhua Wu..., 2006. P. 173–191). Вообще, надо отметить, что Северный Китай в рамках Центральной равнины и охватывающего ее так называемого северного пограничного пояса от провинции Ганьсу на западе до реки Ляохэ (Маньчжурия) на востоке является практически единственным регионом восточной части Евразии, где можно проследить непрерывное развитие конского снаряжения с XI до V в. до н. э. (Шульга, 2014, с. 257–261).

Еще К.Ф. Смирнов, анализируя массивные литые бронзовые зеркала в виде круглого диска с вертикальным бортиком и центральной петлей на оборотной стороне из района Челябинска (Южное Зауралье), отмечал, что по вопросу происхождения зеркал этого типа в археологической литературе сложилось два мнения. Одни исследователи связывают появление их в Сибири и затем в Скифии с китайским влиянием, другие, наоборот, считают, что зеркала этой формы проникли в Китай из Сибири. Сам же К.Ф. Смирнов осторожно отмечал: «Вероятнее всего, зеркала этого типа попали к савроматам и в Скифию из восточных районов Евразии» (Смирнов К.Ф., 1964, с. 155).

По мнению Ю.Ф. Кирюшина и А.А. Тишкина (1997, с. 89), традиция изготовления зеркал с бортиком и центральной ручкой-петелькой пришла первоначально на Алтай и в Казахстан в VII–VI вв. до н. э. из Китая, где она засвидетельствована в VIII–VII вв. до н. э., а затем уже распространилась дальше. Придерживаясь аналогичной точки зрения, Г.Н. Курочкин (1994, с. 103) указывает на появление зеркал с петельчатой ручкой на севере Китая с XIII–XII вв. до н. э., в памятниках же Западного Чжоу (конец XI – начало VIII в. до н. э.) такие зеркала иногда имеют бортик²⁰. С чжоускими зеркалами можно, по его мнению, прямо сопоставить и наиболее ранние зеркала с бортиком и центральной ручкой-петелькой с Алтая. Данная точка зрения, как нам кажется, более верно отражает историческую действительность, нежели взгляды Т.М. Кузнецовой (1991, с. 13–44), которая, исходя из того, что наибольшая концентрация зеркал данного типа приходится на Южное Приаралье, рассматривает этот регион как центр их распространения. С этим выводом, кстати, согласна и Н.Л. Членова (1993, с. 58). С оттоком сакского населения из Приаралья, по мнению Т.М. Кузнецовой (2002, с. 43), связан и процесс распространения зеркал этого типа как на восток, так и на запад.

На появление изображений свернутых в кольцо и лежащих пантер, оленей «на цыпочках», кабанов, головки хищной птицы в типично скифо-сибирском зверином стиле, а также зеркал с бортиком в памятниках типа Наньшаньгэнь (рис. 23; 24) в Северном Китае уже в IX–VIII вв. до н. э. указывает А.А. Ковалев (1996, с. 121; см. также: Чжун Сук-Бэ, 2000, с. 133, рис. 14, 53). Е.С. Богданов (2002, с. 244; 2006, с. 19) обращает внимание на то, что к северу от Великой Китайской стены «существует целая группа предметов мелкого пластического искусства, которые можно с полным правом назвать ранними образцами скифо-сибирского звериного стиля и датировать их также в пределах IX–VIII вв. до н. э.». В эту группу он включает оружие, нашивные бляшки и пластины с изображениями свернувшихся в кольцо и лежащих пантер, оленей «на цыпочках», кабанов, головки хищной птицы в памятниках типа Наньшаньгэнь, бронзовое зеркало с изображением свернувшегося волкообразного хищника из могилы 165 могильника 4 памятника Чаухугоу (Синьцзян) (рис. 19, 27). Сюда же входят и нефритовые подвески в виде оленей (случайные находки в Северном Китае), бронзовая трубочка из коллекции И.Г. Андерсона (Ордос).

С Внутренней Монголией и Ордосом связывает распространение в Саяно-Алтае образа оленя «на цыпочках» Л.С. Марсадалов. Он же указывает на близость бронзовых наконечников с изображением барана из кургана Аржан-1 и бронзового предмета с изображением лося из села Штабка на Алтае с наконечниками из Китая (Марсадалов, 2008, с. 108).

В настоящее время имеются достаточно веские основания и для утверждения о формировании образа хищника, свернувшегося в кольцо, на территории Внутренней Азии на основе китайских зооморфных кольцевидных композиций (Богданов, 2006, с. 36–39). В этой связи можно указать на изображение свернувшегося животного на бронзовом предмете из могилы M2 в Байфу (вторая половина X в. до н. э.), свернувшегося в кольцо «дракона» на бронзовом сосуде Кан-гуна (первая половина X в. до н. э.), свернувшегося «хищника» на навершии ножа из могилы 101 Наньшаньгэнь (рис. 24, 24), бляшку из могилы «Сяохэйшигоу 1985 года» (Внутренняя Монголия) (Чжун Сук-Бэ, 2000, с. 124, 129, рис. 8, 43; 12, 40; Богданов, 2006, с. 36. Табл. XII, 1, 9). Из Синьцзяна происходят и бронзовые зеркала с бортиком и ручкой в форме петли в центре диска с гравированными изображениями свернувшихся животных. Свернувшаяся в кольцо пантера изображена и на зеркале с длинной боковой ручкой из Измайловки в Восточном Казахстане (Кубарев, 2002, рис. 1, 5, 8, 9). Из Внутренней Азии мотив свернувшегося хищника прони-

кает в более западные области Евразии (Курочкин, 1993, с. 65, 66; Иванчик, 2001, с. 76)²¹.

Вообще, говоря о развитии звериного стиля в степной Евразии, можно согласиться с мнением Е.С. Богданова (2006, с. 17) о том, что «самая приемлемая на сегодняшний день теория появления и генезиса скифского анималистического искусства в степях Евразии была изложена в работе Г.Н. Курочкина (1989, с. 102–120)». Это развитие Г.Н. Курочкин представляет как ряд последовательных этапов. На первом, центральноазиатском, этапе «сформировалось основное ядро тех образов, которые являются стержневыми для всего скифского мира». Это определенные сюжеты: кабан «на цыпочках» или в позе «внезапной остановки», стоящий «на пуантах» или «летающий» олень, свернувшаяся кольцом или припавшая к земле пантера. Следующий этап характеризуется распространением обозначенных сюжетов от Алтая до Приуралья (Курочкин, 1989, с. 110, 111). Последующие этапы в «развитии скифского звериного искусства» связаны с появлением скифов в Юго-Восточной Европе, их пребыванием в Передней Азии и освоением Северного Причерноморья после возвращения из переднеазиатских походов (Курочкин, 1989, с. 112–114).

В VII в. до н. э. на Алтае, в Туве и Минусинской котловине на чеканах, ножах и деталях конского снаряжения появляются как реалистические, так и стилизованные изображения целой фигуры или только головы орла – хищной птицы с загнутым или удлиненным клювом, без уха, гребня и хохолка. Изображения как целой фигуры, так и головы орла известны в Южном Зауралье (рис. 3, 7, 8, 20, 24; 4, 1), Центральном Казахстане (рис. 12, 15), Приаралье (Гаврилюк, Таиров, 2002, рис. 1, 1; 2006, рис. 3.4, 6; Маргулан и др., 1966, рис. 65; Вишневская, 1973. Табл. XXVII; Таиров, 2010). Первоначально анализировавший эти изображения П.И. Шульга, основываясь на находках изображений орлов среди петроглифов Джунгарии и Тянь-Шаня, пришел к выводу о формировании образа орла в пределах Семиречья (Шульга, 1998, с. 35, 36. Табл. I). Позднее он несколько скорректировал этот вывод: «Образ орла был привнесен в культуры Южной Сибири в VII – начале VI в. до н. э. из Казахстана (возможно, и с пока слабо изученной пограничной территории Китая), где были широко распространены выполненные в реалистической и стилизованной манерах характерные изображения орла на наскальных рисунках и предметах из погребений» (Шульга, 2003а, с. 254–256). В связи с этим укажем на стилизованные изображения головы орла на предметах из Чаухугоу-1 и 4 (Шульга, 2010, рис. 13, 6, 18, 19; 19, 12, 13, 17).

Возможно, с Северным Китаем связано и происхождение широко распространенных в евразийской степи от Саяно-Алтая до Южного Приуралья поясных накладок с изображениями противопоставленных голов грифонов (Воробьева, 2010).

Как считает М.В. Горелик, формирование «классического» евразийского чекана произошло, скорее всего, в Южной Сибири или в Ордосе. Объемное изображение птичьей головки под клинком, загнутый клюв, образующий кольцо для подвески, как раз свидетельствуют о его восточном происхождении (Горелик, 1993, с. 55). Рассматривая происхождение алды-бельских чеканов, Н.Ю. Смирнов выделил две культурные традиции. Одна из них ориентирована на Северо-Западный Китай и Монголию, вторая, несколько более поздняя, – на Саяно-Алтайский регион. Причем обе они генетически связаны с традицией китайского древкового оружия ближнего боя эпохи Инь. Прототипы собственно саяно-алтайских чеканов, по его мнению, следует искать «в традициях Китая и его непосредственного «варварского» окружения» (Смирнов Н.Ю., 2004, с. 48, 50). Отметим также, что проведенная Н.Ю. Смирновым корреляция по семнадцати признакам чеканов из девяти регионов Евразии показала, что наибольшим количеством признаков (от 7 до 14) связаны между собой пять регионов: Тува, Минусинская котловина, Горный Алтай, Восточный Туркестан и Казахстан.

Весьма интересные материалы были получены китайскими археологами при раскопках могильника Шанцуньлин – «государственного кладбища» удела Го (Северное Го), функционировавшего в период правления Сюань-вана (827–782 гг. до н. э.). Среди многочисленного погребального инвентаря здесь найдены изделия «северного происхождения»: бронзовые зеркала, панцирные пластины и, подчеркнем особо, пояс, «набранный из двенадцати золотых бляшек». Как отмечает С.А. Комиссаров, «наборный пояс – явление для Китая уникальное, тогда как в более позднюю эпоху оно широко представлено среди народов северной степной зоны» (Комиссаров, 1995, с. 67, 68). Здесь можно указать на пояса с бронзовыми или железными обоймами из памятников VIII–VI вв. до н. э. Северного и Северо-Западного Китая, Тувы, Алтая, Памира, Приаралья и степей Жайык-Иртышского междуречья (Добжанский, 1990, с. 20, 21; Таиров, 2004, с. 140–145; Шульга, 2008, с. 104–118; 2010, с. 71–76).

Наиболее обоснованной в настоящее время, по мнению А.И. Иванчика (2001, с. 118), представляется гипотеза о происхождении литых бронзовых шлемов «кубанского» типа из Северного Китая. Очень схожие экземпляры подобных изделий имелись в

эпоху Западного Чжоу (рис. 24, 7, 8), и связаны они с кочевыми этносами, обитавшими севернее древнекитайских земель (Борисенко, Худяков, 2003, с. 23). Совершенно правомерно, на наш взгляд, и предположение К.В. Чугунова о том, что «именно Китай эпохи Западного Чжоу являлся исходной территорией появления у кочевых племен, населявших южные районы степной зоны, стрел с черешковым насадом» (Чугунов, 2000а, с. 167). Впрочем, бронзовые двухлопастные черешковые наконечники стрел известны в Китае уже в поздне-иньское время (Варенов, 1999, с. 308, рис. 2, 7; 2003, с. 291, рис. 1, 9).

2.4. Некоторые вопросы антропологии населения степей Центральной Евразии

Краниологические материалы Алтая, как отмечает С.С. Тур, «свидетельствуют о крайней морфологической и, соответственно, генетической неоднородности раннескифского населения Алтая». В краниологической серии этого времени выделяются монголоидные и европеоидные комплексы признаков, а также европеоидно-монголоидные типы местного происхождения. Необходимо, на наш взгляд, обратить внимание на следующий момент. Под каменной насыпью кургана 26 могильника Тыткескень VI (Горный Алтай) выявлена подпрямоугольная грунтовая яма, в которой совершенно захоронение мужчины (?), лежащего вытянуто на спине, головой на ССЗ. Его сопровождали бронзовое зеркало, каменная трехжелобчатая застежка, два небольших бронзовых колечка (Кирюшин, Тишкин, 1997а, с. 162–165, рис. 2). Череп погребенного «относится к монголоидному типу, представленному на неолитических черепах Алтая и Красноярско-Канского района». Монголоиды из кургана 1 Машенки и погребения 2 кургана 2 могильника Чесноково (северо-западные предгорья Алтая) «аналогий среди населения Алтая более раннего времени не имеют и представляют, судя по всему, пришельцев» (Тур, 1997, с. 141). Женский череп из Машенки относится к восточноазиатской расе в составе тихоокеанской ветви монголоидов. Восточноазиатский расовый тип, отмечает С.С. Тур, «прослеживается в некоторых районах Китая, в частности в верхнем течении реки Хуанхэ, по-видимому, уже с эпохи неолита». «Генетические истоки восточноазиатского типа (Машенка) следует связывать с территорией Китая (провинции Хэнань, Ганьсу, Цинхай)» (Тур, 1997, с. 137, 138, 141), а грацильные низколицые монголоиды (Чесноково) могли появиться с севера, из лесостепного Приобья. Но, подчеркивает С.С. Тур, «следует, однако, иметь в виду, что они отмечаются и значительно западнее

– в составе саков Восточного Казахстана и Алайской долины» (Тур, 1997, с. 139, 141).

Рассматривая скифо-сакское население, В.П. Алексеев выделил в его составе особый расовый вариант, представленный на Сырдарье, в Восточном Казахстане и на Алтае. Этот вариант, по его мнению, сходен с современной южносибирской расой, «имеющей смешанное происхождение и сформировавшейся на огромной территории от Монголии на востоке до Казахстана на западе, начиная с эпохи рубежа поздней бронзы – раннего железа». Проникновение же монголоидных элементов в бассейн Сырдарьи, Восточный Казахстан и горные районы Алтая происходило, по его мнению, из Центральной (Внутренней. – А.Т.) Азии (Мартынов, Алексеев, 1986, с. 59, 61; Алексеев, 1989, с. 231). Кроме того, В.П. Алексеев (1989, с. 233) отмечал, что, исходя из палеоантропологических данных, можно «высказаться в пользу точки зрения тех исследователей, которые видят в культуре сакских племен Казахстана и Алтая многие черты центральноазиатского происхождения»²².

По мнению Е.П. Китова и А.А. Хохлова, отмеченная для Южного Зауралья раннесакского времени небольшая монголоидная примесь в антропологическом облике населения, по всей видимости, «имеет связь с восточным импульсом в общем и с территорией Синьцзяна или Алтая в частности» (Китов, Хохлов, 2013, с. 281).

В Южном Приаралье в раннесакское время в составе местного населения, по данным Л.Т. Яблонского, выделяются два резко отличающихся антропологических варианта. «Один (группа типа Тумек-кичиджик. – А.Т.) напоминает классический «протоевропеоидный», а другой (группа типа Сакар-чага. – А.Т.) в общем укладывается в параметры краниологических особенностей расы среднеазиатского междуречья, но отличается монголоидной примесью, особенно отчетливо выраженной в женской серии. Происхождение первого варианта логично связать с населением евразийских степей эпохи бронзы. Наличие монголоидной примеси в составе второго указывает, во всяком случае, на его восточное происхождение». «Мужчины типа Сакар-чага наибольшее сходство обнаруживают с савромато-сарматскими группами Южного Приуралья, а также с сакским населением Северного и Восточного Казахстана. Из предшествующих по времени серий только одна сопоставима с сакарчагинской, а именно – из карасукских могильников Минусинской котловины... Как и мужчины, женщины по обеим системам признаков обнаруживают наибольшее сходство с серией савромато-сарматского времени из Южного

Приуралья, а из предшествующих по времени групп – опять же с карасукским населением Минусинской котловины» (Яблонский, 1996, с. 57, 58; см. также: Яблонский, 2015, с. 96–102)²³. Кроме того, наблюдается сходство женских серий из Присарыкамышья с населением, оставившим могильники Южный Тагискен и Уйгарак, а также с сакским населением Северного Казахстана и Предгорного Алтая (Яблонский, 2015, с. 102).

Подводя итог антропологическому изучению раннесакского населения Южного Приаралья и говоря о сакарчагинской группе, Л.Т. Яблонский подчеркивает, что «восточное направление генетических связей в данном случае представляется единственно возможным». На основе же фиксируемого сходства этой группы с карасукским населением Минусинской котловины он делает предположение о том, что «какие-то группы этого (карасукского. – А.Т.) населения могли принять участие в формировании антропологического облика населения сакского типа в Северном Казахстане и Приаралье» (Яблонский, 1996, с. 58, 59; см. также: Яблонский, 2015, с. 103).

Антропологический анализ краниологических материалов раннесакского времени Восточного Приаралья также выявил наличие «черепов, у которых монголоидная примесь устанавливается с достаточной степенью надежности» (Итина, Яблонский, 1997, с. 77; см. также: Яблонский, 1998, с. 39). Проникновение же монголоидов в состав населения раннесакского времени Приаралья, Казахстана и Киргизии, по мнению В.В. Гинзбург и Т.А. Трофимова (1972, с. 119), «могло происходить как за счет передвижения монголоидного и смешанного населения со стороны Алтая, так и перекочевков монголоидных групп из Центральной Азии через Джунгарские ворота и по долинам рек (Иртыш, Или)».

Таким образом, монголоидная примесь с разной степенью выраженности фиксируется во всех раннесакских краниологических выборках Приаралья, как Южного, так и Восточного. Причем «ощутимая монголоидная примесь в составе населения появилась здесь именно на начальном этапе развития культур сакского типа, в абсолютных датах – в VIII–VI вв. до н. э.» (Итина, Яблонский, 1997, с. 78). То, что население раннесакского времени появилось в Южном Приаралье в результате миграций, не вызывает сомнений, ибо в эпоху бронзы в силу экологических причин эта территория вообще пустовала. Проявление в Приаралье монголоидной примеси одновременно с появлением здесь кочевых сообществ раннесакского типа делает, подчеркивает Л.Т. Яблонский, вполне логичным предположение, что именно в составе этих сообществ были носители монголо-

идных черт (Яблонский, 2015, с. 107).

Рассматривая вопрос об истоках монголоидной примеси в составе населения Приаралья и Казахстана, Л.Т. Яблонский склонялся к мнению о его центральноазиатском или западносибирском происхождении (Итина, Яблонский, 2001, с. 108, 109)²⁴. Значительную примесь монголоидных форм центральноазиатского происхождения среди населения Приаралья и Казахстана VII–V вв. до н. э. отмечает и Т.К. Ходжайов (2008, с. 144, 45).

Все это соответствует, по мнению Л.Т. Яблонского (Итина, Яблонский, 1997, с. 80), выводам В.П. Алексеева и И.И. Гохмана (1984, с. 70) о распространении носителей монголоидного комплекса признаков вместе с брахикранными европеоидами с востока на запад. Однако в отличие от В.П. Алексеева (Мартынов, Алексеев, 1986, с. 59, 61) Л.Т. Яблонский считает, что «восточный импульс в этногенезе ранних саков Приаралья... антропологически легче всего связать с населением эпохи поздней бронзы Южной и Западной Сибири, культурно-генетически связанным с притаежным, лесостепным вариантами культур позднеандроновского или карасукского типа» (Итина, Яблонский, 2001, с. 111). Впрочем, Л.Т. Яблонский отмечает, что «у нас нет достаточно весомых, с точки зрения археологии, оснований говорить о непосредственной формообразующей роли карасукского компонента в сложении сакских культур Приаралья». Ранее Л.Т. Яблонский констатировал, что «более или менее выраженная монголоидная примесь, вероятнее всего, центральноазиатского происхождения, впервые фиксируется в восточной степи как раз в эпоху формирования культур сакского типа». «Совокупность антропологических данных... несомненно свидетельствует о центральноазиатском импульсе в процессе формирования физического типа ранних скотоводов Приаралья» (Яблонский, 1998, с. 44). Позднее же он более осторожно отмечает, что «появление на территории Южного и Восточного Приаралья людей с монголоидной примесью антропологически объективно подтверждает, во всяком случае, восточный импульс в процессе формирования культур сакского типа (конец VIII – VII в. до н. э.), который находит отражение и в археологических материалах» (Яблонский, 2004, с. 247). Исходная же территория восточного импульса не очерчивается. Более перспективным нам представляется его замечание о том, что, возможно, решение проблемы происхождения монголоидного компонента в составе населения раннесакского времени степей Центральной (Средней) Азии и Казахстана «связано с изучением палеоантропологических материалов с территории Синьцзяна и южных районов

Джунгарии» (Яблонский, 1996а, с. 50; Итина, Яблонский, 1997, с. 78).

Впрочем, если рассмотреть материалы эпохи поздней бронзы Южной Сибири, Центрального Казахстана и Юго-Восточного Приаралья, то, на наш взгляд, появляются и археологические данные, позволяющие говорить «о непосредственной формообразующей роли карасукского компонента в сложении сакских культур Приаралья».

Положение о том, что культуры – «классическая» карасукская Минусинской котловины, бегазы-дандыбаевская Центрального Казахстана, тагискенская Восточного Приаралья, а также ирменская Западной Сибири – разные, но родственные в пределах «культур карасукского круга» (Членова, 1998, с. 673), ни у кого, пожалуй, не вызывает возражений.

Карасукская культура в Минусинской котловине, как полагал С.В. Киселев (1951, с. 142–147), появилась в результате миграции ее носителей из Северного Китая. Эта точка зрения поддержана Э.А. Новгородовой, считающей, что исходной территорией миграции были Центральная (Внутренняя. – А.Т.) Азия и Северный Китай (Новгородова, 1970, с. 64, 174; 1989, с. 122–125, 233). Она, в частности, отмечает, что «между племенами Монголии, Тувы и Южной Сибири в карасукское время существовала связь, скорее всего этническая. И причину этой связи следует искать в большой миграционной волне, прокатившейся из горностепных районов Центральной (Внутренней. – А.Т.) Азии на северо-запад в сторону Енисея и на запад Монголии» (Новгородова, 1989, с. 130). Согласно Н.Л. Членовой (1972, с. 77, 82; 1998, с. 673), карасукцы пришли на Енисей из Ирана через Афганистан, Синьцзян, Монголию и Туву²⁵. По мнению И.В. Пьянкова, складывание карасукской культуры в XII–X вв. до н. э. явилось результатом исхода из Ордоса жунов – носителей культур «ордосских бронз» (Пьянков, 2014, с. 148). Первоначальной зоной формирования карасукской культуры были, как считает В.А. Новожинов, территории Северного Китая и Внутренней Монголии. Затем она расширяет сферу своего влияния до Южной Сибири и Казахстана (Новожинов, 2013, с. 323). Прослеживаются и определенные связи карасукской культуры с бегазы-дандыбаевской (Членова, 1998, с. 673)²⁶.

Уже первые исследования небольшой серии карасукских черепов из Минусинской котловины зафиксировали, во-первых, их отличие от предшествующих андроновских и, во-вторых, сильнейшую инфильтрацию монголоидных элементов северокитайского типа (Киселев, 1951, с. 114–116). Согласно А.Н. Багашеву (2002, с. 22), в эпоху бронзы центрально-азиатские монголоидные элементы встречаются в

составе карасукских популяций Восточной Сибири, кротовских, андроновских (федоровских), еловских, ирменских групп Западной Сибири, а также в составе населения черкакульской культуры Приуралья.

Кузьмина Е.Е. отмечает, что карасукская и собственно бегазы-дандыбаевская керамики схожа не только по форме и орнаментации сосудов, но и по технологии их изготовления. По ее мнению, «дандыбаевский керамический комплекс следует, видимо, отнести к особой культуре, генетически не связанной с андроновской» (Кузьмина, 1994, с. 130). Близость карасукской, бегазы-дандыбаевской и тагискенской керамики по ряду орнаментов, технике их нанесения и технике отделки поверхности прослеживает и Н.Л. Членова (1972, с. 58–63). В.В. Варфоломеев (1991а, с. 29) также считает, что «значительная часть бегазинской керамики обнаруживает поразительное сходство с тагискенской, карасукской (карасукского и каменоложского этапов), еловско-ирменской...». Кроме того, «бегазинские сосуды резко отличаются от саргаринских орнаментом и по технико-технологическим признакам». Наличие в бегазы-дандыбаевской керамике серии сосудов карасукского типа, не имеющей истоков в андроновской культуре, отмечали также М.К. Кадырбаев (1968, с. 34), Э.А. Новгородова (1970, с. 64), В.А. Кореняко (1990, с. 31), Р. Исмагил (1998, с. 4) и другие исследователи.

Появление бегазы-дандыбаевского керамического комплекса в степях Центрального Казахстана, согласно Е.Е. Кузьминой, связано с миграцией его носителей, принадлежавших к тюркской языковой семье²⁷, из Сибири или Центральной (Внутренней) Азии. В Центральном Казахстане мигранты заняли, по ее мнению, господствующее положение в местной андроновской среде. Именно для представителей этой группы сооружались огромные мавзолеи бегазинского типа (Кузьмина, 1994, с. 130, 131)²⁸. Выводы Е.Е. Кузьминой поддержал и И.В. Пьянков, связывающий формирование дандыбаевской культуры со второй волной нашествия жунов из районов к северу и западу от коренного Китая (Пьянков, 2014, с. 148).

Сложные и монументальные сооружения бегазы-дандыбаевской культуры также не имеют полных аналогий в андроновских памятниках Казахстана (Кореняко, 1990, с. 31). По степени сложности устройства погребального комплекса бегазинские мавзолеи сопоставимы с херексурами Внутренней Азии. Причем, согласно К.В. Чугунову (2002, с. 146), для их планиграфии характерны и некоторые общие черты: устройство захоронения в сравнительно неглубокой яме или на уровне горизонта; сооружение вокруг него нескольких оград круглой

или прямоугольной формы; употребление в обряде вертикально установленных стел. По его мнению, бегазы-дандыбаевская культура появилась в Центральном Казахстане в результате движения части родственных племен из Северного Китая на запад. Но он, в отличие от Е.Е. Кузьминой, считает их носителями индоиранских традиций (Чугунов, 2002, с. 149). Р. Исмагил (1998, с. 6) также приходит к выводу, что «этническое ядро бегазы-дандыбаевской культуры составляли, вероятно, выходцы из восточных районов Евразии, в культурном отношении близкие к карасукскому населению». Как отмечает А.А. Ткачев, «данных об автохтонной линии развития дандыбаевских древностей в степях Центрального Казахстана нет. Дандыбаевская культурная традиция сформировалась за пределами рассматриваемого региона». По его мнению, эта традиция зарождается в Барабинской лесостепи и северной части Кулундинской степной зоны Обь-Иртышского междуречья «в результате взаимодействия двух подвижных групп населения: позднеканайского (кызылтасского), мигрировавшего из Казахстанского Прииртышья, и карасукского, проникающего из Енисейских степей» (Ткачев, 2002а, с. 205; 2003, с. 376, 377). Пришлой в Казахстане считают бегазы-дандыбаевскую культуру также Л.Р. Кызласов (1977, с. 71), В.В. Варфоломеев (1991, с. 16)²⁹, С.М. Ситников (2004, с. 138) и другие исследователи (подробнее см.: Варфоломеев, 2013, с. 167–174).

Находки сосудов бегазы-дандыбаевского типа в Северо-Западном Синьцзяне стали основой для выдвинутого В.И. Молодиным предположения: «Вероятнее всего, следует связывать бронзовые предметы карасукского облика Синьцзяна (а весьма вероятно, что и соседних районов Монголии и Горного Алтая) с... общностью носителей бегазы-дандыбаевской керамики». Правда, появление бегазы-дандыбаевской керамики в Синьцзяне В.И. Молодин объясняет миграцией носителей этой культуры из Центрального Казахстана (Молодин, 1998, с. 287; Молодин, Комиссаров, 2001, с. 281; см. также: Худяков, Комиссаров, 2002, с. 39, 40; Население Горного Алтая..., 2003, с. 156, 157).

Связь носителей бегазы-дандыбаевской культуры с населением Приаралья (Северный Тагискен), проявляющаяся как в архитектуре погребальных сооружений, так и в керамике, давно отмечена исследователями (Толстов, 1962, с. 85; Толстов и др., 1963, с. 45; Грязнов, 1966, с. 237; 1970, с. 42; Дуке, 1969, с. 67; Кореняко, 1990, с. 31, 33; Варфоломеев, 1991, с. 16; Итина, 1992, с. 35, 36; Итина, Яблонский, 2001, с. 103; Исмагил, 1998, с. 3). Н.Л. Членова, выделяя общность карасукской и других культур Евразии XIII–

VIII вв. до н. э., наметила и более мелкие районы, каждый из которых имеет свои характерные черты и особенности. Один из таких районов – «Центральный Казахстан (памятники типа Дандыбай, Бегазы, Бугылы, Сангуыр) и низовья Сыр-Дарьи (Тагискен). Очень большое сходство в формах и орнаментах керамики» (Членова, 1972, с. 133, 134). А.А. Ткачев (2002а, с. 206) считает, что «самым южным памятником дандыбаевского облика является могильник Тагискен». Л.Р. Кызласов (1977, с. 75) даже говорит о тагискенском варианте бегазы-дандыбаевской культуры. В.Г. Ломан среди бегазы-дандыбаевской керамики («суперстратной») выделяет собственно дандыбаевский комплекс, который не имеет аналогий ни в одной из известных на сегодняшний день культур эпохи бронзы. Культурный комплекс, гончары которого производили эту керамику, локализуется, по его мнению, на территориях, прилегающих к могильнику Северный Тагискен в Приаралье. Из Приаралья дандыбаевская керамика распространялась на северо-восток – в Центральный и Восточный Казахстан, Алтай, Барабу и Кулунду. Причем из Приаралья «не только привозились дандыбаевские сосуды, но и проникали сами дандыбаевцы (Ломан, 2013, с. 250–253).

Отдельные круглодонные сосуды Северного Тагискена «живо напоминают сосуды карасукского типа памятников Алтая, Южной Сибири и больше-реченской культуры Восточного Казахстана» (Итина, Яблонский, 2001, с. 104). Х. Дуке (1969, с. 68), приведя ряд параллелей тагискенской и карасукской керамики, пришел к выводу о том, что «часть керамики Тагискена представляет собой керамику карасукского типа со свойственными ей особенностями». Еще более определенно о близости части тагискенских и карасукских сосудов писал М.П. Грязнов (1966, с. 237): «Некоторые сосуды из могильников Карасук I и Ярки I на Енисее по форме и орнаментам настолько сходны с тагискенскими, что легко сделать ошибку, определяя, какой из них происходит из Приаралья, какой – с Енисея». По мнению М.А. Итиной (1992, с. 35), эта керамика демонстрирует примесь восточного, карасукского, компонента в составе бегазы-дандыбаевского и тагискенского населения. Еще раньше Л.Р. Кызласов (1977, с. 75) указывал: «Наше предположение о проникновении в VIII–VII вв. до н. э. с востока на запад какой-то группы носителей карасукских традиций в материальной культуре подтверждается не только выявлением карасукского воздействия на культуры Хорезма, но и обнаружением тагискенских могильников на Сырдарье...»³⁰.

Таким образом, вполне вероятно, что в сложении карасукской культуры Минусинской котловины, бега-

зы-дандыбаевской Центрального Казахстана и культуры Северного Тагискаена приняли участие близкородственные в культурном и антропологическом отношении компоненты («носители карасукской традиции в материальной культуре», по Л.Р. Кызласову), выходцы из Внутренней Азии. Преемственность же раннесакского населения Юго-Восточного Приаралья с носителями культуры Северного Тагискаена сомнений не вызывает. А приход сюда новой волны мигрантов из тех же районов Внутренней Азии, антропологически близких «носителям карасукской традиции», очевидно, не смог кардинально изменить антропологический облик населения.

Приведенная выше реконструкция историко-культурных процессов соответствует, на наш взгляд, и данным антропологии. «Имеющиеся в настоящее время краниологические данные свидетельствуют о возможности проникновения монголоидных расовых элементов центральноазиатского происхождения в этническую среду Южного и Юго-Восточного Приаралья, Киргизии и Восточного Казахстана. Однако не в «чистом виде». Данный монголоидный компонент присутствовал в составе определенных общностей в целом европеоидного облика. Раннесакские черепа с территории Юго-Восточного Приаралья и Киргизии обнаруживают сходство среди материалов эпохи бронзы Южной и Восточной Сибири только с карасукскими сериями... В период перехода от бронзы к железу на север Средней Азии и в Киргизию мигрировали племена из Восточной Сибири, антропологический тип которых более всего сходен с типом населения карасукской культуры и которые в расогенезе популяций, оставивших ряд могильников сакского типа» (Багашев, 2002, с. 22; см. также: Багашев, 2000, с. 192, 193). Т.А. Чикишева на основе результатов кластерного анализа комплекса краниометрических признаков краниологических серий эпохи раннего железа и бронзы пришла к близким выводам: «Полученная картина отражает сложный антропологический состав саков и не позволяет рассматривать сакское население только как потомков местных андроновцев. Часть племенных объединений саков формировалась при участии окуневско-каракольско-карасукских компонентов... Имеется морфологическое сходство пазырыкцев с рядом групп сакского и усуньского населения Средней Азии и Казахстана; оно обусловлено генетической близостью как минимум одного из субстратных компонентов – окуневско-карасукского антропологического пласта» (Чикишева, 2000, с. 47, 48).

Изучение немногочисленного краниологического материала раннесакского времени Южного Заура-

ля показало, во-первых, наличие в эту эпоху монголоидной примеси, во-вторых, что генезис «сакского» населения, оставившего могильники на этой территории, «не связан с населением предшествующего финального этапа эпохи бронзы». Это, по мнению Е.П. Китова и А.А. Хохлова, позволяет предполагать, что «становление физического облика населения Зауралья на раннем этапе раннего железного века зависело от притока населения, оставившего памятники тасмолинской культуры в Центральном Казахстане» (Китов, Хохлов, 2013, с. 281). Впрочем, нельзя отрицать и участие в формировании антропологического типа кочевого социума Южного Зауралья и местного, пусть и весьма немногочисленного, населения (Хохлов, Фризен, 2004, с. 260).

Краниологические материалы тасмолинской культуры говорят о крайней неоднородности населения Центрального Казахстана в раннесакское время, «смешении как минимум на уровне нескольких поколений европеоидного и монголоидного (или уже смешанного европеоидно-монголоидного) населения» (Бейсенов, Китов, 2014а, с. 76). Это, как считают Е.П. Китов и А.А. Хохлов, «предполагает выход как минимум части их носителей из Центральной (Внутренней. – А.Т.) Азии. Пути проникновения, вероятно, лежали через Джунгарскую впадину с территории Синьцзяна, с возможным процессом биологических контактов с местным населением, оставившим памятники бегазы-дандыбаевского типа» (Китов, Хохлов, 2013, с. 281).

Весьма интересны в этом плане краниологические материалы из элитарного могильника раннесакского времени Талды-2, сильно отличающиеся своим морфологическим своеобразием на фоне других черепов тасмолинской культуры. Наиболее близкой к талдинской оказывается «серия из долины р. Или (Синьцзян, Китай)». Сборная же серия тасмолинской культуры находится среди серий культур саков Приаралья, Северного и Восточного Казахстана (Бейсенов, Китов, 2014а, с. 76, 78). Для талдинской серии характерна «псевдомонголоидность», которая, по мнению А.З. Бейсенова и Е.П. Китова, сформировалась «на базе населения европеоидного облика на стыке с группами, имеющими монголоидную составляющую, которая была привнесена достаточно давно и успела сформировать специфические европеоидно-монголоидные особенности при доминанте первых». Территория, на которой могли сформироваться эти специфические особенности, охватывает Восточный Казахстан, Алтай, Синьцзян и Туву (Бейсенов, Китов, 2014а, с. 79). Интересно, что в погребениях ранних кочевников этих регионов зафиксирована традиция посмертной трепанации

черепов. Причем в Туве по технике исполнения она сходна с трепанацией, зафиксированной в памятниках тасмолинской культуры, что «может свидетельствовать об общих истоках происхождения данной традиции» (Бейсенов, Китов, 2014б, с. 39; Бейсенов и др., 2015, с. 128, 129).

Примечательно также, что краниологическая серия из Талды-2 фиксирует наиболее «восточные» признаки не только среди населения тасмолинской культуры, но и среди других сакских серий Восточного Приаралья, Горного Алтая, Синьцзяна, Тувы, Западной Монголии и Минусинской котловины. Это еще раз подтверждает высказанную многими антропологами точку зрения, что «население Центрального Казахстана имеет связь с «восточным импульсом» в общем и с территорией Алтая или Синьцзяна в частности» (Бейсенов, Китов, 2014а, с. 79, 80).

Как представляется, заключения Е.П. Китова и А.З. Бейсенова по антропологии населения раннесакского времени Центрального Казахстана не противоречат выводам более ранних исследований. Так, антропологическое исследование серии черепов из памятников I этапа тасмолинской культуры Центрального Казахстана, проведенное О. Исмагуловым, показало, что антропологический тип как мужских, так и женских черепов – европеоидный в целом, с некоторой примесью монголоидных элементов. Появление последних связано с проникновением монголоидных групп. Наиболее близкое морфологическое сходство «тасмолинцы» обнаруживают, с одной стороны, с саками Приаралья... и с другой – со «скифами» Алтая». Это сходство обусловлено тем, что «они впитали в себя, вероятно, одни и те же монголоидные компоненты». Как считает О. Исмагулов, проникновение монголоидного компонента в Казахстан и Среднюю Азию шло из Центральной (Внутренней) Азии не только через Алтай, но и через Джунгарскую котловину (Исмагулов, 1970, с. 32–38). Антропологическое изучение небольшой серии черепов из раннетасмолинских памятников, проведенное А.С. Исмагуловой и А.З. Бейсеновым, показало, что по своим характеристикам мужские черепа наиболее близки к серии черепов из Горного и Предгорного Алтая и Тувы. Сходство наблюдается также и с краниологическими материалами из Приаралья. Эти данные, как считают авторы исследования, позволяют сделать вывод о существовании определенных контактов населения Центрального Казахстана с монголоидным населением восточных районов Центральной (Внутренней) Азии (Исмагулова, Бейсенов, 1996, с. 111–113).

2.5. Причины и модель миграций кочевников Внутренней Азии в начале I тыс. до н. э.

Датируя куртуский этап бийкенской археологической культуры Алтая концом IX – первой половиной VIII в. до н. э., А.А. Тишкин синхронизирует его с определенными событиями в истории Китая. Это правление Сюань-вана (826–781 гг. до н. э.), организовавшего походы на северные племена с целью их покорения³¹, и правление Ю-вана (781–770 гг. до н. э.), закончившееся разгромом его войска кочевыми племенами и переносом столицы Чжоу на восток. Начало следующего, семисартского, этапа (вторая половина VIII – первая половина VII в. до н. э.), по его мнению, «связано с падением в Китае династии Западное Чжоу в 770 г. до н. э., что стало причиной массовых миграций» (Тишкин, 2006, с. 23, 24).

На наш взгляд, активность кочевников на границах Восточного и Западного Чжоу³² и их миграции как на север, так и на запад следует связывать прежде всего с изменениями экологических условий в степях Монголии, Северного и Северо-Западного Китая. На эту связь, очевидно, обратил внимание и А.А. Тишкин, помещая в перечень датированных событий «жесточайшую засуху» в степях Внутренней Азии, разразившуюся около 800 г. до н. э. и спровоцировавшую подвижку скотоводческого населения. Отмечает он и смену экологических эпох в Азии после 750 г. до н. э. (Тишкин, 2006, с. 24).

Финал эпохи бронзы и начало раннего железного века в евразийских степях приходится на конец среднего и начало позднего этапов суббореального периода (SB) по схеме геологической периодизации голоцена Блитта – Сернандера. Переход от среднего этапа (SB₂) к позднему (SB₃) произошел около 3000 л. н.³³ Изменения в это время экологических условий в степях Евразии, вызванные колебаниями климата, представляются на современном уровне исследований в следующем виде.

Прежде всего отметим, что вторая половина II – начало I тыс. до н. э. – это время прогрессирующего потепления, экстремум которого приходится примерно на 2800 л. н. (рис. 25, 1). Это потепление на юге Западной Сибири и севере Казахстана сопровождалось уменьшением среднегодового количества осадков (рис. 26; 27) (Климанов, 1996, с. 17, 19). В настоящее время при потеплении на северо-востоке Казахстана и в южной части Западной Сибири отмечаются некоторое уменьшение зимних осадков и увеличение осадков в другие сезоны года, особенно существенные весной (Винников, Гройсман, 1979, с. 34)³³.

Интересен, на наш взгляд, прогноз изменения почв и ландшафтов семиаридной зоны Казахста-

на в связи с современным глобальным потеплением, приведенный М.Е. Бельгибаевым и А.В. Белым (Бельгибаев, Белый, 2002). Анализ метеорологических данных по Северному Казахстану за последние 60–100 лет выявил потепление климата от 1,7° до 2° С. Особенно интенсивно этот процесс проявлялся в зимний период – до 6° С. Установлена общая тенденция снижения количества атмосферных осадков, а в некоторых случаях наблюдается их незначительное повышение. Рост годовой температуры воздуха, который составил около 2 °С за 60 лет, зафиксирован и в Центральном Казахстане. За это же время зимние температуры выросли здесь на 3,5–3,7° С. Сумма же атмосферных осадков в целом не превышает их норму более чем на 0,8–1,2 мм. Как отмечают М.Е. Бельгибаев и А.В. Белый, «многочисленные данные свидетельствуют в целом о потеплении климата на планете, но эта тенденция неодинакова в разных регионах. Некоторые регионы в плане потепления «опережают» другие территории и континенты. К ним можно отнести и территорию Казахстана в целом, особенно Северный и Центральный его регионы» (Бельгибаев, Белый, 2002, с. 136). Все имеющиеся в настоящее время модели общей циркуляции атмосферы предсказывают ухудшение условий увлажнения в регионе, расширение площади пустынь и сокращение полупустынь и степной зоны. Согласно сценарию, к 2050–2075 гг. при минимальном потеплении границы зон увлажнения сдвинуты к северу в среднем на 50–100 км, а при максимальном потеплении – на 350–400 км. Площадь же степной зоны сократится от 6 до 23%.

Усиление аридизации и ее последствия в первую очередь коснутся биоты, в том числе растительного покрова, наиболее чутко реагирующего на климатические изменения. Речь идет о серотизации травянистой формации степной зоны, об экзодинамических сукцессиях (сменяемость ценозов). Усилится процесс обезлесивания территории лесостепной зоны Казахстана. Будет наблюдаться постепенная смена подтипа и типа почв в деградационном направлении (черноземы обыкновенные > черноземы южные > темно-каштановые). Изменение климата скажется также и на состоянии водных ресурсов. Наиболее уязвимыми станут ресурсы поверхностных вод бассейна Ишима. Согласно сценарию максимального потепления, они уменьшатся на 73 %, по остальным сценариям – на 34–37 %. Ресурсы бассейна Иртыша, по сценарию максимального потепления, сократятся на 27 % (Бельгибаев, Белый, 2002, с. 137, 138). Приведенные данные позволяют, на наш взгляд, хотя бы примерно представить себе те условия, в которых обитало население Северного и Центрального Казахстана на рубеже II–I тыс. до н. э.

На позднебронзовое время (3200–2800 л. н.) приходится один из периодов максимума солнечной активности (Иванов, Лисецкий, 1994, с. 230–233). Как отмечает И.В. Иванов, в степной зоне Евразии в периоды максимальной солнечной активности увеличивается континентальность климата. В годы максимума солнечных пятен наблюдается примерно в 2,5 раза больше засух, чем в годы пониженной солнечной активности (Иванов, 2000, с. 272).

После 2800 л. н. в Северном полушарии наступает период значительного и резкого похолодания (рис. 25, 1), достигшего максимума около 600 лет до н. э. Клименко, 1998, рис. 1; 2000, с. 9–24, рис. 1; Климанов, 2002, с. 676–680).

В Северном Китае, судя по палеопочвенным исследованиям на юге Лессового плато, начиная с 3100 л. н. теплый и влажный климат конца среднего голоцена, когда количество осадков было на 150 мм выше, чем в наши дни, сменяется относительно засушливым периодом с интенсивным отложением золовой пыли (Пань Джиангли и др., 2003, с. 156). Подчеркнем, что периоды с интенсивным отложением лессов (выпадение пыли) в лессовых областях совпадают по времени с периодами опустынивания в пустынных областях Северного и Северо-Западного Китая (рис. 25, 2–4) (Лю Дуншен и др., 1984, с. 84, 85).

На территории Монголии, Прибайкалья и Забайкалья, по данным А.Д. Цыбиктарова, фаза аридизации климата, начавшаяся в конце III тыс. до н. э. и сопровождавшаяся становлением кочевого скотоводства, сменяется в середине II тыс. до н. э. кратковременным периодом повышения увлажненности климата, длившимся примерно с 3500 до 3300 л. н. Однако в последней трети или четверти II тыс. до н. э. в Монголии и Южном Забайкалье наступила очередная фаза аридизации климата. Это привело к тому, что в конце II тыс. до н. э. носители культуры плиточных могил, а также группы населения культуры херексуров двинулись в южном направлении – в гобийские районы Монголии и Северный Китай. Максимум аридизации пришелся на последнюю четверть II и начало I тыс. до н. э. (Цыбиктаров, 1999, с. 100, 110; 2012, с. 285–288).

В степях Монголии примерно в середине VIII в. до н. э. происходит смена экологических эпох (рис. 28). Эпоха ярко выраженной аридности (3000–2700 л. н.) сменяется эпохой увлажненности (2700–2300 л. н.) (Иванов, Васильев, 1995. Табл. 25; Иванов, Чернянский, 2000, с. 13).

В Туве и Минусинской котловине в самом начале I тыс. до н. э. наблюдается значительное увлажнение степей по сравнению с предшествующим сухим и холодным периодом. Благодаря оптимальным со-

отношениям температуры и влажности биопродуктивность степных и лесостепных комплексов в это время была очень высокой, что стимулировало заселение обширных пространств кочевниками и способствовало расцвету кочевых культур (Боковенко, 2006, с. 3; Дирксен и др., 2006, с. 199).

На Юго-Западном Алтае поздний суббореал (3000–2500 л. н.) характеризуется достаточно сильной увлажненностью, когда годовое количество осадков превышало современную норму на 100–200 мм. Это, вероятно, привело к увеличению площади лесных массивов за счет сокращения степных участков (Чернова и др., 1991, с. 145, 146; Михайлов и др., 1992, с. 90–92).

Изучение озерных и озерно-болотных отложений в ряде регионов Северного и Центрального Казахстана позволило В.А. Климанову совместно с П.Е. Тарасовым и И.В. Тарасовой охарактеризовать колебания климата степной зоны Казахстана в голоцене (рис. 27). Судя по кривым изменения температур года и годовых осадков, в середине суббореального периода климатические условия степей Казахстана отличались значительной, по сравнению с современной, увлажненностью на фоне повышенных среднегодовых температур. Около 3500 л. н. здесь начинается резкая аридизация на фоне повышения температуры. В конце среднего суббореала (SB₂), около 3400 л. н., средние температуры года значительно превышали современные, а количество осадков было гораздо меньше современного уровня. В дальнейшем отмечается похолодание, достигшее пика в самом начале позднего суббореала. Это похолодание сопровождалось повышением увлажненности – в самом начале позднего суббореала (около 3100–3000 л. н.) количество осадков приблизилось к современному уровню. Похолодание сменяется потеплением на фоне снижения годового количества осадков, и около 3000 л. н. среднегодовые температуры были близки к современным, но количество осадков было значительно меньше современного уровня. Далее потепление сопровождается увлажнением, и около 2700 л. н. среднегодовое количество осадков было близко к современной норме, а среднегодовые температуры превышали современные. В дальнейшем на протяжении всего раннего субатлантика количество осадков превышало современный уровень, а средние температуры года были сначала ниже, а затем выше современных.

Таким образом, период конца среднего и большей части позднего суббореала (примерно с 3400 до 2700 л. н.) характеризуется пониженной увлажненностью, лишь около 3100 л. н. количество осадков было близко к современной норме. Пики аридизации приходятся

на 3400 и 3000 л. н. (Климанов и др. 1994, с. 103, рис. 3; Тарасов, 1992, с. 16, 23). Ранее максимально сухой период от 3500 до 2800 л. н. на фоне прогрессирующей аридизации климата в Центральном и Восточном Казахстане и на юге Западной Сибири выделяли М.В. Белодеденко и А.Н. Варуценко (1988, с. 34–35). По их мнению, в это время здесь господствовали сухостепные и пустынно-степные ландшафты.

В Северном Казахстане (Приишимье) иссушение, которое началось еще в финале атлантического периода, продолжалось и большую часть суббореального времени. В конце II – начале I тыс. до н. э. (до VII в. до н. э.) здесь отмечается ярко выраженный экологический кризис, когда количество атмосферных осадков было на 50–100 мм (в среднем на 75 мм) ниже современной нормы при более высокой, чем в настоящее время, континентальности климата (рис. 28). Резкое улучшение экологических условий здесь происходит около 2700 л. н. Количество осадков близко к современной норме, но климат оставался по-прежнему континентальным (Иванов, Чернянский 1996, с. 1046, рис. 1; 2000, с. 12, 13; Иванов, Луковская 1998, с. 290). Несколько по-иному выглядит картина изменений природных условий региона во второй половине суббореала и в начале субатлантика в работе И.В. Иванова (2006 г.). Судя по рисункам, на пограничье SB₂ и SB₃ приходится пик понижения температуры и количества осадков (уменьшение увлажненности на 20–50 мм/год³⁵). В дальнейшем фиксируется резкое потепление на фоне увеличения количества осадков. Однако к рубежу суббореала и субатлантика (около 2500 л. н.) вновь сильно похолодало, но количество осадков превышало современное количество на 50–100 мм/год (Иванов, 2006, рис. 1; 2).

Амплитуда колебаний увлажненности приводила, по мнению И.В. Иванова, к смещению природных зон. В суббореальный период современные обыкновенные черноземы Северного Казахстана были темно-каштановыми почвами, что свидетельствует о смещении природных зон к северу примерно на 250 км. Смещение природных зон приводит к заметным изменениям в продуктивности пастбищ. Так, если на черноземах она составляет 5–6 ц/га и достигает 8–10 ц/га во влажные годы, то на темно-каштановых почвах продуктивность равна 3–5 ц/га, а во влажные годы достигает 6–8 ц/га (Иванов, 1992, с. 67, 68, 76, 111).

Финал суббореального периода (3200–2500 л. н.) в лесостепном Тоболо-Ишимье включал преимущественно фазы умеренно прохладного и недостаточно влажного климата. Повсеместное похолодание отмечается около 3100–2800 и 2700–2500 л. н., разделенных периодом кратковременного потепления –

2800–2700 л. н. Уровень увлажнения, вероятно, был ниже современного, и только около 2700 л. н. влагообеспеченность этой территории увеличилась. Об этом могут свидетельствовать спорово-пыльцевые спектры из иткульских культурных слоев (VIII–VI вв. до н. э.) городищ Карагай-Аул 1 и Вак-Кур 2 в Нижнем Притоболье (близ устья Туры) и городища Белый Яр 4 у слияния рек Тура и Пышма (Рябогина и др., 2009, с. 22).

На севере лесостепной зоны в этот период отмечено восстановление лесов, в том числе сосновых. В южных же районах Притоболья и Приишимья ландшафтная ситуация с середины суббореального периода кардинально не изменилась. Из-за дефицита увлажнения развитие лесов и мезофитизация лугов здесь были ограничены долинами. В ландшафтах по-прежнему доминировали открытые пространства и степенные луга (Зах, Рябогина, 2005, с. 93, 94; Зах и др., 2008, с. 55). Улучшение общей увлажненности и уменьшение континентальности климата для конца суббореального периода (около 2900–2800 л. н.) отмечается и для лесостепи Северного Казахстана в пределах Ишимо-Тобольского водораздела (Кременецкий и др., 1994, с. 25).

Представленную выше картину дополняют данные о палеогидрологической динамике озер и рек Тоболо-Ишимья. Период 4300–3200 л. н. характеризуется синхронным обмелением рек и озер, сопровождавшимся повсеместным сокращением площади озер, обнажением и зарастанием речных пойм, высыханием стариц, деградацией лесов и ксерофитизацией лугов на террасах. Позднее, около 3100–2500 л. н., улучшение условий увлажненности на Южном и Среднем Урале привело к увеличению объема водосбора левых притоков Тобола³⁶, результатом чего стали обширные разливы и затопление речной поймы Тобола. В речных долинах на хорошо увлажненных почвах формируются богатые пастбища, постепенно восстанавливаются леса. Так, судя по палинологическим данным из бархатовского культурного слоя многослойного поселения Чечкино 4, расположенного на левом берегу Тобола, близ устья Туры, в долине этой реки развивались фитоценозы березовых, плауновых и злаково-разнотравных лесов. Березовые леса вдоль Тобола сохранились и позже во время обитания баитовского населения (Рябогина и др., 2009, с. 21, 22). Однако изменения увлажненности, вероятно, не затронули междуречье Тобола и Ишима. Здесь так же продолжается обмеление озер, лишь незначительно меняется уровень грунтовых вод. Около озер в травянистом покрове доминируют ксерофиты, озерные берега остаются по-прежнему обсушенными, занятыми осокой и тростником (Рябо-

гина, Иванов, 2007, с. 67, 68; Зах и др., 2008, с. 55).

Условия, более сухие и теплые, чем современные, но более прохладные и аридные по сравнению с предшествующим временем, отмечены в финале суббореального периода (X в. до н. э.) по погребенным почвам поселения бархатовской культуры Мостовое 1 в системе Андреевских озер междуречья Туры и Пышмы (Якимов и др., 2007, с. 211, 224; Иванов, Рябогина, 2008, с. 356, 357)³⁷. Для района этого поселения в период его существования были характерны ландшафты южно-лесостепного типа, с небольшими участками березовых лесов на фоне разнотравно-злаковых лугов. В настоящее время это подтаежная подзона с массивами смешанных сосново-березовых лесов и монодоминантных сосновых боров на террасах и междуречьях, меньшие площади заняты разнообразными лугами и займищами. Сухой и теплый климат был в это время (2960 ± 40 л. н.) и в Тоболо-Исетском междуречье. Палиноспектры из бархатовского культурного слоя поселения Щетково 2 характеризуют ландшафты этого района как открытые степные, с преобладанием богатых разнотравно-злаковых сообществ и ограниченным распространением березовых лесов колочного облика. В настоящее время поселение приурочено к полуоткрытым ландшафтам северной лесостепи. Таким образом, в Тоболо-Исетском и Тоболо-Пышминском междуречье в бархатовское время лесов было очень мало, а основной фон ландшафтов составляли лугово-степные сообщества (Рябогина и др., 2009, с. 21).

В Барабинской низменности (Барабинской лесостепи) первая половина периода 3840–3148 л. н. (VIII ритм, холодно-влажный интервал – по: Левина, Орлова, 1993, с. 39, 40; рис. 2) (рис. 26) характеризуется увеличением среднегодовой суммы осадков и понижением температуры. Вторая половина периода (VIII ритм, холодно-сухой интервал) – время постепенного уменьшения количества осадков и повышения температур года. Около 3148 л. н. отмечается сокращение количества осадков до современной нормы при среднегодовых температурах, близких к современным (VIII ритм, тепло-сухой интервал – 3200–2970 л. н.). Это привело к появлению сосновых с березой редколесий, преобладанию в южных районах степных ландшафтов³⁸. В дальнейшем увеличение количества осадков при повышении среднегодовых температур (VIII ритм, тепло-влажный интервал) привело к тому, что около 2580 л. н. в ландшафтах стали распространяться сосново-березовые редколесья с кустарниковыми березами (Зыкин и др., 2000а, с. 311, 312, рис. 4; Зыкин и др., 2000б, табл. 4; Левина, Орлова, 1993, с. 51, 52).

Несколько по-другому видит картину увлажненности в этом регионе И.В. Иванов, опирающийся на материалы В.С. Волковой с соавторами, которые использовали палинологические данные по Западной Сибири (Иванов 2006, с. 8, рис. 2). Согласно рисунку 2 этой работы, этап увлажненности, близкой к современной, фиксируемый в начале среднего суббореала, сменился около 3200 л. н. временем аридизации, когда увлажнение было на 20–50 мм/год меньше современной нормы. С рубежа суббореала и субатлантика начинается этап повышенной увлажненности, когда она была на 50–100 мм/год больше современной. Продолжался этот этап примерно до рубежа эр (2000 л. н.).

По данным И.В. Хазиной, для второй половины суббореального периода юго-восточной части Западной Сибири (Барабинская равнина) характерно иссушение климата. Самый конец суббореального периода ознаменовался увлажнением и похолоданием. Климат субатлантического периода был более прохладный и влажный, чем современный (Хазина, 2008, с. 13)³⁹.

Согласно данным И.В. Иванова и С.С. Чернянского, в суббореальный период в хроноинтервале 3600–3000 л. н. в степной части Южного Зауралья количество осадков было близко к современной норме (рис. 28). Этап 3000–2500/2400 л. н. – это этап увлажнения (и, возможно, похолодания), ярко выраженная оптимальная экологическая эпоха. Количество осадков превышало современную норму, продуктивность пастбищ увеличилась по сравнению с предыдущей эпохой (Иванов, Чернянский, 1996, с. 1052, рис. 1; 2000, с. 11–13).

Согласно данным геоморфологического изучения озер, в современной степной зоне Южного Зауралья на протяжении атлантического периода, раннего и позднего суббореала фиксируется относительная стабильность уровней водоемов при общем последовательном их снижении до позднего суббореала, когда выявлено повышение уровня. Интересно также то, что ход изменения уровней на водоемах нынешней степной зоны Южного Зауралья идентичен изменениям на водоемах лесостепной зоны. По мнению В.В. Дерягина и С.С. Маркова, это говорит о приблизительно одинаковом ходе увлажнения всей территории Южного Зауралья, его лесостепной и степной части (Дерягин, Марков, 2004, с. 101–103). Правда, согласно более ранней работе В.В. Дерягина, обмеление водоемов восточного склона Южного Урала, расположенных ныне в лесостепной зоне, сменилось их трансгрессией не в позднем суббореале, а на рубеже суббореала и субатлантика (Дерягин, 1999, с. 62, 63). Впрочем, как отмечают сами авторы, «вре-

менные корреляции имеют право на существование в связи с небольшими расстояниями между сравниваемыми пунктами (менее 200 км по меридиану). Это позволяет распространять данные корреляции и на растительный покров, который зависит в основном от увлажнения. Однако надежность проведенной экстраполяции данных с северной территории Челябинской области на исследуемую, по нашему мнению, не может быть признана вполне удовлетворительной в связи со спецификой развития природы» (Дерягин, Марков, 2004, с. 102, 103).

По мнению Н.Е. Рябогиной и С.Н. Иванова (Рябогина, Иванов, 2007, с. 66; см. также: Зах и др., 2008, с. 55), «около 3100–2500 л. н. улучшение условий увлажнения на Южном и Среднем Урале приводит к резкому и значительному увеличению объемов водосбора левыми притоками Тобола». Однако этот посыл вступает в противоречие с материалами, полученными для восточного склона Среднего и Южного Урала. Так, Н.К. Панова, основываясь на результатах исследования болотных отложений в районе Екатеринбурга, отмечает на Среднем Урале засушливые условия суббореального периода, существенное повышение влажности климата и уменьшение теплообеспеченности лишь в субатлантический период (Панова, 2001, с. 57, 58). К близким выводам приходит и В.В. Дерягин, основываясь на изучении донных отложений озер восточного склона северной части Южного Урала. По его данным, в первой трети суббореала разнотравье сменили злаковые, полынные и маревые ассоциации. В середине суббореала (SB₂) отмечается дальнейшее потепление. На рубеже суббореала и субатлантика обмеление водоемов сменилось их трансгрессией (Дерягин, 1999, с. 62, 63). Таким образом, улучшение условий увлажненности на Южном и Среднем Урале наступает не ранее рубежа суббореала и субатлантика, то есть около 2500 л. н.

В Южном Приаралье в начале I тыс. до н. э., раньше, чем в степях Монголии и Северного Казахстана, происходит улучшение экологических условий: снижается температура, увеличивается количество осадков, полупустынные ландшафты сменяются сухостепными, а затем степными (рис. 29) (Глушко, 1996, с. 30–35).

На основе вышеприведенных данных была построена таблица (рис. 30), характеризующая увлажненность на протяжении среднего и позднего суббореала и начала субатлантика, то есть в период примерно от 4000 до 2000 л. н. Она показывает определенную согласованность данных, полученных разными методами для степной зоны Северного и Центрального Казахстана, степи и лесостепи Приишимья, лесостепи Тоболо-Ишимского междуречья.

В этом субрегионе вторая половина среднего и начало позднего суббореала характеризуется пониженной по сравнению с современной увлажненностью. Период повышения увлажненности до современного уровня или более наступает не одновременно, но в основном в промежутке между 2800–2600 л. н.

К востоку от выделенного субрегиона, в Барабинской низменности отмечается несовпадение данных, полученных одними и теми же методами. Согласно этим данным, в начале позднего этапа суббореального периода увлажнение здесь было либо выше современного уровня, либо ниже него.

Такое же несовпадение данных отмечается и для Среднего и Южного Урала. Но получены они разными методами. Так, изучение озерных и болотных отложений свидетельствует об аридных условиях на протяжении всего среднего и большей части позднего суббореала и о начале увлажнения в конце среднего суббореала или в субатлантике (около 2800–2500 л. н.). Изучение погребенных под курганами почв показывает, что в период примерно 3600–2500 л. н. уровень увлажненности в степной зоне Южного Урала был близок к современному (3600–3000 л. н.) или превышал его (3000–2500 л. н.). На рубеже суббореального и субатлантического периодов (около 2500 л. н.) отмечается резкое уменьшение увлажненности. Изучение подкурганых почв в степной зоне Южного Зауралья и Южного Приуралья (Рысков, 1996, рис. 3; Рысков, Демкин, 1997, рис. 9) показывает близость процессов увлажнения и аридизации в обоих регионах.

Чем объясняется столь существенное расхождение данных, полученных одними и теми же методами для Барабинской низменности и разными методами для лесостепи и степи Южного Урала, мы не знаем.

Относительно реконструкции природных условий на Южном Урале и в прилегающих к нему с запада регионах на рубеже среднего и позднего суббореала (около 3000 л. н.) методами палеопочвоведения можно заметить следующее. Археологических памятников этого времени в степной зоне Южного Урала крайне мало, а изученных с участием почвоведов, насколько нам известно, нет вообще. Нет их и в степной зоне Южного Зауралья. Курган 3 могильника Александровский в работе И.В. Иванова и С.С. Чернянского (Иванов, Чернянский, 1996, с. 1048, 1051) датирован X в. до н. э., однако, судя по имеющимся материалам и современным представлениям, к этому времени не относится. Таким образом, сведения о природных условиях самого конца II – начала I тыс. до н. э. получены в результате экстраполяции на этот период данных как более раннего, так и более позднего времени. Поэтому, вероятно, они и противоре-

чат имеющимся археологическим наблюдениям. Как представляется, будущие палеопочвенные исследования неизбежно внесут коррективы в существующие представления о климатической обстановке этого времени в Южном Зауралье. По крайней мере уже сейчас можно констатировать, что топография ряда поселений финальной бронзы «указывает на маловодность рек сравнительно с их современным режимом» (Костюков, Епимахов, 2003, с. 279).

Таким образом, период около рубежа II–I тыс. до н. э. практически во всех рассмотренных регионах характеризуется как эпоха с достаточно выраженными аридными климатическими условиями. В дальнейшем эпохе ярко выраженного экологического кризиса в степях Монголии и периоду опустынивания Северного и Северо-Западного Китая соответствуют оптимальные экологические условия в Центральном Казахстане, Южном Зауралье и Южном Приаралье. Почти одновременно в степях Монголии и Северного Казахстана происходит переход к благоприятным условиям. Однако в Северном Казахстане этот переход был более ярко выражен и проходил значительно быстрее, нежели в Монголии.

Приводимые данные, как представляется, показывают, во-первых, экологическую обусловленность направления миграции кочевников Внутренней Азии в начале I тыс. до н. э. и, во-вторых, причины, по которым их переселение в Северный и Центральный Казахстан и Южное Приаралье не могло произойти ранее – в конце IX – начале VIII в. до н. э.

В заключение приведем показательные, на наш взгляд, исторические параллели прослеженным выше миграционным процессам. Они, как представляется, позволяют наметить модель движения кочевников в степях Жайык-Иртышского междуречья.

Среди гуннских племен, перекочевавших между 356 и 358 гг. н. э. на территорию китайского государства Раннее Янь (337–370 г.), китайские источники упоминают племя яньто. Несколько позднее яньто были покорены своими соседями – племенами се, истребившими правящий род яньто и подчинившими остальную часть племени. С этого времени в результате механического соединения двух этнонимов в китайской историографии появляется племенное объединение сеяньто. После разгрома империи жуаньжуаней (551 г.) сеяньто стали вассалами тюркских каганов. В это время значительная часть их жила в Хангае (Центральная Монголия), другие переселились в горы Тяньхань (Восточный Тянь-Шань). В конце VI в. сеяньто вместе с некоторыми племенами теле кочевали между Восточным Тянь-Шанем и юго-западными отрогами Алтая, включая верховья Иртыша. В начале VII в. большая часть сеяньто по-

кинула Тянь-Шань и ушла на свои древние земли южнее реки Толы, где подчинилась восточнотюркским каганам. В 628 г. в результате восстания сеяньто и уйгуры овладели Хангаем, а вскоре сеяньто создали в Северной Монголии свое государство. После разгрома их в середине VII в. действовавшими в союзе с Китайской империей тогуз-огузами во главе с уйгурами сеяньто распались на несколько групп. Часть их бежала к Восточному Тянь-Шаню на земли, покинутые двадцать лет назад, часть осталась на прежних кочевьях в Хангае. После разгрома уйгурами в 744 г. II Восточнотюркского каганата сеяньто-кыпчаки и их соседи были вытеснены из Монголии на Северный Алтай и в Верхнее Прииртышье. На Алтае вокруг кыпчаков началось формирование племенного союза, в Прииртышье же сложилось сообщество тюркских племен – кимаков. Вскоре кимаки распространили свои владения до Джунгарии, овладев Северо-Восточным Семиречьем (Жетису), а кыпчаки – Приуральем (Кляшторный, Султанов, 1992, с. 121–129).

Несколько по-иному выглядит картина расселения сеяньто-кыпчаков у С.М. Ахинжанова. По его мнению, после разгрома в середине VII в. сеяньто-кыпчаки распались на несколько групп. Большая масса их бежала на запад – в степи Восточного и Центрального Казахстана, часть осталась в Хангае, остальные расселились по другим местам. Группировка сеяньто-кыпчаков, кочевавшая в Хангае, в конце VII в. вместе с тюрками встала у истоков возрождения II Восточнотюркского каганата. После разгрома его в 744 г. уйгурами кыпчаки ушли в подавляющей своей массе на запад – в пределы Восточного и Центрального Казахстана. Во второй половине VIII в. они уже прочно освоили территории Северного и Центрального Казахстана и к концу этого столетия достигли Южного Урала. В конце этого же VIII в. верховья Иртыша оказались занятыми кимаками, пришедшими сюда из Северо-Восточной Монголии и Маньчжурии (Ахинжанов, 1995, с. 45–70, 77, 102–104, 156). Б. Кумеков (1995, с. 25) в развитии кыпчакского этноса с V по XIII в. выделяет шесть стадий. На второй стадии, в 691–742 гг., кыпчакское объединение в союзе с древними тюрками властвовало в Центральной и Северо-Западной Монголии над тогуз-огузскими племенами. В середине VIII в. (третья стадия) основная масса кыпчаков переселилась на запад и вошла в состав ядра кимакского союза племен в регионе Алтая и Прииртышья. В конце VIII в. (четвертая стадия) кыпчаки отделяются от кимаков и занимают земли к западу от Иртыша до Южного Приуралья и Волги.

Свою интерпретацию ранних этапов этнополитической истории кыпчаков и кимаков предложил С.В. Гуркин (2000, с. 6–22). Однако во всех построениях

по ранней истории кыпчаков остается неизменным маршрут их движения с востока на запад – из Внутренней Азии в верховья Иртыша и Обь-Иртышское междуречье, далее через степи Северного и Центрального Казахстана на Южный Урал, а затем за Урал и Волгу, в восточноевропейские степи.

В конце XIV – первой половине XV в. в Западной Монголии сложилось государство ойратов (калмыков – в русских источниках). Их владения располагались на территории, простирающейся от верховий Иртыша и Енисея на севере до границ пустыни Гоби на юге, от Хангайских гор на востоке до Моголистана (Восточного Туркестана и Юго-Восточного Казахстана) на западе. В XVI в. под натиском восточно-монгольских племен ойраты (калмыки) вынуждены были продвигаться с районов Орхона на запад, в верховья Иртыша. В последние десятилетия XVI в. на северо-западе Монголии (Халха) возникла держава Алтынханов, перешедшая в планомерное наступление на калмыков, стремясь оттеснить их на запад, за линию Алтайских гор. В конце XVI в. ойраты (калмыки) делились на ряд объединений – чоросов (джунгары, зюнгары), хошуты (хошоуты), торгутов (торгоуты), дербенов (дэрбэты, дербетты) и хойтов, во главе которых стояли крупные тайши. Эти объединения делились на ряд более мелких владений – улусы, возглавляемые тайшами более низкого ранга⁴⁰.

Неблагоприятная внешнеполитическая обстановка в Джунгарии конца XVI в., ухудшение хозяйственно-экономического положения, воинственная активность главы чоросцев (джунгаров) заставили ряд дербетских, торгутских и хошутских тайшей начать откочевку со своими подданными на северо-запад – в Обь-Иртышское междуречье⁴¹. Причем первыми на запад двинулись дербены и торгуты. В 90-х гг. XVI в. кочевья части калмыков простирались от верховий Иртыша, от озера Зайсан до Оми и Тары. Именно эти территории долгое время были плацдармом, откуда калмыки совершали рейды в глубь казахских степей и откуда шла их постепенная миграция на запад.

В 1606–1607 гг. один из самых видных калмыцких тайши Урлюк (Хо-Орлюк, Хо-Урлюк), глава торгоутов, а вслед за ним и другие тайши, испросив разрешения у тарского воеводы, стали кочевать по Камышлову, на левобережье Иртыша и у Ямышевского озера. Уже в 1608 г. часть калмыков появилась на Эмбе в кочевьях ногаев, а в 1613 г. четырехтысячный калмыцкий отряд впервые перешел Яик, но после столкновения с ногаями ушел назад в Прииртышье⁴². Вновь за Яиком калмыки появились в 1619 г., напав на кочевья ногаев по рекам Узень и Камыш-Самара, между Яиком и Волгой, но снова ушли назад. В конце 1622 г. калмы-

ки вновь перешли через Яик и вытеснили основную массу ногайцев за Волгу.

В 1619 г. дербеты тайши Далая кочевали уже по Ишиму и Тоболу. В это же время в Барабинскую степь, между озером Чаны и рекой Омь, выдвинулся улус чоросского тайши Сенгула. Летом 1621 г. отряды тайши дербетов, чоросов и торгоутов со своими улусами прикочевали к Оби и в устье Чумыша построили укрепленный лагерь, собираясь зимовать и кочевать между Томском и Кузнецком. Зимой 1622 г. некоторые калмыцкие улусы подошли к уфимским волостям в Зауралье, хотя основная их масса по-прежнему кочевала по Иртышу, Камышлову и Оми. В 1623 г. хошоутский тайши Байбагаса покинул берега Иртыша и Ишима, куда он пришел со своим улусом в 1620 г., и стал кочевать по Тоболу между Тюменью и Уфой.

Летом 1625 г. часть калмыков перешла к верхнему течению Эмбы, и с этого времени источники постоянно сообщают об их кочевьях в этом регионе. В 1628 г. захваченные астраханскими стрельцами пленные калмыки сообщили о том, что чоросский тайши Чокур летом кочевал на Иртыше, а осенью перешел на Эмбу и остался там с тремя-четырьмя тысячами своих подданных. В 1630 г. Чокур, а также некоторые торгоутские тайши уже кочевали на Яике. В этом же году на Эмбу и Яик пришла большая группа калмыков, преимущественно из торгоутов, в том числе и из-под сибирских городов. Другие группы калмыков по-прежнему кочевали как за Иртышом, так и по Ишиму, и по Тургаю между Ишимом и Тоболом.

Осенью 1629 г. тайши Далай отправил в Уфу и Москву послов с просьбой о подданстве и о разрешении перекочевывать из Каракумов к уфимским волостям. По словам послов, Далай кочевал «на Дембинских вершинах, в большом займище на Черном песке блиско Юргенчи з детьми своими», то есть на пространный от Эмбы до Ургенча. Далай с сыновьями и улусными людьми были приняты в подданство, но кочевать им было предложено «на прежних кочевьях за Иртышом», а не по Яику, Эмбе и Тоболу, где неминуемы столкновения с башкирами и ногайцами⁴³.

В конце 1630 г. торгоуты улуса Урлюка, которые осенью из-под сибирских городов перекочевали в Каракумы, а затем перешли на Эмбу, совершили внезапный набег на ногайские улусы между Яиком и Волгой. Летом 1632 г. Урлюк кочевал в верховьях Тургаев между Ишимом и Тоболом, а его сын Дайчин в это время – в верховьях Урала.

Согласно сообщению приехавшего в 1633 г. в Тару бухарского посла, тайши Урлюк с сыновьями заняли своими кочевьями обширную территорию между Сырдарьей и Яиком. В 1633 г. торгоуты сначала Дайчина, а потом Урлюка перешли Яик и появились

на Камыш-Самаре и двинулись на ногайские улусы. В январе 1634 г. разведочный отряд калмыков Дайчина, возможно впервые, вышел к Волге выше Астрахани. Походы на Волгу и к Астрахани продолжались и в следующие годы. Однако это были не более чем обычные для кочевников набеги на соседей, которые имели место и позже, например, в 1637 г. Кочевали калмыки пока еще далеко от Волги. Так, летом 1636 г. тайши Урлюк кочевал по Эмбе, а его сын Дайчин – в верховьях Яика. В следующем году Урлюк покинул свои старые кочевья за Эмбой и стал кочевать летом за Яиком по реке Ор, а зимой в Каракумах. Большая же часть калмыков по-прежнему оставалась за Иртышом и в казахстанской степи. Побывавший в калмыцких улусах в конце лета или начале осени 1638 г. татарин сообщал, что тайши Далай и Куйши кочуют по Иртышу. Дайчин зимовал в песках Каракумов, а на лето перешел на реку Ишим-Тобул. В следующем году Дайчин после зимовки в Каракумах весной пошел «к Уфе к сибирским городам ближе...». Урлюк, зимовав близ Бухара, летом кочевал «вверх по реке по Тоболу».

В 1641 г. сын Урлюка, тайша Шункей, отправил астраханским воеводам послание, в котором, в частности, говорилось: «Волга – место ваше, а Яик – кочевные места наши». Зимой 1642/43 гг. Урлюк провел на Индерских горах по левому берегу нижнего течения Яика, его сын тайша Даузан – в Рын-песках по рекам Большой и Малый Узень. Летом Урлюк перешел Яик и прикочевал к Самаре. Улусы его сыновей стояли всего на расстоянии одного дня пути от Самары. Отсюда некоторые тайши пошли дальше на север и северо-восток до Прикамья, а Урлюк вернулся на юг. В декабре 1643 г. калмыки впервые перешли Волгу и двинулись на Кабарду. Однако поражение, нанесенное калмыкам в 1643–1644 гг. под Саратовым и Самарой уфимским и самарским воеводами, разгром калмыков объединенными кабардино-ногайскими силами в Кабарде, где погиб Урлюк и некоторые его сыновья, заставили их снова отступить за Яик. Эти поражения на первых порах даже вызвали в калмыцком сообществе мысль навсегда покинуть Волгу и вернуться в Западную Монголию. Однако эти настроения вскоре прошли. В 1645 г. калмыки кочевали «на Илецких и Индерских вершинах, по рекам Уил, Киил и Сагыз, то есть между Яиком и Эмбой», а в 1649 г. – по Яику, Ори, Сакмарю, Киилу.

Таким образом, в 30-е гг. XVII в. присутствие калмыков к западу от Эмбы носило характер непродолжительных военных экспедиций, с тем отличием от предыдущего десятилетия, что они стали повторяться все чаще и чаще. С начала 40-х гг. XVII в. ситуация начинает меняться. Калмыцкие улусы, покидая

Прииртышье, Северный и Центральный Казахстан, интенсивно осваивают междуречье Яика и Волги в качестве мест постоянных кочевий, вытеснив отсюда ногаев⁴⁴. Переселение калмыков в Волго-Яицкие степи продолжалось и в дальнейшем, вплоть до 70-х гг. XVII в. Так, в 1662 г. улусы хошоутских и дербетских тайши прикочевали к левому берегу Яика, а их послы вели в Царицыне переговоры о русском подданстве⁴⁵.

В целом, отмечает В.И. Колесник (2003, с. 46), ареал расселения калмыков в первой половине XVII в. представлял собой выгнутую на север дугу. Крайними точками его амплитуды были Джунгарская котловина на востоке и Прикаспийская низменность на западе, точка покоя – Ишимская степь. Миграции ойратов на запад по этой траектории были обусловлены геополитическими обстоятельствами. Направление на запад было задано давлением на ойратов с востока раннегосударственного объединения восточных монголов. Однако прямой, кратчайший путь на запад через Казахский мелкосопочник и Тургай, как и путь по южной дуге вдоль отрогов Тянь-Шаня через Туранскую низменность (междуречье Сырдарьи и Амударьи), был закрыт казахами. Сибирские же степи были заняты малочисленным и разрозненным населением и к тому же привлекали кочевников своими просторами, богатством растительности и водных источников. Перемещение калмыков в этих пределах в течение первой трети XVII в. были достаточно хаотичными. Маршруты перекочевок оставались нестабильными. Однако прослеживается особое тяготение калмыков к степям Тоболо-Ишимо-Иртышского междуречья.

К концу 50-х гг. XVII в. калмыки, в основном торгоуты, уже прочно обосновались в междуречье Волги и Яика и вошли в состав Российского государства (шерти от 4 февраля 1655 г. и 30 марта 1657 г.). В то же время значительные группы калмыков оставались еще в казахских степях. Так, в 1654 г. некоторые тайши кочевали на Тоболе и Ишине. В 1662 г. хошоутскому тайше Аблаю было запрещено кочевать близко к башкирским угодьям. В 1673 г. дербетский тайша Дундук просил разрешение у русских властей на летнее кочевание по реке Ику, что в пяти днях пути от Тобольска. Зимой он вместе со своим братом кочевал вверх по Ишиму. В 1674 г. улусные люди Цецен-хана и чоросского тайши Чокура кочевали в семи – десяти днях пути от Тобольска.

Принятие российского подданства и официальное разрешение царского правительства на кочевание в волжских степях, включая Придонье, положило начало прочному освоению калмыками степных пространств правобережья Волги и Предкавказья, закончившемуся в 70–80-х гг. XVII в. (Богоявленский. 1939,

с. 51–82; Златкин, 1964, с. 99–151; Моисеев, 1991, с. 8, 9, 17, 18, 29; Батмаев, 1992, с. 12–47, 117–120; Колесник, 2003, с. 36–71, 110).

Приведенные данные о миграциях на запад кыпчаков и калмыков рисуют следующую модель движения кочевников в степях Жайык-Иртышского междуречья. В случае, если геополитическая ситуация не позволяланомадам Внутренней Азии двигаться на запад через Семиречье (Жетису) и Приаралье, переселение шло сначала на северо-запад – вдоль западных и северо-западных предгорий Алтая в Обь-Иртышское междуречье. Далее мигранты, осваивая Тоболо-Ишимо-Иртышское междуречье (Северный и Центральный Казахстан), выходили в Южное Зауралье и Приуралье. Отсюда, если позволяла обстановка, они двигались в Волго-Уральское междуречье и далее в Волго-Донские степи.

Итак, просторы степей Жайык-Иртышского междуречья в VIII–VI вв. до н. э. были заняты носителями трех родственных культур – тасмолинской Центрального Казахстана, улубаевско-тасмолинской Северного Казахстана и бобровско-тасмолинской Южного Зауралья. Все они входили в тасмолинскую историко-этнографическую общность, ведущую роль в которой играли, без сомнения, племена Центрального Казахстана.

По основным своим параметрам погребальные комплексы тасмолинской общности достаточно четко отличаются от одновременных им памятников, оставленных кочевниками сопредельных территорий – Южного Приуралья, Приаралья, Восточного Казахстана и Алтая.

В то же время погребальные памятники этих регионов фиксируют и определенную близость культур ранних кочевников от Алтая до Урала. Проявляется она как в сходстве элементов погребального обряда, так и главным образом в близости погребального инвентаря. В основе этой близости лежит, по нашему мнению, процесс становления самих раннесакских культур степной Евразии.

Сравнительный анализ погребальных памятников конца II – первой половины I тыс. до н. э. степей Жайык-Иртышского междуречья приводит нас к выводу о невозможности выведения культур ранних кочевников региона из предшествующих им по времени культур эпохи поздней бронзы. Речь может идти «о появлении на территории Средней Азии и Казахстана гетерогенных объединений всадников-мигрантов, не имеющих здесь собственных этногенетических корней и привнесших сюда элементы собственной этнической культуры и новый геном, фенотипически включающий комплекс монголоидных краниологических признаков» (Итина, Яблонский, 2001, с. 108).

Исходной территорией миграций являлись, на наш взгляд, районы Внутренней Азии (Северного и Северо-Западного Китая и Монголии). Это предположение в настоящее время подтверждается не только данными археологии, но, как представляется, и антропологии.

Движение кочевых племен из Внутренней Азии происходило, вероятно, в несколько этапов, имело разную интенсивность и было ориентировано на различные регионы. Первая волна миграций (конец IX – начало VIII в. до н. э.), очевидно, была направлена главным образом в Туву, Минусинскую котловину, а также в горные районы Алтая. Возможно, с этого же времени начинается освоение и степей Центрального Казахстана. Вторая, более массовая волна миграций произошла, по всей вероятности, во второй половине – конце VIII в. до н. э. или на рубеже VIII–VII вв. до н. э. Одна группа кочевников этой волны, пройдя через Джунгарские ворота и Алакольскую впадину, устремилась через Семиречье (Жетису) в Приаралье. Путь другой группы, согласно намеченной модели движения кочевников в степях Жайык-Иртышского междуречья, пролегал через Джунгарскую впадину и долину Черного Иртыша, вдоль западных (Восточный Казахстан) и северо-западных предгорий Алтая в Центральный и Северный Казахстан и далее в степи Южного Зауралья. Отдельные, очевидно небольшие, группы мигрантов этой волны проникли и в горные районы Алтая.

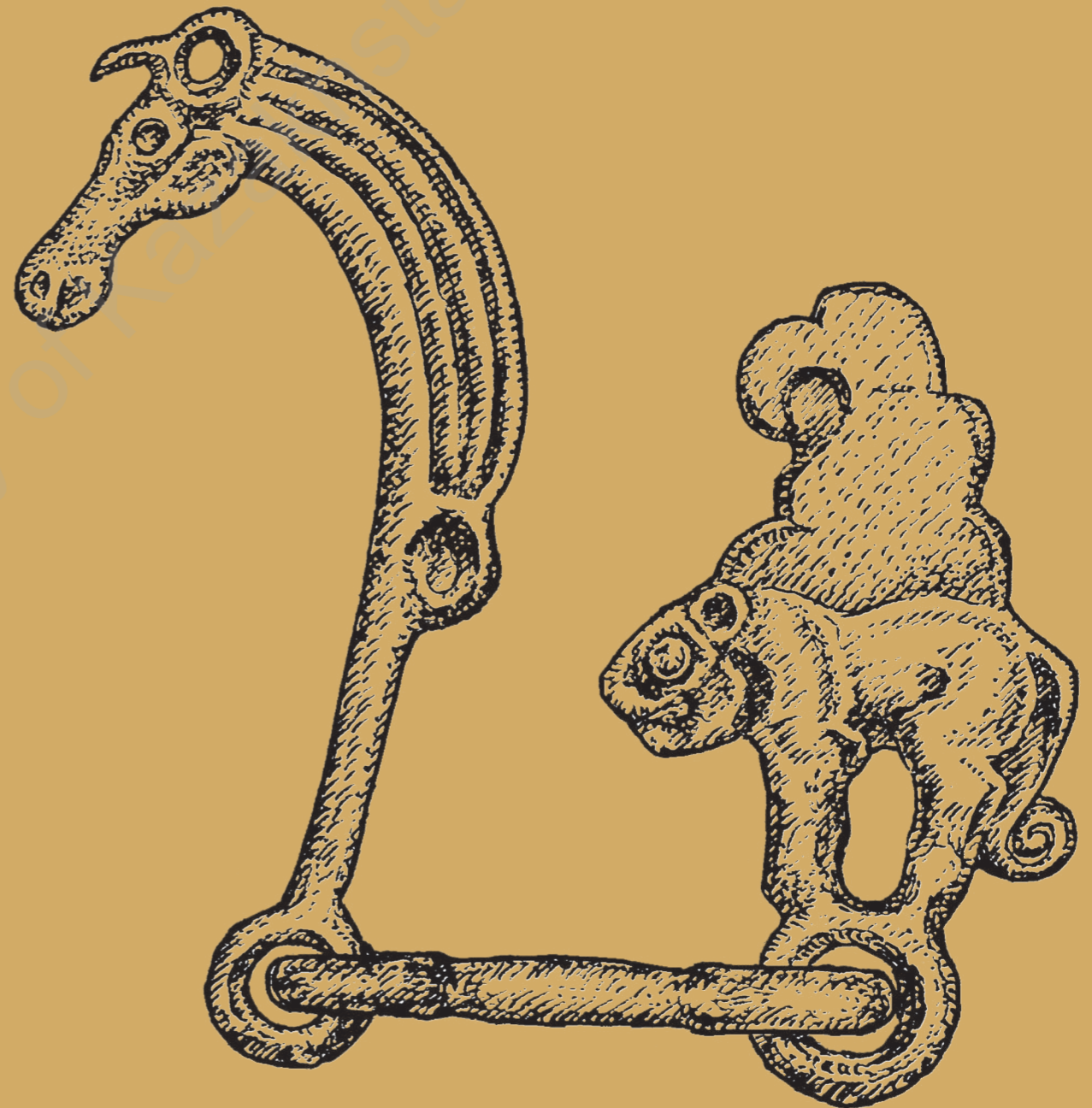
К близким по своей сути выводам пришел И.В. Пьянков. Рассматривая кардинальные изменения культурных стереотипов у племен степного пояса Евразии конца II – начала I тыс. до н.э., он отмечает, что «такая смена и объясняться должна какими-то конкретно-историческими событиями большой значимости. И в данном случае ее трудно было бы объяснить чем-либо иным, кроме как крупным передвижением племен в зоне евразийских степей. Все отмеченные факты наводят на мысль о каких-то мощных импульсах, обусловивших довольно быстрое распространение племен из глубин Центральной (Внутренней. – А.Т.) Азии, из сопредельных с китайцами степей, практически по всему степному поясу». Весьма важно, на наш взгляд, и его замечание о том, что «не следует лишь жестко соотносить новые элементы культуры с тем или иным степным этносом в целом. Инициаторами передвижений были, видимо, большей частью не народы, а сравнительно небольшие группы, быстро растворившиеся среди местного

населения, хотя сфера их воздействия была намного шире территории и времени их физического присутствия. Всего таких волн в пределах указанного времени прослеживается три: одна из них увязывается еще с карасукской эпохой (XII–X вв. до н. э.), две другие – со «скифо-сибирской» (VIII и VII вв. до н. э., первая из этих двух волн датируется иногда и X–VIII вв. до н. э.)» (Пьянков, 2006а, с. 221, 222; 2013, с. 408; 2015, с. 236; см. также: Пьянков, 1994, с. 196). Уточняя хронологию этих волн «кочевнической экспансии из одного эпицентра – крайней юго-восточной части Центральной (Внутренней. – А.Т.) Азии, включающей Ордос, Ганьсу, верховья Хуанхэ и Янцзыцзяна», И.В. Пьянков датирует первую волну «XII (XIII?) в. до н. э.», вторую – «VIII (и IX?) в. до н. э.», третью – «VII (и VIII?) в. до н. э.» (Пьянков, 2006а, с. 226; 2013, с. 414; 2015, с. 237), что в целом совпадает с нашими представлениями о смене культурно-хронологических горизонтов в азиатской части степной Евразии (Таиров, 2015б, с. 998, 999; 2016, с. 275).

Общие пути расселения родственных групп кочевников во второй половине VIII в. до н. э. или на рубеже VIII–VII вв. до н. э. как раз и явились основой близости погребальных памятников западных (Восточный Казахстан) и северо-западных предгорий Алтая, Центрального и Северного Казахстана, а также Южного Зауралья, отмечаемой многими исследователями. Неоднородный же состав переселенцев, так же как и неоднородный состав аборигенного населения, имевшего свои региональные особенности в погребальной обрядности, определил формирование особенностей культур раннесакского времени той или иной территории.

Причина этих миграций кроется, на наш взгляд, не столько в политических событиях на границе Китая и кочевого мира, сколько в изменении экологических условий в степях Внутренней Азии.

Основой же сложения и функционирования общности культур ранних кочевников Казахстана и Центральной (Средней) Азии, в том числе тасмолинской историко-этнографической общности, явилась пастбищно-кочевая система, или система посезонного распределения пастбищ и водных источников. Оформившись еще в эпоху поздней бронзы, она просуществовала в ряде районов евразийской степи без каких-либо кардинальных изменений вплоть до начала XX в. (Хазанов, 1975, с. 23, 24; 1975а, с. 271; Акишев, 1986, с. 7; Юсупов Х., 1987, с. 129; Таиров, 1993, с. 3).

ГЛАВА II

ПАСТБИЩНО-КОЧЕВАЯ
СИСТЕМА В СТЕПЯХ
ЖАЙЫК-ИРТЫШСКОГО
МЕЖДУРЕЧЬЯ

Функционирование и генезис кочевого типа хозяйственной деятельности со всеми его вариантами, являвшегося своеобразной формой адаптации человека к специфическим условиям среды обитания в определенных пространственно-исторических границах, во многом зависели от особых природно-климатических условий аридной зоны Евразии и диктовались необходимостью организации нормального воспроизводства стада для обеспечения как минимум необходимого продукта трудящимся индивидам (Масанов, 1984, с. 6, 26; 1987, с. 21; 1988, с. 84; Гумилев, Эрдейн, 1969, с. 80). В природно-климатических условиях евразийских степей, полупустынь и пустынь, в том числе и в степях Жайык-Иртышского междуречья, кочевое хозяйство являлось в докапиталистическую эпоху единственно возможным и экономически оправданным. К тому же данный тип хозяйства был наиболее рациональным и наиболее полно соответствующим природно-климатическим условиям при существующем уровне развития производительных сил (Масанов, 1984, с. 27; Гумилев, Эрдейн, 1969, с. 81; Железчиков, 1983, с. 52). Как подчеркивает Н.Э. Масанов, «никакая иная форма или режим хозяйствования не могли предложить сколь-нибудь реалистичной альтернативы освоению огромных пространств Евразийского умеренного пояса» (Масанов, 1984, с. 27). К такому же выводу на основе изучения хозяйства казахов в начале XX в. пришел Б.А. Куфтин, который писал: «Поразительная приспособленность всего быта киргизов-степняков (казахов. – А.Т.) к таким громадным ежегодным передвижениям позволяет единственно ему утилизировать колоссальные сухие пространства края, не поддающиеся пока иному использованию» (Куфтин, 1926, с. 13, 14). Вследствие этого номадизм в евразийских степях, полупустынях и пустынях, сложившийся в конце эпохи бронзы, просуществовал кое-где без значительных изменений вплоть до конца XIX – начала XX в. (Акишев, 1972, с. 31, 45, 46; 1986, с. 7; Хазанов, 1975, с. 24; 1975а, с. 271; Юсупов, 1987, с. 129).

1. Некоторые общие вопросы использования данных этнографии в исторических реконструкциях

Специфика экстенсивной кочевой экономики, мало менявшейся с течением времени, и экологически сходные условия, которые приводят к выработке однотипных форм кочевого хозяйства, позволяют привлекать данные по кочевым в недавнем прошлом народам для реконструкции хозяйства, культу-

ры, социально-экономических структур древних номадов евразийских степей, полупустынь и пустынь (Акишев, 1972, с. 34–38; Ягодин, 1971, с. 107; 1991, с. 181, 182; Хазанов, 1972, с. 108; 1973а, с. 8, 9; 1975, с. 23, 24)¹. Наибольший интерес в этом плане представляет кочевое общество казахов XVIII – начала XX в., различные аспекты хозяйства, материальной культуры и социальной организации которого исследованы достаточно полно. А их система ведения кочевого скотоводческого хозяйства «мало отличалась от практики хозяйственной деятельности древних номадов» (Акишев, 1972, с. 31).

При привлечении исторических и этнографических данных необходимо учитывать то, что они в большинстве своем относятся ко второй половине XIX – началу XX в. Однако уже с середины XVIII в. начинается постепенно усиливающийся процесс оседания казахов-кочевников, что в значительной мере было связано с присоединением Казахстана к России². Вызван он был как внутренними, происходящими внутри казахского общества, так и внешними причинами (Зиманов, 1958, с. 23–25, 40–42; Толыбеков, 1971, с. 235, 237, 244–246, 376, 529, 542; Марков, 1974, с. 40–42; Турсунбаев, 1973, с. 223–226; Зверева, Калиновская, 1989, с. 71–73; Аджигалиев, 1995, с. 136–138; Ажигали, 2002, с. 172–174; 2004, с. 68–69; Курылев, 1998, с. 35). Развитие оседлости шло по пути сокращения радиуса кочевания и перехода к полукочевому хозяйству. Причем – и это следует особо подчеркнуть – оседание первоначально происходило главным образом в северных степных районах, на территориях, примыкающих к русским пограничным линиям, то есть в районах прежних летних пастбищ (Зиманов, 1958, с. 40, 41; Толыбеков, 1971, с. 375–459; Аджигалиев, 1995, с. 139). Так, пограничное управление сибирскими казаками в отчете за 1842 г. указывало, что казахи Кокчетавского, Аман-Карагайского, Баян-Аульского и части Акмолинского округов, кочующие вблизи линии, «от частовременных сношений с русскими привыкают уже к оседлой жизни и, подражая русским, выстраивают себе при зимовых местах и даже при приказах дома и другие заведения...» (Зиманов, 1958, с. 41). Отсюда и многочисленные упоминания о зимних пастбищах в степной зоне Казахстана, содержащиеся в источниках XIX – начала XX в. В этих источниках зачастую дается характеристика казахского скотоводческого хозяйства без разделения на кочевое и полукочевое, что, впрочем, как отмечает В.П. Курылев, присутствует и в некоторых современных исследованиях (Курылев, 1998, с. 129).

Однако надо помнить, что если в течение XVIII – начала XIX в. не менее 80 % основного населения

Казахстана представляло собой «чистых кочевников», то во второй половине XIX – начале XX в. традиционный кочевой образ жизни вело лишь около четверти всего населения Казахстана (Толыбеков, 1957, с. 4; 1971, с. 497; Ажигали, 2004, с. 67). Наиболее распространенным типом хозяйства у казахов этого времени было полукочевое скотоводство. Для него характерна пастбищно-стойловая система содержания скота – в течение весны, лета, осени и частично зимы скот содержался на подножном корму. Причем, как отмечает В.П. Курылев, опираясь на источники, дальше 60–70 верст не кочевали даже самые богатые хозяйства, обычно же кочевание ограничивалось 15–20 верстами. В неблагоприятное зимнее время домашних животных оставляли в стойлах и кормили сеном. Сенокосение, таким образом, было одним из существенных признаков казахского полукочевого скотоводческого хозяйства. «Значение сенокосных запасов киргизами (казахами Петропавловского уезда. – А.Т.) признавалось еще и в те времена, когда у них не было постоянных зимовок, когда и зимой они принуждены были кочевать. И тогда уже некоторые хозяева покупали сено. Сенокосение начинается с момента прекращения зимних кочевок, с момента образования постоянных зимовок» (цит. по: Курылев, 1998, с. 220, 221). Заготовка травы на зиму, правда, в очень мизерных размерах, «буквально в виде отдельных клочков сухой травы», всегда, замечает В.П. Курылев, бытовала у кочевников-скотоводов. Большее развитие сенокосение получило в Восточном Казахстане, в Семиречье (Жетису) и ряде других районов, где преобладало полукочевое скотоводство. Однако в степной зоне Казахстана широкое распространение сенокосение получило у полукочевых казахов лишь во второй половине XIX в. и в значительной степени было заимствовано у переселенцев из европейской России, главным образом у крестьян (Аджигалиев, 1995, с. 134, 137, 138; Ажигали, 2002, с. 173; 2004, с. 69; Курылев, 1998, с. 34, 219–221, 287). В «Материалах по киргизскому землепользованию» отмечается, в частности, что «косить сено киргизы (казахи. – А.Т.) начали с тех пор, как был основан Кокчетав. В этом отношении повлиял пример русских жителей; до тех пор у киргиз даже не было косы» (цит. по: Курылев, 1998, с. 220).

Другим важным признаком полукочевого скотоводства является занятие в той или иной степени земледелием. Первоначально им начинали заниматься бедняки, и только позднее к нему переходит и достаточно зажиточная часть населения. В 1898 г. В.П. Кранихфельд отмечал, что земледелие среди казахов Уральской области появилось сравнительно недавно, хотя зачатки его относятся еще к XVIII сто-

летию. «Исследователи киргизского быта в 60-е годы (XVIII в. – А.Т.) отмечают уже усилившееся стремление к занятию земледелием не только со стороны бедных, лишенных стад киргизов, как это было раньше, но и у богатых... По отзывам местных киргизов, сильным толчком к занятию хлебопашеством стал 1879 г., когда необыкновенно суровая и продолжительная зима истребила громадные количества киргизских стад» (Кранихфельд, 1898, с. 92).

Для полукочевого скотоводческого хозяйства казахов характерно также и наличие постоянного жилища на зимовках – от землянок и полуземлянок до домов из дерева, саманного кирпича и камня (Рахимов, 2006, с. 110). Здесь следует подчеркнуть, что в северной половине Казахстана первые постоянные зимние жилища появились в конце XVIII – начале XIX в. Строили их главным образом оставшиеся на севере обедневшие, лишившиеся скота егениши. С середины XIX в. сооружение долговременных зимних жилищ в маргинальных районах Казахстана, близ русских пограничных линий приобретает массовый характер (Востров, 1960, с. 161; Ажигали, 2002, с. 172; 2004, с. 68; Рахимов, 2006, с. 109). Однако вплоть до конца XIX в. у казахских скотоводов абсолютно преобладал временный тип поселений, представленный стоянками и сезонными стойбищами, основной формой мирования которых являлись разборные жилища (юрта, шалаш) и передвижные (неразборные) жилища на повозках, а также переносные разборные загоны для скота (Ажигали, 2004, с. 68).

«Киргизы Уральского уезда, – отмечал в 1898 г. В.П. Кранихфельд, – еще помнят то время, когда степь не знала иных жилищ, кроме кибиток, приспособленных для быстрых передвижений... Один старый киргиз в разговоре со мной о старине нарисовал даже целую драматическую картину той упорной борьбы отцов и детей, которая создалась на почве приспособления киргизских жилищ к новым условиям жизни. Старики и особенно старухи... гневно порицали стремление молодежи устраивать постоянные зимние жилища и, сравнивая их (землянки и полуземлянки. – А.Т.) с могилами, которые раньше или позже погребут в своих недрах все киргизское население, не только не хотели селиться в них, но даже при случайных проездах зимою мимо землянок ни за что не соглашались зайти согреться в них, предпочитая мерзнуть на холоде снаружи... Но время шло, развивалось земледелие, все более и более привязывающее бывшего кочевника к определенному месту, и тип киргизской зимовки постоянно совершенствовался и, так сказать, вырастал, сделавшись из подземного надземным строением» (Кранихфельд, 1898, с. 101).

В связи с развитием сенокосения и земледелия происходят и изменения в составе стада. В отличие от кочевников у полукочевников значительное место в нем занимает крупный рогатый скот (Курылев, 1998, с. 34–36, 155). Так, в начале XX в. в стадах постоянных кочевников Атбасарского уезда было свыше 76% овец и коз, только 1,6% крупного рогатого скота, 12,6% лошадей и 9,2% верблюдов. В то же время у полукочевников района реки Ишим овец и коз было около 55%, крупного рогатого скота 16,8%, то есть в десять раз больше, 26% лошадей и только 2,2% верблюдов (Материалы..., 1902, с. 21).

Среди внешних причин, ведущих к оседанию кочевников и переходу их к полукочевому хозяйству, следует выделить сужение пастбищных пространств (прежде всего за счет сокращения летних пастбищ) первоначально в результате строительства пограничных укрепленных линий, организации сети проникающих в глубь степей опорных баз как в виде укрепленных форпостов, так и в виде казачьих станиц (Зиманов, 1958, с. 23, 24). Дальнейшее значительное сокращение площади летних пастбищ, используемых казахами-кочевниками, происходило во второй половине XIX – начале XX в. в результате образования на их летовках, причем лучших из них, поселений казаков, а затем крестьян-переселенцев из России, а также из-за того, что к этому времени многие летовочные территории были заняты под зимние пастбища, сенокосы и пахотные угодья казахами, ведущими полукочевой и оседлый образ жизни. Это вызывало нарушение традиционных путей кочевания, вело к дальнейшему сокращению расстояния кочевков (Добросмыслов, 1902, с. 311, 312, 417; Муканов, 1961, с. 139; Турсунова, 1963, с. 122–152; Востров, Муканов, 1968, с. 184, 190; Курылев, 1998, с. 124–126; Рахимов, 2006, с. 109, 110). Б. Скалов в 1910 г. отмечал: «Не очень далеко время, когда южные кочевники – адайцы и табынцы – кочевали на рр. Урал, Илек и Хобду. В настоящее время в эти места заходят лишь единичные представители этих родов, имеющие с местными киргизами (казахами. – А.Т.) близкие родственные связи. Сравнительно небольшой процент южных кочевников переходит на север от р. Уила, большинство летуют между рр. Эмбой и Уилом, а весьма значительная часть остается южнее Эмбы» (цит. по: Курылев, 1998, с. 126).

Изъятие земель на севере вело к изменениям в расположении зимних пастбищ и традиционных маршрутов кочевания. В рапорте управляющего Чумекеевским родом от 16 августа 1863 г. говорится: «...причина откочевания подведомственных мне киргиз (казахов. – А.Т.) Чумекеевского рода в Бухарские и Хивинские пределы и большей частью в Каракумы

– есть следующее: 1. С издавна кочевавшие в районе между Старой и Новой линиями все джагалбайлинцы, поднявшись оттоль, завели свои зимовки, на летних кочевках киргиз Чумекеевского, Караkitинского и Семиродских родов». «Видя стеснения, с одной стороны, джагалбайлинцев, а с другой – киргизов (казахов. – А.Т.) восточной части, с прошлого, 1862 г. поныне родовичи наши до 2000 кибиток откочевали в Бухарские и Хивинские владения и некоторые остались для летней кочевки в Каракумах и по рекам Сыр-Дарье и Куван-Дарье и остальные за тем, если не будет здесь спокойствия в летних кочевках, намереваются откочевать в Бухару и Хиву», – писала группа биев родов шомакей, каракесек и др. (цит. по: Муканов, 1961, с. 139).

Во второй половине XIX в. в результате изъятия северных земель часть адаевцев с Мангышлака перешла на зимовки в район залива Кендерли и прилегающих к нему с востока колодцев. Другая уходила на территории Хивы, Бухары, туркменских племен. Многие адаевцы кочевали в низовьях Амударьи – в районах Ходжейли, Куняургенч, Кунград. Однако свободных земель не хватало и здесь, поэтому им приходилось уходить на территорию Бухарского ханства. Переходили они и на земли туркменских племен. Так, в 1873 г. адаевцы отделений Баимбет, Крыкмултук начали переселяться к колодцам Джангак, Кукртлы, расположенным в районах кочевий туркменом, далее на Балханские горы, Узбой. С 90-х гг. XIX в. ежегодно в пределы Красноводского уезда откочевывало более двух тысяч кибиток адаевцев. Часть из них оставалась там. Другая из-за недостатка выпасов вынуждена была уйти в Уральскую область, где ежегодно летовало восемь – десять тысяч их кибиток. Зимой они снова возвращались на Мангышлак или в Хивинское ханство (Турсунова, 1977, с. 133–136).

Прежде чем перейти к характеристике кочевого хозяйства казахов степей Жайык-Иртышского междуречья в XVIII – начале XX в., остановимся на вопросе о степени различия природных условий региона этого времени и начала эпохи железа (I тыс. до н. э.).

Согласно данным В.В. Клименко и В.А. Климанова, самое сильное похолодание за последние 5000 лет приходится на период 2500–2200 л. н., которому в соответствии с современной версией калибровки отвечают календарные даты 650–280 гг. до н. э. (рис. 31). В свете новейших разработок это похолодание представляется как асимметричный двойной холодный эпизод, в котором два этапа похолодания были разделены кратковременным потеплением примерно между 450 и 380 гг. до н. э. Из двух этапов

похолодания наиболее значительным был второй, кульминации которого соответствует календарная датировка 280 ± 50 гг. до н. э. В Северном полушарии аномалия температуры в этот максимум похолодания оценивается в -0.5 – -0.6°C от уровня 1901–1960 гг. Это существенно ниже аномалии в -0.23°C для самой холодной декады (1901–1910 гг.) в эпоху современных инструментальных наблюдений и находится на уровне самых холодных декад Малого ледникового периода (XIV–XIX вв.) (Клименко, 1998, рис. 1; 2000, с. 9–24, рис. 1; Клименко, Климанов, 2003, с. 393–397).

Экстремум глобального похолодания 2500 л. н. известен также как неогляциал, радиоуглеродный возраст которого 2500 ± 100 л. н., а календарный, как указывалось выше, – около 650 г. до н. э. На основе палинологических и радиоуглеродных данных по Северной Евразии В.А. Климанов восстановил количественные характеристики климата для этого времени и представил эти характеристики в виде отклонений от современных их значений (Климанов, 2002, с. 676–680). Так, на большей части Западной Сибири и на севере Средней Сибири средние температуры июля были ниже, чем в настоящее время, на $1,5$ – 2°C . В Северном Казахстане и Южном Зауралье средние температуры июля отклонялись от их современных значений на 1 – $1,5^\circ\text{C}$. На юге Западной и Средней Сибири, в Центральном Казахстане и Южном Приуралье отклонения температур были менее 1°C (рис. 32).

Область со средними температурами января ниже современных более чем на 2°C охватывает большую часть Западной и Средней Сибири, что может быть связано с углублением северной ветви Азиатского антициклона. На юге Западной Сибири и севере Центрального Казахстана, большей части Южного Зауралья и в Южном Приуралье отрицательные отклонения средних температур января были менее 1°C (рис. 33).

Среднегодовые температуры (рис. 34), имеющие интегральную характеристику между средними температурами июля и января, были ниже современных более чем на 2°C в северной половине Западной и Средней Сибири. На юге Западной Сибири, на севере Казахстана, в северной части Южного Зауралья они были меньше современных на 1°C . В Центральном Казахстане, на большей части Южного Зауралья и в Южном Приуралье отклонения среднегодовых температур от современных их значений были менее чем на 1°C .

Среднегодовая сумма осадков (рис. 35) имеет наибольшие отрицательные отклонения в центре Западной Сибири, где осадков выпадало меньше

современной нормы на 75 мм. К юго-западу величина отклонений осадков уменьшается. На большей части Западной и Средней Сибири осадков было меньше на 50 мм и более. В Северном Казахстане и на востоке Центрального Казахстана количество осадков почти соответствовало современной норме. На севере Центрального Казахстана, в Южном Зауралье и на большей части Южного Приуралья осадков выпадало уже больше современной нормы на величину, превышающую 25 мм.

По мнению В.В. Клименко, глобальные изменения климата обязательно находят свое отражение в региональных колебаниях, и, следовательно, указанная им температурная зависимость (рис. 31) представляет собой качественную историю климата любого региона³.

Таким образом, ландшафтно-климатические условия большей части I тыс. до н. э. в степях Жайык-Иртышского междуречья не являлись для кочевников более благоприятными по сравнению с XVIII–XIX вв., и что особенно важно подчеркнуть, эти условия были более неблагоприятными, чем в XX в., особенно в его второй половине.

2. Пастбищно-кочевая система по историческим и этнографическим данным

Одной из основных особенностей хозяйства казахов-кочевников была пастбищно-кочевая система, или посезонное распределение пастбищ и водных источников (Шахматов, 1964, с. 23, 33; Акишев, 1972, с. 31; 1986, с. 7; Курылев, 1979, с. 166), с круглогодичным кочеванием в меридиональном направлении (рис. 36–38), с постоянными районами летних и зимних пастбищ (замкнутый цикл кочевания). По мнению Н.Э. Масанова, незамкнутый цикл кочевания, то есть выпас скота с неурегулированным землепользованием, был практически невозможен в природно-климатических условиях Казахстана. Замкнутый же цикл кочевания по строго определенным маршрутам в рамках регламентированных пастбищных угодий был имманентно присущ всем кочевникам Евразии (Масанов, 1984, с. 45; Жумангабетов, 2003, с. 114). Как отмечал А.А. Семенов, испокон веков стремление предотвратить анархию в пользовании даже необозримыми пастбищами вело к регулированию вопросов землепользования. «И потому даже самые пути кочевков были определены для каждого племени (рода) и каждое имело свои определенные места для зимних стойбищ и для летних и осенних кочевков» (Семенов, 1953, с. 27).

Характеристика растительного покрова Казахстана и его использования при выпасе

Природная зона, подзона	Продуктивность естественной растительности (сухой массы в ц/га)	Коэффициент использования*	Процент использования, %			
			весна	лето	осень	зима
Лесостепная – богаторазнотравно-злаковые степи	от 5–6 до 9	0,6–0,7	100	80	60	–
– луговые злаково-разнотравные степи	10–15	0,6–0,7	100	80	70	–
Степная – песчаные степи	3–5	0,7	100	70	60	–
– щебнистые степи	3–7	0,5	100	70	60	–
Полупустынная	3–4	0,5	100	50	100	60
Пустынная I. Северные (остепненные соляноково-попынные со злаками на бурых почвах) пустыни	–	0,5	–	10–20	–	60–80
– там же на песчаных массивах	2–5	0,5	50	40	100	80
II. Средние (соляноково-попынные на серо-бурых почвах) пустыни: а) на коренных глинистых отложениях	2–4	0,5	30	10	100	80
б) на такыровидных почвах	2–4	0,5	10–30	10	100	80
в) песчаные взбугренные пустыни	1,5–4	0,5	30–50	40–60	100	60–80
г) выровненные песчаные пустыни	2–4	0,4	50	40	100	80
д) щебнисто-каменистые пустыни	от 0,5 до 2–3		10–30	10–40	100	50–80
III. Южные (эфемеровые на серо-бурых почвах) пустыни	3–4	0,7–0,8	100	60	30	20

* Коэффициент использования указывает, какую часть валовой продукции травостоя использует стадо при выпасе в тот сезон, когда процент его использования наибольший (100%). В другие сезоны использование уменьшается соответственно снижению процента использования
Составлена по данным: Соболев, 1969. С. 227–241.

В казахских ханствах накануне и в период присоединения Казахстана к России руководители родов, а иногда ханы и султаны давали указания, когда начинать кочевку, какие пути выбирать. Они же решали вопрос о спорных пастбищах. Это «распределение кочевых путей и пастбищ между родами было неизбежным и необходимым условием пастбищно-кочевой системы: в противном случае вся система кочевания была бы нарушена, начался бы хаос в землепользовании, что привело бы к хищническому истреблению пастбищ и гибели скота» (Шахматов, 1964, с. 33; см. также: Поноженко, 1995, с. 267).

По мнению К.А. Акишева, «пастбищно-кочевая система (или посезонное распределение пастбищ и водных источников, без которого вообще было бы невозможно кочевое скотоводство), уже сложившаяся в момент перехода скотоводов к кочеванию в IX–VIII вв. до н. э., фактически оставалась неизменной в продолжение тысячелетий» (Акишев, 1972, с. 31; см. также: Акишев, 1987, с. 12; Акишев, Хабдулина, 1999, с. 178, 179)⁴.

Становление этой системы было обусловлено природно-климатическими факторами (температура воздуха, высота и плотность снежного покрова, количество и сезонное распределение осадков и т. п.); зональностью и посезонными особенностями продуктивного периода с активной вегетацией растительного покрова и его низкой кормовой производительностью; ярко выраженной аридностью и неравномерностью распределения водных источников, их сезонностью; периодичностью поедания скотом скудной растительности (Акишев, 1972, с. 33, 34; 1986, с. 9, 13; Железчиков, 1983, с. 50, 51; 1984, с. 8; Масанов, 1984, с. 7, 25–27; 1987, с. 21–23; Федорович, 1973, с. 207–222; Крашенинников, 1926, с. 27, 28). Все эти факторы определили не только динамическое состояние кочевников, вынужденных передвигаться в поисках естественного травостоя и водных источников, но и в значительной степени время и конкретное направление этих передвижений, то есть посезонный характер использования пастбищ (Семенюк, 1969, с. 129, 130; Масанов, 1984, с. 26).

Одна из причин периодических перекочетов – необходимость восстановления кормовой производительности пастбищ (Шнайдштейн, 1974, с. 69; Масанов, 1984, с. 33). Как отмечал И.Я. Златкин, «процесс кочевания – это труд, приложенный не только к стаду, но и к данной пастбищной территории с целью восстановления ее кормовой производительности, без чего было бы невозможно возвращение производителя на данное место через установленное время» (Златкин, 1955, с. 75; см. также: Васильченко, 1974, с. 195). Кроме того, подчеркивал он, при существо-

вавшем «уровне производительных сил перекочевки являются единственно возможным способом восстановления плодородия использованных пастбищных угодий» (Златкин, 1982, с. 259). Единственным же способом интенсификации кочевого хозяйства при существовавшей степени развития производительных сил было увеличение количества кочеваний или удлинение кочевого пути. Этим объясняется необходимость громадной площади естественного пастбища даже для сравнительно небольшого числа кочевых хозяйств. Причем чем большим количеством скота располагало хозяйство, тем чаще и дольше приходилось кочевать (Толыбеков, 1971, с. 90).

2.1. Факторы, определяющие формирование и функционирование пастбищно-кочевой системы

Распределение пастбищ по сезонам года базировалось на эффективном использовании таких природно-климатических особенностей, как зональность вегетационного периода растительного покрова, сезонный характер его наивысшей продуктивности, периодичность поедания трав домашними животными (Акишев, 1972, с. 33, 34; Железчиков, 1983, с. 50–52; 1984, с. 8; Федорович, 1973, с. 212–216; Батнасан, 1977, с. 73; Усть-Урт..., 1949, с. 206, 207). Так, на юге в пустынях господствуют эфемеры и эфемероиды, развитие которых связано с зимне-ранневесенним увлажнением. В мае их зеленая масса, содержащая от 75 до 90% влаги, высыхает, сохраняя в значительной степени свою питательную ценность. Но любой дождь летом, поздней осенью или теплой зимой немедленно дает отрастание зеленой массы (отаву). В попынных ассоциациях северных пустынь и полупустынь зеленая масса достигает максимума лишь к середине осени, а наиболее поедаемыми попыны становятся после первых холодов, когда из них улетучатся их эфирные масла. Поэтому пастбища с попынной ассоциацией, расположенные на юге Казахстана, особо ценными становятся лишь поздней осенью, когда они выполняют роль «нажировочных» пастбищ (табл. 1).

Попыны содержат от 9,5 до 15,9% белка и от 3,7 до 9,7% жира, особенно большое количество жира содержится в листьях осенней вегетации (9,7%). Даже после дождей и заморозков у них бывает до 6,3% белка и 4,9% жира. Овцы на таких пастбищах не только быстро увеличивают в весе, но и накапливают жир, помогающий им легче переносить зиму. Осенью и зимой лучшим нажировочным кормом для копытных служат боялыч и биюргун, которые в

фазе плодоношения содержат соответственно 23,6 и 12% белка. Активно поедаются в этот период и попыны. Так, в Западном Казахстане зимой у сайгаков рацион питания на 80–90% состоял из попыней, солянок, кохии, ромашника (Давыдова, 1939, с. 127–

135; Семенюк, 1969, с. 122, 123; Федорович, 1973, с. 213; Слудский, 1963, с. 28; Фадеев, Слудский, 1982, с. 77–79; Формозов, 1987, с. 22). В западной части Устюрта на осенне-зимний период приходится основная масса годичных запасов кормов: 50% на

Таблица 2

Некоторые климатические данные по ландшафтным зонам Казахстана

	Степи	Полупустыни	Пустыни	
			северные	южные
Средняя месячная скорость ветра в м/сек)	4–6	3–6	4–6	1–4
Наибольшее число дней в январе с сильным ветром (более 15 м/сек)	10–17	3–13	3–10	2–5
Средняя температура воздуха в январе (в °С)	–19 – –16*	–16 – –14*	–14 – –10	более –10
Средний минимум температуры воздуха в январе (в °С)	–24 – –20	–20 – –18	–18 – –12	более –12
Абсолютный минимум температуры воздуха (в °С)	–57 – –42	–50 – –41	–42 – –34	не менее –39
Средняя температура воздуха в июле (в °С)	18–23	22–24	24–26	более 25
Средняя продолжительность безморозного периода в воздухе (в днях)	100–140	60–160	140–170	160–200
Среднее годовое количество осадков (в мм)	250–500	150–250	менее 150–200	менее 150–200
Среднее количество осадков за теплый период (апрель–октябрь) (в мм)	150–400	100–200	75–100	менее 75
Среднее число дней с атмосферной засухой (апрель–октябрь)	40–65	40–65 и более	40–60	40–50
Средние даты образования устойчивого снежного покрова	ранее 10.XI–30.XI	ранее 20.XI не позднее 10.XII	ранее 10.XII–20.XII и позднее	позднее 20.XII
Среднее число дней со снежным покровом	140–160	100–140	80–20	менее 60–80
Средняя высота снежного покрова (в см)	20–40	10–30	10–20	менее 10**
Среднее число дней с метелью	от 10 до 40 и более	10–30	5–20	менее 5
Густота речной сети (км на 100 кв. км)	4–6	2–4	0,5	
Превышение годовой величины испаряемости годового количества осадков (количество раз)	3–7	7–20	10–12 (в летний период в 30–70)	

* В 50% всех зим наблюдаются оттепели с повышением температуры воздуха до 0° С, что при последующем резком похолодании и снегопадах вызывает образование ледяных корок и прослоек в снежном покрове.

** На ряде территорий (Устюрт, Мангышлак, Кызылкумы, Каракумы) устойчивый снежный покров наблюдается менее чем в 50% зим.

Составлена по данным: Казахстан..., 1950; 1969; Климат..., 1959; Чулахин, 1968; Гвоздецкий, Николаев, 1971; Масанов, 1984.

пастбищах ковыльно-полынных ассоциаций, 90% – биюргуновых ассоциаций, 60% – биюргуново-полынно-кормовых ассоциаций, 70% – боялышевых ассоциаций (Усть-Урт..., 1949, с. 217, 218).

Кроме того, для каждого сезона существовали и другие критерии выбора пастбищ. В зимний период, помимо качества травостоя, важнейшее значение имели плотность и высота снежного покрова, в летне-осенний период – обеспеченность водными источниками. Для скотоводческого хозяйства необходима не только равномерная сеть водных источников (расстояние между водопоями не должно превышать в летнее время 5 км, в весенне-осеннее – 10 км), но и возможность быстрого однократного использования воды (Казахстан..., 1969, с. 453, 454). Большое влияние на выбор сезонных пастбищ оказывал и состав стада. Особенности питания разных видов животных требуют различных условий водобеспечения и многообразных в морфологическом отношении видов растительного покрова. Так, вода с содержанием солей от 5 до 10 г/л пригодна для овец и верблюдов, временно – для крупного рогатого скота и непригодна для лошадей (Федорович, 1969, с. 453). Крупный рогатый скот питается злаками, прутняк ест плохо, а полыни и солянки не потребляют совсем. Лошади весной и в первой половине лета питаются в основном злаками и ковылями. С начала периода цветения поедаемость их резко падает. С осени поедаемость как злаков, так и ковылей вновь возрастает. Наиболее хорошо лошади поедают представителей этой группы растений в сырую погоду. Зимой все плотнокустовые злаки, а также ковыли вновь являются весьма желательными видами на конских пастбищах. Полыни и солянки можно характеризовать как почти несъедобные растения для лошадей весной и в первую половину лета. Их поедание начинается с фазы бутонизации, даже с периода цветения. Во второй половине лета и в начале осени табуны поедают как полыни, так и солянки, особенно во время утренней прохлады. Очень хороший пастбищный корм дают полыни и солянки во второй половине осени и зимой. В это время они считаются наживочным кормом. Ряд растений, таких как, например, пырей, житняк, костер безостый, тимофеевка степная, полевица белая, лисохвост, бекмания, шелковница, для зимней пастыбы лошадей не имеет никакой ценности. Овцы едят и полыни, и злаки, и прутняк (Давыдова, 1939, с. 127–135; Усть-Урт..., 1949, с. 154; Железчиков, 1983, с. 51, 52; Семенюк, 1969, с. 122–125). Не все животные равноценны и в умении добывать корм из-под снега – тебеневать (Масанов, 1984, с. 44–53).

Особенно ценны для кочевников зимние пастбища, что обусловлено резко континентальным климатом степей, полупустынь и пустынь Казахстана, наименьшей продуктивностью естественного травостоя, поэтому к их выбору предъявлялись особые требования⁵. В.В. Радлов писал: «К зимним стоянкам предъявляется гораздо больше требований, чем к летним... И поэтому именно зимние стоянки определяют плотность расселения кочевников, и от них зависит благополучие поголовья скота. Неслучайно для кочевника богатство какого-то района определяется обилием и удобством зимних стоянок, и можно считать, что все сражения и военные походы киргизских орд в прошлые столетия были не чем иным, как постоянным стремлением захватить лучшие зимние стоянки» (Радлов, 1989, с. 254). Особая ценность зимних пастбищ приводит к их раннему закреплению за определенной родовой группой. У казахов такое закрепление, или обособление, произошло, скорее всего, со времени прихода их на новые места. Так, род кеше объединения адай захватил и закрепил за собой зимние пастбища на полуострове Бузачи еще в первый приход сюда адаевцев в середине XVII – начале XVIII в. (Курылев, 1998, с. 94).

Места зимних пастбищ номадов степей и полупустынь Жайык-Иртышского междуречья определились, по мнению К.А. Акишева, еще в эпоху раннего железа (VIII–IV вв. до н. э.), и лучшие из них не менялись в течение всего периода существования номадизма в Казахстане (Акишев, 1972, с. 33). Располагались они в основном южнее летних – в северных пустынях Казахстана и Центральной (Средней) Азии. В районах Семиречья (Жетису) в связи с особенностями природно-климатических условий зимние пастбища находились севернее летних, но также в зоне пустынь (летние – на юге, в предгорной полосе или в горных долинах) (Захаров, 1956, с. 109; Востров, 1961, с. 123, 124, 127, 129; Хозяйство казахов..., 1980, с. 77).

Расположение зимних пастбищ в зоне пустынь детерминировалось естественно-географическими условиями региона и биологическими особенностями домашних животных. В данной зоне продолжительнее безморозный период, меньше толщина и плотность снежного покрова и продолжительность его устойчивого залегания. Здесь меньше и опасность снежных заносов, метелей и буранов (табл. 2).

Наблюдения за лошадьми на зимних пастбищах Казахстана показали, что пастыба лошадей затрудняется или становится невозможной при рыхлом снежном покрове высотой ≥ 60 см, при плотном – высотой ≥ 30 см. Пастыба верблюдов затрудняется при рыхлом снежном покрове высотой ≥ 40 см, при плот-

ном – высотой ≥ 20 см. Для жеребят предел – рыхлый снежный покров высотой 25 см (Федосеев, 1959, с. 4; Слудский, 1963, с. 33). Тебеневка же овец сильно затрудняется или становится совершенно невозможной при высоте и плотности снежного покрова (не имеющего ледяных прослоек), указанных в таблице 3. Начиная с 30 см тебеневка для овец становится невозможной уже при любой плотности снежного покрова (Федосеев, 1953, с. 60; 1959, с. 4; Слудский, 1963, с. 35). «В зимнее время, когда толстый слой снега покрывает ковыльные степи севера, они делаются мало пригодными как пастбища. Только табуны лошадей способны тебеневать по покрытым снегом степям, для овец и верблюдов они делаются совершенно недоступными. Ввиду этого в конце августа и начале сентября начинается движение кочевников с летовок северной и средней части Темирского уезда на юг» (Скалов, 1911, с. 90).

В северной (степной и полупустынной) половине Казахстана при высоте снежного покрова в 20 см вследствие очень раннего его уплотнения до $0,2 \text{ г/см}^3$ тебеневка овец невозможна уже с третьей декады января (Слудский, 1963, с. 35). В связи с этим сайгаки, условия зимней пастьбы которых в полупустынях и пустынях и способы тебеневки совершенно идентичны с таковыми для овец, не зимуют в степях и полупустынях, где высота снежного покрова превышает 20 см, а уходят на юг, в северные пустыни, где снега бывает значительно меньше (рис. 39) и плотность его обычно не превышает $0,27 \text{ г/см}^3$, причем и такая плотность наблюдается всего в течение двух декад (конец февраля – начало марта) (табл. 4).

Кроме того, из-за сильных ветров, неровностей рельефа и солнечной инсоляции снежный покров в этой зоне очень неравномерен; здесь всю зиму встречаются большие участки, лишенные снега. В некоторых районах зоны пустынь – междуречье Амударьи и Сырдарьи, Устюрт, Мангышлак – устойчивый

снежный покров бывает примерно каждую вторую зиму (Слудский, 1963, с. 15, 16, 35; Фадеев, Слудский, 1982, с. 27). Следует отметить, что условия зимовки копытных в северных пустынях Казахстана очень напоминают условия в европейских степях. Для последних, так же как и для монгольских степей, характерен невысокий, неплотный и неустойчивый снежный покров. Для степей Жайык-Иртышского междуречья типичен высокий, весьма плотный и устойчивый снежный покров. Высота снежного покрова здесь составляет 20–25 см, а местами 30 см, причем лежит он 120–160 дней (табл. 2; рис. 40). Вследствие сильных ветров снег в степях бывает очень плотным. В отдельные годы во все зимние месяцы плотность его превышает $0,30 \text{ г/см}^3$ (Слудский, 1963, с. 13–15).

Существенное значение для животных, находящихся на пастбищах, имеют гололед, оледенелый мокрый снег и замерзшая вода. Гололед вызывает обледенение травостоя и образование ледяной корки на поверхности почвы или снега. Выпадающий мокрый снег также может вызвать обледенение травостоя и образование ледяной корки. Замерзание влажного снега, талых или дождевых вод обычно приводит к образованию ледяных корок. Наличие же ледяной прослойки даже в невысоком снежном покрове может привести к полному прекращению пастьбы животных. Овцы либо бывают не в состоянии разрушить слой льда, либо о его острые края режут ноги. Многочисленные наблюдения показали, что при снежном покрове выше 10 см ледяные корки или прослойки толщиной от 0,5 см и более уже препятствуют пастьбе и передвижению овец. При снежном покрове менее 10 см критическая толщина ледяной корки увеличивается до 1,0 см. Эти же показатели применимы и при оценке условий пастьбы верблюдов. Тебеневка лошадей затрудняется при толщине ледяной корки или прослойки от 3 см и более (Федосеев, 1959, с. 4).

Таблица 3

Высота и плотность снежного покрова, прекращающие тебеневку овец*

Высота (см)	5	10	15	20	25
Плотность (г/см^3)	$\geq 0,34$	$\geq 0,32$	$\geq 0,3$	$\geq 0,25$	$\geq 0,2$

* По: Федосеев, 1953; 1959

Таблица 4

Средняя многолетняя плотность снежного покрова в Казахстане*

Месяц	Декада	Северная половина (степи и полупустыни) (г/см^3)	Южная половина (северные пустыни) (г/см^3)
Октябрь	III	0,11	–
Ноябрь	I	0,20	0,17
	II	0,20	0,16
	III	0,24	0,17
Декабрь	I	0,21	0,16
	II	0,20	0,17
	III	0,28	0,19
Январь	I	0,23	0,21
	II	0,22	0,20
	III	0,25	0,21
Февраль	I	0,26	0,21
	II	0,27	0,22
	III	0,27	0,27
Март	I	0,28	0,27
	II	0,29	0,24
	III	0,31	0,23
Апрель	I	0,39	–

* По: Федосеев, 1953.

Таблица 5

Предельные скорости ветра и температуры воздуха, прекращающие пастьбу овец*

Скорость ветра м/с	Среднесуточная температура воздуха, °C	
	для степи и полупустыни	для пустыни
≥ 15	≤ 0	≤ 0
≥ 14	≤ -4	≤ 0
≥ 12	≤ -10	≤ 0
≥ 10	≤ -16	≤ -2
≥ 8	≤ -20	≤ -13
≥ 6	≤ -26	≤ -18
≥ 4	≤ -28	≤ -21
≥ 2	≤ -31	≤ -24
< 2	≤ -32	≤ -25

* По: Федосеев, 1953.

Большое влияние на зимний выпас как домашних, так и диких животных оказывают температура воздуха и сила ветра. Приведем предельные значения скорости ветра и температуры воздуха, при которых прекращается пастбище овец (табл. 5).

В степной и полупустынной зонах скорость ветра более 15 м/сек при любых отрицательных температурах воздуха делает пастбище овец невозможной, в пустынях – выше 10 м/сек при всех отрицательных температурах. Пастбище овец невозможно также при следующих среднесуточных температурах воздуха: в степи и полупустыне – ниже -32°C , в пустыне – ниже -25°C . Овец не пасут и во время метелей или сильной поземки при всех отрицательных температурах (Федосеев, 1953, с. 63; 1959, с. 6). В целом число дней с метелями в Казахстане убывает от 25–40 на севере до 1–5 на юге. На большей части территории Казахстана метели бывают при температуре воздуха $-5\text{...}-15^{\circ}\text{C}$, при -20°C они наблюдаются редко (10–15% случаев). «Киргизы (казахи. – А.Т.) шестого административного аула Карабалыкской волости (Кустанайского уезда Тургайской области. – А.Т.) говорили, что бураны бывают обыкновенно в ноябре, декабре, январе и феврале месяцах; в каждом из этих месяцев в средние годы бывает по пять дней с такими буранами, что нельзя совершенно никакой скот пасты по степи... Киргизы первого административного аула Дамбарской волости насчитывают в среднюю зиму 40–45 буранных дней, в которые приходится весь скот держать на сене» (Материалы... Т. V, 1903, с. 99). На юге же Казахстана метели чаще всего бывают при температуре от 0 до -10°C (Шварева, 1969, с. 105).

Изучение климатических условий, затрудняющих пастбище домашних животных, в частности овец, составляющих основу стада кочевников, позволило климатологам ввести понятие «невыпасной день» и с его помощью определять возможность использования пастбищ зимой в различных регионах Казахстана. Таким днем считают тот, когда овцы местных или акклиматизированных пород не выпасаются по погодным условиям либо их выпас совершенно нецелесообразен, в результате чего они переводятся на полное стойловое содержание (Федосеев, 1953, с. 69; 1959, с. 6; Слудский, 1963, с. 40, 41). Для курдючных овец местной породы невыпасными считаются следующие дни:

1) со снежным покровом на пастбище без ледяных корок и прослоек с высотой и плотностью, превышающими пределы, указанные в таблице 3;

2) со снежным покровом на пастбищах высотой до 10 см и наличием в нем ледяной корки или прослойки (или нескольких прослоек) толщиной (или

общей толщиной) от 1 см и более; со снежным покровом на пастбищах выше 10 см и наличием в нем ледяной корки или прослойки (или нескольких прослоек) толщиной (или общей толщиной) от 0,5 см и более;

3) с температурой воздуха и ветрами выше названных пределов (табл. 5);

4) с метелью, сильной поземкой, сильным снегопадом и туманом в светлое время суток продолжительностью не менее 2 часов;

5) с явлениями гололеда в любую часть суток.

Большое число невыпасных дней, то есть продолжительные периоды пастбищной бескормицы по погодным условиям, создает тяжелую обстановку для скотоводства, приводя нередко к джугам – массовому истощению и гибели диких и домашних животных. У казахов существовала пословица: «Джуг – жеты ағайынды» («У джуга семь родственников»). Имелись в виду летняя засуха, выгорание растительности, ранняя зима, выпадение глубокого снега, зимние дожди, образование ледяной корки и другие неблагоприятные природные факторы, или, по другой версии, снег, мороз, сильный буран (пурга), отсутствие загонов, безводье, голод, а также лень (Атушева, 2000, с. 21, 22).

Для лошади, как и для кулана, опасны: рыхлый снежный покров со средней высотой 40 см и выше при плотности 0,35–0,4 г/см³, если он лежит более 10–15 дней; наст толщиной более 2 см на снежном покрове высотой 25 см, если он держится свыше 10 дней; непрочный наст на снежном покрове высотой 35 см и более, если он лежит больше недели. Идя по непрочному насту, животные все время проваливаются и режут о ледяную корку кожу на передних ногах (Слудский, 1963, с. 24–26). «Если прежде снегу сделается наледь (гололедица, череп) и не отойдет до первого постоянного снегу, тогда скот гибнет целыми стадами, потому что не может добывать корм, отгребая снег копытами. Лошади разбивают и череп и кой-как доживают до весны; но верблюды, рогатый скот и овцы, сбивая копыта до крови, нередко дохнут голодом» (Эверсман, 1840, с. 214).

Для овец и сайгаков опасны рыхлый снежный покров со средней высотой в 30–35 см, если он лежит более 10 дней; снежный покров со средней высотой в 15 см при плотности более 0,3 г/см³ и в 20 см – при плотности более 0,25 г/см³, если он держится свыше недели (Слудский, 1963, с. 40). В этих условиях и возникают джуги, приводящие к массовому падежу скота. Так, в зиму 1826/27 гг. в результате выпадения обильного снега и сильных буранов в междуречье Волги и Жайыка казахи Внутренней (Букеевской) орды лишились 10500 верблюдов, 280500

лошадей, 75480 голов рогатого скота и 101200 овец (Слудский, 1963, с. 50). Как писал Э.А. Эверсман (1840, с. 213), весь скот шарахнулся к северу (по ветру), частью попадая в овраги и рытвины, частью замерзая в голой степи. В зиму 1856/57 гг. вследствие сильных буранов и гололеда в пяти округах «сибирских киргизов» пало 938 тысяч голов скота, в том числе 770 тысяч овец и 168 тысяч лошадей. Во время джуга зимы 1879/80 гг., охватившего почти всю территорию Казахстана, погибло 65% всего поголовья скота. В Акмолинской области пало 819775 голов скота, в Тургайской – 1528675 голов, или 42% от всего поголовья, в том числе 70478 верблюдов и 313700 лошадей. В отдельных уездах Тургайской области погибло до 72% скота. В описываемую зиму в Уральской, Тургайской областях, а также во Внутренней киргизской степи пало около 6 млн голов скота (Усть-Урт..., 1949, с. 154; Слудский, 1963, с. 50, 51; Толыбеков, 1971, с. 541, 542; Турсунбаев, 1973, с. 226). Напомним, что вторая половина XIX в. – это время активного оседания казахов-кочевников, перехода их к полукочевому скотоводству. Поэтому такие большие цифры гибели скота в степной зоне Казахстана не должны вызывать удивления. Правда, значительны были потери скота в зиму 1879/80 гг. и в Южном Казахстане. Здесь, в пределах Перовского, Туркестанского, Чимкентского и Аулиеатинского уездов, пало 1432000 голов скота, или 56% поголовья, в том числе 62% верблюдов, 49,3% лошадей, 34% крупного рогатого скота и 60% овец. Однако за столетие 1865–1960 гг. на территории Узбекистана, Таджикистана и Туркмении, в которых находятся пустыни Кызылкум и Каракумы, было лишь шестнадцать суровых зим с джугами, из которых особенно тяжелыми для диких копытных оказались девять. В бассейнах Эмбы, Иргиза, Тургай и на юге Казахстана в районах, прилежащих к рекам Сырдарья и Чу, за период с 1871 по 1954 г. зафиксирован двадцать один джуг, из них особенно тяжелыми были девять. В то время как в северной части Прикаспийской низменности, в междуречье Волга – Жайык и прилегающих к ним районам за последние 150 лет отмечено около сорока четырех джугов, из них особенно тяжелыми были девятнадцать (Слудский, 1963, с. 48–50).

По наблюдениям казахов, подтверждаемым и некоторыми статистическими данными, крупные джуги, опустошительные для всей казахской степи, повторялись через двенадцать лет, на четвертый год цикла (мушел) – «қоян жылы» (год зайца), частичные же джуги, охватывающие отдельные районы степи, бывали почти ежегодно (Атушева, 2000, с. 3, 20).

Среднее число невыпасных дней по погодным условиям зимы для овец в полупустынной и степной

зонах Казахстана возрастает с юга на север с 40 до 100 дней (рис. 41), в северной части пустынь оно составляет 20–40, в южной – менее 10. Наибольшее количество невыпасных дней в северных районах Казахстана приходится на январь–март, в центральных – на февраль–март, в южных – на январь–февраль. Максимальное число невыпасных дней достигает в Западном Казахстане в отдельные зимы 90–120, в Прибалхашье – 60–90, в Центральном Казахстане – 120–150, в Северном Казахстане – 120–150, в Южном Зауралье (Кустанайская область) – 140–160 дней (табл. 6; 7; рис. 42). Причем вероятность наступления зим с максимальным числом невыпасных дней колеблется в пределах 5–10%, то есть подобные зимы бывают раз в 10–20 лет (Федосеев, 1953, с. 72; 1959, с. 6, рис. 4).

Следует отметить, что приведенные данные по числу невыпасных дней характерны для равнинных пастбищ. Местные особенности территории могут вносить заметные изменения в условия пастбища скота при одной и той же погодной обстановке. Так, в условиях пересеченной местности даже в случае общей неблагоприятной погодной обстановки почти всегда возможен частичный выпас овец на южных и западных склонах, так как мощность снежного покрова здесь обычно значительно меньше, чем на северных склонах и в понижениях. Южные склоны, кроме того, отличаются и меньшей продолжительностью залегания снежного покрова. Это определяет неустойчивость ледяных корок и несколько лучшие условия пастбища овец зимой, чем на склонах другой экспозиции, особенно северных. В межрядовых понижениях наблюдается более благоприятный для пастбища режим ветра. При умелой организации пастбища в районах с пересеченным рельефом, где условия пастбища создаются несколько иные, чем на равнинах (рис. 42), невыпасной период может быть сокращен за счет выборочного выпаса на отдельных участках пастбищ с учетом местных условий (Федосеев, 1959, с. 10, 11).

На основании приведенных выше данных ясно, что нормальная зимовка копытных животных большинства видов (в том числе лошади и овцы) без заготовки для них кормов в степях Жайык-Иртышского междуречья невозможна (Слудский, 1963, с. 15). Районы зимовок сайгака, условия зимней пастбища которого и способы тебеневки, как уже отмечалось, совершенно идентичны с таковыми для овец, расположены в пустынях, находящихся между изолиниями 20–40 невыпасных дней, обычно же – к югу от линии 30 дней (Слудский, 1963, с. 41). Поэтому можно утверждать, что районы зимовок (без заготовки кормов) кочевников, в том числе и казахов, долж-

Таблица 6

Число невыпасных дней по погодным условиям зимы для овец по пастбищам отдельных районов Казахстана*

Пункт наблюдения	Среднее число невыпасных дней по месяцам							Максимальное число невыпасных дней за зиму	Вероятность зим с продолжительностью невыпасного периода, %		
	XI	XII	I	II	III	IV	XI-IV		≥ 30 дней	≥ 60 дней	≥ 90 дней
Карабау	0	2	9	18	16	0	45				
Толубай	0	1	10	16	10	0	37				
Махамбет	2	6	11	12	8	0	39				
Гурьев	1	7	10	12	7	0	37				
Косчагыл	2	7	10	9	4	0	32				
Сам	0	2	8	10	2	0	22	65	15	5	0
Бейнеу	0	3	12	12	2	0	29	44	20	0	0
Аккудук	0	0	2	3	2	0	7	39	5	0	0
Уланбель	0	5	12	12	1	0	30	91			
Камкалы-Куль	0	1	4	8	2	0	15	53			
Фурманово	1	7	8	6	3	0	25	66	25	5	0
Анархай	1	3	4	4	1	0	13	30			
Байкадам	1	4	3	4	2	0	14	29	5	0	0
Уюк	1	4	5	5	3	0	18	85	15	5	0
Чу	1	3	6	11	4	0	25	83			
Отар	1	3	6	8	1	0	19	78	15	5	0
Курдай	8	13	19	23	15	7	85	130	100	95	45
Джамбул	2	4	5	6	4	0	21	82	20	5	0
Мерке	2	5	6	6	4	0	23	72	95	5	0
Уральск	3	8	16	23	21	4	75	128	85	75	45
Джамбейты	2	11	19	23	21	2	78	124	80	65	45
Чапаево	1	4	8	14	17	2	46	106	75	25	10
Фурманово	1	7	10	17	14	7	56	124	65	45	20
Калмыково	2	4	11	15	4	0	36	84	50	20	10
Урда	2	8	13	12	4	0	39	85	50	30	10
Родниковка	7	19	28	28	30	16	128	159	100	100	90
Мартук	1	8	18	25	24	6	82	126	85	85	55
Актюбинск	3	12	19	22	22	3	81	132	80	65	55
Темир	2	10	21	22	23	4	82	137	85	80	45
Эмба	1	6	12	17	14	2	52	125	75	45	5
Уил	1	5	12	17	16	0	51	106	55	40	20
Иргиз	1	3	8	12	11	3	38	94	55	30	5
Челкар	1	6	10	13	10	0	40	115	45	20	15
Комсомолец	6	19	26	28	31	10	120	156	100	90	80
Урицк	2	16	20	27	30	10	105	154	100	100	70

Кустанай	5	14	20	24	27	7	97	147	95	80	70
Наурзум	2	13	20	25	28	9	97	160	100	90	70
Амангельды	3	8	14	19	17	3	64	139	75	55	25
Тургай	2	9	14	18	17	2	62	129	75	45	20
Аксу-Аюлы	2	9	15	22	27	8	83	153	90	70	50
Актогай	2	6	14	22	26	5	75	132	100	65	25
Жарык	2	8	16	23	21	4	74	120	85	75	40
Жанаарка	3	10	16	22	24	2	77	144	95	65	45
Карсакпай	4	10	17	23	24	4	82	136	95	75	45
Джезказган	2	5	10	17	16	1	51	121	65	45	15
Бетпак-Дала	1	6	12	16	9	1	45	115	60	25	15
Ударное	4	15	17	22	31	9	98	156	100	100	60
Долинское	2	15	20	24	24	1	86	155	90	80	50
Каркаралинск	5	8	12	14	19	7	65	118	65	60	25
Четск	2	9	15	22	27	8	83	153	90	70	50
Михайловка	6	12	15	18	23	7	81	130	100	65	40
Семиарка	3	7	9	10	13	3	45	133	70	20	20
Чалобай	3	13	19	22	23	4	84	139	80	80	50
Семипалатинск	2	8	13	17	16	1	57	117	80	40	10
Аягуз	5	15	18	25	25	3	91	139	100	85	55
Кокпекты	4	19	29	27	28	11	118	144	95	95	95
Урджар	1	18	29	28	29	6	111	140	100	100	85
Кара-Джол	16	29	31	28	31	18	153	176	100	100	100

* По: *Агроклиматические ресурсы ...*, 1969; 1971; 1974; 1975; 1976а; 1978; *Агроклиматический справочник ...*, 1958; 1960; 1961; 1962; 1962а.

ны были располагаться южнее изолинии 30 дней и, вероятнее всего, чтобы избежать ненужного риска, южнее изолинии 20 дней. Так, хорошими зимними пастбищами считались пески Муюнкума, где среднее число невыпасных дней не превышало 14, а вероятность наступления зимы с бескормицей продолжительностью в три месяца не превышает 1%, то есть одного раза в 100 лет. Вероятность повторения зим с бескормицей в 30 дней составляет здесь 12%, а число зим с 10 невыпасными днями и менее наблюдается в 55% случаев (Федосеев, 1953, с. 75).

По климатическим условиям зимней пастбы в районе Северо-Восточного Оренбуржья месячные запасы страховых кормов могут обеспечить перезимовку овец лишь в 25 зимах из 100, а в условиях северного Кызылкума месячные запасы кормов гарантируют благополучную зимовку овец в 90 зимах из 100. Двухмесячные запасы кормов гарантируют перезимовку овец в Северо-Восточном Оренбуржье в 50 зимах из 100, а в северном Кызылкуме – практи-

чески во все зимы. В южной части Кызылкума в запасы страховых кормов в размере месячной потребности овец обеспечивают благополучность зимовки во все зимы. На пастбищах Актюбинской, Акмолинской, Карагандинской, Семипалатинской и Кустанайской областей Казахстана трехмесячные запасы кормов не обеспечивают потребностей даже в 90% зим. По этим районам для полной гарантии успешной зимовки необходимо иметь как минимум четырехмесячные запасы (табл. 6; 8; рис. 43; 44) (Федосеев, 1953, с. 75–79; 1959, с. 10; Слудский, 1963, с. 5–88; *Агроклиматические...*, 1969, с. 191, табл. 83).

Однако, судя по историческим и этнографическим данным, казахи-кочевники XVII – начала XX в. кормов на зиму не заготавливали, за исключением совершенно незначительного количества для поддержания в особенно суровые зимы молодняка, прежде всего – лошадей и крупного рогатого скота, а также для верблюдов (Рычков, 1949, с. 92; Эверсман, 1840, с. 214; Карутц, 1910, с. 42; Усть-Урт...

Число дней с неблагоприятными явлениями погоды в зимний период в Южном Зауралье*

Таблица 7

Станция наблюдения	Неблагоприятные явления	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль	Март	Апрель	Всего
Челябинск	метели	6	8	6	6	7	1	34
	гололед	3	1	0,3	1	1	0,5	6,8
Верхнеуральск	метели	8	10	10	10	7	3	48
	гололед	1	1	0,4	0,4	1	0,4	4,2
Троицк	метели	3	5	7	5	5	0,7	25,7
Комсомолец	метели	2	6	6	5	5	0,6	24,6
Магнитогорск	метели	5	9	10	8	7	1	40
	гололед	1	1	0,4	0,5	1	0,4	4,3
Карталы	метели	4	7	7	6	6	1	31
	гололед	1	0,5	0,1	0,3	0,5	0,3	2,7
Кустанай	метели	4	7	7	6	6	0,8	30,8
Акьяр	метели	3	6	8	7	6	1	31
	гололед	2	0,4	0,1	0,4	1	0,2	4,1
Бреды	метели	3	9	10	8	8	0,8	38,8
	гололед	3	7	6	2	2	0,3	20,3
Наурзум	метели	2	5	6	5	4	0,3	22,3

* По данным: *Агроклиматические...*, 1969; 1971; 1976; 1977; *Природа...*, 1964.

Вероятность зим (%) с разными невыпасными периодами в зависимости от среднего многолетнего числа невыпасных дней*

Таблица 8

Продолжительность невыпасных периодов за зиму (дни)	Среднее число невыпасных дней												
	10	20	30	40	50	60	70	80	90	100	110	120	130
≥ 30	5	20	45	60	70	80	85	90	95	100			
≥ 60	0	10	15	25	40	50	60	70	80	90	100		
≥ 90		0	5	10	15	20	30	40	50	65	80	90	100

* По: Федосеев, 1959.

1949, с. 155; Толыбеков, 1957, с. 25; 1971, с. 520; Зиманов, 1958, с. 26, 29; Муканов, 1961, с. 137; Курылев, 1974, с. 86). Это объясняется тем, что в полупустынной и пустынной зонах заготовка естественной растительности в качестве страховых кормов себя не оправдывает. Заготавливаться здесь могут, да и

то с большим трудом и в малом количестве в связи с низкорослостью и разреженностью травостоя, только грубые, наименее поедаемые корма (Федорович, 1969, с. 452, 453). «Запасы корма на зиму кочевниками делаются редко, да и неоткуда его взять, так как редкую степную траву косить затруднительно, да и

сама косьба в большинстве местностей совершенно неизвестна. Скот круглый год находится на подножном корму, и только для верблюдов запасается небольшое количество колючки и камыша, так как сами они не могут добывать себе корм из-под снега» (Россия..., 1913, с. 489).

Не заготавливали кормов скифы степей Северного Причерноморья (Гаврилюк, 1989, с. 18), савромато-сарматы Северного Прикаспия (Железчиков, 1984, с. 7; Железчиков, Джубанов, 1989, с. 104), основная масса ранних кочевников Южного Приуралья, Нижнего Поволжья и Южного Зауралья.

Кроме перечисленных климатических особенностей, использование южных районов для зимних пастбищ определялось и тем, что здесь преобладала эфемерная и полынная растительность; продуктивность таких пастбищ в осенне-зимний период была наивысшей (табл. 1). Недостаток водных источников, который существенно ограничивал использование пустынь в летнее время, зимой восполнялся за счет снега⁶.

Дикие копытные, такие как сайгаки, джейраны и куланы, во время джута, спасаясь от холодных ветров, заходят в барханы, приречные тугайные леса, заросли тростника у рек и озер. При обледенении пастбищ большое значение имеют рельеф местности, экспозиция склонов и физические свойства почв. Гололед реже бывает на южных склонах песчаных бугров и на шлейфах гор. Кроме того, на песчаных почвах лед быстро исчезает. Поэтому неслучайно дикие копытные к середине или к концу зимовки концентрируются в песчаных пустынях и на шлейфах гор (Слудский, 1963, с. 21, 38, 39).

Согласно сообщениям Ибн Рузбихана, самые большие зимовья кочевников в начале XVI в. были на Сырдарье, где они имели протяженность 300 фарсахов, начиная от пределов города Туркестана до дельты Сырдарьи (Ахмедов, 1965, с. 80; Курылев, 1998, с. 80). Кочевники Нового времени особенно ценили зимние пастбища на правом берегу нижнего течения Чу, в Кызылкуме, в песках Сама, Сам-Матая, Сойгыр-кума, во впадине Карын-ярык и на возвышенности Тумгачи на Устюрте, в песчаных массивах и горных районах Мангышлака и Бузачи (Усть-Урт..., 1949, с. 155; Муканов, 1961, с. 137; Викторов, 1971, с. 445; Толыбеков, 1971, с. 520, 521; Шалекенов, 1973, с. 164, 165; Курылев, 1998, с. 80–82). Характеризуя пастбища Устюрта, Б. Скалов отмечал: «Осень и первая половина зимы бывают настолько благоприятны для скотоводов, что в южной части Темирского уезда до подошвы Усть-урта и на самом Усть-урте, особенно в районе его пониженной части (Сам-Матай и др.) и к югу от них задерживаются со своими стадами

все кочевники, уходящие даже на зиму в Хивинские пределы, куда они перекочевывают в первой половине декабря... На Усть-урте обычно многие проводят всю зиму, уходящие в Хиву и на юг Закаспийской области проводят здесь ноябрь и декабрь, а назад на север идут с растаянием снега в марте, нередко даже с начала марта; очень редко таяние снега начинается с конца февраля... Значительное количество лошадей оставалось тебеневать на Усть-урте, и только гололедица или особенно сильные бураны заставляют киргиз перегонять свои табуны далее на юг, вплоть до Кунграда. С верблюдами и овцами киргизы довольно долго задерживаются в песках к югу от Асматай-Матай и Сама. Некоторые даже остаются здесь зимовать: только в особо неблагоприятные годы в Хивинские пределы уходит большинство, где и зимуют в окрестностях Кунграда, и по низовьям Аму-Дарьи, и на побережье Аральского моря» (Скалов, 1911, с. 88, 90).

В междуречье Волги и Жайыка лучшие зимовки находились главным образом близ Камыш-Самарских озер, между рек Большой и Малый Узень, в Рын-песках, близ побережья Каспийского моря (Востров, 1956, с. 17, 18). В зимний период в этих местах снега выпадало мало. Густая камышовая растительность вдоль рек, у озер, в дельтовых областях и на побережьях Аральского и Каспийского морей спасала от холода, ветров и снежных буранов. А.И. Левшин писал в 1832 г.: «Притом пастбища обыкновенно бывают у киргизов (казахов. – А.Т.) двоякие: одни летние, другие зимние. Ничем не закрытая, ровная и тучная пажить очень хороша для скота летом, но зимою потребны для него, в особенности для овец, частые холмы, которые могли бы защищать от бурь и ветров, пески, вбирающие в себя воду и потому скорее обнажающиеся от снега, камыши и кустарники, служащие в пищу верблюдам и вместе для топки или для согревания пастухов. По сим-то причинам видим, что все почти роды имеют одни кочевья летние, другие зимние, и последние, по большей части, бывают южнее первых. По сему-то баганалин-найманец, проведя лето на Ишиме или Тургае, идет на зиму к Куван-дарье, а яппасец в ноябре месяце удаляется с менового двора из Троицка к берегам Сыра. То же можно сказать и о многих других» (Левшин, 1996, с. 298).

Одни из лучших зимних пастбищ издревле находились в Кызылкуме, отличаются тем, что на 80–90% покрыты травой. Другой их особенностью является то, что они в основном тянутся правильными рядами холмов, между которыми имеются глубокие впадины. В зимние месяцы здесь не бывает сильных ветров, метелей и буранов. Все это делало Кызыл-

кум незаменимым зимним пастбищем даже во время суровой зимы с глубоким снегом. Как отмечает С.Е. Толыбеков, скотоводы, зимовавшие в Кызылкуме, почти не знали джутов. Но если он и происходил, то не приносил особо большого вреда. Летом же в Кызылкуме температура воздуха поднимается до 70–80° С, вода имеет горько-соленый привкус и находится на глубине 70–80 м. Летом от жары и недостатка влаги выгорают травы, скот сильно тощает, козы и овцы за лето почти никогда не набирают среднего веса (Толыбеков, 1971, с. 520, 521). Кроме того, использование песков под выпас само по себе таит большую угрозу вследствие ряда особенностей песка как субстрата. Умеренный выпас может неопределенно долгое время держать пески в стадии бугристых, когда на них достаточно корма и близки грунтовые воды. Перевыпас же приводит к нарушению растительного покрова, разбиванию бугров скотом, что чревато образованием барханов. Двигаясь, барханы засыпают пастбища и котловины с пресной водой. Опасаясь этих последствий, казахи весной покидали пески и откочевывали на север (Крашенинников, 1926, с. 35).

Летние пастбища кочевников степей и полупустынь Жайык-Иртышского междуречья располагались в основном на севере, в зоне степей и полупустынь. В предгорной и горной зонах Казахстана летние пастбища находились, как правило, в горах. Такое расположение летовок было связано с тем, что основным критерием их выбора являлась обеспеченность водными источниками, так как влажность трав летних и раннеосенних кормов с преобладанием злаков составляет только 30–35%, а у полыней и солянок – 45–55% (Фадеев, Слудский, 1982, с. 85). «Для летних стоянок... желательно иметь свободные открытые пространства с хорошим водоснабжением – на берегах озер или текущих вод – и вдобавок такие места, где скот будет меньше страдать от насекомых» (Радлов, 1989, с. 254). Наиболее удобные летние пастбища находились в степной и лесостепной зонах, где основная часть атмосферных осадков выпадает в теплый период года, довольно густа речная сеть, имеется большое количество различных по величине озер, преобладают пресные и слабосоленоватые подземные воды (первого от поверхности водоносного горизонта) с содержанием солей до 3 г/л (Атлас..., 1982, с. 26, 27, 42, 43, 50, 51, 56) (табл. 2).

В качестве летних пастбищ широко использовались и альпийские, и субальпийские луга. Продуктивность естественного травостоя в зоне степи и лесостепи гораздо выше, чем в пустынной и полупустынной зонах (табл. 1), где уже весной наблюдаются засушливо-засушливые дни, а повторяемость атмос-

ферных засух и засушливых периодов возрастает с севера на юг, достигая своего максимума в 60–65 дней и более в полупустынях Казахстана (Атлас..., 1982, с. 43). С севера на юг возрастает и величина испаряемости с водной поверхности, что определяет преобладание грунтовых вод на юге, следовательно, и искусственных источников водоснабжения⁷. Одной из причин размещения летних пастбищ на севере было и то, что летом на юге жалящие насекомые препятствовали нормальной наживке скота (Муканов, 1961, с. 138; Семенюк, 1969, с. 130; Толыбеков, 1971, с. 521; Масанов, 1984, с. 49; Курылев, 1998, с. 116, 118). «Пребывание на Сырдарье летом еще и потому невозможно, что множество комаров и оводов до того измучивают скот, что он падает» (Костенко, 1871, с. 38). «Пастбищные условия (Казалинского. – А. Т.) уезда, в котором наиболее обитаемыми являются долины рек Сыр-Дарьи и Куван-Дарьи, в отношении развития скотоводства нельзя признать вполне благоприятными. Именно по притокам этих рек, с сетью озер, питаемых разливами Сыр-Дарьи, водится летом столько оводов, слепней и т. п. насекомых, сильно беспокоящих животных, что пастьба скота становится невозможной. Помимо того, призывочные пастбища с преобладающим в речных долинах камышом мало пригодны для главных видов разводимого скота – верблюдов и овец, предпочитающих более сухие пастбища. Все это заставляет киргизов (казахов. – А. Т.) откочевывать весной на джайляу в Кара-Кумы и дальше в Тургайскую область (Иргизский и Кустанайский уезды) и оставаться там до осени» (Материалы..., 1913, с. 48). «Когда в 1894 году весной чуйцев и кипчаков задержали на границе уездов в причуйской и придарьинской пустынях, они потеряли в мае более 10 000 баранов от клещей, бескормицы, дурной воды и жары» (цит. по: Курылев, 1998, с. 212).

Места лучших летних пастбищ, так же как и зимних, определились довольно рано и оставались неизменными на протяжении тысячелетий. За определенным родом или родовым объединением закреплялись не только зимние, но и летние пастбища. Как отмечал Б.А. Куфтин, для казахов конца XIX – начала XX в. «каждая летовка находится в пользовании только определенной группы киргизов, в большинстве случаев одного рода, вследствие чего и кочевать на ней может только известный род или его ответвления» (Куфтин, 1926, с. 15; см. также: Народы..., 1963, с. 354). Летовки казахов-адаевцев Мангышлака располагались по рекам Эмба, Уил, Сагиз до верховьев рек Кара-Хобда, Сары-Хобда, Орь. «Жизненная важность летних пастбищ в этих районах была так велика, что ни походы уральско-

го казачьего войска в течение почти всего XVIII в., ни ожесточенная межродовая борьба, разжигаемая феодалами между адаевцами и казахами Младшего жуза, ни отдаленность районов зимовок от летовок, ни трудности организации пастьбы скота одновременно на Устюрте и летовках не смогли заставить казахов-адаевцев отказаться от районов летовок» (Турсунова, 1963, с. 131; см. также: Турсунова, 1977, с. 12).

О значении, которое имели зимние и летние пастбища для казахов, ярко свидетельствует замечание генерал-лейтенанта М.А. Терентьева: «Опыт убедил, наконец, что ни султаны-правители, ни летучие отряды... ни жестокость, ни дипломатия... не в состоянии подчинить нам киргизов, пока их летовки и зимовки не будут в наших руках» (Терентьев, 1875, с. 13–15). Чуть ранее Л. Костенко отмечал: «Киргизы, если б и желали, не могли быть покорны нам в то время, когда образ жизни приводил их летом к нашим пределам, а зимою подвергал произволу хивинских и коканских правителей. Сознано было, что покорность их зависела от возможности кочевать мирно по заведенному порядку с юга на север (к лету) и обратно (к зиме), постоянно под защитой и в зависимости от одной власти» (Костенко, 1871, с. 137). М. Тевкелев в своем представлении в Коллегию иностранных дел от 10 апреля 1733 г. о пользе постройки крепости на устье Ори писал: «Не токмо противным кайсакам, но и всему киргис-кайсацкому народу будет великий страх и принуждение быть в проекции е. и. в... И будут оные кайсаки думать, что ежели им от российской протекции уклонитца, то им ни одного лета летовать из оной крепости не допустят по рекам Улькайяк, Иргис, Енбы, которые не очень в дальном разстоянии оной крепости будут. А где они зимуют летом, в тех местах текущих рек нет – такмо колодези, а множества имеющегося у них скота из оных колодезей удовольствоваться не могут» (Казахско-русские отношения..., 1961, с. 100).

Весенние пастбища находились, как правило, на пути движения кочевников на север – на летние пастбища. Обычно их использовали и как осенние пастбища, на которых останавливались во время перекочевок на зимовки. Весной фактор аридности отступал на второй план – потребность в воде полностью покрывалась за счет таяния снегов, паводкового разлива рек, наполнения озер и других естественных водоемов талыми водами и атмосферными осадками. Кроме того, зеленые растения содержат влагу, например, осока – 63,5%, костер – 67,3%, мятлик – 80%, солянки – 85,2%. В начале весны использовались пастбища с эфемерно-злаковой растительностью, а также участки, где произрас-

тали ковыли и куга, так как весна – самая благоприятная пора их поедания, в другое же время года они жестки, малосочны и малопитательны (Медведский, 1862, с. 297; Фадеев, Слудский, 1982, с. 73). Весной кочевники стремились использовать прежде всего те пастбища, которые хуже всего обеспечены водой (Масанов, 1984, с. 51). Именно весной номады проходили ускоренным маршем безводные пастбища в пустынных районах, таких как Бетпак-Дала и Устюрт (Скалов, 1911, с. 90; Маргулан, 1949, с. 68–79; Семенин, 1969, с. 130).

В междуречье Волги и Жайыка особо ценились кочевниками, в частности ногаями XV–XVI вв., весенние пастбища в верховьях рек Большой и Малый Узень (северо-восточная окраина Рын-песков). В этом районе, как отмечает Э.Л. Дубман, находится много озер и заболоченных мест («Камыш-Самарских озер» или «разливов Большого Узеня»). Весной здесь быстрее сходит снег, а хороший прогрев весенним солнцем множества мелких озер и низин, заполненных водой, способствует появлению более раннего травостоя. Однако к началу лета запасы пресной воды иссякают, что заставляет кочевников уходить далее на север (Дубман, 2012, с. 21). П.И. Рычков о Рын-песках сообщал: «Сие песчаное место окружено немалым солончаком и так велико, что в то время, когда Волга разлив свой имеет, до десяти тысяч калмыцких кибиток с их перекочевками вмещаются, и бывает у них тут наилучшее и славное кочеванье. Близ солончака в колодезях вода горькая, солонватая, а внутри оных песков вода сладкая, и так близко, что малые робята руками ее добывают» (Рычков, 1762, с. 253).

Время перекочевки с зимнего пастбища на весеннее во второй половине XIX – начале XX в., после реформ 1867–1868 гг., отменивших привилегии султанов, назначали старейшины семейно-родственных объединений, как правило, после совещания с главами хозяйств. При этом они, как отмечает В.П. Курылев, руководствовались традициями, многолетними наблюдениями за природой, в том числе и за дикими животными. «Местные скотоводы... при определении времени перекочевки следили за сайгой. Если стада их начинали переходить весной на север, значит – и казахам пора собираться и идти на север, на джайляу (летние пастбища. – А. Т.), иначе, если запоздают, пересохнут «хаки» (временные водоемы) со снежной водой на пути на джайляу, и скот нечем будет поить. Это уже означало, что холодов уже не будет на севере. Следили также за тем, как сайга начинает уходить на юг осенью, да и сами собираются уходить на кыстау (зимние пастбища.

– А.Т.). Даже посылают джигитов (молодых мужей) следить за этим передвижением» (Курылев, 1998, с. 137).

Перегон лошадей на пастбища другого сезона, констатирует Л.М. Баскин, не требует особых усилий со стороны людей. Отмечается сильное предмиграционное беспокойство животных, и при недостаточном надзоре со стороны людей они сами устремляются по знакомому маршруту кочевки. Интересно то, что стремление уйти к пастбищам приближающегося сезона возникает у лошадей не во время пастыбы, а во сне, в период отдыха. Проснувшись, животное сразу же уходит по маршруту кочевки, движется, почти не останавливаясь, два-три дня, проходя за это время 100–150 км (Баскин, 1976, с. 42). «Я спрашивал Токая, как он рассчитывает подходящие сроки перекочевки. На удивление, он больше рассчитывал на лошадей; они, мол, сами знают, когда тронуться в путь. Табунщики лишь бдительнее, чем обычно, следили за табуном. В последний день мая подул юго-восточный ветер – свежий, легкий... И ночью табун пошел. Почти до рассвета лошади стояли в полудреме... И вдруг одна из старых кобыл тронулась навстречу ветру. Табун пошел. Сначала пасясь, короткими переходами, а потом уже не отвлекаясь, все вперед и вперед» (Баскин, 1986, с. 141).

На выбор осенних пастбищ влияли прежде всего наличие и качество травостоя и условия водоснабжения. Осенью пользовались злаками осенней вегетации, солянковыми и полынными ассоциациями, которые в это время достигали высокой степени продуктивности¹⁰. Яркую характеристику осенних пастбищ, находящихся к югу от реки Эмба, дает Б. Скалов: «Переходя на южную сторону Эмбы, кочевые киргизы стараются возможно долго задерживаться на здешних полынных степях. Благодаря осенним дождям появляется вода по низинам среди степи, колодцы делаются более многоводными... Под влиянием дождей начинает расти из опавших летом семян эбелек, а после морозов теряет свою горечь и приобретает большое кормовое значение и белая полынь. Подобно белой полыни прекрасным кормом после морозов делаются и кокпек, и майкара (черная полынь). Такое же влияние оказывают морозы и на многие другие растения здешних степей. Так, после морозов скот начинает есть такие растения, как биюргун, итцийгек, адраспан, караборак, лебеда, и различные виды солянок» (Скалов, 1911, с. 89).

2.2. Пастбищно-кочевая система по данным письменных источников и этнографии казахов XVIII – начала XX в.

Основная масса кочевников степей и полупустынь Жайык-Иртышского междуречья в течение всего периода существования здесь номадизма кочевала в меридиональном направлении (Акишев, 1972, с. 35–41; 1986, с. 9; Маргулан, 1949а, с. 27, 28; 1951, с. 27, 33–36; Логвин и др., 1989, с. 81). В подтверждение этого тезиса К.А. Акишев приводит несколько примеров (Акишев, 1972, с. 38, 39). Так, Фазлаллах Бен Рузбехан в книге «Михман-наме-и Бухара» сообщает, что казахский улус имеет зимовки и летовки, которые располагаются на протяжении шестисот фарсангов. Причем зимовки их находятся по берегам реки Сейхун (Сырдарья), в Каракумах, а летние пастбища – по окраинам Дашт-и Кипчака, вплоть до реки Итиль (Волга).

Рашид-ад-дин (XIV в.) писал, что Абдулджа-хан был кочевник, и летовки его были в больших и высоких горах Ортак и Кузтак, а зимовки – в Бурсуне, Какияне и Каракуме, находящихся недалеко от городов Талас и Кары-Сайрам. Горы Ортак К.А. Акишев отождествляет с горами Ортау (Ортак-Ортау), находящимися в Центральном Казахстане, недалеко от современной железнодорожной станции Агадырь.

Гильом Рубрук, проезжавший по территории Казахстана в 1253 г., писал во второй главе своего сочинения, что здесь «всякий начальник знает, смотря по тому, имеет ли он под своею властью большее или меньшее количество людей, границы своих пастбищ, а также где он должен пасти свои стада зимою, летом, весною и осенью. Именно зимою они спускаются к югу в более теплые страны, летом поднимаются на север, в более холодные. В местах, удобных для пастбища, но лишенных воды, они пасут стада зимою, когда там бывает снег, так как снег служит им вместо воды» (Путешествия..., 1993, с. 79, 80). Говоря о Бату (Батые), который кочевал к востоку от Волги, Рубрук отмечает, что «именно с января до августа он сам и все другие поднимаются к холодным странам, а в августе начинают возвращаться» (Путешествия..., 1993, с. 103). С этим сообщением Рубрука согласуются данные, приводимые Плано Карпини. Говоря о Волге, он замечает, что «эта река очень велика, у нее переходит с места на место Бату, четвертая (река. – А.Т.) называется Яик, у нее переходят с места на место два тысячника, один с одной стороны реки, другой с другой стороны. Все они зимою спускаются к морю, а летом по берегам этих самых рек поднимаются на горы» (Путешествия..., 1993, с. 61). Приблизительный путь

орды Бату во время перекочевки выглядит следующим образом. Зимой она располагалась в пределах волжской дельты и/или рядом с ней. К лету орда достигала территории, располагающейся на левобережье Волги, между реками Большой Ирғиз и Самара. Вся орда или какая-то ее часть летом оказывалась в степях Самарского Заволжья, напротив Жигулевских гор, либо около Соколиных гор, расположенных чуть севернее низовий Самары (Дубман и др., 2003, с. 64, 65).

Ибн-ал-Асир (XIII в.) сообщает, что кыпчаки кочуют летом по соседству с волжскими булгарами, а зимой – около Баласагуна, то есть в Западном Семиречье (Жетису), в долинах рек Талас и Чу (Акишев, 1972, с. 39; Маргулан, 1949а, с. 28). Абу-л-Гази сообщает о том, что Батый в середине XIII в. при распределении земель определил границы владений Шибана (Шайбана), предписав ему: «...летом ты живи на восточной стороне Яика, по рекам Ирғиз-су, Орь, Илек до горы Урала, а во время зимы живи в Аракуме, Каракуме и по берегам реки Сыр – при устьях рек Чуй-су и Сары-су» (цит. по: Костюков, 1998, с. 212; см. также: Зуев, 1981, с. 77). В XIV–XVI вв. кочевой путь арғынов лежал от Сырдарьи на север до низовий Ишима и на восток до Иртыша (Муканов, 1974, с. 49, 50).

Маргулан А.Х. отмечает, что «меридиональный путь кочевания... был типичен и для кангюйцев (II в. до н. э.), о чем свидетельствуют данные китайской хроники... Еще Н.А. Аристов справедливо заметил, что кангюйцы наподобие поздних кангюев и кипчаков совершали сезонный кочевой путь между бассейном Сырдарьи и Улутаускими горами» (Маргулан, 1951, с. 27). «Наличие катакомбных сооружений, вскрытых в верховьях Таласа и в Центральном Казахстане, по-видимому, говорит о том, что гунны, по примеру других кочевников, вели посезонную перекочевку между южными и северными областями» (Маргулан, 1951, с. 33).

По мнению Б.В. Андрианова (1989, с. 14), в зоне типчаково-полынных степей Казахстана уже в начале I тыс. до н. э. «ведущая роль принадлежала овцеводству и коневодству с длительными меридиональными перекочевками и круглогодичным содержанием скота на подножном корме». Следует подчеркнуть, что процесс перехода с зимних пастбищ на летние и наоборот не нужно рассматривать как непрерывное и максимально «быстрое» движение с юга на север и наоборот. В силу хозяйственной необходимости, а также при благоприятных климатических условиях кочевники достаточно долго оставались в удобных местах, имеющих максимум кормов

для скота (Ашмарин, 1925, с. 117–121; Муканов, 1961, с. 138, 147; Ажигали, 2002, с. 164–165).

По-видимому, меридиональное и обратно меридиональное направления кочевания преобладали и у большинства номадов евразийских степей, полупустынь и пустынь (Медведский, 1862, с. 296; Маргулан, 1950, с. 74, 75; Сорокин, 1961, с. 164; Ниязклычев, 1963, с. 61; Семенов, 1969, с. 129; Оразов, 1962, с. 292, 293; 1973, с. 71–73; Акишев, 1972, с. 36, 37; Эрдниев, 1970, с. 126–128; Батнасан, 1977, с. 71; Вахтина и др., 1980, с. 155–161; Железчиков, 1984, с. 10; Ягодин, 1991, с. 174; Аргынбаев, 1973, с. 158; Поноженко, 1995, с. 267, 269; Хазанов, 2000, с. 129; Дубман, 2012, с. 16; и др.).

Здесь необходимо подчеркнуть, что на протяжении почти всей истории кочевничества в степях одновременно в рамках одного и того же общества наблюдались процессы седентаризации и номадизации. Тенденция к седентаризации определялась как внутренними социально-экономическими причинами (обнищанием части кочевников, политическими или экономическими интересами социальной верхушки и т. п.) (Хазанов, 1973, с. 5; Шакурова, Шаяхметов, 1997, с. 193, 194), так и рядом других факторов (климатическими изменениями, неблагоприятной политической ситуацией, влиянием земледельческих цивилизаций и т. п.). Развитие процессов седентаризации и номадизации находилось в тесной зависимости от конкретной исторической ситуации, а в различные периоды истории преобладала та или иная тенденция (Хазанов, 1973, с. 4). Поэтому «в составе одной и той же преимущественно кочевой народности или племенного объединения какая-то часть его была полукочевой и даже оседлой» (Жданко, 1968, с. 276; см. также: Маргулан, 1950, с. 27, 74). Как отмечал С.П. Толстов (1934, с. 171), «по-видимому... элементы оседлости и земледелия всегда сопровождают кочевое скотоводческое хозяйство». Несмотря на абсолютное преобладание кочевое скотоводства, в отдельных благоприятных по естественно-географическим условиям районах – в Семиречье (Жетису), на юге Казахстана (на окраинах земледельческих оазисов, в низовьях и дельтовых областях Амударьи, Сырдарьи, Таласа, Чу и др.), в лесостепной зоне, горнолесных массивах Центрального Казахстана (Улутау, Баян-Аул, Каркаралинск, Чингизтау и т.п.), в низовьях Ирғиза, Тургая, Эмбы, Жайыка – часть населения с древнейших времен вела полукочевой образ жизни, занимаясь только скотоводством или сочетая скотоводство с земледелием (Маргулан, 1947, с. 17–22; 1949а, с. 28, 33, 35; 1950, с. 106, 109; Бернштам, 1957, с. 20; Зиманов, 1958, с. 35–38; Жданко, 1961, с. 53–62; То-

лыбеков, 1971, с. 521; Акишев, 1972, с. 45; Муқанов, 1961, с. 137; 1974, с. 72; История Казахской ССР..., 1977, с. 202; 1979, с. 60; Андрианов, 1987, с. 14, 15; Вайнберг, 1988, с. 40–43; Поноженко, 1995, с. 268; Бедельбаева, Варфоломеев, 2008, с. 244; Бейсенов, 2009, с. 82; Бейсенов, Ломан, 2006, с. 42; 2007, с. 156; 2009, с. 250; Восточная Сарыарка..., 2004, с. 220; Ломан и др., 2004, с. 145). «Где позволяют условия – почвенные, климатические, гидрологические, – отмечает С.П. Швецов, – там кочевое скотоводческое хозяйство казахов, как, впрочем, и всяких других кочевников, соединяется с земледелием... И это соединение кочевого скотоводства и земледелия придает особую устойчивость казахскому хозяйству, придает ему лучшую и большую сопротивляемость неблагоприятным условиям» (Швецов, 1926, с. 103).

В продолжение всего периода существования нomaдизма в степях Жайык-Иртышского междуречья и полупустынях, особенно в Западном и Центральном Казахстане, оставались неизменными не только система меридионального кочевания, но и расположение сезонных пастбищ, и маршруты кочевания (Маргулан, 1951, с. 27–36; Кузеев, 1968, с. 267; Акишев, 1972, с. 45, 46; 1986, с. 7, 8; Пьянков, 1975, с. 67). Лишь в условиях продолжительных джунгов, нашествия и длительных междоусобиц кочевники не имели постоянных, твердо установленных кочевий. Так, М.М. Красовский отмечал, что в конце XVIII и начале XIX в. казахам «зимовки иногда приходилось менять так же, как и места обычных летних передвижений, чему в особенности способствовали еще порождаемые барымтой междоусобия» (цит. по: Толыбеков, 1971, с. 401, 402). А.И. Левшин в своем труде 1832 г. писал, что «...для избежания по возможности междоусобий они (казахи. – А.Т.) большею частью (особенно зимою) придерживаются одних и тех же урочищ, если причины важные не заставляют их изменять сего обычая». Так, «...многие аулы алимулинского поколения, зимовавшие всегда на Сыре, по вражде с однородцами своими, которым покровительствует хивинский хан, в 1821 году пришли на зиму к Илеку. В то же время несколько других аулов, обыкновенно кочевавших у границ наших, удалились к Хиве» (Левшин, 1996, с. 292, 300).

Но лишь прекращаются нападения и междоусобицы – появляется определенность в использовании одних и тех же пастбищ, восстанавливается пастбищно-кочевая система с ее четко определенными сезонными пастбищами и маршрутами кочевания.

Показательна в этом плане история калмыков. В первой трети XVII в., в период миграции на запад, перемещения их по просторам степей Жайык-Иртышского междуречья были достаточно хаотичными,

с нестабильными маршрутами перекочевков (Колесник, 2003, с. 46). Причем иногда калмыцкий тайша мог с небольшим числом улусных людей кочевать в одном месте, его улусы кочевали в другом, а табуны лошадей и стада скота паслись в третьем под охраной вооруженных улусных людей. Так, боярский сын Степан Скарятин, проживший долгое время в улусе Лоузана, в докладе астраханским воеводам сообщал, что Лоузан с немногими людьми кочует по реке Узени в лесах, улусы его находятся на Нарын-песках, ближе к Яику, а стада пасутся в степи в трех днях пути от Астрахани, то есть в нескольких днях пути от улусов (Богоявленский, 1939, с. 87, 88)⁹. Утвердившись в 40–60-х гг. XVII в. в Волго-Уральских и Волго-Донских степях, калмыки создали свою систему маршрутов перекочевков и распределения пастбищ по сезонам, нарушаемую лишь в экстремальных случаях (Батмаев, 2003, с. 136). Причем, как отмечал еще академик П.С. Паллас, калмыки в Заволжье осуществляли практически тот же цикл кочевания, что и предшествовавшие им ногаи (Дубман, 2005, с. 150; 2012, с. 22). Анализ письменных источников XVI–XVII вв. привел Л.Э. Дубмана к выводу о том, что в период спокойного, стабильного развития у ногаев маршруты кочевий и размещение летних пастбищ для отдельных улусов являлись традиционными и постоянными, были запланированы заранее и известны всем, в том числе и русским посланникам (Дубман, 2012, с. 24).

Шахматов В.Ф., характеризую казахскую пастбищно-кочевую общину, отмечал: «Непрерывные войны и междоусобицы, столкновения и барымта даже в XVIII в. приводили к таким передвижениям кочевников, которые делали невозможным использование ежегодно одних и тех же пастбищ... В условиях джунгарского нашествия и междоусобиц начала XVIII в. казахи Младшего жуза не имели постоянных, твердо определенных кочевий... Определенность в использовании одних и тех же пастбищ появляется только после присоединения Казахстана к России, когда прекращаются нападения джунгар, затихают междоусобицы, взаимные нападения и барымта, сокращается передвижение родов по территории Казахстана» (Шахматов, 1964, с. 32, 33). Но «...не должно, однако, думать, чтобы каждый аул занимал непременно каждый год одно и то же место: напротив, слишком большая засуха перегоняет их с полей, сгоревших от жаров, на те, которые освежены были дождями. Таким образом, в хорошее, обыкновенное лето киргизы (казахи. – А.Т.) бывают разбросаны небольшими аулами на значительном расстоянии друг от друга; а при большом неурожае трав они теснят-

ся в каком-нибудь одном участке, где более удобно для прокормления скота» (Бларамберг, 1848. Ч. 3, с. 92).

Для казахов первой половины XIX в. «при нормальных, обычных условиях отклонения от традиционного пути кочевания допускались весьма редко. К этому вынуждали чрезвычайные обстоятельства, особые причины, сделавшие невозможным пользование освоенными ранее угодьями» (Зиманов, 1958, с. 32). А. Ашмарин писал по этому поводу: «Право киргизского (казахского. – А.Т.) рода на определенный кочевой путь в лучшем случае – результат добровольного междуродового соглашения, а в худшем – междуродовой борьбы в течение целых десятков лет. Изменение направлений кочевых путей происходит или в силу той же родовой вражды, или же в условиях каких-либо иных посторонних вмешательств. В таких случаях киргизы (казахи. – А.Т.), оттесненные от своего пути, попадают в положение, граничащее с полной гибелью скота, почему им приходится или силою захватывать путь другого рода, или же идти со своими стадами следом за другими, довольствуясь остатками вытравленных пастбищ и теряя отоцвавший и обесилевший в пути скот» (Ашмарин, 1925, с. 117). Поэтому, как отмечается в источниках, «у каждой волости, каждого аула при летних перекочевках для пастбищного содержания скота есть свой известный путь следования, которым никто уже другой не имеет права пользоваться и потравить. Относительно этих мест сами киргизы (казахи. – А.Т.) говорили: «Тут также кочевали и жили их отцы»» (Кадомцев, 1877, с. 34). «Каждый род или аул следует год за годом именно по тому направлению, идя по тем же тропинкам, останавливаясь у тех же ключей, по которым и у которых останавливались их предки тысячу лет тому назад, а многие аулы, зимующие всегда по соседству, каждым летом удаляются друг от друга на целые сотни верст. Эти переходы до того регулярны и точны, что можно бы заранее предсказать, где можно будет найти какой из этих кочевых аулов в любой день в году», – писал один из военных чиновников России в 1875 г. (Мак-Гахан, 1875, с. 42)¹⁰. «Весной, летом и в начале осени они (казахи середины XIX в. – А.Т.) рассеиваются по всему пространству степи, высматривая более подходящие пастбища для своих стад... места кочевки и пастбищ строго определены обычаем для каждого, и никто из кочевников не рискнет переступить отведенной для его рода межи» (Завадский-Краснопольский, 1874, с. 15). «В поисках за кормом для своих стад... киргизы (казахи. – А.Т.) большую часть года передвигаются с места на место. Каждый отдельный род или аул кочует из года в год по од-

ному и тому же пути, останавливаясь у тех же колодцев и речек, где останавливались его предки в старину, и возвращаясь на зимовку в одно и то же место» (Россия..., 1913, с. 374)¹¹. При перекочевке на летние пастбища казахи «следуют определенными путями, установленными обычным правом, основанным на давности пользования киргизскими (казахскими. – А.Т.) родами» (Добросмыслов, 1895, с. 15). Об этом же писал и А. Куфтин: «При своем движении каждый род следует определенным путем, установленным обычным правом, основанным на давности...» (Куфтин, 1926, с. 15). «Пастбищных границ в современном смысле этого слова не существовало, но каждый род из года в год путешествует на север и обратно на юг приблизительно одним и тем же общим путем» (Материалы..., 1903, с. 10)¹². «Вся степь, – отмечал в 1907 г. А. Кауфман, – как бы разбита на длинные и узкие полосы, вытянутые на сотни верст в направлении либо с юга на север, либо от жарких долин на горные летние пастбища; и каждая такая полоса представляет собой обычный кочевой путь, или район кочевков той или иной группы» (цит. по: Курылев, 1998, с. 78). «При том бедные киргизы (казахи. – А.Т.), не будучи в состоянии следовать за богатыми по всей полосе их перехода с зимней на летнюю кочевку, остаются по пути, ожидая их возвращения, и от того летом один род растягивается на весьма большое пространство» (Бларамберг, 1848. Ч. 3, с. 92). Примеров такого рассеивания одного рода по обширным пространствам степи можно привести множество, но ограничимся лишь двумя. Так, зимние кочевья казахов «Карасакальского племени Алимулинского рода» находились «между рр. Сыр и Куванью, в урочищах Ак-Синкир и Кух-Синкир, выше Караката. Летние: начиная от озера Аксакал-Барби, чрез больш. Тургай, по Тоболу, по высохшим озерам, изобильным кочками до Верхне-уральска». Казахи «Урусского колена Чиклинского племени Алимулинского рода» кочевали следующим образом: «Зимние кочевья Булякчурицев в песках Барсуках и при устье Эмбы; летние по Илеку и по трем рекам Бердам, т. е. колена Чурена и Назар зимуют при устье Эмбы и несколько по течению ея; летом же кочуют по Илеку и по одной Берде. Колена Тлеу и Кабака зимуют в бол. Барсуках по Аральскому морю до р. Кус-Булака; летом кочуют по верхней Берде и в Биштамаке. Колена Кичкии зимует по р. Сыру, около Джайкента; летом же кочует по р. Иргизу, в Мугоджарских горах и вершинах Эмбы. Прочие же колена Уруса зимуют от Кургана Кара-Тюбе, что на Сыр-Дарье, до самого Аральского моря; летом кочуют по р. Ургызу, вершинам Эмбы около горы Айрюк, Уркач (близ Мугоджарских гор) и в песках Уркач» (Военно-

статистическое обозрение..., 1848. Ч. 3, с. 77, 79).

Анализ форм собственности на землю у средневековых кочевников позволил Т.С. Жумангабетову выделить два ее варианта: опосредованный и непосредственный. Первый вариант, по его мнению, отражает волевою, основанную на многолетнем владении, принадлежность отдельных кочевий, маршрутов кочевания и находящихся вдоль них пастбищ определенному роду или объединению родов. В пространственном плане это длинные, вытянутые в меридиональном направлении полосы земли, необходимые для обеспечения полного хозяйственного цикла. Эта пастбищно-территориальная собственность существовала в виде принадлежности широких меридиональных полос пастбищ той или иной группе родов. Верховная собственность на комплекс пастбищ и кочевий принадлежала хозяйственной потестарной организации в виде объединения нескольких родов. Все родовые объединения имели свои «коридоры» для прохождения к летним и зимним, компактно расположенным пастбищам. Право собственности на основные пастбищные территории реализовались посезонно, в соответствии с хозяйственными циклами. Вторым вариантом относится к непосредственному владению конкретным участком через институт перевозахвата группой семей или аулом. Собственность реализуется в виде контроля над ограниченной территорией, необходимой для выпаса стада большого аула в течение ограниченного времени для биологического восполнения потерь, нанесенных при цикловом переходе. Захваченные в ходе войн земли вначале переходили в опосредованную собственность того или иного воинского подразделения, а значит, и группы родов. После издания каганом регулирующих и координирующих указов приобретенные территории могли стать непосредственной собственностью отдельных лиц или семей, а также родов и племен. Однако опосредованность собственности на пастбища и кочевья разрушала четкие государственные границы между кочевыми государствами, что позволяло отдельным группам кочевников вследствие хозяйственной необходимости вклиниваться в глубь другого государства (Жумангабетов, 2003, с. 113, 114).

Накануне присоединения Казахстана к России в казахских ханствах имелась определенная социальная группа, включающая ханов, султанов и биев, которая обладала правом распоряжаться кочевками и пастбищами подвластных ей родов. В письменных источниках содержится достаточное число таких фактов (Курылев, 1998, с. 45–55). Мы не будем рассматривать, было ли это право распоряжения пастбищами и кочевками фактическим отражением

крупной феодальной собственности на средства производства или нет. Этот вопрос уже подробно проанализирован В.П. Курылевым (1998, с. 42–71) и А.М. Хазановым (2000, с. 222–226). Даже если и признать наличие феодальной собственности на землю, необходимо все же подчеркнуть, что эта социальная группа узурпирует функцию общины в области регулирования землепользования. В условиях же кочевого скотоводства без такого регулирования невозможно успешное ведение хозяйства (Васильченко, 1974, с. 195; Курылев, 1998, с. 45, 51). Бесспорно, что в ряде случаев воля ханов и султанов вступала в противоречие с насущными хозяйственными потребностями рядовых кочевников. Так, казахи рода суван Старшего жуза по воле и желанию своего султана перекочевали в 1861 г. на зимовку в Алатавский округ и, таким образом, остались без зимовок, так как последние обычно находились у них в Китае (Курылев, 1998, с. 46).

Часто междоусобные столкновения у кочевников вызывались именно изменением каким-либо родом мест своих постоянных пастбищ или даже маршрутов перекочевок. Русский посол в Ногайской орде Данило Губин докладывал в 1536 г.: «А Шихмамай со князем, сказывают, оманываются, а великая меж ними недружба, сказывают. А кое, Государь, было кочевие кочевать княжой орде, и княжому улусу, то, Государь, Шихмамай да Исмаил все выправили» (цит. по: Поноженко, 1995, с. 269). Военный чиновник Мак-Гахан писал о казахах второй половины XIX в.: «...ни один аул никогда не сбивается со своего пути и не позволяет другому вступить на него. Каждый аул имеет право пересечь дорогу другому аулу, но пройти хотя небольшое расстояние тем же путем его никогда не допустят. Малейшее уклонение какого-то ни было аула или племени от пути, по которому переходили его предки, уже считается достаточным предлогом для войны; да на деле и оказывается, что основанием почти всех распрей и побоищ между киргизами (казахами. – А.Т.) служит то, что один какой-нибудь род завладел – не пастбищами, как можно еще было бы предполагать, но – дорогой другого рода или аула» (Мак-Гахан, 1875, с. 42). Такое положение объясняется тем, что «разнообразие растительного покрова влечет за собой аналогичную же неоднородность и кормовой площади как в отношении качественном, так и в количественном; это, в свою очередь, заставляет казахское население в своих перекочевках держаться определенных путей, лучше всего гарантирующих прокормление скота» (Крашенинников, 1926, с. 29).

Выбор же маршрутов и амплитуда кочевания были обусловлены ландшафтом, гидрографической

сетью, наличием источников воды и их сезонным распределением, отдаленностью сезонных пастбищ друг от друга, учетом характера сезонных миграций копытных (лошади, сайгака, кулана) в степях и полупустынях (Масанов, 1984, с. 7, 25–27, 29). «Первый номад, овладевший стадом овец (и верблюдов), вначале, надо полагать, должен был заботиться только о том, чтобы они не разбежались или, лучше сказать, не ускользнули из его рук. Он, наверное, даже не направлял своих стад, а только шел за ними, давал им ночлег около своей кибитки и охранял их от нападения волков и других хищников. Животные же шли за кормом и за погодой» (Материалы..., 1903, с. 8). В связи с этим интересно отметить, что в XIX – начале XX в. места летних и зимних пастбищ, сроки и пути перегона скота кочевниками-казахами почти полностью совпадали с местами летних и зимних пастбищ, а также с путями сезонных миграций сайги (рис. 36; 37; 39) (Слудский, 1955, с. 31–35; 1963, с. 15; Фадеев, Слудский, 1982, с. 49–56; Формозов, 1987, с. 9).

Таким образом, выбор сезонных пастбищ, направление и маршруты перекочевок номадов степей и полупустынь Жайык-Иртышского междуречья были детерминированы естественно-географической средой и биологическими особенностями разводимых животных и оставались практически неизменными в течение всего времени существования номадизма в этом регионе.

3. Пастбищно-кочевая система и исторические судьбы населения степей Жайык-Иртышского междуречья в раннем железном веке

Изучение кочевого скотоводства у сарматов и калмыков привело А.М. Хазанова к выводу, что «одинаковое или сходное экологическое окружение неизбежно приводит к выработке однотипных форм кочевого хозяйства». У обоих народов (сарматов и калмыков), разделенных двумя с половиной тысячелетиями и совершенно различных этнически и культурно, но кочевавших на одной и той же территории, «близки... направления перекочевок и даже конкретные маршруты» (Хазанов, 1972, с. 108; 1973а, с. 7, 8; см. также: Очир-Горяева, 2005, с. 19, 20). К таким же выводам, но для территории Западного Туркменистана, пришел и Х. Юсупов (1987, с. 127, 130).

Пьянков И.В., изучив информацию Геродота о размещении массагетов, приходит к следующему выводу: то, что сменяющие друг друга объединения кочевников последовательно занимают примерно

одну и ту же территорию в Арало-Каспийском степном регионе, было обусловлено потребностями кочевого хозяйства, необходимостью далеких меридиональных перекочевок. «Так, – отмечает он, – удобные для кочевников места зимовок находились в низовьях Урала и Сырдарьи, в районе слияния Иргиза и Тургая, а места летовок – по притокам Урала, в верховьях Тобола, по Иргизу; зимовки на Мангышлаке и Устюрте были связаны с летовками в долинах Эмбы, Сагиза, Уила. Последним по времени племенным союзом кочевников, занимавших эти места, был казахский Младший жуз. Очевидно, одним из далеких предшественников его и являлось племенное объединение массагетов» (Пьянков, 1975, с. 67).

Ягодин В.Н., проанализировав памятники ранних кочевников Устюрта, делает заключение, что «в условиях пустынного плато Устюрт мы имеем тот случай, когда действительность, фиксируемая этнографией, является в ряде случаев прямым аналогом прошлой археологической действительности. Данные по этнографии кочевников Устюрта, а также пустынь умеренного пояса Евразии в целом удивительным образом совпадают с той информацией, которую нам дает археология» (Ягодин, 1991, с. 98). По его мнению, на Устюрте во второй половине I тыс. до н. э. параллельно культуре погребений на горизонте, культуре скотоводческих племен, кочевавших, используя как пастбищные и зимовочные территории плато Устюрт и прилегающие к нему районы, существовала другая археологическая культура – «савромато-сарматская в том ее варианте, который известен в науке как самаро-уральская группа или область». Часть населения «самаро-уральской области» «вела кочевой образ жизни с круглогодичным циклом кочевания. Пути кочевий шли в меридиональном направлении и выходили на юге к границам древних городских и оседло-земледельческих цивилизаций Хорезма и юга Туркмении» (Ягодин, 1991, с. 128). Несколько ранее В.Н. Ягодин отмечал, что «обнаружение раннесарматских памятников на Устюрте и локализация их меридиональной цепочкой, протянувшейся через Устюрт к центрам древнехорезмийской оседло-земледельческой цивилизации, позволяют вновь поднять вопрос о существовании кочевого цикла у сарматов по маршруту Южное Приуралье – Юго-Западное Приаралье... Именно специфические природно-географические условия определили формирование сарматского кочевого цикла... Надо полагать, что часть сарматских памятников Южного Приуралья характеризует лишь летовочные стоянки, а зимовочные следует искать далеко на юге. Не исключено, что известные ныне памятники сарматского времени к югу и востоку от

Устюрта дешифрируют на карте места зимовок сарматских племен, чьи кочевые трассы пересекали гигантское плато Устюрт» (Ягодин, 1976, с. 48). Археологические же материалы III–IV вв. н. э. свидетельствуют о том, что культура этого времени Устюрта «может быть связана с кочевым скотоводческим населением, с круглогодичным хозяйственным циклом меридионального кочевания между летовками Южного Приуралья и зимовками на юго-востоке Устюрта, на границах позднеантичного Хорезма» (Ягодин, 1991, с. 129).

По мнению С.Е. Ажигали, уже с середины I тыс. до н. э. аридно-степной район Арало-Каспия приобретал значение единой хозяйственно-культурной зоны, в которой при неизбежном здесь характере экстенсивного скотоводства длинные меридиональные кочевки не могли не играть заметной роли. «При этом нестационарные (как правило) зимовки могли находиться в районах Мангышлака, песках Северного Устюрта и Приаралья, летовки же – в долинах Эмбы, Уила, в Мугоджарах (возможно, и севернее)». Такой порядок кочевания, замечает он, был определяющим в эпохи Средневековья и Нового времени, в период относительной политической стабильности в регионе (Ажигали, 2002а, с. 383).

Исходя из всего вышесказанного и опираясь на исторические и этнографические данные, можно, по-видимому, определить пути сезонных перекочевок ранних кочевников степей и полупустынь Жайык-Иртышского междуречья, места их летних и зимних пастбищ.

Зимние пастбища ранних кочевников Западного Казахстана и Южного Приуралья могли находиться в низовьях Эмбы, на Мангышлаке, Устюрте, в низовьях Амударьи. На лето одна их часть, возможно, оставалась здесь, другая откочевывала на север, на притоки Ори, Жайыка, Илека, Эмбы, Сагиза, Темира, в район Мугоджарских гор. Отдельные группы могли иметь летние пастбища в предгорных и горных районах Приуральской Башкирии.

Кочевники, зимовавшие в Кызылкуме, на средней и нижней Сырдарье, в Северном и Северо-Восточном Приаралье (пески Большие и Малые Барсуки, Приаральские Каракумы), в предгорьях Каратау, низовьях Чу и Сарысу, а также в Северо-Западном Прибалхашье (пески Мойынкум, предгорья Айтау), на лето, вероятно, уходили далеко на север. Их летние кочевья располагались по притокам верховьев Жайыка, Тобола, Иргиша, Тургая, Ишима, Сарысу, Нуры, в долине Иртыша, достигая на севере границ лесостепи (Южное Зауралье, Северный и Центральный Казахстан).

Часть скотоводов, зимовавших в песках Мойынкума, в предгорьях Каратау, на лето также откочевывала в Центральный и Северный Казахстан, часть поднималась в горы Каратау и Заилийского Алатау. В этих же горах, а также в Джунгарском Алатау и на северных отрогах Тянь-Шаня летовали скотоводы, проводившие зиму в песках Южного Прибалхашья, в долинах Таласа, Чу, Или (Андрианов, 1985, с. 62, 232. Рис. 30; Аргынбаев, 1988, с. 17–19; Ахмедов, 1965, с. 41; Басин, Керимбаев, 1969, с. 52, 53; Баскин, 1976, с. 42, 43. Рис. 6; Валиханов, 1985, с. 107; Васильева, 1971, с. 201; Викторов, 1971, с. 444, 445; Бларамберг, 1848. Ч. 3, с. 8–12, 75–88, 93; Востров, 1960, с. 159; 1961, с. 119–135; 1962, с. 78; 1963, с. 30; Востров, Муканов, 1968, с. 69, 144, 149, 153, 181, 187–189, 200; Жданко, 1971, с. 165; Захаров, 1956, с. 109; Ибрагимов, 1960, с. 145; История Казахской ССР..., 1979, с. 14, 129, 195; Карутц, 1910, с. 46; Кузеев, 1968, с. 266–268; Курылев, 1974, с. 82–90; 1998, с. 33, 68, 79, 117, 118; Маргулан, 1951, с. 27, 33–35; Материалы..., 1902, с. 15, 35, 38, 45, 86–93, 110–117, 242–245, II, III; 1903, с. 7, 8, 16, 17, 40, 44, 55, 164–189, 192–197; 1903а, табл. Г; Муканов, 1961, с. 138, 139, 144, 147; 1974, с. 49, 50, 64, 71–73; 1991; Народы..., 1963, с. 354; Оразов, 1973, с. 71; Поноженко, 1995, с. 269; Пьянков, 1975, с. 67; Скалов, 1911, с. 61–91; Толыбеков, 1957, с. 24, 44, 46, 520, 552, 554; 1971, с. 497, 498; Турсунова, 1963, с. 131; 1977, с. 9, 11; Федорович, 1973, с. 214. Рис. 2; Фиельструп, 1927, с. 78–81; Хозяйство казахов..., 1980, с. 74–77. Приложение «Направление кочевых путей и типы водопоев»; Ягодин, 1971, с. 107; 1976, с. 48; 1979, с. 37; 1982, с. 78; 1987, с. 134; 1991, с. 128, 129, 174–176).

Таким образом, основным районом зимовок ранних кочевников степей Жайык-Иртышского междуречья являлась полоса пустынь и предгорий от Каспийского моря до озер Балхаш и Алаколь: Мангышлак, Устюрт, низовья Амударьи и Сырдарьи, Кызылкумы, Приаралье, низовья Сарысу, долины рек Талас, Чу, Или, предгорья Каратау, пески Мойынкума и Южного Прибалхашья (Таукум, Сарыесик-Атырау). Здесь в зимний период концентрировалась основная масса кочевого населения степей и полупустынь Жайык-Иртышского междуречья, что способствовало общению между родственными кочевыми племенными объединениями, в другое время года разобщенными и обособленными обширностью территории Казахстана. Ведь зачастую у кочевых групп, зимующих по соседству, летние пастбища находились в различных регионах Казахстана, как это было у казахов XVIII–XIX вв. Так, казахи Казалинского уезда Сырдарьинской области (роды шекты, шомекей, торт-

кара, каракесек), зимующие в низовьях Сырдарьи, в песках Кызылкума, на северо-западном и северо-восточном побережье Аральского моря, уходили на летовки к рекам Тобол, Ирғиз, Турғай, к Эмбе и Мугоджарским горам. Одна группа казахов Перовского уезда этой же области (роды кыпчак, табын, найман, кете, керейт, жаппас и др.) располагалась на летовки в верховьях Сарысу; другая группа переходила в горы Улутау и Кшитау; третья имела летовки в верховьях Тобола и на реке Уй у Троицкой укрепленной линии (до постройки этой линии казахи, по-видимому, уходили и за Уй); четвертая все лето проводила неподалеку от зимовок. Зимовки рода конграт были расположены на юго-западных склонах Каратау, а летовки – в горах Каратау и Атбасарском уезде Акмолинской области (Материалы..., 1903, с. 192–197; Муканов, 1961, с. 142–147; Востров, Муканов, 1968, с. 144, 148, 149, 153). Казахи одних и тех же аулов (наиболее мелкой единицы административного деления) различных волостей Перовского и Казалинского уездов Сырдарьинской области в конце XIX – начале XX в. на лето делились на две-три части. Одна оставалась в пределах своих волостей и уездов, где кочевала в районе зимовок и одновременно занималась земледелием и сенокосением, то есть вела полукочевой образ жизни, другая откочевывала в Атбасарский уезд Акмолинской области, третья располагалась на летовки в Тургайском, Ирғизском и Кустанайском¹³ уездах Тургайской области (Материалы..., 1903, с. 192–197). «Зимние пастбища Аулие-Атинского уезда Сыр-Дарьинской области находились в основном в долинах Чу, Таласа, в песках Мойынкума, на северных склонах Алатау и в отрогах Каратау. Большая часть летовок располагалась в пределах своего уезда по склонам Алатау... и на Каратау. Лишь 25% общего числа кочевников уходило за пределы Сыр-Дарьинской области на север, в Атбасарский, Акмолинский, Каркаралинский уезды, пересекая Бетпак-Далу, часть же крупных баев откочевывала в Наманганский уезд Ферганской области» (Хозяйство казахов..., 1980, с. 77). В Чимкентском уезде Сырдарьинской области казахи рода конграт имели зимовки в нижнем и среднем течении многих речек, стекающих с юго-западных склонов хребта Каратау, и по берегам Сырдарьи. На летовки малоскотные хозяйства поднимались в верховья этих речек, в горы Каратау; многоскотные откочевывали в Атбасарский уезд Акмолинской области (Востров, Муканов, 1968, с. 153). Кочевники ряда уездов Семиреченской и Семипалатинской областей занимали в основном горные массивы Южного Алтая, Тарбагатай, Джунгарского и Заилийского Алатау и их отроги, альпийские луга которых использовались в качестве

летних пастбищ. В качестве же зимних пастбищ использовались пустынные равнины, пески и солончаки, камышовые заросли вокруг озер Балхаш, Алаколь, Зайсан (Хозяйство казахов..., 1980, с. 77).

Перекочевывающие на зиму в среднеазиатско-казахстанские пустыни номады степей и полупустынь Жайык-Иртышского междуречья взаимодействовали с кочевым и полукочевым населением, обитавшим здесь постоянно (Акишев, 1986, с. 7; Юсупов Х., 1987, с. 129, 130; Вайнберг, 1987, с. 15–18; 1988, с. 40–43; Ягодин, 1987, с. 133–135). Это население не всегда было этнически отличным от них. В его состав могла входить часть кочевой народности или племенного объединения, по тем или иным причинам кочующая здесь или осевшая и ведущая полукочевой или оседлый образ жизни (Жданко, 1961, с. 57, 58; 1968, с. 276–278; Байпаков, 1988, с. 33). Так, полукочевниками была значительная часть кыпчаков, осевшая на местах зимовок – в бассейне Сырдарьи, Сарысу, в предгорьях Каратау. А отдельные их группы занимались орошаемым земледелием в районах Улутау, Тургая, Ишима (История Казахской ССР..., 1979, с. 60). Кочевые казахи-адаевцы в начале XX в. делились «на четыре группы, которые кочуют: 1) с Мангышлака через Уил на Хобдо; 2) по Устюрту, то есть южнее Эмбы; 3) по Мангышлаку и 4) на Бузачинском полуострове» (Фиельструп, 1927, с. 80). К концу XIX – началу XX в. относятся и сведения о кочевых казахах, приводимые Б. Скаловым. После зимовки в окрестностях Кунграда по низовьям Амударьи и по берегам Аральского моря казахи в начале марта начинают двигаться через Устюрт на север, спеша пройти его, «пока в низинах среди степи везде находится снеговая вода. Необходимость пользоваться водой из колодцев очень затрудняет перекочевку. Приблизительно в начале или к середине апреля киргизы подходят к северному краю Усть-урта и спускаются в причаганскую равнину, откуда и движутся к Эмбе и далее на летовки средней и северной части Темирского уезда. Отдельные аулы и родовые отделения переходят в Актюбинский уезд. Сравнительно незначительная часть кочевников, простояв некоторое время на Чагане и Кара-табана, снова возвращается на Усть-урт, где и стоит все лето на колодцах. Другие и совсем не спускаются с Усть-урта и летуют по его северному краю на ключах и колодцах или в песках к югу от Матай и Сама. Значительная часть кочевников табынского рода... остается летовать в описанных степях между Усть-уртом и Эмбой». Впрочем, «...на осенних ярмарках Уила и Темира бараны, летовавшие за Эмбой, ценятся всегда ниже летовавших к северу от Эмбы, так

как всегда бывают в худшем теле» (Скалов, 1911, с. 90, 91, 95).

Встречи кочевников, занимающих различные регионы Казахстана, могли происходить и на местах летовок. Так, судя по этнографическим данным, племена, зимующие на Устюрте, Мангышлаке, в низовьях Амударьи, лето проводили в предгорьях Урала, на западных склонах Мугоджар (верховья Эмбы и Ори). Отдельные же группы номадов, имевшие зимние пастбища в низовьях Сырдарьи, в Кызылкуме и Северо-Восточном Приаралье, располагались на летовки на восточных склонах Мугоджар (притоки Ирғиза), в Восточном Оренбуржье (на притоках Жайыка и Ори), доходя до верховьев Эмбы и Ори, то есть кочевали летом в непосредственном соседстве с номадами Западного Казахстана и Южного Приуралья (Ашмарин, 1925, с. 120; Турсунова, 1963, с. 131; Муқанов, 1961, с. 143, 144; Востров, 1963, с. 30; Востров, Муқанов, 1968, с. 144–148; Басин, Керимбаев, 1969, с. 52, 53). Из пяти тысяч хозяйств казахов рода баганалы родоплеменного объединения найман около полутора тысяч хозяйств зимой занимали сначала пастбища по нижнему течению Сарысу, затем одна часть перекочевывала в присырдарьинские тугаи между Перовском и Джулеком, занимая их по обе стороны реки и даже вкочевывая в пески Кызылкума. Другая часть баганалинцев зимовала в причуйской пустыне и близ западной оконечности Каратау. Остальные хозяйства баганалинцев кочевали зимой по северо-восточным склонам Улутуа. Летом же все баганалинцы кочевали вместе (Курылев, 1998, с. 32, 69). Хотя «некоторые старики-баганалинцы помнят то время, когда все их сородичи кочевали круглый год... Северной границей кочевков были река Акан-Бурлук (приток Ишима) и озеро Челкар, находящееся в пределах нынешнего Кокчетавского уезда; южной границей кочевков являлись реки Чу и Сыр-Дарья» (Материалы..., 1903. Т. V, с. 17). В китайской хронике имеется прямое указание на распространение кочевий карлуков от верховий Иртыша на запад до гор Чингизтау и Каркаралы в Центральном Казахстане (Маргулан, 1951, с. 36).

На протяжении XV–XVI вв. у ногаев сложились две основные меридиональные системы кочевания: арало-уральская и поволжская, между которыми, как считает Л.Э. Дубман, существовала определенная, совместно используемая пограничная зона: «...отдельные улусы располагались на зимние кочевья не только «по Сыр реке» или «за Енбою на Карабулуне», но также по побережью Каспия в низовьях Яика и Эмбы, а весной поднимались вверх по обоим берегам Яика, соприкасаясь с улусами, шедшими на

север из дельты и нижнего течения Волги» (Дубман, 2012, с. 15, 16).

«Летовка для кочевника-скотовода имеет и громадное общественное значение. На ней сходятся кочевники отдаленных местностей, не имеющих между собой сообщения в течение целого года, почему она и является чуть ли не единственным местом связи для киргизских (казахских. – А. Т.) родов. Здесь каждый кочевник знакомится со всеми событиями прошедшего года, – со всеми сторонами жизни прочих родов, упадком или развитием хозяйства... Здесь совместно обсуждаются вопросы общего характера... На летовках проводится большинство общих и семейных праздников: устраиваются свадьбы, поминки... В этих празднествах участвуют сотни, а иногда и тысячи киргиз (казахов. – А. Т.)... Каждый старается показать лучшую лошадь, лучшую сбрую, лучший костюм... Потеря летовок для киргизского скотовода равносильна полному разорению» (Ашмарин, 1925, с. 122; см. также: Толыбеков, 1971, с. 124).

Приходя на летовки, расположенные на севере степной зоны, кочевники вступали в разнообразные контакты, в том числе и военные, с полукочевым населением лесостепи, стремившимся к использованию богатых пастбищных возможностей степной зоны. Иллюстрацией этого положения могут служить материалы по башкирско-казахским взаимоотношениям в XVIII – начале XIX в. В домонгольское время для тюркоязычных скотоводческих племен, вошедших впоследствии в состав башкир, предгорья Южного Урала были лишь местом летних кочевий. На зиму они уходили со своим скотом на юг – в низовья Сырдарьи и Приаралье. По мнению Р.Г. Кузеева, такая система хозяйствования установилась к рубежу I–II тыс. н. э., и он назвал ее «Арало-Уральский цикл» кочевания. Постепенное затухание этого цикла у предков башкир, вызванное изменением политической ситуации в степи в X–XV вв., привело к оседанию кочевников на Южном Урале и развитию у них полукочевое хозяйство с присущими для него постоянными жилищами на зимниках и сенокосением. Как отмечает Р.Г. Кузеев, крупные исторические потрясения «сначала, в предмонгольскую эпоху, изолировали башкир от привычной жизни приаральско-прикаспийских степей, а позднее, с начала монгольского нашествия, заставили башкирские племена откочевать в районы, мало пригодные для круглогодичной кочевки». Поэтому «период с XI по XV век характеризуется постепенным переходом башкир от кочевого скотоводства к полукочевому с более или менее длительным пребыванием в зимнее время на одном месте» (Кузеев, 1968, с. 278, 280)¹⁴. В XVI–XIX вв. башкиры – уже типичные полукочевники с

небольшим радиусом перекочевков, с постоянными жилищами на зимовках, с сенокосением, правда, развитым незначительно.

Однако некоторые группы башкир юго-восточного Зауралья, южного и юго-западного Приуралья еще в XVIII и даже в начале XIX в. на зиму скот, главным образом лошадей, составляющих основу стада, перегоняли на тебеневку в степи. Если позволяла политическая обстановка, южноуральские и казахстанские степи использовали в качестве летних пастбищ, а зимние кочевки достигали на юге Прикаспийской низменности. В XVI – начале XVII в. степи Южного Урала являлись территорией ногайских кочевий, доходивших в Зауралье до верховий Жайыка и долины реки Уй, являющейся географической границей степной и лесостепной зон. Часть башкир в этот период кочевала, вероятно, вместе с ногайцами на одних и тех же территориях. По крайней мере, из башкирских преданий и шежере известно, что в Зауралье в осенне-зимнее время башкиры, так же как и ногайцы, перекочевывали вплоть до Чижинских разливов, Эмбы и низовий Яика. Из-за столкновений с калмыками в середине XVII в. заволожские башкиры вынуждены были оставить эти территории и переселиться в Уфимскую провинцию, на берега рек Белая, Сакмара, Ик. Впрочем, часть башкир, вероятно, признала власть калмыков и стала кочевать вместе с ними. После ухода большинства калмыков в Китай в 1771 г. башкиры в массовом порядке стали возвращаться на свои старые кочевки в заволожских степях. Однако в 1806 г. казахский султан Младшего жуза Букей получил разрешение на право переселения в междуречье Волги и Жайыка, и здесь образовалось Букеевское ханство. Результатом частых конфликтов из-за пастбищных угодий между башкирами и казахами, а также башкирами и уральскими казаками стало окончательное вытеснение башкир с бассейнов рек Узень и Чижы и переселение большинства их в долины рек Большой Ирғиз, Камелик и Каралек (Маннапов, 2006, с. 84–86).

В Южном Зауралье в XVII–XVIII вв. башкиры занимали всю лесостепную зону, а их летние кочевья встречались даже на реке Тогузак в степном районе Зауралья. В начале XVII в. башкирские кочевья в Зауралье неоднократно разорялись калмыками, доходившими до Исети и даже Пышмы. К середине этого столетия калмыцкие кочевья распространились до верховьев Яика, что вызвало обострение башкиро-калмыцких отношений и создало почву для военных столкновений. В 1648 г. российское правительство объявило башкирам, что калмыки станут кочевать по Яику, Ори, Килу, Сакмару и другим рекам. Однако уже в следующем 1649 г. правительство призывало

калмыцкого Дайчин-тайши отойти за Яик и Эмбу, а по Ори, Килу, Сакмару и другим не кочевать. В начале второй половины XVII в. калмыки обосновались к западу от Яика – в Поволжье (Ланцанова, 2006, с. 76–78). Но уже в начале XVIII в. башкиры постепенно вытесняются из степной зоны Зауралья, ставшей местом летних кочевий казахов (Толыбеков, 1971, с. 241–243). Так, в «Описании киргиз-кайсацких орд» (1734 г.) говорится, что казахи Среднего жуза «кочуют по реке Таргой (Тургай) и по другим, которые башкирцы называют своими». Казахи же Младшего жуза, кочевавшие «близ Аральского озера», а также между Средним жузом и Яиком, «не мало башкирской земли захватили» (цит. по: Кузеев, 1968, с. 267). А.И. Левшин в своем труде, изданном в 1832 г., писал: «На запад подались киргиз-казаки (казахи. – А. Т.) в первой половине XVIII столетия; в конце же XVII и даже в первых годах XVIII между верховьями Урала и Эмбы кочевали башкиры, а между устьями сих рек – калмыки», занявшие место ногаев (Левшин, 1996, с. 159).

Таким образом, для башкир XVI–XIX вв., ведущих полукочевое скотоводческое хозяйство, степи, прилегающие к Южному Уралу, служили для зимнего выпаса главным образом лошадей, а при благоприятной политической ситуации – и местом летних пастбищ (Кузеев, 1968, с. 266–273, 305; 1973, с. 52, 56; Кузеев и др., 1962, с. 172, 201–203; Янгузин, 1989, с. 21–122). Но в основном эти территории являлись местом летних пастбищ сначала ногаев, затем калмыков и казахов. Отметим также, что одной из особенностей казахского кочевого хозяйства была система зимнего отгонного выпаса лошадей на территории летних пастбищ, что в значительной мере было связано с нехваткой хороших и обширных зимних пастбищ на юге. В этом случае с лошадьми на север отправлялись лишь табунщики. Зимой для выпаса табунов использовались пастбища, по разным причинам не доступные в летнее время (Толыбеков, 1971, с. 539; Радлов, 1989, с. 257; Курылев, 1998, с. 83, 84). Поэтому вполне вероятно, что между кочевниками степи и полукочевниками лесостепи могли происходить столкновения и из-за зимних пастбищ, расположенных на севере степной зоны.

Контакты ранних кочевников степей и полупустынь Жайык-Иртышского междуречья и номадов среднеазиатско-казахстанских пустынь и предгорий, обусловленные концентрацией их в зоне пустынь, на местах зимних пастбищ, расположением летовок отдельных групп в непосредственном соседстве, определили быструю передачу новшеств в области материальной культуры, особенно вооружения и конской упряжи. Единая же генетическая основа

и близкий уровень социально-экономического развития способствовали этим контактам, облегчали заимствования не только в области материального производства, но и в духовной сфере. Все это в конечном счете приводило к нивелировке культур ранних кочевников, входящих в единую сакскую историко-этнографическую область (Яблонский, 1988, с. 189). Как отмечает Р.Б. Сулейменов (1987, с. 19), «особенности ведения хозяйства общества древних насельников Казахстана, обусловленные спецификой среды обитания, явились одним из решающих факторов становления этнической однородности, накопления однотипных этнических признаков». Рассматривая эволюцию кочевого хозяйственно-культурного типа в Казахстане, Н.Э. Масанов приходит к выводу, что «в течение I тысячелетия до н. э. и первой половины I тысячелетия н. э. в основном развивалось культурно-историческое единство, порождаемое в эпоху увлажнения спонтанным процессом генезиса номадизма на всем ареале евразийских степей, полупустынь и пустынь умеренного пояса, т. е. происходило накопление этноинтегрирующих черт культуры, а этническая специфика проявлялась в отживающих свой век субстратных элементах, связанных с особенностями социально-экономического функционирования в каждом регионе» (Масанов, 1987, с. 28).

Расположение зимних пастбищ вблизи земледельческих оазисов Центральной (Средней) Азии благоприятствовало активным контактам кочевого и оседлого населения, налаживанию тесных экономических, культурных и политических связей. Эти связи возникли с момента становления кочевого скотоводства – кочевники не могли существовать без продуктов земледелия и ремесла. Поэтому они были заинтересованы в обмене своей продукции (скот, кожа, шерсть и т. п.) даже больше, чем жители земледельческих областей, имеющие не такое одностороннее хозяйство, как у кочевников (Батраков, 1958, с. 3, 4, 20; Жданко, 1968, с. 278).

Экономические, культурные и политические связи существовали также между кочевниками степей и полупустынь и полуоседлым и оседлым населением лесостепи. В то же время кочевники являлись и связующим звеном между земледельческим и полукочевым населением юга и племенами лесостепи. Интересно отметить, что караванные пути, связывающие в Средние века и Новое время Центральную (Среднюю) Азию с Приуральем, Зауральем и Западной Сибирью, во многом повторяли маршруты сезонных передвижений отдельных групп кочевников (Батраков, 1958, с. 12, 92; Маргулан, 1949, с. 69–73;

Назаров, 1968, с. 17–36; Востров, Муканов, 1968, с. 69; Таиров, 1995, с. 4, 5).

В I тыс. до н. э. в степях Жайык-Иртышского междуречья, естественно, имели место и военных походы, и завоевания, и междоусобицы, и различного рода перемещения и перегруппировки отдельных племен, не связанные с маршрутами кочевания, которые, конечно, оставляли свой след в духовной и материальной культуре. Однако главную, определяющую роль в историко-культурных и этнических процессах, протекавших в это, а также и в более позднее время в казахстанских степях, играли внутренние и внешние экономические, культурные и политические связи и взаимодействия, обусловленные пастбищно-кочевой системой со всеми присущими ей особенностями.

По природным условиям казахстанские степи и полупустыни делятся в настоящее время на три крупных, достаточно обособленных естественно-географических региона: Западный Казахстан и Южное Приуралье; Южное Зауралье, Северный и Центральный Казахстан; Семиречье (Жетису) (Муканов, 1974, с. 23; Аргынбаев, 1988, с. 16). Природно-ландшафтные условия этих крупных регионов предопределили специфику хозяйства населения, пути кочевков, места летних и зимних пастбищ, преимущественное направление экономических, культурных и политических связей, конкретное историческое окружение и т. п. Все это нашло свое выражение и в своеобразии погребального обряда, и в искусстве, и в материальной культуре, то есть в этнических признаках, обусловило особенности исторического развития населения каждого региона. Как справедливо отмечает Н.Э. Масанов, изучая этногенез казахов, «в процессе освоения экосистемы вырабатывалась общность экономических и неэкономических интересов как субстратной основы этногенетических процессов». Аккумуляция в условиях сходной среды обитания и аналогичного типа хозяйственной деятельности при одинаковом уровне развития производительных сил, однородных этнических признаков в сфере бытовой, материальной и духовной культуры находила свое объективное выражение в одновременном образовании различного рода этнокультурных общностей на территории Казахстана (Масанов, 1988, с. 85).

Существование в степях Жайык-Иртышского междуречья трех естественно-географических районов наряду с другими факторами предопределило сложение на рубеже XV–XVI вв. трех жузов, трех групп племен или племенных союзов, в составе казахской народности (Вяткин, 1941, с. 99; Востров, Муканов, 1968, с. 21, 22; Муканов, 1974, с. 23–27;

История Казахской ССР..., 1979а, с. 249; Аргынбаев, 1988, с. 16; Ахинжанов, 1995, с. 286). В пределах Семиречья (Жетису) в рамках государства Моголистан сложился Старший жуз. Основной территорией сложения Среднего жуза был Центральный Казахстан, а к концу XVII в. он занимал обширные территории Центрального, Северного и Восточного Казахстана от линии Аральского моря – реки Иртыш – реки Тургай на западе до бассейна Иртыша – хребтов Алтая и Тарбагатая на востоке. На юге территория Среднего жуза граничила по линии долины Сырдарьи – Чу – озера Балхаш и простиралась на севере до границ Томской и Тюменской губерний. В Западном Казахстане в пределах Ногайской орды сложился Младший жуз, который в XVIII в. занимал территории от бассейна реки Тургай на востоке, нижнего течения Сырдарьи на юге и на западе до реки Жайык (Востров, 1956, с. 9; Муканов, 1974, с. 23–27; История Казахской ССР..., 1979а, с. 248–251; Аргынбаев, 1988, с. 16–19; Ажигали, 2002а, с. 403).

Эти же относительно обособленные естественно-географические районы, каждый со своими путями перекочевок, местами летних и зимних пастбищ, преимущественным направлением разнообразных связей, определяли, вероятно, и территории некоторых политических образований в эпоху Средневековья. Так, Ногайская орда (XV–XVI вв.) занимала территорию между Жайыком и Волгой, то есть Западный Казахстан и Южное Приуралье (Муканов, 1974, с. 24). Судя по имеющимся документам, в Ногайской орде действовала уже достаточно четко оформленная система кочевания с определенными маршрутами перекочевок и планомерным использованием сезонных пастбищ, установленных для каждого кочевого коллектива. Зимовали они в основном у устьев Волги, Жайыка, Эмбы. Весной двигались на север и северо-восток, в верховья Волги, Жайыка и более мелких рек. Самая северная их летовка до конца XVI в. находилась «близ Камы под лесом»¹⁵. Путь их лежал по междуречью Волги и Жайыка, с короткими остановками на реках Большой и Малый Узень, Большой Иртыш, Самара, Ик и др. Позднее, в период от строительства первых русских городков на Средней и Нижней Волге до исхода ногаев из волжско-яицких степей, северной границей их кочевий были реки Самара и Большой Кинель, междуречье которых было основным районом их северных кочевий. Тенденция постепенного «сползания» летних пастбищ кочевых народов на юг, уже в менее благоприятные районы, прослеживается и позднее – в конце XVII – первой трети XVIII в. Так, Н.К. Кириллов в начале XVIII в. писал, что калмыки «кочевья имеют, переходя с места на место, где пока корм скоту их

есть. От Астрахани вверх по Волге луговой стороной до Саратова». В конце 1770-х гг. их северные пастбища отступили еще дальше к югу (Поноженко, 1995, с. 266–269; Дубман и др., 2003, с. 67, 68; Дубман, 2005, с. 140–168; 2012, с. 12–37; Очир-Горьева, 2005, с. 18–20).

Государство кочевых узбеков занимало земли от нижнего и среднего течения Сырдарьи и Северного Приаралья до Жайыка и Тобола на севере и до Иртыша на северо-востоке, то есть территорию Южного Зауралья, Северного и Центрального Казахстана (Ахмедов, 1965, с. 37, 41, 48; Муканов, 1974, с. 24). «Судя по сведениям Абу-л-Гази, – пишет Б.А. Ахмедов, – Шайбан кочевал летом на обширном пространстве между предгорьями Урала и реками Тобол, Урал, Илек, Иртыш, а зимой – в бассейне Аральского моря, по рекам Чуй-Су, Сары-Су и в низовьях Сыр-Дарьи» (Ахмедов, 1965, с. 41)¹⁶. Указания на районы летовок и зимовок во владениях Шайбана содержатся и в «Мустафад ал-Ахбар» Ш. Марджани: «Бату-хан, сын Джучи-хана, назначив правителем над некоторыми племенами своего брата Шайбана, выделил ему область по соседству с братом Ахином (Орда-Едженом. – Н.Н. Мингулов) и установил районы летовок на востоке по долинам рек Иртыш, Саук, Орь, Илек вплоть до Уральских гор и реки Яик, районы зимовок – в Ара-Кумах и низовьях реки Сыр» (цит. по: Мингулов, 1981, с. 84). О границах же распространения политической власти Орда-Еджена Ш. Марджани пишет: «Орда-Еджен правил племенами, кочевавшими от Иртыша до среднего течения Сыр-Дарьи с прилегающими к ней районами, в предгорьях Улутуа и Кичиктау, а также землями между реками Или и Чу» (цит. по: Мингулов, 1981, с. 82). Северо-западные границы Орда-Еджена доходили до рек Иртыш, Орь, Илек (Мингулов, 1981, с. 82, 83). Семиречье (Жетису) же в XV в. входило в улус Чагатай (Муканов, 1974, с. 24).

В VIII–X вв. территорию Семиречья занимали карлуки, которые постепенно расселились до среднего течения Сырдарьи (История Казахской ССР..., 1977, с. 336–342). К северо-западу от карлуков, в бассейне среднего и нижнего течения Сырдарьи и в примыкающих к ней степях Западного Казахстана в IX–X вв. сложилось государство огузов (История Казахской ССР..., 1977, с. 337, 353, 357–359). «Гузская знать в VIII–XI вв. кочевала между Кызылкумами и Тургайской степью. Анонимный автор X в. показывает летнюю кочевку гузов по Илеку и Мугоджарскому хребту. В IX–X вв. гузы занимали степное пространство от низовьев Сырдарьи до Южного Урала, и, как отмечает Масуди, часть гузов зимовала на берегах Хазарского моря, а летом кочевала в северных сте-

пях» (Маргулан, 1951, с. 34, 35). По мнению В.Н. Ягодина, «гузы, обитавшие на Южном Урале, Нижнем Поволжье и Устюрте, являлись, вероятно, единым этнокультурным и хозяйственно-экономическим целым, представляя собой общество кочевников-скотоводов, сезонно передвигавшихся со своими стадами по меридиональным путям кочевания. Зимовки их располагались на чинке и под чинком Устюрта, где кочевники зимовали, используя обширные заросли камыша в дельтовых районах» (Ягодин, 1991, с. 174).

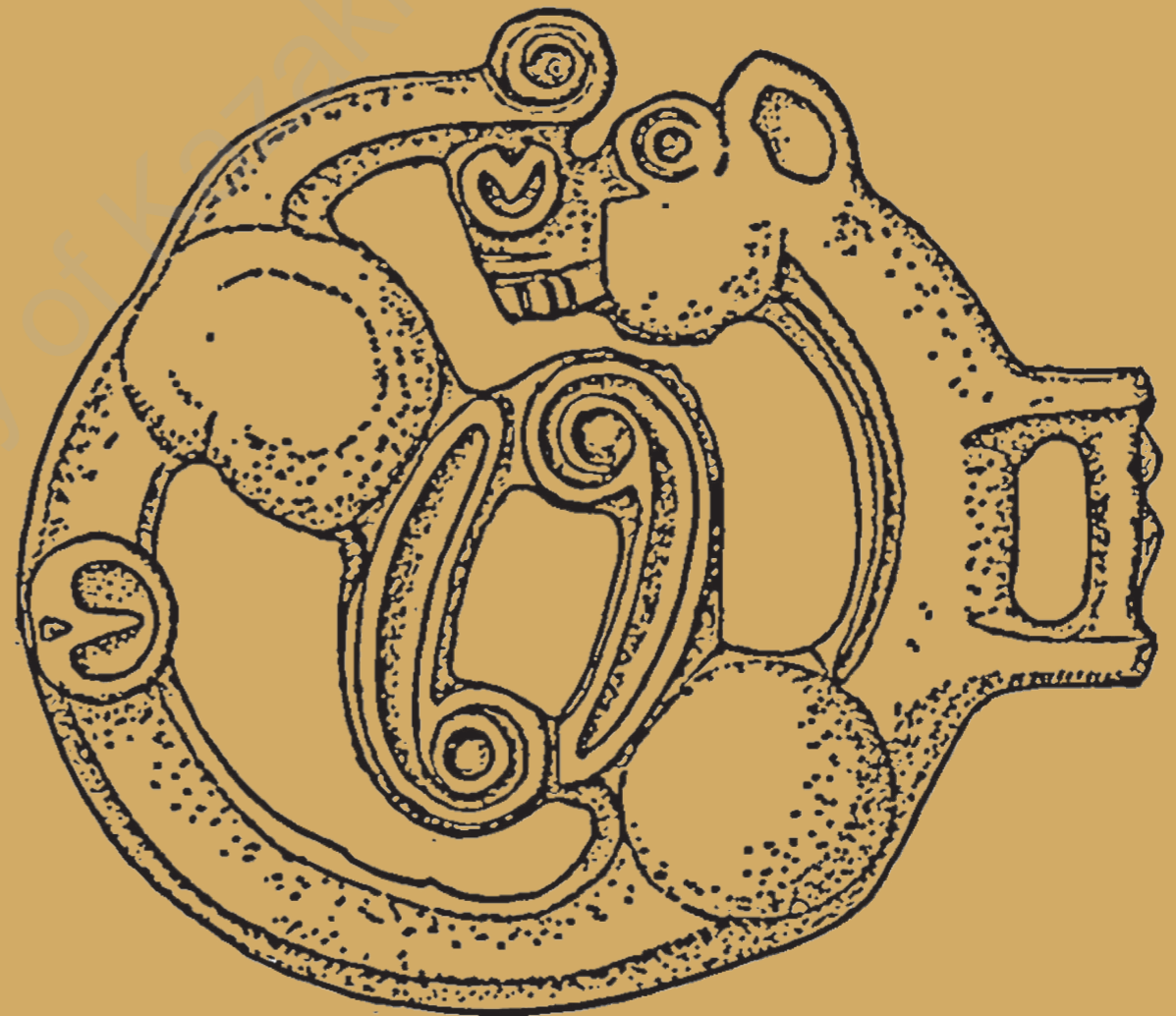
Степи от восточной части Южного Урала (Южное Зауралье) до Приаралья на западе, от Центрального Казахстана до Северного Прибалхашья, включая часть территории Северо-Восточного Семиречья (Жетису) на юге, от Западного Алтая до Кулундинских степей на востоке и лесостепной полосы на севере занимали родственные между собой кимаки и кыпчаки (Маргулан, 1951, с. 34; История Казахской ССР..., 1977, с. 337, 366). Границей расселения огузов и кыпчаков служили, вероятно, низовья Сарысу, бассейн Тобола и Тургая (Кызласов, 1951, с. 62). При мирных обстоятельствах эти народы взаимно представляли друг другу пастбища. Об этом пишет автор анонимного сочинения «Худуд-ал-Алем»: «Всякий раз, как между ними (кимаками) и гузами бывает мир, зимою они идут к гузам» (Маргулан, 1951, с. 35; История Казахской ССР..., 1977, с. 372, 373). По мнению Р.Г. Кузеева (1968, с. 266), «примерно с середины I тыс. н. э. Юго-Восточный Урал, а позднее и Южное и Юго-Западное Приуралье входили в единый территориально-хозяйственный комплекс с Северным Приаральем и низовьями Сырдарьи... Короткие зимние месяцы кочевники со своими стадами проводили в присырдарьинских и приаральских степях... В жаркие летние месяцы скот укрывался в прохладных долинах уральских предгорий». Учитывая этнокультурное единство кыпчакских курганов на Устюрте с курганами восточной группы кыпчакских курганов Южного Приуралья, В.Н. Ягодин пришел к выводу о том, что «в пределах этого ареала существовали постоянные меридиональные кочевки. Устюрт использовался кыпчаками в качестве сезонного пастбища, а причинковая зона, пограничная с Хорезмом, как место зимовок» (Ягодин, 1991, с. 190, 191)¹⁷.

Рассматривая распространение памятников андроновской культуры, К.А. Акишев выделил три центра ее развития, которые были основными районами расселения андроновских племен. Первый, восточный или сибирский, центр – Минусинская котловина, Алтай и Восточный Казахстан. Второй, центральный, или казахстанский, – вся территория Казахского мелкосопочника от Тургайской впадины на западе до гор Чингиз на востоке, от линии Степ-

няк – Боровое – Имантау – Жаксы Жангызтау на севере до северной Бетпак-Дала на юге. Третий центр, западный, или уральский, – Южное Приуралье, Притоболье и Западный Казахстан. Судя по карте «Центры андроновской культуры и пути движения племен», бассейн Тургая и Иргиза являлся зоной смешения племен уральского и казахстанского центров. Территории, занимаемые этими двумя центрами, в основном совпадают с двумя крупными естественно-географическими регионами степей и полупустынь Жайык-Иртышского междуречья. Одним из факторов, определивших сложение трех центров андроновской культуры, по мнению К.А. Акишева, являлась географическая среда (Акишев, Кушаев, 1963, с. 125–128).

Трем естественно-географическим районам степей Жайык-Иртышского междуречья, полупустынь и пустынь в начале I тыс. до н.э. соответствовали три историко-этнографические общности: сакские племена Южного Приаралья в низовьях Амударьи и Сырдарьи и, возможно, скотоводческие племена Южного Приуралья (Яблонский, 1988, с. 189); ранние кочевники Южного Зауралья, Северного и Центрального Казахстана (тасмолинская общность); саки Семиречья (Таиров, 1989, с. 29).

Именно природные условия, явившиеся главным обстоятельством при выборе номадами степей Жайык-Иртышского междуречья маршрутов своих сезонных перекочевок, мест летних и зимних пастбищ, и в конечном счете вхождение их в выделенную нами тасмолинскую историко-этнографическую общность определили то сходство обряда и инвентаря, которое четко прослеживается при анализе погребальных памятников Южного Зауралья, Северного и Центрального Казахстана. Как отмечает Н.Э. Масанов, «...особенности ведения хозяйства и функционирования культуры в специфических условиях среды обитания влекут за собой накопление особых черт, свойств и признаков, которые в конечном счете и определяют неповторимую комбинацию этнических стереотипов, обуславливающих этнос как историко-культурный феномен». Этот процесс «...базируется на том, что в процессе производства складывается симбиоз между населением и освоенной им средой обитания, который детерминировал специфику общественной деятельности человека, автономный комплекс взаимосвязанных между собой структурных компонентов культуры, своеобразное информационное поле, функционирующее на основе оптимального равновесия в естественно-природных и социально-экономических процессах, что и приводило к особому характеру циркуляции информации внутри данного социального организма» (Масанов, 1987, с. 27).

ГЛАВА III

РАННИЕ КОЧЕВНИКИ СТЕПЕЙ
ЖАЙЫК-ИРТЫШСКОГО
МЕЖДУРЕЧЬЯ И ВНЕШНИЙ
МИР В VIII–VI ВВ. ДО Н. Э.

1. Кочевники степей Жайык-Иртышского междуречья и Приаралья

Расположение зимних пастбищ кочевников тасмолинской общности в непосредственной близости от низовьев Сырдарьи, контакты с сырдарьинскими саками, входившими в другую историко-этнографическую общность, определили ту близость погребального инвентаря и отдельных элементов погребального обряда, что прослеживается между памятниками степей Жайык-Иртышского междуречья и курганами могильников Уйгарак, Южный Тагискен, Сакар-чага (Вишневская, 1973, с. 70–119; Итина, Яблонский, 1997, с. 41–66; Горбунова, 2001; Яблонский, 2015, с. 55–86). Из редких категорий инвентаря, имевшегося главным образом у номадов степей Жайык-Иртышского междуречья, Алтая и Тувы и обнаруженных у саков низовий Сырдарьи, следует отметить пояса с бронзовыми обоймами (Тагискен, курган 37) (Итина, Яблонский, 1997, с. 68, рис. 25, 1, 3), «зеркала» с длинными ножевидными ручками (Уйгарак, курган 21) (Вишневская, 1973, табл. VI, 4), некоторые типы втульчатых и черешковых наконечников стрел (рис. 45; 47).

В разграбленном погребении кургана 21 могильника Уйгарак в непо потревоженном положении сохранилась группа предметов. Она включала железный кинжал с грибовидным навершием и дуговидным перекрестием, на котором лежал длинный бронзовый нож с кольцевым навершием. Поверх ножа находилось бронзовое «зеркало» с длинной ножевидной рукоятью (рис. 47, 4). Рядом с кинжалом найдены оселок и массивный железный предмет, «по форме напоминающий небольшой молот со сквозным овальным отверстием для насада» (Вишневская, 1973, с. 18, рис. 8, табл. V). По составу и взаиморасположению инвентаря это погребение очень близко к погребениям Южного Зауралья и Центрального Казахстана с поясами или поясами и «зеркалами» с длинной ножевидной ручкой – Бобровский, курган 4 (рис. 53, 1–17), Иртыш 14, курган 2 (рис. 54), Нурманбет IV, курган 1 (рис. 7, 24; 10, 49, 53–55, 60) (Матвеева Г. И., 1964, с. 214, рис. 1; Боталов, Таиров, 1996, рис. 10; Гаврилюк, Таиров, 2002, рис. 1; 2006, рис. 3.4; 3.5; Маргулан и др., 1966, с. 343, 344, рис. 38; 39, 2).

В погребении 3 кургана 2 могильника Иртыш 14 (Южное Зауралье) обнаружен колчан с десятью бронзовыми втульчатými наконечниками стрел оригинальной формы (рис. 54, 2–7, 9–12). У всех наконечников верхняя их половина ромбическая в сечении, нижняя – двухлопастная, а концы лопастей оттянуты в шипы, опущенные ниже втулки. Един-

ственной полной аналогией им является наконечник, найденный у поселка Акколь в верховьях реки Иртыш, на территории Актюбинской области, и отнесенный С.Ю. Гуцаловым к VII – первой половине VI в. до н. э. (Гуцалов, 2000, с. 33, табл. 10, 26). Ромбическую в сечении головку, переходящую в две короткие, слабо выраженные лопасти с небольшими шипами, и скрытую втулку имеет и наконечник из кургана 20 могильника Сакар-чага 6 (конец VIII – VII в. до н. э.) (Яблонский, 1996, рис. 17, 41, с. 52). В отличие от иртышских наконечников сакарчагинский имеет более вытянутые пропорции (соотношение ширины к длине у него 1:4, а у иртышских – в среднем 1:2,65) и более короткие лопасти, составляющие $\frac{1}{3}$ всей длины наконечника.

По форме головки, соотношению ромбической и двухлопастной частей головки (1:1) иртышские наконечники весьма близки к сводчатому наконечнику с ромбической в сечении головкой, переходящей в две лопасти с небольшими шипами из погребения 2 кургана 1 могильника Шатрово из Южного Зауралья (рис. 55, 29). В отличие от иртышского у шатровского наконечника имеется очень короткая втулка. По форме головки иртышские наконечники близки к наконечнику из кургана 32 могильника Южный Тагискен, датированному в пределах VII – середины VI в. до н. э. М.А. Итина и Л.Т. Яблонский в своей классификации отнесли его к двухлопастным со сводчатой головкой и выступающей втулкой (группа 2, отдел Б, тип 3). Однако характеризуется он как наконечник с ромбической головкой и выступающей втулкой. Его сводчатая ромбическая в сечении головка переходит в короткие прямосрезанные лопасти, составляющие всего $\frac{1}{3}$ общей длины головки, втулка имеет большую длину, чем у описанных выше (Итина, Яблонский, 1997, с. 47, 52, 70, рис. 14, 5; 706, 23).

С шатровским и тагискенским наконечниками схожи наконечники стрел из курганов 37 и 42 могильника Уйгарак, датированных О.А. Вишневской VI в. до н. э. Они сводчатые, с ромбической в сечении головкой, переходящей по бокам в лопасти с небольшими шипами, и выступающей втулкой (группа втульчатых, отдел Г, тип II). Ромбическая в сечении часть головки составляет у них от $\frac{1}{2}$ до $\frac{2}{3}$ общей ее длины (Вишневская, 1973, с. 90, 91, 122, 123, табл. I, 9, 11; XXV, 12). Сводчатые наконечники с ромбической в сечении головкой, переходящей в две лопасти с небольшими шипами, и короткой выступающей втулкой, аналогичные шатровскому, найдены и в кургане 1 могильника Жаман-Тогай, комплекс которого датирован VII–VI вв. до н. э. или VII в. до н. э. (Максимова и др., 1968, с. 180, табл. V, 1, 2; Мурзин, 1984, с. 76; Заднепровский, 1992, табл. 37, 12, 13).

Бронзовые двухлопастные черешковые наконечники стрел из кургана 1 могильника Николаевка II в Южном Зауралье (рис. 56, 3), кургана 5ж могильника Карамурун I и кургана у станции Шидерты (рис. 10, 23, 38) в Центральном Казахстане (Таиров, 1987, рис. 2, 4; Маргулан и др., 1966, рис. 58, левый в нижнем ряду; Пересветов, 2001, рис. 1, 2; Пересветов, Куропятникова, 2002, рис. 2, 2) находят аналогии в памятниках VII–VI вв. до н. э. Приаралья, Восточного Казахстана и Южной Сибири (Вишневская, 1973, табл. XX, 18; Яблонский, 1991, рис. 10, 7; 1996, рис. 35, 3; Акишев, Кушаев, 1963, с. 117. Табл., раздел XIII–X вв. до н. э., 8; Членова, 1967, табл. 12, 10). Подобные наконечники известны и из находок в Ордо-се (Genghis Khan..., 2004. P. 82).

Бронзовые четырехгранные черешковые наконечники стрел со сводчатой квадратной в сечении головкой из кургана 1 Варненской группы в Южном Зауралье (рис. 55, 5, 6) близки к наконечникам отдела Г, по О.А. Вишневской (1973, с. 94, табл. XIII, 51–54). Такие наконечники появляются, по ее мнению, во второй половине VI в. до н. э. Именно этим временем она датирует курган 43 могильника Уйгарак, где были найдены наконечники этого отдела (Вишневская, 1973, с. 96, 124). Сходен с варненским и наконечник из надежно датированного концом VII – первой половиной VI в. до н. э. погребения 1 кургана 59 могильника Целинный 1 на среднем Илеке (Гуцалов, 1998, с. 130, рис. 3, 44). Бронзовые четырехгранные черешковые наконечники стрел, имеющие, в отличие от варненских, ромбическую в сечении головку, обнаружены в комплексе VII–VI вв. до н. э. кургана 1 могильника Жаман-Тогай на Средней Сырдарье и в могильнике раннего этапа уюкской культуры Тувы – Аймырлыг (Заднепровский, 1992, с. 103, табл. 37, 15, 18; Мандельштам, 1992, с. 184, табл. 72, 26). Известны они и в Северном Китае (Li Hairong, 2003. P. 289).

В Приаралье, Северном и Центральном Казахстане в раннесакское время были распространены и втульчатые асимметрично-ромбовидные, ромбические в сечении наконечники стрел, часто с выпуклыми валиками на гранях (Вишневская, 1973, табл. XIII, 10–16; XX, 12; Итина, Яблонский, 1997, рис. 47, 1, 3, 8; Яблонский, 1996, рис. 15, 1; 17, 30–37, 39, 43; Хабдулина, 1993, с. 31, рис. 4; 1994, с. 48, табл. 15; Маргулан и др., 1966, рис. 58).

Втульчатые четырехгранные наконечники стрел со сводчатой, подквадратной в сечении головкой, невыделенным бойком и выделенными гранями, скрытой втулкой и четырьмя шипами, продолжающимися выделенные грани головки, из могильной ямы 1 кургана 5 могильника Кичигино I (рис. 49, 4) типологически аналогичны наконечникам из кургана 32

могильника Южный Тагискен (VII – середина VI в. до н. э.) и кургана 3 могильника Сакар-чага 6 (конец VIII – VII в. до н. э.) в Приаралье. Весьма близки им экземпляры из курганов 12, 20 и 23 Сакар-чага 6 этого же времени (Итина, Яблонский, 1997, с. 70, рис. 14, 1–3; Яблонский, 1996, с. 52, рис. 12, 1; 15, 2; 17, 42; 19, 10; 2015, рис. 9, 1; 12, 2; 14, 42; 16, 10).

Наконечники стрел, типологически аналогичные кичигинским и отличающиеся от них лишь формой сечения острия (более ромбовидной или квадратной), обнаружены и в ряде комплексов второй половины VI – начала V в. до н. э. Южного Урала и Приаралья (Итина, Яблонский, 1997, рис. 43, 39–42; Вишневская, 1973, с. 91, табл. XIII, 50; XXV, 13; Смирнов, 1961, рис. 23, 32; 24, 53; 39А, 4, 6; Гаврилюк, Таиров, 1993, с. 65, рис. 3, 1в). Четырехгранные наконечники со сводчатым в плане и ромбическим в сечении острием найдены на городища Дильберджин в Южной Бактрии (Ягодин, 1984, с. 51, рис. 6, 4) и в некрополе Ольвии первой половины VI в. до н. э. (Полин, 1987, рис. 8, 23).

Близость между кочевниками степей Жайык-Иртышского междуречья и Приаралья прослеживается и при сравнении предметов их искусства. Так, по схеме изображения ближайшей аналогией подпружкам в виде свернувшегося в кольцо кошачьего хищника с берегов озер Травакуль и Иртыш (рис. 52, 13; 57, 16) является подпружка из кургана 33 могильника Уйгарак (Политович, 1994, с. 73, рис. 1, 1). По той же схеме, что иртышская и травакульская пряжки, изготовлена бронзовая бляшка, найденная на берегу озера Увильды (рис. 57, 17). Однако изображение на бляшке из Увильды отличается от приведенных аналогий некоторыми особенностями. Задняя часть зверя превратилась в голову, глаз которой одновременно является ноздрей основной фигуры хищника. Лапы в виде птичьих когтей хотя в какой-то мере и похожи на когтевидные лапы хищников из Уйгарака и Иртыша, но не полностью аналогичны им в деталях. Здесь, скорее всего, изображены лапы птицы, причем хищной птицы – с длинными когтями (Переводчикова, Таиров, 2015, с. 123, рис. 1, 15).

При исследовании погребения 1 кургана 5 могильника Кичигино I в Южном Зауралье найдена значительная серия изделий, оформленных в скифском зверином стиле (Таиров, Боталов, 2009. С. 345, 347, 348, рис. 2–4; Таиров, 2015а, рис. 3, 4). Эти изделия по ряду признаков аналогичны предметам из курганов 31, 53, 45 Южного Тагискена в Приаралье, кургана 5 могильника Талды-2 и курганов 3, 4, 6 могильника Тасмола V в Центральном Казахстане, кургана Аржан-2 в Туве, а также материалам некоторых кур-

ганов пазырыкской культуры (Таиров, Боталов, 2010, с. 351–352; Переводчикова, 2012, с. 239–242; Таиров, 2015, с. 306–309). В этот круг можно включить и материалы Большого Полтаковского и Большого Новоселовского курганов на юге Сибири (Курочкин 1993а; 1993б; 1993в).

Золотые фигурки лежащих хищников с повернутой анфас головой относятся к своеобразному иконографическому типу (Полидович, 2008, с. 40, 41) и составляют небольшую серию. Это фигурки зверей из кургана 5 могильника Кичигино I (рис. 3, 9, 10; 5, 1, 2; 51, 3, 4), из курганов 3, 4, 6 могильника Тасмола V (рис. 12, 3, 4, 10, 11), из кургана 53 могильника Южный Тагискен (рис. 3, 4), из Восточного Талейда в Синьцзяне, у южного подножия Алтая. Все они имеют несомненное сходство (Переводчикова, Таиров, 2015, с. 130, рис. 3; Бейсенов, Базарбаева, 2013, с. 13, 14).

Золотая накладка, оформленная в виде фигурки льва, изображенного в фас, из кургана 53 могильника Южный Тагискен лежала на месте предполагаемой застезки колчана. Нижнюю часть этого колчана оформляли двенадцать однотипных золотых накладок в виде фигурок идущих львов (Итина, Яблонский, 1997, с. 22, 70, рис. 44, 2, 2). Фигуры и позы львов на них и хищников на бронзовых бляшках из кургана 5 могильника Кичигино I (рис. 5, 14; 50, 4) очень похожи, однако отличаются передачей ряда существенных деталей. Более близка к кичигинским золотая бляшка-накладка в виде стоящего льва из кургана 31 этого могильника, хотя и она не является полной аналогией. Оба кургана датированы «в пределах VI и даже до рубежа VI–V вв. до н. э.» и включены в группу комплексов от середины VI до начала V в. до н. э. (Итина, Яблонский, 1997, с. 14, 21, 62, 70, рис. 12, 2). Наиболее близки к кичигинским изображения хищников на золотых и бронзовых изделиях из кургана Аржан-2, время сооружения которого определено в интервале от середины до конца VII в. до н. э. (Чугунов, Парцингер, Наглер, 2004, с. 3, 8, 16; Аржан..., 2004, с. 5, 23, 32, 47; Евразия..., 2005, с. 86, 137; Im Zeichen..., 2008. S. 76, 84, 96; Ćigunov, Parzinger, Nagler, 2010. Tafel 5; 6; 17; 37; 38; 42; 59). Прямыми аналогиями кичигинским и аржанским являются золотые бляшки в виде стоящего хищника из кургана 5 могильника Талды-2 в Центральном Казахстане (рис. 13, 19, 27) (Бейсенов, 2010, с. 79, фото 6; 2011а, с. 19), датированного рубежом VII–VI вв. до н. э. (Бейсенов, 2011, с. 19) или концом VII – началом VI в. до н. э. (Чугунов, 2011, с. 75).

В ограбленной могильной яме кургана 57 могильника Южный Тагискен, датированного в пределах VII – середины VI в. до н.э., найдена «нашивки из

золотой фольги со стилизованным изображением крыла» (Итина, Яблонский, 1997, с. 24, 70, рис. 52, 7). Она, так же как и кичигинские ажурные пластины (рис. 3, 7, 8; 5, 7, 20; 51, 1, 2), выполнена с использованием мотива «сложного завитка», правда, уже сильно упрощенного. Этот мотив широко представлен в материалах комплекса Аржан-2, в том числе и на золотой ажурной нашивке на головном уборе (Чугунов, 2008, с. 101, рис. 1, 5; 2011а, с. 53, рис. 6, 2; Ćigunov, Parzinger, Nagler, 2010. Tafel 54, 4; 71, 3). Однако наиболее полными аналогиями ажурным кичигинским пластинам являются такие же пластины из кургана Шерубай в Центральном Казахстане (рис. 13, 23–25) (Бейсенов, 2011а, с. 8, 9).

В той же манере, что и на кичигинских поясных обоямах с изображением противопоставленных голов сайгаков (рис. 4, 1; 5, 9; 50, 2, 3), передана голова сайги на золотых бляшках, изображающих это животное в летящем галопе, из кургана 66 Южного Тагискена. На основании обнаруженного бронзового зеркала с петелькой на оборотной стороне и клювовидного каменного жертвенника курган отнесен к группе памятников, датироваемых в пределах VII – середины VI в. до н. э. (Итина, Яблонский, 1997, с. 27, 68, 70, рис. 65, 3–5). К поясным обоямам из Кичигино наиболее близка бронзовая бляшка, найденная в песках Курмангазинского района Атырауской области в Западном Казахстане (Тасмагамбетов, 2003, с. 122).

Форма головы хищника, изображенного на костяном гребне из кургана 2 Варненской группы в Южном Зауралье (рис. 3, 1; 5, 3; 57, 3), особенно манера передачи нижней челюсти, находит параллели в изображении головы фантастического грифона на бронзовых подпружных бляшках из кургана 23 могильника Сакар-чага 6 (Яблонский, 1996, рис. 20, 4, 8) и головы льва на золотых накладках из кургана 45 могильника Южный Тагискен. У львов из Южного Тагискена, так же как и у хищника из Варненского кургана, конец длинного хвоста закручен в спираль, близка и манера передачи частей фигуры широкими, общими рельефными плоскостями. Почти так же, как и на варненском гребне, переданы когти животного на фрагменте накладки из золотой фольги из кургана 59 этого же могильника (Итина, Яблонский, 1997, рис. 29, 1, 2; 55, 11).

Саяно-алтайское и приаральское направление аналогий изображению на гребне из кургана 2 Варненской группы находит подтверждение и в остальном инвентаре данного погребения (рис. 57). В могильной яме поверх гребня лежала костяная пластинка с треугольными вырезами на одной стороне, образующими крупные редкие зубья. Чуть южнее зафиксирован небольшой каменный овальный

жертвенник без ножек. На нем находились костяная трубочка, заполненная темно-голубым порошком¹ и закупоренная с двух сторон деревянными пробками, и костяной гребень клинообразной формы с короткими частыми зубьями. Все это было прикрыто костяной прямоугольной пластиной, имеющей по краю одиннадцать небольших отверстий. В двух сантиметрах южнее жертвенника найден бронзовый амулет-колесико (Боталов, Таиров, 1996, с. 118, рис. 3, 5–14; 4). Гребень с мелкими частыми зубьями близок к ткацким гребням из погребений VII–VI вв. до н. э. Верхнего Приобья (Ближние Елбаны) и поселения VII–VI вв. до н. э. Куясай 2 в Приаралье (Грязнов 1956а, с. 77–78, табл. XV, 1, 2; XVIII, 16; XXI, 4; Вайнберг, 1979, с. 17, 44, табл. Хб, 1–3). На поселении Куясай 2 найден и обломок гребня с зубьями на длинной стороне изделия (Вайнберг, 1979, с. 17, табл. Хб, 4). Имеются ли аналогии золотым наконечникам, выполненным схематически в виде птичьей головы, из кургана 2 Варненской группы (рис. 3, 5; 57, 4, 5), нам не известно. Однако следует отметить широкое применение этого мотива для придания формы различным предметам (жертвенникам, бляхам конской узды, оселкам) в VII–VI вв. до н. э. на территориях, расположенных к востоку от Урала (Членова, 1981, с. 13). Костяная прямоугольная пластина с отверстиями по краям, аналогичная варненской, но имеющая на лицевой стороне циркулярный орнамент, найдена в погребении кургана 5 могильника Бектениз в Северном Казахстане, включенного М.К. Хабдулиной в группу памятников VI–V вв. до н. э. (Хабдулина, 1994, с. 70, табл. 14, 19–25).

Из кургана 1 могильника Система I в Южном Зауралье происходит бронзовая подпружная пряжка с щитком в виде рельефного, сильно стилизованного изображения хищной птицы (рис. 58, 2). По форме щитка ей наиболее близки пряжки из курганов 8, 17, 51 могильника Уйгарак (Вишневская, 1973, табл. I, 19; II, 1, 2; XVI, I, 2) и кургана 40 могильника Южный Тагискен (Итина, Яблонский, 1997, рис. 22, 18, 19).

Южное Зауралье, Северный и Центральный Казахстан, а также Приаралье в VII–VI вв. до н. э. являются основными районами распространения овальных жертвенников без ножек или с четырьмя короткими, круглыми в сечении ножками (Мошкова, 2000, с. 204–206). Примечательно, что к жертвенникам на четырех невысоких ножках из кургана 2 могильника Целинный в Южном Зауралье (рис. 3, 43) и из могильников Даныйбай, Майкубень 2, кургана 3 Шедерты в Центральном Казахстане (рис. 12, 24, 27) наиболее близок жертвенник из кургана 47 могильника Уйгарак (Пшеничнюк, 1983, табл. XXVI, 6; Мар-

гулан. и др., 1966, рис. 14, 2; Бейсенов, 2001, рис. 4, 3; Пересветов, 2001, с. 283, рис. 1, 10; Вишневская, 1973, с. 86, табл. XV, 15; XXIV, 1).

По-видимому, только у кочевников степей Жайык-Иртышского междуречья и саков Приаралья в VII–VI вв. до н. э. использовались жертвенники клювовидной формы или в форме стилизованной головы хищной птицы (рис. 3, 44; 6, 19, 25; 58, 8) (Вишневская, 1973, с. 87, табл. II, 12; IV, 7; XVI, 15; Агапов, Кадырбаев, 1979, с. 99, рис. 7; Хабдулина, 1994, табл. 58, 3; Яблонский, 1996, рис. 21, 9; Итина, Яблонский, 1997, с. 41, 42; Мошкова, 2000, с. 204, 205; Савельев, 2000, с. 43, 44, рис. 1, 8). В Южном Зауралье жертвенник этого типа обнаружен также в погребении V в. до н. э. кургана 5 могильника Шатрово. За пределами степей Жайык-Иртышского междуречья нам известен лишь один клювовидный жертвенник – из могилы 5 кургана Аржан-2 (Чугунов и др., 2002, с. 123; Аржан..., 2004, с. 20).

Среди бронзовых дисковидных зеркал с бортиком и центральной ручкой-петелькой Т.М. Кузнецова в качестве самостоятельного варианта выделяет зеркала с петелькой-трапецией (I класс, I отдел, I тип, 3 вариант). Зеркала этого варианта найдены в Южном Зауралье (Кыштымский завод, случайная находка), Северном Казахстане (Бектениз, курган 10)² и в Юго-Восточном Приаралье (Южный Тагискен, курган 45). Западнее Урала единичные зеркала этого варианта известны на Центральном Кавказе, в Северном Предкавказье, на Верхнем и Нижнем Дону и в лесостепном Поднепровье. К востоку от Иртыша они зафиксированы в Минусинской котловине и Туве (Кузнецова Т.М., 2002, с. 39, 40. Карта № 3, табл. 14, 53, 293). Примечательно, что курган 10 могильника Бектениз является одним из весьма немногочисленных погребений VII–VI вв. до н. э. Северного Казахстана с сосудом в могильной яме (рис. 6, 17, 34). В то же время в могильниках Южный Тагискен и Уйгарак случаи обнаружения сосудов в могильных ямах довольно часты (Итина, Яблонский, 1997, с. 38, 39; Вишневская, 1973, с. 74).

Отражением связей ранних кочевников Северного Казахстана с населением Приаралья является, на наш взгляд, находка сосуда с трубчатым носиком-сливом в кургане 7 могильника Улубай (рис. 6, 33) (Хабдулина, 1994, табл. 14, 14), имеющего аналогии в материалах могильника Уйгарак (Вишневская, 1973, табл. XXII, 9–11). Об устойчивости этих связей говорят и сосуды, аналогичные среднеазиатским (в том числе сосуды с трубчатым носиком-сливом), зафиксированные на ряде поселений VIII–VII вв. до н. э. Центрального Казахстана (Ломан, 2003, с. 292;

Бейсенов, 2009, с. 10, рис. 2, 4; 2015, с. 24, рис. 2, 6; Бейсенов, Ломан, 2006, с. 38, рис. 1, 5; Бейсенов и др., 2015, с. 10, рис. 2, 10).

Характеризуя в целом контакты между номадами степей Жайык-Иртышского междуречья и племенами низовий Сырдарьи, отметим прежде всего то, что они были непосредственными и выступали в форме взаимодействия (взаимовлияния)³. Осуществлялись они главным образом в период зимовки на сопредельных территориях, то есть периодически, и охватывали, вероятно, широкие слои общества. По способу осуществления контакты могли быть как мирными, так и военными, связанными с борьбой за лучшие пастбища, со стремлением обогатиться за счет соседей и т. п. С функциональной точки зрения контакты эти, скорее всего, были не только хозяйственные, вернее технологические, но и потестарно-политические и духовно-идеологические. Заимствовались в основном образцы вооружения и конской упряжи. Потестарно-политические контакты выражались в заключении союзов, договоров, отправке посольств. Результатом духовно-идеологических контактов является, на наш взгляд, распространение однотипных предметов культа, в частности жертвенников и зеркал, близость искусства контактирующих обществ.

Связи с амударьинскими саками у кочевников Северного и Центрального Казахстана были опосредованные, ибо осуществлялись главным образом через племена Нижней Сырдарьи или Южного Зауралья. Не исключены и непосредственные эпизодические потестарно-политические контакты.

Исходя из предположения о существовании уже в VII–VI вв. до н. э. кочевого цикла Приаралье – Приуралье, можно полагать, что кочевники Южного Зауралья вступали с амударьинскими саками и в непосредственные связи на местах летовок, в восточных и северных районах Южного Приуралья. В таком случае по своему характеру, способу осуществления и функциональной направленности контакты номадов Южного Зауралья с кочевыми племенами Южного Приаралья (низовья Амударьи) мало отличались от контактов с саками Юго-Восточного Приаралья (низовья Сырдарьи).

2. Кочевники степей Жайык-Иртышского междуречья и население Зауральско-Западносибирской лесостепи

Если одно направление связей номадов тасмолинской историко-этнографической общности – связи с кочевниками и полукочевниками Центральной

(Средней) Азии и, в частности, Приаралья – было обусловлено расположением зимних пастбищ, то другое (с лесостепными племенами Зауралья и Западной Сибири) – местонахождением летовок.

В конце эпохи бронзы лесостепные пространства Зауралья и Западной Сибири были заняты племенами – носителями культур межовско-ирменского пласта. В период, переходный от эпохи бронзы к раннему железу, они испытали мощное давление лесных по происхождению культур с крестово-штамповой орнаментацией керамики. С севера в сторону лесостепи, но преимущественно по лесным ландшафтам, продвигались лозьвинско-атлымские племена, что привело к изменению облика культур южной кромки тайги и севера лесостепи, к формированию кратковременной, но ярко выраженной общности культур крестовой керамики. В горно-лесном Зауралье это гамаюнская, в Приоболье и Прииртышье – карьковско-красноозерская, в Томско-Нарымском Приобье – молчановская, в Новосибирском Приобье – ранняя завьяловская культуры.

Все лесостепные культуры и типы керамики эпохи раннего железа Зауралья и Западной Сибири от Урала до Барабы Л.Н. Корякова включает в Тоболо-Иртышскую культурно-историческую провинцию. Определяющая роль в формировании археологической ситуации начала железного века в провинции принадлежала, по ее мнению, саргатской культуре, что и предопределило выделение саргатской общности. Под последней она понимает «всю совокупность культурных образований в пределах провинции» (Корякова, 1993, с. 20, 23).

В VII–VI вв. до н. э. (предсаргатский этап) в западном (зауральском) ареале Тоболо-Иртышской провинции переплелись несколько линий культурного развития, несколько традиций, связанных с различными генерациями и проявляющих себя в разных типах керамики (Корякова, 1993, с. 23–26).

Первая, иткульская, линия объединяет памятники, близкие к иткульским: воробьевские, носиловские, зеленомысские. Они образуют своеобразную общность, или исетскую ассоциацию. Ее характеризуют преобладание гребенчатой орнаментации с включением ямочных узоров в украшении керамики, полуземляночные и наземные постройки небольшой площади, сочетание открытых поселений, укрепленных производственных площадок и городищ. Появлению отмеченных групп способствовало разделение межовско-бархатовской субстратной основы путем сегментации общин и перехода их на определенную хозяйственную специализацию в ведущих отраслях: металлургию, скотоводство, охоту и рыболовство (Бельтикова и др., 1991, с. 108, 109).

На предсаргатском этапе эта линия развития была ведущей в зауральском ареале (Корякова, 1993, с. 29, 30).

Вторая, байтовская, линия развития маркируется комплексами, содержащими керамику с преобладанием ямочно-накольчатых орнаментов. Она занимает промежуточное место на стыке западного и восточного ареалов Тоболо-Иртышской провинции, между исетской общностью и зарождающейся саргатской, больше тяготея к первой. Байтовская линия развития принадлежала, скорее всего, сузгунско-бархатовской генерации. Хронологически байтовский тип совпадает с предсаргатским этапом, заходя в саргато-гороховский (V–III вв. до н. э.). На Тоболе байтовские группы сосуществовали на каком-то хронологическом промежутке с носиловскими, воробьевскими, иткульскими и гороховскими (Корякова, 1993, с. 30, 31).

Третья линия развития представлена гороховскими древностями. Для нее характерны укрепленные и неукрепленные городища со сложной архитектурой жилых и оборонительных сооружений, могильники с явной социально-имущественной дифференциацией погребенных, тальковая керамика с преобладанием грубых резных узоров. Этот культурный комплекс оформился к концу предсаргатского этапа. По мнению Л.Н. Коряковой, «гороховская культура есть результат генетического процесса, при котором часть местного населения, принадлежавшего исетской общности, но имевшего саргаринско-межовские корни, под влиянием ряда причин... переходила к подвижному скотоводству. Кочевники, являясь также участниками этого процесса, играли роль своеобразного катализатора». Появление гороховской культуры положило начало культурной нивелировке в западном ареале провинции, но не сломало системы связей, концентрирующихся вокруг иткульского металлургического очага. Поэтому зауральские памятники демонстрируют пестроту керамических традиций.

Если на западе Тоболо-Иртышской провинции определяющая роль в становлении культур принадлежала кругу традиций исетской (иткульской) ассоциации, на которые наложились гороховские, то на востоке аналогичный процесс шел на позднеирменской основе. Ирменская культура (общность), кроме прочего, дала начало большереченской и саргатской. Определенное влияние на сложение саргатского керамического комплекса оказали и другие культурные образования (Корякова, 1993, с. 32–34).

Характеризуя историческую ситуацию в Тоболо-Иртышской провинции в предсаргатское время, следует отметить, что в лесостепи в это время шла

борьба за преобладание со стороны северных (лесных по происхождению) и южных (степных) культур. Положение стабилизировалось к V в. до н. э., когда лесостепь прочно вошла в сферу влияния степных обществ. Этот процесс проходил вместе с утверждением саргатских культурных стереотипов, сосуществовавших в начале с другими, но дольше всех – с гороховскими (Корякова, 1993, с. 36).

В VII–VI вв. до н. э. в горно-лесной зоне Урала и в Зауралье складывается иткульская культура, на базе которой развивается мощный очаг цветной металлургии. В более восточных районах Зауральской лесостепи идет постепенная трансформация обществ межовско-бархатовского пласта в группу предсаргатских культур (носиловская, байтовская, воробьевская), сопровождавшаяся преимущественным развитием полукочевого скотоводства.

В VIII–VII вв. до н. э. Зауральско-Западносибирская лесостепь была еще слабо связана с формирующейся в степях Жайык-Иртышского междуречья сакской культурой. В ней сохранялись, по мнению Л.Н. Коряковой (1993, с. 25), собственные внутренние отношения, к тому же с севера она испытывала давление лесных по происхождению культур. Однако если в VIII в. до н. э. влияние на лесостепное население, оставившее памятники носиловского, байтовского, воробьевского типов, иткульской и гамаюнско-культуры (Хабдулина, 1994, с. 77; Таиров, 2000а, с. 7–8), со стороны кочевого мира степи было едва ощутимо, то уже в VII в. до н. э. воздействие сакского мира значительно усилилось (Корякова, 1997, с. 138).

Благоприятные климатические условия VII–VI вв. до н. э. (Таиров, 2003, с. 48, 49) способствовали широкому освоению номадами степной и южной лесостепной зон. В Южном Зауралье это время характеризовалось большей, чем в настоящее время, увлажненностью при возможно более низкой среднегодовой температуре (рис. 28). Такие климатические условия способствовали увеличению продуктивности пастбищ по сравнению с предшествующей эпохой (3600–3000 л.н.). В Северном Казахстане количество осадков в VII–VI вв. до н. э. было близко к современной норме, но климат оставался по-прежнему континентальным. Темно-каштановые почвы сухих степей эволюционировали в южные черноземы, в связи с чем возросла продуктивность пастбищ.

Судя по расположению курганов, ранние кочевники VII–VI вв. до н. э. занимали весьма обширные территории в пределах современной Зауральско-Западносибирской лесостепи. В Южном Зауралье ими была освоена вся современная южная лесостепь

до реки Миасс на севере. По-видимому, Миасс и являлся той естественной границей, которая отделяла лесостепное зауральское население от беспокойного кочевого мира. В Северном Казахстане в VIII–VI вв. до н. э. граница между лесостепным и степным мирами проходила по широте современного города Петропавловска (Хабдулина, 1994, с. 76).

О контактах лесостепного населения со Степью в раннесакское время свидетельствуют материалы поселений и городищ, расположенных в лесостепи Зауралья, Притоболья и Тоболо-Иртышского междуречья. Это находки бронзовых зеркал с центральной петлей на обороте; бронзовых ножей без выделенной или слабо выделенной рукоятью, иногда с отверстием на ее конце или с кольчатым навершием, и форм для их отливки; бронзовых двухлопастных втульчатых, двух- и трехлопастных черешковых наконечников стрел и форм для их отливки; бронзовых амулетов-колесиков; железных булавок, схожих с булавами из кургана 2 могильника Целинный; предметов конской упряжи (Абрамова, Стефанов, 1981, с. 93, рис. 17–22; 25; 26; Бельтикова, 1977, с. 131, 132; 1982, с. 65–69, 73, 74; 1986, с. 71, 73; 1988, с. 113, 114; Бельтикова, Стоянов, 1984, с. 141; Потемкина, 1985, рис. 108, 265, 266; Матвеева Н.П., 1989, с. 92–96; 1994, с. 11; 1995, с. 78; Корочкова, Стефанов, 1991, с. 61; Могильников, 1992, табл. 115, 5; 116, 2–5, 13; 117, 11–14; Любчанский, Наумов, 1996, с. 169; Корякова, 1997, с. 138; Боталов и др., 2016, с. 347–350, рис. 5). Через территорию Южного Зауралья или Северного и Центрального Казахстана проникли в глубь лесостепи биметаллические чеканы (Членова, 1981, с. 4, 5, рис. 1, 6; Могильников, 1992, табл. 116, 10) и бронзовые кинжалы (Абрамова, Стефанов, 1981, с. 93, рис. 16; Боталов и др., 2016, с. 347–349, рис. 5, 11, 12). Необходимо подчеркнуть, что абсолютное большинство предметов, имеющих аналогии в кочевом мире, происходят из памятников иткульской культуры – основной металлоносной культуры Урала (Бельтикова, 1981, с. 125).

Вероятно, имело место и прямое проникновение воинских контингентов номадов в Зауральско-Западносибирскую лесостепь. Об этом, на наш взгляд, свидетельствуют ранние (VII – первая половина VI в. до н. э.) погребения Прыговского могильника на Средней Исети. В инвентаре этих погребений, к сожалению разграбленных, присутствуют рамчатая пряжка со шпеньком, кольцевая застежка, бронзовые слабовыпуклые и плоские бляхи со шпеньком или петлей на обороте, бронзовые двухлопастные втульчатые, трехлопастные и трехгранные черешковые, ромбические в сечении втульчатые наконечники стрел (Шарапова, 1997, с. 31, 32; Корукова and

others, 2000, с. 65, 67, рис. 2; Корякова и др., 2011, с. 62–71). С проникновением кочевников в Тоболо-Ишимское лесостепное междуречье, вероятно, связано и разрушенное погребение 7 кургана II могильника Фоминцево, где был найден бронзовый трехгранный черешковый наконечник стрелы (Генинг, Голдина, 1969, с. 94, 96, табл. 43, 1; Хабдулина, 1994, с. 81, 82). Однако эти проникновения не привели к оседанию кочевников в лесостепи (Савельев, 2003, с. 131). Оставленные же номадами погребения в современной лесостепной зоне маркировали, на наш взгляд, лишь крайние пределы их летних кочевий, являясь своеобразным символом «сферы интересов».

В кургане 1 могильника Малинино 3 (Западная Бараба), в погребении женщины (?), лежащей на правом боку с согнутыми в локтях руками и подогнутыми ногами, головой на запад, найдено глиняное блюдо-алтарик (жертвенник) на четырех коротких ножках. Этот жертвенник отличается от всех известных в настоящее время подобных изделий, зафиксированных в Барабе (Молодин и др., 1999, с. 442, 443, рис. 1, 1, 2). По своей форме это блюдо-алтарик наиболее сходно с каменным жертвенником на четырех коротких ножках из кургана 2 могильника Целинный в Южном Зауралье – VII–VI вв. до н. э. (рис. 3, 43) (Пшеничнюк, 1983, табл. XXVI, 6) и жертвенником из кургана 47 могильника Уйгарак – VI в. до н. э. (Вишневская, 1973, с. 86, табл. XV, 15; XXIV, 1). Подобные каменные жертвенники, как уже отмечалось, обнаружены также в могильнике Даныбай и в кургане 14 могильника Майкубен 2 в Центральном Казахстане – VII–VI вв. до н. э. (рис. 12, 24, 27) (Маргулан и др., 1966, рис. 14, 2; Бейсенов, 2001, рис. 4, 3)⁴. Не пытаясь интерпретировать погребение в кургане 1 могильника Малинино 3, отметим лишь «специфичность погребального обряда на фоне известных памятников этого времени (первая половина I тыс. до н. э. – А.Т.) в Барабе и отсутствие других категорий инвентаря, прежде всего керамики» (Молодин и др., 1999, с. 443).

Рассматривая контакты номадов степей Жайык-Иртышского междуречья с племенами Зауральско-Западносибирской лесостепи, следует иметь в виду, что форма, интенсивность, характер, способ осуществления и функциональная направленность их у племен Северного Казахстана и Южного Зауралья были различны.

В связи с бедностью минерально-сырьевых ресурсов лесостепные просторы Западной Сибири были малопривлекательны для кочевников Северного Казахстана. Необходимость же в расширении пастбищ в VII–VI вв. до н. э. благодаря благопри-

ятным природным условиям в самом Северном Казахстане, вероятно, еще отсутствовала. Поэтому контакты номадов этого региона с племенами лесостепи Западной Сибири хотя и были непосредственными, но осуществлялись, вероятнее всего, нерегулярно и вряд ли охватывали широкие слои общества. Маневры со стороны кочевников были прежде всего военными, военно-грабительскими, имеющими целью получение добычи. Однако, как нам кажется, нельзя исключать и технологические контакты, связанные с распространением орудий и навыков. Вероятно, имели место и какие-то формы матриониальных связей.

Иначе строились взаимоотношения между кочевниками Южного Зауралья и племенами лесостепного Зауралья и Притоболья. На рубеже VIII–VII вв. до н. э. в лесостепи Южного Зауралья появляются первые городища – сначала гамаюнские, затем иткульские. Среди причин, обусловивших их строительство (необходимости закрепления на осваиваемых землях у гамаюнец и потребности в охране средств металлургического производства, технических секретов и производимого продукта у иткульцев), главной, определяющей следует считать необходимость эффективной защиты от кочевников (Борзунов, 1992, с. 36, 37; 1995, с. 226, 236). Строительство фортификаций явилось закономерной реакцией лесостепного населения Зауралья на агрессивность их степных соседей. Как отмечает В.А. Борзунов (1995, с. 226), цель гамаюнских и иткульских фортификаций, оформившаяся к VI–IV вв. до н. э. по рекам Багаряк, Синара, Средняя Исеть, защищала внутренние лесные районы от экспансии кочевых племен.

Чем же привлекала южноуральских номадов Зауральская лесостепь? Вряд ли она могла снабжать кочевников продуктами земледелия, которое здесь если и существовало, не могло иметь в силу специфических природных условий широкого распространения. Главную роль в хозяйстве лесостепных зауральских племен играло скотоводство. Ощущима была и роль охоты; главными промысловыми животными были лось и косуля. Промысел пушных видов имел солидное значение лишь в Зауральской лесостепи, у племен восточного склона Урала (иткульская, гамаюнская культуры) он был очень мал и ограничивался, видимо, только собственным потреблением (Сальников, 1962, с. 39; Стоянов, 1977, с. 152–154, 157; Матвеев, 1986, с. 87; Косинцев, 1986, с. 88, 89; Корякова, 1988, с. 140–151; Матвеева, 2000, с. 54–60, 111–113; Бельтикова, 2005, с. 168).

Главное, что привлекало кочевников Южного Зауралья, то, ради чего они стремились на север, был, очевидно, металл – медь и железо, ибо «...те пле-

мена, которые оказываются лучше обеспеченными металлом, получают преимущество над соседями» (Павленко, 1989, с. 166). Именно потребность в металле стимулировала их активную деятельность на северных рубежах своей территории. Показательно в этом отношении то, что большинство предметов, имеющих аналогии в кочевом мире, происходят, как уже указывалось, из памятников иткульской культуры. Ее поселения и городища тянутся полосой вдоль восточного склона Уральского хребта, от верховьев реки Реж до озера Чебаркуль, восточная граница проходит примерно по устью реки Синара (Стоянов, 1969, с. 57, 59, рис. 29; Бельтикова, 1977, с. 125; 1997, с. 7; 2005, с. 162–164; Таиров, 2000а, с. 45).

Именно на территории локализации иткульской культуры – на восточных склонах Уральского хребта – сосредоточивались крупные запасы медных руд, разработка которых началась еще в эпоху бронзы (Черных, 1970, с. 37, рис. 32, с. 44–47, 122–125). Месторождения меди были и на территории, занимаемой ранними кочевниками Южного Зауралья, и они также активно разрабатывались в эпоху бронзы (Сальников, 1967, с. 275–279; Черных, 1970, с. 37, 40–44, 108–112, 122–125). Однако нет никаких данных об их эксплуатации в раннем железном веке. С конца эпохи бронзы прекращается эксплуатация рудников Таш-Казган и Никольское в Южном Зауралье (Кузьминых, Агапов, 1989, с. 196), а с началом раннего железного века – Каргалинского горно-металлургического комплекса в Южном Приуралье (Черных, 1997, с. 31; 1997а, с. 80, 81). Отсутствуют какие-либо данные и об эксплуатации в раннем железном веке медных месторождений в Мугоджарах, тем более что и в эпоху бронзы месторождения этого региона вряд ли выступали в качестве сколько-нибудь значительного экспортера меди (Берденов, 2002, с. 81).

Если кочевники и занимались добычей металла, о чем свидетельствуют археологические, исторические и этнографические данные (Черников, 1948, с. 13–32; 1960, с. 120; Зиманов, 1958, с. 50; Маргулан и др., 1966, с. 417, 418; Маргулан, 1972, с. 3–30; 1973, с. 3–42; Назаров, 1968, с. 29; История Казахской ССР, 1977, с. 205, 206, 240, 409; 1979, с. 63, 343), то занимались этим вынужденно, поскольку выгоднее, рациональнее для кочевников было получать металл от своих соседей, обменивая его на скот и продукты скотоводства. А если таких соседей не оказывалось или металлодобыча у них была развита слабо, кочевники сами разрабатывали рудные месторождения. Так, по-видимому, обстояло дело у кочевников Центрального и Северного Казахстана. Их северные и северо-восточные соседи на территории

Западно-Сибирской низменности не имели крупных запасов медных руд. Получение же необходимого количества металла с Алтая, лежащего в стороне от традиционных путей сезонных миграций, на территории, контролируемой другими кочевыми племенами, было затруднено. Поэтому скотоводческие племена Центрального и Северного Казахстана продолжали разработки известных еще с эпохи бронзы медных месторождений (Маргулан и др., 1966, с. 417, 418; Маргулан, 1972, с. 3–30; История Казахской ССР, 1977, с. 205, 206; Кузнецова Э.Ф., 1993, с. 176, 178).

Номады Южного Зауралья VII–VI вв. до н. э. в основном получали металл и изделия из него из наиболее близких горно-металлургических центров Центрального Казахстана. Рудные источники Центрального Казахстана и более восточных областей находились в руках кочевых племен, поэтому поступление металла отсюда являлось, скорее всего, проявлением различных форм обмена и вряд ли было результатом торговых операций. То, что номады производили в количествах, значительно превышающих внутренние потребности, – скот и продукты скотоводства, не могло выступать товаром при торговле или обмене между кочевниками (тем более что примерно одинаковые природные условия Южного Зауралья и Центрального Казахстана определяли и одинаковый состав стада). Внеэкономические же способы получения металла, в частности военные набеги, хотя и давали некоторый его приток, однако не могли в силу общего уровня социально-экономического развития и относительно равного уровня военного дела и военной организации обеспечить его устойчивого и в требуемых количествах поступления. Набеги по самой своей сущности являлись слишком ненадежным и нестабильным каналом самообеспечения вообще, слишком зависящим от баланса сил в каждый конкретный исторический момент.

Потребность в металле была постоянной. Он был нужен для изготовления оружия, украшений, орудий труда, конской упряжи и т. п. Вот почему крайне важно было его поступление – регулярное и в достаточном количестве. Поэтому кочевники Южного Зауралья, вероятно, уже в VII–VI вв. до н. э., сделали ставку на ближайших его производителей – племена Зауральской лесостепи, в частности племена иткульской культуры.

Для иткульцев, способных обеспечить себя в достаточном количестве не только металлом, но и скотом, и продуктами скотоводства, эти связи не были так необходимы, как для их южных соседей. Естественно, при благоприятных условиях кочевники не прочь были добыть необходимый им металл силой, путем грабительских набегов. Именно это стало

одной из причин, наряду с внутренними, социально-экономическими факторами развития местных обществ, появления и широкого распространения в лесостепном Зауралье укрепленных поселений (Борзунов, Новиченко, 1988, с. 99–101; Борзунов, 1992, с. 36, 37; 1995, с. 226, 236). Как отмечает В.А. Борзунов, строительство укрепленных поселений явилось закономерной реакцией лесостепного населения Зауралья на агрессивность степняков (Борзунов, 1995, с. 226).

Одним из наиболее ранних свидетельств военной активности кочевников на южных рубежах иткульского мира является, на наш взгляд, погребение 3 в кургане 2 могильника Иртыш 14 (рис. 54), датированное второй половиной VII в. до н. э. (Гаврилюк, Таиров, 2002; 2006). О достаточно раннем проникновении кочевников в ареал иткульской культуры говорят находки подпружной пряжки в виде свернувшегося в кольцо кошачьего хищника с берегов озера Иртыш, бронзовой бляшки той же формы с озера Увильды (рис. 3, 2, 4; 5, 11, 15, 21; 57, 16, 17) (Таиров, 2007, рис. 44, 16, 17), клада конской упряжи с подпружной пряжкой в виде свернувшегося в кольцо кошачьего хищника с озера Травакуль (рис. 52, 12–15), являющегося в настоящее время заливом озера Иртыш (Васина, Таиров, 2016, с. 13, фото 1). Иртышская пряжка по схеме изображения датируется второй половиной VII – началом VI в. до н. э. (Полидович, 1994, с. 73, рис. 1, 1); к этому же времени, очевидно, относятся увильдинская и травакульская находки.

На берегах озер Иртыш и Большая Нанюга находится несколько городищ иткульской культуры (Иртышское I и II, Семеновское и др.). Эти памятники вместе с Иткульским I городищем на озере Иткуль, в 30 км севернее озера Иртыш, входят в Иртышское гнездо культуры, которое функционировало в VII–IV вв. до н. э. (Бельтикова, 1993, с. 98; 1997, с. 19, 20). Наиболее ранний памятник гнезда – Иткульское I городище – является также одним из первичных металлургических центров иткульского очага медной металлургии. Время существования городища Г.В. Бельтикова определяет концом VII – началом IV в. до н. э. (1986, с. 77), концом VII – V в. до н. э. или VII–IV вв. до н. э. (Бельтикова, 1993, с. 98, 99; 2005, с. 184).

Появление иткульских городищ на берегах Иртыша и прилегающих к нему озер Г.В. Бельтикова (1993, с. 102) относит к VI в. до н. э. Второй половиной VI – IV в. до н. э. датировал Иртышскую группу памятников А.М. Наумов (2016, с. 196) Время функционирования Иртышского I городища Г.В. Бельтикова определила первоначально VI–III вв. до н. э., позднее – второй половиной VI – IV в. до н. э. или V–IV вв. до н. э., а А.М. Наумов отнес его к периоду

V–IV вв. до н. э. (Бельтикова, 1977, с. 131; 1993, с. 98, 99; Наумов, 2016, с. 196). Но, как представляется, более вероятной его нижней датой является VI в. до н. э. или VII–VI вв. до н. э. Найденные на городище бронзовые зеркала с петлей на обороте – одно из них с высоким вертикальным бортиком, другое без бортика (Бельтикова, 1977, рис. 4, 6, 17) – датируются, как правило, VII–VI вв. до н. э., а к V в. до н. э. они почти полностью исчезают. В пределах VI–IV вв. до н. э. датируется Иртышское II городище, в материалах которого имеется костяная матрица под бронзовый двухлопастный втульчатый наконечник стрелы листовидной формы (Любчанский, Наумов, 1996, с. 169, 174, рис. 6, 7; Наумов, 2016, рис. 49, 3).

Обращает на себя внимание совпадение во времени процесса становления иткульской культуры и функционировавшего на ее базе металлургического очага и начала активного проникновения кочевников в лесостепь, в частности в ареал формирующейся иткульской культуры. Как представляется, именно потребность кочевого мира в цветном металле определила становление и стимулировала дальнейшее развитие иткульской культуры и иткульского очага металлургии, который и в дальнейшем был тесно связан со Степью (Кузьминых, 1993, с. 122; Корякова, 1997, с. 140; Савельев, 2000, с. 35).

Однако набеги, как уже отмечалось, не могли обеспечить регулярного и в необходимых объемах поступления металла; когда обе стороны, кочевники и оседлое население, сохраняют свою политическую самостоятельность, эксплуатация подобного рода не является надежно гарантированной, не имеет каких-либо строго фиксированных форм. Кроме того, и это, пожалуй, главное – набеги не стимулировали производства металла, да и не только металла, тая в себе и возможность разрушения самих основ хозяйственной жизни оседлого населения. Поэтому набеги не могли удовлетворить все возрастающие потребности в металле кочевников Южного Зауралья.

Одним из способов обеспечения бесперебойного поступления в достаточном количестве жизненно важных для кочевников продуктов (земледелия, ремесла, металлургии) на самых выгодных для них условиях, способом, к которому стремились все кочевники, а при благоприятных условиях и проводили в жизнь, было внеэкономическое подчинение (завоевание) их производителей. В этом случае необходимые номадам продукты поступали в виде регулярной дани в обмен на покровительство, защиту от других кочевников и т.д. (Хазанов, 1973, с. 11; 1975, с. 256; Першиц, 1976, с. 290; Скорый, 1987, с. 71, 72)⁵. Мы полностью согласны с мнением М.Г. Мош-

ковой, что «разделение труда у савромато-сарматских скотоводов-кочевников (в том числе и южнозауральских кочевников. – А.Т.) с оседлыми земледельческо-скотоводческими племенами складывалось, вероятно, в даннической форме. Получая от своих соседей (в основном северных) изделия из бронзы, железа и, возможно, какие-то продукты земледелия, савромато-сарматы давали взамен гарантии «покровительства» (Мошкова, 1989, с. 206). «Характерной особенностью данничества как формы эксплуатации было то, что при даннических отношениях речь шла об изъятии прибавочного (а иногда и части необходимого) продукта у побежденных коллективов, которые тем не менее в основном сохраняли свою целостность как социально-потестарные и экономические общности» (История первобытного общества..., 1988, с. 120; см. также: Хазанов, 1976, с. 274, 276; Першиц, 1976, с. 290–292).

Таким образом, результатом военной активности южноуральских номадов в VII–VI вв. до н. э. в Зауральской лесостепи явилось установление, по всей вероятности, системы даннических отношений – в обмен на гарантии «покровительства» иткульские племена поставляли кочевникам цветной металл и изделия из него. При этом иткульцы, очевидно, в основном сохраняли свою целостность как социально-потестарная и экономическая общность.

Военно-грабительский характер первых контактов, а в дальнейшем и даннические отношения привели к почти полному отсутствию культурно-идеологических контактов между иткульцами и кочевниками. Их взаимоотношения, не затрагивая сферу духовной культуры, ограничивались лишь постоянными хозяйственными контактами, в которые вступали отдельные, прежде всего элитарные, группы населения (Таиров, 2002а, с. 108).

Ситуация, имевшая место в VII – начале VI в. до н. э. в ареале иткульской культуры, была близка, на наш взгляд, к той ситуации, которая сложилась в киммерийское время на правобережье лесостепного Среднего Поднепровья. Здесь присутствуют три основные группы киммерийских памятников. Это, во-первых, погребения, во-вторых, предметы киммерийского вещевого комплекса на поселениях автохтонного населения и, в-третьих, многочисленные случайные находки, в числе которых преобладают воинские аксессуары. Причину, по которой киммерийцы, а впоследствии и скифы продвинулись на север, в лесостепные пределы, С.А. Скорый (1993, с. 90–92) видит в стремлении овладеть источником получения металла, игравшего огромную роль в военном быте номадов. Не исключено, что поиски источников получения металла были одной из

главных причин, побудивших киммерийцев, а затем и ранних скифов проникнуть на территорию Южного Урала (Гуцалов, 2000а, с. 65; 2001). Показателен в этом плане анализ металла из краснознаменских курганов (Северный Кавказ) середины – конца VII в. до н. э. Он, во-первых, происходит, вероятнее всего, из рудных месторождений на севере Мугоджар (группа ЕУ)⁶ и неясного источника, расположенного к востоку от Урала (группа ВУ); во-вторых, близок металлу синхронных памятников Северного Кавказа и Украины (хутор Алексеевский, Келермес, Нартан, Жаботин, Емчиха, Медвина) (Барцева, 1989, с. 115, 116).

С киммерийцами на Южном Урале мы связываем олений камень из Большого Гумаровского кургана, выполненный в той же традиции, что и предкавказские и некоторые причерноморские стелы (Исмагилов, 1988, с. 33; Ковалев, 2000, с. 161, 162). Под влиянием киммерийцев в Южном Зауралье появились и своеобразные бронзовые «киммерийские» кинжалы (рис. 59, 15, 16) (Таиров, 2002). Попытка же связать олений камень с погребением 3 Большого Гумаровского кургана привела А.А. Ковалева к сложному построению: «Комплекс из Гумарова говорит теперь об одновременном бытовании – только в Южном Приуралье! (подчеркнуто нами. – А.Т.) - олений камень с изображениями "черногорской" диадемы и мечей раннечерногорского типа, наконечников стрел новочеркасского типа и типа Енджи, а также изображений оленей в скифском зверином стиле» (Ковалев, 2000, с. 162).

С присутствием на территории Южного Урала ранних скифов мы связываем прежде всего погребение 3 Большого Гумаровского кургана, а также, вслед за С.Ю. Гуцаловым, погребение 1 кургана 59 могильника Целинный I (конец VII – первая половина VI в. до н. э.) и погребение 1 кургана 17 могильника Покровка 2 (не позднее середины VI в. до н. э.) на Илеке (Гуцалов, 1998, с. 130, 131; 2000, с. 92, 93; 2000а, с. 65; 2001а, с. 55).

Датировка погребения 3 Большого Гумаровского кургана определяется разными исследователями в интервале от второй половины VIII в. до н. э. до первой половины VII в. до н. э. или даже VII–VI вв. до н. э. (Исмагилов, 1988, с. 29–47; Членова, 1988, с. 8; 2004, с. 224; Петренко, 1990, с. 75; Зуев, Исмагилов, 1999, с. 105, 106; Ковалев, 2000, с. 162; Вальчак, 2004, с. 23). Интерпретируется же оно чаще всего как памятник древнейших скифов, фиксирующий их продвижение с азиатской прародины (Исмагилов, 1986, с. 63, 64; 1988, с. 44–46; Зуев, 1989, с. 133; Курочкин, 1992, с. 107). Однако в колчане из этого погребения, наряду с наконечниками стрел восточных

форм, присутствуют формы, совершенно не характерные для азиатских степей, но зато довольно широко распространенные в это время в европейской части степного пояса, в том числе и в Предкавказье (Исмагилов, 1988, с. 39, рис. 6, 36–57; 7, 78–88). Поэтому памятник этот вряд ли мог быть оставлен при движении с востока на запад.

Открытие Большого Гумаровского кургана, по мнению Р.Б. Исмагилова (1988, с. 45; 1989, с. 140), подтвердило высказанные ранее предположения о размещении «отложившихся скифов» в Южном Приуралье (Мачинский, 1971, с. 31, карта 1 и 2; Доватур и др., 1982, с. 108, 109, 248, 249, 348; Яйленко, 1983, с. 65). Это заключение Р.Б. Исмагилова нашло поддержку у ряда исследователей (Членова, 1988, с. 9, 10; Зуев, 1989, с. 133; Гуцалов, 1998, с. 131)⁷.

Следует напомнить, что центром расселения древнейших скифов, осуществивших продвижение на юг Восточной Европы, стали районы Северного Кавказа и Предкавказья. Эти территории рассматриваются большинством исследователей в качестве плацдарма, с которого происходит проникновение скифских воинских контингентов в Закавказье, Переднюю Азию и лесостепное Поднепровье (Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 20, 25, 357, 358; Погребова, Раевский, 1989, с. 59; Раевский, 1995, с. 91; Мурзин, 1984, с. 96, 104; 1990, с. 47, 50).

Нам кажется, что Гумаровское погребение не только фиксирует «одно из направлений расселения кавказско-переднеазиатских носителей раннескифского комплекса на север» (Погребова, Раевский, 1992, с. 240), но и является одним из наиболее ранних свидетельств проникновения «скифских» воинских контингентов с территории Предкавказья в Южное Приуралье и Зауралье. Наиболее активное же движение скифского этнического компонента, прежде всего воинских контингентов, в этом направлении, так же, как и на другие территории, происходит на рубеже VII–VI вв. до н. э., после возвращения их из переднеазиатских походов (Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 308; Погребова, Раевский, 1989, с. 60, 61, 64; 1992, с. 217–219; Раевский, 1995, с. 93, 94; Галанина, 1997, с. 137). Именно к этому времени, к концу VII – первой половине VI в. до н. э., относится курган 59 могильника Целинный I на Илеке в Южном Приуралье, интерпретируемый С.Ю. Гуцаловым, с мнением которого вполне можно согласиться, как памятник ранних скифов. С продвинувшимися в Южное Приуралье «скифами» он связывает еще несколько комплексов VI в. до н. э. – погребение 2 кургана 8 у с. Бурдыгино в бассейне Самары, погребение 1 кургана 17 могильника Покровка 2 на Илеке (Гуцалов, 1998, с. 130, 131; 2001а, с. 55).

3. Ананьинские племена и сакский мир

Включение ранних кочевников Южного Зауралья VII–VI вв. до н. э. в сакскую историко-этнографическую область позволяет, на наш взгляд, несколько по-иному рассмотреть вопрос о связях ананьинских племен с сакским миром. Существование их не вызывает сомнений, и документируются они находками в Волго-Камье многочисленных изделий, характерных для восточных районов Евразии: предметов вооружения (кинжалы, чеканы, наконечники стрел), удил, уздечных принадлежностей, зеркал, поясных наборов, украшений и т. п. (Збруева, 1952, с. 178–184; Арсланова, 1976, с. 49, 50; Халиков, 1976, с. 4; Корепанов, 1979, с. 141; Иванов В.А., 1980, с. 78–84; Членова, 1981, с. 4–17; Патрушев, 1984, с. 123–126; 1987, с. 36; Кузьминых, 1983, с. 116–119, 126, 135–142; Коренюк, 1999, с. 122, 123; Васильев, 2004, с. 276; и др.).

Но как, каким путем осуществлялись контакты ананьинских племен с сакским миром? Н.Л. Членова, рассмотрев наиболее точные аналогии ряда предметов ананьинской культуры в памятниках Урала, Сибири и Казахстана начала железного века, пришла к выводу о преобладании в это время иртышско-алтайских связей ананьинских племен, которые могли быть торговыми. Направление этих связей, по ее мнению, «совпадает с направлением течения Иртыша – с юго-востока, через Восточный Казахстан на северо-запад, в Западную Сибирь» до Омска. Далее, возможно, северным путем – по Иртышу до Тобольска и оттуда по Тоболу до Исети, или более южным (Членова, 1981, с. 16, 17). Такой путь совпадает в некоторых своих частях с направлением торговых караванных дорог, связывающих Восточный Казахстан с Уралом и Приуральем в Средневековье (Батраков, 1958, с. 12, 13). Однако, как нам кажется, в VII–VI вв. до н. э. в степях восточной части Евразии вряд ли существовала караванная торговля. В это время в Степи и примыкающих к ней с юга регионах еще только складывались ее предпосылки. Свидетельств же поэтапного межплеменного обмена, связывающего Восточный Казахстан и Алтай с Уралом, у нас нет – находки предметов, которые можно связать с сакским миром, в лесостепном Тоболо-Иртышском междуречье чрезвычайно редки. И они скорее свидетельствуют не о торговых связях Урала и Восточного Казахстана, а о контактах местных племен с кочевниками Северного и Центрального Казахстана.

Вероятнее всего, в VII–VI вв. до н. э. связи ананьинских племен с сакским миром (в том числе и с Восточным Казахстаном и Алтаем) осуществлялись

двумя путями. Первый, западный, – через Западную (Приуральскую) Башкирию, Южное Приуралье и Приаралье (низовья Амударьи и Сырдарьи). Второй, восточный, – через лесостепное Зауралье (иткульская культура), Южное Зауралье и низовья Сырдарьи, Чу и Сарысу. Направление этих связей совпадает с маршрутами ежегодных перекочевков номадов Южного Приуралья (или Южного Приаралья) и кочевого населения Южного Зауралья.

Как уже отмечалось, кочевники, зимовавшие на Устюрте, Мангышлаке, в низовьях Амударьи, на лето откочевывали далеко на север – в районы Южного Приуралья, а отдельные их группы летовали в Приуральской Башкирии. Здесь они могли вступать в контакты с племенами культуры курмантау, а через них и с ананьинским миром. Спускаясь на зиму к югу, кочевые племена Южного Приуралья и Приуральской Башкирии на местах традиционных зимних пастбищ непосредственно соседствовали с кочевыми и полукочевыми племенами Центральной (Средней) Азии, которые проводили лето в этом же регионе – на Устюрте, Мангышлаке, в Южном Приаралье. Такое соседство, естественно, приводило к самым тесным связям различных кочевых и полукочевых племен. Концентрация номадов в полосе пустынь и предгорий, от Каспия до Балхаша и Семиречья способствовала тесному взаимодействию кочевников степей Жайык-Иртышского междуречья не только с племенами Центральной (Средней) Азии, но и с населением Восточного Казахстана и Алтая. На наш взгляд, именно по этому пути, с этих отдаленных территорий могли проникнуть в Приуралье, к племенам ананьинской культуры, инновации, прежде всего в области вооружения и конской упряжи, и связанные с ними идеологические воззрения⁸.

О возможности такого направления связей свидетельствуют, во-первых, находки предметов сакского облика (импортные или изготовленные местными мастерами по импортным образцам) в Южном Приуралье и Приуральской Башкирии: бронзовые черешковые наконечники стрел, бронзовый и железный чеканы из Ново-Уфимского могильника и городища Кара-Абыз (Ахмеров, 1952, с. 29, рис. 10, 4; Садыкова, 1968, с. 21, 22, табл. II, 2; Пшеничнюк, 1973, с. 218–221, рис. 29, 14; 30, 3, 4; 1982, рис. 3, 4; 4, 3; Халиков, 1977, с. 87, рис. 39, А, Б; Железчиков, 1979, табл. 20, 51, 52; Кузьминых, 1983, с. 140, 141, табл. LVI, 6; Исмагилов, 1988, рис. 7). Во-вторых, находки биметаллических чеканов: Ананьинский могильник, гора Сулак близ Оренбурга, могильник Уйгарак, Восточный Казахстан (Збруева, 1952, табл. XXII, 4; Кузьминых, 1983, табл. LVI, 7, 10; Смирнов, Петренко, 1963, табл. 13, 34; Попов, 1964, рис. 1, 5; Виш-

невская, 1973, табл. XX, 1; Членова, 1981, рис. 1, 5).

Бесспорно, родиной «классического» евразийского чекана является Внутренняя Азия. Так, по мнению М.В. Горелика, формирование его произошло, вероятно, «в Южной Сибири или в Ордосе в VII в. до н. э., откуда чекан очень быстро распространился по всему ареалу культур «скифского» типа» (Горелик, 1993, с. 55). Этой же точки зрения в настоящее время придерживаются и другие исследователи, так или иначе связанные с данной проблемой (Алексеев, 2003, с. 50; Иванчик, 2001, с. 49; Курочкин, Субботин, 1993, с. 60, 61).

Однако, как совершенно справедливо заметила Н.Л. Членова, бронзовые и биметаллические чеканы с изображением птичьей головки под бойком – это две разные ветви чеканов. Отличаются они не только материалом и длиной втулки, но и главным образом тем, что у биметаллических чеканов боек и обушок плоские, а у бронзовых – круглые или многогранные (Членова, 1997, с. 15). Отсутствие же биметаллических чеканов в восточных регионах Евразии, за исключением неясного изделия из бывшего Усть-Каменогорского уезда, заставляет предполагать их западное происхождение.

Несомненно, появление биметаллических чеканов явилось результатом знакомства каких-то групп населения с их бронзовыми прототипами. Территориями, где в настоящее время обнаружены как бронзовые, так и биметаллические чеканы с изображением головки птицы под бойком, являются Волго-Камье и Южный Урал. Однако только в Волго-Камье уже в VIII–VII вв. до н. э. существовала устойчивая традиция изготовления биметаллического оружия, прежде всего мечей и кинжалов (Халиков, 1977, с. 159–171). Поэтому можно согласиться с исследователями, считающими, что биметаллические чеканы сформировались в Волго-Камье, а находки их на других территориях, возможно, являются ананьинскими импортами (Виноградов, 1972, с. 125; Вишневецкая, 1973, с. 98; Дударев, 1998, с. 89; Кузьминых, 1983, с. 137, 142; Смирнов, 1961, с. 30, с. 75; 1964, с. 272; Фаркаш, 1992, с. 170).

О возможности первого, западного, направления ананьинско-сакских связей свидетельствуют, на наш взгляд, и данные, приводимые Н.Л. Членовой. Из сорока четырех учтенных ею параллелей ананьинским и вообще приуральским вещам раннежелезной эпохи тринадцать приходится на районы Прииртышья, семь – на Алтай, двенадцать – на низовья Сырдарьи (Членова, 1981, с. 16).

Значение этого направления особенно возрастает со второй половины VI в. до н. э., когда в результате передвижений ананьинские племена расселя-

ются по берегам реки Белой до города Уфы и даже несколько южнее (Ахмеров, 1952, с. 25–31; Халиков, 1977, с. 258; Иванов В.А., 1984, с. 36, 42; Пшеничнюк, 1986, с. 26–31; 1987, с. 67). Значительные изменения в социально-экономических отношениях и расселении происходят в этот период и у ранних кочевников Южного Урала (Таиров, 2000б, с. 16–19; 2005, с. 17–19). Все это создало условия для непосредственного контакта ананьинцев с их юго-восточными соседями, а через них и с кочевым и оседлым миром Центральной (Средней) Азии. И если для первой фазы ананьинского очага металлургии и металлообработки (конец VIII – конец VI в. до н. э.) связи с ранними кочевниками Южного Приуралья не были ни глубокими, ни доминирующими, то на второй фазе (конец VI – IV в. до н. э.) они становятся очень интенсивными и доминирующими. В это время увеличивается и количество изделий из металла группы ЕУ у ананьинских племен (Кузьминых, 1983, с. 176–179).

Второй, восточный, путь связей племен ананьинской культуры с сакским миром проходил через лесостепное Зауралье (иткульская культура), Южное Зауралье и низовья Сырдарьи, Чу и Сарысу. Группы ранних кочевников Южного Зауралья, летовки которых располагались в бассейне Тобола, в верховьях Жайыка, Уя, междуречье Уя и Миасса, имели зимние пастбища в пустынной зоне между Сырдарьей и Балхашом. На этой же территории зимовали и кочевники Северного и Центрального Казахстана, кочевники и полукочевники ряда районов Центральной (Средней) Азии. Это, естественно, благоприятствовало различного рода связям между племенами, обмену достижениями в области материального производства, духовной жизни. Причем возможностей для связей с кочевниками Восточного Казахстана, Алтая, Тувы и Минусинской котловины у племен тасмолинской историко-этнографической общности было больше, чем у номадов Южного Приуралья и Приаралья. Об этом, в частности, может свидетельствовать и состав металла некоторых предметов VII–VI вв. до н. э. из Северного и Центрального Казахстана. Так, по мнению Т.Б. Барцевой (1987, с. 71–73), с алтайскими производственными центрами связаны североказахстанские зеркала с центральной петелькой-ручкой, чекан из кургана 3 могильника Алыпкаш (рис. 6, 10, 11, 17, 18) и удила со стремевидными концами и дополнительными круглыми отверстиями из могильника Жабай-Покровка. В Южном Зауралье большинство проанализированных предметов раннесакского времени из погребений и случайных находок изготовлены из оловянистой или даже высокооловянистой бронзы. Как отмечают С.В. Кузьминых и

А.Д. Дегтярева (2016, с. 169), «можно предположить, что рудные источники низкомышьяковой или сурьмяно-мышьяковой меди, а также олова, которым легировано менее 10 % изделий из цветного металла иткульской культуры, как и в эпоху бронзы, разрабатывались в Казахской и Саяно-Алтайской горно-металлургических областях». А анализ состава цветного металла Ананьинского могильника показал, что рудные источники низкомышьяковой или сурьмяно-мышьяковой меди, так же как и большей части оловянистых и оловянно-мышьяковых бронз, связаны с производящими центрами Казахской и Саяно-Алтайской горно-металлургических областей (Сапрыкина и др., 2016, с. 71).

Иткульские металлурги, которые, вполне вероятно, уже в VII–VI вв. до н. э. были одними из поставщиков металла и изделий из него ранним кочевникам Южного Зауралья, были хорошо знакомы с комплексом сакского вооружения и конской упряжи, предметами культа и искусства. Связи же иткульских племен с ананьинцами своими корнями уходят в эпоху бронзы, когда прослеживаются различного рода контакты и перемещения племен восточного и западного склонов Урала (Збруева, 1952, с. 181, 204; Иванов В.А., 1976, с. 32; Матюченко, 1976, с. 25, 26; Членова, 1981, с. 17–36). Эти связи документируются находками как общих для этих культур предметов, так и изделий, характерных для ананьинцев на восточном склоне Урала (Збруева, 1952, с. 180, 181; Борзунов, Нохрина, 1971, с. 57–60; Бельтикова, 1977, с. 130, 131, рис. 4, 16; 1986, с. 71–73; Бельтикова, Стоянов, 1984, с. 141, 142; Кузьминых, 1983, с. 175), ананьинской керамики на иткульских памятниках (Бельтикова, 1993, с. 95; Викторова, 2002, с. 41) и тальковой (зауральской) керамики в Приуралье (Збруева, 1952, с. 66, 69; Борзунов, 1992, с. 103, 104; Митряков и др., 2010, с. 27, 28).

Бельтикова Г.В., проведя сравнение иткульской культуры с рядом культур Приуралья и Западной Сибири, пришла к выводу, что «из западных культур по ряду показателей наиболее близка иткульской соседняя ананьинская». В частности, установлено некоторое совпадение образцов химических и металлургических групп цветного металла, сходство его химического состава. Фиксируются также общие технологические приемы металлообработки, морфологическое подобие вещей. Так, «общий список иткульско-ананьинских аналогий содержит примерно двенадцать категорий, включающих шестьдесят конечных типологических разрядов». Все это, по мнению Г.В. Бельтиковой, «фиксирует такую иткульско-ананьинскую общность, которая предполагает регулярные связи». Контакты же между двумя этими

культурами «реализовались в форме заимствования идей технологии и формообразования, а также обмена продукцией, включая, очевидно, руду и металлическую медь» (Бельтикова, 2002, с. 142–144). Как отмечает С.В. Кузьминых, состояние нормальных постоянных связей с населением Среднего и Южного Урала имело для ананьинцев VIII–VI вв. до н. э. узловое значение: отсюда, очевидно, поступал основной поток цветного металла к кузнецам-литейщикам Волго-Камья. По-видимому, иткульские металлурги оставались основными поставщиками меди племенам южнотаежного Прикамья и в V–IV вв. до н. э. (Кузьминых, 1983, с. 175; 1993; Дерендяев, 2002, с. 198).

Таким образом, иткульские племена поддерживали связи как с ранними кочевниками Южного Зауралья, а через них со всем сакским миром, так и с населением Волго-Камья. По-видимому, иткульские металлурги и являлись тем звеном, которое соединяло ананьинцев с номадами сакской историко-этнографической области.

О возможности существования ананьинско-сакских контактов через территорию Южного Зауралья свидетельствуют найденный здесь меч, аналогичный мечу из Луговского могильника (рис. 2, 1; 62, 3) (Збруева, 1947, с. 143, рис. 76; 1952, с. 31, рис. 10; Таиров, Ульянов, 1996, с. 139–141, рис. 1, 1), а также находки типологически близких им кинжалов на Памире (курган 10 могильника Памирская I) и в Восточном Казахстане (случайная находка у села Ушбиик) (Бернштам, 1952, рис. 132; Литвинский, 1972, с. 29; Исмагил, 2000, с. 137–139, рис. 7; Тасмагамбетов, 2003, с. 72). Об этом же могут, по-видимому, свидетельствовать и находки (помимо двухлопастных втульчатых, трехлопастных и трехгранных черешковых наконечников стрел, зеркал с петелькой на обороте) наборных поясов с бронзовыми, железными или золотыми обоями первой группы (рис. 45; 46) в Туве, на Алтае, Памире, в Центральном Казахстане, Южном Зауралье и Марийском Поволжье (Виноградов, 1980, рис. 1, 13; Семенов, 2001, рис. 2, 8–13; Чугунов, 2000, с. 215; Чугунов и др., 2002, с. 123, рис. 11; Аржан..., 2004, с. 19, 22, 47; Суразаков, 1983, рис. 5, 2; Шульга, 2003а, рис. 55; 2007; Литвинский, 1972, табл. 21; 45; Маргулан и др., 1966, рис. 28, 1, 7; 39, 1, 2; Бейсенов, 2001, рис. 2, 1; Бейсенов, Чотбаев, 2001, с. 291, 292, рис. 1, 1; Матвеева Г. И., 1964, рис. 1, 5; Таиров, 1987, рис. 2, 2, 3, 5–10, 12–15; Боталов, Таиров, 1996, рис. 6, 11–20; 10, 7–9, 11–16, 18–20; Патрушев, Халиков, 1982, табл. 59, 1л; 105, 1д, 1р). Об этом же говорит и распространение кинжалов североказахстанского типа (рис. 59) – Алтай, Северный и Центральный Казахстан, Южное Зауралье,

Прикамье (Грязнов, 1956, рис. 3, 1, 2, 4; Маргулан и др., 1966, рис. 38, 1; Матвеева Г. И., 1964, рис. 1, 1; Боталов, Таиров, 1996, рис. 10, 6; Збруева, 1952, табл. XXI, 1).

О возможности проникновения в Волго-Камье через Южное Зауралье бронзовых чеканов могут свидетельствовать, на наш взгляд, находки чекана в погребении 3 кургана 2 могильника Иртыш-14 и втока в кургане Березки Vб (рис. 54, 23; 57, 15; 60, 3, 4) (Гаврилюк, Таиров, 2006, рис. 3.4, 6, 7; Шорин, 1979, с. 59, рис. 2, 4), а также обнаружение фрагмента формы для отливки чекана на поселении иткульской культуры (Бельтикова, 2002, с. 150). Вероятно, при посредничестве южнозауральских номадов мог попасть в Ферганскую долину бронзовый кинжал с брусковидным навершием и сердцевидным перекрестием, отлитый из металла, химический состав которого близок к группе бронз ВК (Заднепровский, Бушков, 1998).

Как результат ананьинско-сакских связей может рассматриваться биметаллический чекан, найденный у бывшего села Шантарина в Южном Зауралье (Таиров, 2010)⁹. В углу между втулкой и бойком этого чекана помещена петля, оформленная в виде головы хищной птицы с загнутым клювом (рис. 60, 5), наиболее похожее ее изображение имеется на чеканах из могил 9–11 Ананьинского могильника с горы Сулак под Оренбургом и из кургана 84 могильника Уйгарак (Кузьминых, 1983, табл. LVI, 7; Членова, 1981, рис. 1, 2; Смирнов, Петренко, 1963, табл. 13, 34; Вишневецкая, 1973, табл. XX, 1).

О связях ананьинского мира с саками Южного Зауралья и Юго-Восточного Приаралья свидетельствуют, помимо биметаллических чеканов, подпружная пряжка с реки Колва, полностью аналогичная пряжкам из кургана 45 могильника Южный Тагискен (Васильев, 2004, рис. 5, 3, 9, 10), и бронзовая бляха (с «Макеевского» селища на берегу Суры) со стилизованным изображением хищной птицы, с которым наиболее близки изображения на золотых накладках и деталях пояса из южно-зауральского кургана 5 могильника Кичигино I (Мясников, 2014, с. 279, рис. 1, 3).

В качестве примера ананьинско-сакских связей через Южное Зауралье можно привести и подпружные пряжки с изображением свернувшегося хищника, обнаруженные на берегах озер Иртыш и Травакуль, а также бляху, найденную у озера Увильды (рис. 3, 2, 4; 5, 11, 15, 21; 52, 13; 57, 16, 17). Ближайшими аналогиями иртышской и травакульской пряжкам являются подпружная пряжка из кургана 33 могильника Уйгарак и бляха из погребения 926 Старшего Ахмыловского могильника (Поллидович,

1994, с. 73, рис. 1). По мнению М.И. Погребовой и Д.С. Раевского (2001, с. 50), «ахмыловский и иные приуральские экземпляры (изображений свернувшегося хищника. – А.Т.) проникли сюда именно из Приаральского региона».

По схеме расположения хвоста и взаиморасположения лап бляшка из Увильды относится к той же группе, что и иртышская пряжка. Однако некоторые особенности изображения выделяют ее из общей массы изделий со свернувшимся в кольцо хищником. Увеличенный подтреугольный подбородочный выступ кошачьего хищника вместе с утолщенным невыделенным хвостом, конец которого закручен в кольцо, создает возможность видеть на бляхе еще одну голову животного. Его круглое ухо образует кольцевое окончание хвоста основного хищника, ноздря которого одновременно является и глазом дополнительного животного. Мордой последнего служит подбородочный выступ первого. Таким образом, создаются две головы кошачьих хищников – взрослого (основное животное) и его детеныша (дополнительное животное), прижавшегося к морде взрослого. Следует указать, что изображения глаза и ноздри в виде колец довольно широко распространены на изделиях с изображением свернувшихся в кольцо хищников. Но изображения уха, глаза и ноздри животного в виде трех примерно равных по размеру колец, расположенных по одной линии, обнаружены нами лишь на двух изделиях: это бляшка украшения одежды из кургана 5 могильника Чиликты (Восточный Казахстан) и поясная бляха из Северного Китая (Богданов, 2006, табл. VI, 7; IX, 1). Ухо, глаз и ноздря в виде колец по одной линии присутствуют на изображениях и свернувшегося в кольцо «хищного зверя» (на окончаниях лап и хвосте) на украшении щита из кургана 1 Келермеса, и «припавших к земле» хищников на нашивных бляшках из Приднепровья, и свернувшегося в кольцо хищника на изделии из комплекса Мулей в Китае (Богданов, 2006, табл. XVII, 4; XLII, 7, 13; Марсадолов, 2008, рис. 1, 14).

Еще одной особенностью бляшки из Увильды является то, что на изображении свернувшегося в кольцо кошачьего хищника птичьей лапы. Такое сочетание зафиксировано нами лишь однажды – на бляшке из Бейского городища в Минусинской котловине (Богданов, 2006, табл. III, 6).

Единственной известной нам аналогией подвесному крюку с изображением головы лошади из кургана 5 могильника Кичигино I (рис. 4, 1; 5, 12; 50, 6) в Южном Зауралье является крюк из сборов Н.А. Толмачева на Ананьинском могильнике (Васильев, 2002, с. 210, кат. 18; 2004, рис. 21, 23).

О реальности связей ананьинцев с сакским ми-

ром через Южное Зауралье могут, хотя и косвенно, свидетельствовать и данные о торговых путях, связывавших Волжскую Булгарию, а затем и Казанское ханство с Центральной (Средней) Азией. Один из них шел из Центральной (Средней) Азии по Тоболу, затем по Туре и ее притокам к перевалам через Урал, а оттуда по притокам Камы и по ней самой на Волгу (Батраков, 1958, с. 12). Другие пути пролегли от Каратау или низовий Сырдарьи через Тургайские степи на Южный Урал и далее в Приуралье по «трансуральскому пути», проходящему примерно там, где сейчас пролегает автомобильная дорога Челябинск – Бирск (Челябинск – Чебаркуль – Миасс – Златоуст – Сатка – Месягутово – Караидель – Бирск), проложенная по издревле освоенному маршруту (Таиров, 1995, с. 10–12, 17; Савельев, 2001, с. 140, 141). О функционировании «трансуральского пути» уже в VII–VI вв. до н. э. свидетельствуют, как отмечает Н.С. Савельев, обнаруженный вблизи Юкаликулевского I поселения в Месягутовской лесостепи Приуралья бронзовый кинжал с плоской прорезной рукоятью и крышевидным прорезным (рамчатым) перекрестием, аналогичный клинкам из села Мариинское в Южном Зауралье и из села Рассвет в Северном Казахстане (см. ниже), и, возможно, каменные жертвенники из упомянутого поселения (Савельев, 2007, с. 187–190).

В плане ананьинско-сакских связей по «трансуральскому пути» интересен биметаллический кинжал с железным клинком и рукоятью, бронзовым навершием и перекрестием, соединенными двумя бронзовыми валиками, хранящийся в фондах музея города Златоуста Челябинской области (рис. 62, 5). Изготовлен он был в первой половине VII в. до н. э. в ареале, скорее всего, ананьинской культуры (Таиров, 2011).

Какой из двух намеченных путей связей ананьинских племен с сакским миром – восточный или западный – имел решающее значение, сказать трудно. Скорее всего, в разные исторические периоды роль того или иного пути была различной. Она зависела от множества не всегда нами уловимых факторов – экономических, политических, природных и т. п.

4. Кочевники степей Жайык-Иртышского междуречья и Саяно-Алтая

Как уже отмечалось, в VII–VI вв. до н. э. на обширных пространствах степей Жайык-Иртышского междуречья ведущей силой было, очевидно, объединение племен Центрального Казахстана. Именно оно определяло направление и характер культурных изменений в регионе, являясь своего рода «законода-

телем моды» не только в материальной, но, вероятно, и в духовной культуре. Это было время расцвета и могущества тасмолинской историко-этнографической общности (Хабдулина, 1994, с. 81, 82). Ведущее положение центральноказахстанских племен в этой общности базировалось, на наш взгляд, на контроле за источниками цветного металла – медными месторождениями Центрального Казахстана, разработки которых продолжались и в раннем железном веке (История Казахской ССР, 1977, с. 205, 206; Маргулан и др., 1966, с. 417, 418; Маргулан, 1972, с. 3–30; Кузнецова Э. Ф., 1993, с. 176, 178).

Спектроаналитическое исследование цветного металла из памятников VII–VI вв. до н. э. с территории Челябинской области показывает полное доминирование в это время металла сакского круга, не связанного с южноуральскими источниками. Скорее всего, в это время номады Южного Зауралья получали как готовые изделия, так и сырье для собственного металлообрабатывающего производства, в основном от своих восточных соседей – племен Центрального Казахстана.

При анализе металлических предметов из памятников VII–VI вв. до н. э. Северного Казахстана выявлены изделия из оловянных, оловянно-мышьяковых и мышьяковых бронз. Среди них абсолютно преобладают изделия из оловянных бронз – 67% от общей выборки в семидесяти предметах. Изделий из оловянно-мышьяковых бронз 29%, из мышьяковых – всего 4% (3 образца) (Барцева, 1987, с. 68).

В Центральном Казахстане из ста двадцати проанализированных бронзовых предметов из памятников I и II этапов тасмолинской культуры, по данным Э.Ф. Кузнецовой (1993, с. 175), свыше 65% составляют изделия из оловянных бронз, около 20% – из мышьяковисто-оловянных и мышьяковых бронз, 12% – из оловянисто-свинцовых, и лишь единичные предметы медные. Из пятидесяти двух бронзовых предметов VIII–V вв. до н. э. тасмолинской культуры, по которым в Отделе научно-технологической экспертизы Государственного Эрмитажа проведен анализ отобранных проб, сорок предметов (77%) изготовлены из оловянистой бронзы с содержанием олова от 1–3 до 18–22%. Остальные предметы изготовлены из мышьяковистой бронзы с содержанием мышьяка более 1% (Бейсенов, Хаврин, 2015, с. 526).

Ситуация, схожая с событиями в Центральном Казахстане, отмечается и в Семиречье (Жетису), где на протяжении эпохи поздней бронзы и в раннем железном веке господствуют оловянистые бронзы, но отмечено и использование мышьяковистой (Бейсенов, Хаврин, 2015, с. 529).

По типам сплавов с центральноказахстанским сходно распределение бронзовых изделий из могильника Бесшатыр. Здесь из сорока девяти проанализированных предметов 51% составляют изделия из оловянных бронз, 29% – из оловянно-мышьяковых, 8% – из мышьяковых, 2% – из свинцово-мышьяковых, 2%, или один предмет, – свинцовый, 8% – медные (Барцева, 1987, с. 70; Кузнецова Э.Ф., 1980).

С местными казахстанскими центрами Т.Б. Барцева связывает изделия из оловянных бронз, использование которых в Казахстане восходит еще к эпохе поздней бронзы. Предметы же из мышьяковой бронзы, в частности зеркала с центральной ручкой-петелькой, чекан и удила со стремевидными окончаниями и дополнительными круглыми отверстиями из североказахстанских комплексов, по ее мнению, связаны, возможно, с алтайскими производственными центрами (Барцева, 1987, с. 71–73). Впрочем, как считает А.Д. Дегтярева, «привозным, по-видимости, было сырье из мышьяковых бронз, которое поступало из восточных областей Саяно-Алтая. Однако изделия из них, судя по навыкам металлообработки, изготавливались на месте» (Дегтярева, 1994, с. 25). Однако, по данным М.К. Кадырбаева, на территории Центрального Казахстана – в Северном Прибалхашье, вероятно, уже в андроновское и вполне определено в сакское время функционировал крупный центр горного дела и металлургии, базировавшийся на меднорудных месторождениях Саякской группы. Руды этих месторождений принадлежат к числу редчайших – с естественными примесями содержащих мышьяк минералов – и являются готовым природным сырьем для выплавки мышьяковой бронзы (Кадырбаев, 1975, с. 131, 132; История Казахской ССР..., 1977, с. 240)¹⁰.

Вопрос об источниках олова для племен Северного и Центрального Казахстана, а также Южного Зауралья решается неоднозначно. С одной стороны, в Центральном Казахстане достаточно много месторождений олова, часть которых разрабатывалась уже в древности (Маргулан, 1973, с. 5–7; Кузнецова Э.Ф., 1976, с. 162; 1977, с. 122; 1993, с. 176; История Казахской ССР..., 1977, с. 240; Дегтярева, 1994, с. 23; Берденов, 2002, с. 82; Бейсенов, Хаврин, 2015, с. 526, 530). С другой стороны, большинство исследователей постулируют поступление оловянной руды и из месторождений Рудного Алтая (Кадырбаев, 1975, с. 131; Кузнецова Э.Ф., 1976, с. 162; История Казахской ССР..., 1977, с. 240). Развитая металлургия и металлообработка у тасмолинских племен, безусловно, требовала значительного количества олова. По нашему мнению, потребность в нем удовлетворилась не только за счет внутренних резервов (ме-

сторождения Центрального Казахстана), но и за счет внешних (месторождения Рудного Алтая)¹¹. А это, в свою очередь, обуславливало и многообразные связи населения тасмолинской общности с племенами Восточного Казахстана и Алтая.

Степи Жайык-Иртышского междуречья, Алтай и Тува в VII–VI вв. до н. э. являлись зоной распространения многих однотипных предметов конской упряжи, наконечников стрел, зеркал, ножей и т. п. Не останавливаясь на них, рассмотрим лишь редкие или, на наш взгляд, примечательные типы изделий, которые, как представляется, являются показателем существования различного рода взаимосвязей.

Одним из таких редких типов изделий являются «зеркала» с длинной боковой ручкой в виде ножа или заостренного на конце штыря. Нам пока известно восемь подобных «зеркал» (рис. 47, 1–5, 7–9): четыре из Южного Зауралья (Бобровский, курган 4; Иртыш 14, курган 2, погребение 3; Давлетшино, курган 1; Кичигино I, курган 5) и по одному из Юго-Восточного Приаралья (Уйгарак, курган 21), Северного (случайная находка у села Маринское близ Кокчетова), Центрального (курган 3 могильника Едирей-3) и Восточного (погребения у села Пьяный Яр близ Семипалатинска) Казахстана (Боталов, Таиров, 1996, рис. 10, 2; Савельев, 2000, с. 18, рис. 2, 1; Грязнов, 1956, рис. 3, 8; Вишневская, 1973, табл. VI, 4; Алехин и др., 1992, рис. 1; Бейсенов, Исмагулова, 2007, рис. 3; Таиров, Боталов, 2010, с. 56, 59, рис. 4, 12; Таиров, 2015а, с. 302, 307, рис. 4, 12). У трех «зеркал» ручка выполнена в виде длинного заостренного штыря – из Кичигино, Маринского и Пьяного Яра. Шесть «зеркал» (кичигинское, бобровское, маринское, едирейское, иртышское, давлетшинское) имеют петельки в основании ручки, одно (Уйгарак) – отверстие. Причем из восьми «зеркал» шесть (помимо давлетшинского и едирейского) найдены в комплексе с кинжалами (Матвеева Г.И., 1964, рис. 1, 1; Боталов, Таиров, 1996, рис. 10, 6; Вишневская, 1973, табл. VI, 1; Грязнов, 1956, с. 11, рис. 3, 2; Алехин и др., 1992, рис. 1). Причем в непогребенных погребениях они лежали непосредственно под кинжалом, возможно, в одном с ним чехле. В четырех неразграбленных комплексах (Кичигино I, Бобровка, Иртыш 14 и Пьяный Яр) были найдены пояса с бронзовыми или серебряными обоями. Это дает основание видеть в этих «зеркала» не зеркала как таковые, а предметы вооружения или воинские атрибуты. Все известные «зеркала» датируются в пределах VII – первой половины VI в. до н. э.

По конструктивным особенностям с «зеркала» с длинной боковой ручкой в виде ножа или заостренного на конце штыря сходны зеркала с короткой бо-

ковой ручкой и петелькой на одной из сторон ручки или отверстием на ней из погребений в кургане 9 могильника Графские развалины и кургана 2 могильника Конурсу в Северном Казахстане (рис. 47, 11, 12), датированных VII–VI вв. до н. э. (Хабдулина, 1994, с. 59, 69, табл. 57, 1, 5), из погребения в кургане у села Вавилово в Восточном Казахстане (рис. 47, 13) (Киселев, 1947, рис. 9, 21; 1951, табл. XXIX, 9), случайные находки в Троицком районе Челябинской области (рис. 47, 10). Возможно, к какому-то из этих типов зеркал принадлежит и зеркало из могильника у села Измайловка в Восточном Казахстане (рис. 47, 6). По форме и размерам оно близко к «зеркалу» из Уйгарака. Так же, как уйгаракское, оно имеет отверстие в месте перехода ручки в диск. На оборотной стороне диска измайловского зеркала помещено изображение свернувшегося в кольцо кошачьего хищника. Однако ручка этого зеркала, судя по рисунку, сохранилась не полностью, что и затрудняет однозначное определение его типологической принадлежности (Ермолаева, 1985, с. 510, рис. 1; Боковенко, Заднепровский, 1992, рис. 57, 18; Кубарев, 2002, с. 66, рис. 1, 5).

В группу кинжалов нурманбетского типа, выделенного Н.Л. Членовой из числа кинжалов, объединяемых М.П. Грязновым в североказахстанский тип (Членова, 1981, с. 7; Грязнов, 1956, с. 11, 12), мы включаем кинжалы из села Маринское близ Кокчетова в Северном Казахстане, из кургана 1 могильника Нурманбет IV, случайную находку у села Песчаное близ Павлодара в Центральном Казахстане, из кургана 2 могильника Иртыш-14, случайную находку на Воронцовском золотопесчаном прииске в Южном Зауралье (рис. 59, 1, 4, 6, 9, 14) (Грязнов, 1956, с. 11, рис. 3, 1, 2; Маргулан и др., 1966, с. 343, 344, рис. 38, 1; Гаврилюк, Таиров, 2002, с. 21, рис. 11; 2006, рис. 3.4, 1; Чотбаев, 2013, рис. 40–42). Для них характерны плоская широкая рукоять с волнистым краем, часто украшенная спиральным орнаментом, навершие в виде плоского сегмента, иногда приближающееся по форме к бруску со скругленными гранями, или треугольника с закругленными углами. Нурманбетский тип, по мнению Н.Л. Членовой, восходит, вероятно, «к каким-то кинжалам карасукского типа (с грибовидной шляпкой), ручка которых состоит из прорезных колец», распространение же их шло с востока на запад (Членова, 1981, с. 11). В какой-то степени подтверждением последнего тезиса может служить находка бронзового меча близ села Николаевка в Семиречье (Жетису) (рис. 59, 7) (Исмагил, 2000, с. 129, рис. 1, 3). Рукоять у него «уплощенная, с притупленными углами; один край прямой, второй фасетирован тремя дуговидными выступами», весь-

ма близкими к дуговидным выступам на рукоятях кинжалов из кургана 2 могильника Иртыш-14 и из Воронцовского прииска (рис. 59, 6, 14).

Не поднимая в данной работе вопроса о происхождении кинжалов нурманбетского типа, хотелось бы обратить внимание на кинжалы «типа Цинь» из Северо-Западного Китая, в частности на их подтип II-а (Канн Ин Ук, 1999, с. 374–376, рис. 2, а, в, с). Одним из самых ранних изделий этого подтипа является кинжал из погребения 1 Юйцунь (рис. 59, 8), датированный сопроводительным инвентарем началом VIII в. до н. э. (конец эпохи Чжоу) (Кан Ин Ук, 1999, с. 376). Нетрудно заметить, что его перекрестие чрезвычайно близко к перекрестию кинжала из села Песчаное близ Павлодара (рис. 59, 9). Спиральный орнамент на рукояти кинжала Юйцуня может быть сопоставлен с орнаментом на рукоятях кинжалов из села Песчаное, Змеиногорска и погребения С Ананьинского могильника. Сходна по общим очертаниям и форма их наверший (рис. 59, 2, 3, 9).

Помимо степей Жайык-Иртышского междуречья кинжалы нурманбетского типа найдены в районе Змеиногорска в Восточном Казахстане¹² (рис. 59, 2) и в погребении С Ананьинского могильника в Прикамье (рис. 59, 3) (Грязнов, 1956, рис. 3, 4; 1992, табл. 61, 1; Збруева, 1952, табл. XXI, 1).

Несмотря на яркую индивидуальность каждого кинжала нурманбетского типа, по форме перекрестия они могут быть разделены на два варианта. Первый вариант включает кинжалы с почковидным невыделенным перекрестием из кургана 1 могильника Нурманбет IV и погребения С Ананьинского могильника (рис. 59, 3, 4). Второй вариант включает кинжалы с выделенным бабочковидным или близким к нему по форме перекрестием из села Маринское близ Кокчетова, района Змеиногорска, кургана 2 могильника Иртыш-14, Воронцовского прииска и, с оговорками, из села Песчаное близ Павлодара (рис. 59, 1, 2, 6, 9, 14)¹³.

В группу кинжалов нурманбетского типа можно, на наш взгляд, включить и кинжал VII – первой половины VI в. до н. э. из кургана 4 могильника Бобровка близ Троицка, а также аналогичный ему кинжал, вернее его рукоять, из села Горшково Шумихинского района Курганской области (Матвеева Г.И., 1964, рис. 1, 1; Боталов, Таиров, 1996, рис. 10, 6; Таиров, Никитин, 2014). От нурманбетских их отличает лишь иное, но тоже фигурное, оформление рукояти (рис. 59, 5, 18). По остальным признакам – общему контуру, размерам, форме навершия, перекрестия и клинка, наличию колодочки под навершием – они не отличаются от кинжалов нурманбетского типа.

В группу кинжалов нурманбетского типа М.К. Хабдулина включает бронзовый кинжал, найденный у села Баландино на реке Ишим, на границе России и Казахстана (рис. 61, 4) (Хабдулина, 1994, с. 53, рис. 55; Чотбаев, 2013, рис. 37). Он имеет сегментовидное плоское навершие, бабочковидное перекрестие, очень близкое к перекрестию кинжала из кургана 2 могильника Иртыш-14, колодочку под навершием, на оборотной стороне которой отлита петелька прямоугольной формы, гладкую плоскоовальную в сечении рукоять. Клинок треугольной формы, по центру его проходит легкое углубление – желобок. Этот кинжал М.К. Хабдулина считает одним из наиболее ранних вариантов кинжалов нурманбетского типа. Сопоставляя баландинский кинжал с кинжалом из кургана 50 могильника Уйгарак (рис. 61, 5), отнесенным О.А. Вишневской к VII–VI вв. до н. э. (Вишневская, 1973, с. 122), и кинжалом из кургана 1 могильника Жаман-Тогай на Сырдарье (рис. 61, 7), датированным VII–VI вв. до н. э. (Максимова и др., 1968, с. 180) или VII в. до н. э. (Мурзин, 1984, с. 76), она датирует его в пределах VIII–VI вв. до н. э. (Хабдулина, 1994, с. 53, 54). Однако приводимые М.К. Хабдулиной доводы в пользу архаичности этого кинжала, на наш взгляд, малоубедительны. Следует отметить, что все кинжалы нурманбетского типа, также изготовленные из бронзы, по своей массивности, которая, по мнению М.К. Хабдулиной, является показателем архаичности, превосходят баландинский кинжал. Правда, петельки, или, как их называет Н.Л. Членова, «дополнительные колечки под шляпкой», действительно встречаются на коротких карасукских кинжалах из Минусинской котловины, Ордоса и Северного Китая, а также на ножах из Забайкалья, но находятся они не на обоямах или колодочках, как на баландинском кинжале (Членова, 1976, с. 9, табл. 1, 1, 2; 7, 11, 13, 15; 10, 4–8; 12, 5). Исходя из всего вышесказанного, мы склонны датировать кинжал из Баландино в пределах VII–VI вв. до н. э., без уточнения его хронологического соотношения с другими кинжалами этого времени степей Жайык-Иртышского междуречья.

К кинжалам из Баландино и Уйгарака весьма близок по форме и пропорциям бронзовый кинжал из музея города Алтая в Синьцзяне (A Grand view... P. 349. Fig. 0980; Шульга, 2009, рис. 1, 14). Несколько иные пропорции у бронзового кинжала, случайно найденного у села Вавилоновка в Восточном Казахстане (Чотбаев, 2013, с. 45, 46, рис. 33). У него почковидное перекрестие, отлитое в одном рельефе с рукоятью и клинком, гладкая широкая плоскоовальная в сечении рукоять, ширина которой чуть меньше ширины клинка, имеющего форму сильно вытянуто-

го овала. Неширокое сегментовидное навершие отделяется от рукояти колодочкой.

У кинжала из Синьцзяна плоское сегментовидное навершие, почковидное перекрестие, отлитое в одном рельефе с рукоятью, гладкая широкая плоскоовальная в сечении рукоять, ширина которой почти равна ширине клинка, имеющего треугольную форму (рис. 61, 5). В отличие от баландинского, уйгаракского и вавилоновского, у него отсутствует колодочка под навершием, а через весь кинжал проходит, так же как и у кинжала из могильника Иртыш 14 (рис. 59, 6), рельефный валик округлой формы (A Grand view... P. 349. Fig. 0980; Шульга, 2009, рис. 1, 14). К уйгаракскому и синьцзянскому кинжалам весьма близок как по форме, так и по пропорциям железный с золотой аппликацией кинжал из кургана Аржан-2 (Аржан..., 2004, с. 24, 49; Çigunov K.V.et al, 2010. Tafel 8–9).

По мнению Н.Л. Членовой, кинжал из кургана 50 могильника Уйгарак по своим пропорциям занимает промежуточное положение между кинжалами нурманбетского и усть-буконского типов. Кинжалы же усть-буконского типа, которые, как она предполагает, несколько моложе кинжалов нурманбетского типа, имеют плоскую, очень узкую рукоять с небольшим утолщением под навершием (колодочка), плоское сердцевидно-почковидное перекрестие и треугольно-сегментовидное плоское навершие. Следует подчеркнуть, что у кинжалов этого типа ширина рукояти колеблется в пределах половины ширины клинка. Н.Л. Членова считает, что кинжалы усть-буконского типа сформировались, вероятно, в Волго-Камье под влиянием киммерийских из Северного Кавказа. Отсюда они попали на Урал, а через Зауралье и Приишимье – на Алтай, где ранее VI–V вв. до н. э. неизвестны (Членова, 1981, с. 7–9). К усть-буконским можно, на наш взгляд, отнести бронзовый кинжал (рис. 61, 1), найденный случайно на берегу озера Большая Наного, соединенного протокой с озером Иртыш (Южное Зауралье).

Принимая сопоставления, предложенные М.К. Хабдулиной для баландинского кинжала, мы, однако, считаем, что он не может быть включен в группу кинжалов нурманбетского или усть-буконского типа. Скорее всего, баландинский и уйгаракский кинжалы, а также кинжалы из Шидерты близ Павлодара в Центральном Казахстане (рис. 61, 8) (Грязнов, 1956, с. 11, рис. 3, 3; Кадырбаев, 1968, с. 27, рис. 1, 11), из музея города Алтая в Синьцзяне (рис. 61, 6), кургана Аржан-2 в Туве и в определенной степени из деревни Бахмутино на севере Приуральской Башкирии (рис. 61, 11) (Горбунов, Исмагилов, 1976, с. 233, 234, рис. 1, 1) составляют отдельную группу

клинкового оружия. Предварительно ее можно обозначить как кинжалы «баландинско-уйгаракского типа». Кинжалы этого типа имеют сегментовидное или брусковидное плоское навершие, бабочковидное или почковидное перекрестие, которое слабо выделено или отлито в одном рельефе с рукоятью, гладкую широкую плоскоовальную в сечении рукоять, ширина которой равна или почти равна ширине клинка, часто колодочку под навершием, клинок треугольной формы. Вариантом этого типа, как представляется, можно считать кинжалы с брусковидным навершием, бабочковидным или сердцевидно-почковидным перекрестием, гладкой широкой плоскоовальной или сложной в сечении рукоятью, ширина которой равна ширине клинка, удлинненным клинком с параллельными лезвиями. Кинжалы этого варианта найдены на поселении у города Степняка Кокчетавской области (рис. 61, 10) и в окрестностях села Сергеевка Акмолинской области (рис. 61, 2) в Северном Казахстане (Исмагил, 2000, с. 133, 134, рис. 1, 5; Черников, 1954, с. 44, рис. 22, 5), в кургане 1 могильника Жаман-Тогай на Средней Сырдарье (рис. 61, 7) (Максимова и др., 1968, с. 180, табл. V, 10). Сюда же входит и кинжал из Центрального музея Казахстана (рис. 61, 9) (Максимова, 1956, с. 257, рис. 2, 5), который, возможно, происходит из Южного Зауралья (Исмагил, 2000, с. 134, 135). Вариант этого типа представляют и два бронзовых кинжала из села Сару в Кыргызстане. Один из них имеет узкое брусковидное навершие, зооморфно оформленную рукоять и почковидное перекрестие (рис. 61, 3). У второго сердцевидно-почковидное перекрестие и широкое брусковидное навершие (рис. 61, 12) (Табалдиев, 2007, с. 48–53, рис. 1, 1, 2; Иванов, 2008, с. 40, рис. 1, 9). Кинжалы этого варианта по общим очертаниям как раз наиболее близки к кинжалам усть-буконского типа. Кинжалы третьей группы (баландинско-уйгаракского типа) существовали, вероятно, одновременно с кинжалами нурманбетского типа – в VII–VI вв. до н. э.

Интересен бронзовый кинжал из числа случайных находок в Горном Алтае, датированный концом VII – VI вв. до н. э. (Тишкин, 2008, с. 83, рис. 1). По основным своим параметрам он соответствует изделиям баландинско-уйгаракского типа (рис. 59, 17). Его клинок и перекрестие аналогичны таковым баландинского кинжала, но оформление рукояти симметрично расположенным относительно друг друга изображениям в виде «запятой», создающим волнистый край, соответствует кинжалам нурманбетского типа.

Отдельную группу оружия ближнего боя составляют два железных кинжала с брусковидным навер-

шием и бабочковидным перекрестием из Южного Зауралья (рис. 62, 3, 4). Один из них найден в Аргаяшском районе Челябинской области (рис. 62, 3). Это железный кинжал с брусковидным навершием, бабочковидным перекрестием и бронзовой обоймицей на рукояти (Таиров, Ульянов, 1996, с. 139–141, рис. 1, 1). Почти полной аналогией ему является меч из погребения 57 Луговского могильника ананьинской культуры (рис. 62, 1, 2) (Збруева, 1947, рис. 76; 1952, рис. 10). Но на аргаяшском мече, в отличие от луговского, отсутствует инкрустация золотой проволокой на навершии, рукоять его ромбовидная в сечении, а не расчлененная на три части, как у луговского. А.В. Збруева, отнеся весь Луговский могильник к VII–VI вв. до н. э., датировала меч из погребения 57, сопоставив его со скифскими, первой половиной VI в. до н. э. (Збруева, 1947, с. 145; 1952, с. 31, 99). С этой датировкой согласились К.Ф. Смирнов (1961, с. 16) и А.Х. Халиков (1977, с. 168). М.Н. Погребова обратила внимание на то, что, несмотря на единодушное причисление закавказских акинаков с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием к VII–VI вв. до н. э., конкретные скифские мечи датируются, как правило, лишь VI в. до н. э. По ее мнению, эта форма акинака полностью сложилась в VII в. до н. э. (Погребова, 1981, с. 49, 50). С этим согласуется и мнение о том, что тип меча с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием был известен у скифов уже в VII в. до н. э., во всяком случае, в конце столетия (Белозор, Скорый, 1985, с. 255, 256). В пределах конца VII – VI вв. до н. э. определяет время бытования кинжалов этого типа и В.Г. Петренко (1990, с. 61). О возможности отнесения акинака из Луговского могильника к концу VII – началу VI в. до н. э. пишет и Н.Л. Членова (1987, с. 137). Она также отмечает, что его перекрестие – с широко расставленными лопастями – более характерно для восточной разновидности бабочковидных перекрестий (Членова, 1993, с. 70). Скорее всего, VI в. до н. э. датируется железный акинак из кургана 10 могильника Памирская I (рис. 62, 6), имеющий на рукояти, выше перекрестия, бронзовую обоймицу с орнаментом в виде опущенных вершинами вниз треугольников (Бернштам, 1952, рис. 132; Литвинский, 1972, с. 29).

К мечу из Аргаяша очень близок железный кинжал из окрестностей села Варшавское Карталинского района Челябинской области (рис. 62, 4). У них одинаковая форма клинка и перекрестия. У обоих ребро жесткости в виде валика проходит через все изделие. Отличает варшавский кинжал лишь железная обойма под навершием и форма навершия – слегка изогнутое брусковидное («грибовидное», по

терминологии В.А. Булдашова) (Булдашев, 1995, с. 34, 35).

К железным мечам из Южного Зауралья (Аргаяш) и Прикамья (Луговской могильник) близок и бронзовый кинжал, найденный в окрестностях села Ушбиик Семипалатинской области (рис. 62, 7). У него, так же как у аргаяшского и луговского кинжалов, под навершием имеется обоймица или муфта с треугольными вырезами (Исмагил, 2000, с. 137–139, рис. 7; Тасмагамбетов, 2003, с. 72). Р. Исмагил приводит в качестве аналогий акинаку из Ушбиика два скифских железных меча: из Киева и фондов Полтавского музея, которые также имеют муфты на рукоятях (Исмагил, 2000, с. 137). Однако муфты этих мечей (рис. 62, 8, 9) совершенно иной формы – очень узкие обоймы с петлей на одной стороне (Белозор, Скорый, 1985, с. 255, рис. 1; 2; Черненко, 1980, рис. 6, 4). Ни по конструкции, ни по назначению они не могут быть сопоставлены с муфтами аргаяшского, луговского и ушбиикского кинжалов. К муфтам скифских акинаков ближе, на наш взгляд, колодочка с петлей на обороте кинжала из села Баландино (рис. 61, 4). Бронзовая обойма, функционально аналогична, на наш взгляд, муфтам акинаков типа луговского, правда, более узкая и неорнаментированная, надета на рукоять железного кинжала с бабочковидным перекрестием и бронзовым брусковидным навершием из кургана 1 могильника Жаман-Тогай на Средней Сырдарье (рис. 61, 7), датированного, как уже указывалось, VII–VI вв. до н. э. (Максимова и др., 1968, с. 180, табл. V, 10) или VII в. до н. э. (Мурзин, 1984, с. 76).

Для всей серии кинжалов с муфтами (или обоймами), в том числе и для кинжалов из Южного Зауралья (аргаяшский и варшавский) и Прикамья (луговской), по мнению Р. Исмагила, «может быть предложена дата в пределах конца VIII – первой половины VII в. до н. э., причем самые ранние их экземпляры (Ушбиик), возможно, уходят в глубь второй половины VIII в. до н. э.». Р. Исмагил при датировке этих кинжалов исходил из положения о доминировании «восточных, центральноазиатских традиций в деле формирования меча скифского типа». Поэтому, по Р. Исмагилу, чем дальше к востоку от Северного Причерноморья и Кавказа найденный кинжал, тем он древнее (Исмагил, 2000, с. 136–139). Противоположной точки зрения придерживается Н.Л. Членова, которая считает, что «самые глубокие корни кинжалов с сердцевидным перекрестием находятся на Ближнем Востоке», а «типологические предки сердцевидного перекрестия скифских акинаков происходят» из Ирана. В Ордос же форма скифского акинака попала «из района Среднеазиатского Междуречья через

припамирские районы». «Распространение бабочковидных перекрестий в скифскую эпоху от Средней Европы до Китая диктовалось не его военными преимуществами; конвергентно такая сложная и малоэффективная форма возникнуть тоже не могла. Она распространялась так же, как и не очень совершенные скифские стрелы с лавролистными головками и удила со стремевидными концами» (Членова, 1993, с. 71).

Оставляя в стороне вопрос об истоках и месте формирования кинжалов с сердцевидным и бабочковидным перекрестием, мы считаем, что описанные выше акинаки следует датировать в рамках VII – первой половины VI в. до н. э.

Пока только в Южном Зауралье и Северном Казахстане известны бронзовые кинжалы с зооморфным навершием, плоской прорезной рукоятью и крышевидным прорезным (рамчатым) перекрестием, оформленным в виде изломанной посередине рамки. Изломы образуют опущенные вниз лопасти, в выступающей части которых имеются прорезы в форме параллелограмма (рис. 59, 10, 11). Это кинжалы, найденные у села Рассвет в Северном Казахстане (Членова, 1982, рис. 1, 6; Хабдулина, Рубе, 1984, с. 227–231; Хабдулина, 1994, с. 52, 53, табл. 54-1) и у села Мариинское в Южном Зауралье (Таиров, Ульянов, 1996, с. 139, рис. 1, 2). Кинжал из Мариинского датирован нами VII–VI вв. до н. э. Кинжал из Рассвета датирован VII–VI вв. до н. э. (Хабдулина, Рубе, 1984, с. 229; Хабдулина, 1994, с. 53) или временем около VI в. до н. э. (Членова, 1982, с. 39). Он, скорее всего, имеет местное казахстанское происхождение, что в какой-то мере подтверждается и результатом анализа его металла (Хабдулина, Рубе, 1984, с. 230; Барцева, 1987, с. 72).

В эту группу клинкового оружия Н.С. Савельев включает и бронзовый кинжал, найденный на поверхности поселения межовской культуры эпохи бронзы Юкаликулево в Месягутовской лесостепи (Южное Приуралье), отнесенный М.Ф. Обыденновым к VIII–VII вв. до н. э. (Обыденнов, 1998, с. 45, рис. 15, 2; Савельев, 2003, с. 131). От него сохранились лишь клинок, крышевидное прорезное перекрестие и часть рукояти, вероятно, с обоймой, аналогичной обоймам на кинжале из окрестностей села Мариинское.

Ближих аналогий оба этих кинжала не имеют. Однако среди множества карасукских кинжалов с продольной щелью в рукояти изредка встречаются экземпляры с плоской прорезной рукоятью (Членова, 1976, с. 8, 65, табл. 1, 25; 7, 17), которые, по мнению Н.Л. Членовой (1976, с. 8, 9), относятся к позднекарасукскому периоду. К этому же времени

относятся и кинжалы с узкими валиками на рукояти, имитирующими обмотку (Киселев, 1951, табл. XIII, 4; Членова, 1976, табл. 1, 11, 19; 1982, рис. 2, 4, 5), которые сходны по форме с обоймами на рукояти кинжала из села Мариинское. Среди карасукских кинжалов выделяется и серия с перекрестием в виде широких сплошных лопастей, изогнутых под тупым углом, которые по своей общей форме близки к перекрестиям описываемых кинжалов. Рукояти их, как правило, сплошные плоские, подпрямоугольные в сечении. Среди них наиболее близки к урало-казахстанским кинжалам образцы с Алтая и из Восточного Казахстана (Членова, 1976, табл. 6, 5, 9; 1982, рис. 2, 3; Тишкин, Папин, 1998, с. 179, 180, рис. 1; Иванов Г.Е., 2005, с. 74, рис. 1). Прорезные рамчатые перекрестия кинжалов из окрестностей сел Рассвет и Мариинское напоминают и прорезные лопасти бронзового кинжала позднекарасукского времени из Таганрогского музея (рис. 59, 12, 13) (Членова, 1973, с. 192, рис. 1, 6; 1982, рис. 1, 7; Лукьяшко, 1999, с. 147, 148, рис. 99, 1). Он также имеет прорезную, но с двумя прорезами рукоять и две поперечные перемычки, имитирующие, вероятно, обоймы. Первоначально Н.Л. Членова отнесла его, так же как и А.И. Тереножкин (1973, с. 121, 122), к карасукским (Членова, 1973, с. 194, 195). Позднее, учитывая находки кинжалов, близких к таганрогскому на Северном Кавказе, она высказала сомнения в его карасукском происхождении. Датировала же его временем не ранее рубежа VIII–VII вв. до н. э. (Членова, 1976, с. 55, 56). Следует отметить, что в литературе существует предположение о принадлежности этого кинжала к китайской коллекции генерала П.К. Ренненкампа (участника русско-японской войны), хранящейся в фондах Таганрогского историко-краеведческого музея (Лукьяшко, 1999, с. 148).

К оружию ближнего боя кочевников степей Жайык-Иртышского междуречья относятся и бронзовые чеканы, найденные в кургане 1 могильника Алыпкаш (Хабдулина, 1987, рис. 2, 4, 5; 1993, рис. 2, 9, 10; 1994, табл. 14, 4, 5) и в районе Боровских озер (Грязнов, 1956, рис. 4) в Северном Казахстане, в погребении 3 кургана 2 могильника Иртыш-14 в Южном Зауралье (Гаврилюк, Таиров, 2006, с. 231, рис. 3.4, 7) (рис. 60, 1–4). Бронзовый чекан, вероятно, был помещен в погребение 2 кургана Березки Vб на Аргазинском водохранилище на реке Миасс (Южное Зауралье). Однако в результате ограбления до нас дошли только его вток и костяная поделка с головой барана или сайгака (рис. 57, 13–15; 60, 3) (Шорин, 1979, с. 57–60, рис. 2, 4, 5).

Бронзовый чекан из кургана 1 могильника Алыпкаш (рис. 60, 2) имеет короткую, округлую в сечении

втулку, четырехгранный в сечении обушок и прямой, восьмигранный в сечении боек с острым четырехгранным концом. На середине боковых сторон втулки проделаны сквозные отверстия для закрепления деревянной рукояти. На окончание рукояти чекана надевался бронзовый вток. У него прямые расширяющиеся боковые грани, выпуклый приостренный конец. На лицевых гранях втока проделаны сквозные отверстия для закрепления рукояти. Алыпкашский чекан весьма своеобразен и не находит прямых аналогий ни в тагарских, ни в ананьинских памятниках. Однако шестигранный в сечении боек с четырехгранным заостренным концом отмечен на ряде ананьинских чеканов – из погребения С Ананьинского могильника, Пермского музея, погребения 1 и 2 могильника Релка. С.В. Кузьминых (1983, с. 140, 141, табл. LVII, 1, 5, 12, 17) датирует их концом VI – V вв. до н. э. Такие же бойки известны и на наиболее ранних тагарских чеканах VII–VI вв. до н. э. (Членова, 1992, с. 214, табл. 84, 41, 42). Бронзовый чекан из села Горбуново в низовьях Катунь (Горный Алтай), имеющий, так же как и алыпкашский, прямой восьмигранный в сечении боек с острым четырехгранным концом, датируется VII–VI вв. до н. э. (Абдулганеев, Тишкин, 1999, с. 109, рис. 3, 4).

На основании набора наконечников стрел – втульчатых двухлопастных с асимметрично-ромбовидной формой головки – М.К. Хабдулина датировала курган 1 могильника Алыпкаш VIII–VII вв. до н. э. (Хабдулина, 1993, с. 25, рис. 2, 3–7; 1994, с. 47, 68, рис. 14, 3). Однако, исходя из вышеприведенных параллелей и датировки наконечников стрел, мы считаем, что нижняя хронологическая граница этого комплекса не выходит за пределы VII в. до н. э.

У бронзового чекана из погребения 3 кургана 2 могильника Иртыш-14 опущенная, овальная в сечении втулка и изображение головки хищной птицы в углу между втулкой и бойком (рис. 60, 4). Чекан имеет плоский, прямоугольный в сечении обушок и прямой, округлый в сечении боек с острым четырехгранным концом. На середине боковых сторон втулки проделаны сквозные отверстия для закрепления рукояти. На окончание же рукояти надевался бронзовый втульчатый вток. У него вогнутые расширяющиеся боковые грани и выпуклый приостренный конец. У верхнего края на обеих лицевых гранях втока проделаны сквозные отверстия. На одной из лицевых граней имеется еще одно сквозное отверстие.

Чекан из могильника Иртыш-14 по своей форме и оформлению ближе всего к чекану из Нового Уфимского могильника. У него такой же круглый в сечении боек, а втулка охвачена рельефным ободком, равным по ширине диаметру бойка и обушка.

Обушок также слегка расширяется к скругленному окончанию, но в отличие от иртышского в сечении он не плоский, а круглый. Почти аналогичен уфимскому чекану, найденный близ городища Кара-Абыз. По аналогии с чеканом из погребения С Ананьинского могильника А.Х. Пшеничнюк датировал оба предмета концом VI – V в. до н. э. (Ахмеров, 1959, с. 159, рис. 5; Пшеничнюк, 1973, с. 221, рис. 30, 3, 4).

На территории, занимаемой ананьинской культурой, и в сопредельных регионах найдено, по данным С.В. Кузьминых (1983, с. 138, 139), двадцать чеканов различного типа, среди которых двенадцать экземпляров, включая ново-уфимский и кара-абызский, с изображением головки хищной птицы в углу между втулкой и бойком. Из них по форме и пропорциям наиболее близок к иртышскому чекану из погребения С Ананьинского могильника. Он имеет шестигранный боек, плоский обушок; верхняя часть втулки орнаментирована горизонтальными рельефными полосками (Збруева, 1952, с. 39, табл. V, 5; XXII, 7; Кузьминых, 1983, табл. LVI, 12). Это погребение А.В. Збруевой (1952, с. 41) датировано концом VI или началом V в. до н. э. Плоский обушок имеют также чеканы из погребения 22 Зуевского могильника, Пермского музея (без головки хищной птицы) и погребения XVIII Ананьинского могильника (Кузьминых, 1983, табл. LVI, 2, 3, 11).

По мнению С.В. Кузьминых, ананьинцы познакомились с классическими бронзовыми чеканами не ранее конца VI в. до н. э.». И хотя «ананьинские бронзовые и биметаллические чеканы соответствуют по внешнему облику древнейшим тагарским VII–VI вв. до н. э., но датируются они концом VI – V в. до н. э.» (Кузьминых, 1983, с. 137, 138). Основанием для такого заключения послужила, очевидно, археологически фиксируемая переориентация культурных связей племен ананьинской общности. Как отмечает С.В. Кузьминых, с конца VI в. до н. э. резко идут на убыль связи с Кавказом в целом и ранними скифами, но уже заканчивается становление «ананьинско-савроматских связей». Результатом данного процесса, считает С.В. Кузьминых, стала возможность установления торговых и культурных связей ананьинского мира с сакским и тагарским. Это, в свою очередь, привело к появлению в Волго-Камье в конце VI в. до н. э. черешковых наконечников стрел, бронзовых кинжалов североказахстанского типа, бронзовых и биметаллических чеканов (Кузьминых, 1983, с. 119, 136; Иванов В.А., 1984, с. 35, 36). Однако торговые и культурные связи ананьинцев с сакским миром существовали еще в VIII – первой половине VI в. до н. э. – до становления «ананьинско-савроматских» контактов (Членова, 1981, с. 4–20; Таиров, 2002б,

с. 99–102; 2003а, с. 22–29). Следует отметить, что в хорошо датированных комплексах Южного Урала второй половины VI – V в. до н. э. нет кинжалов североказахстанского типа и чеканов, а черешковые наконечники стрел единичны (Гуцалов, 2000, с. 41, 42).

Для датировки ананьинских чеканов С.В. Кузьминых использовал схему развития и датировку тагарских чеканов, предложенные Н.Л. Членовой. Так, например, по мнению Н.Л. Членовой, тагарские чеканы с изображением головки хищной птицы под бойком начинают отливаться с конца VI в. до н. э. и становятся правилом в V в. до н. э. (Членова, 1967, с. 27). Данное положение стало одним из аргументов датировки целой серии ананьинских чеканов (Кузьминых, 1983, с. 140–142). Однако, рассматривая внешние связи тагарской культуры, Н.Л. Членова приходит к выводу, что в какой-то период в течение VII–VI вв. до н. э. она находилась в состоянии полной изоляции от соседних культур. Положение, по мнению ученого, меняется в V в. до н. э., когда возобновляются контакты с западными территориями. Результатом этого стало появление в Минусинской котловине бронзовых предметов, украшенных в так называемом алтайском зверином стиле, распространенном на Алтае, в Казахстане, Приаралье (Членова, 1998, с. 676). Анализируя чеканы с изображением головкой хищной птицы между втулкой и бойком из Ананьинского и Ново-Уфимского могильников и окрестностей городища Кара-Абыз, Н.Л. Членова отмечает, что они действительно имеют самые точные аналогии с тагарскими чеканами. «Однако в Минусинской котловине таких чеканов мало (всего 7), и некоторые детали, в особенности обушок одного из них, украшенный изображениями в алтайском зверином стиле, указывают на проникновение их с запада, то есть, по крайней мере, из бассейна Оби». Находки же очень близких по форме чеканов в Иране позволяют, по ее мнению, «судить о существовании таких чеканов в обширной области между Иртышом и бассейном Оби, откуда они, вероятно, и попали в Прикамье» (Членова, 1981, с. 7).

Накопленные за последние десятилетия материалы позволили пересмотреть хронологию ананьинской культуры и, в частности, удревнить ее ранние этапы. На третьем этапе культуры (VII – первая половина VI в. до н. э.) начинают встречаться бронзовые и биметаллические чеканы с длинной втулкой и часто с изображением головки хищной птицы в углу между бойком и втулкой (Коренюк, 2000, с. 75, 79). К VII в. до н. э., возможно, к его первой половине, относит С.Н. Маратканов (2003, с. 122) чеканы с изображением головки хищной птицы под бойком из Ананьинского могильника. Вероятно, первой по-

ловиной VII в. до н. э. датируется бронзовый чекан с реки Сарабаиха в Пермской области, который, как и иртышский чекан, имеет плоский обушок и изображение головки хищной птицы между втулкой и бойком (Денисов, Коренюк, 2001, с. 142, рис. 1).

Исходя из датировки комплексов кургана 84 могильника Уйгарак (VIII – первая половина VII в. до н. э.) и Имирлере (первая половина VII в. до н. э.), в состав которых входили биметаллические чеканы с изображением головки хищной птицы между бойком и втулкой, Г.Н. Курочкин пришел к выводу, что родиной подобных чеканов были Саяны. На рубеже VIII–VII вв. до н. э. подобные чеканы проникают в Западную Сибирь и Казахстан, где типологически являются ранними. А одним из наиболее ранних в этих регионах он считает уйгаракский биметаллический чекан. Раннетагарские чеканы с изображением головки хищной птицы между втулкой и бойком он датирует VIII – первой половиной VII в. до н. э. (Курочкин, 1991, с. 103, 104; 1993, с. 60). С высказанным Г.Н. Курочкиным, а также Г.Н. Курочкиным и И.В. Субботиным (1993, с. 63, 64) мнением о том, что чеканы с изображением головки хищной птицы между бойком и втулкой являются наиболее ранними и что бронзово-железные чеканы с головкой птицы идентичны бронзовым раннетагарским с таким же оформлением, не согласилась Н.Л. Членова. С ее точки зрения, «тагарские и западные чеканы с птичьей головкой – это две разные ветви чеканов». У западных чеканов, прежде всего биметаллических, втулка длиннее, чем у тагарских, бойки и обушки плоские, а у тагарских – круглые или многогранные (Членова, 1997, с. 15).

В связи с этим отметим, что наиболее близкие аналогии иртышскому чекану происходят из комплексов раннесакского времени Тувы. Так, VII в. до н. э. датируется курган 4 могильника Усть-Хадынских 1, где вместе с кожаным поясом с бронзовыми обоймами найден бронзовый чекан с изображением головкой хищной птицы в углу между втулкой и бойком. У него круглый в сечении боек, заканчивающийся четырехгранным острием, втулка охвачена рельефным ободком, равным по ширине диаметру бойка и круглого в сечении обушка (Виноградов, 1980, рис. 1; Смирнов Н.Ю., 2004, рис. 2, 2). Плоский в сечении обушок, аналогичный обушку иртышского чекана, имеет чекан из погребения 3 могильника Сарыг-Булу. У него такой же, как у иртышского чекана, боек, изображение головки хищной птицы в углу между бойком и втулкой, но отсутствует, насколько это можно судить по прорисовке, рельефный ободок на втулке (Смирнов Н.Ю., 2004, с. 46, рис. 2, 3). Из сопроводительной мужской могилы кургана Аржан-2

(вторая половина VII в. до н. э.) происходит бронзовый чекан, который, как и иртышский, имеет круглый в сечении боек, заканчивающийся четырехгранным острием, плоский обушок, закругленный на конце, головку хищной птицы между втулкой и бойком. В горите из этого погребения, который так же, как и чекан, был подвешен к поясу, вместе с бронзовыми трехлопастными черешковыми и двухлопастным втульчатым наконечниками находился наконечник, типологически близкий к наконечникам из погребения 3 кургана 2 могильника Иртыш-14 (Аржан..., 2004, с. 29, 304).

С территории Южного Зауралья происходят и два биметаллических чекана: из погребения 1 кургана 5 могильника Кичигино I (Таиров, Боталов, 2010, с. 59, рис. 2, 6, 7; Таиров, 2015, с. 305–307, рис. 2, 6, 7) и случайная находка в селе Шантарино Троицкого района Челябинской области (Таиров, 2010).

Шантаринский чекан (рис. 60, 5) имеет железный клинок и бронзовую втулку. Клинок представляет собой единую железную, трапециевидную в плане пластину, проходящую сквозь втулку. В углу между втулкой и бойком помещена петля, оформленная в виде головки хищной птицы с загнутым клювом. Биметаллические чеканы найдены в Западной Сибири, Восточном Приаралье, Южном Приуралье, Волго-Камье, на Кавказе и в Малой Азии (сводку находок см.: Алексеев, 2003, с. 50–51, рис. 4; Иванчик, 2001, с. 48–49, 56, рис. 22; Пиотровский, 1989, с. 8–10; Подобед, Ключнев, 1993, с. 45–46; Пьянков, 2005, с. 281). Чекан из Шантарино наиболее близок к экземплярам из кургана 84 могильника Уйгарак, с горы Сулак под Оренбургом и окрестностей села Орехово Луганской области (Вишневская, 1973, табл. XX, 1; Подобед, 1993, рис. 53; Смирнов, Петренко, 1963, табл. 14, 34).

У чекана из Кичигино (рис. 60, 6) железные боек и обушок, бронзовая глухая втулка. Боек прямой, в сечении, вероятнее всего, круглый или многогранный. Плоский в сечении обушок расширяется к скругленному окончанию. Железная часть изделия охватывает верхнюю часть бронзовой втулки. Кичигинский чекан является пока единственным, у которого железная боевая часть охватывает бронзовую втулку, а не проходит сквозь нее, как у остальных биметаллических чеканов.

По форме к кичигинскому чекану наиболее близки цельнобронзовые экземпляры из кургана 4 могильника Усть-Хадынских I (VII в. до н. э.) и мужских сопроводительных могил кургана Аржан-2 в Туве (Виноградов, 1980, рис. 1; Аржан..., 2004, с. 29; Çigunov et al., 2010/ Tafel 95, 1; 101, 1; 111, 1; 114, 5), из кургана 2 могильника Иртыш 14 (VII в. до н.

э.) в Южном Зауралье (Гаврилюк, Таиров, 2006, с. 225–245, рис. 3.4, 6), Пермского музея (Кузьминых, 1983, табл. LVI, 17). У них плоский в сечении обушок, который расширяется к округленному окончанию, и округлый или многогранный в сечении боек. У некоторых из них втулка в ее верхней части охвачена рельефным ободком, который как бы соединяет боек и обушок. В ряде случаев в углу между втулкой и бойком помещено изображение головы хищной птицы.

Из других категорий инвентаря кочевников степей Жайык-Иртышского междуречья можно отметить бронзовый нож с навершием типа «арка на кронштейне» из кургана VIII–VII вв. до н. э. у станции Шидерты в Центральном Казахстане (рис. 12, 31). Ближайшие аналогии он имеет в материалах Зевакинского могильника в Восточном Казахстане (Пересветов, 2001, с. 283, рис. 1, 1; Пересветов, Куропятникова, 2002, с. 126–128, рис. 2, 1; Арсланова, 1974а, с. 52, табл. I–III).

Навершие рукояти нагайки из кургана 4 Бобровского могильника (Южное Зауралье) реалистично выполнено в виде головы кабана с оттянутой назад и приостренной холкой, миндалевидным ухом и выделенной щекой (рис. 3, 26; 5, 16; 53, 1). Глубокой врезной линией показаны глаза и клыки. Прежде всего следует заметить, что приостренная и оттянутая назад холка характерна для изображений кабанов «центральноазиатской серии» (Курочкин, 1992, с. 111). По этому признаку, а также по общей форме головы, уха и клыков бобровская головка наиболее близка к изображениям головы кабана на фигурках из кургана Чиликты в Восточном Казахстане и разрушенного погребения у колхоза «Комсомол-шины» в Центральном Казахстане (рис. 12, 9) (Черников, 1965, табл. XVII; XVIII; Агеева, 1951, табл. II, 1). Форма щеки, манера передачи уха и холки сближают бобровскую головку с головкой свиньи на алтайском бронзовом ноже VII–VI вв. до н. э. из собрания ГИМ (Членова, 1995, с. 95, рис. 1, 3). Форма глаза и уха, манера передачи уха головы кабана на бобровской нагайке близки к таковым головы кабана на окончании роговых псалиев VII в. до н. э. из кургана 5 могильника Карбан 1 в Горном Алтае (Демин, Гельмел, 1992, с. 173, рис. 3, 1, 4)¹⁴. Так же, как у бобровского кабана, передана шерсть на загривке на изображении кабана на деревянной основе колчана из кургана 1 могильника Ак-Алаха I (Горный Алтай, V – начало IV в. до н. э.) (Полосьмак, 1994, с. 31, 66, рис. 21). Приостренную и оттянутую назад холку можно видеть на изображении кабана на бронзовой бляшке и костяном гребне из могильника Тора-Хем, Вторая поляна на северо-востоке Тувы (Дэвлет, 2005, рис. 2, 1, 3). Кроме того, ухо кабана на брон-

зовой бляшке из этого могильника показано в той же манере, что и у бобровского. Заостренный же клык кабана на костяном гребне по своей форме аналогичен бобровскому изображению.

Степи Жайык-Иртышского междуречья являлись, на наш взгляд, одним из основных районов распространения портупейных поясов с бронзовыми или железными обоймами. Пояса такой конструкции объединены В.Н. Добжанским в тип I – с бляхами-обоймами. Бытовали они, по его мнению, в VII–VI вв. до н. э., но встречаются еще и в погребениях V в. до н. э. (Добжанский, 1990, с. 21). Пояса этого типа нами были предварительно разделены на две группы (Боталов, Таиров, 1996, с. 131; Таиров, 2004, с. 140). Для первой группы характерны металлические обоймы прямоугольной формы с различным оформлением лицевой поверхности. Обратная их сторона гладкая или прорезная, с одной или двумя петлями или петлевидными выступами. Вторая группа включает наборные пояса с металлическими, фигурными X-образными цельными или прорезными обоймами. Новые материалы из погребений и случайных находок в степях Жайык-Иртышского междуречья, полученные в последнее десятилетие, позволяют разделить обоймы портупейных поясов раннесакского времени этого региона на четыре группы: прямоугольные, фигурные, зооморфные, многокольчатые (ремешковые).

Пояса с бронзовыми или железными обоймами прямоугольной формы найдены в четырех южнозауральских погребениях: курган 4 Бобровского могильника, курган 1 могильника Николаевка II, курган 4 Варненской группы, погребение 3 кургана 2 могильника Иртыш 14 (рис. 45, 1, 3, 4, 7) (Матвеева Г.И., 1964, с. 213, рис. 1, 5; Таиров, 1987, с. 29, рис. 2, 2, 3, 5–10, 12–15; Боталов, Таиров, 1996, с. 122, рис. 10, 7–16; 6, 11–20; Гаврилюк, Таиров, 2002, с. 19–22, рис. 1, 3, 6, 9; 2006, рис. 3.5, 11, 12). В Центральном Казахстане такие пояса происходят из кургана 1 могильника Тасмола VI, курганов 1 и 3 могильника Нурманбет IV, кургана 12 могильника Майкубень 3 (рис. 45, 8, 9) (Маргулан и др., 1966, рис. 28, 1, 7; 39, 1, 2). Все они датируются в рамках VII–VI вв. до н. э.

Среди фигурных обойм выделяется подгруппа X-образных цельных или прорезных. Портупейные пояса с такими обоймами обнаружены в кургане 1 могильника Тасмола II и кургане 5 могильника Талды-2 в Центральном Казахстане, в кургане 2 могильника Алыпкаш в Северном Казахстане (рис. 45, 11, 13) (Маргулан и др., 1966, рис. 39, 3; Хабдулина, 1993, с. 40, рис. 3, 9; Бейсенов, 2011а, с. 4; 2014а, с. 136, 137).

Курган 1 могильника Тасмола II, поясной набор из которого, наряду с X-образными, имеет две прямоугольные обоймы, М.К. Кадырбаев отнес ко второму этапу тасмолинской культуры Центрального Казахстана (V–III вв. до н. э.). Однако сочетание в материалах этого погребального комплекса двухлопастных, трехгранных («скифских») втульчатых и трехлопастного черешкового наконечников стрел позволяет датировать его концом VI в. до н. э. (Медведская, 1972, с. 81, 82, 89), хотя не исключено и самое начало V в. до н. э. Этой дате (конец VI – начало V в. до н. э.) не противоречат ни погребальный обряд, ни остальной инвентарь кургана (Маргулан и др., 1966, с. 349–352, рис. 43, 2–8, 12, 15). В кургане 2 могильника Алыпкаш помимо поясного набора найдены биметаллический нож с кольцевым навершием, трехлопастные втульчатые («скифские») наконечники стрел и один втульчатый двухлопастный овальный с утяжеленным ромбическим окончанием головки (Хабдулина, 1993, с. 40, рис. 3, 2–8). Последние и определяют время сооружения кургана – не ранее середины VI в. до н. э. и не позднее начала V в. до н. э.

В Южном Зауралье пояса с фигурными обоймами второй подгруппы (не X-образные) представлены поясом, найденным случайно в Троицком районе Челябинской области (его точное местонахождение неизвестно) (рис. 45, 2). Кроме того, одна поясная обойма этой подгруппы происходит из окрестностей села Осиповка того же Троицкого района (рис. 45, 5). В Центральном Казахстане к поясам этой подгруппы можно, на наш взгляд, отнести пояс из кургана 12 могильника Майкубень 3 (Бейсенов, 2001, рис. 2, 1; Бейсенов, Чотбаев, 2001, рис. 1, 1). К этому поясу, имеющему семь бронзовых обойм (рис. 45, 10), был подвешен колчан, содержащий пять бронзовых трехгранных черешковых наконечников стрел и бронзовый нож с кольцевидным навершием (рис. 10, 57, 61; 12, 32). Колчан подвешивался к бронзовому крюку, который с помощью сыромятного ремешка, украшенного двумя бронзовыми пронизиями, и бронзового стержня крепился к поясу. С поясом также связаны крупная бронзовая цилиндрическая пронизь и две бронзовые конусовидные ворворки (рис. 45, 9). Помимо этого, при погребенном найдены две плоские пластинчатые накладки и бронзовый двухлопастный втульчатый наконечник стрелы (рис. 10, 56) (Бейсенов, 2001, с. 69–71, рис. 2, 1–4; Бейсенов, Чотбаев, 2001, рис. 1, 2–4).

Третья группа поясных обойм, зооморфных, представлена поясом из погребения 1 кургана 5 могильника Кичигино I (Южное Зауралье) и из кургана 27 могильника Тегисжол (Центральный Казахстан) (Таиров, Боталов, 2010, рис. 3, 1–3; Таиров, 2015,

рис. 3, 1–3; Варфоломеев, 2011, с. 321–324, рис. 3).

Обоймы кичигинского пояса оформлены изображениями противопоставленных голов сайгаков (рис. 4, 1; 5, 9; 50, 2, 3). В той же манере, что и на кичигинских обоймах, передана голова сайги на золотых бляшках, изображающих это животное в летящем галопе, из кургана 66 Южного Тагискена. На основании бронзового зеркала с петелькой на оборотной стороне и клювовидного каменного жертвенника курган отнесен к группе памятников, датируемых в пределах VII – середины VI в. до н. э. (Итина, Яблонский, 1997, с. 27, 68, 70, рис. 65, 3–5). С поясными обоймами из Кичигино наиболее сходна бронзовая бляха, найденная в песках Курмангазинского района Атырауской области в Западном Казахстане (Тасмагамбетов, 2003, с. 122).

Фигурные обоймы из погребения в кургане 27 могильника Тегисжол (рис. 45, 14) «изготовлены в виде двухлучевой свастики, вписанной в овал... Лучи оформлены в виде стилизованных изображений. На одном из них извилистой линией переданы контуры головы и клюва грифона. Другой луч изображает профиль головы лошади с гривой в виде рельефа из трех овальных выступов» (Варфоломеев, 2011, с. 322). Этот пояс включает, помимо зооморфных обойм, обоймы первой группы – прямоугольные, одна сторона гладкая, а на второй имеется петлевидный выступ (рис. 45, 14), аналогичные обоймам из кургана 1 могильника Тасмола и из кургана 6 могильника Кызык-Телань I (рис. 46, 5) (Маргулан и др., 1966, рис. 39, 3; Суразаков, 1983, с. 46, рис. 5, 2; Шульга, 2008, с. 111, рис. 80, 1–8).

Портупейные пояса с обоймами прямоугольной формы, помимо степей Жайык-Иртышского междуречья, происходят также из погребения 704 Старшего Ахмыловского могильника в Марийском Поволжье (рис. 46, 8, 9), из кургана 37 могильника Южный Тагискен в Юго-Восточном Приаралье (рис. 45, 12) и из кургана 7 могильника Тегермансу I на Восточном Памире (рис. 46, 2, 3) (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 105, 1д, 1р; Литвинский, 1972, табл. 45). Все они датируются в рамках VIII–VI вв. до н. э.

Бронзовая поясная обойма прямоугольной формы, одна сторона которой гладкая, а на второй имеется петля (рис. 46, 22), найдена вместе с комплектом конского снаряжения раннесакского времени у села Баршатав, расположенного на южном склоне хребта Акшатау в восточной части Казахского мелкосопочника (Бесетаев, 2015, с. 352, рис. 1; 2016, с. 42, рис. 1, 1). Такие же обоймы (рис. 46, 20) происходят и из кургана 4 могильника Аксуат I, размещенного на северных склонах хребта Тарбагатай в Восточном

Казахстане (Оралбай, 2013, с. 139, рис. 12; Чотбаев, 2013, с. 108, рис. 88).

В пределах VI–V вв. до н. э. (скорее VI в. до н. э.) можно, как представляется, датировать и курган 6 могильника Кызык-Телань I на Алтае, где при погребенном в каменном ящике мужчине, ориентированном головой на север, найден пояс с обоймами первой группы (рис. 46, 5). А.С. Суразаков отнес курган к пазырыкскому этапу (V–III вв. до н. э.) пазырыкской культуры Горного Алтая (Суразаков, 1983, с. 46, рис. 5, 2; см. также: Шульга, 2008, с. 111, рис. 80, 1–8). Однако все обоймы этого пояса, даже с петлей в основании, аналогичны обоймам из памятников VII–VI вв. до н. э. (Тасмола VI, курган 1; Южный Тагискен, курган 37) (Маргулан и др., 1966, рис. 28, 7; Итина, Яблонский, 1997, рис. 24, 3). Наконечник же ремня, аналогичный наконечнику из Вавилово, ограничивает нижнюю дату комплекса кургана серединой VI в. до н. э. По мнению П.И. Шульги, данный комплекс следует датировать концом первой половины VI в. до н. э. или первой половиной VI в. до н. э. (Шульга, 2007; 2008, с. 111).

Кожаный пояс с пятью прямоугольными бронзовыми обоймами, имеющими петлю на обороте, найден в могиле 9 могильника Гилево-10, группа 4 (Гилевский мост) на юге Алтайского края, близ границы с Казахстаном (Шульга, 2003а, рис. 55, 8; 2008, с. 108, 109, рис. 78). Комплекс могилы 9 датирован П.И. Шульгой первой половиной VI в. до н. э. Как и на поясе из кургана 1 могильника Нурманбет IV, вдоль центральной части пояса проходил тонкий кожаный ремешок (рис. 46, 14). Отметим также, что погребенный здесь мужчина лежал вытянуто на спине, головой на север, а на деревянном перекрытии ямы сохранились череп и шейные позвонки лошади и кости туши барана (Шульга, 2007). Ромбический в сечении бронзовый втульчатый наконечник стрелы из этого погребения почти аналогичен наконечникам из колчана, найденного в кургане 13 могильника Алыпкаш в Северном Казахстане (Хабдулина, 1994, табл. 15).

Пояс с бронзовыми обоймами, выполненными в виде стилизованной фигуры орла с распростертыми крыльями, происходит из могилы 12 этого же могильника Гилево-10 (рис. 46, 17). Захоронение совершено в каменном ящике, на плитах перекрытия которого найден череп барана. Умерший лежит вытянуто на спине, головой на север. Комплекс инвентаря позволяет уверенно датировать погребение первой половиной VI в. до н. э. (Шульга, 2007; 2008, с. 109, 110, рис. 79). Отметим, что к поясу из могилы 12 был подвешен бронзовый костылек-застежка (Шульга, 2007, рис. 4; 2008, рис. 79, 3), так же, как в кургане 4 могильника Бобровский, кургане 2 группы

Иртыш 14, кургане 5 могильника Кичигино I и в кургане 1 могильника Тасмола II (рис. 45, 1, 7, 11).

Пояс с гладкими прямоугольными обоймами найден в Туве в кургане 6 и, возможно, кургане 2 могильника Бай-Даг 6 раннего этапа алды-бельской культуры VII–VI вв. до н. э. (Килуновская, 2014, с. 89–91, рис. 3, 7–11).

Пояса с прямоугольными обоймами выявлены в могильнике Юйхуанмяо в Северном Китае (рис. 46, 24). Правда, их лицевая сторона не гладкая, на ней выполнен орнамент в виде одной или сдвоенной S-образной фигуры с вариациями. Наличие орнамента сближает их с поясными обоймами из Тувы, имеющими на лицевой поверхности рельефные изображения. С тувинскими их роднит и прямоугольный вырез на оборотной стороне. Есть в этом могильнике и пояса с ажурными обоймами с двумя соединенными (сдвоенными) S-образными фигурами, весьма схожие с поясными обоймами из кургана Аржан-2 (Шульга, 2015, с. 63, рис. 100)¹⁵.

Собрание портупейных поясов с обоймами первой подгруппы второй группы (с фигурными X-образными) включают, помимо поясов из могильников Тасмола II, Талды-2 и Алыпкаш, пояса из курганов у сел Вавилово (Вавилонка) и Пьяный Яр близ Семипалатинска (рис. 38, 1, 4) (Киселев, 1951, табл. XXIX, 7; Алехин и др., 1992, рис. 1), из погребения 2 кургана 4а могильника Аксуат-I (рис. 46, 21) на северных склонах хребта Тарбагатай в Восточном Казахстане (Кариев, Оралбай, 2013, рис. 1; 2; Оралбай, 2015, с. 201, рис. 5; Чотбаев, 2013, с. 108, рис. 89).

Из разграбленного кургана у села Вавилово (Вавилонка) помимо пояса с бронзовыми обоймами происходят железный кинжал с брусковидным навершием и крыльевидным перекрестием, бронзовый нож, оселок, пять бронзовых трехгранных черешковых наконечников стрел, зеркало с короткой боковой ручкой и петелькой на ней и ряд других предметов (Киселев, 1951, с. 298–300, табл. XXIX, 1–10). Этот курган, так же как и курган 6 могильника Туяхта, где найдена подквадратная прорезная обойма, почти аналогичная вавилонской, С.В. Киселев датировал II стадией майэмирской культуры (Киселев, 1951, с. 292, 300). По мнению П.И. Шульги, курган у села Вавилово (Вавилонка) и курган 6 могильника Кызык-Телань-1 «являются переходными от завершающего этапа раннескифской эпохи к раннепазырыкскому времени и датируются первой половиной VI в. до н. э.». (Шульга, 2008, с. 111). Исходя из имеющихся в настоящее время материалов по раннесакским поясам, мы полностью согласны с мнением К.В. Чугунова о том, что середина VI в. до н. э. является верхним хронологическим рубежом для сплошных

или прорезных, в том числе и X-образных, обойм борного пояса (Чугунов, 2011, с. 75).

Из погребения в каменном ящике у села Пьяный Яр помимо пояса с серебряными обоймами (рис. 46, 1), близкими по форме к вавилонским, происходят железный кинжал усть-буконского типа, рукоять которого обложена серебряными пластинами, бронзовое «зеркало» с длинной ручкой в виде заостренного на конце штыря (рис. 39, 7), плоский подпрямоугольный оселок, бронзовые втульчатые наконечники стрел пулевидной формы и ряд других предметов. По мнению авторов публикации, данное погребение «относится к концу скифской эпохи – началу гунно-сарматского времени (рубеж эр)» (Алехин и др., 1992, с. 128, рис. 1), с чем в свете изложенного выше достаточно трудно согласиться. Скорее всего, этот комплекс хронологически близок к комплексу Вавилово.

Кроме того, по набору инвентаря (кинжал, нож, зеркало с боковой ручкой, бронзовые наконечники стрел, наборный пояс с бронзовыми обоймами) погребения у сел Вавилово и Пьяный Яр сходны с рядом погребений VII–VI вв. до н. э. из Южного Зауралья, Центрального Казахстана и Приаралья. Это погребения в кургане 4 Бобровского могильника, кургане 2 могильника Иртыш-14, кургане 5 могильника Кичигино I в Южном Зауралье (рис. 49–51; 53; 54) (Матвеева Г. И., 1964, с. 214, рис. 1; Боталов, Таиров, 1996, рис. 10; Гаврилюк, Таиров, 2002, с. 19–22; 2006, с. 225–234; Таиров, Боталов, 2010, рис. 3; Таиров, 2015, рис. 3), в кургане 1 могильника Нурманбет IV в Центральном Казахстане (Маргулан и др., 1966, с. 343, 344, рис. 38; 39, 2), в кургане 21 могильника Уйгарак (Вишневецкая, 1973, с. 18, рис. 8, табл. V).

Боевые пояса с фигурными обоймами второй подгруппы второй группы найдены в кургане 37 могильника Южный Тагискен в Юго-Восточном Приаралье (рис. 45, 12) и в кургане 4 могильника Можуташ II на Восточном Памире (рис. 46, 2) (Итина, Яблонский, 1997, с. 68, рис. 25, 1, 3; Литвинский, 1972, табл. 21, 7, 8, 10, 11). Пояса с фигурным зубчатый щитком зафиксированы и в северокитайском могильнике Юйхуанмяо (рис. 46, 24) (Шульга, 2015, с. 63, рис. 100, 38).

Одновременно с вышеописанными поясами в VII–VI вв. до н. э. кочевники Центрального Казахстана, а также Приаралья, Кулунды, Алтая и Северного Китая использовали пояса, составленные из трех – шести параллельных кожаных ремешков, для скрепления которых использовались многокольчатые костяные или бронзовые обоймы. Это пояса из кургана 3 могильника Тасмола V и кургана 1 могильника Копа в Центральном Казахстане, кургана 14 могиль-

ника Уйгарак, кургана 9 могильника Жол-Кудук, кургана 97 могильника Тыткескен-6, могильника Юйхуанмяо (Шульга, 2007; 2008, с. 112–115, рис. 82, 3, 4; 2015, с. 64, рис. 100; Бейсенов, 2014а, с. 134) (рис. 46, 15, 16, 18).

Пояс из Тасмола V (рис. 46, 15) включал роговую застежку, четыре фигурные костяные обоймы в виде пяти колец, соединенных друг с другом. К поясу, вероятно, подвешивался костяной костылек со стремчовидным навершием, близкий к бронзовому костыльку, висевшему на поясе, из кургана 1 могильника Тасмола II (рис. 45, 11). Здесь же были найдены подвесной массивный рог, желобчатая обоймочка и две ворворки (рис. 12, 5, 7, 12, 13, 17, 35). Костяная застежка пояса стилистически сходна с застежками поясов из могильников Гилево-10 на Алтае, Демир-Суг II и из кургана Аржан-2 в Туве (рис. 46, 6, 13, 17) (Шульга, 2007; 2008, с. 112; Семенов, 2001, рис. 2, 8–13; Аржан..., 2004, с. 9, 52; Сугуннов et al, 2010. Tafel 30, 3; 51, 3; 97, 3; 104, 3).

Костяные обоймы, аналогичные тасмолинским, но не с пятью, а с четырьмя оформленными в виде колец отверстиями под ремешки, составляли часть пояса из кургана 9 могильника Жол-Кудук (рис. 46, 18). Наличие в материалах этого кургана костяных обойм, орнаментированных с одной стороны пятью шестью валиками, позволяет предполагать, что в данном случае мы имеем дело с комбинированным поясом (Шульга, 2007; 2008, с. 113). Его средняя часть, находившаяся на спине, была из цельного ремня, а края – из четырех ремешков.

Как считает П.И. Шульга, под влиянием ремешковых ремней оформлены обоймы цельных ремней из кургана 12 могильника Майкубень 3 (рис. 45, 10) и кургана 14 Быстрянского могильника (северные предгорья Алтая). Причем бронзовые обоймы Быстрянского могильника, орнаментированные с внешней и внутренней стороны пятью валиками, имитируют пять последовательно расположенных колец на роговых обоймах из кургана 3 могильника Тасмола V (Шульга, 2008, с. 114). В курганах 8 и 14 Быстрянского могильника найдены золотые серьги с конусовидной подвеской, украшенной зернью (Завитухина, 1966, с. 61–64). Большинство из известных в настоящее время таких изделий обнаружены на территории Тувы.

Как в Северном (Саргары II, Жабай-Покровка, Рузаевка), так и в Центральном Казахстане (Толагай, Талдысай, Ак-Мустафа, Бақыбулак) известны каменные кольцевые оградки из вертикально установленных или горизонтально уложенных плит или крупных камней без могильных ям внутри них и каких-либо следов человеческих захоронений. Внутри

ограды или под ее камни помещались предметы конской упряжи (Мошкова, 1966, с. 45, 46; Кадырбаев, 1958, с. 97; Хабдулина, 1994, с. 22; Курманкулов, 1989, с. 145–147; Бейсенов, Смаилов, 1998, с. 271, 272; Бейсенов, 2015а; 2015б, с. 114, рис. 3). В Восточном Казахстане к этому типу памятников, возможно, относится находка в ограде 17 могильника Измайловка (Ермолаева, 1987, с. 69–72, рис. 31–33; 1987а, с. 159, 160, рис. 3, 3–18; Бейсенов, Смаилов, 1998, с. 272). Здесь же, в Усть-Каменогорском микрорайоне, известна прямоугольная ограда (Менное VIII, ограда 29), в восточную стенку которой встроены округлый жертвенник, содержащий набор конской узды (Ткачев, Ткачева, 1999, с. 141). На Южном Алтае в могильнике Кок-су I исследовано кольцо диаметром 3,5 м, сложенное из тринадцати крупных камней. В его центре, в небольшом углублении вместе с фрагментами костей лошади найден уздечный набор, состоящий из удила, псалиев, трочных пряжек и пронизи для перекрестных ремней (Сорокин, 1969, с. 249, рис. 2; 1974, с. 75, 79, рис. 2, 1–6). Псалии с Т-образными выступами из Кок-су аналогичны псалиям из Северного Казахстана (Грязнов, 1956, с. 13, рис. 3, 9, 10). К этому же типу памятников относится, по нашему мнению, кольцо из семи массивных каменных глыб, исследованное к юго-западу от кургана 2 Майэмира. Здесь под самой большой глыбой найден клад («Майэмирский клад»), состоящий из предметов упряжи, в том числе и пяти золотых округлых пластин с изображением свернувшегося в кольцо хищника (Киселев, 1947, с. 159, 160; Грязнов, 1947, с. 11, рис. 4, 1, 2, 8). Как правило, большинство этих комплексов по предметам конской узды датируются в рамках второй половины VIII – VII в. до н. э. (Марсадоллов, 1998, с. 5, 12, рис. 1; Шульга, 1998, с. 34; Горбунова, 2001, с. 193, 194).

Сакским временем датируются и выявленные на территории Центрального Тянь-Шаня каменные конструкции округлой формы, чаще всего состоящие из восьми камней, иногда с предметами конской узды внутри них. Часть из них почти не связана с могильниками, а часть привязана к конкретным курганам, дугообразно окружая их (Табалдиев, 2002, с. 289–292; 2006, с. 55–57; 2007, с. 53–55, рис. 3).

Среди памятников бийкенской культуры Алтай выделяется группа ритуальных объектов в виде выложенных или вымощенных камнем округлых, подовальных или подквадратных сооружений. Их можно разделить на две подгруппы: кольца-выкладки (ограничены выложенными по периметру камнями) и вымостки (внутри заполнены в один-два слоя небольшими гальками, а по периметру иногда ограничены более крупными камнями). Под камнями некоторых

выкладок и вымосток обнаружены кальцинированные кости животных, фрагменты керамики, следы кострищ. В ряде случаев внутри этих сооружений в ямах находились конские захоронения, конские головы или их части. Разнообразные выкладки и вымостки, часто с конскими головами, обнаружены также на территории Тувы, Монголии и Забайкалья (Шелепова, 2008, с. 223, 224).

В рядовых погребениях алды-бельской культуры Тувы, в отличие от элитных, конских захоронений не выявлено. Однако погребальный обряд этой культуры предусматривал размещение в наземном сооружении кургана, чаще всего под камнями ограды, комплекта предметов конского снаряжения. Такие ритуальные клады найдены в могильниках Алды-Бель-I, Хемчик-Бом-III, Сыпучий Яр, Ортаа-Хем-II, Баданка-IV и др. (Чугунов, 2005, с. 104).

Принадлежности конской упряжи (удила, псалии, пряжки и т. п.) из погребений ранних кочевников степей Жайык-Иртышского междуречья, главным образом Центрального Казахстана, имеют многочисленные аналогии не только в памятниках Приаралья (Горбунова, 2001), но и в основном Алтая и Тувы (Боковенко, 1998; Бородаев, 1998; Кубарев, 1998; Марсадоллов, 1998; Тишкин, 1998; Шульга, 1998; Шульга П.И., Шульга Н.Ф., 2005, рис. 1). Однако среди многообразных предметов упряжи из Центрального Казахстана встречаются изделия, имеющие наиболее близкие аналогии преимущественно лишь в памятниках Алтая, реже Тувы или Минусинской котловины.

Так, удила из Талдысай (Центральный Казахстан) – двукольчатые с двуплановым расположением отверстий, внешнее кольцо которых выполнено в виде стремечковидных окончаний (рис. 11, 45), – в качестве ближайшей аналогии А.З. Бейсенов и Ж.Е. Смаилов (Бейсенов, Смаилов, 1998, с. 271, 272, рис. 1, 1) приводят удила из Измайловского комплекса в Восточном Казахстане. Эти удила А.С. Ермолаева (1987, с. 92, рис. 33, 2; 1987а, с. 160, рис. 3, 18) определяет как стремечковидные с двуплановым расположением отверстий для псалия и крепления повода, что нам представляется более точным. Возможно, к этому же типу удила относятся и удила из могильника Ак-Мустафа (Центральный Казахстан) – «кольчатые удила, со стремевидными концами с упором» (Курманкулов, 1989, с. 146). Удила, подобные измайловским, а также талдысайским, но с двумя кольцами на окончании, зафиксированы в Минусинской котловине (Членова, 1967, табл. 16, 3; Гришин, Тихонов, 1960, с. 128, 129, рис. 2, 2, 3). Значительное количество удила с большими круглыми отверстиями для псалиев и более мелкими отверстиями, в том

числе и стремечковидными, для крепления повода, но расположенными в одной плоскости, происходит с территории Северного Китая (Yang Jianhua, 2004. P. 24, 31, 45, 66, 84; Shao Huiqiu, 2005. P. 101).

Бронзовые псалии с Т-образным выступом в центре и отверстиями по краям обнаружены в единичных экземплярах в Северном Казахстане, Приаралье (Уйгарак), Минусинской котловине и Туве. Основным же районом их распространения являются западные и северо-западные предгорья Алтая (Ткачев, Тишкин, 1999, с. 198; Чугунов, 2005, с. 104, рис. 1, 7; Смирнов, 2005, с. 35; Семенов, 2012, с. 90, 91, рис. 2, 2, 3; Шульга, 2008, с. 61, рис. 52, 17–22).

Рассматривая ажурные наносные и нагрудные подвески с изображением, по мнению П.И. Шульги, головки орла из комплекса кургана 1 могильника Машенка-1, ученый в особый вариант выделяет изображения орла с повернутой назад головой и клювом, упирающимся в спину (Шульга, 1998, с. 35, 36, табл. 1, 6–8). По его мнению, этот вариант изображения «сакского» орла существовал в VII в. до н. э. в Казахстане (бронзовая накладка из кургана 2 могильника Нурманбет I) (рис. 12, 15) и на Алтае (бронзовый нож, найденный «около д. Кунгуровой») (Членова, 1995, с. 95, 96, рис. 1, 4). В число казахстанских П.И. Шульга включил и бляшку из кургана 39 могильника Уйгарак (Вишневская, 1973, табл. XIII, 2).

Бронзовые уздечные подвески-наносники в виде «переднего отростка рога оленя» из комплексов с У-образными псалиями Алтая и Тувы В.Б. Бородаев (1998, с. 69, рис. 8) сопоставляет прежде всего с бляшкой с «изображением головы лося» из кургана 19 могильника Тасмола I (рис. 11, 16) (Маргулан, 1966, с. 314, рис. 7, 1).

Некоторые параллели между Южным Зауральем, Северным и Центральным Казахстаном, с одной стороны, и Алтаем с прилегающими к нему территориями, с другой, прослеживаются и в погребальном обряде, о чем уже говорилось выше. Речь идет о погребениях «вытянуто на спине», совершенных на уровне древней поверхности, в простой яме или яме с подбоем вдоль длинной стенки. Часто в могильную яму вместе с умершим помещали лошадь или ее макет (шкура с головой). Инвентарь этих погребений, прежде всего предметы снаряжения коня, находит ближайшие аналогии в памятниках тасмолинской общности или тасмолинской культуры¹⁶. По этому признаку к тасмолинским комплексам близки погребения в подбоях могильников Майемер II и Тар-Асу из Казахстанского Алтая (Самашев и др., 1998, с. 155–160; Самашев и др., 1998а, с. 174, рис. 13; 14). Наконечник II типа из Майемера II – четырехгранный с ромбической формой пера и скрытой втулкой

– наиболее близкие аналогии имеет в комплексах Приаралья (Уйгарак, курганы 39 и 84) и Северного Казахстана (Алыпкаш, курган 13) (Самашев и др., 1998, с. 157). Золотые серьги с навесками усеченно-конической формы, украшенные ложной зернью, и золотая фигурка кошачьего хищника из погребения в ограде 23 могильника Тар-Асу находят ближайшие аналогии в памятниках Центрального Казахстана (Жиланды, курган 2; Тасмола V, курганы 3, 4, 6) (Кадырбаев, 1974, с. 45, рис. 12; Маргулан и др., 1966, с. 398, рис. 63). Золотые серьги с конусовидной подвеской, гладкой или украшенной зернью, помимо кургана 2 могильника Жиланды и ограды 23 Тар-Асу, зафиксированы еще в ряде комплексов VIII–V вв. до н. э. Центрального Казахстана, Алтая и его предгорий, Кузнецкой котловины, Тувы, а также Южного Приуралья и Нижнего Поволжья (Завитухина, 1966, с. 62–63, рис. 3, 3; Дворниченко и др., 1997, рис. 5, 6; Самашев и др., 1998, рис. 13; 14; Семенов, 1999, с. 165–168; Чугунов и др., 2002, с. 123; Чугунов, 2003, с. 389; Аржан..., 2004, с. 45; Сугупов et al, 2010. Tafel 12, 2, 5; 57, 5; 58, 1; 72, 1 и др.; Бейсенов, 2014, рис. 2, 4). В Центральном Казахстане серьги этого типа найдены в кургане 15 Бакыбулака, кургане 8 Карашоки, кургане 1 Бектауата, кургане 5 Талды-II (рис. 13, 20, 21, 26, 35) (Бейсенов, 2014, с. 121, рис. 1; 2, 1, 2; 2014а, с. 100–101, 136, 152; 2015в, с. 34–35, рис. 17, 1–5; Бейсенов и др., 2015, рис. 5, 13; 8, 4).

Абсолютное количественное преобладание серег этого типа в Туве и на Алтае позволяет, по мнению К.В. Чугунова (2003, с. 389), считать их характерными для алды-бельской культуры Тувы и племен раннескифского времени Алтая. Распространение серег с конусом связывается с продвижением носителей традиции их изготовления с востока на запад (Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 90; Тишкин, 1999, с. 190), или с контактами населения Казахстана и Саяно-Алтая, в результате которых с территории Центрального и Восточного Казахстана техника грануляции на серьгах с конусом появляется на Алтае и в Туве. Техника эта, вероятно, приходит вместе с инновациями, приведшими к формированию алды-бельского культурного комплекса Тувы (Чугунов, 2003, с. 393; Бейсенов, 2014, с. 121). С другой стороны, находки изделий этого типа прежде всего в Туве и на Алтае, так же как и обнаружение в Восточном Алтае памятников, сопоставимых в первую очередь с алды-бельскими погребениями, «вполне укладываются в гипотезу об инфильтрации на Саяно-Алтай населения с единой культурной основой, сформированной за его пределами и связанной с Монголией и северными районами Китая» (Васютин, Садовой, 1998, с. 36). В связи с этим выводом отметим, что в Северном

и Северо-Западном Китае также известны серьги с конусовидными подвесками, чрезвычайно сходные с тувинскими, алтайскими и казахстанскими (Wenwu. 1980. № 7. P. 7; The ancient..., 1994. P. 222. № 142; A Grand..., 1999. P. 310; Шульга, 2010, рис. 81, 12, 12а). Впрочем, К.В. Чугунов истоки происхождения такой формы украшений видит в серьгах с колоколо-видными привесками из комплексов Северного Тагискена (Чугунов, 2003, с. 390). Однако серьги такого типа, никак не связанные с культурными традициями племен андроновского круга Центральной (Средней) Азии, являются, на наш взгляд, результатом того карасукского импульса, который отчетливо фиксируется археологическими материалами как Северного Тагискена, так и Центрального Казахстана.

Комплект предметов снаряжения коня и вооружения из могильника Чекановский Лог X (северо-западные предгорья Алтая) наиболее близкие параллели обнаруживает в материалах Центрального Казахстана и Горного Алтая (Демин, Ситников, 1999, с. 47). Сходство инвентаря (подпружные пряжки и принадлежности уздечки), а также некоторых черт погребального обряда (положение погребенного вытянуто на спине, головой на северо-восток, размещении в его ногах шкур двух лошадей) с памятниками тасмолинской культуры Центрального Казахстана было зафиксировано и в захоронении в кургане 2 (объекте № 2) могильника Чесноково 1 на реке Чарыш (вторая половина VII или начало VI в. до н. э.). Эта схожесть даже послужила основанием для первоначального вывода о том, что здесь погребен выходец из казахстанских степей (Шульга и др., 1997, с. 126, 127).

В могильной яме с подбоем вдоль длинной стенки кургана 1 могильника Машенка 1 в северо-западных предгорьях Алтая в конце VII – начале VI в. до н. э. совершено захоронение женщины в сопровождении оседланной и взнузданной лошади. Умершая лежала вытянуто на спине, головой на север. Справа у ее пояса находилась кожаная сумочка с бронзовым зеркалом, костяной трубочкой, костяным гребнем, кусочком обработанного дерева и кожаным мешочком с красной и черной краской. Наиболее близкие аналогии погребальному обряду и инвентарю данного кургана П.И. Шульга находит в памятниках Центрального Казахстана (Шульга, 1998, с. 37). Напомним также, что наборы, почти аналогичные предметам из кожаной сумочки из Машенки 1, зафиксированы в ряде погребений VII–VI вв. до н. э. Южного Зауралья и Северного Казахстана (Таиров, Бушмакин, 2001; 2001а) (рис. 57, 12).

Яркие сакские черты в погребальном инвентаре демонстрируют, по мнению А.Л. Кунгурова, комплек-

сы раннего этапа (конец VII – VI в. до н. э.) староалейской культуры из могильников Малого Гоньбинского Кордона под Барнаулом. К таковым относятся бронзовые зеркала с бортиком или без него, с центральной ручкой-петелькой, бронзовые двухлопастные втульчатые и трехлопастные черешковые наконечники стрел, бронзовые и железные булавки, каменные овальные жертвенники без ножек, золотые нашивные бляшки с изображением львов. Все аналогии этому «вещевому набору уходят в южные и юго-западные области Евразии». Следует также отметить, что для этих комплексов характерно положение погребенных вытянуто на спине, головой на юго-запад. Как считает А.Л. Кунгуров, погребальный инвентарь характеризует этот раннескифский комплекс как «пришлый, инородный в Верхнем Приобье». Придя в VII в. до н. э. в Верхнее Приобье, эти переселенцы, «имеющие культуру, родственную сакской», постепенно оттеснили отсюда племена большеберченцев в верховья Оби. О происходящих в регионе столкновениях свидетельствует, по А.Л. Кунгурову, и то, что все бронзовые наконечники стрел, найденные в могилах большеберченцев (Ближние Елбаны VII, XIV, Бобровский могильник), находились в них в качестве оберегов или ими были убиты похороненные люди. В то же время наконечники из могильников 1 и 3 Малого Гоньбинского Кордона входили в состав колчаных наборов (Кунгуров, 1999, с. 92–98).

Через территории Восточного Казахстана и Алтая, вероятно, осуществлялись связи племен тасмолинской историко-этнографической общности и с более восточными территориями, прежде всего с Тувой. Эти связи особенно наглядно выступают при сравнении предметов, оформленных в традициях звериного стиля, из элитных погребений Южного Зауралья, Центрального и Восточного Казахстана, Семиречья (Жетису) и Тувы (Чугунов, 2011а; 2011в; 2015; Бейсенов, 2014а, с. 127, 128, 134–137; 2015, с. 26; Бейсенов, Базарбаева, 2014, с. 597, 598; Полидович, 2015).

Близость изобразительной традиции на столь удаленных друг от друга территориях наводит на мысль о существовании на границах кочевого мира ремесленных центров, специализирующихся на обслуживании элиты кочевников. Такие центры могли находиться, как предполагает К.В. Чугунов, на территории современного Китая или в Приаралье, на городищах архаического Хорезма (Чугунов, 2011а, с. 56, 57; 2011в, с. 177, 179; см. также: Бейсенов, 2011, с. 16). Не отвергая возможности функционирования обслуживающих кочевников ремесленных мастерских в Древнем Хорезме, считаем, что в раннесакское

время они вряд ли там имелись. Судя по распространению и степени концентрации высокохудожественных ювелирных изделий в азиатской части евразийских степей, эти центры в раннесакское время располагались где-то в пограничье кочевого мира и Чжоуского Китая.

Помимо близости изобразительной традиции о разнообразных связях кочевников Жайык-Иртышского междуречья и Тувы через территории Восточного Казахстана и Алтая свидетельствуют также и другие категории погребального инвентаря. Так, в Туве в кургане 4 могильника Усть-Хадынских I (VII в. до н. э.)¹⁷ вместе с кожаным поясом с бронзовыми прямоугольными обоймами, украшенными изображениями пары горных баранов, (рис. 46, 11), найден бронзовый чекан с круглым в сечении бойком, заканчивающимся четырехгранным острием, с втулкой, охваченной рельефным ободком, равным по ширине диаметру бойка и обушка, и с изображением головки хищной птицы в углу между втулкой и бойком (Виноградов, 1980, рис. 1; Семенов, 2001, рис. 2, 12). По своей форме он очень близок к чекану из кургана 2 могильника Иртыш-14 в Южном Зауралье, где также обнаружен пояс с бронзовыми гладкими прямоугольными обоймами (рис. 54, 23, 27–33). Остатки поясов с бронзовыми или золотыми прямоугольными обоймами найдены еще в нескольких памятниках Тувы. Следует отметить, что здесь, помимо поясов с гладкими обоймами, зафиксировано большое количество поясов, обоймы которых украшены изображениями животных или сложным геометрическим орнаментом. Эта деталь отличает тувинские пояса от поясов того же времени из других регионов степной Евразии и сближает с поясами из Синьцзяна и Северного Китая (Шульга, 2010, с. 73, рис. 78, 8; 2015, с. 62–64).

Пояс с гладкими прямоугольными обоймами обнаружен в кургане 6 и, возможно, в кургане 2 могильника Бай-Даг 6 раннего этапа алды-бельской культуры VII–VI вв. до н. э. (Килуновская, 2014, с. 89–91, рис. 3, 7–11).

На обеих сторонах обойм из погребения 1 кургана 4 могильника Сыпучий Яр (не позднее рубежа VII–VI вв. до н. э.) изображены пары горных баранов (рис. 38, 10). Обоймы пояса этого же времени из погребения 1 кургана 1 могильника Демир-Суг II (рис. 46, 6) украшены с двух сторон переплетением S-овидных фигур (Семенов, 2001, с. 167, 170, рис. 2, 8–13). Пояс из Демир-Суга II почти аналогичен поясу из могилы 5 кургана Аржан-2, обоймы которого, изготовленные из золота, не сплошные, а прорезные (Чугунов и др., 2002, с. 123, рис. 11; Аржан..., 2004, с. 19, 22, 47; Çugunov et al, 2010. Tafel 29; 31; 52). В со-

проводительной мужской могиле 26 кургана Аржан-2 найден пояс с прямоугольными обоймами, украшенными изображениями пары горных баранов, аналогичными обоймам из Усть-Хадынских. Из сопроводительной могилы 20 кургана Аржан-2 происходит и пояс, прямоугольные обоймы которого украшены парами стоящих кошачьих хищников (рис. 46, 11–13) (Аржан..., 2004, с. 52; Çugunov et al, 2010. Tafel 97, 3; 104, 3; 112, 2; 115, 2). На этот пояс было закреплено оружие – горит с луком и стрелами и бронзовый чекан. Последний, так же как и чекан из кургана 2 группы Иртыш-14 в Южном Зауралье (рис. 54, 23; 60, 4), имеет круглый в сечении боек, заканчивающийся четырехгранным острием, плоский обушок, закругленный на конце, головку хищной птицы между втулкой и бойком (Аржан..., 2004, с. 29, 30; Çugunov et al, 2010. Tafel 95, 1; 111, 1). Другие параллели материалам кургана Аржан-2 в Южном Зауралье уже неоднократно отмечались выше.

Отметим также, что поясные бляхи-застежки, аналогичные застежке из кургана 5 могильника Кичигино I в Южном Зауралье (рис. 4, 1; 5, 23; 50, 1), найдены на Северо-Западном Алтае (Гилево-10) и в Туве (Демир-Суг II, Аржан-2). Наиболее близки к кичигинской по форме и системе крепления ремня поясные бляхи-застежки из могилы 12 Гилево-10 (первая половина VI в. до н. э.) и погребальной камеры 5 кургана Аржан-2 (вторая половина VII в. до н. э.) (рис. 46, 13, 17). Второй половиной VII в. до н. э., судя по бронзовым поясным обоймам, аналогичным золотым обоймам из погребальной камеры 5 Аржана-2, должно датироваться и погребение 1 кургана 1 могильника Демир-Суг II. Несколько другая система крепления у близкой по форме бляхи-застежки из сопроводительных захоронений 26 Аржана-2 (Семенов, 2001, рис. 2, 13; Чугунов и др., 2002, рис. 11; 2004, с. 14; Шульга, 2003а, с. 521, 522; 2007, с. 28, 31, рис. 4; 6, 2, 7, 8; Çugunov et al, 2010. Tafel 30, 3; 51, 3; 104, 3; 115, 2). На наш взгляд, форму, близкую к кичигинской, первоначально имела сильно изношенная поясная бляха-застежка из кургана 5 могильника Талды-2 (Бейсенов, 2010, с. 79. Фото 5; 2011а, с. 4; Чотбаев, 2013, рис. 100). Стилистически близка к тувинским и алтайской костяная застежка пояса из кургана 3 могильника Тасмола V (рис. 46, 15).

Еще один пояс с бронзовыми обоймами в комплексе с бронзовым чеканом и набором из десяти стрел происходит из кургана 2 могильника Сарыг-Булу (Чугунов, 2000, с. 215). В кургане 1 этого же могильника, а также в комплексе на реке Хут найдены бронзовые втульчатые наконечники стрел (Чугунов, 2000, с. 215, 218, рис. 1, IV, 1), типологически

сходные с наконечниками из кургана 2 могильника Иртяш-14 в Южном Зауралье.

В Синьцзяне, по данным П.И. Шульги, к раннесакскому времени «достоверно относятся три поясные обоймы из опубликованных» (рис. 46, 19) (Шульга, 2010, с. 73). Причем одна из них, имеющая гладкую лицевую поверхность с зигзагообразным боковым краем, напоминает поясные обоймы из случайных находок в Южном Зауралье (рис. 45, 2, 5), включенных во вторую подгруппу второй группы поясных обойм степей Жайык-Иртышского междуречья (Шульга, 2010, рис. 78, 6; Таиров, 2007, рис. 40, 19, 20). На щитке второй поясной обоймы из Синьцзяна, видимо, изображена стилизованная голова барана с закрученными рогами (Шульга, 2010, с. 73, рис. 78, 7), тем самым ее можно с полным основанием рассматривать вместе с зооморфными обоймами Южного Зауралья и Центрального Казахстана (рис. 4, 1; 45, 14; 50, 2, 3). На щитке третьей синьцзянской обоймы имеется S-овидная фигура, что делает возможным ее сопоставление с обоймами поясов из Северного Китая и Тувы (рис. 46, 6, 23). Характерной особенностью поясных обойм из Синьцзяна, так же как и обойм из Северного Китая (могильник Юйхуанмяо), по мнению П.И. Шульги (2010, с. 74), является крупный фигурный щиток и тонкая планка на обороте. В этой связи отметим, что в кургане 5 могильника Кичигино I из восемнадцати поясных обойм восемь имеют щиток в виде противопоставленных голов сайгаков и тонкую планку на обороте (рис. 50, 3).

В погребении 2 кургана 4 могильника Сыпучий Яр в Туве, датируемом временем не позднее рубежа VII–VI вв. до н. э., найдены две подкововидные бронзовые бляшки с протомами верблюдов, крепившиеся к поясу при помощи двух кнопок (Семенов, 2001, с. 167, рис. 3, 13, 14). Они выполняли, вероятно, ту же функцию, что и бляха с протомами лошадей из кургана 5 могильника Кичигино I (рис. 5, 5; 50, 5), – служили для подвешивания к поясу различных предметов (Шульга, 2008, с. 153). Золотая подковообразная портупейная пряжка с разнонаправленными головками хищных птиц, служившая для подвешивания горита, найдена в могиле 5 кургана Аржан-2. К ремню она крепилась при помощи двух запонковидных шпеньков, находящихся на ее оборотной стороне (Чугунов и др., 2002, рис. 12; Чугунов, 2008, рис. 2, 4; Ćugunov et al, 2010. Tafel 32, 14; 51, 1; 52, 6). Также в Туве, в могильнике Чкаловка найдена подкововидная поясная пряжка для подвешивания колчана с протомами двух лошадей, стилистически чрезвычайно сходными с изображениями лошадей на кичигинской поясной бляхе. «В кургане с этой пряжкой находились бронзовые наконечники стрел и нож,

датирующиеся примерно второй половиной VI – началом V в. до н. э.» (Шульга, 2008, с. 118, рис. 51, III).

Подобные тувинским, подкововидные бляшки, но с протомами грифонов, происходят из могильников Чаухугоу-1 и Чаухугоу-4 в Восточном Туркестане (рис. 12, 23) (Mei, Shell, 2002. Fig. 14.3, 16, 17; New Achievements..., 1995. P. 236; Шульга, 2010, рис. 13, 18; 19, 17). Близкая по форме к кичигинской, но без зооморфных окончаний, бронзовая бляшка найдена еще в одном могильнике Восточного Туркестана – Цюньбакэ (рис. 13, 20) (Mei, Shell, 2002. Fig. 14.4, 19; Kaogu, 1991. № 8. P. 693; Шульга, 2010, рис. 29, 15). П.И. Шульга рассматривает их как детали поясов VII – первой половины VI в. до н. э. (Шульга, 2010, с. 74, 75, рис. 78, 12–14). По С.А. Комиссарову (2002, с. 345), с учетом калибровки все даты непосредственно по комплексу могильников Чауху объединяются в промежутке 990–625 гг. до н. э., а по могильнику Цюньбакэ (Чунбак) – 950–625 гг. до н. э. Даже при отказе от калибровки, как подчеркивает С.А. Комиссаров, все даты по культуре чауху концентрируются в районе XI–VI вв. до н. э. По мнению П.И. Шульги, могильник Чаухугоу 4 и синхронный ему Чаухугоу 1 функционировали примерно с середины – конца VIII в. до н. э. до середины V в. до н. э., хотя основная часть погребений совершена с середины – конца VIII в. до н. э. и до начала – середины VI в. до н. э. Могильники Цюньбакэ 1 и 2 датированы им в пределах VII–V вв. до н. э. (Шульга, 2010, с. 39, 42, 45, 46).

Близкая по форме вышеописанным бронзовая ременная бляха с протомами двух ланей, крепившаяся к ремню при помощи двух кнопок с круглыми в плане щитками, найдена в разграбленном погребении кургана 14 могильника у села Быстрянского в северных предгорьях Алтая. М.П. Завитухина датировала комплекс, так же как и все курганы с каменно-земляной насыпью этого могильника, V–IV вв. до н. э. (Завитухина, 1966, с. 62, 63, 71, 72, рис. 3, 4). Однако, судя по сохранившемуся инвентарю, включающему золотую серьгу с конусовидной, украшенной зернью подвеской, бронзовые поясные обоймы, четырехгранный, ромбический в сечении втульчатый наконечник стрелы, комплекс кургана 14, по нашему мнению, вряд ли можно относить ко времени позднее, чем середина VI в. до н. э. Началом или первой половиной VI в. до н. э. определял время сооружения этого кургана П.И. Шульга (2002, с. 50; 2008, с. 118). Очевидно, этим же временем должен датироваться и комплекс кургана 40 на реке Бегирэ в Туве, где найдено «бронзовое подковообразное украшение с двумя кнопками для пристегивания к ремню», а также бронзовый трехлопастный черешковый наконечник стрелы и золотая серьга с конусовидной,

украшенной зернью подвеской, аналогичная серьге из кургана 14 Быстрянского могильника (Кызласов, 1979, с. 76, рис. 61. 7–11; Шульга, 2007, с. 36).

Исходя из вышеизложенного, вполне справедливым представляется мнение П.И. Шульги о том, что комплексы Алтая и Тувы с подкововидными поясными пряжками (бляшками) датируются второй половиной VII – первой половиной VI в. до н. э. (Шульга, 2008, с. 97, 153). Отметим также, что подкововидная пряжка и блок в виде разнонаправленных головок ланей, чрезвычайно схожие с бронзовой ременной бляхой из кургана 14 могильника у села Быстрянского, входят в комплекс сбури конца VII – первой половины VI в. до н. э. из могилы 32 могильника Гилево-10 (Шульга, 2008, с. 97, 152, 153, рис. 19, 1, 2; 62, 26).

Колчанный набор, обнаруженный в погребении 1 кургана 5 могильника Кичигино I, включал пять бронзовых втульчатых наконечников стрел с четырехгранной сводчатой, подквадратной в сечении головкой, невыделенным бойком и выделенными гранями, скрытой втулкой и четырьмя шипами, продолжающими выделенные грани головки (рис. 49, 4). Бронзовые втульчатые четырехгранные или ромбические в сечении наконечники стрел на территориях к западу от Урала не были широко распространены, хотя и встречаются в комплексах всех хронологических периодов вплоть до IV–III вв. до н. э. (Смирнов, 1961, с. 58, 59). Кичигинские наконечники можно отнести к выделенному К.Ф. Смирновым типу IV.3 – четырехгранные со сводчатым острием, внутренней втулкой и длинными шипами, к варианту – с гладкими гранями (Смирнов, 1961, с. 59), или к типу ID3 классификации Л.Т. Яблонского (2006, с. 286, рис. 3, 62–65). Наконечники, аналогичные по форме кичигинским, включены С.Ю. Гуцаловым в тип I.2.XI его классификации бронзовых наконечников стрел Южного Приуралья. Здесь они встречаются в комплексах, датируемых с конца VII до рубежа VI–V вв. до н. э. (Гуцалов, 1998, рис. 3, 38, 39; 2004, с. 20, табл. 11, 15–17).

Типологически аналогичны кичигинским наконечники из кургана 32 могильника Южный Тагискен (VII – середина VI в. до н. э.) и кургана 3 могильника Сакар-чага 6 (конец VIII – VII в. до н. э.) в Приаралье. Весьма сходны с ними экземпляры из курганов 12, 20 и 23 Сакар-чага 6 этого же времени (Итина, Яблонский, 1997, с. 70, рис. 14, 1–3; Яблонский, 1996, с. 52, рис. 12, 1; 15, 2; 17, 42; 19, 10). Аналогичны кичигинским и четырехгранные сводчатые наконечники стрел с ромбической или почти квадратной формой сечения острия из комплексов Талды-2 и кургана Аржан-2 (Чотбаев, 2013, рис. 74; Евразия..., 2005, рис.

3.48; Ćugunov et al, 2010. Tafel 103, 12; 113, 5; 144, 8). Наконечники, аналогичные кичигинским, входят в колчанный набор из могил 1 и 3 кургана Чинге-Тэй I в Туве (Чугунов, 2011б, рис. 15, 1–10; 16, 1–12). Наконечник, идентичный по форме кичигинским, но с более короткими шипами, найден в могильнике Цюньбакэ в Восточном Туркестане (рис. 20, 8) (Mei, Shell, 2002. Fig. 14.4, 24; New Achievements..., 1995. P. 363; Шульга, 2010, рис. 30, 28).

Особенностью втульчатых четырехгранных наконечников стрел из кичигинского набора является способ их крепления к древкам. У них у всех в нижней части одной из граней имеется круглое сквозное отверстие диаметром 0,2 см. Через это отверстие в березовое древко стрелы вбивался березовый же гвоздик (шпонка), верхняя часть которого срезалась заподлицо с гранью. Шпонка препятствовала соскакиванию наконечника с древка. Бронзовые втульчатые четырехгранные ромбические в сечении наконечники стрел с такими же отверстиями в нижней части одной из граней найдены в могильнике Талды-2, кургане Аржан-2 (клад 2) и в могиле 3 кургана Чинге-Тэй I (Чотбаев, 2013, рис. 74; Ćugunov et al, 2010. Tafel 144, 8; Чугунов, 2011б, с. 365, рис. 16, 10, 12). Наконечник этого же типа с отверстием на одной из граней зафиксирован и на территории Ордоса (Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь, 1986, с. 56).

Напомним, что ряд исследователей допускают вероятность миграции в VII в. до н. э. какой-то родовой группы из северо-западных предгорий Алтая в верховья Енисея (Тува). Показателем ее является распространение узды с U-образными псалиями (Бородаев, 1998, с. 72, 73; Кубарев, 1998, с. 77; Чугунов, 2001, с. 177) и псалиев с T-образным шпеньком. Как уже указывалось выше, вероятно, с этим движением связано появление такой узды и на Катунь (Суртайка I) в северных предгорьях Алтая (Абдулганеев, Панин, 1999, рис. 3, 6–10, с. 12). По мнению А.А. Тишкина (1998, с. 90), племена, мигрировавшие начиная с VII в. до н. э. с территории Горного Алтая, послужили основой для сложения здесь быстрянской культуры. На пришлый сакский элемент как один из компонентов формирования быстрянской культуры указывает и В.А. Могильников (1999а, с. 136).

Как предполагает К.В. Чугунов (2000, с. 228; 2000а, с. 168), бронзовые наконечники стрел с черешковой формой насада появляются в Туве вместе с носителями алды-бельской традиции. Исходной территорией, откуда черешковые наконечники попали в Туву, он считает Приаралье, где, как он указывает, широко представлены их двухлопастные формы. Однако заметим, что двухлопастный черешковый наконечник совместно с трехлопастными и трех-

гранными черешковыми и двухлопастными втульчатыми наконечниками входит в состав комплекса VII в. до н. э. кургана 5ж могильника Карамурун I (рис. 10, 1–30) (Маргулан и др., 1966, рис. 58). В кургане у станции Шидерты, датированном в пределах VIII–VII вв. до н. э., двухлопастный черешковый наконечник обнаружен в комплексе с трехлопастными и трехгранно-трехлопастными черешковыми наконечниками (рис. 10, 38–43) (Пересветов, 2001, рис. 1, 2–7; Пересветов, Куропятникова, 2002, с. 128, 129, рис. 2, 2–7). Только в Приаралье (курган 20 могильника Сакар-чага 6) К.В. Чугунов находит аналогию тувинским втульчатым наконечникам «с четырехгранным ромбическим в сечении острием, переходящим в нижней части боковых ребер в две узкие лопасти, опускающиеся в виде шипов ниже обреза втулки». В Южном Зауралье к этому типу относятся все стрелы из кургана 2 могильника Иртыш-14 (рис. 54, 2–7, 9–12). Наконечник, полностью аналогичный тувинским и иртышским, найден, как уже отмечалось, у поселка Акколь в верховьях реки Иргиз, на территории Актюбинской области (VII – первая половина VI в. до н. э.) (Гуцалов, 2000, с. 33, табл. 10, 26).

Находки уникальных для Тувы втульчатых ромбовидных наконечников стрел в Приаралье (Уйгарак, курганы 39 и 84) и Восточном Казахстане (Чистый Яр, Майемер II), по мнению К.В. Чугунова, маркируют продвижение носителей алды-бельской культуры, генезис которой связан с областями Казахстана с запада на восток (Чугунов, 2000, с. 228, 229; 2011а, с. 56). Наконечники этого типа или близкие к ним наконечники без выпуклых овальных валиков на гранях в единичных экземплярах найдены не только в Восточном Казахстане, но и на Алтае, в Верхнем Приобье и на юге Кулунды (Черников, 1965, рис. 6, 11, 12; Черемисин, 1993, с. 140, 141; Кочеев, 2001, с. 112, рис. 4, 13; Фролов, Папин, 2004, рис. 2, 5; АLEXIN, Шульга, 2003, рис. 2, 14; Цзянцзюнь Ю, Цзян Ма, 2013, рис. 3; Лихачева, 2013, рис. 1, 10; 2014, с. 29, рис. 2, 12–18; 3, 19, 25–27). Наконечники, аналогичные тувинским и алтайским, найдены в Центральном и Северном Казахстане: курган 5ж могильника Карамурун I, курган 9 могильника Бакыбулак, курган 3 могильника Алыпкаш, курган 1 могильника Шагалы IV, стоянка Байкадам (рис. 10, 18; 13, 10) (Маргулан и др., 1966, рис. 58; Бейсенов, 2015в, с. 24, рис. 9, 22–29; Бейсенов и др., 2015, с. 14, рис. 5, 7; Ярыгин, Сакенов, 2015, с. 438, рис. 2, 2; Варфоломеев, 2014, с. 141, рис. 1, 1). Причем в погребении VII в. до н. э. кургана 13 могильника Алыпкаш в Северном Казахстане (Хабдулина, 1993, с. 31, рис. 4; 1994, с. 48, табл. 15) они составляют основу колчана, в то время как в Приаралье, Восточном Казахстане и на Алтае

это единичные наконечники. Кроме того, погребение у села Чистый Яр в Восточном Казахстане чрезвычайно сходно с центральноказахстанскими комплексами не только по составу инвентаря, но и по погребальному обряду – захоронение в каменном ящике головой на северо-запад (Арсланова, 1974, с. 81).

Удила с прямоугольным окончанием и упором и напускные псалии, известные в памятниках тасмолинской культуры (Тасмола I, курган 19; Тасмола V, курган 3; могильник Бакыбулак, жертвенник 4) (рис. 11, 42, 57; 13, 48, 54), обнаружены также в раннесакских комплексах Приаралья, Киргизии и Семиречья, найдены они и в Восточном Казахстане (Маргулан и др., 1966, с. 314, 324, рис. 7, 2; 24, 8; Бейсенов, 2015а, с. 98, рис. 4, 1, 2; Бейсенов и др., 2015, с. 14–15, рис. 7, 1, 2; Вишневская, 1973, табл. XXVI, 6, 7, 9–11; Итина, Яблонский, 1997, рис. 71; 72; Горбунова, 2001, рис. 1; 2; Акишев К.А., Акишев А.К., 1978, с. 39, 40, 48, рис. 1; Бесетаев, 2015, с. 353, рис. 2; 2016, с. 42–44, рис. 2, 1, 2). Интересно, что в комплексе узды из Баршатаса в Восточном Казахстане входят бляшки для перекрестных ремней с солярно-вихревым орнаментом и ворворки, аналогичные центральноказахстанским из могильников Тасмола V и Бакыбулак (Маргулан и др., 1966, рис. 24, 5, 6; Бейсенов, 2015а, рис. 4, 3–5; Бесетаев, 2016, рис. 2, 5–7). Напомним, что здесь вместе с деталями конского снаряжения найдена бронзовая поясная обойма прямоугольной формы с петлей на обороте (рис. 46, 22), аналогичная обоймам из кургана 4 могильника Бобровский, кургана 4 Варненской группы курганов, кургана 2 группы Иртыш 14 в Южном Зауралье, кургана 1 могильника Нурманбет IV в Центральном Казахстане, могильной ямы 9 могильника Гилево-10 на Алтае (Таиров, 2007, рис. 37; 38; Бесетаев, 2015, с. 352, рис. 1, 1; 2016, с. 42, рис. 1, 1).

По мнению М.К. Кадырбаева, «есть основание полагать, что область расселения сако-массагетских племен Южного Казахстана и Семиречья явилась районом окончательного формирования указанного типа узды. Отсюда он распространился вплоть до северо-восточных районов Казахстана» (Кадырбаев, 1968, с. 31). К этому же выводу склонялись К.А. Акишев и А.К. Акишев (1978, с. 49). К.В. Чугунов, поддерживая данную точку зрения, указал на зарождение исходного типа конструкции такого рода на юге Центральной (Средней) Азии в третьей четверти II тыс. до н. э. (Чугунов, 2005, с. 108). До недавнего времени узды этого типа считались специфической особенностью казахстанских памятников. Однако последние исследования в Туве показали, что это далеко не так. В кургане Аржан-2 в захоронениях взнузданных лошадей найдено тринадцать комплек-

тов, состоящих из удил с прямоугольными окончаниями с упором и надетых на них напускных псалиев. Такие же комплекты обнаружены в нескольких ритуальныхкладах, исследованных в конструкции кромлеха этого кургана (Чугунов, 2005, с. 103, 104, рис. 1, 5; Аржан..., 2004, с. 31). Удила, одно звено которых оканчивается прямоугольным стремечком с упором, входят в состав клада 1 кургана 16 могильника Чинге. В этом же кладае присутствует и пара дуговидных двудырчатых псалиев с Т-образным шпеньком в центре (Семенов, 2012, с. 91–93, рис. 2, 1–3). Примечательно, что удила из Аржана-2 и Бакыбулака «представляют разновидности одного способа литья, характерного для единой производственной культуры». Вероятно, таким же способом отлиты удила из кургана 19 Тасмолы I и кургана 3 Тасмолы V (Бейсенов, Шаблава, 2015, с. 108).

Таким образом, сходство памятников Тувы и Центрального Казахстана выявляется главным образом при сопоставлении комплексов инвентаря; в то же время, как отмечал А.Д. Грач, «конструкция и погребальный ритуал курганов тасмолинской культуры отличны от алды-беля» (Грач, 1980, с. 38). Здесь надо напомнить, что для раннескифского времени Тувы характерно положение погребенных скорченно на боку (Грач, 1980, с. 25). Иногда, правда, встречаются погребения в вытянутом положении на спине, но они, как указывает А.М. Мандельштам (1992, с. 181), «очень редки и известны главным образом в относительно ранних могилах». Исходя из этого, мы считаем, что выдвинутое К.В. Чугуновым предположение о продвижении носителей алды-бельских традиции с запада на восток, с Приаралья, Северного или Центрального Казахстана в Туву через территорию Горного Алтая (Чугунов, 2000, с. 228; 2000а, с. 168; 2015а, с. 474) требует дополнительной проработки. Пока же речь может идти лишь о восприятии населением Тувы, вероятно, через посредство племен Алтая, инноваций в вооружении и конской упряжи.

На наш взгляд, сходство искусства ранних кочевников Жайык-Иртышского междуречья и Саяно-Алтая свидетельствует о близости их идеологических представлений. Сходство же наборов инвентаря в погребениях представителей одного социального уровня у населения разных территорий говорит, вероятно, о том, что в кочевых обществах раннесакского времени Евразии существовала хорошо разработанная и в определенной степени общепринятая маркировка статуса индивида, прежде всего военного.

Связи ранних кочевников тасмолинской общности и племен Алтая и сопредельных с ним территорий в VII–VI вв. до н. э. базировались, на наш взгляд,

во-первых, на общности происхождения, во-вторых, на экономических интересах племен тасмолинской культуры Центрального Казахстана, через которых эти связи в основном и осуществлялись. Контакты же тасмолинцев Центрального Казахстана с алтайскими племенами выступали в форме непосредственного постоянного взаимодействия. Охватывали они, очевидно, различные сферы жизни кочевых обществ и по своей функциональной направленности были как хозяйственные, главным образом технологические (распространение оружия и орудий, а также навыков), так и социальные, обслуживающие прежде всего элитарные слои.

Имели место, вероятно, и различного рода потестарно-политические контакты; мы не можем исключать возможности объединения отдельных родов или племен в военные союзы, отправки посольств, обмена дарами и т.п. Вероятно, такими дарами являлись плоды вишни и лоха, обнаруженные в углу погребальной камеры могилы 5 кургана Аржан-2, ареал произрастания которых охватывает Казахстан, в том числе и Северный, и территории равнинного Алтая (Королюк, Артемов, 2002, с. 125). Впрочем, найденные в этом же углу два каменных жертвенника без ножек, один из которых клювовидной формы (Чугунов и др., 2002, с. 123; Аржан..., 2004, с. 20), позволяют предполагать и другие формы контактов. Как отмечалось выше, жертвенники клювовидной формы использовали почти исключительно номады степей Жайык-Иртышского междуречья и саки Приаралья.

Очевидно также, что контакты племен степей Жайык-Иртышского междуречья и Алтая были не только мирными, но и военными, прежде всего военно-грабительскими. На наш взгляд, имели место и миграционные контакты, то есть переселение отдельных родов или родовых групп как с Алтая в степи Жайык-Иртышского междуречья, так и в обратном направлении.

При таком разнообразии и постоянстве связей, без сомнения, имели место и инфильтрационные контакты – перемещения небольших групп (прежде всего воинских) и отдельных лиц, в том числе при смешанных браках. Возможно, как раз таким перемещением небольших групп населения с территории Саян на территорию Казахстана можно объяснить наличие немногочисленных изделий из мышьяковистых бронз в памятниках Северного и Центрального Казахстана и их ограниченный ассортимент (Бейсенов, Хаврин, 2015, с. 530).

Близость происхождения и интенсивные связи, охватывающие различные слои общества, способ-

ствовали и развитию духовно-идеологических контактов.

Все вышесказанное относится к связям между тасмолинцами Центрального Казахстана и племенами Алтая. Контакты же кочевников Северного Казахстана и Южного Зауралья с населением Алтая были, естественно, опосредованными и осуществлялись через номадов Центрального Казахстана. Данное обстоятельство было еще одним фактором, обеспечивающим ведущую роль тасмолинских племен в обществе кочевников степей Жайык-Иртышского междуречья.

Итак, в конце VIII в. до н. э. или на рубеже VIII–VII вв. до н. э. степи Жайык-Иртышского междуречья после долгого периода относительного запустения были вновь освоены, но уже мигрантами из Северного и Северо-Западного Китая и Монголии. Генетическая близость мигрантов и естественно-географические особенности степей Жайык-Иртышского междуречья привели к оформлению уже в VII в. до н. э. тасмолинской историко-этнографической общности, включающей три крупных объединения кочевников – североказахстанское (улубаевско-тасмолинская культура), центральноказахстанское (тасмолинская культура) и южнозауральское (памятники бобровского этапа, или бобровско-тасмолинская культура). Ведущую роль в тасмолинской общности в VII–VI вв. до н. э. играли, несомненно, племена Центрального Казахстана. Главенствующее положение центральноказахстанских номадов в общности базировалось на контроле за источниками цветного металла – медными месторождениями региона.

Основой не только сложения, но и функционирования тасмолинской историко-этнографической общности являлась пастбищно-кочевая система, или система посезонного распределения пастбищ и водных источников. Эта система во многом определила связи ранних номадов степей Жайык-Иртышского междуречья с кочевыми и полукочевыми племенами Центральной (Средней) Азии, прежде всего номадами Приаралья, и населением лесостепи Зауралья и Западной Сибири.

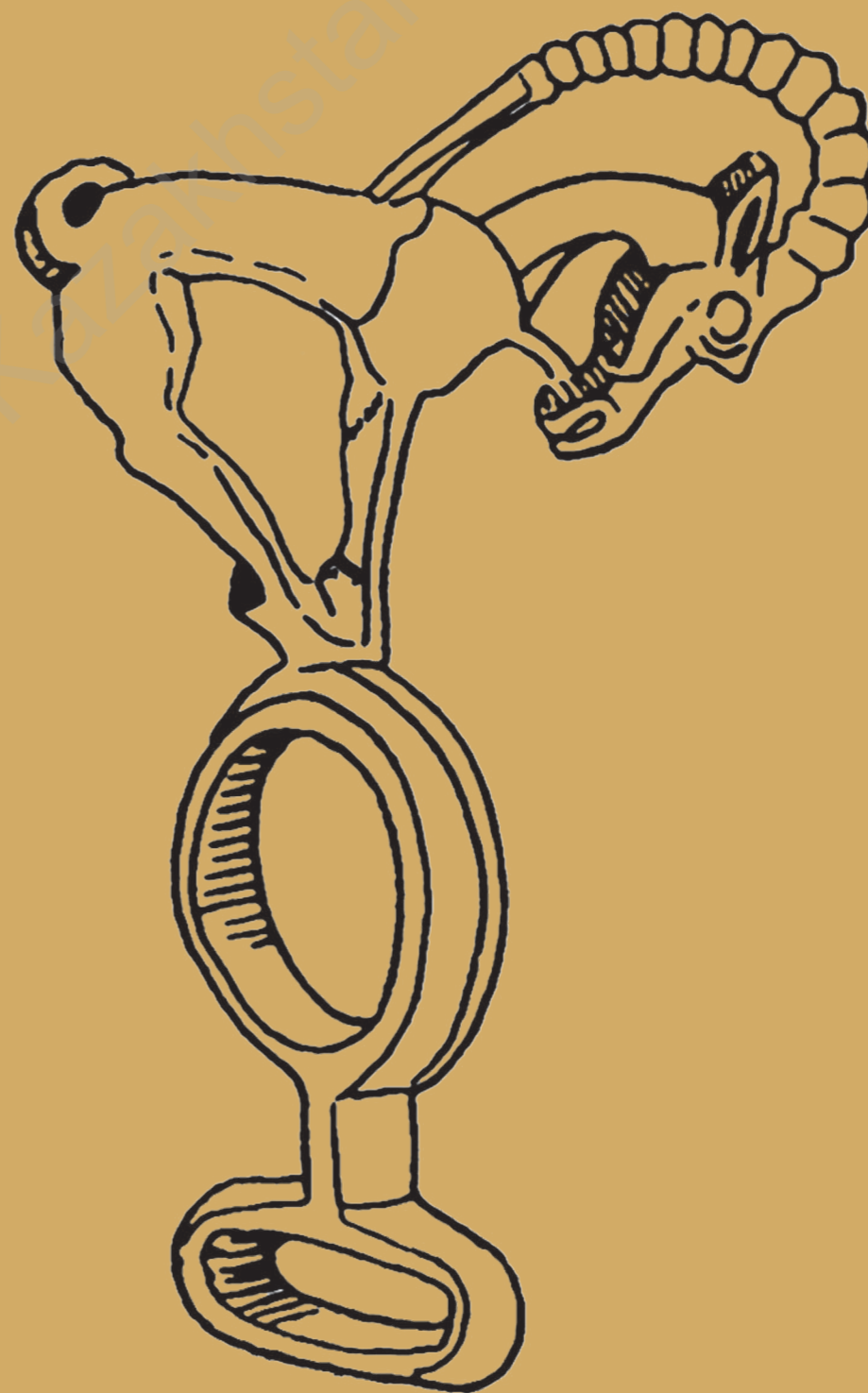
Естественно-географические особенности двух крупных регионов степей Жайык-Иртышского междуречья – Южного Зауралья, с одной стороны, Северного и Центрального Казахстана, с другой, – пре-

доопределили специфику хозяйства их населения, пути кочевок, места сезонных пастбищ и, в конечном счете, преимущественное направление экономических, культурных и потестарно-политических связей, конкретное историческое окружение.

Основной вектор интересов номадов Северного и Центрального Казахстана был направлен на юго-запад, в Приаралье, и на юго-восток, на Алтай. Связи же с лесостепными племенами Западной Сибири (Тоболо-Иртышское междуречье) были достаточно слабы и эпизодичны. Западная Сибирь в этот период не представляла интереса для кочевого социума.

Если взаимосвязи номадов Северного и Центрального Казахстана с Приаральем во многом были обусловлены пастбищно-кочевой системой, в частности расположением зимовок, то в основе взаимосвязей с племенами Алтая лежали экономические интересы – потребность в цветном металле, прежде всего в олове, для собственного металлургического производства. Генетическое же родство с племенами Алтая облегчало эти взаимосвязи, делая их более глубокими, охватывающими не только экономику, но и потестарно-политическую и духовно-идеологическую сферы.

Для кочевников Южного Зауралья взаимосвязи с племенами Приаралья также были обусловлены пастбищно-кочевой системой – расположением зимовок и летовок. Однако основной вектор их интересов был направлен на север, в лесостепное Зауралье, прежде всего в ареал формирующейся иткульской культуры. Потребность в цветном металле, стремление к независимости от центральноказахстанских племен в его получении, близость источников металла стимулировали военную активность южнозауральских номадов в этом направлении. Вероятно, уже в VI в. до н. э. племена иткульской культуры попали в определенную, скорее всего данническую, зависимость от кочевников. Потребность же кочевого мира в металле, наряду с внутренним развитием лесостепных обществ, стимулировала развитие иткульского очага металлургии и металлообработки. Вероятно, через носителей иткульской культуры и кочевников Южного Зауралья осуществлялись связи населения Волго-Камья (ананьинская культура) с сакским миром.

Вместо заключения

В эпоху поздней древности и Средневековье в степях Евразии отмечались неоднократные этнокультурные трансформации, генератором которых выступали кочевники Внутренней Азии – пространства от Алтая до Тибета и от Хингана до Памира. В I тыс. до н. э. кочевой мир этого субрегиона был слабо подвержен влиянию со стороны китайской цивилизации, где еще не возникло единого централизованного государства. Это дает нам возможность построения модели этнокультурных трансформаций без учета влияния внешнего, по отношению к кочевым обществам, политического фактора.

С переходом населения Внутренней Азии к полукочевому и кочевому скотоводству в полной мере проявилась его зависимость от природных условий, в частности от изменений климата. Благоприятные для скотоводства климатические условия приводили к увеличению демографической емкости территории. С ухудшением же условий, вызванных прежде всего аридизацией, возникала относительная перенаселенность, что приводило к оттоку населения за пределы Внутренней Азии. Следствием этого стали снижение плотности населения в данном регионе и выход его на новый уровень равновесия с окружающей средой. Таким образом, история кочевников Внутренней Азии носит циклический характер. Это – демографические циклы.

Значительную роль в глобальных изменениях климата играет солнечная активность, проявления которой связывают с солнечными циклами различной периодичности. Среди них достаточно хорошо

прослеживается вековой, точнее – квазивековой (около 100 лет), цикл, который определяет глобальный вековой климатический ритм. С этим ритмом хорошо согласуется вековой цикл в развитии природы и общества (Александров, 2000, с. 72; Бышев и др., 2009, с. 12; Даценко, Сонечкин, 2009; Мохов и др., 2006). На наш взгляд, этот цикл обуславливал периодические квазивековые оттоки кочевого населения из Внутренней Азии, которые в силу географических особенностей региона были направлены в Алтае-Саянскую горную страну и степи к западу от нее.

Формы оттока могли иметь различный характер: миграции, инфильтрации или переселения. Под миграциями следует понимать перемещение относительно больших групп людей в сравнительно короткий промежуток времени, в отличие от инфильтраций (передвижений небольших групп или отдельных лиц в короткий промежуток времени) и переселений (растянутого во времени передвижения групп людей на новые территории).

Миграции, как представляется, можно разделить на локальные, региональные и глобальные. Локальные миграции (традиционные и экстраординарные) – перемещения населения в пределах историко-культурного региона, границы которого определялись его природными условиями. Традиционные миграции обусловлены естественно-географическими особенностями и являются формой хозяйственного использования ресурсов региона. Экстраординарные миграции вызывались повторяющимися в той или иной части региона неблагоприятными климатическими условиями отдельных сезонов года. Это

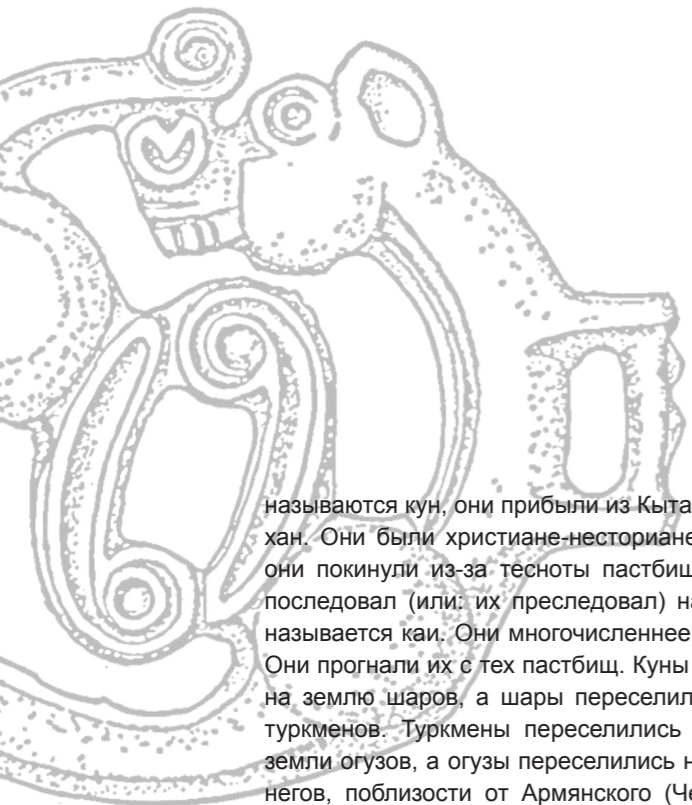
создавало угрозу потери скота в результате пастбищной бескормицы или эпизоотий и принуждало население к изменению традиционных маршрутов кочевания. Следует подчеркнуть, что достаточно часто экстраординарные локальные миграции определялись социально-экономическими и политическими причинами. Изредка они могли быть направлены и за пределы историко-культурного региона. Как представляется, именно локальные миграции приводили к формированию культурного и этнического единства населения в пределах определенных территорий. Археологическим выражением этого единства является сходство погребального обряда и материальной культуры на определенной географически обусловленной территории. Такую близость принято обозначать как культурно-исторические или историко-этнографические общности.

Региональные миграции кочевого населения – передвижения значительных масс людей за пределы ранее обжитого региона. Направлены они были в первую очередь в близкие по природным условиям районы, в которых или наступление аридных эпох отставало по времени, или интенсивность протекавших там процессов аридизации была менее выражена. Это позволяло сохранить традиционные формы скотоводческого хозяйства, слегка видоизменив их. Лишь в исключительных случаях миграции этого типа были направлены в районы с природными условиями, отличающимися от привычных, что обуславливало кардинальную перестройку всей хозяйственной деятельности.

Приход мигрантов на новые территории приводил либо к вытеснению местного населения, либо к смешению с ним, либо, что, очевидно, было гораздо чаще, к вытеснению одной части местного населения и к смешению с другой, оставшейся на месте. Естественно, конкретный сценарий взаимоотношений пришельцев и аборигенов зависел от множества трудноуловимых в настоящее время условий. Однако появление в том или ином регионе пришельцев и включение их в систему традиционных и экстраординарных локальных миграций местного населения вели к быстрому формированию новых синкретичных стереотипов культуры у всего населения. Археологически эти изменения фиксируются как смена культур или их этапов, продолжительность которых соответствует вековому циклу.

В случае вытеснения достаточно большого количества аборигенного населения региональная миграция имела тенденцию к перерастанию в глобальную. Под глобальной миграцией следует понимать перемещение относительно больших групп людей, охватывающее последовательно (по принципу домино) несколько крупных регионов. По большому счету, любая глобальная миграция возникает первоначально как региональная. Глобальная миграция, в отличие от региональной, приводит к кардинальным изменениям этнокультурной ситуации либо в нескольких соседствующих регионах степной Евразии, либо во всем евразийском поясе степей. Здесь уместно, на наш взгляд, привести выдержку из трактата Марвази «Табаи ал-хайаван» (начало XII в.): «Среди них (тюрок) есть группа племен, которые

называются кун, они прибыли из Китая, боясь Китахан. Они были христиане-несториане. Свои округа они покинули из-за тесноты пастбищ... За кунами последовал (или: их преследовал) народ, который называется каи. Они многочисленнее и сильнее их. Они прогнали их с тех пастбищ. Куны переселились на землю шаров, а шары переселились на землю туркменов. Туркмены переселились на восточные земли огузов, а огузы переселились на земли печенегов, поблизости от Армянского (Черного) моря» (цит. по: Кляшторный, Султанов, 1992, с. 133).

Археологическим выражением миграции этого вида является достаточно резкая одновременная, но не обязательно однонаправленная, трансформация погребального обряда и материальной культуры в нескольких соседних регионах. Трансформация этого типа находит отражение в смене культурно-хронологических горизонтов, охватывающих значительные территории степной Евразии (Туву, Алтая, Казахстана, Южного Урала, Нижнего Поволжья, Северного Причерноморья) (о культурно-хронологических горизонтах применительно к памятникам ранних кочевников и культурных маркерах см.: Яблонский, 2007, с. 27–31; 2008, с. 309–312).

Отсюда, на наш взгляд, следует вывод о том, что периоды резкой перестройки культур населения степной Евразии происходят синхронно, и связаны они с глобальными квазивековыми ритмами изменений климата, обусловленными соответствующими циклами солнечной активности. В азиатской части степной Евразии для I тыс. до н. э. можно выделить несколько культурно-хронологических горизонтов мощностью около 100 лет, датировка которых в на-

стоящее время нам представляется следующим образом: вторая половина VIII – первая половина VII в. до н. э. (шиликтинский); вторая половина VII – середина VI в. до н. э. (аржано-кичигинский). Около середины VI в. до н. э. в азиатской части Евразии происходит коренная перестройка всей свиты (или формации) культур раннесакского времени. Формируется новая свита (формация) культур сакского (скифо-сакского) времени, которая, на наш взгляд, тоже разделяется на ряд культурно-хронологических горизонтов: вторая половина VI – третья четверть V в. до н. э.; последняя четверть V – третья четверть IV в. до н. э. (филипповский); последняя четверть IV – середина (?) III в. до н. э.; вторая половина (?) III – середина II в. до н. э.; вторая половина II – конец I в. до н. э.

Как уже отмечалось, в силу географических особенностей региона отток кочевого населения из Внутренней Азии был направлен в большинстве случаев в первую очередь в Алтае-Саянскую горную страну. Поэтому трансформация стереотипов культуры начиналась здесь чуть раньше, чем в остальных регионах степной Евразии. Последнее обстоятельство может послужить основанием для представлений о переселении кочевников Саяно-Алтая на запад и трансформации культур населения степей Центральной Евразии под их влиянием. Однако, как представляется, сходство материальной культуры и отчасти погребальной обрядности кочевников степей Евразии и Саяно-Алтая вызывалась прежде всего близостью культуры выходцев из Внутренней Азии.

Движение на запад осуществлялось через степи Жайык-Иртышского междуречья, которые отгорожены от Внутренней Азии почти непрерывной цепью хребтов, разделенных двумя основными проходами: долиной Иртыша и Джунгарскими воротами. Пройдя через них, кочевники устремлялись на запад южным путем – через Семиречье (Жетису) и Среднюю Сырдарью на Нижнюю Сырдарью, далее через Южный Урал в заволжские степи (Пьянков, 1987, с. 73, 74).

В случае, если геополитическая ситуация не позволяланомадам Внутренней Азии двигаться на запад через Семиречье (Жетису) и Приаралье (южный путь), переселение шло сначала на северо-запад – вдоль западных и северо-западных предгорий Алтая в Обь-Иртышское междуречье. Далее переселенцы, осваивая Тоболо-Ишимо-Иртышское междуречье (Северный и Центральный Казахстан), выходили в Южное Зауралье и Приуралье. Отсюда, если позволяла обстановка, они двигались в Волго-Уральское междуречье и далее в Волго-Донские степи до Предкавказья.

В I тыс. до н. э. миграции и переселения кочевников на Запад проходили в основном южным путем. Северный был задействован, вероятно, лишь однажды – в конце VIII или на рубеже VIII–VII вв. до н. э. Преимущественное использование южного пути было обусловлено, очевидно, наличием в степях Северного и Центрального Казахстана и/или в Зауральско-Западносибирской лесостепи достаточно мощных кочевых или полукочевых объединений, которые не допускали массовых переселений через контролируемые ими территории. В последующей истории по северному пути шло расселение кыпчаков и калмыков (Таиров, 2009).

И последнее. Глобальные миграции и вызванные ими переселения, зародившиеся во Внутренней Азии, затрагивали не только азиатскую часть евразийских степей – отголоски их в виде «импульсов из восточной зоны евразийских степей» достаточно отчетливо фиксируются и в восточноевропейской степи (Алексеев, 2003, с. 179, 184, 190; Виноградов, Марченко, 1991, с. 149, 150).

Толчком, вызвавшим перестройку свиты культур раннесакского времени, стали, вероятно, события второй четверти – середины VI в. до н. э. во Внутренней Азии, связанные с обострением демографической ситуации, обусловленным длительными благоприятными климатическими условиями региона. Произшедшая здесь перегруппировка сил вызвала, очевидно, и общую подвижку населения с востока на запад. В ходе нее кочевое население Восточного Туркестана и Юго-Восточного Казахстана, примыкающего к Восточному Туркестану и составляющего с ним единое историко-культурное пространство, было частично вытеснено из этого региона. Одна его часть, двигаясь вдоль предгорий Алтая, достигла Верхнего Приобья, где и закрепилась на территориях, ранее занимаемых племенами большереченской культуры. Вторая часть двинулась на запад через Семиречье (Жетису), Среднюю и Нижнюю Сырдарью на Южный Урал. Это движение, скорее всего, имело характер постепенного расселения, результатом чего стало освоение Семиречья, вхождение отдельных групп мигрантов в состав кочевых и полукочевых объединений Юго-Восточного Приаралья, Южного Зауралья и Приуралья (Таиров, 2008; 2016).

**ЖАЙЫҚ-ЕРТІС ҚОСӨЗЕН
АРАЛЫҒЫНЫҢ
Б.Д.Д. VIII-VI ҒҒ.
ЕРТЕ КӨШПЕЛІЛЕРІ**

Физикалық-жағырафиялық мәліметтер мен археологиялық деректерге сүйеніп отырып, батысында Оңтүстік Орал және Мұғалжар тау сілемдерінен бастап, шығысында Ертіс аңғарына дейін, Орал бойы мен Батыс Сібірдің орманды-далалы аймақтарынан бастап солтүстігінде Балқаш көліне дейін және оңтүстігінде Шу мен Сырдария өзендерінің оң жағалауын бойлай созылып жатқан ұлан-ғайыр даланы Жайық-Ертіс қосөзен аралығы деген ұғымның аясына сыйғызуға болады. Осы өлкені Оңтүстік Орал, Солтүстік Қазақстан және Орталық Қазақстан деп шартты түрде үш ірі аймаққа бөлуге болады. Оңтүстік Оралды бір қанатқа, Солтүстік және Орталық Қазақстанды екінші қанатқа қалдырып, ортасын – Торғай және Обаған өзендерін, Сарықопа, Ақсуат, Жарман және Құсмұрын көлдерін қойнауына сыйғызған Торғай даласы бөліп жатыр. Есіл өзені мен Сілеті жазығының ендігін бойлай қиғанда Солтүстік және Орталық Қазақстанның шекарасы шығады. Көшпелі өмір салты қалыптасқан ежелгі кезеңдерден бері осы аймақты жайлаған көшпелі қоғамдар, жайылымдық-көшпелі жүйені негізге алған бірыңғай мәдени-шаруашылық қауымдастықты құрады.

Жайық-Ертіс қосөзен аралығы даласы, Ұлы дала белдеуінің орта тұсын иемдене отырып, қай дәуірде болмасын далалық Еуразияның шығыс және батыс аймақтарын байланыстыратын орталық болды. Зерттеліп отырған аймақтан табылған көне жәдігерлер Шығыс пен Батыстың өзара әрекеттестігінің қарқынын көрсетеді, осы жерлерде бастапқыда Батыста пайда болып кейін Шығысқа таралған, сондай-ақ Шығыстан Батысқа берілген дәстүрлердің іздері қатар көрініс табады. Көшпелілердің Шығыстан Батысқа қоныс аударуының негізгі жолдары осы Жайық-Ертіс қосөзен аралығындағы дала арқылы өткен. Негізінде, көшпелілердің Шығыстан Батысқа жылжу жолдарының қосөзен аралығындағы даламен, немесе Жетісу арқылы өтуі көп жағдайда Жайық-Ертіс қосөзен аралығы даласында, атап айтқанда Орталық Қазақстанда орын алған этносаяси жағдайларға байланысты анықталып отырды. Көне дәуірлерде және ортағасырларда еуразия далаларында орын алған миграциялық және этникалық қарым-қатынастар барысын зерттеуде Оңтүстік Орал маңызды орынды иемденеді. Мұның себебі, көшпелілердің далалық Еуразияның Шығысынан Батысына немесе Батысынан Шығысына ірі қоныс аударулары дала белдеуінің жағрафиялық ерекшеліктеріне сай Оңтүстік Орал өңірі арқылы өтуінде болып отыр. Осы аймақта қоныс аударушылардың Шығыс пен Батыстан әкелген түрлі дәстүрлері біте-қайнасып кетіп жатты,

бұл жерлерде Еуразияның батыс бөлігінің, әсіресе Шығыс Еуропаның тарихында үлкен рөл атқарған жаңа этномәдени құрылымдар қалыптасты.

Сонымен бірге, Жайық-Ертіс қосөзен аралығы даласы: Орта Азияның отырықшы-егінші қоғамдары құрған мемлекет құрылымдары, дала көшпелілері бірлестігі және орманды даланың отырықшы және жартылай отырықшы құрылымдары сынды үш негізгі қосалқы жүйеден тұратын «оазис – дала – орманды дала» жүйесінің құрамдас бөлігіне кірді. Әрине, жоғарыда аталған қосалқы жүйелердің әрқайсысының дамуының өздеріне ғана тән ерекшеліктері мен заңдылықтары болғаны белгілі. Алайда қарым-қатынас жүйесіне ене отырып осы қосалқы жүйелердің кез келгені өзгелерге өз ықпалын тигізді және керісінше өзгелердің ықпалына да ұшырап отырды. Осы жүйедегі негізгі буын, жүйені біріктіруші буын Жайық-Ертіс қосөзен аралығы даласының көшпелілері болды.

Қазіргі уақытта ерте темір дәуіріндегі еуразия даласын зерттеудің өзекті мәселелерінің бірі – жекелеген мәдениеттерді зерттеу мен аймақты кезеңдерге бөлу мәселесі төңірегінде айналшықтап қалмай, мәдени-тарихи үдерістердің ортақ сипатын қалпына келтіру болып отыр. Сол себепті осы жұмыстың басты мақсаты, Жайық-Ертіс қосөзен аралығы даласында б.д.д. VIII–VI ғғ. өткен этномәдени үдерістердің сипатын жасау, Оңтүстік Орал бойын, Солтүстік және Орталық Қазақстанды мекен еткен көшпелілер қоғамдарының даму ерекшеліктерін, олардың далалық және орманды далалық Еуразия тарихында алатын рөлі мен орнын анықтау болып табылады.

Осы еңбекте қолданылатын түсініктер туралы бірер сөз айта кетсек.

Көшпелі мал шаруашылығы немесе көшпелілік түсінігі. Шаруашылық қырынан алып қарағанда, малды жыл бойы қорадан тыс жерде жайылымда аяқтай бағумен байланысты болып келетін экстенсивті жылжымалы мал шаруашылығын негізгі кәсібі еткен көшпелі мал шаруашылығын өндіруші экономиканың ерекше бір түріне жатқызуға болады. Бұл жерлердегілердің барлығы немесе халқының басым көпшілігі белгілі бір жайылымдық аймақтар шегінде немесе солардың араларында тұрақты түрде әр маусым сайын көшіп-қонып отырады. Көшпелілік кезеңінде мал шаруашылығы шаруашылық әрекеттің негізі болып табылып, тіршілік етудің басты құралы болса да ол басқа да шаруашылық әрекеттерді жоққа шығармайды. Мал шаруашылығының негізгі екі түрі бар: көшпелі және жартылай көшпелі. Көшпелі мал шаруашылығы өзінің қоспасыз көрінісінде егіншіліктің мүлдем, тіпті қосалқы шаруашылық

ретінде де болмауымен сипатталады. Жартылай көшпелі мал шаруашылығында адамадар жыл бойы немесе жылдың көп бөлігінде маусым сайын жайылымды ауыстыра отырып экстенсивті мал бағумен айналысып, бұл олардың негізгі тіршілік көзі болып табылса да екінші немесе қосалық кәсіп ретінде егіншілікті, немесе Солтүстік Еуразиядағы сияқты басқа да шаруашылық түрін қоса алып жүреді.

Көшпелілер егіншілікпен айналысатын басқа халықтардан бөлек әлеуметтік ағзаны құрайтындықтан, сонымен қатар, экстенсивті жайылымдық мал шаруашылық негізінде сәйкесті әлеуметтік құрылым және қоғамдық ұйымдасудың тайпалық формасы туатындықтан «номадизм түсінігіне» қоғамның тек шаруашылық қана емес, әлеуметтік сипаты да кіреді.

Еуразияның түрлі аймақтарында көшпелі мал шаруашылығы аумақтың табиғи жағдайларымен тікелей байланысты спецификалық ерекшелікке ие болды. сондықтан бұл жағдайды әр өлкенің көшпелілерінің шаруашылық әрекетін қалпына келтіру кезінде ескеру қажет.

«Сақтар» термині алғаш рет ежелгі парсы деректерінде қазіргі Орта Азия территориясын жайлаған көшпелі тайпалардың қай этникалық немесе тілдік топқа жататындығына қарамастан жалпылама атауы ретінде қолданылды. Осы зерттеу еңбегінде бұл термин азия далалары мен тау бөктерлеріндегі көшпелі тайпаларды атау мақсатында жоғарыда аталғандай кең мағынасында қолданылды. Бұл жерде де белгілі бір кешенді «сақ» санатына жатқызу өлшемі «скифтер» қатарына қосу белгілерімен бірдей болмақ, бірақ қарастырылып отырған кешен Еуразияның азиялық бөлігінде орналасуы тиіс деген нақты бір шектеу қойылады. Сәйкесінше, осы ұлан-ғайыр даланы мекен еткен көшпелілер тарихының б.д.д. IX ғасырдың аяғы - VI ғасырдың аяғы аралығын қамтитын ерте кезеңі «ерте сақ дәуірі» деп аталады. Біздің ойымызша, бұл терминді қолдану, Еуразияның азиялық бөлігі көшпелілерін зерттеуге арналған тарихи еңбектерде де, олар қалдырған ескерткіштерді сипаттауда да «ерте скиф уақыты» терминін қолдануға қарағанда орынды болып көрінеді.

Б.д.д. VIII–VI ғасырлар көшпелілер қалдырған Орталық Қазақстандағы (тасмола мәдениеті), Солтүстік Қазақстандағы (ұлыбай-тасмола мәдениеті) және Оңтүстік Орал бойындағы (бобров-тасмола мәдениеті) ескерткіштерді салыстырмалы сараптау кезінде байқалған жерлеу ғұрпы мен заттардағы өзара ұқсастықтар бізге Жайық-Ертіс қосөзен аралығы даласының ерте көшпелілерінің

тасмола тарихи-этнографиялық қауымдастығын анықтауға мүмкіндік берді.

Тарихи-этнографиялық қауымдастық түсінігі аясында таксономиялық деңгейі әр түрлі болса да тарихи тағдырлары ортақ болып келетін кез келген халықтар қауымдастығы қарастырылады.

Осы қырынан алғанда тарихи-этнографиялық сала дегеніміз – тарихы ортақ бірнеше халықтың қауымдастығын білдіретін ұғым. Тарихи-этнографиялық салалар әдетте, шығу тегі әрқелкі болғанымен территориясы ортақ, тарихи тағдыры бір, біраз уақыттан бері көршілес және қарым-қатынастары тереңге кеткен халықтар тобын қамтиды. Осылайша, тарихи-этнографиялық қауымдастық дегеніміз – археологиялық анықтамасы мәдени немесе тарихи-мәдени қауымдастық болып табылатын халықтар қауымдастығы.

Ерте темір дәуірінің басында Жайықтан Ертіске дейінгі байтақ даланы сақ әлемінің құрамдас бөлігі болып табылатын тасмола тарихи-этнографиялық қауымдастығының көшпелі тайпалары иемденген болатын. Бұл қауымдастықтың археологиялық көрінісі б.д.д. VIII–VI ғасырлардағы Орталық Қазақстанның тасмола мәдениеті, Солтүстік Қазақстанның ұлыбай-тасмола мәдениеті және Оңтүстік Орал бойының бобров-тасмола мәдениеті ескерткіштерін салыстырмалы сараптау кезінде байқалған жерлеу ғұрпы мен заттардағы өзара ұқсастықтардан байқалады.

Оңтүстік Орал бойының далалық бөлігінің ерте сақ кезеңі ескерткіштерінің екі мәдени-хронологиялық көкжиегі бар. Біріншісі, шілікті кезеңі (б.д.д. VIII ғасырдың екінші жартысы – VII ғасырдың бірінші жартысы) кездейсоқ табылған аздаған қару-жарақтар мен ат әбзелдері арқылы көрініс табады. Екіншісі аржан-кичигин көкжиегі (б.д.д. VII ғасырдың екінші жартысы – VI ғасырдың ортасы) бобров-тасмола мәдениеті ескерткіштерімен сипатталады.

Оңтүстік Орал бойының ерте сақ дәуірінің ежелгі көшпелілерінің жерлеу орындары (б.д.д. VII ғасырдың екінші жартысы – VI ғасырдың ортасы) негізгілері болып табылады немесе ара-тұра қола дәуірінің қорғандарына кірігіп кетеді. Қабір үсті құрылысы – қорған немесе дөңгелек шеңбер төсемелер қола дәуірінің, ерте темір дәуірінің немесе тек қана темір дәуірінің жерлеу ғимараттарынан тұратын обалар қатарына кіреді. Обалардың тағы бір үлгісі – жүйесіз салынған қорғандар тобы немесе үйлесімсіз тізбектер. Олар өзендердің негізгі жағалауларындағы және бірінші жайылмауісті террассаларының жарлауыттарындағы, сондай-ақ көл жағаларындағы биіктеу жерлерде орналасқан.

Кірігіп кеткен жерлеу орындары топырақ жабындысы бар қорған түрінде болып келеді. Ерте

сақ дәуірінің негізгі жерлеу орындарын қамтитын қорғандардың үйінділері топырақ, тас немесе олардың қосындысынан тұрады. Тасты-топырақты үйінділермен жабылған қорғандарда тастар үйінді үстіне сауыт жасауға, қабір шұңқырының үсті мен айналасына төсеніш жасауға, үйінді астына шеңбер түрінде төсеуге, үйіндінің айналысына тақтастарды тігінен қойып шеңбер жасауға қолданылған. Қорған үйінділерінен, әдетте олардың еденінен жылқының және қойдың сүйектері табылады. Арақидік үйінді арасынан немесе оның астынан күл дақтары немесе кішігірім ошақ орындары сияқты от іздері байқалады.

Мәйіттер тікбұрышты, сопақша немесе қисық дөңгелек тәрізді формалардағы қарапайым топырақ шұңқырларға, кей кездері шұңқыр қабырғасын бойлай немесе бүйірлей жаслаған қуыстарға, ұзынша қабырғасында ақымдалған қабірі бар немесе дромосы бар шұңқырларға қойылған. Бұл жерде ерекше атап өтетін жайт, сақ дәуірінің ірі қорғандары мен дромосы бар қабір шұңқырлары әзірше тек Оңтүстік Орал бойының жазық даласы орманды даласымен шектесетін тұстарында ғана зерттелген. Аймақтың жазық далалы жерімен салыстырғанда бұл жерлерде ақымдалған қабірде жерлеу орындары жиі кездеседі.

Шұңқырлардың үйіндісі ұсақ көмірлер мен күлдерден, топырақ пен тас қоспаларынан немесе тек тастың өзінен құралған болып келеді. Қарапайым қабір шұңқырларының үстіне үйінді жасалмаған. Ақымдалған қабірге кіретін жері әлдебір ағаш құрылыммен жабылған болса керек, оның қалдықтары тек бір жерде ғана кездесті. Тағы бір жерлеу орнында жерлеу камерасы мен дромостың үсті тегіс жалпақ ағаш жабындымен жабылған болып шықты. Ол бір-біріне сығылыстырып қатар-қатар салынған бөренелерден тұрады, олардың тіпті қосқатар болып салынуы да ықтимал. Аарасында қабір шұңқырысыз жерленген орындар да кездесті, ондағы жануарлар сүйектері, қыш ыдыстар және басқа да заттар ежелгі сол замандағы жердің бетіне қойылған болып шықты.

Мәйіттердің орналасу тәртібі – шалқасынан созылыңқы түрде жатқызылған, қолы әдеттегідей денесін бойлай жатыр, кей кездері марқұмның екі аяғы денесінің осінен солға қарай қисайта жерленген. Мәйіттердің біреуі «шабуылдаушы» кейпінде қойылған. Жерленген адамдардың басы әртүрлі жақтарға қаратылған, дегенмен, солтүстік-батысқа қарата жерленгендерінің саны басым. Шұңқыр түбіне себілген күлдің, кей кездері қоңыр, қара немесе ақшыл түсті органикалық төсеніштің іздері байқалады. Соңғы сапарына берілген тамақ ретінде

камераға қойдың алдыңғы және артқы сирақтары, жылқының төс сүйегінің бір бөлігі қойылған.

Ер адамдардың қабірлеріне қару-жарақтар (қанжарлар, шақандар, жебелер, қылшанның ілмектері), белдіктер қоса жерленген. Әйел адамдардың қабірлерінен айна, аяқсыз құрбандық тақталары, татуировка салуға арналған жинақтар кездеседі. Солтүстік Қазақстандағы ерте сақ дәуірінің мола үсті құрылыстары тасты, тасты-топырақты және топырақты үйінділері бар қорғандар қатарынан тұрады. Топырақты қорғандардың көпшілігінің орталық бөлігін аласа етіп бөренелерден қаланған жер үсті құрылымдары, сондай-ақ, кілет немесе қима түріндегі ауқымды ғимараттар құрайды. Бөренелерден қаланған құрылымдардың барлығы ежелгі көжиекке немесе материкке қойылған жерлеу орындарымен байланысты болып келеді, ал ауқымды ғимараттар топырақ шұңқыры бар қабірдің үстінен салынып, ежелгі жердің бетінде орналасқан. Қорғаннан тыс құрылымдар жоспарында топырақ үйіндіні айналдыра дөңгелек шеңбер немесе шаршы түрінде салынған орлардан, сондай-ақ, дөңгелек тас қоршаулардан тұрады. Жерлеу камерасының негізгі үлгісі – тікбұрышты немесе сопақша болып келген қарапайым топырақ шұңқыр. Отпен байланысты түрлі жоралғылар жаслағаны байқалады (ағаш жабындыларды өртеу немесе көмірге айналдыру, ежелгі жер бетін қыздыру немесе күл себу, үйіндіде немесе жерлеу камерасының түбінде көміршелердің кездесуі). Мәйіттердің орналасу тәртібі – шалқасынан созылыңқы түрде жатқызылған, қолы әдеттегідей денесін бойлай жатыр, кей кездері марқұмның екі аяғы денесінің осінен оңға немесе солға қарай қисайта жерленген. Жерленген адамдардың басы әртүрлі жақтарға қаратылған, дегенмен, басы солтүстік-батысқа қарата жерленгендерінің саны басым. Соңғы сапарына берілген тамақ ретінде камераға қойдың алдыңғы және артқы сирақтары, омыртқасы немесе ара-тұра басы қойылған.

Қоса жерленген заттар қару-жарақтардан (жебе ұштары, қанжарлар, шақандар), айналардан, тастан жасалған құрбандық тақталарынан, пышақтардан, бойтұмарлардан тұрады. Кей кездер жерлеу камерасына қыш ыдыстар да қойылатын болған. Орталық Қазақстанның ерте сақ дәуірінің қорғандары көбіне тастан, ара-тұра топырақтан немесе тас аралас топырақтан тұрады. Үйіндінің үстіндегі және астындағы құрылыстар жалпағынан қойылған тақтатастар шеңберінен немесе тас төсеніштерден құрылған. Кей кездері үйіндіні қоршай, қорғанның шет-шетін ірі тақтатастармен бекіткен. Көбіне қорған үйіндісінің топырақты немесе топырақты-тасты жабындысының үстінен тағы

да тас толтырылатын («тас сауыт» жасалатын) болған. Ірі қорғандарда қабір шұңқырының үстіне тақтатастардан, ағаштан, шикітастардан іші қуыс сағана тәріздендіріп тұрғызылған немесе саз бен тастан тұтастай құйылған құрылыс түріндегі «кішігірім төмпешіктер» бар екені анықталды. Тақтастарды саз аралас ерітіндімен бекіте отырып тұрғызылған киіз үй тәріздес ғимараттардың да бар екендігі анықталды.

Қорғаннан тыс құрылымдардың қатарына дөңгелек орлар, үйінді жасау үшін топырақ алынған жерлерде қалған шұңқырлар, домалақ және тікбұрышты тас қоршаулар, сақина тәріздендіре кішігірім етіп қаланған тастар, бес және сегіз тасты құрбандық тақташалары жатқызылады.

Мәйіттер қабір шұңқырына, ара-тұра ежелгі жер бетіне де қойылған. Камералардың негізгі үлгісі – сопақша немесе арақидік тікбұрышты болып келген қарапайым топырақ шұңқыр. Мынадай қабір шұңқырлары жиі кездеседі: дромосты, кемершікті, ұзынша қабырғасын бойлай жасалған ақымдалған қабірі бар, таспен қапталған, түбіне дейін түсірілген тас жәшігі бар түрлері. Көбіне шұңқырлар үш-төрт тас тақталармен жабылған болып келеді, кей жағдайда қабір шұңқырының үсті кішігірім тақтатастармен және тас жарықшақтарымен толтырылады. Ақымдалған қабірдің кіре берісіне де тақтатастар қойылған.

Ірі қорғандардың дромосы жайпауыт болып келеді, әдетте ол қабір шұңқырының сол жағынан шығарылады. Кей кездері олар бөренелермен және/немесе тас тақталармен жабылады, үстіне тас үйіледі. Арақидік дромос қабырғалары тігінен қойылған тас тақталармен өрленеді. Кей жағдайларда қабір шұңқырының жиегіне тақап бір қатар етіп тас қалайды. Көжиекке тұрғызылған ағаш бағаналы құрылымның ішіне қойылған жерлеу орындары да кездеседі, одан әрі қарай бірнеше шұңқыр кетеді.

Мәйіттердің орналасу тәртібі – шалқасынан созылыңқы түрде жатқызылған, қолы әдеттегідей денесін бойлай жатыр, кей кездері марқұмның екі аяғы денесінен қисайыңқы жерленген болып келеді. Жерленген адамдардың басы әртүрлі жақтарға қаратылған, дегенмен, басы солтүстік-батысқа, солтүстікке және батысқа қарата жерленгендерінің саны басым. Соңғы сапарына берілген тамақ ретінде камераға қойдың алдыңғы және артқы сирақтары, омыртқасы, жауырыны, басы немесе кей кездері тұтас еті қойылған. Бұл жерде жылқының басы да жиі кездеседі. Қоса жерленген заттар қару-жарақтардан (қанжарлар, жебе ұштары), белдіктерден, ат әбзелдерінен, айналардан, тастан жасалған құрбандық тақталарынан, пышақтардан, бойтұмарлардан тұрады.

Солтүстік Қазақстанда да Орталық Қазақстанда да ішінде қабір шұңқыры да, жерленген адамның қандай да бір ізі де жоқ болып келген, тігінен қойылған немесе көлденеңінен жатқызылған тақтатастардан немесе ірі тастардан жасалған дөңгелек тас қоршаулар белгілі. Қоршаудың ішіне немесе тастарының астына ат әбзелдері қойылған.

Өзінің негізгі өлшемдері бойынша тасмола қауымының жерлеу кешендері шекаралас аймақтардың – Оңтүстік Орал бойының, Арал бойының, Шығыс Қазақстанның және Алтайдың басқа көшпелілері қалдырған дәуірлес ескерткіштерінен әжептәуір айырмашылығы бар. Бірақ, солай бола тұра бұл аймақтардағы жерлеу орындары Алтайдан Оралға дейінгі көшпелілер мәдениетінде белгілі бір жақындықтың бар екендігін байқатады. Оны жерлеу ғұрыптарының ұқсастығынан ғана емес, негізінен алғанда қоса жерленген заттардың өзара жақындығынан да байқауға болады. Біздің ойымызша бұл жақындықтың түбін далалық Еуразияның ерте сақ мәдениеттерінің қалыптасуының өзінен іздеу керек.

Жайық-Ертіс қосөзен аралығы далаларының б.д.д. II мыңжылдықтың аяғы – I мыңжылдықтың басына жатқызылатын ескерткіштерін сараптау нәтижесі аймақтың ерте көшпелілер мәдениетін соның алдындағы кейінгі қола дәуірінің мәдениетінен бөліп қарастыру мүмкін еместігін көрсетіп отыр. Бұл жерде, Л.Т. Яблонский атап өткендей Орта Азия мен Қазақстан территориясына өздерімен бірге монголоидты краниологиялық белгілер кешенін фенотипті түрде қамтиын жаңа генді, сондай-ақ, өзіндік этникалық мәдениет элементтерін алып келген, ал өздерінің өзіндік этногенетикалық түбірі жоқ аттылы-мигранттардың гетерогенді бірлестіктері пайда болуы мүмкін.

Біздің ойымызша, миграцияның бастапқы территориясы Ішкі Азияның жекелеген аудандары (Солтүстік және Солтүстік Батыс Қытай мен Моңғолия) болса керек. Бұл болжамдар қазіргі уақытта археологиялық деректермен ғана емес, сондай-ақ, антропологиялық деректермен де нақтыланып отыр.

Кезінде, С.И. Руденконың өзі, б.д.д. VIII ғасырдың аяғы – VII ғасырдың басында Ертістің жоғарғы ағысындағы Зайсан қазаншұңқырын немесе Тарбағатай бөктерлерін мекен еткен тайпалардың бір бөлігі Таулы Алтайға қоныс аударып жергілікті халықпен ассимиляцияға түскен болуы ықтимал едеген пікір қалдырған. Ю.Ф. Кирюшин мен А. А. Тишкин Орталық Алтайдың ерте сақ кезеңінің материалдарын жинақтай келе, осы аймақтың ерте сақ мәдениетінің түп-тамырын «Орталық Алтайдан оңтүстікке, оңтүстік-шығысқа қарай,

солтүстік-батыс Моңғолиядан және Қытайдың Алтайға жақын аудандарынан іздеу керек» деген қорытындыға келеді. Олардың пікірінше, ертескиф мәдениетін тасымалдаушылардың алғашқылары б.д.д. IX ғасырының аяғында келген болса, бұл келіс б.д.д. VIII ғасырында жаппай сипат алған. Ежелгі адамдардың бұл қозғалысын олар нақты тарихи дерекпен – Орталық Азияның көшпелі тайпаларының қысымынан б.д.д. 770 жылы Батыс Чжоу мемлекетінің құлағандығымен байланыстырады. Бұрынырақта айтылған пікірлерді дамыта отырып А.А. Тишкин Таулы Алтайдың ерте сақ дәуірінің мәдениетін «бийкен» деп атауды ұсынды. Бұл мәдениеттің өмір сүру уақыты – б.д.д. IX ғасырдың аяғы – VI ғасырдың екінші, үшінші ширегі. Мәдениеттің бастапқы құрамдас бөліктері Таулы Алтайдан тысқары жатса керек, себебі, А.А.Тишкиннің айтуынша кейінгі қола дәуірі ескерткіштерінің арасында оларды байланыстыруға келетіні табылмай отыр. Бийкен мәдениеті дамуының үш кезеңін көрсете отырып А.А.Тишкин, семисарт кезеңінің бастауын (б.д.д. VIII ғасырдың екінші жартысы – VII ғасырдың бірінші жартысы) б.д.д. 770 жылы Қытайда Батыс Чжоу династиясының құлауымен тұтастырып отыр, яғни, бұл жағдай жаппай көшуге ықпал етті деп санайды. Алайда, біздің ойымызша, миграцияның бұл үдерісінің ауқымы өте кең болған және тек Саян-Алтайды ғана емес, одан батысқа қарайғы территорияларды да – Шығыс Қазақстанды, Жетісуды, Арал бойын және Жайық-Ертіс қосөзен аралығы далаларын қамтыған. М.А. Итина мен Л.Т. Яблонский дұрыс атап өткендей, жоғары таксономиялық деңгейде қарастырған жағдайда, сақ мәдениетінің орта азиялық-қазақстандық генезисі туралы «сақ мәдениеттерінің жергілікті нұсқалары қима және андрон мәдениетінен тікелей және тура тараған» деген гипотеза барынша дәлелді болып көрінеді. Алайда, екі кезең халықтарының арасындағы тікелей сабақтастық туралы бұл тезис, жергілікті этно және нәсілдік/расогенез деңгейінде, яғни өте шектеулі аймақтық мағынасында қарастырған жағдайда онша сенімді көрінбейді. Біз олардың мына пікірімен келісе аламыз: материалдарды аймақтық деңгейде қарастырып, сақ үлгісіндегі мәдениеттер біртіндеп трансформациялану үдерісі арқылы қалыптасты деген біржақты шешім шығаруға болмайды. Негізінде, біртіндеп трансформациялану туралы емес, Орта Азия мен Қазақстан даласына өздерімен бірге монголоидты краниологиялық белгілер кешенін фенотипті түрде қамтиын жаңа генді, сондай-ақ, өзіндік этникалық мәдениет элементтерін алып келген, бірақ өздерінің өзіндік этногенетикалық түбірі

жоқ аттылы-мигранттардың гетерогенді бірлестіктері пайда болғандығы туралы айтқан дұрыс болар.

Батыс Сібірдің, Алтайдың, Орталық (Орта) Азияның, Қазақстанның қола дәуірі мен ерте темір ғасыры бойынша жинақталған 41 краниологиялық топтамадан басты компонент әдісі бойынша алынған краниометрлік белгілердің топаралық сараптамасы Т.А. Чикишевке өзі күтпеген нәтиже көрсетті: андрон нәсілдік үлгісінің морфологиялық кешені скиф-сақ мәдениеті өкілдерінің көптеген топтарынан байқалмады, сондықтан Орта Азияның, Қазақстанның, Оңтүстік Сібірдің және Орталық Азияның сақ-скиф халқының басым көпшілігі үшін андрондық антропологиялық пласт бастапқы тип ретінде қарастырыла алмайды.

Мұндай пікірге Л.Т. Яблонский де тоқталады, оның айтуынша, палеонтологиялық материалдарды популяциялық деңгейде сарапқа салған кезде, алынған нәтиже Орта Азия мен Қазақстан сақтарының физикалық үлгісінің жаппай «андроноидты» еместігін көрсетті. Ол сонымен қатар, Қазақстан және Орта Азия территориясында дәл осы ерте сақ дәуірінде жаңа популяция, классикалық андрон мәдениетінің орталық далалық ареалында сол уақытқа дейін белгісіз болып келген аздаған кешеннің иелері пайда болады. Оңтүстік Арал бойынан алынған археологиялық және антропологиялық материалдардың сараптамасы, Л.Т. Яблонскийге біздің ойымызша өте маңызды шешім шығаруға мүмкіндік береді: «1. Жергілікті этногенез тұрғысынан қарағанда мәдениеттің андрондық үлгісінің сақ үлгісімен тікелей сабақтастығын не археологиялық, не антропологиялық деректер растамай отыр». 2. Дәл осы сақ үлгісіндегі мәдениеттің қалыптасуы кезеңінде Орта Азия мен Қазақстанның далалық территорияларында тұңғыш рет монголоидтық белгілер байқалып отыр... 3. Осы аймақтарға тән антропологиялық жабындының сипатының өзгеруі сақтар миграциясына бұлтартпас дәлел бола алады...».

Оңтүстік Орал бойының ерте сақ дәуірінің жерлеу орындарынан алынған аздаған бас сүйектерді зерттеу, әйелдерде де, еркектерде де аздаған монголоидтық белгінің байқалатынын көрсетті. Екіншіден, осы кезең халқының шығу тегінің осылардың алдындағы кейінгі қола дәуірінің халқымен байланысы жоқ. Р. М. Юсупов Оңтүстік Оралдың савромат кезеңінің краниологиялық материалы оңтүстік орал савроматтарының алдыңғы қола дәуірі халқымен тікелей нәсілдік-генетикалық байланысын анықтамағанын айтып отыр.

Біздің ойымызша, Жайық-Ертіс қосөзен аралығының кейінгі қола дәуірінің және ерте сақ кезеңінің жерлеу ескерткіштерінен алынған материалдар палеоантропологтардың бақылауларын дәлелдей түседі.

Оңтүсті Орал бойының далалық бөлігіндегі кейінгі қола дәуіріндегі жерлеу ескерткіштерін екі хронологиялық топқа бөлуге болады. жерлеу орындарының басым көпшілігі қола дәуірінің соңғы ғасырларына жатады. Ерте топ ескерткіштері, яғни қола дәуірінің соңғы ғасырларының ескерткіштері шағын-шағын тастан немесе көбіне топырақтан тұрғызылған қорғандар түрінде болып келеді олардың үйінділерінің астынан үзік-үзік дөңгелек орлардың іздерін байқауға болады. Жерлеу орындары қоныстың мәдени қабатынан және тікбұрышты тас қоршаудың астынан табылып отыр. Жерлеу орындары ежелгі жер бетінде немесе материк деңгейінде, сондай-ақ, тікбұрышты немесе сопақ пішіндес таяз қабір шұңқырларында да кездеседі. Біріншісі – екінші рет көмілген адам, себебі сүйектері бір жерде үйіліп жатыр. Екіншісінде - өлген адамдар қатты бүктетілген күйінде қырынан, арагдік жалқасынан жатыр, бастары оңтүстікке, оңтүстік оңтүстік-батысқа, оңтүстік оңтүстік-шығысқа батысқа немесе шығысқа қаратып қойылған. Қабір шұңқырлары ағашпен немесе тақта тастармен жабылған. Сондай-ақ, өлікті қабір шұңқырына өртеп қою ғұрпымен қойған жерлеу орны да белгілі болып отыр. Қоса жерленген заттары әдетте қыш ыдыстармен шектеледі. Сонымен бірге, қоладан жасалған ұсақ әшкейлер, сүйек штамп, қола пышақтар, қайрақтың сынығы да табылып отыр. Қорған асты алаңшасынан кей кездері көмірлер, қыш ыдыстар (бүтін ыдыстар да және ыдыс сынықтары да бар), үй жануарларының сүйектері табылып қалады. Екінші топтың ерекшелігі жерленгендердің басы батысқа қаратылуымен, мәйіттің аздап бүктетіліп жатуымен, темір пышақтардың және ұңғылы сүйек жебе ұштарының табылуымен белгіленеді.

Солтүстік Қазақстанның кейінгі қола дәуірінің сарығара-алексеев мәдениетінің жерлеу құрылыстары дөңгелек, сопақ, шаршы, тікбұрыш пішіндес тас қоршаулар түрінде болып келеді. Оларды бір-екі қатар қылып жалпағынан жатқызған немесе тігінен көмген. Зерттелген барлық қоршаулардың орта тұсындағыларының үстіне тас толтырылған. Бір-біріне кіріктірілген екі-үш сақина немесе тікбұрыш түріндегі сақиналар да кездеседі. Қабірүсті құрылыстарының екінші түрі – жалпағынан тасталған тас тақталардың үйіндісі түрінде болып келеді. Қабір шұңқырлары негізінен шағын, көпшілігі сопақша пішіндес, шұңқырлардың үштен бірі тікбұрышты. Арагдік шұңқырлардың қабырғаларын

таспен қалаған түрлері де кездесіп қалады. Кей кездері шұңқырлардан тас жәшіктер шығып отырды. Мәйіттер бүктетілген күйі бір қырынан қойылған, басы әр түрлі жақтарға бағытталған – оңтүстікке, шығысқа, оңтүстік-батысқа. Қоса жерленген заттардың басым көпшілігін қыш ыдыстар құрайды.

Орталық Қазақстанның тасмола мәдениетінің андрон мәдениетімен генетикалық байланысы жоқтығын Н.Л. Членова атап өткен болатын. Л.Р. Кызласовтың пікірінше тасмола мәдениетінің өкілдері «шығу тегі бойынша сақтар емес», яғни «андрондықтардың» ұрпағы болып табылмайды. Оның ойынша, Қазақстан сақтарынан бұрынғы мәдениет андрон мәдениеті емес, қарасұқ мәдениет үлгісіне жатқызылатын «беғазы-дәндібай ескерткіштерінің мәдениеті» болып табылады. Алайда М.Қ. Қадырбаев атап өткендей, «беғазы-дәндібай мәдениеті мен тасмола мәдениеті арасындағы сабақтастықты анықтау әрекеті әлі күнге сенімді нәтиже бере қойған жоқ». Орталық Қазақстанда жаңа зерттеулер жүргізу В.В. Варфоломеевке беғазы-дәндібай мәдениетін екі топқа бөлуге мүмкіндік берді. Бірінші топтың жерлеу орындары – қарапайым халықтың немесе қатардағы қауым өкілдерінің қабірлері, екінші топтың жерлеу орындары – элеуметтік дәрежесі жоғары адамдардың немесе билеуші топ өкілдерінің қабірлері. XXI ғасырдың басына қарай Орталық Қазақстанда беғазы-дәндібай мәдениетінің 30-дан астам обаларынан 130-дан аса жерлеу құрылыстары ашылды. Олардың тек аздаған бөлігі, яғни 17 нысан ғана ірі және күрделі құрылымды болып келеді, оларды әдебиеттерде кесене деп келтіреді.

Бірінші топ ескерткіштерінің жартысынан көбінде мәйіттер материк деңгейіндегі немесе сол заманғы жер бетіндегі тас жәшіктерге қойылған. Қабірлер бірнеше қабаттап жалпағынан төселген немесе тігінен қойылған тас тақталардан тікбұрыш немесе шаршы пішіндес етіп жасалған қоршаумен қоршалған. Сонымен қатар, тікбұрыш пішіндес тас алаңқайлар және ортасында онша терең емес қабір шұңқыры бар, пішіні сопақша келген тас үймелері анықталды. Жерлеу орындарының төрттен бірінде мәйіттер тікбұрыш қоршаулардың ішіндегі қабір шұңқырына тас жәшіктерге салынып түсірілген. Арасында тас тақталармен жабылған топырақ қабірлер де кездесіп қалады, олардың кейбірінде тас қоршаулар болса, кейбірінде болмайды. Екінші топтың ескерткіштерінде (кесенелерде) жерлеу орындары материк деңгейінде немесе материкке ендірілген қабір-цистада, қабір-жәшіктерде орналасқан. «Өлікті қою» әдісімен жерленген топтық жерлеу орындары басым, өлікті өртеп қою сирек

кездеседі. Екі жерлеу тобында да мәйіт қырынан бүктетіліп жатқызылған. Арасында отырғызып, аяғын сол қырына қарай бауырына жиған күйі екпетінен, оң қырынан жатқызып жерленген түрлері де кездеседі. Мәйіттердің басы әртүрлі жақтарға қарата жерленген, дегенмен басын солтүстік-батысқа қаратқандарының саны басым. Бастары негізінен – солтүстікке, шығыс-солтүстік-шығысқа, оңтүстікке, оңтүстік-батысқа, батысқа, солтүстік-батысқа қараған болып келеді. Қоса жерленген заттардың басым көпшілігін қыш ыдыстар құрайды. Қызыл обасынан екі түрлі тас құрылымдағы доңғал мәдениетіне тән жерлеу орындарының табылуы да жағдайды өзгерте алмады.

Бірінші үлгідегі екі ғимараттың жер үсті бөлігі шаршы пішіндес, ірі және орташа тақта тастардан бір-екі қатар қылып аласалау қаланған. Құрылыстың бұрыш-бұрыштарында тігінен қойылған тастар мен тақтатастар бар. Қалаудың орта тұсындағы топырақты қабір шұңқырының үсті ашық, тастары жоқ. Б-Ш сызығына (кенотаф) бағытталған шұңқырлар, немесе С-О сызығындағы шұңқырлар тақтатастармен жабылған. Екінші құрылыстың қабір шұңқырындағы мәйіт бір қырынан бүктетіліп қойылған, басы батысқа қаратылған. Екінші типтің ғимараттары тікбұрыштандыра және дөңгеленте салынған, тақтатастары ұқыпсыздау етіп жалпағынан жатқыза қаланған. Ондағы қабірлер аса терең емес дөңгелек немесе шаршы тәрізденген топырақ шұңқырлар, сондай-ақ, беті тақтастармен жабылған тас жәшіктер түрінде болып келеді. Мәйіттер қырынан бүктетіліп жатқызылған, бастары оңтүстікке қаратылған. Екі үлгідегі жерлеу орындарында да өліктің бас жағына ыдыс қойылған.

Қазіргі уақытта Жайық-Ертіс қосөзен аралығында ерте темір дәуіріне өту кезеңіне жататын ескерткіштердің азғантай бір тобы бар екендігі байқалады. Бұл кезеңге жататын қорғанды обалардың орналасу тәртібі қола дәуірінің көпшілік ескерткіштерінен қатты ерекшеленеді және «көшпелілер» үлігіне жақын болып келеді. Түгелге жуық қорғандардың шағын өлшемді тас үйінділері бар (диаметрі 8 м-ге дейін жететін). Қабір шұңқырлары тек адамның өзі ғана сиятындай етіп қазылған. Молалардың көпшілігі кейінгі жерлеу түріндегі немесе қатпарлы болып келеді. Біріншілері уақыты жағынан ертелеу үйінділерден кездессе, екіншілері хронологиялық жағынан соған жақын болып келеді. Өліктер көбіне бір қырына (көбіне сол жаққа) қарай аздап қисайтқан күйі шалқасынан жатқызу және тізесін аздап бүгіп қою әдісімен жерленген. Ингумациямен қатар кремация да кездеседі. Жерленген адамның басын батысқа қаратуда аздаған ауытқушылықтар

болғанымен, беті үнемі дерлік солтүстікке қаратылған болып келеді. Қабірлердегі адамдардың көпшілігін ересек адамдар құрайды. Қоса жерленген заттары өте жұпыны: уатқышы иіңкі болып келген темір пышақ, ұңғылы сүйек жебе ұштары, найзаның тас ұштығы, сүйектен жасалған бұйым және асықтар. Қосымша ғұрыптық белгілерден қой сүйектері мен күлдің үш жерден табылғанын айтуға болады. Ғұрыптық белгілердің қандай ерекшеліктері бар дейтін болсақ, алдымен жерлеу орындарында қыш ыдыстың кездеспейтіндігін айта кеткен жөн – бұл жағдай осы топ ескерткіштерін б.д.д. VIII–VII ғасырлардың ерте көшпелілерінің жерлеу орындарымен жақындастырады.

Тасмола мәдениетінің I кезең ескерткіштерінің алдыңғы дәуірдің жерлеу дәстүрлерімен байланысты тұстарына тоқталар болсақ, біздіңше олар мыналар: қорған үйіндісінің табанындағы тас шеңберлер немесе тікбұрышты қоршаулар, қабір шұңқырының қабырғаларын тақтатастармен қалап шығу, деңгейжиекте және тас жәшіктерде жерлеу.

Негізінен алғанда, қорған үйіндісінің табанында болатын тас шеңберлер немесе тікбұрышты қоршаулар территориясы жағынан ғана емес, хронологиясы жағынан да кең тараған құбылыс болып саналады.

Ерте сақ дәуірінің бекзадалар қорғандарынан табылған дромосты қабірлер кейбір зерттеушілерге оларды кейінгі қола дәуірі бекзадаларының жерлеу орындарымен – беғазы-дәндібай мәдениетінің кесенелерімен байланыстыруға мүмкіндік берді. Алайда, біздің ойымызша бұл салыстыру тек сырттай ғана: бұл жерде тек дәліз тәрізді кіре берісі бар жер үсті кесенелердің шағын тобы дромосты бар қабір шұңқырларымен ғана салыстырылады. Оның үстіне, құрылымындағы ерекшеліктерді айтпағанда, қабір шұңқырларының пішінінің кесене пішінінен көп айырмашылығы бар. Орталық Қазақстаннан бөлек дромостар Жетісу, Арал бойы, Алтай, Тарбағатай, тіпті Оңтүстік Орал жерлеріндегі сақ дәуіріне тән жерлеу орындарынан кездеседі. А. Бейсеновтың пікірінше «Бұл далалық Еуразияның шығысын мекен еткен ерте сақ дәуірі халықтарына тән жерлеу ғұрпы, оның түбірі кейінгі қола дәуірінде жатыр». Дегенмен ол Қазақстанның сақ дәуірі үшін дромостарды жергілікті дәстүр деп санауды ұсынады, бірақ бұл шешіміне ешқандай негіздеме бермейді. Біздің ойымызша, жоғарыда келтірілген мәліметтердің барлығы К.А. Ақышевтың б.д.д VIII–VII ғасырларда Орталық Қазақстанда материалдық мәдениет қана емес, жерлеу ғұрпы да өзгеріске ұшырайды – өлген адамдарды шалқасынан созылықты түрде, бастарын солтүстікке немес солтүстік-батысқа, кеде

шығысқа және батысқа қаратып қою пайда болады. Оның пікірінше, «бұл өзгерістерді, б.д.д. IX–VII ғасырларда жаңа бір этникалық топтың көшіп келіп немесе басып кіріп андрон ұрпақтарымен араласып кетуімен түсіндіруге болады. Жаңа этностың шығу тегі екіұшты: шығыстан, мүмкін протоғұндар (басын солтүстікке қарату, қола қоңыраулар, ыдыстардың пішіні), және батыстан, савроматтар... болуы мүмкін». Сонымен қатар, оның ойынша, Жетісу жері мен Арал бойы материалдық мәдениетте өткен қола дәуірінің архаикалық белгілері сақталған жалғыз аймақ болып табылады (жерлеу ғұрпы, қабірісті құрылымдарының жоспары, тармоынды ыдыстардың пішіндері, қола бұйымдар мен қару-жарақтың типтері). К. А. Ақышев тайпалардың шығыстан батысқа және батыстан шығысқа енуінің немесе миграциялануының негізгі екі жолы бар деп атап көрсетеді. Біріншісі, Алтай, Шығыс, Орталық және Батыс Қазақстан, екіншісі – Шыңжаң, Орталық Тянь-Шань және Памир арқылы өтеді.

Біздің ойымызша, Орталық Қазақстан, Алтайдың солтүстік-батыс бөктерлері, Шығыс Қазақстан, Жоңғар ойпаты мен Солтүстік Қазақстанның ескерткіштерінің арасындағы өзара жақындастықты б.д.д. VIII ғасырдың екінші жартысы – аяғында Ішкі Азияның аудандарынан шыққан көшпелілердің өзара туыс топтарының Жоңғар қақпасын және Қара Ертіс бойын, Алтай бөктерлерін көктей етіп барып Орталық және Солтүстік Қазақстан және әрі қарай, Оңтүстік Орал далаларына дейін жамырай қоныстануымен негіздеуге болады.

Ішкі Азиядан қоныс аударып Алтайдың солтүстік-батыс бөктерлерінен бастап, Орал жоталарының шығыс тарамдарына дейін қоныс аударғандардың барлық тобына ортақ тұстары – қабір сырты құрылыстарын тұрғызу кезінде тасты кеңіннен қолдану, яғни, сақинтәрізді немесе тікбұрышты қалаулар мен қоршаулар, топырақ үйіндісінің тас сауыттары, тас толтыру, тас төсеу және т.б. жасау болып табылады. Олардың мәйітті шалқасынан, басын әрқилы, көбіне солтүстік немесе батыс секторға бағыттап қою, сондай-ақ, жерлеу-еске алу ғұрыптарында қыш ыдыстарды пайдалану, бірақ өлген адамның жанына бүтін ыдыс қоюға тиым салу тұстары да ортақ. Қоныс аударғандар құрамының әртекті болуы, жерлеу орындарының да әртүрлі болуына алып келді – қарапайым топырақ шұңқыр (жерлеу шұңқырының негізгі үлгісі осы), тас жәшік, ақымдалған қабір шұңқыры, бекзадаларды жерлеуге арналған дромосты бар қабір шұңқыры және басқалар. Алайда қабірдің сакральдық кеңістігіне қатысты мынадай екі дәстүр айқын көрініс тапты. Біріншісіне сәйкес, қабір адамға ғана емес оның

атына да арнап жасалды. Орталық Қазақстанда кездесетін мәйітті қабірге жүгендеулі ат «макетімен» – бас сүйекті жегіс әбзелдерімен және тұяқтармен немесе оның «нышаны» - жүгенмен бірге көму дәстүрі осыдан келіп шыққан. Екінші дәстүрге сәйкес, қабір шұңқыры да, қорған асты алаңшасы да толығымен өлген адамның өзіне ғана тиесілі болып табылады.

Солтүстік Қазақстанда және Оңтүстік Орал бойында, және бәлкім Алакөл қазаншұңқырында да екінші дәстүр басым болды – адамдарды түрлі құрылымдағы топырақ шұңқырына, кей кездері ақымдап, бірақ қасына жылқыны, оның «макетін» немесе «нышанын» қоспай жеке жерледі. Орталық Қазақстанда екі дәстүр қатар жүрді. Бұл жерлерде адамның жеке өзі ғана қойылған әртүрлі жерлеу орындары бар, бірақ дәл сондай молаларда адаммен бірге оның аты немесе атының «макеті» яки «символы» (жүген) жерленген түрлері де кездеседі, бірақ бұлардың қатарына ақымдалған қабір шұңқырынан тұратын жерлеу орындары жатпайды. Екі дәстүрдің қатар жүруі Арал бойына да тән нәрсе.

Орталық Қазақстандағы сияқты, екі дәстүр де Алтайдың солтүстік-батыс бөктерлері мен Шығыс Қазақстанның оған шектес жатқан аудандарында да қатар кездеседі. Бірақ, Оңтүстік Орал бойы және Орталық Қазақстанмен салыстырғанда, бұл жерлерде ақымдалған қабір шұңқырының сакральды кеңістігіне адамды атымен қоса жерлеу мүмкіндігі бар. Оның үстіне бұл жерлерде кіре беріс шұңқырға «макет» немесе «символ» емес, тұтас жылқыны қоса көмеді. Бірақ, жылқыны адамнан ақымның іргесі бөліп тұрады. Жылқыны қоса жерлеу, бірақ бөлек камераға көму Таулы Алтайда жақсы көрініс тапқан. Сондықтан, Алтайдың солтүстік-батыс бөктерлеріндегі ескерткіштерде жылқының қабір шұңқырында немесе бөлек камерада жатуы, біздің ойымызша, таулыалтай тайпаларының бөктер халқына ықпал еткендігінің дәлелі болып табылады.

Көшпелі тайпалардың Ішкі Азиядан жылжуы бірнеше кезеңнен тұрған, түрлі қарқында болған және әртүрлі аймақтарға бағытталған болса керек. Б.д.д. IX ғасырда орын алған миграцияның бірінші толқынымен көшпелілер Тыва мен Минуса қазаншұңқырын игеріп, осы жерлерде сақ үлгісіндегі мәдениет қалыптасып болады. Бірінші толқын қоныс аударушыларының жекелеген топтары б.д.д. IX ғасырдың аяғында Алтайдың таулы аудандарын да иемденіп алады. Дегенмен, бұл аймақтардағы жаппай миграция б.д.д. VIII ғасырында орын алды. Орталық Қазақстанның далаларын игеру де осы уақыттан басталады.

Осы миграция Солтүстік Қаратеңіз бойы мен Кавказдағы ерте скиф мәдениетінің бірінші

кезеңінің қалыптасуына себеп болған ортаазиялық жаңартулардың бірінші толқынымен байланысты болса керек, ал оның б.д.д. VIII ғасырдың орта тұсынан кешікпей басталғаны белгілі. Бұл толқын тудырған жаңартулардың нәтижесінде Солтүстік Қаратеңіз бойы мен Кавказда бір басында – жануардың басы, екінші басында – аяғы бейнеленген пластиналы үштесікті сулықтар, пішіні білік тәрізді болып келген үш тесікті жалғастырғыш сулықтар, үзеңгітәріздене бітетін ауыздықтар, үзеңгітәріздене бітетін және қосымша тесігі бар ауыздықтар, аң стилі, қосметалл балталар, Бештау үлгісіндегі қазандар, қоладан жасалған қосқанатты ұңғылы жебе ұштары және т.б. таралды.

Екінші, одан да жойқын болған миграция тоқыны б.д.д. VIII ғасырдың екінші жартысында немесе б.д.д. VIII–VII ғасырлардың шегінде жүрсе керек. Ол бұрынғысынан да кең аумақты қамтып, шамасы екі жолмен өтсе керек. Көшпелілердің бір тобы Жоңғар қақпасы, Алакөл қазаншұңқыры, Жетісу және Оңтүстік Қазақстан арқылы өтіп Сырдария мен Өмударияның төменгі ағыстарына дейін жеткен. Миграцияның екінші жолы Шығыс Қазақстан, Алтайдың солтүстік-батыс бөктерлері, арқылы өтіп Орталық және Солтүстік Қазақстан мен Оңтүстік Орал бойына дейін жеткен. Мигранттардың жекелеген топтары Таулы Алтай аудандарына да еніп кеткен.

Мигранттардың құрамы көп жағдайда біртекті болмағанға ұқсайды. Қоныс аударушылардың бірінші толқынын негізінен, «бүктетіп жатқыза жерлеу» дәстүрін ұстанушы адамдар құраса керек. Екінші толқын көбіне «созылыңқы жатқыза жерлеу» дәстүрін ұстанушылардан тұрғанға ұқсайды.

Мигранттардың жерлеу дәстүрінде өзіндік, аймақтық ерекшеліктері бар жергілікті халықпен араласуы нәтижесінде ерте сақ дәуірінде белгілі бір аймақ мәдениетінде өзіндік артықшылықтың қалыптасуына әкелді. Мысалы, осы кезеңдердегі Таулы Алтай халқының жерлеу дәстүріндегі ерекшеліктер, осы жерлерде Солтүстік-Батыс Моңғолия мен Солтүстік Қытайдан келген мигранттардың бірінші толқынының Алтайдың солтүстігіндегі жазық жерлерден қоныс аударғандармен араласып кетуінен пайда болған болса керек.

Екінші толқын мигранттарының Алтайдың таулы аудандарына еніп кетуі осы жерлерде ерте сақ мәдениетінің соңғы кезеңдерінде созылыңқы түрде шалқасынан жатқызып жерлеу дәстүрінің пайда болуына алып келді. Аборигендер мен мигранттардың жерлеу дәстүрлерінің араласып кетуі мен осының негізінде Оңтүстік-Шығыс Арал бойын ерте сақ дәуірінде мекен еткен халықтардың

өзіндік жерлеу дәстүрінің қалыптасқаны туралы М.А. Итина мен Л.Т. Яблонский өз еңбектерінде ашып көрсеткен. А.С. Ермолаеваның пікірінше, Шығыс Қазақстан аумағында қола және ерте темір дәуірлері мәдениеттері өкілдері азғантай уақыт қатар өмір сүріп өзара ықпалдастықта болған. Мұндай жағдай Құлындының оңтүстігінде де орын алды.

Б.д.д. II мыңжылдықтың соңғы ширегінде – I мыңжылдықтың басында Солтүстік және Орталық Қазақстан аумағында орын алған экологиялық дағдарыс сол жердегі халықтардың басым бөлігінің көршілес аймақтарға жаппай қоныс аударуына, атап айтқанда Батыс Сібірдің орманды-далалы аудандарына, Жоғарғы Ертіс бойына және Алтайдың батыс бөктерлеріне, одан әрі шығысқа қарай Саян-Алтай және Хакас-Минуса қазаншұңқыры территорияларына көшіп кетуіне әкеліп соқтырған. Олардың өздерімен бірге алып келген дәстүрлері осы жерлерде ерте сақ дәуірі мәдениетінің қалыптасуының негізгі компоненттерінің бірі болды.

Осы көштен қалып қойған аздаған халық Солтүстік және Орталық Қазақстанның таулы аймақтарына – Көкшетау, Қарқаралы, Баянауыл, Кент, Ұлытау және т.б. шоғырланды. Бұл топтар жаңа жағдайларға бейімделіп, мамандандырылған мал шаруашылығының түрлі формаларына негізделген шаруашылық жүргізуге көшті. Қолайлы жерлерде егіншілікпен айналысты. Мыс өндіру мен өңдеу аз көлемде болса да сақталып қалды. Белгілі бір топографиялық заңдылықпен салынған, екі-үш ғимараттан тұратын кішігірім қыстақ-кент түріндегі қоныстардың тұрғындарын осы автохтонды халықтармен байланыстыруға болады.

Қоныстарды зерттеу, Солтүстік және Орталық Қазақстанның ерте темір дәуірі археологиясындағы XXI ғасырдың басында пайда болған жаңа бағыт екенін айта кеткен жөн. Осыған қарамастан, қазіргі уақытта ескерткіштердің осы үлгісі туралы белгілі бір тұрақты пікірлер қалыптасып үлгерді.

Қазақстан Республикасы БҒМ Сарыарқа археологиялық экспедициясының 2001 жылы жүргізген жұмыстарының барысында Қарағанды облысының Қарқаралы ауданының территориясынан планиграфиясы, ауданы, стратиграфиясы, құрылыс техникасы жағынан қола дәуірінің қоныстарынан едәуір айырмашылықтары бар қоныстар табылған болатын. Олар қола дәуірінің, әсіресе оның соңғы кезеңінің қоныстарымен салыстырғанда өзгеше топографиялық заңдылықпен орналасқан болып шықты. Шығыс Сарыарқа территориясында жүргізілген әрі қарайғы жұмыстар нәтижесінде мұндай ескерткіштердің саны артып, олардың бірқатарына қазба жұмыстары жүргізілді. Бұл қоныстар өзен

алқаптарынан алыста, тау қатарларының шығыс және оңтүстік шығыс бөктерлеріндегі қияларда, жекелеген үлкен жартастарында, жан-жағын биік таулар қоршап тұрған қысаңдау келген ерекше тау қуыстарында орналасқан. Олардың аңғарлар жағы ашық, өздері таудан ағатын шағын су көздеріне тәуелді болып келеді. Орналасу жағынан алғанда қоныстар XIX ғасырдың аяғы – XX ғасырдың басында қазақ қыстаулары орналасқан жерлермен тұспа-тұс болып келеді. Олардың бірқатарын жоғарыда аталған кездің қазақтары екінші рет қыстау қылып отырған. Қоныстардың көрсетілген тобын (2015 жылдың күзіне дейінгі уақыт аралығында Орталық Қазақстанның шығыс бөлігінен олардың 50 шақтысы анықталған болатын, жартысынан көбі Едірей тауында орналасқан) планиграфиясы жағынан тығыз орналасқан, үйдің тұрғылықты бөлігі шаруашылық бөлігімен астасып кеткен үй-жай ретінде сипаттауға болады. Қоныстардың негізгі бөлігі азғантай ғана құрылыс орындары болып келеді, бірақ арасында ауданы жағынан аса көлемді түрлері де кездеседі.

Анықталған тұрғынжайлардың пішіні әртүрлі болып келген, қабырғаларының негізі тастан қаланған. Тасты қолданғанына қарап және планиграфиялық ерекшеліктеріне қарай оларды кейінгі кезеңнің ғимараттары деп ойлап қалуға болады, әсіресе, қазақ қыстауларының қирандыларына қатты ұқсас болып келеді. Оның үстіне ежелгі адамдардың қыстау қабырғасын қалауда қолданған әдістерін жергілікті қазақтар XX ғасырдың 50-ші жылдарына дейін қолданып келген. Талдысай қонысында киіз үй тәрізді жылжымалы жеңіл үйлерді орнатуға арналған саздан жасалған платформалар табылып отыр. Қоныстың мәдени қабатының қуаты әлсіз, өте жұпыны. Табылған заттар өте аз және негізінен қыш ыдыстардан, тас құралдардан және жануарлар сүйектерінен тұрады. Қыш ыдыстары құмыра және банка пішіндес, өрнектері жоқтың қасы. Тұмсығы және құйғышы, тұтқасы, құлағы бар ыдыстар және кішігірім табақтар табылды. Негізгі өрнектері ернеуінен төмен орналасқан «маржандар» қатарынан, терең шұқыршалардан, батырмалардан тұрады. Ернеулері түрліше рәсімделген: тегістелген, жұмырланған, саңырауқұлақ тәріздендірілген, түрілген, қалыңдатылған, науаланған болып келеді.

Құралдардың арасында кетпендер, кетпен тәрізді бұйымдар, көптеген дән үккіштер, куранттар, үккіштер, үккіш тақтатастар басым болып келеді, қырғыштар, опырғыштар, дисктер, шапқылар және т.б. кездеседі. Металл бұйымдар қатарын қоладан жасалған пышақтар, темір ауыздықтар, қоладан жасалған тартпа тоғалары құрайды.

Жаңадан табылған қоныстар алдын-ала ерте темір дәуірінің басына жатқызылып отыр. Топо-планиграфиялық ерекшеліктерінен бөлек қыш ыдыстары да бұған негіз бола алады. А.З. Бейсеновтың пікірінше, олардың Орталық Қазақстанның кейінгі қола дәуірінің қыш ыдыстарымен салыстырғанда түбегейлі өзгешеліктері болғанымен, өрнегі, мойыны мен ернеуінің пішіні жағынан ортақ тұстары байқалып қалады. Қазба авторының айтуынша, жаңадан ашылған қоныстардан табылып отырған қыш ыдыстардың бір кішігірім тобының ғана Орталық және Шығыс Қазақстанның кейінгі қола дәуіріне тән кейбір үлгілерімен аздаған жалпылама ұқсастықтары бар. Кейінінен бұлай мерзімдеуге негіз болған жайттардың қатарына құрылыс техникасының сыртқы ерекшеліктері, шурфтар мен қазбалардан алынған стратиграфиялық мәліметтер, тұрғынжайлардың жоспары мен одан табылған заттар жатқызылды. Бірақ ол жерде аталған мәліметтер келтірілген жоқ. А.З. Бейсеновтың айтуынша осы ескерткіштерден табылған ыдыстарды Солтүстік Қазақстан мен Алтайдың ерте темір дәуіріндегі қыш ыдыстар кешенімен салыстыру нәтижесі де қарастырылып отырған қоныстарды ерте темір дәуіріне жатқызуға мүмкіндік береді. Олардың Еділ бойы ескерткіштерінен табылған қыш ыдыстармен ұқсас тұстары да байқалады.

Ақмола облысында (Солтүстік Қазақстан) орналасқан Тасқора және Тасқора 1 ескерткіштері 1999-2001 жылдары зерттеліп, орналасу ерекшеліктері, планиграфиясы, тұрғынжайлардың құрылымы, қуаты, мәдени қабатының қанықтығы мен мазмұны жағынан орталық қазақстандық қоныстармен өте ұқсас екендігі анықталды. Олардан табылған заттар қатарын қоладан жасалған біржүзі пышақтар, үшқанатты шегелі қола жебе ұштары, кәйкіштер, келсаптар және өзге де тастан жасалған құралдар, сондай-ақ шұқыршақ батырмалармен және «маржандармен» өрнектелген қыш ыдыстардың сынықтары құрайды. Қонысты ерте сақ дәуіріне жатқызу (б.д.д. VIII–VI ғасырлар) қоладан жасалған бұйымдардағы ұқсастықтарға негізделген. Табылған қыш ыдыстар пішіні, дайындалу техникасы және өрнектелуі жағынан Кеңөткел X қонысынан табылған қыш ыдыстармен пара-пар, бұл жағдай М.К. Хабдулианың пікірінше, үш қонысты бір мәдени-хронологиялық топқа біріктіруге мүмкіндік береді. Оның айтуынша, бұл топқа Орталық Қазақстанның А.Х. Марғұлан мен А.З. Бейсенов зерттеген кейбір қоныстарын да қосуға болады. Аталған ұсыныс А.З. Бейсенов пен В.Г. Ломан тарапынан қолдау тапты, олар Орталық Қазақстанның қоныс ескерткіштерінің Ақмола облысының территориясындағы ерте сақ

дәуіріне тән қоныстар тобымен мәдениеті ортақ деген пікірге келеді. Олар осы топқа ұқсас материалдар табылып отырған Алтайдағы ерте темір дәуірі қоныстарын да қосады. Олардың 2007 жылы жарық көрген мақалаларында Орталық Қазақстанның қоныстары тұңғыш рет ерте темір дәуірінің ескерткіштері тобына жатқызылды және шамамен б.д.д. VII-V ғасырларды қамтиды деп мерзімделді. Кейінірек, қыш ыдыстар кешеніндегі ерекшеліктерге қарай қазылған қоныстарды б.д.д. VII-VI (VII-V) ғасырлар шеңберінде мерзімдеу ұсынылды. Бірқатар қоныстардағы тұрғынжайлардан табылған сүйек үлгілерін радиокөміртектік меріздеу б.д.д. VIII-V ғасырлардың ортасын көрсетті. Алайда, солтүстік-және орталыққазақстандық қоныстардан табылған қоладан жасалған шегелі жебе ұштары, пышақ және тартпаның тоғасына сүйенетін болсақ оларды б.д.д. VII-VI ғасырлар немесе б.д.д. VII-V ғасырлар деп мерзімдеуге тура келеді. Сол себепті, б.д.д. VIII ғасыр деген мерзімді қоныстарға қатысты қолдану мәселесі әзірше ашық күйінде қалып отыр.

М. В. Бедельбаева және В. В. Варфоломеевтер Орталық Қазақстан қоныстарына тән шұқыршақты-маржанды өрнектермен безендірілген қыш ыдыстар кездесетін ерте темір дәуірінің қоныстары Солтүстік және Шығыс Сарыарқа, Ертіс бойы және далалық Алтайдағы қамтитын ауқымды территориядан табылып отырғанына назар аудартады. Осы қоныстар жиынтығының таксономиялық дәрежесі, және олардың кейінгі қола дәуірі және тасмола мәдениеті кешендерімен ара салмағы мәселелерін қарастыра келе олар, кеңөткел үлгісіндегі ескерткіштердің ерекше мәдени және хронологиялық нұсқасын бөліп көрсетуді жөн көрді. Олардың пікірінше, кеңөткел үлгісіндегі қоныстар тобы уақыт өте келе, деректер базасы кеңейген соң ерекше археологиялық мәдениеттің (кеңөткел?) негізгі контингентін құрайтын болады.

А. З. Бейсенов Қарқаралы ауданының ерте темір дәуірі қоныстарының қыш ыдыстарын сараптай келе олар доңғал (қола дәуірінің қорытынды кезеңі) кезеңінің ыдыстарынан кәдімгідей ерекшеленеді деген пікірге келді. Сонымен қатар, А.З. Бейсенов және онымен бірлескен авторлар қоныстың қыш ыдыстары өз ерекшеліктері (ыдыс пішіндері, ернеуінің ерекшеліктері, өрнегі) жағынан генетикалық бастауын доңғал ыдыстарынан алса керек және шығу тегі жағынан бұл қыш ыдыстар доңғал кезеңінің алдындағы мәдениетпен байланысты деп атап көрсетеді. Кеңөткел-тасқора қыш ыдыстарының доңғал ыдыстарынан зор айырмашылықтары болғанымен, бәрібір де онымен белгілі бір генетикалық байланысы бар деп көрсеткен М.К.

Хабдулина да осыған ұқсас көзқарасты ұстанады. Дегенмен, М. В. Бедельбаева мен В. В. Варфоломеевтер кеңөткел үлгісіндегі ескерткіштерді бөліп көрсете отырып, бұл қоныстардағы мәдениеттердің шығу тегі мәселесін атап кетеді. Олардың пікірінше, шұқыршақты-маржанды өрнектері бар қыш ыдыстар кеңөткел үлгісіндегі ескерткіштерді Сарыарқаның қола дәуірінің доңғал кезеңімен байланыстырып тұрған жалғыз нәрсе. Осыған байланысты, өтпелі тип ескерткіштерін табу міндеті туындайды, онсыз қола дәуірінің ең бертінгі ескерткіштері мен темір дәуірінің ең ерте ескерткіштерінің арасындағы генетикалық байланыс гипотезасы өз шешімін таппайды.

А. З. Бейсенов пен В. Г. Ломан өтпелі кезең ескерткіштеріне ыдыстары доңғал және ерте темір мәдени-хронологиялық пласттарымен генетикалық байланыста болып келген Едірей-2 қонысын жатқызады. Бұл ескерткіштің қыш ыдыстарын олар бұдан бұрын жоғарыда аталған негізде ерте сақ кезеңіне жатқызылған Орталық Қазақстан қоныстарынан табылған қыш ыдыстар кешенімен «жақындастырып» қояды. Осы қоныстан табылған қоладан жасалған шегетәріздес біз, бұндай бұйымдар Батыс Сібірдің көптеген ерте темір дәуірі ескерткіштерінен табылғандықтан «сөзсіз ерте темір дәуіріне тартып тұрады». Тұтастай алғанда, б.д.д. VIII-VII ғасырлардағы кейінгі доңғал кезеңіне жататын ескерткіш болып табылатын Едірей-2 қонысының материалдары, қыш ыдыстарындағы доңғал-сақ белгілерінің астасып жатуымен сипатталады, сондай-ақ, ерте сақ қоныстарын доңғал өтпелі кезең ескерткіштерімен байланыстыруға және Орталық Қазақстанның сақ мәдениетінің қалыптасуында доңғал халқының да үлес болған деп айтуға мүмкіндік береді.

А.З. Бейсеновтың және онымен бірлескен авторлардың пікірінше, ерте темір дәуірінің қоныстары сипаты жағынан қыстақтар (қоныс-қыстаулар) болған. М. К. Хабдулина Солтүстік және Орталық Қазақстанның далалық аймақтарының қоныстарын ауданы жағынан екі топқа бөледі: ірі қоныстар және кіші қотандар. «Іргелі және күрделі құрылыстары бар қоныстардың болуы олардың жыл бойы және тұрақты қолданылғандығының белгісі. Таулы және ұсақ шоқылы жерлерге орын тепкен екінші үлгідегі отырықшы ескерткіштердің – ауданы жағынан шағын қотандардың болуы, жайылымды мал шаруашылығының маусымдық сипатынан хабар береді». Ерте темір дәуірінің басында-ақ отырықшылық элементтердің болғанын басқа да зерттеушілер жоққа шығармайды.

М.К. Хабдулинаның пікірінше, ерте сақ қоныстарынан табылған заттардың құрамы (тас кет-

пендер, қайлалар, үккіштер) тұрғындардың тау-кен өндірісімен айналысқанын көрсетеді, дегенмен бұл заттардың кейбірі егіншілікте де қолданылған болуы мүмкін. М. В. Бедельбаева Кеңөткел X қонысын, осындай көпсатылы металлургия өндірісінің бастапқы технологиялық кезеңі жүзеге асырылған кенші-қолөнершілер кенті ретінде қарастырады.

В. Г. Ломан мен А. З. Бейсеновтың пікірінше, кетпендер мен дән үккіштердің көптеп табылуы тұрғындарда егіншіліктің қоныстардың айналасына шоғырландырылған ерекше түрі болған деп санауға негіз бола алады. Егіншілік алқапты кетпенді сипатта болған және Орталық Қазақстан қазақтарының XIX ғасыр – XX ғасырдың басындағы егіншілік әрекеттеріне ұқсас болып келген деп шамалаймыз. Олар егіншіліктің бұл түрі тек қыстау кеңістігінде болған деп атап көрсетеді: бидайдың, тарының, арпаның шағын алқаптары қыстаулардың жанына егілетін болған, егістікті күтіп-баптау жұмыстары малы жоқ ауылдастарына (жатақтарға) жүктелген, жиын-терім ақсақалдар жайлаудан түскен кезде атқарылатын болған.

Осы еңбек авторының пікірінше, Солтүстік және Орталық Қазақстанда анықталған ерте сақ дәуірінің қоныстары кейінгі қола дәуірлерінің дәстүрлерін жалғастырушы автохтонды халықтың шағын ғана жергілікті бір тобына тиесілі. Оның өзіндік бір нақты экологиялық орны болды және Ішкі Азиядан қоныс аударған, шаруашылықтың басқа бір түрімен айналысқан және басқа бір экологиялық орынды иемденген көшпелі тайпалармен үзеңгілес өмір сүрді.

Б.д.д. I мыңжылдықтың бірінші ширегінде Ішкі Азиядан халықтардың жаңа бір тобының келуі Солтүстік және Орталық Қазақстанда бір-бірімен өзара тығыз байланыстағы халықтардың екі тобының – қола дәуірі қағидаларының мұрагерлері «автохтондар» мен әрі қарайғы ғасырларда үстем бола түскен дәстүрлерді ұстанушы «мигранттардың» белгілі бір уақыт қатар өмір сүруіне алып келді. Бастапқыда осылай қатар өмір сүрудің нәтижесінде, екі дәстүрді өзара үйлестірген «өтпелі» тип ескерткіштері пайда болды. Әрі қарайғы уақытта, тығыз қарым-қатынасқа қарамастан, даланың өз ішінде «автохтондар» мен «мигранттардың» әрқайсысының өзіндік экологиялық орны болғандықтан жергілікті халық материалдық мәдениеттегі, соның ішінде тұрғынжайлар сәулеті мен қыш ыдыстар өндірісіндегі өз дәстүрлерін біраз уақытқа дейін сақтап тұрды. Сондықтан да, қоныс-қыстаулардан алынған қыш ыдыстар кешенінің қола дәуірінің соңғы кезеңіндегі доңғал үлгісіндегі қыш ыдыстармен, одан тереңіректе Орталық Қазақстанның кейінгі қола дәуірінің білікті қыш

ыдыстарымен генетикалық байланысын байқауға болады. Ал қоныс-қыстаулардың тұрғынжай құрылымының сәулеті Орталық Қазақстанның кейінгі қола дәуірінің құрылыс дәстүрлерін қайталайтындығы да сондықтан. Алайда, автохтонды халық келімсектердің жерлеу дәстүрлеріне айтарлықтай ықпал ете алмаса керек. Сол себепті де, осы аймақты мекен еткен кейінгі қола дәуірі халқы мен ерте сақ заманы адамдарының жерлеу ғұрыптарында ешқандай сабақтастық болмайды және байқалмайды. Сонымен бірге, жаңа халықтың келуі «автохтондардың» рухани мәдениетіне түбегейлі өзгерістер енгізіп, олардың жаңа, ерте сақ дәстүрлерін қабылдауына әкеліп соқтырды.

Қазақстан далаларын игерген мигранттар мал шаруашылығы мен металлургияда жергілікті халықтың тәжірибесін қолданды. Мыс кендерін өндіру жалғасын тапты, металлургия мен металл өңдеу жетілдірілді, кейінгі қола дәуірі мен ерте сақ кезеңінің лигатурасы мен құю операцияларындағы ұқсастықтар осының дәлелі. Жеке металлургиялық базаларының болуы, тасмолалықтардың ерте сақ дәуірінде Жайық-Ертіс қосөзен аралығы далаларында жетекші рөлді иемденуіне ықпал етті. Тұрғынжайлар салуда тасты пайдалану тәжірибесі ертетасмолалық бекзадалар қорғанын тұрғызуға қолданылғаны сөзсіз.

Орталық Қазақстанның және Оңтүстік Оралдың көшпелі социумдарының антропологиялық үлгісінің қалыптасуына жергілікті халықтың да ықпалы болғанын антропологиялық деректер белгілі бір мөлшерде растап отыр. Ішкі Азиядан келген келімсектердің беғазы-дәндібай үлгісіндегі ескерткіштерді қалдырған жергілікті халықпен биологиялық байланыста болғандығын Е.П. Китов пен А.А. Хохлов жоққа шығармайды. Орск ауданынан алынған сармат дәуірінің краниологиялық топтамасының сараптамасын қарастырған А. А. Хохлов пен С. Ю. Фризен, олардың антропологиялық компонентінің қола дәуірінің андрондық далалық популяцияларымен генетикалық байланысы болуы мүмкін деген тұжырымға келеді. Екінші жағынан алғанда, өмір сүрі уақыты бойынша осымен тұспа-тұс, бірақ оңтүстік оралдың арғы жағында орналасқан Альмухаметово обасынан алынған краниологиялық серия оның негізгі антропологиялық компонентінің шығу тегінің жергілікті жермен ешқандай байланысы жоқ екендігін көрсетіп отыр.

И. В. Пьянковтың да шығарған қорытындысы осыған жақын. Шығыс скиф халықтары: савромат, сақ, массагет және исседондардың «матриархаттығын» және мәдениетіндегі басқа да ерекшеліктерді атай отырып, бұл ерекшеліктерді қандай да бір этникалық

суперстраттың таралуымен түсіндіруге болады деген қорытындыға келеді. Оның ойынша, бұл үдеріс Орталық Азияның жүрегінен, Ордостан және онымен шекаралас аймақтардан бастап қарқын алып, б.д.д. I мыңжылдық бойына жүзеге асқан болуы мүмкін, бірнеше толқын болғандығын да жоққа шығаруға болмайды және оның бір ұшығы б.д.д. VII ғасырында Азов және Кавказ бойларына дейін жеткен. Келген халықтар тобы саны жағынан онша көп болмаған және жергілікті этникалық ортаға тез сіңіп кетіп отырған, бірақ, өздерінен соң мәдениеттің бірқатар спецификалық белгілерін қалдырған.

Жоғарыда атап өткендей, б.д.д. I мыңжылдықтың басындағы миграцияның шығу территориясы Ішкі Азияның (Солтүстік және Солтүстік-батыс Қытай мен Моңғолия) аудандары болған. Айтылған пікірлерге археологиялық және антропологиялық деректер дәлел бола алады. Мысалы, өлген адамды шалқасынан созылықты түрде жатқызу дамыған неолиттен бергі Солтүстік Қытайдың түрлі мәдениеттеріне тән болып келеді. Мәйітті шалқасынан созылықты түрде, басын көбіне шығысқа қарата жерлеу Байкал бойы, Орталық және Шығыс Моңғолия, сондай-ақ, Солтүстік Қытайдың кейбір жерлерінің кейінгі қола дәуірі және ерте темір заманының тақтатас қабірлі мәдениеттеріне тән жағдай. Кей кездері қабір шұңқырының үйіндісіне жылқының «макетін» - басын терісімен және тұяқтарын қойған. Шалқасынан созылықты жатқызып, басын шығысқа қарата жерлеу Байкал маңындағы сарай үлгісіндегі ескерткіштеріне де тән болып келеді. Қабір шұңқырынан жануарлардың, соның ішінде жылқының бас сүйегі жиі кездеседі. «Тақтатастықтардың» жерлеу заттарына қару-жарақтар және ат-әбзелдері кіреді. Тақтатастан жасалған қабірлері бар халықтың антропологиялық үлгісі анық монғолоидтық болып келген. Мәйітті шалқасынан созылықты түрде жатқызып басын шығысқа қарата қойған жерлеу орындары кейінгі қола дәуірінің орталық-монғол үлгісіндегі трапеция тәріздес «херексурлардан» да табылып зерттелген.

Қазақстанға жақын деген территориялардың ішінде, өлгендердің басын солтүстікке не батысқа қаратып шалқасынан созылықты түрде жатқызытын жерлеу орны Солтүстік Шыңжаңдағы қол дәуіріне тән (б.д.д. XV–VIII, XIII–VIII немесе X–VIII ғасырлар) Кээрмуци обасынан табылып отыр. Ал, Тарим бассейнінің шығыс бөлігіндегі Гумугоу обасындағы (б.д.д. II мыңжылдықтың бірінші жартысы) жерлеу орындарының көпшілігі – жалғыз-жалғыздан басын шығысқа қаратып шалқасынан созылықты түрде жатқызып қойғандар болып келеді. Гумугоуда жерленгендер протоеуропалық антропологиялық типке

жатады. Шыңжаңдағы Таибан (Tieban River) өзенінің бойынан табылған шалқасынан созылықты түрде жатқызылып жерленген мумияланған мәйіттер де осы кезеңге жатқызылады. Чжукайгоу обасында (б.д.д. II мыңжылдықтың ортасы, Ордос) адамдарды көбіне басын солтүстік-батысқа қаратып қарапайым топырақ шұңқырға жерлеген. Жалғыз адамдық қабірлерге қойылғандар шалқасынан созылықты түрде жатқызылған. Қосарлы қабірлерде ер адам шалқасынан созылықты түрде жатқызылған күйі, ал әйел адам аяқ қолын бауырына алып бір бүйіріне қарай беті ер адамға қаратылған күйі жерленген.

Ақымдалған қабірлер мен жер асты қуыстарына/катакомбаларға жерлеу Солтүстік және Солтүстік Батыс Қытайдың түрлі мәдениеттеріне қола дәуірінен, тіпті соңғы неолитінен бері тән нәрсесі болып келеді. Ганьсу провинциясының солтүстік-батыс территориясындағы ерте темір дәуірінің Янлан және Шацзин мәдениеттерінің басты ерекшелігі ақымдалған қабір шұңқырларына жерленгендердің көптеп табылуы болып саналады. Мәйіттерді жерлеу әдістерінің бірі шалқасынан созылықты түрде жатқызып, басын солтүстікке немесе батысқа қаратып қою. П.И. Шульганың айтуынша, қытай зерттеушілері Ганьсу және Цинхай провинцияларының территориясын дәстүрлі түрде «ақымдалған қабірлердің» отаны деп санайды, өйткені бұлар ол жерлерде неолит кезеңінен бастап кездеседі.

Жайық-Ертіс қосөзен аралығының қола дәуірінде ақымдалған қабірі бар жерлеу орындары да, шалқасынан созылықты түрде жатқызып жерлеу әдістері де болмағанын айта кету керек.

Шыңжаңның шығысында орналасқан, радиокарбон әдісі бойынша б.д.д. 1200-550 жылдармен мерзімделетін, әрі өзі аттас мәдениеттің эталондық ескерткіші болып табылатын Яньблак обасында бір қырынан бүктетіліп жатқызылған жерлеу орындарының саны басым болғанымен, арасында шалқасынан созылықты түрде жатқызылғандары да кездесіп қалады. Қоса жерленген заттардың қатарына қыштан, сүйектен, тастан жасалған бұйымдардан бөлек, қола мен темірден жасалған заттар, атап айтқанда пышақтар, жебе ұштары, ортасында ілмегі бар айна да кіреді. Осы обадан табылған бас сүйектер сериясының антропологиялық сараптамасы бас сүйектердің көпшілігі өзінің морфологиялық ерекшеліктері жағынан Шығыс Тибетті қазіргі уақытта мекен етіп жатқандарға ұқсас монғолоидтық болып келгенін, тек 8 данасының ғана Гумугоудан табылған бас сүйектерге жақын болып келгендігін, яғни европоидтық болып табылатынын көрсеткен. Бір айта кететін жайт, обаның ерте кезеңінде европоидтықтар көп кездесе бермейді. Ю.

С. Худяковпен С. А. Комиссаровтардың пікірінше, монғолоидтардың батыс өлкелерге тарауы дәл осы яньблак мәдениетінен басталса керек.

Осы ауданның жерлеу дәстүрі мен қыш ыдыстары бойынша жақын келетін, бірақ уақыты бойынша сәл ертелеу (б.д.д. 1200 жыл) ескерткіші Улу (Убао) обасында жерленгендердің арасында европоидтықтар да монғолоидтықтар да кездеседі, соңғысы саны жағынан басымрақ болып келеді. Европоидтық және монғолоидтық белгілердің аралас келуі Чуньцю кезеңінің (б.д.д. VII ғасырдың аяғы – V ғасырдың аяғы) екінші жартысымен мерзімделетін Ханьцигоу обасының антропологиялық материалдарынан да көрінеді және Яньблак мәдениетінің кейінгі нұсқасын береді.

Орталық Тянь-Шаньнің оңтүстік тау бөктерлерінен скиф мәдениетіне жататын Чауху және Цюньбакэ обалары табылды, радиокөміртекті мерзімделуіне және заттарының сипатына қарай оларды скиф дәуірінің ерте кезеңдеріне жатқызуға болады. Алынған радиокөміртекті мерзімдеулер оның өмір сүру уақытын б.д.д. 1000-500 ғасырлар аралығы деп көрсетіп отыр, аталған обалардағы жерлеу орындарының жартысы осы мерзімдеудің ерте кезеңіне жатқызылады. Чауху обаларындағы жерлеу орындарының үстінде әдеттегідей, тас үйінділері, тас қалаулар немесе қоршаулары бар, ал астында бір және бірнеше қабірі болады. Тақтатастармен немесе кеспелтек ағаштармен жабылған қабір шұңқырларының аса терең емес, әрі қысқа дромостары бар болып келеді, ал қабірлері көбінесе топтық және екінші рет жерленгендер болып шығады. Мәйітті жерлеудің екі түрлі әдісі байқалады: басын солтүстік-батысқа қарата бір қырынан бүктетіліп жатқызылғандар және созылықты түрде шалқасынан жатқызылғандар, соңғыларының басы батысқа қаратылады, кей кездері солтүстікке немесе оңтүстікке қарай ауытқушылықтары байқалады. Ересек адамдардың қабірлерінің жанында көбіне балалардың жерлеу орындары және жылқы, бұқа, түйе бас сүйектері немесе ит қаңқалары қойылған құрбандық шұңқырлары болады. Қоса жерленген заттар қатарын қыш ыдыстар, темір мен қоладан жасалған бұйымдар (пышақтар, ауыздықтар, соның ішінде қосымша тесігі бар, құрсаулары бар үзеңгітәрізді ауыздықтар, артқы жағының орта тұсында ілмегі бар айналар, жебе ұштары, «скиф» аң стилінде жасалған заттар) және т.б. құрайды.

Чауху мәдениетінің тағы бір нұсқасына Цюньбакэ (Чунбак) обасын жатқызуға болады. Жерлеу орындарының үсті тас үйінділермен жабылған, ал астында ағаш кеспелтектермен жабылған бір немесе бірнеше қабір шұңқырлары бар болып келеді. Бұл жер-

ден қысқа дромосты қабір шұңқырлары да кездеседі. Кейбір жағдайларда жер үстіне бөренеден дәлізі бар камера салып, оның үстін топырақ қорғанмен үйген. Қабірді тастақталармен немесе кеспелтек ағаштармен жапқан. Қабірдің түбіне сырғауылдар немесе шөп төсеген. Топпенен екінші рет жерлеу түрі басым; сүйектер мен ағаш құрылымдар әдеттегідей қатты күйдірілген. Қабірлердің жанында ішінде жылқы және түйе сүйектері (көбіне бас сүйектері) бар құрбандық шұңқырлары орналасқан. Сонымен қатар, басын солтүстікке немесе солтүстік-батысқа қаратып, шалқасынан жатқан күйі аяғын бүгіп қойған немесе бір қырынан бүктетіліп қойған жерлеу орындары да кездеседі. Қоса жерленген заттар қатарын қыш ыдыстан бөлек, қоладан, темірден, ағаштан және сүйектен жасалған түрлі бұйымдар құрайды. Қоладан жасалған бұйымдардың қатарында үзеңгітәріздене бітетін және қосымша тесігі бар ауыздықтарды, ұшқанатты шегелі жебе ұштарын, жалпақ диск түріндегі тұтақсыз айналарды немесе ұшында тесігі бар тұтқасы бір жанынан орнатылған айналарды айтуға болады.

Янхай 1 және 2 обаларының (Шыңжаң) жерлеу орындары қарапайым топырақ шұңқырлар, қабырғаларының бірін бойлай жасалған ойығы бар шұңқырлар немесе кемершікті шұңқырлар түрінде болып келеді. Мәйіттерді бірден шұңқырдың түбіне немесе арнайы ағаш сәкілерге басын көбіне оңтүстік-шығысқа қарата бір қырынан бүктетілген күйі, созылықты түрде шалқасынан немесе тізесін бүккен қалпында шалқасынан қоятын болған. Жерлеу орындары жалғыз-жалғыздан, қосарлы және қатпарлы болып келеді. Мәйіттің қасына жануарлар қаңқасының бір бөлігін, көбіне ұсақ малдың және мүйізді ірі қараның бас сүйегін қойған. Қоса жерленген заттардың қатарында әртүрлі үлгідегі әшекейлі қыш ыдыстар, ағаштан жасалған ыдыстар және үлкен табақтар, сүйек тарақтар, қола пышақтар, қайрақтар, қару жарақ пен ат-әбзелдері, от жағуға арналған құралдар және т.б. атауға болады. Бұлардың ішінде назар аударуға тұрарлық заттар: пышақтар, ауыздықтар мен сулықтар, аң стиліндегі жануарлар бейнесі бар ағаш ыдыстар. Екі обаны да қытай археологтары шамамен б.д.д. 2000-1000 ғасырлар деп мерзімдейді. П.И. Шульганың пікірінше бұл обалардағы жерлеу орындарын б.д.д. VIII–III ғасырларға жатқызуға болады.

Б.д.д. 1000-600 ғасырларға жатқызылатын Кизил (Шыңжаң) обасының жерлеу орындарының басым көпшілігі «бір қырынан бүктетіліп жатқызылғандар» болғанымен, олардың арасында «созылықты түрде шалқасынан жатқызылғандардың» да бар екендігі анықталды. Осы жерлерде тігінен қойылған тастар-

дан қабір шұңқырын айналдырып сақина немесе тікбұрыш тәрізді қоршаулар жасаған түрлері де кездеседі. Қорған үйіндісі жалпағынан қойылған тастардан жасалған дөңгелек қоршаумен қоршалған немесе жарым-жартылай тас сауытпен қапталған болып келеді.

Кунылуь (Шыңжаң) тау жоталарының бөктерін алып жатқан Такла-Макан шөлінің оңтүстік шетіндегі Люшуй обасының қарапайым топырақ шұңқырларынан көбіне бірінің үстіне бірі жерленген бірнеше адамның мәйіті шығады. Калибрленген радиокөміртекті мерзімдеу топтамаларына сәйкес оба б.д.д. 910-770 ғасырларға жатады. Мәйіттерді басын шығысқа қаратып, тізесін бүккен күйі шалқасынан қойған. Қабірдің үсті ірі қойтастардан қаланған қабырғалар шоғырымен немесе тас үйіндімен белгіленген. Әдетте, үлкен шеңбердің шығыс жағына диаметрі жағынан кішірек, ішінде күл және жануарлардың көмірге айналған қалдықтары бар шеңбер кірігіп тұрады. Қоса жерленген заттар қатарын ойылған және тісті өрнектері бар жалпақтүпті және дөңгелектүпті қыш ыдыстар, қоладан жасалған қосқанатты ұңғылы жебе ұштары, пышақтар, қайрақтар қола айналар, қола мен алтыннан жасалған зергерлік бұйымдар (сырғалар, білезіктер) құрайды. Негізі, Солтүстік Қытай аумағы, яғни, Орталық жазықтық деп аталатын батыста Ганьсу провинциясы шығыста Ляохэ (Маньчжурия) өзеніне дейінгі жерлер – б.д.д. XI – V ғасырлары аралығында ат-әбзелдерінің үздіксіз дамуын бақылауға болатын Еуразияның шығыс бөлігіндегі жалғыз аймақ болып табылады.

Ю. Ф. Киришинмен А. А. Тишкиннің пікірінше, ернеуі және ортасында тұтқа ілмегі бар айналар жасау дәстүрі бастапқыда Алтай мен Қазақстанға б.д.д. VII-VI ғасырларда Қытайдан келген, ол жерде б.д.д. VIII-VII ғасырларда белгілі болып, содан кейін әрі қарай таралған. Осы пікірмен келісе отырып Г.Н. Курочкин ілмек тұтқалы айналар Қытайдың солтүстігінде б.д.д. XIII–XII ғасырларда пайда болды, ал Батыс Чжоу (б.д.д. XI ғасырдың аяғы – VIII ғасырдың басы) ескерткіштерінің мұндай айналарының ернеуі бар болып келеді деп атап өтеді. Оның пікірінше, Чжоу айналарын Алтайдың ернеулі және ортасында тұтқа-ілмегі бар ерте кезең айналарымен тікелей салыстыруға болады.

А.А. Ковалев Солтүстік Қытайдағы Наньшань-гэнь үлгісіндегі ескерткіштерде скиф-сібірлік аң стиліне тән дөңгелеңе жиырылған және жатқан қабыландардың, «аяғының ұшымен» тұрған бұғылардың, қабандардың, жыртқыш құстардың бейнелерінің және ернеуі бар айналардың пайда болуын нұсқайды. Е. С. Богданов болса Ұлы

Қытай қорғанынан солтүстікке қарай скиф-сібір аң стилінің ерте үлгілері деп санауға және б.д.д. IX–VIII ғасырлар шегімен мерзімдеуге болатын ұсақ пластикалық өнер туындыларының үлкен бір тобын кездестіруге болатынына назар аударады. Осы топқа ол Наньшаньгэнь үлгісіндегі ескерткіштердегі қару-жарақтарды, дөңгелеңе жиырылған және жатқан қабылан бейнесіндегі жапсырмалы айылбастар мен пластиналарды, жыртқыш құстың бастарын, дөңгелеңе жиырылған қасқыр тәрізді жыртқыш аңның бейнесі бар қола айналарды жатқызады. Бұл топқа бұғы бейнесіндегі нефрит салпыншақтар (Солтүстік Қытайдан кездейсоқ табылған олажалар) мен И.Г. Андерсонның жинағындағы (Ордос) қола түтікшені қосуға болады.

Қазіргі уақытта дөңгелеңе жиырылып жатқан жыртқыш аң образы Шығыс Азия территориясында Қытайдың зооморфты сақина тәрізді композицияларының негізінде қалыптасты деп түйіндеуге жеткілікті негіз бар. «Ернеуі» және дискінің ортасында ілмек тәрізді тұтқасы бар, дөңгелеңе жиырылған аңның бейнесімен нақышталған қола айналар да Шыңжаң жерінен шыққан. Шығыс Қазақстанның Измайловка ескерткішінен табылған бүйірінде тұтқасы бар айнада да дөңгелеңе жиырылған қабыланның бейнесі бар. Дөңгелеңе жиырылған мотиві Ішкі Азиядан шығып Еуразияның батыс аймақтарына тараған.

Еуразия даласындағы скифтік анималистік өнердің пайда болуы мен шығу тегі теориясы біздіңше Г.Н. Курочкиннің еңбегінде жақсы түсіндірілген. Бұл дамуды ол сабақтас кезеңдер қатары ретінде түсіндіреді. Бірінші, орталық азиялық кезеңінде кейін бүкіл скиф әлеміне арқау болған образдардың негізгі өзегі қалыптасты. Бұл сюжеттер: «аяғының ұшымен тұрған» немесе «кілт тоқтаған» қабан, «пуанттағы» немесе «ұшып бара жатқан» бұғы, дөңгелеңе жиырылған немесе жерге жабысып жатқан қабылан. Келесі кезең аталған сюжеттердің Алтайдан Орал бойына дейін таралуымен сипатталады. Скифтік аң стилі дамуының келесі кезеңдері скифтердің Оңтүстік-Шығыс Еуропаға енуімен, олардың Алдыңғы Азияда болуымен және алдыңғы азия жорықтарынан қайтып келген соң Солтүстік Қара теңіз бойын игеруімен байланысты болып келеді.

М.В. Гореликтің пікірінше, классикалық еуразиялық шақанның қалыптасуы Оңтүстік Сібірде немесе Ордоста өткен болуы мүмкін. Оның жүзінің астына құс бейнесінің үлкен етіп салынуы, құстың тұмсығы қайқыып келіп салпыншақ ілетін шығырға айналуы оның шығу тегі шығыстық екеніне дәлел бола алады. Алды-бель шақандарын қарастыра

отырып Н.Ю. Смирнов екі мәдени дәстүрлерді бөліп көрсетеді. Олардың біріншісі – Солтүстік Батыс Қытай мен Моңғолияға, екіншісі, біраз кейіндеу – Саян-Алтай өңіріне бағытталған. Оның үстіне бұлар қытайдың Инь дәуірінің жақыннан соғысуға арналған сапты қарулар дәстүрімен генетикалық байланыста болып келеді. Оның пікірінше, саян-алтай шақандарының прототиптерін Қытай дәстүрлерінен және тікелей оның «варварлық» ортасынан іздеген жөн.

Қытай археологтары біршама қызықты материалдарды Сюань-ван билік еткен кезде (б.д.д. 827-782 жылдар) қызмет еткен, Го үлесінің (Солтүстік Го) «мемлекеттік зираты» болып саналатын Шаньцуньлин обасын қазған кезде тапқан. Мұндағы көптеген жерлеу заттарының арасынан «солтүстіктен шыққан» бұйымдар – қола айналар, сауыт пластиналары және ерекше айта кетуге тұрарлық, алтын айылбастардан тізілген әшекейлі белдік шыққан болатын. С.А. Комиссаров атап өткендей, әшекейлі белдің – Қытай үшін бірегей жаңалық, себебі, бертінгі кезеңдерде ол солтүстік далалық аймақтар халқының арасында кең таралған дүние болатын.

А.И. Иванчиктің пікірінше, қазіргі уақыттағы ең бір негізделген гипотезалардың бірі – ол «кубандық» қоладан құйылған дулығалардың Солтүстік Қытайдан шыққандығы туралы гипотеза. Бұл жерлерде өте ұқсас даналары Батыс Чжоу кезеңінен белгілі және олар ежелгі қытай жерлерінен солтүстікке қарай қоныстанған көшпелі этностармен байланысты болып келеді. Біздіңше, К.В. Чугуновтың далалық аймақтардың оңтүстік аудандарын мекендеген көшпелі тайпаларда пайда болған шегелі жебелердің отаны Батыс Чжоу дәуіріндегі Қытай деген болжамы әбден орынды сияқты. Негізінен, қоладан жасалған қосқанатты шегелі жебе ұштары Қытайда кейінгі инь кезеңінен бері белгілі болатын.

С.С. Турдың айтуынша Алтайдың краниологиялық материалдары Алтайдың ерте скиф заманындағы халқының морфологиялық және тиісінше генетикалық жағынан өте-мөте әртекті екенін көрсетіп отыр. Осы дәуірдің краниологиялық серияларында монғолоидтық және европеидтық белгілер кешені анық көрінеді және метис тектес европеидты-монғолоидты типтерді де байқауға болады. Скиф-сақ халқын қарастыра отырып В.П. Алексеев олардың құрамында Сырдария, Шығыс Қазақстан және Алтайда көрініс тапқан ерекше нәсілдік нұсқаның бар екендігін бөліп көрсетті. Бұл нұсқа, оның пікірінше кейінгі қола-ерте темір дәуірлерінің шегінде шығысында Моңғолиядан бастап, батысында Қазақстанның шығысына дейін созылып жатқан ауқымды территорияда қалыптасқан,

шығу тегі аралас қазіргі оңтүстік сібір нәсілімен ұқсас болып келеді. Оның пікірінше, монғолоидтық элементтер Сырдария бассейніне, Шығыс Қазақстанға және Алтайдың таулы аудандарына Орталық Азиядан кірген. Оның үстіне В.П. Алексеев «палеоантропологиялық мәліметтерге сүйенсек, Қазақстан мен Алтайдың сақ тайпаларының мәдениетінен орталықазиялық белгілерді байқайтын зерттеушілердің пікірін қолдауға болады» деп айтып өтеді.

Л.Т. Яблонский, Оңтүстік Арал бойын ерте сақ дәуірінде мекен еткен халықтарды антропологиялық жағынан зерттеулерінің қорытындысын шығара отырып және сакарчагин тобы туралы келтіре отырып бұл жағдайда генетикалық байланыстар тек шығыстан ғана келуі мүмкін деген ой айтады. Осы топтың Минуса қазаншұңқырын мекен еткен қарасұқ халқымен ортақ тұстарына қарап, ол Солтүстік Қазақстан және Арал бойы халықтарының антропологиялық кескінінде сақ үлгісінің қалыптасуына қарасұқ халқының кейбір топтары ықпал еткен деп болжайды.

Шығыс Арал бойындағы ерте сақ дәуірінің краниологиялық материалдарының сараптама-сы монғолоидтық қоспасы анық көрінетін бас сүйектердің бар екендігін анықтады. В. В. Гинзбург пен Т. А. Трофимовтің пікірінше, Арал бойы, Қазақстан және Қырғызстанның ерте сақ дәуіріндегі халқының құрамына монғолоидтардың еніп кетуі, Алтай жағынан монғолоидтық және аралас халықтың келіп қосылуымен және Жоңғар қақпасы мен өзендерді (Ертіс, Іле) бойлау арқылы Орталық Азиядан монғолоидтық топтардың келіп сіңісуінен болуы мүмкін.

Осылайша, түрліше көрініс табатын монғолоидтық қоспа Аралдың Оңтүстік және Шығыс бойларының барлық ерте сақ краниологиялық сұрыптауларынан байқалады. Оның үстіне, бұл жерлердегі халықтың құрамынан байқалатын монғолоидтық қоспа сақ мәдениеті дамуының бастапқы кезеңінде, нақты б.д.д. VIII–VI ғасырлар мерзімінде пайда болған. Ерте сақ дәуірінің халқы Оңтүстік Арал бойына миграция нәтижесінде келгені күмән келтірмейді, өйткені, қола дәуірінде экологиялық себептерге байланысты бұл өңірлер иесіз тұрған болатын. Л. Т. Яблонский, Арал бойында монғолоидтық қоспаның пайда болуы осы жерлерде ерте сақ үлгісіндегі көшпелі қауымдастықтардың пайда болуымен тұспа-тұс келгендіктен монғолоидтық белгілерді тасымалдаушылар дәл осы қауымдастықтың құрамында болған деуге негіз болады деп атап көрсетеді.

Бұның барлығы, В. П. Алексеев пен И. И. Гохманның монғолоидтық белгілерді тасымалдаушы-

лар шығыстан батысқа брахикранды европеоидтармен қатар жүріп таралды деген қорытындыларына сәйкес келеді. Л. Т. Яблонскийдің айтуынша, шығу тегі орталық азиялық болып табылатын және едәуір анық байқалатын монголоидтық қоспа шығыс далаларында алғаш рет дәл сақ мәдениетінің қалыптасу кезеңінде байқалды. Ол сонымен қатар, Орта Азия мен Қазақстан далаларын ерте сақ дәуірінде мекен еткен халықтардың құрамындағы монголоидтық шығу тегін анықтау мәселесінің шешімі Шыңжаң мен Жоңғарияның оңтүстік аудандарының палеонтологиялық материалдарын зерттеген кезде табылар деп санайды.

Оңтүстік Орал бойының ерте сақ дәуірінің аздаған краниологиялық материалдарын зерттеу, біріншіден, осы кезеңде монголоидтық қоспаның болғандығын, екіншіден, осы территорияда обаларды қалдырған «сақ» халқының генезисі осының алдындағы қола дәуірінің ақырғы кезеңінің халқымен байланысты еместігін көрсетті. Бұл, Е.П. Китов пен А.А. Хохловтың пікірінше, ерте темір дәуірінің ерте кезеңдерінде Орал бойы халқының физикалық кескінінің қалыптасуы Орталық Қазақстанда тасмола мәдениетін қалдырған халықтың келіп кірігіп кетуімен байланысты болды. Дегенмен, Оңтүстік Орал бойының көшпелі социумының антропологиялық үлгісінің қалыптасуында аз да болса жергілікті халықтың үлесі бар екендігін жоққа шығармау керек.

Тасмола мәдениетінің краниологиялық материалдары ерте сақ дәуірінде Орталық Қазақстан халқының өте әртекті болғандығын, еурпеоидтықтар мен монголоидтықтардың (немесе араласып үлгерген еурпеоидтық-монголоидтықтардың) бірнеше ұрпағының араласып кеткенін көрсетеді. Е.П. Китов пен А.А. Хохловтың пікірінше бұл, оларды тасымалдаушылардың тым құрығанда бір бөлігінің Орталық Азиядан шыққандығын көрсетеді. Олар Шыңжаң территориясынан Жоңғар ойпаты арқылы келіп, беғазы-дәндібай үлгісіндегі ескерткіштерді қалдырған жергілікті халықпен биологиялық байланысқа түскен.

Осы тұрғыдан алғанда, ерте сақ кезеңінің бекзадалық обасы Талды – 2 ескерткішінен алынған краниологиялық материалдар өте қызықты, олар тасмола мәдениетіне тән басқа бас сүйектерден морфологиялық өзгешеліктерімен қатты ерекшеленеді. Талды бас сүйегіне «Іле өзені аңғарынан» (Шыңжаң, Қытай) алынған серия жақын келетін боып шықты. Тасмола мәдениетінің жинақталған сериясын Арал бойы мен Солтүстік және Шығыс Қазақстан сақтарының сериясының ішінен көруге болады. Талды сериясы үшін «псевдомонголоидтық» сипат тән, А. З. Бейсе-

нов пен Е. П. Китовтың пікірінше, ол еурпеоидтық кескіндегі халықтың, монголоидтық белгілерді ертеректе қабылдаған бірақ өзі доминантты болып қалған еурпеоидтықтарға тән спецификалық еурпеоидтық-монголоидтық ерекшеліктері бар халықтармен араласуы нәтижесінде пайда болған. Мұндай спецификалық ерекшеліктер қалыптасуы мүмкін территорияларға Шығыс Қазақстан, Алтай, Шыңжаң және Тыва жатады. Бір қызығы, бұл аймақтардың ерте көшпелілерінің жерлеу орындарында бас сүйекті адам өлген соң трепанациялау дәстүрі байқалады. Оның үстіне, Тывада ол орындалу техникасы жағынан тасмола мәдениеті ескерткіштерінен табылып отырғандармен қатты ұқсас болғандықтан бұл дәстүрдің шығу тегінің ортақ болуы мүмкін.

Тағы бір назар аударуға тұрарлық нәрсе, Талды-2 ескерткішінен алынған краниологиялық топтама тек тасмола мәдениеті халқында ғана емес, емес, сонымен қатар Шығыс Арал бойы, Таулы Алтай, Шыңжаң, Тыва, Батыс Моңғолия және Минуса қазаншұңқырының сақ серияларында да «шығыстық» белгілердің бар екендігін көрсетеді. Бұл өз кезегінде көптеген антропологтар айтып кеткен көзқарасты, яғни, Орталық Қазақстан халқының жалпы алғанда – «шығыс қарқынмен», жекелей алғанда – Алтай және Шыңжаң территориясымен байланысы бар екендігін көрсетеді. Көріп отырғанымыздай, Е. П. Китов пен А. З. Бейсеновтың Орталық Қазақстанның сақ дәуіріндегі халқының антропологиясы бойынша жасаған қорытындылары бұдан бұрынғы зерттеулердің нәтижелеріне қайшы келмейді. Мысалы, Орталық Қазақстанның Тасмола мәдениетінің I кезең ескерткіштерінен алынған бас сүйектер сериясына О. Ысмағұлов жүргізген антропологиялық зерттеулер, ер адамның да, әйел адамның да бас сүйектерінің антропологиялық үлгісі тұтастай алғанда еурпеоидтық болғанымен, белгілі бір мөлшерде монголоидтық белгілер қоспасының да бар екендігін көрсеткен болатын. Соңғысының пайда болуы монголоидтық топтардың енуімен байланысты. Тасмолалықтардың бір жағынан Арал бойы сақтарымен, екінші жағынан Алтай скифтерімен ең жақын морфологиялық ұқсастықтары бар. Бұл ұқсастық олардың өз бойына монголоидтық компоненттің нақты бір түрін сіңіргенімен байланысты болса керек. О. Ысмағұловтың пікірінше, монголоидтық компонент Қазақстан мен Орта Азияға Орталық (Ішкі) Азиядан Алтай арқылы ғана емес, Жоңғар қазаншұңқыры арқылы да кірген. А. С. Исмагулова мен А. З. Бейсеновтардың ерте тасмола ескерткіштерінен табылған бас сүйектердің аздаған тобына жүргізген антропологиялық зерттеулері

ер адамның бас сүйектері сипаты жағынан Таулы Алтайдан және Алтай бөктерлерінен, Тывадан табылған бас сүйектермен ұқсас болып келетінін анықтады. Арал бойының краниологиялық материалдарымен де өзара ұқсастықтары байқалады. Зерттеу авторының пікірінше, бұл мәліметтер Орталық Қазақстан халқының Орталық (Ішкі) Азияның шығыс аудандарының монголоидты халықтарымен белгілі бір байланыста болғандығын көрсетеді.

Біздің ойымызша, көшпелілердің Шығыс және Батыс Чжоу шекараларындағы белсенділіктері және олардың солтүстік пен батысқа қоныс аударуы ең алдымен, Моңғолия және Солтүстік, Солтүстік-Батыс Қытай далаларында экологиялық жағдайлардың өзгеруімен байланысты болса керек.

Палеоклиматтық зерттеулер нәтижесі көрсетіп отырғанындай, б.д.д. II – I мыңжылдықтар шегі Оралдан Хинганға дейінгі далалық аумақтардың бәрінде белгілері біршама анық байқалатын аридтік климаттық жағдайлары бар дәуір ретінде сипатталады. Әрі қарайғы уақытта Моңғолия далаларында анық байқалған экологиялық дағдарыс пен Солтүстік және Солтүстік Батыс Қытайдың шөл далаға айналуы Орталық Қазақстанда, Оңтүстік Оралда және Оңтүстік Арал бойында қолайлы экологиялық жағдайлардың қалыптасуымен тұспа-тұс келді. Моңғолия мен Солтүстік Қазақстан далаларында қолайлы жағдайлардың орнауы бір уақытта жүрді. Алайда, Солтүстік Қазақстанда бұл өзгерістер Моңғолиямен салыстырғанда барынша анығырақ және тезірек жүрген болатын.

Байқап отырғанымыздай палеоклиматтық мәліметтер, біріншіден, б.д.д. I мыңжылдықтың басында Ішкі Азия көшпелілерінің қоныс аударуындағы миграция бағытының экологиялық алғышарттарының болғандығын, және не себепті олардың Солтүстік және Орталық Қазақстан мен Оңтүстік Арал аймағына қоныс аударуының б.д.д. IX ғасырдың аяғы – VIII ғасырдың басынан ертерек өтпегендігін көрсетіп отыр.

Осылайша б.д.д. VIII–VI ғасырларда Жайық-Ертіс қосөзен аралығының далаларын өзара туыс үш мәдениеттің – Орталық Қазақстанның тасмола, Солтүстік Қазақстанның ұлыбай-тасмола және Оңтүстік Оралдың бобров-тасмола мәдениеттерінің өкілдері иемденіп тұрды. Бұлардың барлығы тасмола тарихи-этнографиялық қауымдастығына кірді және бұл жерде басты рөл Орталық Қазақстанның тайпаларына тиесілі болды.

Тасмола қауымының жерлеу кешендері өзінің негізгі өлшемдері бойынша шекаралас аумақтардың – Оңтүстік Орал бойы, Арал бойы, Шығыс Қазақстан

және Алтайдың көшпелілері қалдырған бір мезгілдегі ескерткіштерінен біршама ерекшеленеді.

Сонымен қатар, осы аймақтардың жерлеу ескерткіштері Алтайдан Оралға дейінгі ерте көшпелілер мәдениетінің белгілі бір туыстықтарын көрсетеді. Бұл жерлеу ғұрыптары элементтеріндегі ұқсастықтан ғана емес, ең негізгісі, қоса жерлеу заттарының жақындығынан да көріндеі. Біздің ойымызша, бұл жақындықтың негізінде Еуразия даласындағы ерте сақ мәдениетінің қалыптасу үдерісінің өзі жатыр.

Орта Азия мен Қазақстанның ерте көшпелілері мәдени бірлестігінің, соның ішінде тамола тарихи-этнографиялық қауымдастығының қалыптасуы мен өмір сүруінің негізі жайылымды-көшпелі жүйе немесе жайылым мен су көздерін маусымдық ретпен пайдалану жүйесі болды. Кейінгі қола дәуірінде қалыптасқан бұл жүйе аса бір түбегейлі өзгеріске ұшырамастан еуразия далаларының бірқатар аудандарында XX ғасырдың басына дейін сақталып келді.

Адамның белгілі бір тарихи кеңістік шеңберінде қоршаған ортаның табиғат ерекшеліктеріне бейімделуінің бір түрі болып табылатын көшпелі шаруашылық жүргізудің барлық нұсқасының шығу тегі мен қызметі, көп жағдайда Еуразияның аридтік аймағының ерекше табиғи-климаттық жағдайына тәуелді болды және еңбек етуші тұлғаны тым құрығанда қажетті өнімнің ең төменгі мөлшерімен қамтамасыз ету үшін табындағы мал өсімін дұрыс ұйымдастыруды талап етті. Көшпелі шаруашылық капиталистік дәуірге дейінгі кезеңде, Еуразия далаларының, шөлдері мен шөлейттерінің, соның ішінде Жайық-Ертіс қосөзен аралығы далаларының табиғи-климаттық жағдайында қолайлы келген және экономикалық жағынан тиімді жалғыз шаруашылық түрі болып табылды. Оның үстіне сол кезеңдегі өндіріс күштер дамуының деңгейін ескертін болсақ, шаруашылықтың бұл түрі ең қолайлы және табиғи-климаттық жағдайларға сәйкес болып келеді.

Н.Э. Масанов атап өткендей, шаруашылық жүргізудің басқа бір үлгісі немесе режимі Еуразияның қоңыржай белдеуінің алып кеңістігін мұншалықты игеруге мүмкіндік бермес еді. Осының нәтижесінде қола дәуірінің соңында еуразияның шөлді және шөлейтті аймақтарында қалыптасқан номадизм XIX ғасырдың аяғы – XX ғасырдың басына дейін сақталып қалды.

Уақыт өткенімен аса бір өзгеріске ұшырай қоймаған экстенсивті көшпелі экономиканың ерекшелігі және осыған келетін, көшпелі шаруашылықтың біртүпті үлгісінің қалыптасуына алып келетін экологиялық жағынан ұқсас жағдайлар күні кешеге дейін көшпелі өмір сүрген халықтардың тіршілік үлгісін еуразияның

шөлді және шөлейт далаларын мекен еткен ежелгі көшпелілердің шаруашылығын, мәдениетін, әлеуметтік-экономикалық құрылымын қалпына келтіруге мүмкіндік береді. Осы тұрғыдан алғанда, XVIII – XX ғасырдың басындағы қазақтардың көшпелі қоғамы шаруашылығы, материалдық мәдениеті және әлеуметтік ұйымдасуының түрлі аспектілері жағынан жақсы зерттелгендігімен қызығушылық туғызады. К.А. Ақышев атап өткендей олардың көшпелі мал шаруашылығын жүргізу жүйесінің ежелгі көшпелілердің шаруашылық жүргізу тәжірибесінен онша айырмашылығы болмады.

Тарихи және этнографиялық деректерді қолданған кезде, олардың басым көпшілігінің XIX ғасырдың екінші жартысы – XX ғасырдың басына жататындығын ескерген жөн. Алайда, XVIII ғасырдың орта тұсынан бастап қазақ-көшпелілердің отырықшылану үдерісі қарқын ала бастады, бұл негізінен Қазақстанның Ресейге қосылуына байланысты болды. Бұның тек қазақ қоғамының өз ішіндегі ғана емес, сыртқы себептері де болды. Отырықшылықтың дамуы көшу радиусының қысқаруы және жартылай көшпелі шаруашылыққа ауысу жолы арқылы жүрді. Оның үстіне тоқтала кететін бір жайт, отырықшылану алдымен орыс шекара сызығына жақын жатқан солтүстік далалы аймақтардан, яғни бұрынғы жайлау жерлерінен басталды. XIX ғасырдың екінші жартысы – XX ғасырдың басындағы деректерде айтылатын қысқы жайылымдар туралы көптеген деректер осыдан келіп шыққан. Бұл деректерде қазақ мал шаруашылығын көшпелі немесе жартылай көшпелі деп бөліп-жармайды. Алайда бір ескеретін жайт, XVIII ғасыр – XIX ғасырдың бас кезінде Қазақстан халқының басым көпшілігі «таза көшпелілерден» тұрса, XIX ғасырдың екінші жартысы – XX ғасырдың басында тек төрттен бір бөлігі ғана көшпелі өмір салтын ұстанды. Бұл кезеңдегі қазақтардың негізгі шаруашылық түрі жартылай көшпелі мал шаруашылығы болды. Оған малды жайылымдық қотандық бағу жүйесі тән болып келеді, мал көктемде, жазда, күзде және қыстың кей мезгілінде жайылымды бағыста болды. Қыстың шаруаға жайсыз күндері малды қораға қойып, қолдан жемдеп отырған. Сондықтан да шөп шабу қазақтың жартылай көшпелі мал шаруашылығының негізгі белгілерінің бірі болды. Шөп шабу Шығыс Қазақстанда, Жетісуда және көшпелі мал шаруашылығы басым болған өзге де аудандарда жақсы дамыды. Алайда, Қазақстанның далалы аймақтарын мекен еткен жартылай көшпелі қазақтарда шөп шабу XIX ғасырдың екінші жартысынан бастап Ресейдің европалық бөлігінен жер аударылған шаруалардың ықпалымен кең етек ала бастады.

Жартылай көшпелі мал шаруашылығының тағы бір маңызды белгісі егіншілік болды. Бастапқыда онымен тек кедей жатақтар ғана айналысса, кейін оларға халықтың ауқатты топтары да қосыла бастады.

Қазақтардың жартылай көшпелі шаруашылығына тән тағы бір нәрсе – қыстауларда жеркепе, жартылай жеркепелерден бастап ағаштан, қам кірпіштен және тастан жасалған үйлерге дейінгі түрлі тұрақты тұрғын жайлардың болуы. Бұл жерде айта кететін бір жайт, Қазақстанның солтүстік жартысында тұрақты қыстаулар алғаш рет XVIII ғасырдың аяғы – XIX ғасырдың басында пайда болды. Оларды негізінен, солтүстікте кедейленіп қалған малы жоқ егіншілер тұрғызыған. Орыс шекараларына жақын орналасқан Қазақстанның шектеулі аймақтарында ұзақ мерзімді қыстық тұрғынжайлар салу XIX ғасырдың ортасынан бастап жаппай сипат ала бастады. Алайда, XIX ғасырдың аяғына дейін қазақ малшыларында қоныстардың тұрақтар және маусымдық қотандар түріндегі уақытша үлгісі басым болды, олар негізінен құрастырмалы үйлерден (киіз үй, қос) және арба үстіндегі жылжымалы (құрастырылмайтын) үйлерден, сондай-ақ, малға арналған тасымалды қашадан құралды. Шөп шабу мен жер өңдеудің дамуына байланысты табын құрамы да өзгеріске ұшырады. Көшпелілерге қарағанда жартылай көшпелілерде мүйізді ірі қараның саны басым болды.

Көшпелілердің отырықшылануы мен жартылай көшпелі шаруашылыққа ауысуының сыртқы себептерінің бірі бастапқыда шекара бекіту сызықтарын салу, далаға ішкерілей еніп жатқан бекіністі форпост түріндегі, сондай-ақ казак станицалары сынды тірек базалар желісін ұйымдастыру салдарынан жайылымдық кеңістіктің қысқаруы болды. Қазақ көшпелілерінің жазғы жайылым ретінде қолданған аудандарының едәуір қысқаруы әрі қарайғы уақытта, яғни, XIX ғасырдың аяғы – XX ғасырдың басында жайлауларға, соның ішінде ең таңдаулы деген жерлеріне казактардың, артынша Ресейден жер аударылған шаруалардың қоныстары орнауына, сондай-ақ, бұрынғы жайлау жерлерінің біразын жартылай көшпелі және отырықшы өмір салтын ұстанған қазақтар қысқы жайылым, шөп шабатын және жыртатын жер ретінде қолдана бастауына байланысты болды. Бұл дәстүрлі көші-қон жерлерінің бұзылуына, көш ұзақтығының қысқаруына алып келді. Солтүстікте жерлерді алып қою қыстық жайылымдардың орналасу тәртібінің және дәстүрлі көші-қон бағдарының өзгеруіне себеп болды.

Жайық-Ертіс қосөзен аралығын мекен еткен қазақтардың көшпелі мал шаруашылығын сипаттамас бұрын б.д.д. I мыңжылдығының көп бөлігінде

қарастырылып отырған аймақтың ландшафттық-климаттық жағдайы XVIII-XIX ғасырлармен салыстырғанда анағұрлым жайсыз болғанын ескеру керек. Ал XX ғасырмен, әсіресе оның екінші жартысымен салыстырғанда өте қолайсыз болатын.

Қазақ-көшпелілеріндегі шаруашылықтың басты ерекшеліктерінің бірі жайылымдық көшпелі жүйе немесе меридионалдық бағытта жыл бойы көшіп-қонумен, жаздық және қыстық жайылымдардың тұрақты аудандарының болуымен (көші-қонның тұйық циклі) сипатталатын жайылым мен су көздерін маусымдық ретпен пайдалану болатын. Бұл жүйенің қалыптасуы табиғи-климаттық факторларға (ауа температурасы, қар жабындысының биіктігі мен тығыздығы, жауын-шашынның көлемі мен маусымдық бөлінісі және т.б.); өсімдік жабындысының белсенді өсу кезеңі мен оның жемдік құнарлылығының төмендеуіне байланысты зоналық және маусымдық ерекшеліктерге; біршама анық байқалатын аридтік пен су көздерінің әрқелкілігіне, маусымдығына; малдардың жұтаң жайылымдарды тезірек жеп тауысуына байланысты болды. Бұл факторлардың барлығы табиғи отты жерлер мен су көздерін іздеуге мәжбүр көшпелілердің динамикалық жағдайын анықтап қана қойған жоқ, сонымен қатар белгілі бір мөлшерде осы қозғалыстардың уақыты мен нақты бағытын, яғни жайылымдардың маусымдық қолданылу сипатын да белгілеп берген болатын.

Жайылымдарды жыл маусымдары бойынша бөлу өсімдік жабындысының қаулап өсу кезеңі, оның ең құнарлы кезеңінің маусымдық сипаты, үй жануарларының оны түгел отап тастауы сияқты табиғи-климаттық ерекшеліктерді тиімді пайдалануға негізделді. Мысалы, оңтүстіктегі шөлейт жерлерде дамуы қыстық-ерте көктемдік ылғалмен тікелей байланысты эфемерлер мен эфемероидтар басым болып келеді. Мамыр айында ол жердердің 75-тен 90 %-ға дейінгі ылғалдықты ұстап тұратын жасыл шөбі белгілі бір мөлшерде тағамдық құндылығын сақтаған күйі қурайды. Алайда жаздағы, қара күздегі немесе жайлы қыстағы кез келген жаңбырдан қайтадан дереу көкмайса көтеріледі. Солтүстіктің шөлі мен шөлейтіндегі жусанды алқаптардың көктеуі күздің ортасында ғана шегіне жетеді, ал жусанның өзі алғашқы суықтан кейін эфир майлары ұшып кеткен соң ғана жеуге жарамды болады. Сондықтан да Қазақстанның оңтүстігінде орналасқан жусанды алқаптар қара күзде ғана құнарлылығы артып, «қоң жинау» жайылымы рөлін атқарады.

Сонымен қатар, әрбір маусым үшін жайылым таңдаудың өзге де критерийлері болады. Қысқы уақытта мал отының сапасынан бөлек қар жабындысының тығыздығы мен биіктігі, жаз-күз

мезгілдерінде – су көздерінің болуы маңызды еді. Мал шаруашылығы үшін су көздерінің біркелкі жүйесі ғана емес, суды бір реттік жылдам пайдалану мүмкіндігі де қажет болатын. Маусымдық жайылымдар сонымен қатар табын құрамына қарай да таңдалды. Малдың әрбір түрі әртүрлі су көздерінің болуын және өсімдік жабындысының морфологиялық жағынан алғанда түрліше болуын талап етті.

Көшпелілер үшін Қазақстан далаларының, шөлі мен шөлейтінің күрт құбылмалы ауа-райында, жердің табиғи отының аса құнарлы болмауына байланысты ең құндысы қысқы жайылымдар болды. Сондықтан да олар ерекше талаптармен таңдалды. К.А. Ақышевтың пікірінше, Жайық-Ертіс қосөзен аралығының далалары мен шөлейтін мекен еткен көшпелілердің қыстық жайылым орындары ерте темір дәуірінде-ақ (б.д.д. VIII–IV ғасырлар) анықталып қойған болатын және олардың ішіндегі ең жақсылары Қазақстандағы көшпелілер дәуірі бойына бір өзгерген емес. Олар әдетте жаз жайылымдарынан оңтүстікке қарай – Қазақстан мен Орта Азияның солтүстігіндегі шөл далаларда орнықты. Жетісу аудандарында табиғи-климаттық ерекшеліктеріне байланысты қысқы жайылымдар жазғы жайлаулардан солтүстікке қарай орналасты, бірақ олар да шөл даланы таңдады.

Қысқы жайылымдардың шөл далаларға орнығуы аймақтың табиғи-жағырафиялық жағдайларымен және үй жануарларының биологиялық ерекшеліктерімен ұштасып жатты. Бұл зоналарда аязсыз күндер көбірек, ал қар жабындысының қалыңдығы мен тығыздығы және оның жатысы да азырақ болатын. Бұндай жерлердің қар басу, азынаған жел мен боран тұру қаупі де аз болып келеді.

Үй жануарларын, соның ішінде көшпелілердің негізгі малдарының бірі болған қойды жаюды қиындататын климаттық жағдайларды зерттеу климаттанушыларға «мал өріске шықпайтын күн» түсінігін енгізуге және соның көмегімен Қазақстанның әртүрлі өңірлерінде қыс кезінде қолдануға болатын жайылымдық жерлерді анықтауға мүмкіндік берді. Мал өріске шықпайтын күндердің көп болуы яғни, табиғат жағдайларына байланысты жайылымдық қуаңшылық кезеңінің ұзаққа созылып кетуі малшылар үшін ауыр жағдай туғызады кей жағдайда жұтқа – түз тағылары мен үй жануарларының жаппай тұралауы мен өлуіне әкеліп соқтырады. Қазақстанның шөл және шөлейт аймақтарында қыста мал өріске шықпайтын күндердің орташа есебі оңтүстіктен солтүстікке қарай ұлғая береді. Қазақстанның солтүстік аудандарында мал өріске шықпайтын күндердің ең көп уақыты қаңтар-наурыз айларына,

орталығында – ақпан-наурыз айларына, оңтүстігінде – қаңтар-ақпан айларына түседі. Батыс Қазақстанда мал өріске шықпайтын күндердің ұзақтығы кейбір қыстарда 90-120, Балқаш бойында – 60-90, Орталық Қазақстанда – 120-150, Солтүстік Қазақстанда 120-150, Оңтүстік Орал сыртында (Қостанай облысында) – 140-160 күнді құрайды. Сонымен бірге мал өріске шықпайтын күндері өте көп болатын қыстар 5-10%-ды ғана құрайды, яғни, мұндай қыстар 10-20 жылда бір-ақ келеді.

Айта кететін бір жайт, жоғарыда келтіріліп отырған мал өріске шықпайтын күндердің саны жазық жерлердегі жайылымдарға тән нәрсе. Бірдей ауа-райы болса да кейбір аймақтарың жергілікті ерекшеліктері мал жайылымы жағдайына елеулі өзгерістер әкелуі мүмкін. Мысалы, таулы-қыратты жерлерде қанша жерден жаппай қолайсыз ауа-райы тұрса да көп жағдайда қойларды оңтүстік және батыс баурайларына жайып алу мүмкіндігі бар, себебі, бұл жерлердің қар жамылғысы солтүстік баурайлары мен ылдиларына қарағанда азырақ болады. Оңтүстік баурайлары сондай-ақ қар көп тұрмайтындығымен ерекшеленеді. Бұл мұз қабықтарының тұрақсыздығына себеп болады және сонысымен басқа баурайларына, әсіресе солтүстігіне қарағанда қойды қыста жаюға қолайлырақ келеді. Қырқааралық ояңдарда әдетте мал жаюға қолайлы жел режимі тұрады. Жайылым жағдайы жазық жерлерден ерекше болып келетін таулы-қыратты аудандарда мал жаюды дұрыс ұйымдастырып, жергілікті жағдайларға қарай жайылымның жекелеген телімдерін іріктеп пайдаланар болса мал өріске шығарылмайтын уақытты біраз қысқартуға болады.

Жоғарыда айтылғандардан байқағанымыздай, тұяқты жануарлардың көпшілігіне (соның ішінде жылқы мен қойға алдын ала қыстық шөп дайындалмайтын болса) Жайық-Ертіс қосөзен аралығы далаларында қыстап шығу өте қиынға түседі. Алайда, тарихи және этнографиялық мәліметтерге сүйенер болсақ, XVII ғасыр – XX ғасырдың басы аралығында өмір сүрген қазақ-көшпелілер мал үшін қыстық азық даярламаған, тек ерте туған төлдер, алдымен – жылқы, мүйізді ірі қара және түйе төлдері үшін жиған аздаған қорлары болған. Бұның себебін шөл және шөлейт аймақтарда сақтық қоры ретінде шөп даярлау тиімді еместігімен түсіндіруге болады. Жердің оты аласа әрі сирек болғандықтан өзі сояудай, онша желіне бермейтін шөптерді ғана шауып алуға болады, дегенмен оның өзі де біраз қиынға түседі. Солтүстік Қаратеңіз бойы далаларының скифтері де, Солтүстік Каспийдің савромат-сарматтары да, Оңтүстік Орал бойы, Төменгі Еділ бойы және Оңтүстік Орал сыр-

ты ерте көшпелілерінің негізгі бөлігі де малға қыстық азық даярламаған.

Аталған климаттық ерекшеліктерден бөлек, оңтүстік аудандарды қысқы жайылым ретінде қолдану бұл жерлерде эфемерлі және жусанды өсімдіктердің басым болуына байланысты еді; мұндай жайылымдардың күзгі-қысқы өнімділігі анағұрлым жоғары болып келеді. Су көздерінің аздығынан шөлдерді жаз мезгілінде қолдану қолайсыз болса, қыста олар қардың есебінен толығып отырды.

Жаңа заманның көшпелілері Шудың төменгі ағысының оң жағалауындағы, Қызылқұмдағы, Сам, Сам-Матай, Соғырқұм құмдарындағы, Карын-ярык ойпатындағы, және Үстіртегі Тумгачи қыратындағы, Маңғыстау мен Бозашының құмдары мен таулы аудандарындағы қысқы жайылымдарды аса бағалаған.

Еділ мен Жайық қосөзен аралығындағы ең жақсы қыстаулар негізінен Қамыс-Самар көлдерінің маңайында, Үлкен және Кіші Өзен өзендерінің аралығында, Нарын құмында, Каспий теңізінің жағалауларына жақын жерлерінде орналасты. Өзендердің, көлдердің бойында және Арал мен Каспий теңіздерінің атыраулары мен жағалауларында өсетін ну қамыс суық пен ызғырық желден және қарлы борандардан қорғады.

Қысқы жайылымдардың ішіндегі ең жақсыларының бірі ежелден Қызылқұмда болды, ол жерлер 80–90%-ын шөп басқандығымен ерекшеленді. Олардың тағы бір ерекшелігі, олар негізінен қатар-қатар орналасқан, арасында терең ойыстары бар төбелер түрінде болып келеді. Қыс айларында бұл жерлерде қатты желдер, дауылдар мен борандар болмайды. Бұлардың барлығы Қызылқұмды қары қалың небір қатал қыстарда да теңдессіз жайылым болуына ықпал етті.

Жайық-Ертіс қосөзен аралығы далалары мен шөлейттерін мекен еткен көшпелілердің жазғы жайылымдары негізінен солтүстікте, дала мен шөлейт жерлерде орналасты. Қазақстанның тау алды және таулы аймақтарының жазғы жайылымдары әдетте тауда болды. Жайлаулардың бұлай орналасуының негізгі өлшемі су көздерімен қамтамасыз етілуі болды. Ең жайлы жазғы жайылымдар далалы және орманды далалы аймақтарда орналасты, ол жерлерде атмосфералық жауын-шашынның негізгі бөлігі жылдың жылы мезгілдерінде түседі, өзендер желісі тығыз орналасқан болып келеді, түрлі көлемдегі көлдер көптеп кездеседі, тұщы және тұзы аз жер асты сулары көп болады. Ең жақсы деген жайлау орындары да қыстаулар тәрізді тым ерте анықталып мыңжылдықтар бойы өзгеріссіз келді. Әр рудың өзіне тән жайлауы ғана емес, қыстауы да болды.

Көктемгі жайылымдар әдетте көшпелілердің солтүстікті – жазғы жайылымдарды бетке алған жолында орналасты. Әдетте оларды күздік жайылымдар ретінде де, қыстауға көшу жолында қолданды. Жазда аридтық фактор кейінге шегерілді – су қажеттілігі еріген қардың, тасыған өзендердің, еріген қар суымен және атмосфералық жауын-шашынмен толыққан көлдердің және басқа да табиғи су қоймаларының есебінен өтеліп отырды. Көктемде көшпелілер басқаларымен салыстырғанда суы аз жерлерді пайдалануға тырысты. Дәл осы көктемде көшпелілер Бетпақдала мен Үстірт жерлерінде орналасқан сусыз жайылымдарды жедел түрде басып өтетін болды.

Күзгі жайылымдарды таңдауға жер отының қалың әрі сапалы болуы, сондай-ақ сумен қамтамасыз етілуі ықпал етті. Күзде әбден пісіп жетілген күздік дақылдар, сораңдар мен жусандар қолданылды.

Жайық-Ертіс қосөзен аралығы далалары мен шөлейттерін мекен еткен көшпелілердің негізгі бөлігі осы жерлерде көшпелілер дәуірі орын алған уақыт бойында меридианалды бағытта көшіп-қонды.

Бұл жерде айта кететін бір жайт, көшпелілер тарихының ұзына бойына белгілі бір қоғам ішінде седентаризация (мәжбүрлі отырықшылдану) мен номадизация (көшпелі өмір салтына ауысу) қатар жүргенін байқауға болады. Седентаризация үрдісінің ішкі әлеуметтік экономикалық (көшпелілердің бір бөлігінің кедейленіп қалуына, әлеуметтік жоғары топтардың саяси немесе экономикалық мүдделеріне және т.б. байланысты) себептерімен қатар басқа да факторлары (климаттың өзгеруі, қолайсыз саяси жағдайлар, егіншілік өркениеттің ықпалы және т.б.) болды. Седентаризация және номадизация үрдістерінің дамуы нақты тарихи жағдайлармен тығыз байланысты болды, ал тарихтың кейбір кезеңдерінде екі үрдістің бірі басым болды. Сондықтан да басым көпшілігі көшпелі болып келетін халықтың немесе тайпалық бірлестіктің кез келгенінің құрамын алып қарайтын болсақ, олардың белгілі бір бөлігі жартылай көшпелі немесе отырықшы болған болып шығады, соған қарағанда отырықшылық пен егіншілік элементтері көшпелі мал шаруашылығына үнемі ілесіп жүретін болса керек. Мал шаруашылығының басым болғанына қарамастан, табиғи-жағырафиялық жағдайы қолайлы жекелеген аудандарда – Жетісуда, Қазақстанның оңтүстігінде (егіншілік оазистердің шеткері аймақтарында, Әмудария, Сырдария, Талас, Шу және т.б. өзендердің төменгі ағыстары мен атырауларында), орманды-далалы аймақтарда, Орталық Қазақстанның таулы-орманды жерлерінде (Ұлытау, Баянауыл, Қарқаралы, Шыңғыстау және т.б.), Ырғыздың, Торғайдың, Ембінің, Жайықтың,

төменгі ағыстарында халықтың көпшілігі ежелден жартылай көшпелі өмір салтын ұстанды, тек мал шаруашылығымен айналысты немесе мал шаруашылығын егіншілікпен ұштастырды.

Жайық-Ертіс қосөзен аралығы далалары мен шөлейт жерлерінде, әсіресе Қазақстанның Батысы мен Орталығында көшпелі өмір салты үстемдік еткен уақыттың бәрінде меридианалды көші-қон жүйесі ғана өзгеріссіз қалған жоқ, сонымен қатар маусымдық жайылымдардың орналасуы мен көші-қон бағдары да өзгеріске ұшырай қойған жоқ. Тек ұзаққа созылған жұт, жау шапқыншылығы және өзара соғыстар кезінде ғана көшпелілердің тұрақты, анық белгіленген қоныстары болмады. Бірақ та шапқыншылық пен өзара соғыс аяқталып, тұрақтылық орнай салысымен белгілі бір жайылымдарды пайдалану тәртібі қалыптасып, нақты белгіленген маусымдық жайылымдары және көші-қон бағдарлары бар жайылымдық-көшпелі жүйе қалпына келтірілетін болған.

Қазақтар XIX ғасырдың басында, ежелден қалыптасқан, дәстүрлі көші-қон жолдарынан жайшылықпен ауытқи қоймайтын. Ондайға тек бұрыннан игерілген жерлерді қолдану мүмкін болмай қалған төтенше жағдайларда ғана баратын. Көбіне көшпелілердің өз ішіндегі қақтығыстарға әлдебір рудың өздерінің тұрақты жайылымдарынан немесе көші-қон бағдарынан ауытқуы себеп болып жататын.

Бағдар таңдау және көші-қонның ауытқуы шегі (амплитудасы) далалар мен шөлейттердегі ландшафтқа, гидрографиялық желілерге, су көздерінің болуына және олардың маусымдық бөлінісіне, маусымдық жайылымдардың бір-бірінен ара қашықтығына, тұяқты жануарлардың (жылқының, киіктің, құланның) маусымдық миграциясының сипатына байланысты болды.

Осылайша, Жайық-Ертіс қосөзен аралығы далалары мен шөлейттері көшпелілерінің маусымдық жайылымдарды, көші-қон бағыты мен бағдарын таңдауына табиғи-жағырафиялық орта және есірілетін жануарлардың биологиялық ерекшеліктері себепші болды және осы аймақтағы көшпелі өмір салты үстемдік еткен уақыт бойына өзгеріске ұшырамады.

Сарматтар мен қалмақтардағы көшпелі мал шаруашылығын зерттеген А.М. Хазанов экологиялық ортаның бірдей немесе ұқсас болуы түбінде көшпелі шаруашылықтың біртүпті формаларының қалыптасуына алып келеді деген пікірге келеді. Араларын екі мың жарым жыл уақыт бөліп тұрған, этникалық және мәдени жағынан мүлдем бөлек, бірақ бір территорияны жайлаған екі халықтың (сарматтар мен қалмақтардың) көші-қон бағыты және

тіпті белгілі бір бағдарлары ұқсас болып шықты.

Үстірттің ерте көшпелілер ескерткішін зерттеген В.Н. Ягодин Үстірттің шөлді жағдайында этнографиялық қазіргі жағдай, өткен археологиялық жағдайға қатты ұқсас болып келеді деген қорытындыға келеді. Үстіртті және Еуразияның қоңыржай белдеуіндегі шөлдерді мекен еткен көшпелілердің этнографиялық мәліметтері археологиялық мәліметтермен таңғаларлық түрде сәйкес келіп жатады. Оның пікірінше, б.д.д. I мыңжылдықтың екінші жартысында Үстіртте көкжиекке жерлеу мәдениетімен, Үстірт даласын және онымен шектес аймақтарды жайылымдық жер және қыстау ретінде қолданған малшы тайпалар мәдениетімен параллель тағы бір археологиялық мәдениет – «савроматтық-сарматтық, соның ішінде ғылымда самар-орал тобы немесе облысы деген атаумен белгілі мәдениет» өмір сүрген. «Самар-орал облысы» халқының бір бөлігі жыл бойы көшіп-қонып жүретін көшпелі өмір салтын ұстанған. Көші-қон жолдары меридионалды бағытта болған және оңтүстігінде Хорезм мен Түркменияның оңтүстігіндегі ежелгі қалалық және отырықшы-егіншілік өркениет шекарасына дейін жеткен.

С.Е. Әжіғалидың пікірінше, б.д.д. I мыңжылдықтың ортасынан бастап-ақ Арал-Каспийдің аридты-далалы аудандары біртұтас шаруашылық-мәдени аймақ сипатына ене бастайды, осы жерлерге тән экстенсивті мал шаруашылығы жағдайында алысқа меридионалды көшіп-қону елеусіз қалуы мүмкін емесі. Бұл ретте стационарлы емес (әдетте) қыстаулар Маңғыстауда, Солтүстік Үстірт пен Арал бойы құмдарында орналасса, жайлаулар – Ембі, Ойыл жазықтықтарында, Мұғалжарда (солтүстікке қарай болуы да мүмкін) болды. Оның пікірінше аймақтың салыстырмалы түрдегі саяси тұрақтылық жағдайында көшіп-қонудың бұл тәртібі орта ғасырлар кезеңінде де жаңа заманда да негізгі болды.

Жоғарыда айтылғандардың негізінде, сондай-ақ, тарихи және этнографиялық мәліметтерге сүйене отырып Жайық-Ертіс қосөзен аралығы далалары мен шөлейттерін мекен еткен ерте көшпелілердің маусымдық көші-қон жолдарын, жайлаулары мен қыстауларының орынын анықтауға болатын сияқты.

Батыс Қазақстан мен Оңтүстік Приуральенің ерте көшпелілерінің қыстық жайылымдары Ембінің төменгі ағысында, Маңғыстауда, Үстіртте, Әмударияның төменгі сағаларында болуы мүмкін. Жаз кезінде бір бөлігі осы жерлерде қалса, екінші бөлігі солтүстікке, Ор, Жайық, Елек, Ембі, Сағыз, Темір салаларына, Мұғалжар тауларына қарай көшкен болса керек. Жекелеген топтары Приуралдық Башқұртстанның

тау алды және таулы аудандарын жазғы жайылым еткенге ұқсайды.

Қызылқұмда, Сырдарияның орта және төменгі ағысында, Аралдың Солтүстігі мен Солтүстік-Шығысында (Үлкен және Кіші Барсуки құмдары, Арал бойы Қарақұмы), Қаратау бөктерлерінде, Шу мен Сарысудың төменгі ағыстарында, сондай-ақ, Балқаштың Солтүстік-Батысында (Мойынқұм құмдары, Айтау бөктерлері) қыстаған көшпелілер жазда қиыр солтүстікке көшкен тәрізді. Олардың жайлаулары Жайықтың, Тобылдың, Ырғыздың, Торғайдың, Есілдің, Сарысудың, Нұраның жоғарғы салаларында, Ертіс аңғарларында, солтүстігінде орманды далалар шекарасына жете (Оңтүстік Орал сырты, Солтүстік және Орталық Қазақстан) орналасқан.

Мойынқұмды, Қаратау бөктерлерін мекен еткен малшылардың бір бөлігі де жазда Орталық және Солтүстік Қазақстанға көшкен болса, екінші бір бөлігі Қаратау мен Ұле Алатауының тауларына көтеріліп кететін болған. Оңтүстік Балқаш бойы құмдарында, Талас, Шу, Іле аңғарларында қыстаған малшылар осы тауларда, сондай-ақ, Жоңғар Алатауы мен Тянь-Шаньның солтүстік сілемдерінде жаз жайлауда болған.

Осылайша, Жайық-Ертіс қосөзен аралығы далалары көшпелілерінің негізгі қыстайтын аудандары Каспий теңізінен Балқаш, Алакөл көлдеріне дейінгі аралықтағы жазықтық және тау алды белдеулері болды: Маңғыстау, Үстірт, Әму және Сырдариялардың төменгі ағыстары, Қызылқұм, Арал бойы, Сарысудың төменгі ағысы, Талас, Шу, Іле өзендерінің аңғарлары, Қаратаудың алдыңғы жақтары, Мойынқұм мен Оңтүстік Балқаш бойы құмдары (Тауқұм, Сарыесік-Атырау) жерлері. Қыста бұл жерлерде Жайық-Ертіс қосөзен аралығы далалары мен шөлейттерінің көшпелі халқының негізгі бөлігі шоғырланды, бұл өз кезегінде жылдың басқа уақыттарында Қазақстанның кең байтақ даласына шашырап таралып кететін туыстас көшпелі тайпалар бірлестіктерінің өзара қарым-қатынас жасауына ықпал етті. Себебі қыста қатар қонған көшпелі топтардың жаз жайлауы көбіне Қазақстанның әртүрлі аймақтарында болатын, XVIII–XIX ғасырларда қазақтар да осылай еді.

Қыста орталықазиялық-қазақстандық шөлді жерлерге көшіп-қонатын Жайық-Ертіс қосөзен аралығы далалары мен шөлейттерінің көшпелілері осы жерлерді тұрақты мекен еткен көшпелі және жартылай көшпелі халықтармен араласып тұрды. Бұл халықтар олардан этникалық жағынан өзгеше бола бермейтін. Олардың құрамына көшпелі халықтардың немесе тайпалық бірлестіктердің белгілі бір себеп-

термен тек осы төңіректе ғана көшіп-қонған немесе орнығып қалып жартылай көшпелі немесе отырықшы өмір кешкен бөліктері енуі мүмкін еді.

Қазақстанның әртүрлі аймақтарын мекен еткен көшпелілер жайлауларда да ұшырасып қалып жататын. Мысалы, этнографиялық мәліметтерге қарасақ, Үстіртте, Маңғыстауда, Әмударияның төменгі ағысында қыстаған тайпалар жазды Орал тауының алдыңғы жақтарында, Мұғалжардың батыс бөктерлерінде (Ембі мен Ордың жоғарғы ағысында) өткізетін болған. Қысқы жайылымдары Сырдарияның төменгі ағысында, Қызылқұмда, Аралдың Солтүстік-Шығысында болған көшпелілердің жекелеген топтары жайлауларын Мұғалжардың шығыс бөктерлеріне (Ырғыз салаларында), Шығыс Орынборға (Жайық пен Ордың салаларына), Ембі мен Ордың жоғарғы ағыстарына жете тіккен, яғни, жазды Батыс Қазақстан мен Оңтүстік Орал бойы көшпелілерімен көршілес отырып өткізген.

Далалық аймақтың солтүстігіне жайлауға келген көшпелілер далалық аймақтың шұрайлы жайылымдық жерлерін барынша пайдаланып қалуға тырысқан орманды-далалы жерлердің жартылай көшпелі халықтарымен түрлі байланыстар, соның ішінде әскери қарым-қатынас орнатқан.

Жайық-Ертіс қосөзен аралығы далалары мен шөлейттерін және ортаазиялық-қазақстандық шөлдер мен тау алды жерлерін мекен еткен ерте көшпелілердің өзара байланыстары олардың шөлді жерлер мен қыстық жайылымдарда бірлесе шоғырлануы, жекелеген топтардың жайлауларының көршілес орналасуы негізінде құрылғандықтан материалдық мәдениет салаларындағы жаңалықтармен, әсіресе қару-жарақ және ат өзгелдерімен тез алмасып отыруға себепші болды. Генетикалық негізінің біртұтас және әлеуметтік-экономикалық даму деңгейінің қарайлас болуы бұл байланыстар арқылы материалдық өндіріс саласындағы ғана емес, сондай-ақ рухани саладағы да түрлі алмасуларды жеңілдетті. Бұның барлығы түптеп келгенде сақ тарихи-этнографиялық облысына кіретін ерте көшпелілердің мәдениетінің бір сарынға/ізге түсуіне алып келді.

Қыстық жайылымдардың Орта Азиялық егіншілік оазистерге жақын орналасуы көшпелі және отырықшы халықтардың бір-бірімен белсенді түрде қатынасып, тығыз экономикалық, мәдени және саяси қарым-қатынас орнатуына қолайлы болды. Бұл байланыстар көшпелі мал шаруашылығының қалыптасуымен бір мезгілде орнады – көшпелілер егіншілік және қолөнер өнімінсіз өмір сүре алмас еді. Сондықтан да олар егіншілікпен айналысатын, шаруашылықтары сан қырлы болып келетін облыстар тұрғындарына

қарағанда өз өнімдерін (мал, былғары, жүн және т.б.) айырбасқа салуға әлдеқайда мүдделі болды. Далалар мен шөлейттерді мекен еткен көшпелілер мен орманды-далалы аймақтардың отырықшы және жартылай отырықшы халқының арасында да экономикалық, мәдени және саяси байланыстар болды. Көшпелілер сонымен қатар оңтүстіктің егінші және жартылай көшпелі халқы мен орманды-далалы аймақтарды мекен еткен тайпаларды байланыстырушы буын болды. Бір қызығы, орта ғасырлар мен жаңа замандарда Орта Азия мен Орал бойын, Орал сырты мен Батыс Сібірді байланыстырған керуен жолдары көп жағдайда көшпелілердің жекелеген тобының маусымдық қоныс ауыстыру бағдарын қайталап отырған.

Әрине, б.д.д. I мыңжылдықта Жайық-Ертіс қосөзен аралығы далаларында әскери жорықтар, жаулап алушылықтар, өзара қырқыстар, сондай-ақ, көші-қон бағдарына қатысы жоқ әртүрлі қоныс ауыстырулар мен жекелеген тайпалардың қайта топтасуы болғаны сөзсіз. Бұлар да халықтың рухани және материалдық мәдениетіне өз ықпалын тигізетіні белгілі. Алайда, өзіне тән ерекшелігі бар жайылымдық-көшпелі жүйе туғызған ішкі және сыртқы экономикалық, мәдени және саяси байланыстар мен қарым-қатынастар, аталған уақытта және одан кейінгі кезеңдерде де қазақ даласында жүрген тарихи-мәдени және этникалық үдерістерде шешуші рөлді иемденді.

Қазақ даласы мен шөлейттері табиғи жағдайларына қарай үш ірі, барынша оқшау табиғи-жағрафиялық аймақтарға бөлінеді: Батыс Қазақстан және Оңтүстік Орал бойы; Оңтүстік Орал сырты, Солтүстік және Орталық Қазақстан; Жетісу. Осы ірі аймақтардың табиғи-ландшафтық жағдайлары халық шаруашылығындағы ерекшеліктерді, көші-қон жолдарын, жазғы және қысқы жайылым орындарын, экономикалық, мәдени және саяси байланыстардың бағытын, нақты тарихи қару-жарақты және т.б. анықтап берді. Бұның барлығы жерлеу ғұрпындағы, өнеріндегі және материалдық мәдениетіндегі ерекшеліктерден, яғни, этникалық белгілерінен көрініс тауып әр аймақ халқының тарихи дамуындағы ерекшеліктерге негіз болды. Қазақтардың этногенезін қарастыру барысында Н.Ә. Масанов тура атап өткеніндей, этногенетикалық үдерістердің субстраты негізі болатын экономикалық және экономикалық емес мүдделердің ортақтығы экокүйені игеру барысында қалыптасты. Өмір сүру ортасы мен шаруашылық әрекеті ұқсас, өндіргіш күштерінің даму деңгейі бірдей, тұрмыстық, материалдық және рухани мәдениет саласындағы этникалық белгілері біртекті болу халықтардың шоғырлануы

Қазақстан территориясында әртүрлі кезеңде түрлі этномәдени қауымдастықтардың қалыптасуынан өзінің объективті көрінісін тапты.

Б.д.д. I мыңжылдықтың басында Жайық-Ертіс қосөзен аралығы далалары, шөлі мен шөлейттерінде орналасқан үш табиғи-жағырафиялық ауданға үш тарихи-этнографиялық қауымдастық сәйкес келеді: Оңтүстік Арал бойындағы Әмудария мен Сырдарияның төменгі ағысын бойлай қоныс тепкен сақ тайпалары және бұған Оңтүстік Арал бойының малшы тайпалары да кіруі мүмкін; Оңтүстік Арал сыртын, Солтүстік және Орталық Қазақстанның ерте көшпелілері (тасмола қауымдастығы); Жетісу сақтары.

Жайық-Ертіс қосөзен аралығы далаларын мекен еткен көшпелілердің маусымдық көші-қон бағдарларын, жазғы және қысқы жайылым орындарын таңдауына, түптеп келгенде олардың біз көрсетіп отырған тасмола тарихи-этнографиялық қауымдастығына енуіне, сонымен қатар Оңтүстік Арал сыртын, Солтүстік және Орталық Қазақстан обаларын сарапқа салу кезінде анық байқалатын ғұрыптар мен заттардың ұқсас болуына осы табиғи жағдайлар негіз болды. Н.Ә. Масанов айтып өткендей, айрықша табиғи ортада шаруашылық жүргізу мен мәдениет жасаудың ерекшеліктері басқалардан бөлекше қырларының, өзгешеліктері мен белгілерінің қалыптасуына алып келеді, ал олар өз кезегінде этносты тарихи-мәдени феномен ретінде ерекшелендіріп тұратын этникалық таптауындардың қайталанбас қисынын келтіреді. Бұл үдеріс өндіріс барысында халық пен оны қоршаған ортаның өзара үйлесіміне негізделеді. Өйткені, қоршаған орта адамның қоғамдық әрекетінің белгілі бір ерекшелігін, мәдениеттің өзара тығыз байланысты құрылымдық компоненттерінің автономды кешенін, өзіндік табиғи және әлеуметтік-экономикалық үдерістердің ұтымды арасалмағы негізінде өмір сүретін ақпараттық кеңістікті қалыптастырады. Соңғысы, берілген әлеуметтік ағзаның ішіндегі ақпарат айналымының ерекше сипатқа ие болуына алып келді.

Тасмола қауымдастығы көшпелілерінің қысқы жайылымдарының Сырдарияның төменгі ағысына жақын жерде орналасуы, басқа тарихи-этнографиялық қауымдастыққа кіретін сырдариялық сақтармен қарым-қатынасқа түсуі Жайық-Ертіс қосөзен аралығы даласы ескерткіштері мен Ұйғарақ, Оңтүстік Түгіскен, Сакар-чага обаларының қорғандары арасындағы қоса жерлеу заттары мен жерлеу ғұрпының кейбір элементтерінің ортақ болуына негіз болды. Заттардың сирек кездесетін қатарында, көбіне Жайық-Ертіс қосөзен аралығы далаларын, Алтай және Тыва жерлерін ме-

кен еткен көшпелілері қолданған қола құрсаулы белдіктерді, тұтқасы ұзын пышақ тәрізді айналарды, ұңғылы және шегелі жебе ұштарының кейбір типтерін атауға болады. Арал бойында, Солтүстік және Орталық Қазақстанда ұңғылы үйлесімсіз ромбтәрізді, қимасында ромб сияқты болып келетін, көбіне қырларында дөңес біліктері бар жебе ұштары кеңінен таралған.

Жайық-Ертіс қосөзен аралығы және Арал бойы көшпелілерінің арасындағы ұқсастықты өнер туындыларын салыстыру арқылы да байқауға болады. Оңтүстік Арал сырты, Солтүстік және Орталық Қазақстан, сонымен бірге Арал бойы б.д.д. VII–VI ғасырларда құрбандық тақтасының пішіні сопақша болып келген аяғы жоқ түрлері және қимасында дөңгелек болып келген төрт қысқа аяқты түрлері кең тараған негізгі аудандар болып табылады. Б.д.д. VII–VI ғасырларда тұмсықтәрізді немесе жыртқыш құстың стильденіп салынған басы пішіндес құрбандық тақтасын шамасы, Жайық-Ертіс қосөзен аралығы далаларының көшпелілері мен Арал бойы сақтары ғана қолданған болса керек.

Ернеуі және орта тұсында ілмек-тұтқасы бар дисктәрізді қола айналардың ішінен трапеция ілмекті айналарды жеке нұсқа ретінде бөлек қарастыруға болады. Олар Оңтүстік Арал сыртынан, Солтүстік Қазақстаннан және Оңтүстік-Шығыс Арал бойынан табылып отыр. Оралдан батысқа қарай осы нұсқадағы айналар Орталық Кавказдан, Солтүстік Кавказ алдынан, Жоғарғы және Төменгі Доннан және орманды-далалы Днепр түбінен табылған. Ертістен шығысқа қарай олар Минуса қазаншұңқыры мен Тывадан кездеседі.

Біздіңше, Солтүстік Қазақстанның ерте көшпелілерінің Арал бойы халқымен байланысын көрсететін нәрсе, ол Ұлыбай обасынан табылған тұмсығы-құйғышы түтікше тәрізді болып келген ыдыстың табылуы десе де болады. Ортаазиялық үлгілерге ұқсас, соның ішінде тұмсығы-құйғышы түтікше тәрізді болып келген ыдыстардың Орталық Қазақстанның б.д.д. VIII–VII ғасырларына тән бірқатар қоныстарынан табылуына қарап бұл байланыстар тұрақты болған деп айтуға болады.

Жайық-Ертіс қосөзен аралығы далалары көшпелілері мен Сырдарияның төменгі ағысын жайлаған тайпалардың қарым-қатынасын сипаттау кезінде алдымен, олардың байланысы тікелей және өзара әрекет (өзара ықпал) түрінде болғанын атап өту керек. Олар негізінен шекаралас территорияларда қатар қыстау кезінде жүзеге асырылды, яғни, яғни мерзімді болды және қоғам мүшелерінің басым көпшілігін қамтыған болса керек. Бұл байланыстар бейбіт түрімен қатар және әскери, яғни

шұрайлы жайылымдық жерлерге талас, көршілер есебінен баюға тырысу және т.б. түрде де жүзеге асырылған болуы мүмкін. Функционалдық жағынан бұл қатынастар шаруашылық, яғни технологиялық қана емес, сонымен қатар потестарлық-саяси және рухани-идеологиялық бағытта болған болуы да мүмкін. Олар негізінен көбіне қару-жарақ және ат-әбзелдері үлгілерімен алмасты. Потестарлық-саяси байланыстар одақтар құру, келісімге келу, елші жіберісуге негізделді. Біздіңше, рухани-идеологиялық байланыстар болғанының бір көрінісі біртүпті культтік бұйымдардың, атап айтқанда құрбандық тақталары мен айналардың табылуы және өзара байланыста болған қоғамдардың өнеріндегі ұқсастықтар болса керек.

Солтүстік және Орталық Қазақстан көшпелілерінің әмудариялық сақтармен қарым-қатынасы жанама түрде жүрді, себебі ол негізінен Төменгі Сырдария немесе Оңтүстік Арал сырты тайпалары арқылы жүзеге асты. Бірақ эпизодты түрде болса да тікелей потестарлық-саяси байланыстардың болу мүмкіндігін жоққа шығара алмаймыз. Б.д.д. VII–VI ғасырларда Арал бойы – Орал бойы көші-қон циклі қалыптасып үлгерген болуы тиіс деген болжамның негізінде, Оңтүстік Арал сырты көшпелілері әмудариялық сақтармен тікелей қарым-қатынасқа Оңтүстік Арал бойының шығыс және солтүстік аудандарында орналасқан жазғы жайлау үстінде түскен болса керек деп шамалаймыз. Олай болса, Оңтүстік Арал сырты көшпелілерінің Оңтүстік Арал бойын (Әмударияның төменгі ағысын) мекен еткен көшпелі тайпалармен қарым-қатынасы өзінің сипаты, жүзеге асырылу тәсілдері және функционалдық бағыты жағынан Оңтүстік-Шығыс Арал бойы (Сырдарияның төменгі ағысының) сақтарымен байланысынан онша айырмашылығы болмайды.

Егер тасмола тарихи-этнографиялық қауымдастығы көшпелілері байланыстарының Орта Азияның көшпелі және жартылай көшпелі халқын, атап айтқанда Арал бойы тайпаларын қамтыған бір бағыты қысқы жайылымдарының орналасуына байланысты болса, екінші бағыты Орал сырты мен Батыс Сібірдің орманды-далалы жерлерін мекен еткен тайпаларды қамтып, жазғы жайылымдарының орналасуымен байланысты болды.

Л.Н. Корякова Орал сырты мен Батыс Сібірдің Оралдан Барабаға дейінгі ерте темір дәуіріне тән орманды-далалы мәдениеттерінің және қыш ыдыс типтерінің барлығын Тобыл-Ертіс мәдени-тарихи шеткері аймағына жатқызады. Оның пікірінше, ерте темір дәуірінің басында осы шеткері аймақтағы археологиялық жағдайдың қалыптасуында негізгі рөлді саргат мәдениеті иемденді және саргат

қауымдастығының бөлініп шығуына негіз болды. Л.Н. Корякованың пікірінше, б.д.д. VII–VI ғасырларда (саргат алды кезеңі) Тобыл-Ертіс шеткері аймағының батыс (Орал сыртының) ареалында түрлі ұрпақтармен/генерациямен байланысты және қыш ыдыстардың түрлі үлгісінен көруге болатын бірнеше дәстүрлер мен мәдени дамудың бірнеше желісі қатар өрілді.

Біріншісі, иткуль мәдениеті иткульдікке ұқсас болып келген воробьевтік, носиловтық, зеленомыстық тәрізді бірнеше ескерткіштерді біріктіреді. Олар өзіндік бір тұтастықты немесе исеттік қауымдастықты құрайды. Оны қыш ыдыстарды әрлеудегі шұқыршақ оюларды қоса отырып ирек тісті өрнек салудың басымы болуымен, ауданы шағын болып келген жартылай жеркепе немесе жер үсті құрылысының кездесуімен, ашық қоныстардың нығайтылған өндірістік алаңдармен және қалашықтармен үйлесім табуымен сипаттауға болады. Аталған топтардың пайда болуына қауымдардың бөлшектенуі және олардың металлургия, мал шаруашылығы, аңшылық және балық аулау сияқты жетекші салаларда белгілі бір шаруашылық мамандануға көшуі нәтижесінде межовтық-бархатовтық субстраттың бөлініп шығуы себеп болды. Саргат алды кезеңінде дамудың бұл желісі Орал сырты ареалында жетекші орында болды.

Екіншісі, байттық даму желісі, шұқыршақты-түйремелі өрнектермен безендірілген қыш ыдыстар кездесетін кешендермен сипатталады. Ол Тобыл-Ертіс шеткері аймағының батыс және шығыс ареалдарының тоғысатын жерінде исет қауымдастығы мен пайда болып келе жатқан саргат қауымдастығының арасындағы аралық орындар иемденеді және біріншісіне көбірек келіңкірейді. Байттық даму желісі шамасы сузгундық-бархаттық генерацияға тән болса керек. Мерзімдік жағынан алғанда байттық тип саргат алды кезеңіне сәйкес келеді, саргат-горохов (б.д.д. V–III ғасырлар) уақытына кірігіп тұрады. Тобыл жерінде байттық топтар белгілі бір уақыт аралығында носиловтық, воробьевтық, иткульдік және гороховтықтармен қатар өмір сүреді.

Дамудың үшінші желісі горохов мәдениеті арқылы көрініс табады. Оған тән нәрселер: сәулелі жағынан күрделі тұрғынжайлары және қорғаныс құрылыстары бар нығайтылған және нығайтылмаған қалашықтар, жерленген адамдардың әлеуметтік-заттық бөлінісі айқын көрінетін обалар, ірі оймыштармен әрленген түрлері басым болып келген талықты қыш ыдыстар. Бұл мәдени кешен саргат алды кезеңнің соңына жатқызылды. Л.Н. Корякованың пікірінше, горохов мәдениеті дегеніміз, исет қауымдастығына жататын, бірақ тегі саргариндік-межовтық болып келген

жергілікті халықтың бір бөлігінің белгілі бір себептермен жылжымалы мал шаруашылығына көшуінен туған генетикалық үдерістің нәтижесі болып табылады. Көшпелілер осы үдеріске қатыса отырып өзіндік шапшаңдатқыш/катализатор рөлін атқарған. Горохов мәдениетінің пайда болуымен шеткері аймақтың батыс бөлігінің халқы бір мәдениетке топтаса бастады, бірақ бұл иткуль металлургиялық ошағы маңайында шоғырланған байланыстар жүйесін бұзбады. Сондықтанда Орал сырты ескерткіштерінен алуан түрлі дәстүрдегі қыш ыдыстар табылып жатады.

Егер Тобыл-Ертіс шеткері аймағының батысында мәдениеттердің қалыптасуындағы жетекші рөлді үстіне гороховтықтар келіп қосылған исет (иткуль) қауымдастығы дәстүрлерін ұстанғандар иемденсе, ал шығысында осыған ұқсас үдерістер кейінгі ирмендік негізде жүрді. Ирмен мәдениеті (қауымдастығы) большеберендік және саргат мәдениеттеріне бастау болды. Саргат қыш ыдыстар кешенінің қалыптасуына басқа да мәдени құрылымдар өз ықпалын тигізді.

Тобыл-Ертіс шеткері аймағының саргат алды кезеңіндегі тарихи жағдайын сипаттай отырып, осы уақыттарда орманды-далалы аймақта шығу тегі жағынан ормандық болып келетін солтүстік мәдениет пен далалық оңтүстік мәдениет арасында басымдыққа ие болу үшін өзара қырқыс өтіп жатқанын айта кеткен жөн. Жағдай б.д.д. V ғасырына қарай, орманды-далалы аймақ көшпелі қауымдастық ықпалына түбегейлі енгеннен кейін ғана тұрақтанған болатын. Бұл үдеріс бастапқыда өзгелермен, бірақ ең ұзағында гороховтықтармен қатар өмір сүрген саргат мәдени таптаурындарының бекуімен бір мезгілде жүрді.

Б.д.д. VII–VI ғасырларда Оралдың таулы-орманды аймақтарында және Орал сыртында өз аясында түсті металлургияның пәрменді ошағын дамытқан иткуль мәдениеті қалыптасады. Зауралдық орманды-далалы аймақтың ең шығыс аудандарында жартылай көшпелі мал шаруашылығының басым түрде дамуымен қатар, межовтық-бархатовтық топтар қауымдастығының біртіндеп саргат алды (носиловтық, баитовтық, воробьевтік) мәдениет топтарына ауысуы жүрді.

Б.д.д. VIII–VII ғасырларда зауралды-батысшірлік орманды дала Жайық-Ертіс қосөзен аралығы далаларында қалыптасып жатқан сақ мәдениетімен әлі де болса әлсіз байланыста болатын. Л.Н. Корякованың пікірінше, олардың өз ішіндегі қарым-қатынасы сақталып қалды және оның үстіне оларға солтүстік жақтан шығу тегі жағынан ормандық болып келетін мәдениеттің қысымы болып тұрды. Алайда, егер б.д.д. VIII ғасырда көшпелілердің носилов, баитов,

воробьев үлгісіндегі ескерткіштер мен иткуль жән гамаюн мәдениеттерін қалдырған орманды-далалы аймақ тұрғындарына тигізген ықпалы онша болмаса, б.д.д. VII ғасырда сақ әлемінің әсері күшейе түсті.

Б.д.д. VII–VI ғасырлардағы қолайлы климаттық жағдайлар көшпелілердің орманды-далалы аймақтардың далалық және оңтүстік бөліктерін кеңінен игеруіне мүмкіндік берді. Қорғандардың орналасуына қарағанда, осы кезеңдерде ерте көшпелілер батыс-орал-батысшір орманды даласының заманауи шегінде барынша ауқымды территорияларды алып жатқан көрінеді. Олар Оңтүстік Орал сыртының заманауи оңтүстік орманды даласын солтүстігінде Миасс өзеніне дейін толығымен иемденіп алды. Біздіңше, осы Миасс өзені Орал сыртының орманды-далалы жерлерінің халқын беймаза көшпелілер әлемінен бөліп тұрған жалғыз табиғи шекара болған. Солтүстік Қазақстан жерінде б.д.д. VIII–VI ғасырларда орманды-далалық және далалық әлемдер арасындағы шекара қазіргі Петропавловск қаласын еңдей өткен.

Ерте темір дәуіріндегі орманды-далалы жерлер халқының Даламен қарым-қатынасына Орал сырты, Тобыл бойы және Тобыл-Ертіс қосөзен аралығы орманды далаларында орналасқан қоныстар мен қала орындарынан табылған деректер дәлел болады. Бұл заттарға: сыртқы бетінің орта тұсында ілмегі бар қола айналар; сабы білінбейтін немесе сәл-пәл білінетін, сабының ұшында тесігі бар немесе сабының ұшы дөңгеленіп біткен қола пышақтар мен оларды құюға арналған қалыптар; қоладан жасалған қосқанатты ұңғылы, екі- және үшқанатты шегелі жебе ұштары мен оларды құюға арналған қалыптар; қоладан жасалған дөңгелек бойтұмарлар; темір түйреуіштер; ат-әбзелдерінің бөлшектері. қосметалды шақандар мен қола қанжарлар Оңтүстік Орал сырты мен Солтүстік және Орталық Қазақстан территориялары арқылы орманды даланың шалғай тұстарына дейін таралды. Бұл жерде айта кететін бір жайт, көшпелілер әлемінде өзара ұқсастығы бар заттардың басым көпшілігі – Оралдың негізгі металды мәдениеті болып табылатын иткуль мәдениеті ескерткіштерінен кездеседі.

Көшпелілердің әскери контингенті оралсыртының батысшірдің орманды-даласына төтесінен кірген болуы да мүмкін. Біздіңше, Орта Исеттегі Прыгов обасының ерте кезеңдегі (б.д.д. VII ғасыр – VI ғасырдың бірінші жартысы) жерлеу орындары осыған дәлел болады. Алайда бұл енулер көшпелілердің орманды далада тұрақтап қалуына әкеп соқтырған жоқ. Көшпелілер қалдырған жерлеу орындары олардың жаздық жайлауларының ең түпкі шекарасын көрсетіп берді, оларды көшпелілердің

«қызығушылық саласының» өзіндік символы десе де болады.

Жайық-Ертіс қосөзен аралығы далалары көшпелілерінің зауралдық-батысшірлік орманды-дала тайпаларымен қарым-қатынасын қарастырған кезде, Солтүстік Қазақстан мен Оңтүстік Орал сырты тайпаларында байланыстардың үлгісі, қарқындылығы, сипаты, жүргізу тәсілі және қызметтік бағыты әртүрлі болғанын ескеру қажет.

Батыс Сібірдің орманды-далалы кеңістігі минералдық-шикізаттық қоры аз болғандықтан көшпелілер үшін аса тартымды бола қойған жоқ. Б.д.д. VII–VI ғасырларда Солтүстік Қазақстанның өзінде-ақ ауа-райы жағымды болғандықтан жайылымдық жерлерді кеңейту қажеттілігі туындай қоймаған болса керек. Сондықтан да осы аймақ көшпелілері Батыс Сібірдің орманды-далалы тайпаларымен тікелей қарым-қатынаста болғанымен, байланыстар тұрақсыз болды және қоғам мүшелерінің көп бөлігін қамти қоймаса керек. Жүзеге асыру тәсілі жағынан көшпелілер тарапынан бұл байланыстар алдымен әскери, әскери-тонаушылық бағытта болды, олжа табу мақсатында жүргізілді. Алайда, біздіңше, құралдар мен іс-тәжірибелерді бөлісумен байланысты технологиялық қарым-қатынастардың да болуы мүмкіндігін жоққа шығармау керек. Сонымен бірге, матриониалдық байланыстар да болған болуы мүмкін.

Оңтүстік Орал сырты көшпелілері мен Орал сырты мен Тобыл бойының орманды-далалы жерлерінің тайпалары арасындағы қарым-қатынастар басқаша құрылды. Б.д.д. VIII–VII ғасырлар шегінде Оңтүстік Орал сыртының орманды даласында алдымен гамаюндік, артынша иткульдік алғашқы қалашықтар пайда бола бастайды. Оларды салуға ықпал еткен басты себептердің бірі – «гамаюндіктер» үшін – иеленген жерлерде орнығып қалу, металлургия өндірісі құралдарын, техникалық құпиялар мен өндірілген өнімді қорғау болса, «иткульдіктер» үшін бастысы – көшпелілерден тиімді қорғану болды. Орал сыртының орманды-далалы жерлерін мекен еткен халықтардың фортификацияларды салуы далалық көршілердің агрессиясына деген заңды реакция болып табылды. В.А. Борзунов атап өткендей б.д.д. VI–IV ғасырларға қарай Багаряк, Синара, орта Исеть өзендерін жағалай бой көтерген гамаюнь және иткуль фортификацияларының желісі ішкі, орманды аудандарды көшпелі тайпалар шапқыншылығынан қорғап тұрды.

Оңтүстік Орал көшпелілерін Орал сырты орманды-далалы аймақтары несімен қызықтырды? Олар көшпелілерді егіншілік өнімдерімен қамтамасыз етті деуге келе қомас, себебі, бұл жерлерде егіншілік

табиғи жағдайларына сай кең көлемде тарала қоймағаны анық. Орманды-далалы жерлерді мекен еткен Орал сырты тайпаларының шаруашылығында басты төлді мал шаруашылығы иемденді. Аңшылықтың рөлі де басым болды, негізінен бұл мен елік аулады. Мамық жүнді аңдарды аулау кәсібі Орал сыртының орманды-далалы жерлерді мекен еткен адамдар үшін ғана маңызды болды, сірә, Оралдың шығыс баурайларын мекен еткен (иткуль, гамаюнь мәдениеті) тайпалар оны онша кәсіп етпей, тек өз қажеттерін өтеумен ғана шектелсе керек.

Оңтүстік Орал сырты көшпелілерінің назарын аударған басты нәрсе, олардың солтүстікке көз тіккендегі көздегендері металл – мыс пен темір болса керек, себебі металмен жақсы жабдықталған тайпалардың көршілес тайпалар алдында мысы басым болатын. Осы металға деген қажеттілік өз территорияларының солтүстік шекараларында белсенділік танытуларына себеп болды. Көшпелілер әлемінде кездесетін заттармен ұқсас дүниелердің көпшілігі иткуль мәдениетінен шығатыны осыған дәлел есебінде, бұны біз жоғарыда да айтып өткен болатынбыз. Оның қоныстары мен қалашықтары Орал жоталарының шығыс баурайларын бойлай Реж өзенінің жоғарғы ағысынан Шұбаркөл көліне дейінгі алқапты алып созылып жатады, ал шығыс шекарасы шамамен Синара өзенінің сағасынан өтеді.

Дәл осы иткуль мәдениеті шоғырланған аймақта – Орал жоталарының шығыс баурайларында – өндірілуі сонау қола дәуірінен басталған мыс кенінің бай қоры орналасқан болып келеді. Мыс кен орындары Орал сыртының оңтүстігіндегі ерте көшпелілері қоныс тепкен территорияларда да болды және бұнда да қола дәуірінен бастап белсенді түрде игеріле бастады. Алайда олардың ерте темір дәуірінде игерілгендігі туралы дерек жоқ. Қола дәуірінің аяғынан бастап Орал сыртының оңтүстігіндегі Тасқазған және Никольское кен орындарын пайдалану, ал ерте темір дәуірінің басталуымен Оңтүстік Орал бойындағы Қарғалы тау-металлургиялық кешенін пайдалану тоқтатылады. Мұғалжардағы мыс кен орындарының ерте темір дәуірінде игерілген-игерілмегендігі туралы ешқандай дерек жоқ.

Бұны археологиялық, тарихи және этнографиялық деректер растап отырғанындай, көшпелілер металл өндірумен айналысқан болса да, онымен мәжбүрлі түрде айналысты, себебі көшпелілер үшін металды көршілерінен мал мен малшаруашылық өнімдеріне айырбастап алу әлдеқайда тиімді және ұтымды болатын. Егер мұндай көршілері болмаса немесе оларда металл өндіру аса дамымаған болса көшпелілер кен орындарын өздері игеретін болған. Орталық және Солтүстік Қазақстан көшпелілерінің жағдайы

осындай болса керек. Олардың Батыс-Сібір ойпатын мекен еткен солтүстік және солтүстік-шығыс көршілерінде мыс кендерінің ірі қорлары болған жоқ. Қажетті мөлшердегі металды Алтайдан алу қиынға соғатын, себебі, ол маусымдық көш-қон жолынан тысқары жатты, оның үстіне ол жерлерді басқа көшпелі тайпалар өз бақылауында ұстап отырды. Сондықтан Орталық және Солтүстік Қазақстанның мал шаруашылығымен айналысатын тайпалары қола дәуірінен бері белгілі мыс кен орындарын игеруді жалғастыра берді.

Орал сыртының оңтүстігін б.д.д. VII–VI ғасырларда мекен еткен көшпелілер металл мен оның өнімдерін өздеріне ең жақын тау-металлургиялық орталық болып табылатын Орталық Қазақстаннан алып отырды. Орталық Қазақстан мен шығысқа қарай орналасқан облыстарда кен көздері көшпелі тайпалардың қолында болғандықтан, ол жақтан түскен металл сауда операцияларының нәтижесінен гөрі түрлі формадағы айырбастың көрінісі болса керек. Көшпелілердің өздері тұтынғанынан артық өндірген жалғыз өнімі ол – мал мен мал шаруашылық өнімдері болғандықтан, көшпелілер арасында сауда немесе айырбасқа жүрмеген (оның үстіне Орал сыртының оңтүстігі мен Орталық Қазақстанның табиғат жағдайлары ұқсас болғандықтан табын құрамы да бірдей болды) деп санаймыз. Металл алудың сыртқы экономикалық тәсілдері, жекелей алғанда әскери жортуылдар белгілі бір мөлшерде түсім беріп отырғанымен, әлеуметтік-экономикалық дамудың жалпы деңгейіне қарай және әскер ісі мен әскери ұйымдасу деңгейлерінің бірдей болуына байланысты металдың тұрақты және қажетті көлемімен қамтамасыз ете алмады. Әскери жортуылдар әрбір нақты тарихи сәттегі күш теңгеріміне өте тәуелді болғандықтан өзін-өзі қамтамасыз етудің ең сенімсіз және ең тұрақсыз арнасы болды.

Металға деген сұраныс тұрақты болды. Ол қару-жарақ, әшекей бұйымдар, еңбек құралдарын, ат-әбзелдерін және т.б. жасауға қажет болды. Сондықтан да оның тұрақты түрде және жеткілікті мөлшерде түсіп отыруы маңызды болды. Сол себепті Орал сыртының оңтүстігін мекен еткен көшпелілер, б.д.д. VII–VI ғасырлардың өзінде-ақ, өздеріне ең жақын өндірушілерге – Орал сырты орманды-далалы жерлерінің көшпелілеріне, жекелей алғанда иткуль мәдениеті тайпаларына сенім артты.

Өздерін жеткілікті түрде металмен ғана емес, сондай-ақ, мал және малшаруашылық өнімдерімен қамтамасыз етуге қабілетті иткульдіктер үшін бұл байланыстар өздерінің оңтүстіктегі көршілеріне қарағанда онша қажет бола қойған жоқ. Әрине, көшпелілер қолайы келсе қажетті металды

қарақшылық шабуылдар жолымен күштеп алуға бейіл болатын. Дәл осы жағдай, жергілікті қоғамның ішкі, әлеуметтік-экономикалық факторларымен қатар келіп, Орал сыртындағы орманды-далалы жерлерде бекіністі қоныстардың пайда болуы мен кеңінен таралуына себепші болды. В.А. Борзунов атап өткеніндей, бекіністі қоныстарды салу Орал сыртының орманды-далалы жерлерін мекен етуші халықтың далалықтардың агрессиясына көрсеткен заңды реакциясы болып табылды.

Біздің ойымызша, көшпелілердің иткуль әлемінің оңтүстік шеараларына жасаған әскери белсенділігінің ең ерте куәсі б.д.д. VII ғасырдың екінші жартысымен мерзімделетін Иртыш 14 обасының 2 қорғанындағы 3 жерлеу орны болып табылады. Көшпелілердің иткуль мәдениеті ареалына барынша ерте кіргендігін Иртыш көлі жағалауынан табылған дөңгелене жиырылған жыртқыш түріндегі тартпаның тоғасы, Увильда көлінен табылған дәл сондай пішіндегі қола жапсырма, Травакуль көлінен табылған ішінде дөңгелене жиырылған жыртқыш түріндегі тартпаның тоғасы бар ат-әбзелі қазынасы көрсетіп отыр.

Иртыш және Үлкен Наного көлдерінің жағасында иткуль мәдениетінің бірнеше қалашығы орналасқан (Иртышское I және II, Семеновское және т.б.). Бұл ескерткіштер Иртыш көлінен солтүстікке қарай 30 шақырым жерде орналасқан Иткуль көлі бойындағы Иткуль I қалашығымен қоса б.д.д. VII–IV ғасырларда өмір сүрген Иртыш мәдениетінің Ұяшығы болып табылады. Ұяшықтың ең ерте ескерткіші – Иткуль I қалашығы мыс металлургиясының иткуль ошағының алғашқы металлургиялық орталықтарының бірі болып табылады.

Иткуль мәдениетінің қалыптасу үдерісі мен соның аясында жұмыс істеп тұрған металлургиялық ошақтың болу кезеңі, көшпенділердің орманды далаға, соның ішінде қалыптасып жатқан иткуль мәдениетіне ену белсенділігінің арту уақытымен сәйкес келетіндігі назар аударуға тұрарлық. Біздің ойымызша, дәл осы көшпелілер әлемінің түсті металға деген қажеттілігі, Даламен тығыз байланыста болған иткуль мәдениеті мен иткуль металлургия ошағының қалыптасуы мен әрі қарай дамуына негіз болды.

Алайда, жоғарыда атап өткеніміздей шапқыншылықтар металдың тұрақты және қажетті мөлшерде түсіп отыруын қамтамасыз ете алмады; екі жақ та, көшпелілер мен отырықшы халық та өзінің саяси тәуелсіздігін сақтап отырған жағдайда бұлайша қанау сенімді-кепілді бола алмайды және нақты бір қалыпта болмайды. Оның үстіне бұл шапқыншылықтар металл өндіруге, металл ғана емес басқа да өндіріске деген құштарлықты арттырмады, жергілікті халықтың шаруашылық

өміріне ұдайы қауіп төндіріп отырды. Сондықтан да шапқыншылықтар Орал сыртының оңтүстігіндегі көшпелілердің металға деген күн санап арта түскен қажеттілігін қамтамасыз етуге құзырсыз болды.

Көшпелілерді қажетті өнімдермен (егіншілік, қолөнер, металлургия) өздеріне тиімді жолмен тұрақты және жеткілікті түрде қамтамасыз етіп тұрудың бір тәсілі, өндірушілерді экономикадан тыс бағындыру (жаулап алу) болды, бұл тәсілді олар қолайы келгенде жүзеге асырып та отырды. Мұндай жағдайда көшпелілерге қажетті өнімдер қамқоршылыққа алу, өзге көшпелілерден қорғау және т.б. үшін берілетін тұрақты алым-салық ретінде түсіп отырды. Қанау үлгісіндегі осындай алым-салықтың негізгі сипаты – жеңіліс тапқан, бірақ белгілі бір дәрежеде әлеуметтік-потестарлық және экономикалық қауымдастық ретінде өз тұтастығын сақтап қалған ұжымдардан өздерінен артылған (ал кей кездері өздерінен аспайтынның да бір бөлігін) өнімді алып қою болды.

Осылайша, оңтүстік-оралдық көшпелілердің б.д.д. VII–VI ғасырлардағы әскери белсенділігінің нәтижесінде орал сыртындағы орманды-далалы жерлерде алым-салықты қарым-қатынас жүйесі орнады – «қамқоршылық» кепілдігіне айырбас ретінде иткуль тайпалары көшпелілерге түсті металл мен олардан жасалған бұйымдарды жеткізіп беріп отырды. Бірақ, «иткульдіктер» негізінен әлеуметтік-потестарлық және экономикалық қауымдастық ретінде өз тұтастығын сақтап қалғанға ұқсайды.

Алғашқы байланыстардың әскери-қарақшылық сипаты мен кейін орнатылған алым-салықты қарым-қатынастар «иткульдіктер» мен көшпелілер арасында ешқандай мәдени-идеологиялық байланыстардың болмауына негіз болды. Олардың қарым-қатынастары, рухани мәдениет саласына соқпай, тек халықтың жекелеген, соның ішінде бекзадалық топтары орнатқан тұрақты шаруашылық байланыстармен шектелді.

Б.д.д. VII ғасыр - VI ғасырдың басында иткуль мәдениеті ареалында орын алған жағдай, біздіңше, киммерлік кезеңде орманды-далалы Орталық Днепрдің оң жағалауында орын алған жағдайға ұқсас болып келеді. Бұл жерлерде киммерлік ескерткіштердің негізгі үш тобы орналасқан. Бұл біріншіден, жерлеу орындарының болуы, екіншіден, автохтонды халық қоныстарынан киммерлік заттар кешеніне тән бұйымдардың болуы, және үшіншіден, ішінде әскери бұйымдары көптеп кездесетін кездейсоқ олжалардың көптеп табылуы. Киммерліктердің, артынша скифтердің солтүстікке, орманды далалар шегіне қарай жылжуынан зерттеушілер көшпелілердің әскерленген

тұрмысында үлкен рөл атқарған металл көздерін иемденуге деген құштарлықты көреді. «Киммерліктерді», артынша ерте скифтерді Оңтүстік Орал территориясына енуге мәжбүрлеген басты себептердің бірі металл көзін іздеу болуы әбден мүмкін.

Үлкен Гумаровский қорғанынан табылған, алдыңғыкавказ және кейбір қара теңіз бойы стелаларының дәстүрлеріне тән бұғытасты біз Оңтүстік Оралдағы «киммерліктермен» байланыстырамыз. «Киммерліктердің» ықпалымен Орал сыртының оңтүстігінде «киммерлік» өзіндік қола қанжарлар пайда болды.

Оңтүстік Орал территориясына ерте скифтердің келгендігін Үлкен Гумаровский қорғанының 3 қабірі, сондай-ақ, Целинный I обасының 59 қорғанының 1 қабірі (б.д.д. VII ғасырдың аяғы – VI ғасырдың бірінші жартысы) және Електегі Покровка 2 обасының 17 қорғанының 1 қабірі (б.д.д. VI ғасырдан кеш емес) көрсетеді.

Б.д.д. VII–VI ғасырларда Орал сыртының оңтүстігіндегі ерте көшпелілерді сақ тарихи-этнографиялық облысына енгізу, біздіңше ананындік тайпалардың сақ әлемімен байланысы мәселесіне басқа қырынан қарауға мүмкіндік береді. Олардың өмір сүргендігі дау туғызбайды және олар Еуразияның шығыс аудандарына тән көптеген заттардың – қару-жарақ (қанжарлар, шақандар, жебе ұштары), ат әбзелдері, жүген бөлшектері, айналар, белдік жиынтықтары, әшекейлер және т.б. Еділ-Кама жерінен табылуымен құжатталады.

Шамасы, б.д.д. VII–VI ғасырларда ананындік тайпалардың сақ әлемімен (соның ішінде Шығыс Қазақстанмен және Алтаймен) байланысы екі жолмен жүзеге асқан болса керек. Біріншісі, батыс жолы – Батыс (Орал бойы) Башқұртстан, Оңтүстік Орал бойы және Арал бойы (Әмудария мен Сырдарияның төменгі ағыстары) арқылы өткен. Екіншісі шығыс жолы – Орал сыртының орманды-далалы жерлері (иткуль мәдениеті), Орал сыртының оңтүстігі және Сырдарияның, Шу және Сарысудың төменгі ағыстары арқылы жүрген. Бұл байланыстардың бағыты Оңтүстік Орал бойы (немесе Оңтүстік Арал бойы) көшпелілері мен Орал сыртының оңтүстігіндегі көшпелі халықтың жыл сайынғы көші-қон бағдарымен сәйкес келеді.

Жоғарыда атап өткеніміздей, Үстіртте, Маңғыстауда, Әмударияның төменгі ағысында қыстаған көшпелілер жайлауға өте алыс солтүстікке – Оңтүстік Орал бойына, жекелеген топтары Орал бойындағы Башқұртстанға барып қонған. Бұл жерде олар құрмантау мәдениеті тайпаларымен және солар арқылы ананындіктер әлемімен қарым-қатынас орната алды. Оңтүстік Орал бойының және

Орал бойындағы Башқұртстанның көшпелі тайпалары қысқа қарай оңтүстікке жылжып, дәстүрлі қыстық жайылымы орналасқан жерлерінде жазын осы аймақтарда – Үстіртте, Маңғыстауда, Оңтүстік Арал бойында өткізген Орталық (Орта) Азияның көшпелі және жартылай көшпелі тайпаларымен тікелей көршілес қонып отырды. Мұндай көршілестік, әртүрлі көшпелі және жартылай көшпелі тайпалардың ең тығыз байланыстарына алып келді. Көшпелілердің Каспийден Балқашқа және Жетісуға дейінгі аралықтағы шөл мен тау алды жерлерінде шоғырлануы Жайық-Ертіс қосөзен аралығы көшпелілерінің Орталық (Орта) Азия тайпаларымен ғана емес, сондай-ақ, Шығыс Қазақстан мен Алтай тайпаларымен де тығыз қарым-қатынаста болуына ықпал етті. Біздіңше аталған шалғай жерлерден Орал бойына, ананьиндік мәдениет тайпаларына қару-жарақ пен ат-әбзелдері саласындағы жаңартпалар мен солармен байланысты идеологиялық танымдар дәл осы жол арқылы жеткізілген болса керек.

Осы бағыттағы байланыстардың болу мүмкіндігін Оңтүстік Орал бойы мен Орал бойы Башқұртстанынан табылып отырған сақ кескініндегі заттар: қола шегелі жебе ұштары, қола, темір және қосметалды шақандар дәлелдей алады.

Бұл бағыттың маңызы б.д.д. VI екінші жартысында ананьиндік тайпалар жылжи отырып Белой өзенін бойлай Уфа қаласына дейін, тіпті одан оңтүстікке қарай да қоныс аударуы себепті де арта түседі. Осы кезеңде Оңтүстік Оралдың ерте көшпелілерінің әлеуметтік-экономикалық қарым-қатынасы мен орналасуында да елеулі өзгерістер орын алады. Бұның барлығы ананьиндіктерге өздерінің оңтүстік-шығыстағы көршілерімен және солар арқылы Орталық (Орта Азияның) көшпелі және отырықшы әлемімен тікелей байланыс орнатуына мүмкіндік береді. Металлургия мен металл өңдеудің ананьиндік ошағының бірінші фазасында (б.д.д. VIII ғасырдың аяғы – VI ғасырдың аяғы) Оңтүстік Орал бойы көшпелілерімен байланыстары онша терең де, үстем де болмағанымен, екінші фазасында (б.д.д. VI ғасырдың аяғы – IV ғасыр) өте қарқынды әрі үстем бола түседі.

Ананьиндік мәдениет тайпаларын сақ әлемімен байланыстырған екінші, шығыс жолы Орал сыртының орманды-далалы жерлері (иткуль мәдениеті), Орал сыртының оңтүстігі және Сырдария, Шу мен Сарысудың төменгі ағыстары арқылы өтті. Жазғы жайылымдары Тобыл бассейнінде, Жайық пен Ойдың жоғарғы ағыстарында, Ой және Миасс қосөзен аралығында болған Орал сыртының оңтүстігін мекен еткен көшпелілер тобының қысқы жайылымдары Сырдария мен Балқаш аралығындағы шөл далада

болды. Осы территорияда Солтүстік және Орталық Қазақстанның көшпелілері, Орталық (Орта) Азияның бірқатар аудандарының көшпелі және жартылай көшпелі тайпалары да қыстады. Бұл әрине, тайпалар арасында материалдық өндіріс саласындағы, рухани өмірдегі жетістіктермен алмасуға мүмкіндік туғызды. Оның үстіне, Оңтүстік Орал бойы және Арал бойы көшпелілеріне қарағанда тасмола тарихи-этнографиялық қауымдастығының Шығыс Қазақстан, Алтай, Тыва және Минуса қазаншұңқыры көшпелілерімен байланыс орнату мүмкіндігі молырақ болды. Бұны жекелей алғанда Солтүстік және Орталық Қазақстанның б.д.д. VII-VI ғасырларына тән кейбір бұйымдарының құрамындағы металл арқылы дәлелдеуге болады. Мысалы, Т.Б. Барцеваның пікірінше, солтүстікқазақстандық ортасында ілмектұтқасы бар айналар, Алыпқаш обасынан табылған шақан, Жабай-Покровка обасынан табылған үзеңгітәріздене бітетін және қосымша тесігі бар ауыздықтар алтай өндірістік орталықтарымен байланысты болып келеді. Орал сыртының оңтүстігінде жерлеу орындарынан және кездейсоқ табылып сарапқа салынған заттардың көпшілігі қалайылы қоладан немесе тіпті қалайысы көп қоладан жасалған болып шықты. С.В. Кузьминых және А.Д. Дегтярова атап өткендей, азқұшалалы немесе сүрмелі-күшалалы мыстың, сондай-ақ қалайының кен көздері қола дәуіріндегі сияқты Қазақстандық және Саян-Алтай тау-кен облыстарында игерілген деп болжам жасауға болады. Ал Ананьиндік обадан табылған түсті металл құрамына жасалған сараптама азқұшалалы немесе сүрмелі-күшалалы мыстың кен көздері, қалайылы және қалайылы-күшалалы қоланың басым бөлігі тәрізді Қазақстанның және Саян-Алтай тау-кен облыстарының өндіруші орталықтарымен байланысты болып келетінін көрсетті.

Иткуль металлургия б.д.д. VII – VI ғасырларда Орал сыртының оңтүстігін мекен еткен ерте көшпелілерге металл және одан жасалған бұйымдарды жеткізушілердің бірі бола отырып, сақ қару-жарағы мен ат-әбзелдері, культтік және өнер бұйымдарымен етене таныс болуы әбден мүмкін. Иткульдіктердің «ананьиндік» тайпалармен байланысы тереңге, Оралдың шығыс және батыс баурайларын мекен еткен тайпалардың түрлі байланыстары мен қоныс аударулары байқалатын сонау қола дәуіріне дейін кетеді. Бұл байланыстар осы мәдениеттерге ортақ заттармен де, сондай-ақ, Оралдың шығыс баурайын мекен еткен «ананьиндіктерге» тән бұйымдармен де, иткуль ескерткіштеріндегі ананьиндік қыш бұйымдармен де

және Орал бойындағы талькты (Орал сырты) қыш бұйымдарымен де құжатталады.

Г.В. Бельтикова иткуль мәдениеті. Орал бойы мен Батыс Сібірдің бірқатар мәдениеттерімен салыстыра отырып, батыс мәдениеттерінің ішінде бірқатар көрсеткіштері жағынан иткуль мәдениетіне жақын келетіні көршілес жатқан ананьиндік мәдениет деген қорытындыға келеді. Жекелей алғанда, түсті металдың химиялық және металлургиялық топ үлгілерінің, оның химиялық құрамының кейбір сәйкестіктері анықталған. Сонымен қатар, металл өңдеудің ортақ технологиялық әдістері мен бұйымдардың морфологиялық ұқсастықтары байқалған. Оның пікірінше, мұның барлығы тұрақты байланыстағы иткуль-ананьиндік қауымдастығының болғандығын көрсетеді. Осы екі мәдениет арасындағы байланыстар технология және пішін қалыптастыру бойынша идеяларды, сондай-ақ, кен және металды мыс тәрізді өнімдерді алмасу түрінде жүрген. С.В. Кузьминыхтың пікірінше, б.д.д. VIII-VI ғасырларда «ананьиндіктер» үшін Орталық және Оңтүстік Оралды мекен еткен халықтармен қалыпты және тұрақты байланыс ұстап тұрудың маңызы зор болған: Еділ-Каманың темірші-құюшыларына түсіп отырған түсті металдың негізгі көзі осы жерде болса керек. Шамасы, б.д.д. V-IV ғасырларда да Оңтүстіктайгалық Кама бойының тайпаларына негізгі мыс жеткізуші иткуль металлургия болып қала берген.

Осылайша, иткуль металлургия Орал сыртының оңтүстігіндегі тайпалармен қатар, солар арқылы бүтін сақ әлемімен, сондай-ақ Еділ-Кама халқымен де байланыс ұстап отырған. Шамасы, иткуль металлургия «ананьиндіктерді» сақ тарихи-этнографиялық облысымен байланыстырып тұрған буын болған болса керек. Ананьин-сақ байланыстарының Орал сыртының оңтүстігі арқылы өткенін осы жерден ананьин мәдениетінің Луговский обасынан табылған қылышқа ұқсас қылыштың, сондай-ақ, Памир мен Шығыс Қазақстаннан соларға типологиялық жағынан жақын келетін қанжарлардың табылуы растайды. Біздіңше, бұған Тывадан, Алтайдан, Памирден, Орталық Қазақстаннан, Орал сыртының оңтүстігінен және Марийлік Еділ бойынан қола, темір немесе алтын құрсаулары бар белдік жиынтығының (қосқанатты ұңғылы, үшқанатты және үш қырлы шегелі жебе ұштарын, сыртында ілмегі бар айнаны қоспағанда) табылуы да дәлел бола алатын шығар. Бұған тағы солтүстікқазақстандық үлгідегі қанжардың Алтайға, Солтүстік және Орталық Қазақстанға, Орал сыртының оңтүстігіне, Кама бойын таралуын қосуға болады.

Қола шақандардың Еділ-Кама жеріне Орал сыртының оңтүстігі арқылы кіру мүмкіндігін Иртяш-14 обасынан шақанның табылуы, сондай-ақ, иткуль мәдениетіне тән қоныстан шақан құюға арналған қалып сынығының шығуы дәлелдей алады. Орал сыртының оңтүстігіндегі бұрынғы Шантарино селосының жанынан табылған қосметалл шақанды ананьин-сақ байланысының нәтижесі ретінде қарастыруға болады.

«Ананьиндіктердің» сақтармен шынымен Орал сыртының оңтүстігі арқылы қатысып тұрғанын, жанама түрде болса да Еділ Бұлғарларын, артынша Қазан хандығын Орталық (Орта) Азиямен байланыстырып тұрған сауда жолдары туралы мәліметтер растай алады. Осы жолдардың бірі Орталық (Орта) Азиядан шығып, Тобыл бойымен, ізінше Туре бойымен және оның салаларын бойлай жүріп отырып, Орал тауы арқылы асуларға жеткен, сол жақтан әрі қарай Кама салаларымен және Каманың өз бойымен жүріп барып Еділге тоқтаған. Өзге жолдар Қаратаудан немесе Сырдарияның төменгі ағысынан шығып, Торғай даласы арқылы Оңтүстік Оралға дейін және әрі қарай қазіргі уақытта желден белгілі бағдар бойымен салынған деуге болатын Челябинск-Бирск (Челябинск – Чебаркуль – Миасс – Златоуст – Сатка – Месягутово – Караидель – Бирск) автокөлік жолы өтетін «трансрал жолымен» Орал бойына жеткен. «Трансорал жолының» б.д.д. VII-VI ғасырлардың өзінде-ақ қызмет етіп тұрғанын Орал сыртының оңтүстігіндегі Мириинский селосынан және Солтүстік Қазақстандағы Рассвет селосынан табылған қанжар жүзіне ұқсас болып келген, сабы жалпақ және оймышты, балдағы шатыр тәріздес оймышты (жақтаулы) болып келген қола қанжардың Орал бойының Месягут орманды-далалы жерінде орналасқан Юкаликулевский I қонысынан табылуы растайды.

Ананьин-сақ байланыстарының «трансрал жолы» арқылы өткенін зерттеу кезінде назар аударуға тұрарлық нәрселердің бірі – қазіргі уақытта Челябинск Облысының Златуста қаласындағы музей қорында сақтаулы, жүзі мен сабы темірден жасалған, ұштығы қоладан жасалған, балдағы екі қола білікпен біріктірілген қосметалды қанжардың табылуы деуге болады. Ол б.д.д. VII ғасырдың бірінші жартысында жасалған, ананьин мәдениетіне тиесілі болуы мүмкін.

Ананьин тайпаларын сақ әлемімен байланыстыратын екі жолдың қайсысы шешуші маңызға ие болғанын айту қиын. Түрлі тарихи кезеңдерге сай олардың әрқайсысының рөлі де түрліше болған деп шамалаймыз. Оның көптеген бізге беймәлім –

экономикалық, саяси, табиғи және т.б. факторларға тәуелді болғаны аян.

Жоғарыда атап өткеніміздей, б.д.д. VII-VI ғасырларда Жайық-Ертіс қосөзен аралығы далаларындағы жетекші күш Орталық Қазақстан тайпаларының бірігуі болды. Дәл осы жағдай аймақтағы мәдени өзгерістердің бағыты мен сипатын анықтап берді, материалдық қана емес рухани өмірде де «сән заңын шығарушы» есебінде болды. Бұл кезең тасмола тарихи-этнографиялық қауымдастығының гүлденіп құдіретті болып тұрған уақыты болды. Осы қауымдастықтағы орталыққазақстандық тайпалардың жетекші рөлі біздіңше, түсті металл көздерін – ерте темір дәуірінде де игерілуін тоқтатпаған Орталық Қазақстанның мысты кен орындарын бақылауда ұстағандықтарымен тікелей байланысты болды.

Челябинск облысының б.д.д. VII-VI ғасырларға жататын ескерткіштерінен алынған түсті металдарға жасалған спектрсараптамалық зерттеулер бұл кезеңде оңтүстік орал кен орындарына еш қатысы жоқ сақ металының айқын басымдылыққа ие болғанын көрсетіп отыр. Осыған қарағанда Орал сыртының оңтүстігін мекен еткен көшпелілер дайын бұйымдарды да, сондай-ақ өздерінің металл өңдеу өндірістеріне қажетті шикізатты да негізінен өздерінің шығыстағы көршілерінен – Орталық Қазақстан тайпаларынан алып отырған болса керек.

Солтүстік Қазақстанның б.д.д. VII-VI ғасырларға тән ескерткіштерінен алынған металл бұйымдарды сарапқа салу кезінде заттардың қалайылы, қалайылы-күшталалы және күшталалы қоладан жасалғаны анықталды. Олардың ішінде қалайылы қоладан жасалған бұйымдар басым болып келеді. Қалайылы-күшталалы қоладан жасалған бұйымдар заттардың жалпы санының төрттен бірінен сәл-ақ асады, ал күшталалы қоладан жасалған заттар бірең-сараң.

Э.Ф. Кузнецованың мәліметінше, Орталық Қазақстанда тасмола мәдениетінің I және II кезең ескерткіштерінен табылған қола бұйымдардың біразын сарапқа салған кезде, жартысынан көбін қалайылы қоладан жасалған заттар құрайтыны, бес-тен бір бөлігін – күшталалы-қалайылы және күшталалы қоладан жасалған бұйымдар құрайтыны, одан азы – қалайылы-қорғасынды қоладан жасалғаны, ал тек бірең-сараң дүниелер ғана мыстан жасалғаны анықталды. Мемлекеттік Эрмитаждың Ғылыми-техникалық сараптама бөлімінде б.д.д. VIII-V ғасырлардағы тасмола мәдениетіне тән елуден аса қола бұйымға сұрыпталған сынама сараптама-сын жасаған кезде көпшілігінің қалайылы қоладан

жасалғаны белгілі болды. Қалған заттар күшталалы қоладан жасалған болып шықты.

Орталық Қазақстанға ұқсас жағдай Жетісу жерінен де байқалады, ол жерлерде де кейінгі қола және ерте темір дәуірлерінде қалайылы қоладан жасалған заттар басым болып келеді, сондай-ақ, күшталалы түрінің де қолданғаны анықталды.

Т.Б. Барцева қалайылы қола Қазақстан жерінде кейінгі қола дәуірінен бері қолданыста болғандықтан, қалайылы қоладан жасалған бұйымдар жергілікті, қазақстандық орталықтармен байланысты болып келеді деп санайды. Ал күшталалы қоладан жасалған заттар, атап айтқанда солтүстікқазақстандық кешендерден табылып отырған ортасында ілмек-тұтқасы бар айналар, шақан және үзеңгітәріздене бітетін және қосымша тесігі бар ауыздықтар оның пікірінше алтайлық өндіріс орталықтарымен байланысты болуы мүмкін. Сонымен қатар, А.Д. Дегтяреваның пікірінше, күшталалы қола шикізаты сырттан, Саян-Алтайдың шығыс облыстарынан әкелінген болса керек. Алайда олардан жасалған бұйымдар металл өңдеу әдістеріне қарағанда жергілікті жерде жасалған. Сондай-ақ, М.Қ. Қадырбаевтың мәліметінше, Орталық Қазақстан территориясында – Солтүстік Балқаш бойында андрон кезеңінен бастап, ал кейін нақты сақ кезеңінде саяқ табының мысты кен көздеріне негізделген ірі тау-кен ісі және металлургия орталығы жұмыс істеп тұрған. Бұл кен орындарының кендері сирек кездесетіндер қатарына жатады – құрамында күшала минералдары бар табиғи қоспа түрінде болады – және күшталалы қола балқытуға арналған дайын табиғи шикізат болып табылады.

Солтүстік және Орталық Қазақстан, сондай-ақ, Орал сыртының оңтүстігіндегі тайпалар қалайыны қайдан алды деген мәселе біржақты шешімін таба қойған жоқ. Бір жағынан алғанда Орталық Қазақстанда ежелден игеріліп келген қалайы кен орындары көптеп кездеседі. Екінші жағынан алғанда, зерттеушілердің басым көпшілігінің пікірлері қалайы кені Кенді Алтай кен орындарынан алынып отырған дегенге саяды. Тасмола тайпаларының дамыған металлургиясы мен металл өңдеу ісі қалайыны көп мөлшерде қажет еткені сөзсіз. Біздіңше ол қажеттілік ішкі (Орталық Қазақстанның кен орындары) және сыртқы (Кенді Алтайдың кен орындары) қорлар есебінен де қанағаттандырылып отырған. Ал бұл өз кезегінде тасмола қауымдастығы халқының Шығыс Қазақстан және Алтай тайпаларымен қарым-қатынасының санқырлы болуына ықпал етті.

Б.д.д. VII-VI ғасырларда Жайық-Ертіс қосөзен аралығы далалары, Алтай және Тыва жерлері ат әбзелдері, жебе ұштары, айналар, пышақтар және

т.б. көптеген біртекті заттардың таралу аймағына айналды. Олардың барлығына бірдей тоқтала бермей, сирек кездесетін, немесе бізге ерекше болып көрінген, әрі түрлі байланыстардың болғанына дәлел бола алатын бұйымдар үлгісін қарастырайық.

Осындай сирек үлгідегі бұйымдардың қатарына пышақ тәрізді немесе ұшы сүйір болып келген істік тәрізді ұзынша бүйір тұтқасы бар «айналар» жатқызылады. Бізге әзірше мұндай «айналардың» сегізі белгілі болып отыр: төртеуі Орал сыртының оңтүстігінен, және Оңтүстік-Шығыс Арал бойынан, Солтүстік, Орталық және Шығыс Қазақстаннан бір-бірден табылған. Құрылымдық ерекшеліктері жағынан бұндай «айналарға» Орал сыртының оңтүстігінен, Солтүстік және Шығыс Қазақстаннан табылған қысқа болып келген бүйір тұтқасы бар және тұтқасының бір жағында ілмегі бар немесе тұтқасының тесігі бар айналар ұқсас келеді.

Нұрманбеттік үлгідегі қанжарлар тобына біз Орал сыртының оңтүстігінен, Солтүстік және Орталық Қазақстаннан табылған қанжарларды жатқызамыз. Олардың сабы спиральді өрнекпен безендірілген, шеті ирек-ирек, пішіні жалпақ болып келеді, ал сабының басы кесек немесе ұштары жұмырлана келген үшбұрыш тәрізді болады. Жайық-Ертіс қосөзен аралығы далаларынан бөлек, Нұрманбеттік үлгідегі қанжарлар Шығыс Қазақстан мен Кама бойынан табылып отыр.

Нұрманбеттік үлгідегі қанжарлардың әрқайсысы бір өзінше бірегей туынды екеніне қарамастан, балдақ пішініне қарай оларды екі нұсқаға бөлуге болады. Бірінші нұсқасына балдағы «бүршік» тәрізді біртұтас болып келген қанжарлар кіреді. Екінші нұсқасына балдағы «көбелек» тәріздене бөлек болып келген немесе пішіні жағынан соған ұқсас қанжарлар кіреді.

Нұрманбеттік үлгідегі қанжарлар тобына б.д.д. VII ғасыр – VI ғасырдың бірінші жартысына жататын, Орал сыртының оңтүстігіндегі Бобровка обасынан табылған қанжарды, сондай-ақ, Қорған облысынан табылған қанжар дейтіндей қанжар да емес, алдыңғыларға ұқсас болып келген қанжар сабын да жатқызуға болады. Олардың нұрманбеттіктерден бар айырмашылығы – сабының пішіні ұқсас болғанымен өрнектелуі басқаша. Қалған басқа белгілері – жалпы сұлбасы, өлшемі, ұштығының, балдағының және жүзінің пішіні және сабының басының астындағы дөңесі бойынша Нұрманбеттік үлгідегі қанжарлардан айырмашылығы жоқ.

Ерте сақ дәуірі қанжарларының арасынан жүзі бар қарулардың «баланды-үйғарақ үлгісіндегі» жеке тобын бөліп көрсетуге болады, оған Солтүстік Қазақстандағы Баландино,

Орталық Қазақстандағы Шідерті, Арал бойындағы Ұйғарақ обаларынан табылған қанжарлары кіреді. Осы топқа Шыңжаңдағы Алтай қаласының мұражайында тұрған және Тывадағы Аржан-2 қорғанынан табылған қанжарларды да жатқызуға болады. Олардың ұштықтары сегментерізді немесе қайрақтәрізді жазық, балдағы сабынан сәл шығыңқы немесе сабымен тұтастыра құйылған «көбелек» тәрізді немесе «бүйрек» тәрізді, ені жүзінің енімен бірдей, сабы пішіні жағынан біртегіс жалпақ, ал қимасында жазыңқы сопақша, ұштығының астында науашасы бар, жүзі үшбұрыш пішіндес болып келеді. Осы типтің бір нұсқасы ретінде сабының басы кесек, балдағы «көбелек» тәрізді немесе «жүрек-бүршік» тәрізді, сабының ені жүзінің енімен бірдей, ал пішіні жағынан біртегіс жалпақ немесе қимасы күрделі, жүзі ұзартылған параллель болып келген қанжарларды санауға болады. Бұл нұсқадағы қанжарлар, Солтүстік Қазақстаннан, Орал сыртының оңтүстігінен және Сырдарияның орта ағысынан табылды. Қырғызстанның Сару селосынан табылған екі қола қанжарды аталған үлгідегі қанжарлардың тағы бір нұсқасы деп қарастыруға болады. Баланды-үйғарақ үлгісіндегі қанжарлар Нұрманбеттік үлгідегі қанжарлармен бір кезеңде – б.д.д. VII-VI ғасырларда қолданылған болса керек.

Орал сыртының оңтүстігінен табылған сабының басы кесек, ал балдағы «көбелектәрізді» екі темір қанжарды жақыннан ұрыс салу қаруларының жеке бір тобы ретінде бөліп көрсетуге болады. Олардың біреуі Челябинск облысының Аргаяш ауданынан табылды. Ол қанжардың ұштығы қайрақтәрізді, балдағы «көбелек» тәрізді және сабында қола құрсауы бар болып келген. Тура осыған ұқсас қылыш ананьиндік мәдениеттің Луговский обасынан табылып отыр. Челябинск облысының Варшавское селосынан табылған қанжар да Аргаяштан табылған қылышқа өте ұқсас болып келеді. олардың жүзі мен балдағының пішіндері бірдей. Екеуінің де білік түріндегі қаттылық беретін қабырғалары бұйымның өне бойын алып жатыр. Варшавскоедан табылған қанжар ұштығының астындағы құрсауымен және ұштығының сәл иіліңкі, қайрақтәрізді болып келген пішіні ғана ерекшелендіріп тұрады.

Орал сыртының оңтүстігінен және Кама бойынан табылған темір қылыштарға ұқсас қанжар Семейдегі Үшбиік селосының маңайынан табылып отыр. Сырдарияның орта ағысындағы Жамантоғай обасының 1 қорғанынан балдағы «көбелек» тәрізді, ал ұштығы кесектей етіп қоладан жасалған темір қанжардың сабына кигізілген, функционалдық жағынан луговский үлгісіндегі ақинақтар муфтасына ұқсас болып келген, бірақ жіңішкелеу және өрнексіз

қола құрсау табылды. Ұштығы зооморфты, сабы жалпақ келген, оймышты және «шатыр» тәрізді етіп оюлап (жақтаулап) жасаған балдақты қола қанжарлар өзiрге тек Орал сыртының оңтүстігінен және Солтүстік Қазақстаннан табылып отыр. Жүзі бар қарулардың осы тобына Месягут орманды-далалы жеріндегі (Оңтүстік Орал бойы) қола дәуірінің межов мәдениетіне тән Юкаликулево қонысының беткі қабатынан табылған қола қанжарды да қосуға болады деп санаймыз.

Жайық-Ертіс қосөзен аралығы далаларының жақыннан ұрыс салу қаруларына Солтүстік Қазақстанның Боровской көлінің маңында орналасқан және Алыпқаш обаларынан, Орал сыртының оңтүстігіндегі Иртыш-14 обасынан табылған қола шақандар жатады. Аргазинский су қоймасындағы (Орал сыртының оңтүстігі) Березки Vб қорғанына қола шақан салынған болса керек. Бірақ тоналып кеткендіктен бізге тек оның ұңғысы және қойдың немесе киіктің басы бейнеленген сүйек бұйым ғана жеткен.

Алыпқаш обасынан табылған қола шақанды сипаттайтын болсақ, ұңғысының қимасы дөңгелек болып келеді, өзі қысқа, желкесі қимасында алты-сегіз қырлы болып келеді, соққышы қимасында төртқырлы, өзі түзу әрі өткір, соңғы жағы төртқырланып үшкірлене бітеді. Ұңғысының бүйірінің орта тұсында ағаш сапқа бекіту үшін жасалған өтпелі тесігі бар. Шақан сабының аяқталар тұсына қола ұңғы кигізілетін болған. Оның бүйір қырлары тік және кеңейе береді, дөңес ұшы сүйірленіп барып бітеді. Ұңғының беткі қырларына сапты бекітуге арналған өтпелі тесіктер жасалған. Алыпқаш шақаны өте ерекше және не тағарлық, не ананындік ескерткіштерде оған қатты ұқсас заттар кездеспейді. Алайда, соққышының қимасы алтыбұрышты, соңғы жағы төртқырланып үшкірлене бітетін бірқатар ананындік шақандар бар. Б.д.д. VII–VI ғасырлардағы ең ерте тағар шақандарының да соққыштары да осындай болып келеді.

Иртыш-14 обасынан табылған қола шақанның ұңғысының қимасы сопақша, ал өзі түсіңкі болып келген және ұңғысы мен соққышы қиылысатын бұрышына жыртқыш құстың басы бейнеленген. Шақанның қимасында тікбұрыш болып келген жазық желкесі және қимасында төртқырлы, өзі түзу әрі өткір, соңғы жағы төртқырланып үшкірлене біткен соққышы бар. Ұңғысының орта бөлігінде сап бекітуге арналған көктей өткен тесігі бар. Сабының аяқ жағына ұңғылы қола ұңғы кигізілген. Оның ойыс болып келіп кеңейе түсетін бүйір қырлары және сүйірленіп барып бітетін дөңес ұшы бар. Ұңғының беткі қырларының екеуінің де үстіңгі шетінде өтпелі тесіктері бар. Беткі

қырларының біріне тағы бір өтпелі тесік жасалған. Иртыш-14 обасынан табылған шақан пішіні мен әрленуі жағынан Новый Уфимск обасынан шыққан шақанға ұқсас болып келеді. Қара Абыз қала орнынан табылған шақан уфимск шақанына дәл келеді десе де болады.

Сондай-ақ, Орал сыртының оңтүстігінен тағы екі қосметалды шақан табылып отыр: оның бірі Кичигино I обасынан, екіншісі Троицк ауданының Шантаринино селосының маңайынан кездейсоқ табылды. Шантариндік шақан жүзі темірден, ұңғысы қоладан жасалған. Оның жүзі жобасында трапеция тәрізді біртұтас темір пластина түрінде болып келеді және ұңғысын көктей өтетіндей етіп жасалған. Ұңғысы мен соққышының қиылысатын бұрышында тұмсығы иілген жыртқыш құстың басы бейнесіндегі ілмегі бар. Қосметалды шақандар Батыс Сібір, Аралдың шығыс бойы, Оңтүстік Орал бойы, Еділ-Кама, Кавказ және Кіші Азия жерлерінен кездеседі. Шантаринодан табылған шақан Ұйғарақ обасынан, Орынбор түбіндегі Сулак тауынан және Луганск облысының Орехово селосының маңынан табылған шақандарға өте ұқсас болып келеді.

Кичигинодан табылған шақанның соққышы мен желкесі темірден, ал бітеу ұңғысы қоладан жасалған. Соққышы тік, қимасы әлде дөңгелек, әлде көпқырлы болып келген. Қимасы жазық болып келген желкесі дөңгелене біткен ұшына қарай кеңейе түседі. Бұйымның темірден жасалған бөлігі қола ұңғысының үстіңгі жағын қамтиды. Кичигиндік шақан темірден жасалған ұрыс бөлігі қола ұңғысын қамтитын жалғыз шақан болып табылады, әдетте қосметалды шақандардың темірден жасалған бөлігі қола ұңғысын көктей өтіп кетеді.

Пішіні жағынан кичигиндік шақанға ұқсас келетін бұйымдар Усть-Хадынның I (б.д.д. VII ғасыр) обасынан Тывадағы Аржан-2 қорғанының еркектердің ілеспелі қабірлерінен, Орал сыртының оңтүстігіндегі Иртыш-14 обасынан (б.д.д. VII ғасыр) табылды, және біреуі Перм мұражайында сақтаулы тұрған жерінен анықталды. Оның желкесі жұмырланып келіп шетіне қарай кеңейе түседі және қимасында жалпақ болып келеді, ал соққышының қимасы жұмыр немесе көпқырлы болып келген. Олардың кейбірінің ұңғысының жоғарғы жағында желкесі мен соққышын қосып тұрғандай болып келетін қаусырмасы бар. Кейбіреуінің ұңғысы мен соққышы арасындағы бұрышына жыртқыш құстың басы салынған.

Жайық-Ертіс қосөзен аралығы далаларынан табылған заттардың басқа бір санатының қатарында Орталық Қазақстандағы Шідерті бекетінің маңайынан табылған б.д.д. VIII–VII ғасырларға тән қорғаннан шыққан, «тіреуішті арка» үлгісіндегі қола пышақты

айтуға болады. Оған ең ұқсас келетін бұйымдар Шығыс Қазақстанның Зевакин обасының заттары арасында бар екені анықталып отыр.

Жайық-Ертіс қосөзен аралығы далалары біздіңше қола немесе темір құрсаулары бар аспалы белдіктер таралған негізгі аудандардың бірі болып табылады. Оның ойынша мұндай белдіктер б.д.д. VII–VI ғасырларда қолданылған, дегенмен б.д.д. V ғасырдың жерлеу орындарынан да кездесіп қалады. Осы үлгідегі белдіктерді алдын ала екі топқа бөлінген болады. Бірінші топ белдіктеріне пішіні тікбұрышты болып келген, беті түрліше әшекейленген металл құрсаулар тән. Олардың екінші жағы тегіс немесе кертікті, бір немесе екі ілмегі немесе ілмек тәрізді дөңесі бар. Екінші топқа металдан жасалған, X-тәрізді мәнерлі, құрсаулары біртұтас немесе кертікті белдіктер жинағы жатқызылады. Соңғы он жылда Жайық-Ертіс қосөзен аралығының жерлеу орындарынан шыққан және кездейсоқ табылған жаңа материалдар осы аймақтың ерте сақ дәуіріне жатқызылатын белдік жиынтықтарының құрсауларын төрт топқа бөлуге мүмкіндік береді: тікбұрышты, мәнерлі, зооморфты, көпшығыршықты (баулы).

Қоладан немесе темірден жасалған құрсаулары бар белдіктер Орал сырты оңтүстігінің төрт жерлеу орнынан табылып отыр. Орталық Қазақстанда мұндай белдіктер Тасмола VI, Нұрманбет IV, Майкөбен 3 обаларынан кездеседі. Олардың барлығы б.д.д. VII–VI ғасырлар шегінде мерзімделеді.

Мәнерлі құрсаулардың ішінен пішіні X-тәрізді, тұтас және кертіктілер тармағын (топ ішіндегі топшасын) бөліп көрсетуге болады. Осындай құрсаулары бар белдік жиынтықтары Орталық Қазақстанның Тасмола II және Талды-2, Солтүстік Қазақстанның Алыпқаш обаларынан да кездескен болатын.

Оңтүстік Орал сыртында мәнерлі құрсаулары бар екінші тармақ белдіктері (X-тәрізділерден басқасы) Челябинск облысы Троицк ауданынан кездейсоқ табылған белдік арқылы көрініс табады. Оның үстіне, осы тармаққа жататын тағы бір белдік құрсауы да да сол Троицк ауданының Осиповка селосының маңайынан табылып отыр. Орталық Қазақстанда осы белдіктер тармағына Майкөбен 3 обасынан табылған белдікті жатқызуға болады. Жеті қола құрсауы бар бұл белдікке ішінде қоладан жасалған үшқырлы шегелі жебе ұштары бар қылшан және шығыршық тәрізді ұштығы бар қола пышақ ілінген. Қылшан қола ілмекке ілінген, ал ілмектің өзі екі қола үзбемен әшекейленген қайыс баудың және қола біліктің көмегімен белдікке бекітілген. Осы жерден табылған қоладан жасалып пішіні цилиндр тәріздес болып келген ірі үзбе және конус пішіндес екі қола оқтیزер де осы белдікпен байланысты болса

керек. Сонымен қатар, жерленген адамның жанынан жалпақ келген екі пластина қаптама және қоладан жасалған қосқанатты ұңғылы жебе ұшы табылды.

Белдік құрсауларының зооморфты болып келген үшінші тобын Кичигино I (Оңтүстік Орал сырты) және Тегісжол (Орталық Қазақстан) обаларынан табылған белдіктерінен көруге болады.

Кичигиндік белдік құрсаулары бір-біріне қаратылған киік бастарының бейнесімен әшекейленген. Оңтүстік Түгіскеннің 66 қорғанынан табылған шауып бара жатқан жануар бейнеленген алтын қапсырмада да киіктің басы кичигин құрсауларына ұқсас болып келген. Кичигиннен табылған белдік құрсауларына ұқсас тағы бір қола қапсырма Батыс Қазақстандағы Атырау облысының Құрманғазы ауданындағы шағылдардан табылған болатын.

Тегісжол обасынан табылған мәнерлі құрсаулар сопақшаның ішіне салынған қоссәулелі свастика түрінде болып келеді. Сәулелері стильденген бейнелер түрінде келтірілген. Олардың бірінде грифонның басы мен тұмсығы ирек сызықтармен келтіріліп салынған. Келесі сәулелен жалы үш дөңес сопақша түрінде бедерленген жылқы басының сұлбасын көруге болады. Бұл белдікте зооморфты құрсаулардан бөлек, бірінші топ құрсауларына ұқсас тікбұрышты болып келген, бір жағы тегіс және екінші жағында Орталық Қазақстанның Тасмола және Тываның Қызыл Телань I ескерткіштерінен табылғандарға ұқсас, ілмек тәрізді дөңесі бар құрсаулары да бар. Тікбұрыш пішіндес құрсаулары бар белдіктер жиынтығы Жайық-Ертіс қосөзен аралығы даласынан бөлек, Марийлік Еділ бойындағы Үлкен Ахмыловский обасынан, Оңтүстік-Шығыс Арал бойындағы Оңтүстік Түгіскен, Шығыс Памирдегі Тегермансу I обаларынан табылып отыр. Олардың барлығы да б.д.д. VIII–VI ғасырлар шегімен мерзімделеді.

Бір жағы тегіс, екінші жағында ілмегі бар тікбұрыш пішіндес қоладан жасалған белдік құрсауы Қазақ ұсақшоқыларының шығыс бөлігіндегі Ақшатау жотасының оңтүстік баурайында орналасқан Баршатау ауылының маңайынан анықталған ерте сақ дәуіріне тән ат-әбзелдерімен бірге табылды. Осындай құрсаулар Шығыс Қазақстанның Тарбағатай тау жоталарының солтүстік баурайында орналасқан Ақсуат I обасының 4 қорғанынан да шықты.

Қазақстан шекарасына жақын жерден, Алтай Республикасының оңтүстігіндегі Гилево-10 обасының 9 қабірінен былғары белбеудің 4-ші топқа жатқызуға болатын, қоладан жасалған, пішіні тікбұрышты, артында ілгеі бар бес құрсауы бар түрі табылды. Бұл оба кешенін П.И. Шульга б.д.д. VI ғасырдың бірінші жартысы деп мерзімдеген болатын. Мұнда

да Нұрманбет IV обасынан табылған белдіктегі сияқты белбеудің орта тұсынан былғарыдан жасалған жіңішке бау өткізілген. Сонымен қатар, бұл жерде жерленген ер адам басы солтүстікке қаратылып созылыңқы түрде шалқасынан қойылған, ал шұңқырдың ағаш жабындыларының үстінде жылқының бас сүйегі мен мойын омыртқасы және қой сүйектері сақталған болып шыққанын атап өткен жөн. Осы жерлеу орнынан табылған қимасында ромб тәрізді болып келген ұңғылы жебе ұштарына жақын келетін жебе ұштары Солтүстік Қазақстандағы Алыпқаш обасынан табылған қылшан ішінен шыққан.

Осы Гилево-10 обасының 12 қабірінен қоладан жасалған құрсауларында қанаттарын жайып тұрған бүркіттің стильденген мәнерде салынған бейнесі бар белдік табылды. Мүрде тас жәшікке қойылған, жабынды тақтатастының үстінен қойдың бас сүйегі шықты. Қайтыс болған адамды басын солтүстікке қаратып, созылыңқы түрде шалқасынан қойған. Табылған заттар кешені жерлеу орнын б.д.д. VI ғасырдың бірінші жартысына тән деп сенімді түрде мерзімдеуге мүмкіндік береді. Айта кететін бір жайт, 12 қабірден табылған белдікке Оңтүстік Орал сыртыдағы Бобровский, Иртяш 14 және Кичигино I, сондай-ақ, Орталық Қазақстандағы Тасмола II обаларындағы сияқты қоладан жасалған балдақша-ілгекше ілінген.

Пішіні тікбұрышты тегіс құрсауы бар белдік б.д.д. VII–VI ғасырлармен мерзімделетін алды-бель мәдениетінің алдыңғы кезеңіне тән Тывадағы Бай-Даг обасының 6 қорғанынан табылды және 2 қорғанынан табылған белдік те осыған ұқсас болуы мүмкін. Тікбұрышты құрсаулы белдіктер Солтүстік Қытайдағы Юйханмяо обасынан да шыққан. Бірақ олардың беті тегіс емес, бір немесе қосарлы S-тәрізді түрлендірілген мәнердегі өрнегі бар болып келеді. Өрнегінің болуы оларды Тывадан табылған бетінде рельефті бейнелері бар белдік құрсауларымен жақындастыра түседі. Артындағы тікбұрышты ойығы Тывалықтармен тіпті туыстастыра түседі. Осы обадан, қос-қостан біріктірілген қосарланған S-тәрізді өрнекті бар ажурлы құрсаулы белдіктер де табылды.

Екінші топтың бірінші тармақшасына жатқызылатын (X-тәрізді мәнерлі) құрсаулары бар белдіктер жиынтығына Тасмола II, Талды-2 және Алыпқаш обаларынан табылғандарынан бөлек, Вавилово (Вавилонка) және Пьяный Яр селоларының маңындағы қорғандардан және Шығыс Қазақстандағы Ақсуат-I обасынан шыққандары да кіреді.

Сондай-ақ, қоса жерлеу заттарына – қанжар, пышак, тұтқасы бүйірінде болатын айна, қола жебе ұштары, қола құрсаулары бар белдіктер жиынтығына қарағанда Вавилово және Пьяный Яр селоларының

маңындағы қабірлер Оңтүстік Орал сырты, Орталық Қазақстан және Арал бойынан табылған, б.д.д. VII–VI ғасырлармен мерзімделетін жерлеу орындарына жақын келеді.

Екінші топтың екінші тармақшасына жатқызылатын мәнерлі құрсаулы болып келген жауынгер белдіктері Оңтүстік-Шығыс Арал бойындағы Оңтүстік Түгіскен және Шығыс Памирдегі Можуташ II обаларынан табылып отыр. Қалқаншасы мәнерлі, тісті болып келетін белдіктер Солтүстік Қытайдың Юйханмяо обасынан белгілі.

Орталық Қазақстанның, сондай-ақ, Арал бойы, Құлынды, Алтай және Солтүстік Қытайдың көшпелілері б.д.д. VII–VI ғасырларда жоғарыда айтылғандардан бөлек, үш-алты параллель етіп жасалған былғары баулардан және осы бауларды бекітуге арналған көпшығырлы сүйек немесе қола құрсаулардан құралған белдіктерді қолданған. Бұл белдіктер Орталық Қазақстанның Тасмола V және Қопа, сондай-ақ, Ұйғарақ, Жолқұдық, Тюткескень-6, Юйханмяо обаларынан да табылған.

Тасмола V обасынан табылған белдіктің мүйіз тоғасы және бір-біріне жалғасқан бес сақина түріндегі сүйектен жасалған мәнерлі төрт құрсауы бар болып келеді. Сірә бұл белдікке Тасмола II обасынан табылған белдікке ілініп тұрған қола балдақшаға ұқсас үш жағы үзеңгітәріздес болып келген сүйек балдақша ілінген болса керек. Белдіктің сүйек тоғасы стильдік жағынан Алтайдағы Гилево-10, Тывадағы Демир-Суг-2 және Аржан-2 обаларынан табылған белдік тоғасына ұқсас.

Тасмолалыққа ұқсас, бірақ бес емес төрт бау өткізуге арналған сақинатәріздес тесігі бар сүйек құрсаулар Жолқұдық обасынан табылған белдіктің бір бөлшегі болып табылады. Осы қорған материалдарының арасында бір жағы 5-6 білікпен өрнектелген сүйек құрсаулардың болуы бұл белдікті құрама белдік деп тануға мүмкіндік береді. Оның адамның арқа тұсына келетін жері тұтас былғарыдан, ал шет жақтары төрт баудан тұрған.

П.И. Шульганың пікірінше, Майкөбен (Орталық Қазақстан) және Быстрянский (Алтайдың Солтүстігіндегі тау алды аймақтары) обаларынан табылған тұтас белдіктің құрсаулары баулы белдіктердің ықпалымен жасалған болуы мүмкін. Оның үстіне Быстрянский обасынан табылған белдік құрсауының ішкі және сыртқы жақтарындағы бес білікше түріндегі өрнектері Тасмола V обасынан табылған мүйіз құрсаудағы қатар-қатар салынған бес сақинаны келтірген түрі болса керек.

Қазақстанның Солтүстігінде де және Орталығында да тігінен немесе жатқызылып қойылған тақтатастардан немесе ірі тастардан

жасалған, ішінде қабір шұңқыры мен адам мүрдесі жоқ дөңгелек тас қоршаулар кездеседі. Қоршаудың ішіне немесе оның тастарының астына ат-әбзелдері қойылған. Шығыс Қазақстандағы Измайловка обасының 17 қоршауынан табылған заттар да осы үлгідегі ескерткіштерге жатуы мүмкін. Осы жерде, Өскемен шағын ауданында шығыс жақ қабырғасына ішінде жүген жиынтығы бар дөңгелек құрбандық тақтасы қойылған тікбұрышты қоршау (Меновое VIII, 29 қоршау) табылды. Оңтүстік Алтайдағы Көксу I обасынан ірі тастардан құралған шеңбер табылып зерттелді. Оның ортасынан, аса терең емес жерден жылқы сүйектерінің қалдықтарымен бірге ауыздықтан, сулықтан, үштік айылбастан және тартпаларға арналған үзбелерден тұратын жүген жиынтығы табылды. Көксудан табылған Т-тәрізді дөңесі бар сулықтар Солтүстік Қазақстаннан табылған сулықтарға ұқсас болып келеді. Біздің ойымызша, осы үлгідегі ескерткіштер қатарына Майемірдің 2 қорғанынан оңтүстік-батысқа қарай орналасқан жеті шомбал тастардан құралған шеңберді де жатқызуға болады. Осы жерден, ең үлкен шомбал тастың астынан дөңгелене жиырылған жыртқыш аңның бейнесі бар бес алтын дөңгелек пластина түріндегі ат-әбзелдерінің бөлшектерінен тұратын «қазына» («Майемір қазынасы») табылды. Әдетте ат жүгенінің бөлшектеріне қарай бұл көшендердің көпшілігі б.д.д. VIII ғасырдың екінші жартысы - VII ғасырлармен мерзімделеді.

Орталық Тянь-Шаньнан табылған дөңгелек пішіндес, көбіне сегіз тастан құралған, кейде ішінен жылқы жүгені табылып жататын тас құрылыстар да сақ кезеңімен мерзімделеді. Олардың бір бөлігінің обаларға еш қатысы болмаса, екінші бір бөлігі нақты бір қорғандарды доғатәріздене қоршап жатады.

Алтайдың бийкен мәдениетіне тән ескерткіштердің арасынан тастарды шеңбер, сопақша немесе шаршы пішіндес етіп қалап жасаған ғұрыптық нысандар тобын бөліп көрестеуге болады. Оларды екі тармақшаға бөлуге болады: шеңбер түріндегі тас-қалаулар (периметрі бойынша қойылған тастармен шектелген) және тас-төсеулер (ішкі жағы бір-екі қабат малта тастармен толтырылған, ал кейде периметрі бойынша қойылған ірілеу тастармен шектелген). Кейбір тас-қалаулар мен тас-төсеулердің астынан жануарлардың кальцийленген сүйектері, қыш ыдыс сынықтары, алау орындары шығып жатады. Кейбір кездері осы құрылыстардың ішінде орналасқан шұңқырдан жылқының тұтас сүйегі, бас сүйектері немесе оның бөліктері табылады. Түрлі тас-қалаулар мен тас-төсеулер Тыва, Моңғолия және Байкал сырты территорияларынан табылады, көбіне олардан жылқының бас сүйектері шығады.

Тывадағы алды-бель мәдениетінің қатардағы жерлеу орындарының бекзадалар қорымынан айырмасы, олардан қоса жерленген жылқылар шықпады. Алайда осы мәдениеттің жерлеу ғұрпында қорғанның жер үсті құрылысына, көбіне қоршау тастарының астына ат-әбзелдері кешені қойылатын болған. Мұндай ғұрыптық қазыналар Алды-Бель-I, Хемчик-Бом-III, Сыпучий Яр, Ортаа-Хем-II, Баданка-IV және т.б. ескерткіштерінен табылып отыр.

Жайық-Ертіс қосөзен аралығының, соның ішінде Орталық Қазақстанның ерте көшпелілерінің жерлеу орындарынан шыққан ат әбзелдерінің жабдықтары (ауыздықтар, сулықтар, айылбастар және т.б.) Арал бойы ескерткіштерінен ғана емес, сондай-ақ, Алтай мен Тывадан табылған дүниелерге де ұқсас болып келеді. Алайда Орталық Қазақстаннан табылған әртүрлі ат әбзелдерінің ішінде ең ұқсас болып келетіндері Алтайдың, ішінара Тыва немесе Минуса қазаншұңқырының ескерткіштерінен табылған бұйымдар.

Мысалы, А.З. Бейсенов пен Ж.Е. Смаиловтар Талдысайдан (Орталық Қазақстан) табылған – қосшығыршықты, тесіктерінің орналасуы қосжоспарлы болып келген, сыртқы шығыршықтары үзеңгі тәріздене бітетін ауыздықтар Шығыс Қазақстанның Измайлов кешенінен табылған ауыздықтарға өте ұқсас болып келетінін келтіреді. Ақ-Мұстафа (Орталық Қазақстан) обасынан табылған ауыздықтар да осы типке жататын болуы мүмкін. Измайлов ауыздықтарына, сондай-ақ, талдысай ауыздықтарына ұқсас, бірақ қос шығыршықпен бітетін ауыздықтар Минуса қазаншұңқырынан кездеседі. Сулықтарға арналған үлкен дөңгелек тесігі және одан ұсақ, бірақ бір жазықтықта орналасқан шылбырды бекітетін үзеңгі тәріздес тесіктері бар біршама ауыздықтар Солтүстік Қытай территориясынан шығып отыр.

Ортасында Т-тәрізденген дөңесі және шет-шеттерінде тесігі бар қола сулықтар ішінара Солтүстік Қазақстаннан, Арал бойынан (Ұйғарақ), Минуса қазаншұңқырынан және Тывадан кездесіп қалады. Олардың негізгі таралу аймағы Алтайдың батыс және солтүстік-батыс бөктерлері болып табылады.

Бір жағынан Оңтүстік Орал сырты, Солтүстік және Орталық Қазақстан, екінші жағынан Алтай мен оған шекаралас жатқан аймақтар арасындағы кейбір параллельдер жерлеу ғұрпынан да кездесіп қалатынын жоғарыда айтып өткен болатынбыз. Сөз күндізгі жер бетінде қарапайым шұңқырға немесе шұңқыр қабырғасын бойлай немесе бүйірлей жасалған қуыстарға «шалқасынан созылыңқы түрде» қойылған жерлеу орындары туралы болып отыр.

Көбіне қабір шұңқырына өлген адаммен бірге жылқы немесе оның тұлыбын (басы мен терісін) қоса жерлеген. Бұл жерлеу орындарынан табылған заттар, алдымен ат әбзелдері тасмола қауымының немесе тасмола мәдениетінің ескерткіштерінен табылған заттарға өте ұқсас болып келеді. Осы белгілері бойынша тасмола мәдениетіне ең жақын келетіні Қазақ Алтайының Майемір II және Тарасу обаларының ақымдалған жерлеу орындары. Майемір II-ден табылған ромб түріндегі қауырсыны және жасырын ұңғысы бар төртқырлы жебе ұшы Арал бойы және Солтүстік Қазақстан кешендерінен табылғандармен өте ұқсас болып келеді. Тарасудан табылған қиық конус түріндегі ілмесі бар жалған түйіршіктермен безендірілген алтын сырғаның және мысық тектес жыртқыштың алтын мүсіншесінің Орталық Қазақстан ескерткіштерінен табылған заттармен ұқсастығы бар. Мұндай сырғалар Жыланды және Тарасу обаларынан бөлек, Орталық Қазақстанның, Алтай мен оның бөктерлерінің, Кузнецк қазаншұңқырының, Тываның, сондай-ақ, Оңтүстік Орал бойы мен Төменгі Еділ бойының б.д.д. VIII–V ғасырларына тән бірқатар кешендерінен кездеседі.

К.В. Чугуновтың пікірінше, осы үлгідегі сырғалардың Тыва мен Алтайда саны жағынан басым болуы оларды Тываның алды-бель мәдениеті мен Алтайдың ерте скиф дәуіріндегі тайпаларына тән деп санауға мүмкіндік береді. Олардың таралуын оларды жасау дәстүрін иеленушілердің шығыстан батысқа қарай жылжуымен немесе Қазақстан мен Саян-Алтай халықтарымен байланыс орнатуымен байланыстыруға болады, нәтижесінде, түйіршіктеу техникасы Орталық және Шығыс Қазақстан территориясынан шығып Алтай мен Тыва жерлеріне жетеді. Бұл техника шамасы, Тываның алды-бель мәдени кешенін қалыптастыруға алып келген инновациялармен бірге келген болса керек. Екінші жағынан алғанда, осы үлгідегі бұйымдардың алдымен Тыва мен Алтайдан шығуы, сондай-ақ, Шығыс Алтайдан алды-бель жерлеу орындарымен салыстыруға келетін ескерткіштердің анықталуы жергілікті халыққа Саян Алтайдан тыс жерде қалыптасқан, Қытайдың Солтүстік аудандары және Моңғолиямен байланысты біртұтас мәдени негізі бар халықтың келіп сіңісіп кету гипотезасына сәйкес келеді. Осы қорытындыға сай атап өтетін бір жайт, Тывалық, алтайлық және қазақстандықтарға өте ұқсас конус тәрізді салпыншақтары бар сырғалар Солтүстік және Солтүстік-Батыс Қытайдан да табылған.

Чекановский лог обасынан (Алтайдың солтүстік-батыс бөктері) табылған ат әбзелдері мен қару-жарақтардың ең жақын параллельдері Орталық Қазақстан мен Таулы Алтайдың материалдарынан

көрінеді. Чарыш өзенінің бойындағы Чесноково 1 обасының 2 қорғаны (б.д.д. VII ғасырдың екінші жартысы немесе VI ғасырдың басы) да қоса жерлеу заттары (тартпаның тоғасы және жүген бөліктері) мен жерлеу ғұрпы (басын солтүстік-шығысқа қарата шалқасынан созылыңқы түрде жатқызу, аяқ жағына екі жылқының терісін қою) жағынан Орталық Қазақстанның тасмола мәдениеті ұқсас екендігі анықталды. Осыншалықты ұқсастық бастапқыда бұл жерде қазақ даласынан шыққан адам жерленген деп қорытынды шығаруға негіз болды.

Алтайдың солтүстік-батыс бөктерінен табылған Машенка 1 обасының 1 қорғанының ұзынша қабырғасын бойлай жасалған ақымдалған қабір шұңқырында қасында ерттеулі және жүгендеулі жылқысы бар әйел адамның мүрдесі табылды. Марқұмның басы солтүстікке қаратылып, денесі шалқасынан созылыңқы түрде жатқызылған болып шықты. Оның белдігінің оң жағынан ішінде қола айнасы, сүйек түтікшесі, сүйек тарағы, өңделген ағаш кесігі және қызыл мен қара бояулар салынған тері қалташасы бар тері сөмке табылды. П.И. Шульга осы қорғанды жерлеу ғұрпы мен табылған заттары жағынан Орталық Қазақстан ескерткіштері қатты ұқсас келеді деп санайды.

А.Л. Кунгуровтың пікірінше, Барнаул түбіндегі Малый Гоньбинский Кордон обаларынан табылған көнеалей мәдениетінің ерте кезеңіне (б.д.д. VII ғасырының аяғы - VI ғасыр) тән кешендерінен де сақ белгілерін айқын көруге болады. Олардың қатарында, ернеулі немесе ернеусіз болып келетін орта тұсында ілмек тұтқасы бар қола айналар, қоладан жасалған қосқанатты ұңғылы және үшқанатты шегелі жебе ұштары, қола және темір түйреуіштер, пішіні сопақша келген аяғы жоқ, тастан жасалған құрбандық тақталары, арыстан бейнелі алтын жапсырмалар. Осы «заттар жиынтығына ұқсас дүниелер Еуразияның оңтүстік және оңтүстік-батыс облыстарына қарай кеткен». Сонымен қатар, бұл кешендерге тән тағы бір нәрсе, жерленген адамдардың басы оңтүстік-батысқа қаратылып, шалқасынан созылыңқы түрде жатқызылып қойылуы. А. Л. Кунгуровтың пікірінше: қоса жерленген заттарына қарап ертескиф дәуірінің бұл кешенін «Жоғары Приобье жат, басқа жақтан келген» деп сипаттауға болады. «Сақтарға туыстас мәдениеті бар» бұл қоныс аударушылар, б.д.д. VII ғасырда Жоғары Приобье жеріне келіп, осы жерлерді мекен еткен больше-реченск тайпаларын біртіндеп Обьтің жоғарғы жағына қарай ығыстырып жібереді. Больше-реченсктердің қабірлерінен табылып отырған қола жебе ұштары ол жерге бойтұмар ретінде қойылған немесе өлген адам сол жебелерден қаза тапқанын білдіретін бол-

са керек және олар сонымен қатар аймақта түрлі қақтығыстадың болғанын да айғақтайды. Сондай-ақ, Малый Гоньбинский Кордон обаларынан табылған жебе ұштарының қылшан жиынтығына кіргендігі белгілі болып отыр.

Тасмола тарихи-этнографиялық қауымдастығының өзінен шығысқа қарайғы территориялармен, соның ішінде Тывамен қарым-қатынастары Шығыс Қазақстан және Алтай территориялары арқылы жүзеге асып отырған болса керек. Бұл байланыстарды Оңтүстік Орал сыртының, Орталық және Шығыс Қазақстанның, Жетісудың және Тываның бекзадалар обасынан табылған аң стиліндегі заттарды салыстыру кезінде айқын көрінеді.

Бір-бірінен едәуір алшақта жатқан территориялардағы бейнелеу дәстүрінің ұқсастықтары көшпелі әлем шекараларында көшпелілердің бекзадаларына қызмет ететін қолөнер орталықтары болған деген ойға жетелейді. К.В. Чугуновтың пікірінше, мұндай орталықтар қазіргі Қытайдың немесе Арал бойындағы архаикалық Хорезм қалаларында орналасқан болуы мүмкін. Негізінде, Ежелгі Хорезмде көшпелілерге қызмет ететін қолөнер шеберханаларының болуы мүмкіндігін жоққа шығармаймыз, дегенмен, ерте сақ дәуірінде олар әлі қалыптасып үлгермеген болар деп санаймыз. Жоғары көркемдік зергерлік бұйымдардың еуразия даласының азиялық бөлігінде таралуына және шоғырлану дәрежесіне қарай мұндай орталықтар шамамен көшпелі әлем мен Чжоу Қытайының шекарасында орналасқан болуы мүмкін.

Көркемдік дәстүрлерінің ұқсастығынан бөлек, Жайық-Ертіс қосөзен аралығы мен Тыва көшпелілерінің Шығыс Қазақстан және Алтай территориялары арқылы түрлі қатынаста болғанын жерлеу заттарының басқа да санаттары айғақтап бере алады. Мысалы Тывадағы Усть-Хадынның I обасынан (б.д.д. VII ғасыр) қос тауешкі бейнелерімен безендірілген тікбұрышты қола құрсаулары бар тері белдікпен қатар, жүзі төртбұрышты ал қимасы дөңгелек болып келген шапқысы бар қола айбалта табылған. Айбалтаның ұңғысын ені шапқысы мен уатқышының диаметріне тең келетін рельефті тоғыншақ қаусырып тұр, ұңғысы мен шапқысы қиылысатын бұрышына жыртқыш құстың басы бейнеленген. Пішіні жағынан ол Орал сыртының оңтүстігіндегі Иртыш-14 обасынан табылған айбалтаға өте ұқсас болып келеді, сондай-ақ ол жерден қоладан жасалған тегіс тікбұрыш құрсаулары бар белдік те табылған. Тываның бірқатар ескерткіштерінен қоладан немесе алтыннан жасалған тікбұрыш құрсаулары бар белдіктердің қалдығы табылып отыр. Тоқатала кететін бір жайт, құрсауы тегіс белдіктерден бөлек, құрсауларында

жануарлар бейнесі немесе күрделі геометриялық өрнегі бар белдіктер де көптеп кездеседі. Бұл бөлшегі тыва белдіктерін далалық Еуразияның басқа аудандарынан табылған мерзімі бір белдіктерден ажыратып, Шыңжаң мен Солтүстік Қытай белдіктеріне жақындата түседі.

Сыпуячий Яр обасынан (мерзімі б.д.д. VII-VI ғасырлар шегінен кеш емес) табылған құрсаудың екі жағында тау ешкілер жұбы бейнеленген. Демир-Суг II обасынан табылған осы дәуір белдігінің құрсаулары екі жағынан да S-тәрізді фигуралардың өрімімен безендірілген. Демир-Суг белдігіне ұқсас белдік Аржан-2 қорғанының 5 обасынан табылды, оның алтыннан жасалған құрсауы біртұтас емес керткі-керткі болып келген. Осы қорғанның ер адам жерленген 26-шы ілеспе қабірінен Усть-Хадынныңтан табылған құрсауларға ұқсас етіп тау ешкілер жұбы бейнесімен әшекейлеген тікбұрышты құрсаулары бар белдік табылды. Аржан 2 қорғанының 20-шы ілеспе қабірінен тікбұрышты құрсауларында тікесінен тұрған мысық тектес жыртқыштар жұбы бейнеленген белдік табылды. Бұл белдікке садақ пен жебесі бар қорамсақ және қола айбалта бекітілген. Соңғысы, Иртыш-14 обасынан табылған айбалтаға ұқсас болып келеді, оның да жүзі төртбұрышты ал қимасы дөңгелек болып келген шапқысы және шеті жұмырлана келген жалпақ уатқышы бар, сондай-ақ, ұңғысы мен шапқысы қиылысатын бұрышына жыртқыш құстың басы бейнеленген болып келеді.

Орал сыртының оңтүстігіндегі Кичигино I обасынан табылған белдіктің айылбас-ілгегіне ұқсас ілгектер Солтүстік-Батыс Алтайдан (Гилево 10) және Тывадан (Демир-Суг II, Аржан-2) табылып отыр. Пішіні жағынан және белдікті бекіту жүйесі жағынан кичигіндікке ұқсас айылбас-ілгектер Гилево-10 (б.д.д. VI ғасырдың бірінші жартысы) обасынан және Аржан 2 қорғанының 5 жерлеу камерасынан (б.д.д. VII ғасырдың екінші жартысы) шықты. Аржан 2 қорғанының 5 камерасынан табылған алтын құрсауға ұқсас белдіктің қола құрсауы табылғандықтан, Демир-Суг II обасының 1 қорғанының 1 қабірі де б.д.д. VII ғасырдың екінші жартысымен мерзімделуі тиіс. Аржан 2 қорғанының 26 ілеспе қабірінен шыққан айылбас-ілгектің пішіні ұқсас болғанымен бекіту жүйесінде біраз айырмашылық бар. Біздіңше, Талды-2 обасының 5 қорғанынан табылған белдіктің тым ескі айылбас-ілгегі бастапқыда кичигіндік ілгекпен пішіндес болған болса керек. Тасмола 5 обасының 3 қорғанынан табылған сүйек ілгек стилі жағынан Тыва және алтай ілгектеріне келеді.

Сарыг-Булун обасының 2 қорғанынан қола құрсауы бар тағы бір белдік табылып отыр, ол қола айбалтадан және 10 оқтан тұратын жиынтықпен

қосылып бір кешенді құрайды. Осы обаның 1 қорғанынан және Хут өзеніндегі кешеннен Оңтүстік Орал сыртындағы Иртыш-14 обасынан табылған жебе ұштарына типологиялық жағынан жақын келетін қоладан жасалған ұңғылы жебе ұштары табылды.

П.И. Шульганың мәліметінше, Шыңжаңнан табылғандардың ішінен ерте сақ дәуіріне «жарияланып отырған үш белдік құрсауын нақ жатқызуға болады». Оның үстіне, осылардың беті тегіс ал бүйір қыры иректеліп келген біреуі Оңтүстік Орал сыртынан кездейсоқ табылған белдік құрсауын еске түсіреді. Ол өз кезегінде Жайық-Ертіс қосөзен аралығы даласынан табылған белдік құрсауларының екінші тобының екінші тармағына енгізілген болатын. Шыңжаңнан табылған екінші белдік құрсауының қалқаншасында мүйізі иірілген қойдың басы стильдене бейнеленген тәрізді, осынысына қарай оны Оңтүстік Орал сырты мен Орталық Қазақстанның зооморфты құрсауларымен бірге қарастыруға толық негіз бар. Шыңжаңнан табылған үшінші құрсаудың қалқаншасында S-тәрізді мүсін бейнеленгендіктен оны Солтүстік Қытай мен Тыва белдіктерінің құрсауларымен салыстыруға мүмкіндік береді. П.И. Шульганың пікірінше, Шыңжаң мен Солтүстік Қытай белдік құрсауларының сипатындағы ерекшеліктерді мәнерлі ірі қалқаншалары мен екінші жағындағы жұқа негізі құрайды. Осыған орай, Кичигино I обасының 5 қорғанынан табылған белдік құрсауларының бір бөлігінің киіктердің бір-біріне қарама-қарсы қойылған бастары түріндегі қалқаншасы және екінші жағында жұқа негізі бар болып келеді.

Тывадағы б.д.д. VII–VI ғасырлар шегінен кем емес уақытпен мерзімделетін Сыпучий Яр обасының 2 қорғанындағы қабірден белдікке екі батырманың көмегімен бекітілетін, түйелер протомасы бейнеленген, пішіні таға тәріздес 2 қола қапсырма табылды. Олар да Кичигино I обасынан табылған жылқы протомасы бейнеленген қапсырмалар сияқты белдікке әртүрлі нәрселер іліп қою қызметін атқарса керек. Аржан-2 қорғанының 5 моласынан алтыннан жасалған, пішіні таға тәріздес, бетіне әр жаққа қаратылған жыртқыш құстардың бастары бейнеленген қорамсақты айқастырып ілуге арналған тоға табылды. Ол белдікке екінші жағында орналасқан ілгек тәрізді екі тілшемен бекітілетін болған. Сондай-ақ, Тывадағы Чкаловка обасынан қылшан іліп қоюға арналған, пішіні таға тәріздес, екі жылқы протомасы бейнеленген белдік тоғасы табылды, ол стильдік жағынан кичигин белдік қапсырмасындағы жылқы бейнесіне анағұрлым жақын болып келген.

Тывалықтарға ұқсас болып келген, пішіні таға тәріздес, бірақ бетіне грифон протомалары бейне-

ленген қапсырмалар Шығыс Түркістандағы Чауху-гоу обасынан табылды. Пішіні жағынан кичигиндікке ұқсас, бірақ зооморфты жиектері жоқ қола қапсырма Шығыс Түркістанның тағы бір обасы – Цюньбакәден табылды.

Пішіні жағынан жоғарыда аталғандарға ұқсас, қоладан жасалған, бетінде екі кербұғы протомасы бар, белдікке дөңгелек қалқаншалы екі батырманың көмегімен бекітілетін белдік қапсырмасы Алтайдың солтүстік бөктеріндегі Быстрянк селосының маңайындағы обаның 14 қорғанының тоналған қабірінен табылды. Ол б.д.д. VI ғасырдың бірінші жартысымен мерзімделеді. Пішіні таға тәріздес, белдікке бекітуге арналған қос батырмасы бар қоладан жасалған әшекей және ұшқанатты шегелі жебе ұшы, сондай-ақ, конус тәрізді салпыншағы бар, түйіршікпен безендірілген алтын сырға сияқты заттар табылған Тывадағы Бегираз өзенінің маңындағы 40 қорған кешені де осы уақытпен мерзімделетін болса керек.

Жоғарыда айтылғандарды негізге ала отырып, П.И. Шульганың Алтай мен Тываның таға пішіндес белдік тоғалары (қапсырмалары) бар кешендерін б.д.д. VII ғасырдың екінші жартысы – VI ғасырдың бірінші жартысымен мерзімдеуге болады деген пікірі қисынды болып көрінеді. Кичигино I обасының 5 қорғанынан табылған ұңғылы төртқырлы жебе ұштарының ерекшелігі олардың сапқа бекітілу әдістерінде болып отыр. Олардың барлығының бір қырының төменгі жағында диаметрі 0,2 см болатын дөңгелек өтпелі тесігі бар болып келеді. Осы тесік арқылы қайыңнан жасалған сапқа қайың шеге (сына) қағылады, оның жоғарғы жағы қырмен беттестіріп кесіледі. Сына жебе ұшының саптан ұшып кетпеуі үшін кедергі қызметін атқарады. Бір қырының төменгі жағында осындай тесігі бар, қоладан жасалған, ұңғылы, төртқырлы, қимасында ромб тәрізді жебе ұштары Талды-2 обасынан, Аржан-2 және Чинге-Тэй I қорғандарынан табылды. Осы үлгідегі, бір қырының төменгі жағында тесігі бар жебе ұштары Ордос территориясынан да табылды.

Бірқатар зерттеушілер, б.д.д. VII ғасырда Алтайдың солтүстік-батыс бөктерін мекен еткен рулық топтардың бірі Енисейдің жоғарғы бөлігіне (Тыва) қоныс аударған болуы мүмкін деп санайды. Оның көрсеткіші У-тәрізді сулықтары бар жүген мен Т-тәрізді тілі бар сулықтардың таралуы болып табылады. Алтайдың солтүстік бөктерінде орналасқан Катунь жерінде осындай жүгендердің пайда болуы осы қозғалыспен байланысты болып келеді. А.А. Тишкиннің пікірінше, б.д.д. VII ғасырдан бастап Таулы Алтай территориясынан қоныс аударған

тайпалар осы жерлерде быстрянк мәдениетінің қалыптасуына негіз болды.

К.В. Чугуновтың пікірінше, қондырылу пішіні шегелі болып келген қола жебе ұштары Тывада алды-бель дәстүрлерінің өкілдерімен бірге пайда болады. Оның ойынша шегелі жебе ұштары Тыва жеріне Арал өңірінен келген, ол жерде осы жебелердің қосқанатты пішіндері кең тараған деп көрсетеді. Алайда, қосқанатты шегелі жебе ұшы, ұшқанатты және ұшқырлы шегелі және ұңғылы қосқанатты түрлерімен бірге Қарамұрын I обасының 5ж қорғанынан табылған б.д.д. VII ғасырына тән кешеніне кіреді. Шідерті бекетінің маңындағы, б.д.д. VIII–VII ғасырлар шегімен мерзімделетін қорғаннан қосқанатты шегелі жебе ұшы, ұшқанатты және ұшқырлы-ұшқанатты шегелі түрлерімен бір кешенде кездесті. К.В. Чугунов Тывадан табылған, төртқырлы, ұшы қимасында ромб тәріздес болып келетін, бүйір қабырғаларының төменгі жағы ұңғы жиегінен төмен қарай тікенек тәріздене түсіп тұратын екі еңсіз қанатқа айналатын ұңғылы жебе ұштарының ұқсас түрлерін тек Арал бойынан ғана табады. Орал сыртының оңтүстігінде бұл үлгіге Иртыш-14 обасының 2 қорғанынан табылған барлық жебелер жатқызылады. Тывалық және иртыштық жебе ұштарына қатты ұқсас жебелер Ақтөбе облысының территориясындағы Ырғыз өзенінің жоғарғы жағында орналасқан Ақкөл кентінің маңынан табылып отыр (б.д.д. VII ғасыр - VI ғасырдың бірінші жартысы).

Тыва үшін бірегей табыс болып табылатын ромб тәріздес ұңғылы жебе ұштарының Арал бойы мен Шығыс Қазақстаннан табылуы, К.В. Чугуновтың пікірінше шығу тегі Қазақстан облыстарымен байланысты алды-бель мәдениеті өкілдерінің батыстан шығысқа қарай жылжығанын көрсетеді. Осы үлгідегі жебе ұштары немесе осыларға ұқсас, қырларында шығыңқы сопақ біліктері жоқ түрлері Шығыс Қазақстаннан ғана емес, ара-тұра Алтайдан, Жоғары Обь бойынан және Құлындының оңтүстігінен де кездесіп қалады. Тывалық және алтайлық жебе ұштарына ұқсас жебе ұштары Орталық және Солтүстік Қазақстаннан да табылды. Оның үстіне, Солтүстік Қазақстандағы Алыпқаш обасының 13 қорғанының б.д.д. VII ғасырымен мерзімделетін қабірінен табылған түрі қылшанның негізін құрайды, ал Арал бойы, Шығыс Қазақстан және Алтайда бұлар дара жебе ұштары болып табылады.

Тасмола мәдениетінен белгілі, соңғы жағы тікбұрышты болып келетін және тіреуіші бар ауыздықтар мен жасанды сулықтар сонымен қатар, Арал бойының, Қырғызстанның және Жетісудың ерте сақ кешендерінен кездеседі, Шығыс Қазақстаннан да табылып қалады. Шығыс

Қазақстандағы Баршатас жерінен табылған жүген кешеніне орталыққазақстандық Тасмола V және Бақыбұлақ обаларынан табылған заттарға ұқсас айқаспа белдіктің солярлы-шиырлы өрнектері бар қапсырмалары мен оқтیزерлерінің де кіретіні қызығушылық туғызады.

М.Қ. Қадырбаевтың пікірінше, Оңтүстік Қазақстан мен Жетісудың сақ-массагет тайпаларының орналасу облысын жүгеннің аталған үлгісінің түбегейлі қалыптасқан ауданы деп санауға негіз бар. Ол осы жерден әрі қарай Қазақстанның солтүстік-шығыс аудандарына дейін таралған. К.В. Чугунов осы көзқарасты қолдай отырып, осы тектес конструкцияның бастапқы үлгісі б.д.д. II мыңжылдықтың үшінші ширегінде Орта Азияның оңтүстігінде пайда болған деп көрсетеді. Күні кешеге дейін осы үлгідегі жүген қазақстан ескерткіштерінің спецификалық ерекшелігі деп саналып келді. Алайда соңғы кезде Тывада жүргізілген зерттеулер мұның олай еместігін дәлелдеп отыр. Аржан-2 қорғанынан табылған ерттелген жылқылардың бойынан соңғы жағы тікбұрышты болып келетін және тіреуіші бар ауыздықтардан және оларға кигізілген жасанды сулықтардан тұратын 13 жиынтық табылды. Осындай жиынтықтар аталған қорғанның дөңгелек тас қоршауының құрылысы ішінен табылған бірнеше ғұрыптық қазыналардың арасынан шыққан болатын. Бір бөлігі тіреуіші бар тікбұрыш үзеңгі пішінінде бітетін ауыздықтар Чинге обасының 16 қорғанынан табылған қазынаның құрамына кіреді. Осы қазынаның ішінде ортасында Т-тәрізді сынасы бар, доға пішіндес қос тесікті сулықтар да бар. Бір қызығы, Аржан-2 мен Бақыбұлақтан табылған ауыздықтар «біртұтас өндірістік мәдениетке тән құю әдістерінің бір түрін көрсетеді». Тасмола I обасының 19 қорғанынан және Тасмола V обасының 3 қорғанынан табылған ауыздықтар да осы әдіспен құйылған болса керек.

Осылайша, Тыва мен Орталық Қазақстан ескерткіштерінің ұқсастықтары негізінен обаларда қоса жерленген заттарын салыстыру арқылы анықталады; сонымен қатар, А.Д. Грач атап өткендей, тасмола мәдениеті қорғандарындағы жерлеу ғұрыптары алды-бель мәдениетінен ерекшеленіп тұрады. Бұл жерде Тываның ерте скиф дәуіріне мәйітті бүктетілген күйі бір қырынан қою тән екенін естен шығармаған жөн. Әрине, кейде шалқасынан созылықты түрде жатқызғандары да кездесіп қалады, бірақ олар А.М. Мандельштам атап өткендей өте сирек кездеседі және негізінен ерте кезеңнің обаларына тән болып келеді. Осыдан келе біз, К.В. Чугунов ұсынып отырған, алды-бель дәстүрін ұстанушылардың батыстан шығысқа,

Арал бойы, Солтүстік және Орталық Қазақстан аймақтарынан Тываға Таулы Алтай территориясы арқылы өтті деген пікір әлі де болса тереңірек зерттеуді қажет етеді деп санаймыз. Әзірше тек Тыва халқының олардан Алтай тайпалары арқылы қару-жарақ пен ат әбзелдеріндегі жаңашылдықтарды алғаны туралы ғана айтуға болады.

Жайық-Ертіс қосөзен аралығы мен Саян Алтай ерте көшпелілерінің өнері арасындағы ұқсастықтар олардың идеологиялық түсініктерінің ортақ тұстары болғандығынан хабар береді. Әр түрлі территорияларды мекен еткен халықтардың әлеуметтік дәрежесі жағынан тең адамдарының молаларында қоса жерленген заттардың ұқсастығы Еуразияның ерте сақ дәуіріндегі көшпелі қоғамдарында тұлғаның, соның ішінде әскери адамның дәрежесін бөліп көрсетудің әбден қалыптасқан және жалпыға ортақ тәртібінің болғандығын айғақтайды.

Біздіңше, Тасмола қауымдастығының ерте көшпелілері мен Алтай және оған шекаралас жатқан аймақтар тайпаларының б.д.д. VII–VI ғасырлардағы байланыстары, біріншіден, шығу тегінің ортақтығына, екіншіден, осы байланысқа мұрындық болып отырған Орталық Қазақстанның тасмола мәдениеті тайпаларының экономикалық мүдделеріне негізделген болса керек. Орталық Қазақстанның тасмолалықтары мен алтай тайпаларының байланыстары тікелей тұрақты әрекеттестік үлгісінде болған. Олар көшпелі қауымдастықтар өмірінің әртүрлі саласын қамтыған, негізінен, шаруашылық, соның ішінде технологиялық (қару-жарақтар мен құралдарды және іс-тәжірибелерді тарату), сонымен қатар, әлеуметтік бағыттары болды. Соңғысы алдымен бекзадалар тобын қамтыды.

Түрлі потестарлық-саяси байланыста болулары да мүмкін – жекелеген рулардың немесе тайпалардың әскери одаққа бірігуін, өзара елші жіберулер мен сый алмасулардың болу мүмкіндігін жоққа шығара алмаймыз. Аржан қорғанының 5 жерлеу камерасынан табылған шие мен жиде жемістерінің сүйектері сондай сыйлықтардың бірі болса керек, олардың өсу аймақтары Қазақстан, соның ішінде оның солтүстігі және Алтайдың жазық жерлері болып табылады. Дегенмен, осы бұрыштан табылған, біреуі тұмсық пішіндес болып келген аяқтары жоқ екі құрбандық тақталары байланыстардың басқа да формалары болған деп болжау жасауға мүмкіндік береді. Жоғарыда атап өткеніміздей, тұмсық пішіндес құрбандық тақталарын Жайық-Ертіс қосөзен аралығы далаларының көшпелілері мен Арал бойы сақтары ғана қолданған. Сірә, Жайық-Ертіс қосөзен аралығы мен Алтайды мекендеген тайпалардың байланыстары тек бейбіт түрде ғана емес, сонымен

қатар, әскери, негізінен әскери-тонаушылық бағытта да жүрсе керек. Біздіңше, миграциялық байланыстар да болған, жекелеген рулар немесе рулық топтар Алтайдан Жайық-Ертіс қосөзен аралығына, сондай-ақ кері бағытта да қоныс аударып отырған.

Осындай әртүрлі және тұрақты байланыстармен қатар, шағын (негізінен әскери) топтардың және жекелеген тұлғалардың, соның ішінде аралас некедегі адамдардың қоныс аударуы сынды сіңісу байланыстарының да болғаны сөзсіз. Солтүстік және Орталық Қазақстан ескерткіштерінен күшәлалы қоладан жасалған біраз бұйымның табылуын және олардың сұрыпталымының шектеулі боуын Қазақстан аумағына Саян территориясынан халықтың аздаған тобының қоныс аударуымен түсіндіруге болатын шығар.

Шығу тегінің жақындығы және қоғамның әртүрлі тобын қамтыған қарқынды байланыстар рухани-идеологиялық байланыстардың дамуына да ықпал етті.

Жоғарыда аталғандардың барлығы Орталық Қазақстанның тасмола мәдениеті өкілдері мен Алтай тайпаларының арасындағы байланыстарға қатысты болып келеді. Ал, Солтүстік Қазақстан мен Оңтүстік Арал бойы көшпелілерінің Алтай халықтары мен байланыстары әрине, жанама түрде болды және Орталық Қазақстан көшпелілері арқылы жүзеге асты. Бұл Жайық-ертіс қосөзен аралығы далаларының көшпелілері қоғамында тасмола тайпаларының жетекші рөлде болуын қамтамасыз еткен жайт болды.

Сонымен, б.д.д. VIII ғасырдың аяғында немесе б.д.д. VIII–VII ғасырлардың шегінде Жайық-Ертіс қосөзен аралығының далалары ұзақ уақытқа созылған салыстырмалы иесіздіктен соң қайтадан игерілді, бірақ бұл жолы оны Солтүстік және Солтүстік-Батыс Қытай мен Моңғолиядан келген мигранттар мекен етті. Мигранттардың генетикалық жақындығы мен Жайық-Ертіс қосөзен аралығының табиғи-жағырафиялық ерекшеліктері б.д.д. VII ғасырдың өзінде-ақ көшпелілердің солтүстікқазақстандық (ұлыбай-тасмол мәдениеті), орталыққазақстандық (тасмола мәдениеті) және Орал сыртының оңтүстігі (бобров үлгісіндегі ескерткіштер немесе бобров-тасмола мәдениеті) сияқты үш ірі бірлестігінен тұратын тасмола тарихи-этнографиялық қауымдастығының қалыптасуына алып келді. Тасмола қауымдастығындағы жетекші рөлді б.д.д. VII–VI ғасырларда Орталық Қазақстан тайпалары иемденгені сөзсіз. Орталық Қазақстан көшпелілері түсті металл көздерін – аймақтың мыс кен орындарын иемденіп отырғандықтан олар қауымдастықтағы басшылық орынды иеленді.

Тасмола тарихи-этнографиялық қауымдастығының құрылуы ғана емес қызмет етуі де жайылымдық-көшпелі жүйеге немесе жайылым мен су көздерін маусымдық бөлу жүйесіне негізделді. Бұл жүйе көп жағдайда Жайық-Ертіс қосөзен аралығы көшпелілерінің Орталық Азияның көшпелі және жартылай көшпелі тайпаларымен, ең алдымен Арал бойы көшпелілерімен және Орал сырты мен Батыс Сібірдің орманды-далалы жерлерінің халқымен байланысына негіз болды.

Бір жағы – Жайық-Ертіс қосөзен аралығы, Орал сыртының оңтүстігі, екінші жағы – Солтүстік және Орталық Қазақстан болатын даланың екі ірі аймағының табиғи-жағырафиялық ерекшеліктері осы жерлерді мекен еткен халықтардың шаруашылық ерекшеліктерін, көші-қон жолын, маусымдық жайылым орындарын және түптеп келгенде экономикалық, мәдени, потестарлық-саяси байланыстарын және нақты тарихи ортасын алдын-ала анықтап берді.

Солтүстік және Орталық Қазақстан көшпелілерінің назары негізінен оңтүстік-батысқа – Арал бойына және оңтүстік-шығысқа – Алтайға бағытталды. Батыс Сібірдің орманды-далалы жерлерін (Тобыл-Ертіс қосөзен аралығы) мекен еткен тайпалармен ара қатынасы әлсіздеу, әрі сиректеу болды. Батыс Сібір бұл кезеңде көшпелі социум үшін аса қызық бола қойған жоқ.

Солтүстік және Орталық Қазақстан көшпелілерінің Арал бойымен ара қатынасы көбіне жайылымдық-көшпелі жүйемен, жекелей алғанда қыстаулардың орналасуымен байланысты болса, Алтай тайпаларымен байланыстарының негізінде экономикалық мүдде – түсті металлға, атап айтқанда өздерінің металлургия өндірісі үшін керек болған қалайыға деген қажеттілік жатты. Алтай тайпаларымен генетикалық туыстықтары бұл байланыстарды жеңілдетіп, экономиканы ғана емес, одан әрі тереңдей потестарлық-саяси және рухани-идеологиялық-саяси салаларды да қамды.

Орал сыртының оңтүстігін мекендеген көшпелілердің де Арал бойы тайпаларымен қарым-қатынасы жайылымдық-көшпелі жүйеге – қыстаулар мен жайлаулардың орналасуына байланысты болды. Алайда олардың назары солтүстікке, Орал сыртының оңтүстігінің орманды-далалы аймақтарына, алдымен, қалыптасу үстіндегі иткуль мәдениетінің ареалына түсті. Түсті металлға деген қажеттілік, оны алу үшін орталыққазақстандық тайпаларға тәуелді болмауға деген ұмтылыс, металл көздерінің жақын орналасуы, бұлардың барлығы Орал сыртының оңтүстігін мекендеген көшпелілердің осы бағытқа қарай әскери белсенділік танытуына негіз болды. Б.д.д. VI ғасырдың өзінде-

ақ иткуль мәдениетінің тайпалары көшпелілерге тәуелді болып, алым-салық алыну жағдайына қалған болуы мүмкін. Ішкі орманды-далалы қоғамдардың дамуымен қатар келген көшпелілер өлемінің металлға деген қажеттілігі металлургия мен металл өңдеудің иткуль ошағының дамуына түрткі болды. Еділ-Кама (ананьиндік мәдениет) халқының сақ өлемімен байланысы осы иткуль мәдениетінің өкілдері және Оңтүстік Орал сырты көшпелілері арқылы жүзеге асқан болса керек. Ерте темір дәуірінің соңғы жағы мен орта ғасырларда Еуразия даласында бірнеше этномәдени трансформация жүрді, олардың генераторы Ішкі Азияны – Алтайдан Тибетке дейінгі және Хинганнан Памирге дейінгі кеңістікті мекен еткен көшпелілер болды. Б.д.д. I мыңжылдықта осы субаймақтағы көшпелі әлем қытай өркениетінің ықпалына аса түсе қоймаған болатын, себебі ол жақта әлі орталықтанған біртұтас мемлекет құрыла қоймаған еді. Бұл бізге көшпелілерге қатысты сыртқы саяси фактор ықпалынсыз этномәдени трансформация үлгісін жасауға мүмкіндік береді.

Ішкі Азия халықтарының көшпелі және жартылай көшпелі мал шаруашылығына көшуімен оның табиғи жағдайларға, жекелей алғанда климаттың өзгеруіне тәуелділігі байқалды. Мал шаруашылығына қолайлы климаттық жағдайлар территорияның демографиялық сыйымдылығының артуына алып келді. Ариадизация тудырған қолайсыздықтар нәтижесінде тұрғындардың тығыздығы артты да халық Ішкі Азиядан тыс жерлерге көшуге мәжбүр болды. Осының салдарынан аймақ халқының тығыздығы төмендеді және қоршаған ортамен тепе-теңдіктің жаңа деңгейіне көшті. Осылайша Ішкі Азия көшпелілерінің тарихы циклді сипатта болып келеді. Бұл дегеніміз – демографиялық циклдер.

Климаттың жаппай өзгеруіндегі маңызды рөлді күннің белсенділігі иемденеді, ол күн циклінің оқтын-оқтын өзгеруімен байланысты болады. Солардың ішіндегі анық көрінетіні ғасырлық, дәлірек айтар болсақ – квазиғасырлық (100 жыл шамасында) цикл болып саналады, ол жаппай ғасырлық климаттық ырғақты анықтайды. Табиғат пен қоғам дамуының ғасырлық циклі де осы ырғақпен жақсы үйлеседі. Біздіңше бұл цикл Ішкі Азияның көшпелі халқының аймақтың жағырафиялық ерекшеліктеріне сәйкес, Алтай-Саян таулы аймақтарына және оның батысында жатқан жазықтарға қарай дүркін-дүркін квазиғасырлық жылыстауларына негіз болды.

Жылыстау түрлі сипатта жүрді: миграция, инфильтрация және қоныс аудару. Миграция дегеніміз – адамдардың үлкен тобының салыстырмалы түрде қысқа уақыт ішінде орын ауыстыруы, инфильтрация дегеніміз – адамдардың аздаған тобының немесе

жеке тұлғаның қысқа уақыт ішінде орын ауыстыруы, ал қоныс аудару дегеніміз – адамдар тобының біршама ұзақ уақыт аралығында жаңа аймақтарға түбегейлі көшіп баруы деп түсінген жөн.

Миграцияларды жергілікті, аймақтық және жаппай деп бөлуге болады. Жергілікті миграция (дәстүрлі және әдеттегіден тыс) дегеніміз – шекарасы өзінің табиғи жағдайларымен белгіленген белгілі бір тарихи-мәдени аймақ шеңберінде халықтардың орын ауыстыруы. Дәстүрлі миграциялар табиғи-жағырафиялық ерекшеліктеріне байланысты болып келеді және аймақ қорын шаруашылық мақсатта қолдану формасы болып табылады. Әдеттен тыс миграциялар аймақтың белгілі бір бөлігінде жылдың жекелеген маусымдарында қайта-қайта қолайсыз ауа-райы орнауына байланысты орын алады. Бұл жағдай малға жайылымсыз қалу немесе індетке ұшырау қаупін тудыратындықтан халық дәстүрлі көші-қон бағдарын өзгертуге мәжбүр болады. Әдеттен тыс жергілікті миграциялар көбіне әлеуметтік-экономикалық және саяси себептерге де байланысты болатынын атап өткен жөн. Ара-тұра олардың тарихи-мәдени аймақ шегінен шығып кететін кездері де болады. Осы жергілікті миграциялар белгілі бір территория шеңберінде халықтың мәдени және этникалық бірлігінің қалыптасуына алып келеді. Осы бірліктің археологиялық өлшемі нақты бір жағырафиялық аумақта жерлеу ғұрпы мен материалдық мәдениеттің өзара ұқсастығы болып табылады. Осы ұқсастықтарды мәдени-тарихи немесе тарихи-этнографиялық қауымдастық деп атау қалыптасқан. Халықтың аймақтық миграциясы дегеніміз – халықтың басым көпшілігінің бұрын мекен еткен аймақ шеңберінен ығысуы.

Олар алдымен, табиғи жағдайы ұқсас болып келетін, аридтық дәуір уақытынан кешігіп жеткен немесе аридизация үдерістері онша қатты болмаған аудандарға қарай жылжыды. Бұл мал шаруашылығының дәстүрлі формасын аздаған өзгерістер енгізу арқылы сақтап қалуға мүмкіндік беретін. Ішінара миграция үйреншікті табиғи жағдайдан тыс аудандарға бағытталатын, ондай кездері бүкіл шаруашылық әрекеттерін түбегейлі қайта құруға тура келетін.

Мигранттардың келуі жергілікті халықтың ығысып шығуына, немесе олармен араласып кетуіне алып келді, көбіне жергілікті тұрғындардың бір бөлігін ығыстырып шығарып, қалған екінші бөлігімен сіңісіп кететін болған. Әрине, келімсектер мен аборигендердің қарым-қатынасының нақты сценарийі қазіргі уақытта айырып болмайтын көптеген жағдайларға тәуелді болды. Алайда, белгілі бір аймақта келімсектердің пайда болуы және олардың

тұрғылықты халықтың дәстүрлі және әдеттен тыс жергілікті миграция үдерістеріне кірігуі оларда тез арада мәдениеттің жаңа ортақ синкреттік таптау-рындары қалыптасуына алып келді. Бұл өзгерістер археологиялық жағынан алғанда мәдениеттің немесе оның кезеңдерінің ауысуы ретінде белгіленеді, оның ұзақтығы ғасырлық циклге сәйкес келеді.

Аборигендік халықтың басым көпшілігін ығыстырып шығарған жағдайда аймақтық миграцияның жаппай миграцияға миграция айналады. Жаппай миграция дегеніміз адамдардың салыстырмалы үлкен тобының біртіндеп («домино» принципі бойынша) бірнеше ірі аймақтарға орын ауыстыруы деп түсінген жөн. Негізі, кез келген жаппай миграция алғашында аймақтық болып басталады. Жаппай миграция аймақтықпен салыстырғанда далалық Еуразияның бірнеше көршілес аймақтарындағы немесе бүкіл еуразия дала белдеуіндегі этномәдени жағдайдың түбегейлі өзгеруіне алып келеді.

Миграцияның бұл түрінің археологиялық өлшемі бірнеше көршілес аудандарда жерлеу ғұрпы мен материалдық мәдениеттің түрлі бағытта, бір мезгілде әрі күрт қайта құрылуы болып табылады. Қайта құрылудың бұл үлгісі далалық Еуразияның маңызды территорияларын (Тыва, Алтай, Қазақстан, Оңтүстік Орал, Төменгі Еділ бойы, Солтүстік Қаратеңіз бойы) қамтитын мәдени хронологиялық көкжиектердің ауысуынан көрініс табады.

Біздің ойымызша бұдан шығатын қорытынды, далалық Еуразияны қоныстанушылар мәдениетінің шұғыл түрде қайта құрылу кезеңдері синхронды және күн белсенділігінің сәйкесті цикліне тәуелді климат өзгерістерінің жаппай квазиғасырлық ырғағына байланысты болып келеді. Далалық Еуразияның азиялық бөлігінде б.д.д. I мыңжылдығы үшін қуаты шамамен 100 жылдай болатын бірнеше мәдени-хронологиялық көкжиектерді бөліп көрсетуге болады және олардың мерзімделуін біздіңше былай келтірген жөн: б.д.д. VIII ғасырдың екінші жартысынан – VII ғасырдың бірінші жартысына дейін (шілікті кезеңі); б.д.д. VII ғасырдың екінші жартысынан – VI ғасырдың ортасына дейін (аржан-кичигин кезеңі). Шамамен, б.д.д. VI ғасырдың орта шенінен бастап, Еуразияның Азиялық бөлігінде ерте сақ дәуірі мәдениетінің бүкіл қабаттарының түбегейлі қайта құрылуы (немесе қалыптасуы) жүреді. Сақ (скиф) кезеңінің жаңа қабаты (қалыптасуы) қалыптасады және біздіңше оны да бірнеше мәдени-хронологиялық көкжиектерге бөлуге болады: б.д.д. VI ғасырдың екінші жартысы – V ғасырдың үшінші ширегі; б.д.д. V ғасырдың соңғы ширегі – IV ғасырдың үшінші ширегі (филиппов кезеңі); б.д.д. IV ғасырдың соңғы ширегі – III ғасырдың ортасы (?); б.д.д. III ғасырдың екінші

жартысы (?) – II ғасырдың ортасы; б.д.д. II ғасырдың екінші жартысы – I ғасырдың аяғы.

Атап өткеніміздей, аймақтың жағырафиялық ерекшеліктеріне байланысты көшпелі халықтың Ішкі Азиядан жылыстауы көп жағдайда Алтай-Саян таулы өлкесіне бағытталды. Сондықтан да бұл жерде мәдениет стереотиптерінің қайта құрылуы Еуразияның басқа далалық аудандарымен салыстырғанда кішкене ертерек басталды. Соңғы жағдай Саян-Алтай көшпелілері батысқа қоныс аударып, Орталық Еуразия даласындағы халықтардың мәдениеті солардың ықпалымен трансформацияланды деп болжауға мүмкіндік береді. Алайда, көріп отырғанымыздай, Еуразия даласы мен Саян-Алтай көшпелілерінің материалдық мәдениетіндегі және жекелей алғанда жерлеу ғұрпындағы ұқсастықтар алдымен Ішкі Азиядан шыққандар мәдениетінің өзара ұқсастығына байланысты болды.

Батысқа жылжу Ішкі Азиядан үздіксіз тау жоталарымен бөлініп жатқан Жайық-Ертіс қосөзен аралығы далаларымен жүрген болатын, оның тек екі өткелі ғана болды: Ертіс бойы жазығы және Жоңғар қақпасы. Өткелдерден өткен соң көшпелілер батысқа қарай оңтүстік жолымен жөңкілді – Жетісу арқылы және Сырдарияның ортаңғы ағысына, төменгі ағысына, әрі қарай Оңтүстік Орал бойы арқылы өтіп Еділ жазығына бет алды.

Егер геосаяси жағдай көшпелілерге Ішкі Азиядан батысқа қарай Жетісу және Арал бойы арқылы (оңтүстік жол) жылжуға мүмкіндік бермесе, қоныс аудару алдымен солтүстік-батысқа қарай – Алтайдың батыс және солтүстік-батыс бөктерлерін бойлай Обь-Ертіс қосөзен аралығымен жүрді. Қоныс аударушылар әрі қарай, Тобыл-Есіл-Ертіс өзен аралықтарын (Солтүстік және Орталық Қазақстан) игере отырып, Орал сыртының оңтүстігіне және Приуральеге өтті. Содан соң реті келіп жатса Еділ-Жайық қосөзен аралығына дейін жылжып, Кавказ алдына одан әрі Еділ-Дон далаларына жетті.

Б.д.д. I мыңжылдықта көшпелілердің Батысқа миграциясы мен қоныс аударуы негізінен оңтүстік жолы арқылы жүрді. Солтүстік жол тек бір-ақ рет –

б.д.д. VIII ғасырдың аяғында немесе б.д.д. VIII–VII ғасырлардың шегінде қолданылған болса керек. Көбіне оңтүстік жолды пайдалану себебі Солтүстік және Орталық Қазақстан және/немесе Орал бойы-Батыс Сібір ормандыдалалы аймақтарын жайлаған әлеуеті зор көшпелі немесе жартылай көшпелі бірлестіктердің өздері иемденіп отырған жерлерге жатжұрттықтардың жаппай қоныс аударуына мүмкіндік бермеуінде болса керек. Одан кейінгі тарихта солтүстік жолмен қыпшақтар мен қалмақтар қоныс аударғаны белгілі.

Ең соңында, Ішкі Азияда пайда болған жаппай миграция және соның нәтижесінен туған қоныс аудару еуразия даласының азиялық бөлігіне ғана ықпал етіп қойған жоқ, еуразия даласының шығыс аймақтарынан естілген оның жаңғырықтары шығысеуропа далаларынан да анық байқалды.

Ерте сақ кезеңінің мәдени қабаттарының қайта құрылуына негіз болған дүмпу – б.д.д. VI ғасырдың екінші ширегі – ортасында Ішкі Азияда орын алған демографиялық жағдайдың ушығуы, оның үстіне көз тіккен аймақтың ауа-райының ұзақ уақыт қолайлы болып тұруы болса керек. Осы жерлерде орын алған күштердің қайта құрылу жағдайы халықтың шығыстан батысқа ағылуына себеп болғанға ұқсайды. Соның нәтижесінде Шығыс Түркістанды және Шығыс Түркістанмен шекаралас, әрі ортақ тарихи-мәдени кеңістікті құрайтын Оңтүстік-Шығыс Қазақстанды мекен еткен көшпелі халықтардың бірең-сараңы осы аймақтардан ығыстырып шығарылды. Олардың бір бөлігі Алтай бөктерлерін бойлай жылжып отырып, Жоғарғы Обь бойына жетіп, сол жерде бұрын большевиченск мәдениетінің өкілдері мекен еткен территорияларға орнығып қалды. Екінші бөлігі Жетісу, Сырдарияның орта және төменгі ағысын бойлай батысқа қарай жылжып Оңтүстік Оралға жетті. Бұл қозғалыс біртіндеп қоныстану сипатында жүрсе керек. Нәтижесінде, Жетісу игерілді, мигранттардың жекелеген топтары Оңтүстік-Шығыс Арал бойының, Оңтүстік Орал бойы мен оралдың арғы жағындағы көшпелі және жартылай көшпелі бірлестіктердің құрамына еніп кетті.

**EARLY NOMADS OF
THE ZHAIYK-IRTYSH
INTERFLUVE IN
VIII-VI CC. BC**

Based on physical, geographical data and archaeological materials, steppes from the eastern spurs of the South Ural mountains and Mugodzhar in the west to the Irtysh valley in the east, from the forest-steppe belt of the Trans-Urals and West Siberia in the north to the Lake Balkhash and the right bank of the rivers Chu and Syr Darya in the south are defined as the Zhayik-Irtysh interfluvium. This vast area can be divided into three large regions - South Trans-Urals, North Kazakhstan and Central Kazakhstan. The border between the South Trans-Urals, on the one hand, North and Central Kazakhstan, on the other, is the Turgay trough with the rivers Turgay and Ubagan, the system of the lakes Sarykopa, Aksuat, Zharman and Kushmurun. The border between North and Central Kazakhstan can be conditionally drawn along the latitudinal stretch of the Ishim River and the Seleta valley. Nomadic communities of these regions throughout the whole period of the existence of nomadism formed a single cultural and economic unity based on a pasture-nomadic system.

The steppes of the Zhayik-Irtysh interfluvium, occupying the middle part of the Great Belt of the steppes, have played the role of the connecting link, the contact zone between the western and eastern parts of the steppe Eurasia at all epochs. The antiquities of the studied territory reflected the dynamics of the interaction of the East and the West, there the traditions were reflected, both originating initially in the West and then spreading to the East, and broadcasting from East to West. The ways of the majority of mass migrations of the nomads from the East to the West ran through the steppes of the Zhayik-Irtysh interfluvium. However, the choice of a specific route by the nomads from East to West - through the steppes between the rivers and Semirechie (Zhetisu) was largely determined by the ethnopolitical situation in the steppes of Zhayik-Irtysh interfluvium, in particular in Central Kazakhstan. A special place in studying the processes of migration and ethnic interactions that took place in antiquity and the Middle Ages in the Eurasian steppes, belongs to the South Trans-Urals. This is due to the fact that any major movement of the nomads from the East of the steppe Eurasia to the West or from the West to the East took place due to the geographical features of the steppe belt, through the South Trans-Urals. In this territory, the fusion of the traditions of East and West introduced by the settlers was carried out, new ethno-cultural entities originated from there, which later played a role in the ancient history of the western part of Eurasia, especially Eastern Europe.

At the same time, the steppes of the Zhayik-Irtysh interfluvium were an integral part of the "oasis-steppe-forest-steppe" system, which includes three main subsystems: the state formations of settled agricultural

societies in Central Asia, nomadic steppe associations, and sedentary and semi-sedimentary formations of the forest steppe. Naturally, each of the named subsystems had its own specifics with its peculiarities and laws of development inherent only in it. However, entering into the system of relations, any of these subsystems somehow had an impact on others and, in turn, experienced the opposite effect. The key link in this system, the link uniting the system, were the nomads of the Zhayik-Irtysh interfluvium.

At present, one of the main tasks of studying the Eurasian steppe antiquities of the Early Iron Age is the transition from the study of individual archaeological cultures and the creation of regional periodizations to the reconstruction of the general picture of cultural and historical processes. Therefore, the purpose of this work is to characterize the ethno-cultural processes that took place in the steppes of Zhayik-Irtysh interfluvium in the VIII-VI centuries BC, to determine the peculiarities of the development of nomadic societies of the South Trans-Urals, North and Central Kazakhstan, their role and place in the history of the steppe and forest-steppe Eurasia.

A few words should be said about the concepts used in the work. Nomadic cattle breeding, or nomadism. From the economic side nomadic cattle breeding (nomadism) can be defined as a special kind of economy, in which the pivotal role is played by extensive mobile cattle breeding, associated with year-round livestock maintenance at the fodder. The whole population or a large part of it is involved in regular periodic migrations within or between certain pasture areas. Despite the fact that under nomadism cattle breeding plays the basis role in economic activity and provides with the main means of subsistence, it does not exclude other activities. There are two main forms of cattle breeding: nomadic and semi-nomadic. Nomadic pastoralism in its pure manifestations is characterized by the lack of agriculture, even as an auxiliary occupation. Semi-nomadic is extensive pastoralism with periodic changes of pastures throughout the whole or most parts of the year, but it is complemented by agriculture as a secondary and auxiliary one, or, as in the North Eurasia, combined with other kinds of economic activity.

The concept "nomadism" includes not only the economic but also social characteristics of society, since nomads constitute social organisms separate from agricultural peoples, and an extensive pastoral cattle breeding basis generates a corresponding social structure and tribal form of social organization.

In different areas of Eurasia nomadic cattle breeding had its own specific features, due, first of all, to the natural conditions of the territory. And this circumstance

should be taken into account when reconstructing the economic activity of nomads of each particular region.

The term "Saka" was first used in early Persian sources meaning the generalized name for nomadic tribes living in the territories of modern Central Asia, regardless of their ethnic or linguistic affiliation. It is used in the same extended sense in this study to name the nomadic tribes of the Asian steppes and foothills. The criterion for assigning a complex to the number of "Saka" is the same set of features by which it would be classified as "Scythian", but with one indispensable limitation - its location in the Asian part of Eurasia. Accordingly, the early stage of the history of nomadic tribes of this vast region, covering the period from the end of IX to the end of the VI cc BC bears the name "early Saka time". In our opinion, the use of this term in both historical studies on nomadic societies in the Asian part of Eurasia and in characterizing the archaeological sites left by them is more justified than the use of the term "early Scythian time".

The similarities between the funeral rite and inventory, which can be traced in the comparative analysis of monuments left by nomads of the VIII-VI cc BC of Central Kazakhstan (Tasmola culture), North Kazakhstan (Ulubai-Tasmola culture) and South Ural (Bobrov-Tasmola culture), allowed us to single out the Tasmola historical and ethnographic community of the early nomads of the Zhayik-Irtysh interfluvium. By the historical and ethnographic communities, any commonality of peoples, distinguished by the principle of the community of their historical destiny, regardless of its taxonomic level is understood. The historical and ethnographic field is, in this approach, a specific expression of such a generality - the totality of several peoples united by a common history. Historical and ethnographic areas, as a rule, cover groups of peoples from a certain territory of at least different origins, but connected among themselves by the commonness of historical destinies, the duration of neighborhood and communication. Thus, the historical-ethnographic community is a community of peoples, the archaeological expression of which is a cultural or historical-cultural community.

At the beginning of the early Iron Age, the areas of the steppes from Zhayik to the Irtysh were occupied by nomadic tribes of the Tasmola historical-ethnographic community, which is an integral part of the vast Saka world. The archaeological expression of this community is the proximity of the burial rite and inventory, which can be traced in the analysis of monuments of the VIII-VI cc BC of the Tasmola culture of Central Kazakhstan, Ulubai-Tasmola, North Kazakhstan and Bobrov-Tasmola South Trans-Ural area.

The Early Saka time in the steppe part of the South Trans-Urals is represented by monuments of two cultural-chronological horizons. The first, the Chiliktean (the second half of the VIII - the first half of the 7th centuries BC) is marked with a few random finds of armament and horse harness. The second, the Arzhan-Kichigin horizon (the second half of the VIIth - the middle of the 6th century BC), characterize the monuments of the Bobrov-Tasmola culture.

The burials of the early nomads of the South Trans Ural area of the Early Saka period (the second half of the VIII - the middle of the 6th centuries BC) are the main or, occasionally, introductory ones to the kurgans of the Bronze Age. Tomb structures - a kurgan or a circular circular pavement - enter burial grounds that include funerary constructions of the Bronze Age and the early Iron Age or only the early Iron Age. Cemeteries of the second type are unsystematic kurgan groups or irregular chains. They are located on the highlands, located on the remnants of the first above-floodplain terraces and on the indigenous banks of rivers, off the shores of lakes.

All the introductory burials are in kurgans with earth mound. The kurgan mound with the main graves of the early Saka period consists of earth, stone or their combinations. In the kurgans with stone-earth embankment, the stone was used to build a shell on the embankment, a pavement above and around the grave pit, a circular pavement under the embankment, rings from vertically placed slabs around the mound. In the kurgan mounds, as a rule in the floors, bones of a horse, a horse and a ram are found. In rare cases, in the mound and underneath it there are traces of fire in the form of fly ash and small fireplaces.

The burials were made in simple ground wells in a rectangular, oval or irregularly rounded shape, sometimes with a niche along the longitudinal or end wall, in pits with a short edge along a long wall or in pits with dromos. It should be noted that large kurgans and burials in burial pits with Saka time dromoses have so far been researched only in the borderlands of the steppe and the forest steppe of the South Trans Ural area. In comparison with the steppe zone of the region, here burials are often found in the faults.

The filling of the pits consisted of earth in which there were small embers and ash, a mixture of earth and stone or just stone. Traces of overlapping of simple grave pits are not found. Entrances to the undercover were closed, evidently, by some wooden structures, the remains of which were noted only once. In one case, a flat wooden covering of the burial chamber and the dromos are fixed. It consisted of logs laid close to each other, probably in two layers. Cases of the absence

of pits were noted, while animal bones, ceramics and things were at the level of the ancient surface.

The position of the buried is as follows: stretched out on the back, hands, usually along the body, sometimes both legs of the deceased were diverted from the axis of the body to the left. In one case, an "attacking" pose is recorded. The orientation of the buried is diverse, but mainly the location of the head in the north-western sector prevails. At the bottom of the wells there are traces of ash-laden undergrowth or organic litter of brown, black or whitish color. As a parting meal, the front or rear leg of the ram, the thoracic part of the horse, was placed in the burial chamber.

The funeral inventory of male burials is represented by armament items (daggers, picks, arrows, quiver hooks), belts. In the women's burials mirrors, stone altars without legs, sets for tattoos can be found.

The gravestones of the early Saka time of Northern Kazakhstan are represented by kurgans with stone, rock-earth or earthen mounds. The central part of many earth kurgans is a gravestone structure, represented by low logs or constructions of volumetric type in the form of a cage or a log house. All log layers are connected with burials on the ancient horizon or continent, and volumetric type of structures were erected on the ancient surface above burials in ground pits. The constructions outside the kurgan are represented by circular round or square in the form moats, fixed mainly around the earth mounds, as well as stone ring fences. The main type of funerary chamber is a simple ground pit of a sub-rectangular or oval shape. Various manifestations of ritual actions associated with fire are recorded (burning or charring of wooden ceilings, piercing or lining with ash of an ancient surface, embers in filling and at the bottom of burial chambers). The position of the buried - stretched out on the back, hands, usually along the body, sometimes both legs of the deceased were diverted from the axis of the body to the right or left. Their orientation is diverse, but the leading position is with the head to the west and northwest. As parting food, the front or rear leg of the ram, its ridge or, occasionally, its head, were put in the funeral chamber. The funeral inventory is represented by armament items (arrowheads, daggers, coins), mirrors, stone altars, knives, amulets. Sometimes a ceramic vessel was placed in the burial chamber.

Most of the early Saka kurgans of Central Kazakhstan are built of stone, much less - from earth or earth and stone. The constructions in the mound and below it are represented by rings from flat-laid slabs or stone pavements. In some cases, along the edge of the kurgan, there is a crepe of large plates framing the mound. Quite often, the earthy or stone-earth mound of the kurgan was covered with a sketch of stone ("stone

shell"). In the large barrows, there are "micro elevations" above the grave pit in the form of a hollow crypt erected from a flagstone, a tree, raw blocks, or a continuous structure of clay and stone. Some yurt-like constructions made of flagstone fastened with clay mortar are known.

Among the constructions outside the kurgan ring ditches, pits formed by a sample of soil for the construction of the mound, rounded stone and rectangular fences, small ring-shaped layers, five- and eight-stone altars were revealed.

Burials were in grave pits or, occasionally, on the ancient surface. The main type of burial chamber is a simple ground pit of an oval or, more rarely, a sub-rectangular shape. Repeatedly, pits with dromos, with shoulders and a lining along a long wall, lined with a stone, with a stone box admitted to their bottom are met. Quite often the pits were covered with three or four stone slabs, less often a stone cast of small slabs and torn stone was built above the grave pit. The entrance to the face was also made by plates.

Large kurgans can be characterized by grave pits with a shallow dromos, which usually extend from the eastern wall of the burial chamber. In some cases, they were blocked with logs and / or slabs, filled with stones. The walls of the dromos are sometimes formed with vertically mounted stone slabs. In a number of cases, one-dimensional masonry passes close to the edges of the grave pit. There are also burials on the horizon inside the wooden pillar structure, from which the rows of pits are fixed.

The position of the buried - stretched out on the back, hands, usually along the body, sometimes both legs of the deceased are diverted from the axis of the body. Their orientation is diverse, but the position of the head of the buried to the north-west, north and west prevails. As parting food, the front or rear leg of the ram, its ridge, scapula, costal part, head or, occasionally, whole carcass, were put in the burial chamber. Horse heads were often put into the grave pit as well. Accompanying inventory is represented by armament items (daggers, arrowheads), typed belts, horse harness, mirrors, stone altars, knives, amulets.

Both in the North and Central Kazakhstan, stone ring fences are known from vertically installed or horizontally laid slabs or large stones without grave pits inside them and any traces of human burial. Objects of horse harness were placed inside the fence or under its stones.

According to their basic parameters, the funeral complexes of the Tasmola community are quite distinct from the monuments that were simultaneously left by the nomads of the adjacent territories - the South Ural, the Aral Sea, East Kazakhstan and the Altai.

Both in the North and Central Kazakhstan there are stone ring fences from vertically installed or horizontally laid slabs or large stones without grave pits inside them and any traces of human burials. Parts of horse harness were placed inside the fence or under its stones.

According to their basic parameters, the funeral complexes of the Tasmola community are quite distinct from the monuments that were simultaneously left by the nomads of the adjacent territories - the South Ural, the Aral Sea, East Kazakhstan and the Altai. At the same time, the funerary monuments of these regions also depict a certain similarity of the cultures of the early nomads from Altai to the Urals. It is represented in the similarity of the elements of the funeral rite, and, mainly, in the vicinity of the funerary inventory. At the heart of this proximity lies, in our opinion, the process of the formation of the early Saka cultures of the steppe Eurasia.

The comparative analysis of funerary monuments of the late II - first half of the I millennium BC of the Zhayik-Irtysh interfluvial steppes leads us to the conclusion that it is impossible that the cultures of the early nomads of the region are originated from the earlier cultures of the late Bronze Age. According to L. Yablonsky, the matter is the emergence of heterogeneous associations of migrant riders on the territory of Central Asia and Kazakhstan, which do not have their own ethnogenetic roots and brought there elements of their own ethnic culture and a new genome that phenotypically includes a complex of Mongoloid craniological characters.

The initial territory of migrations was, in our view, areas of Inner Asia (North and North-Western China and Mongolia). This assumption is currently confirmed not only by archeology, but also by anthropology.

S. I. Rudenko suggested that, perhaps, in the late VIII - early VII cc BC a part of the tribes from the upper reaches of the Irtysh from the Zaisan hollow or the foothills of the Tarbagatay spread to the Altai Mountains and assimilated with the local population. Yu. F. Kiryushin and A.A. Tishkin, summarizing the materials of the Early Saka period of the Central Altai, came to the conclusion that the roots of the Early Saka culture of this region "should be sought in the south-southeast of the Central Altai, in Northwest Mongolia and nearby Altai regions of China. In their opinion, the first penetrations of the early Scythian culture representatives occur, perhaps, already at the end of the 9th century BC. At the beginning of the VIII century BC this phenomenon has acquired a mass character. This synchronization of the ancient population is synchronized with a specific historical event - the collapse of the state Western Zhou in 770 BC under the pressure of nomadic tribes of Central Asia. Developing the previously stated

provisions, A.A. Tishkin proposed the name "biken" for the culture of the Early Saka period of the Mountainous Altai. The chronological framework for the existence of this culture is the end of IX - the second and third quarter of the sixth centuries BC. The initial components of the culture, apparently, were outside the Altai Mountains, as A.A. Tishkin emphasizes, the monuments of the late Bronze Age, with which they could be linked, were not found in the mountains. Having distinguished three stages of its development in the biken culture, A.A. Tishkin believes that the beginning of the Semisart stage (the second half of the VIII - the first half of the 7th centuries BC) is associated with the fall of the Western Zhou dynasty in China in 770 BC, which was the cause of mass migration. However, in our opinion, this process of migration was much wider and encompassed not only the Sayano-Altai, but also the territories to the west of it - Eastern Kazakhstan, Semirechie, the Aral Sea and the steppes of the Zhayik-Irtysh interfluvial.

As it was rightly pointed out by M. A. Itina and L. Ya. Yablonsky, when considered at a high taxonomic level, the hypothesis of the direct and direct origin of local variants of the Saka cultures from Srubny or Andronov, and the Central Asian-Kazakh genesis of the cultures of the Saka circle, proves to be documented. However, at the level of local ethno- and racogenesis, in the narrow- regional sense, the thesis of direct continuity of the population of two epochs no longer seems to be so convincing. We agree with their statement that the consideration of materials at the regional level does not give grounds for talking about the gradualness of the transformation processes in the formation of Saka type cultures. Probably it is not smooth transformation, but the appearance of heterogeneous associations of migrant riders on the territory of Central Asia and Kazakhstan, which did not have their own ethnogenetic roots and introduced there the elements of their own ethnic culture and a new genome that phenotypically includes a complex of Mongoloid craniological features.

The intergroup analysis of craniometric features by the method of the main components of the craniological series of Western Siberia, Altai, Central Asia, Kazakhstan, and Northwestern China of the Bronze Age and the Early Iron Age led T.A. Chikishev to an unexpected result: the morphological complex of Andronov racial type is not noticed in most groups of the Scythian-Saka culture representatives and the Andronov anthropological layer cannot be considered as the initial type for the main massif of the Scythian-Saki population of Central Asia, Kazakhstan, Southern Siberia and Central Asia.

L. Yablonsky also came to the same conclusion, he notes that paleoanthropological materials, when

analyzed at the population level, do not at all indicate a universal "andronoidity" of the physical type of the Saka population of Central Asia and Kazakhstan. He also states that it is in the early Saka period in the territory of Kazakhstan and Central Asia appear populations that bear meso-brachicran with a more or less pronounced Mongoloid admixture of an anthropological complex unknown before in the central steppe area of the classical Andronov culture. The analysis of the archaeological and anthropological material from the Southern Aral Sea region leads L.T. Yablonsky to a number of extremely important, from our point of view, conclusions: "1. The hypothesis of the direct overgrowth of Andronov type cultures into Saka-type cultures is not confirmed either by archaeological or anthropological data when considering it at the level of local ethnogenes. " 2. The Mongoloid mixture is fixed for the first time in the steppe part of Central Asia and Kazakhstan during the development of the Saka type cultures. 3. The change in the nature of the anthropological cover of these territories clearly indicates the migration of the Saka people. The Mongoloid admixture cannot have a western, southern or Caucasian origin. Therefore, the assumption of eastern (in relation to the Aral Sea) ancestral home of the Saka tribes is quite justified... "

The study of a small series of skulls from the burials of the Early Saka period of the South Trans Ural area showed, firstly, that both men and women have a small admixture of Mongoloidity. Secondly, the genesis of the population of this time is not connected with the population of the previous final stage of the Bronze Age. R.M. Yusupov notes that the cranial material of the Savromatian time of the Southern Urals has not revealed direct racogenetic connections of the South Uralian Sauromats with the preceding population of the Bronze Age.

In our opinion, the materials of the funerary monuments of the Late Bronze Age and Early Saka times of the Zhayik-Irtysh interfluvium are fully confirmed by the observations of paleoanthropologists.

In the steppe part of the Southern Trans-Ural, the funeral monuments of the final bronze can be divided into two chronological groups. The vast majority of burials belong to the last centuries of the Bronze Age. Monuments of the early group, of the last centuries of the Bronze Age, are represented by small stone or, mainly, earthen mounds, under the embankment of which discontinuous ring rooves are occasionally traced. Burials in the cultural layer of the settlement and under a rectangular stone fence are known. The burials were made both at the level of the ancient surface or continent, and in shallow grave pits of the sub-rectangular or oval shape. In the first case, these

are secondary graves, where the bones of the deceased are stacked. In the second, the deceased were mostly in a crouched posture on their side or, occasionally, on their backs, head to the south, SSE, SSW, west or east. The overlapping of grave pits with wood or stone slabs is fixed. There is also a burial made based on the ritual of burning in a grave pit. Funeral implements are usually represented by ceramics. Small bronze ornaments, a bone stamp, bronze knives, and a fragment of a small hole are also found. Under the mound on the site sometimes there are coals, ceramics (as whole vessels, and their fragments), bones of domestic animals. The specifics of the late group are determined by the Western orientation and the weak crookedness of the dead, the finds of iron knives and bony arrowheads.

In the North Kazakhstan, the funerary constructions of the Sargarin-Alekseev culture of the Late Bronze Age are represented by small stone fences of round, oval, square or rectangular forms. They are built of plates, folded flat into one or two layers or dug in vertically. Stone pieces are fixed in the middle part of all investigated fences. There were found structures consisting of two or three inscribed rings or rectangles. The second type of gravestones is a stone cast of laid flat plates. Grave pits are small, mostly oval, about a third of the wells had a rectangular shape. Occasionally, the walls of the pits were partially covered with stone. In a number of cases, stone boxes were found in the pits. The dead are buried in a crooked position on their sides, their orientation is unstable - head to the south, east, southwest, west and northwest. The main accompanying inventory is ceramics.

The absence of a genetic connection between the Tasmola culture of Central Kazakhstan and Andronov culture was noted by N.L. Chlenova. According to L.R. Kyzlasov, the representatives of the Tasmola culture are not «the Saka by origin», that is, they are not descendants of the «Andronov» culture. In his opinion, the direct predecessor of the Saka of Kazakhstan is not the Andronov culture, but the «culture of the Bagazy-Dandybai monuments», which he includes into the circle of Karasuk-type cultures. However, M.K. Kadyrbaev noted that «attempts to trace the continuity between the Bagazy-Dandybai culture and the Tasmola culture have not yet led to convincing results.» New research in Central Kazakhstan allowed V.V. Varfolomeyev to divide the funeral constructions of Bagazy-Dandybai culture into two groups. The group I includes burials of the ordinary people or ordinary community members, burials of group II - people of high social rank or ruling nobility. By the beginning of the 21st century, over 130 funeral constructions of Bagazy-Dandybai culture from more than 30 cemeteries have been discovered

in Central Kazakhstan. Only a small part of them, 17 objects, are large and complex constructions known in the literature as mausoleums.

In the monuments of group I, more than half of the burials were made in stone boxes at the level of the continent or the surface of the day. The graves are enclosed by a fence of rectangular or square shape from stone slabs laid flat, sometimes in several layers, or mounted vertically. Stone areas of rectangular forms and oval stone layers with a shallow grave pit in the center are marketed. Almost in a quarter of cases, burials in stone boxes were in the grave pits, inside the rectangular fences. Occasionally there are ground graves in stone fences or without them, covered with stone slabs. In the monuments of the II group (mausoleums) burial places were either at the level of the mainland, or in graves-cysts deep in the mainland, grave-boxes. The group burials are prevalent according to the rite of the corpse, the cremations are single. In both groups, the burial was done in a crooked manner on one side. Occasionally burials are found in the sitting position, with the belly down and legs bent at the position «on the left side,» on the abdomen, on the back with legs bent at the level of the pelvis, and laid in the «on the right side» position. The orientation of the buried is unstable, but dominates the head to the northeast. The orientation of the buried head to the north, east-north-east, south, south-west, west, north-west is noted. The inventory is represented mainly by ceramics.

The discovery of the Dongal burials in the burial ground Kyzyl in stone constructions of two types did not change the situation either. The ground part of the two constructions of the first type is made in the form of a low-lying squarer masonry of large and medium plates in one or two layers. Vertically installed stones and slabs are marked in the corners of the buildings. In the central part of the masonry there is an open, stone-free space above the earth grave pit. Pits oriented along the line Z-B (cenotaph) or C-10, are overlapped by slabs. In the burial pit of the structure 2 the buried one was laid down on its side, his head to the south. The constructions of the second type have the form of rectangular and rounded carelessly made layers from flattened stacked stone slabs. The burial places in them were made in shallow round or square squares or a stone box, covered with slabs. The victims were crouched on their sides, their heads to the south. As in the burials of the second, and in the burials of the first type, a vessel was placed in the head of the buried man.

At present, in the Zhayik-Irtysh interfluvium, a small group of monuments of the transition time to the early Iron Age is distinguished. The location of the burial mounds of this time is very different from most necropolises of

the Bronze Age and close to the «nomadic» model. Virtually all mounds have stone embankments of small size (up to 8 m in diameter). Grave pits are constructed only for putting the body. Almost half of the burials are inlet or longline. The first are made in the mounds of an earlier time, the second are chronologically close. The dominant mode of dealing with the dead is inhumation stretched out on the back often with a slight turn on the side (most often on the left) and slightly bent legs at the knees. Along with inhumation, cremation has been recorded. The orientation of the head in the western sector may have some deviations, but the facial area is almost always turned to the north. The overwhelming majority of the buried belong to the adults. The inventory is extremely poor: an iron knife with a curved whisk, bone socketed arrowheads, a stone tip of a dart, a bone hack and an astragalus. From the additional ceremonial features, it is worth mentioning a minimum of three cases of detection of bones of sheep and ash. We should pay attention to such a feature of ritualism as the absence of ceramic dishes, which brings this group closer to the burials of the early nomads of the VIII-VII centuries BC of the same region.

In our opinion, the monuments of the first stage of the Tasmola culture with the funeral traditions of the previous period can be connected with stone rings or rectangular fences at the base of the burial mound, facing the walls of the grave pit with stone slabs, burials on the horizon and in stone boxes. However, stone rings or rectangular fences at the base of the kurgan embankment are widespread not only territorially, but also chronologically.

The discovery of the dromos graves in the elite burial kurgans of the Early Saxon time allowed some researchers to link them to the funerary structures of the upper nobility of the late Bronze Age, the mausoleums of the Begazy-Dandybai culture. However, in our opinion, this comparison is purely external: a few land mausoleums with a corridor-shaped entrance are compared with dromos grave pits. Moreover, the form of grave holes in the plan is very different from the shape of the mausoleums, not to mention the difference between their constructions. In addition to Central Kazakhstan, dromos are known in the burial structures of the Saka time of Semirechie (Zhetisu), Aral Sea, Altai, Tarbagatay, they are also available in the South Trans Ural area. According to A.Z. Beysenov, it is a common feature of the burial rite of the Early Saxon population of the east of the steppe Eurasia, which dates back to the late Bronze Age. But, nevertheless, he concludes that for the Saka era of Kazakhstan dromos should be considered local traditions, without substantiating this statement at all.

In our opinion, all the above data fully confirm the conclusion made by K.A. Akishev saying that there are changes not only in material culture, but also in the funeral rite in Central Kazakhstan - the deceased are put on the back, the head mainly to the north or northwest, sometimes to the east and west. These changes were completely unexpected in the 8th-7th centuries BC. They, from his point of view, «can only be explained by penetration or invasion and confusion with the descendants of the Andronov culture in the 9th-17th centuries BC or other new ethnic groups. The new ethnos could have a dual origin: the eastern, perhaps Protogun (the northern orientation, bronze bells, the shape of the vessels), and the western, Sauromatian ... «. At the same time, Semirechie (Zhetysu) and the Aral Sea area, in his opinion, are the only regions in the Saka world where the archaic features of the past Bronze Age in material culture have been most persistently preserved (burial rite, planning of supermodels, shape of narrow-necked vessels, types of bronze implements and weapons). K.A. Akishev outlined two main ways of infiltration or tribe migration from east to west and from west to east. The first passed through Altai, East, Central and Western Kazakhstan, the second through Xinjiang, Central Tien Shan and Pamir.

In our opinion, the proximity of the monuments of Central Kazakhstan, the northwestern foothills of the Altai, East Kazakhstan, the Dzungar Depression and Northern China is based on common ways of settling in the second half - the end of the VIII century BC. Related groups of the nomads from the regions of Inner Asia - through the Dzungar Gate and the Black Irtysh Valley, along the foothills of the Altai to Central and Northern Kazakhstan and further to the steppes of the South Trans Ural area .

Common to all groups of settlers from Inner Asia, who inhabited in the space from the northwestern foothills of the Altai to the eastern spurs of the Ural range, was the extensive use of stone for the erection of extragalous structures - circular or rectangular layers and fences, stone shells above the earth embankment, stone sketches, and etc. The position of the deceased was the same, they were put stretched out on the back with a variety of orientations, but mainly in the northern or western sector, and also in funeral-memorial rituals of ceramic vessels at prohibition of placement of entire vessels close to the deceased. Probably, the heterogeneous composition of the settlers caused a variety of funeral structures- a simple ground pit (the main type of burial chamber), a stone box, a grave pit with a pile, a grave pit with dromos for elite burials, and others. However, in respect of sacred space graves there were obviously two pronounced tradition.

According to the first, the tomb was intended not only for the person but also for his horse. Hence, the room of the deceased who has died in the Central Kazakhstan, is accompanied by a «model» of the bridled horse- in the form of skulls with harness and hoofs, or its «symbol» - bridle set. According to another tradition, not only the grave pit, but somehow the allocated site under the kurgan intended to be used only for humans.

In the North Kazakhstan and the South Trans-Ural and, probably, in the Alakul hollow, the second tradition of burial was more common- burial in a soil pit of various constructions, including those with a fault, without accompanying burial of the horse, its «mock-up» or «symbol». In Central Kazakhstan, both traditions coexisted. There are known funerary constructions of various types, where only a person is buried; but in the same buildings, with the exception of grave pits with weakening, his horse, represented by a «mock-up» or «symbol» (a bridle set), was also placed with the man. The coexistence of both traditions is typical for the Aral Sea area.

As in Central Kazakhstan, both noted traditions coexist in the northwestern foothills of the Altai and adjacent areas of East Kazakhstan. But, unlike the South Trans Ural area and Central Kazakhstan, it is allowed to bury a person with a horse in one sacral space of a sepulchral pit with weakening. And most often into the entrance pit a horse is placed, not its «mock» or «symbol.» However, the horse is fenced off from the person by the mortgage of the scam. The tradition of placing a horse, but in a separate funerary chamber, is well expressed in the Altai Mountains. Therefore, the presence of a horse in grave pits or in individual burial chambers in the monuments of the northwestern foothills of the Altai is, in our opinion, is an evidence of the impact of the Altai tribes on the population of the foothills.

The movement of nomadic tribes from Inner Asia took place, probably in several stages, it had a different intensity and was sent to different regions. With the first wave of migrations in the IX. BC, obviously, the settlement of nomads in Tuva and Minusinsk Basin, which leads to the final development of the Saka-type cultures here. At the end of IX c. BC separate groups of migrants of the first wave settled down in mountainous regions of Altai. The migration to this region became more widespread in the early VIII century BC. From that time, the development of the steppes of Central Kazakhstan also begins.

Apparently, the first wave of Central Asian innovations is associated with this migration, which led to the formation of the Early Scythian culture of the first stage in the Northern Black Sea Coast and the

Caucasus, which appeared there no later than the middle of the 8th century BC. The result of the innovations of this wave was the spreading of bone plate-like three-horned psalms in the Northern Black Sea region and in the Caucasus, with images of the animal's head at one end and hoofs on the other, bronze rod-shaped three-sprung muff beetles, stinging tips, stinging tips and an additional hole, animal style, bimetallic bitters, Beshtau type boilers, some types of bronze double-bladed arrowheads, etc.

The second, more massive, wave of migration occurred, obviously, in the second half of the VIII century BC or at the turn of the VIII-VII centuries BC. It covered vast territories and probably passed in two ways. One group of nomads passed through the Dzungar Gates, Alakol Basin, Semirechie (Jetis) and South Kazakhstan and reached the lower reaches of the Syr Darya and the Amudarya. The second migration route passed through East Kazakhstan, the northwestern foothills of Altai to Central and Northern Kazakhstan and the South Trans Ural area. Certain groups of migrants of this wave penetrated, apparently, into the regions of the Altai Mountains.

The composition of migrants was, in all probability, very heterogeneous. Perhaps the first wave of immigrants were, basically, the representatives of the tradition of «corrupted burials.» The second wave covered mainly representatives of the tradition of «extended burials».

The mixing of migrants with the local population, which had its own regional peculiarities in funeral rituals, led to the development of the peculiarities of the period of the Early Saka culture of this or that region. Thus, the peculiarities of the funeral rite of the population of this time of Gorny Altai are due, probably, to the mixing of the first wave migrants from Northwest Mongolia and Northern China and the settlers from the plains to the north of the Altai.

Penetration of the representatives of the second wave of migrants into the mountainous regions of Altai resulted in the appearance of burials there on the back at relatively late stages of the existence of the culture of the Early Saka period. The mixing of the traditions of funeral rites of aborigines and migrants and the development of the funeral rites of the population of the early Saxon period of the South-Eastern Aral Sea on this basis was well shown in M.A. Itina and L.T. Yablonsky's work. A.S. Yermolaeva also allows the coexistence and mutual influence of the representatives of the Bronze Age and the early Iron Age cultures in Eastern Kazakhstan for a short period of time. A similar situation is recorded in the south of Kulunda.

In the Northern and Central Kazakhstan, the ecological crisis of the last third of the II - beginning of

the 1st millennium BC caused the outflow of a significant part of its population to neighboring regions, particularly to the forest-steppe regions of Western Siberia, to the Upper Irtysh region and the western foothills of the Altai, and also, probably, further to the east, to the territory of the Sayan-Altai and the Khakasso-Minusinsk Basin. The traditions introduced by them have become one of the main components in the development of the cultures of the early Saka period.

The remaining population is mainly in the area of mountain ranges of Northern and Central Kazakhstan - Kokshetau, Karkaralinsk, Bayanaul, Kent, Ulutau and others. These groups were able to adapt to the new conditions, having transferred to the economy based on various forms of specialized cattle breeding. Farming was practiced where it was possible. The extraction and processing of copper remained, however, in less significant quantities. With this autochthonous population it is possible to connect the inhabitants of the settlements, which in their mass are represented by small winter villages consisting of two or three buildings under certain topographical conditions.

It should be noted that the study of settlements is a new direction in the archeology of the early Iron Age of Northern and Central Kazakhstan, which appeared only at the beginning of the 21st century. Nevertheless, by the present time certain stable ideas about this type of monuments have already been accepted.

During the works in 2001 of the Saryarka archaeological expedition of the Institute of Archeology of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan in the Karkaraly district of the Karaganda region, certain settlements were identified that differed sharply from the settlements of the Bronze Age in terms of planning, area, stratigraphy, and construction techniques. They were located in other topographical conditions, rather than settlements of the Bronze Age, including its final stage. Further work on the territory of the Eastern Saryarka significantly increased the number of such monuments, including those investigated by excavations.

These settlements are far from the river valleys, they are on the high eastern and southeastern slopes of mountain ridges and separately rising large rocks, in peculiar narrow niches covered by surrounding hills. Open to the valleys, they are tied to small springs draining from the mountains. According to the location of the settlement, they tend to gravitate toward the locations of the Kazakh wintering grounds of the 19th and early 20th centuries. Some of them were used secondarily by the Kazakhs of the specified period for wintering. The selected group of settlements (there are at least 50 of them opened in the eastern part of Central

Kazakhstan in the autumn of 2015, half of them are located in the area of Mount Yedirei) is characterized by a manor, bored planning when the residential part of the house and outbuildings form a single system. Most of the settlements are represented by only a few buildings, although they are quite large in area.

Identified dwellings of different shapes have stone walls. Thanks to the use of stone and their planning features, the settlements give the impression of a structure of later time, in particular, they are very similar to the destroyed Kazakh winter settlements. Moreover, the technique that the ancient inhabitants used when building the walls, existed among the Kazakhs living in this territory, up to the 50-ies of the XX century. In the settlement Taldysay clay platforms are opened, used, most likely, for setting light portable dwellings such as yurts.

The cultural layer of the settlements is insignificant in power and rather poor. Findings are few and they are mainly represented by pottery, stone implements and animal bones. Pottery and jar forms are almost without ornamentation. Vessels with spouts and sinks, pens, ears, small cups are found. The main ornament consists of a number of "pearls", deep pits, impressions, which are located under the whisk. Corollas are decorated variously: flattened, rounded, mushroom-shaped, with cornice, thickened, grooved.

Among the tools, hoes and hoe-shaped objects prevail, numerous grain-scrappers, chimneys, therocs, plate-plates, scrapers, bumpers, discs, rubies, etc. are found. Metal objects are represented by a bronze knife, iron bits, bronze crotch buckle.

Newly identified settlements were attributed to the beginning of the early Iron Age. The basis for this, in addition to the topographic features of the settlements, was ceramics. According to A.Z. Beisenov, despite the cardinal difference from the ceramics of the settlements of the final bronze of Central Kazakhstan, some general similarity to it in ornamentation, the shape of the neck and corolla have still remained. The author of the excavations stressed that a few ceramics of newly discovered settlements only have a common resemblance to ceramics from settlements of the final bronze of Central and Eastern Kazakhstan. Later, to the grounds for such dating, external features of construction equipment were added, obtained from pits and excavations, data of stratigraphy, layout of dwellings and clothing inventory, although without listing the data. According to A.Z. Beisenov, comparing the dishes found on them with the ceramic complexes of the settlements of this time of Northern Kazakhstan and Altai is in favor of assigning the identified monuments to

the early Iron Age. The proximity of ceramics of some monuments of the Volga region was also noted.

Studied in 1999-2001 in the Akmola region (North Kazakhstan), the settlements Tasorka and Tasorka 1 are similar in their location, planning, and construction of dwellings, power, saturation and cultural layer content to those of Central Kazakhstan. The finds are represented by a bronze single-edged knife, a bronze three-blade petioled arrowhead, hoes, a pot, pestles and other tools made of stone, as well as fragments of pottery, ornamented pits and "pearls". The dating of the settlements by the Early Saka era (VIII-VI centuries BC) is based on analogies with bronze articles. Ceramics in form, technique of manufacture and ornamentation finds direct analogies in the materials of the settlement Kenotkel X, which allows, as M.Kh. Khabdulina believes, to unite all three settlements into one cultural-chronological group. According to her this group can include some settlements of Central Kazakhstan, studied by A. Kh. Margulan and A.Z. Beisenov. The idea was supported by A.Z. Beisenov and V. G. Loman, who noted that the settlement monuments of Central Kazakhstan apparently belong to one-cultural with a group of settlements of the Early Saka period in the territory of the Akmola region. They also included settlements of the Early Iron Age containing similar material, discovered in the Altai into the same group. In their article published in 2007, for the first time the settlements of Central Kazakhstan were assigned to the circle of monuments of the Early Saka time with the estimated date of the 7th-5th centuries BC. Later, on the basis of the features of ceramic complexes, the dating of the excavated settlements in the framework of VII-VI (VII-V) centuries was proposed BC. Radiocarbon dating of bone samples from the homes of a number of settlements showed a time interval within the mid-VIII-V cc. BC. However, the bronze petiolate arrowhead, knife, and crotch buckle found in the north- and central-Kazakhstani settlements date back to the 7th-6th ccc BC or VII-V cc. BC. Therefore, the issue of the VIII century BC in relation to the settlements remains open.

M.V. Bedelbaeva and V.V. Varfolomeev drew attention to the fact that settlements of the early Iron Age with pottery of hole-pearl-shaped ornamentation typical of the settlements of Central Kazakhstan occupy a rather wide territory, including the Northern and Eastern Saryarka, the Irtysh and the steppe Altai. Having considered the taxonomic rank of the aggregate of these settlements and their correlation with the complexes of the final bronze and Tasmola culture, they considered it expedient to single out a special cultural and chronological version of the Khenokkel type of monuments. In their opinion, it is likely that a

group of kenotkel-type settlements will eventually form the main contingent of a special archaeological culture (kenotkel?) As the source base expands.

A.Z. Beisenov having analyzed the ceramics of the early Iron Age settlements from the Karkaraly region, came to the conclusion that it differs quite clearly from the dishes of the Dongal time (the final stage of the Bronze Age). At the same time, A.Z. Beisenov and his co-authors emphasize that in its peculiarities (the shape of the vessels, the features of the coronets, the ornamentation), the pottery of the settlements seems to be genetically traced back to the Dongal pottery, and in its origin this ceramics is associated with the previous culture of the Dongal time. M.K. Khabdulina, who points out that kenotkel-tasory ceramics, despite its difference from the Dongal ceramics, also shares a similar viewpoint concerning common genetic relationship with it. Nevertheless, M.V. Bedelbayeva and V.V. Varfolomeyev, having allocated monuments of the kenotkel type, ascertained the problem of the origin of the culture of these settlements. In their opinion, pit-pearl-shaped ceramics is the only thing that connects the settlements of the kenotkel type with the monuments of the Dongal stage of the Bronze Age of Saryarka. In this regard, the problem of searching for monuments of a transitional type, arises without solving which the hypothesis of the genetic connection of the latest complexes of the Bronze Age and the earliest Iron Age remains problematic.

A.Z. Beisenov and V. G. Loman referred the settlement of Yedirei-2 to the monuments of the transitional appearance, the dishes of which are genetically related to the Dongal and the Early Saka cultural and chronological layers. The ceramics of this monument "draws" them with the ceramic complexes of the settlements of Central Kazakhstan, referred earlier to the Early Saka on the above-mentioned grounds. The bronze nail-like awl from this settlement "obviously gravitates towards the early Iron Age", since similar products are found on many monuments of the early Iron Age of Western Siberia. In general, the materials of the settlement Yedirei-2, which, in their opinion, is a monument of Late Dingle time of the VIII-VII centuries. BC can be characterized by a combination in the ceramics of the Dongal-Early Ska features, that make it possible to link the Early Saka settlements with the monuments of the Dongal transitional stage and to ascertain the fact of participation in the composition of the culture of the Saka tribes of Central Kazakhstan by the Dongal population.

According to A.Z. Beisenov and his co-authors, the settlements of the early Iron Age were probably winter settlements by their nature. M.K. Khabdulina divides the

settlements of the steppe zone of Northern and Central Kazakhstan into two groups: large settlements and small settlements. "The existence of settlements with capital and labor-intensive construction of buildings - evidence of their year-round and stationary use. The presence of sedentary monuments of the second type - small campsites located in mountain and small-hill valleys, attests to the seasonal character of transhumance cattle breeding. " The existence of elements of sedentary residence among the population at the very beginning of the early Iron Age is also accepted by other researchers.

The composition of the inventory (stone hoes, kayla, therochics) of the Early Saka settlements indicates, in M.K. Khabdulina's opinion, the fact that the inhabitants were mainly occupied by mining production, although some of these tools could also be used in agriculture. M.V. Bedelbayeva considers settlement Kenotkel X. as a settlement of miners-craftsmen, on which the initial technological stage of multistage metallurgical production could be carried out.

V.G. Loman and A.Z. Beisenov believe that the numerous finds of hoes and grain growers make it possible to raise the question of the existence of a special form of farming among the population that functioned around the winter settlements. It is likely that the agriculture was of the nature of a floodplain hoe and it was similar to the form that existed in the Kazakh tradition of Central Kazakhstan in XIX - early XX century. They note that this form of farming functioned exclusively in the orbit of the wintering space: small crops of wheat, millet, barley were arranged near the winter settlements, work on the care of crops was assigned to a group of relatives (harvesters) who had no cattle, cleaning took place after the return of elders from the summer settlement.

In the opinion of the author of this study, the settlements of the Early Saka time, discovered in the North and Central Kazakhstan, belong to a very small local autochthonous population, which continued the traditions of the Late Bronze Age. It occupied a definite ecological niche and co-existed with nomadic tribes that came from Inner Asia, who had a different type of economy and occupied a different ecological niche.

The arrival in the first quarter of I millennium BC of new groups of people from Inner Asia led to the temporary coexistence in the territory of North and Central Kazakhstan of two closely connected groups of the population - "autochthons", heirs of the Bronze Age foundations, and "migrants", the representatives of traditions that were dominant throughout the subsequent centuries. At the initial stage, this coexistence determined the appearance of monuments of a "transitional" type, combining both traditions. In

the future, despite close interaction, the use of various ecological niches inside the steppe “autochthonous” and “migrants” contributed to the continued preservation of the traditions of the local population in material culture, including the architecture of residential buildings and ceramic production. Therefore, the genetic connection of the ceramic complex, obtained from the winter settlements, with the ceramics of the Dongal-type of the final stage of the Bronze Age, and through it with the late bronze cylinder ceramics of Central Kazakhstan, is traced. And the architecture of residential structures of winter settlements repeats the construction traditions of the late Bronze Age of Central Kazakhstan. However, the indigenous population probably could not have a significant impact on the funeral rites of the newcomers. Therefore, there seems to be almost no continuity in the funeral rites of the Late Bronze Age and Early Saka time of these territories. At the same time, the arrival of the new population caused radical transformations of the spiritual culture of “autochthonous” population, led to the perception of new, early Saka traditions.

The migrants who occupied the Kazakh steppes used, above all, the skills of the local population in cattle breeding and metallurgy. The development of copper mines continues, metallurgy and metalworking are improved, as evidenced by the similarity of ligature and foundry operations from late bronze to the early Saka times. The presence of its own metallurgical base in many respects determined in the future the leading role of the “Tasmola population” in the steppes of the Zhayik-Irtysh interfluvium in the early Saka period.

The skills of using a stone for building dwellings in winter settlements, no doubt, were used in the construction of the elite early Tasmola kurgans.

The participation of the local population in the formation of the anthropological type of nomadic societies of Central Kazakhstan and the South Trans Ural area is confirmed, to some extent, by anthropological data. Thus, E.P. Kitov and A.A. Khokhlov consider the possibility of biological contacts of newcomers from Inner Asia with the local population who left the monuments of Begazy-Dandybai type. The analysis of the craniological series of the Savromat time from the Orsk region made by A.A. Khokhlov and S. Yu. Friesen led to the conclusion that its main anthropological component is probably genetically related to the andronoid steppe populations of the Bronze Age. On the other hand, the craniological series of the same time from the South Urals burial ground Almuhametov shows that its main anthropological component is not of local origin.

Almost the same conclusions were made by I.V. Piankov. Noting the “matriachality” and a number of other peculiarities of the culture of the “Eastern Scythian

people: the Savromats, the Saka tribes, the Massagets and the Issedons,” he concludes that these features can be explained by the spread of some ethnic superstate: the initial impulse was probably received in the heart of Central Asia, Ordos and adjacent areas, and was committed during the first centuries BC probably in several waves, one of which reached in the VII century BC Azov and Ciscaucasia. The previous segment of the population was, in most cases, not numerous and quickly dissolved in the local ethnic environment, but left behind a number of specific cultural features.

As it was already noted, the initial territories of migration of the first millennium BC were probably areas of Inner Asia (North and North-Western China and Mongolia). In favor of the mentioned above assumption is the data from archeology and anthropology. Thus, the position of the deceased: stretched out on the back is common for various cultures of Northern China starting from the developed Neolithic age. The position of the buried: stretched out on the back, the head most often in the east, is typical for the culture of the tiled graves of the Late Bronze Age and the Early Iron Age of Transbaikal, Central and Eastern Mongolia, and parts of Northern China. Sometimes a model of the horse - a head with a skin and hoofs - was put into the grave pit. The burials with the deceased stretched out on the back, the head to the east are also characteristic of monuments of the palatial type of Transbaikal. Quite often grave pits in them contained skulls of animals, including horses. The funerary inventory of “tilers” includes weapons and accessories of horse harness. According to the anthropological type, the population of the culture of tiled graves was the Mongoloids. Burials stretched on the back with the head to the east are also researched in the trapezoidal “Sherex” of the Central Mongol type of the late Bronze Age.

On the territories close to Kazakhstan, the position of the deceased is stretched out on the back, the head to the north or west is recorded in the burials of the Bronze Age (XV-VIII, XIII-VIII or X-VIII centuries BC) of the burial ground Kayermutsi in Northern Xinjiang. In the Gumugou burial ground in the eastern part of the Tarim basin (the first half of the 2nd millennium BC) most of the burials are solitary, in an extended position on the back, the head is oriented to the east. Buried in Gumugou belonged to the proto-European anthropological type. The mummies of people buried on the back found at the Tieban River in Xinjiang belong to the same time. In the Zhukaigou burial ground (Ordos, middle of the 2nd millennium BC), burials were made in simple ground holes with a predominant orientation to the north-west. Single burials in them were in a stretched position on the back. In paired burials, a man lies in a stretched

position on his back, a woman in a crooked position on her side, facing the man.

Burials in catacombs are typical for different cultures of North and North-Western China since the Bronze Age and even the final Neolithic Age. The peculiarity of the cultures of the early Iron Age Yanglan and Sha-ching in the north-western province of Gansu is a significant number of graves in grave pits. One of the ways to lay the dead was to stretch their position on their backs, head to the north or east. As noted by P.I. Shulga, the territory of the Gansu and Qinghai provinces among Chinese researchers is traditionally considered the “homeland” of the blunders, where they occur from the Neolithic period.

It should be pointed out that for the Bronze Age of the Zhayik-Irtysh interfluvium such burials are unknown, as well as the position of the buried on the back.

In the east of Xinjiang in the burial ground Yanblaq, the reference monument of the eponymous culture, dating from the radiocarbon period 1200-550 BC along with the prevailing number of burials with the deceased put on the side, there are some burials with the deceased stretching on the back. Funeral tools in addition to products made of ceramics, bone, stone include numerous items of bronze and iron, including knives, arrowheads, mirrors with a central loop. The anthropological analysis of a series of skulls of this cemetery showed that the majority of skulls belong to the Mongoloids, close in their morphological features to the modern inhabitants of eastern Tibet, and only eight specimen turned out to be Caucasoid, close to the skulls of Gumugou. At the early stage of the burial ground, the Caucasoids are relatively few. According to Yu. S. Khudyakov and S. A. Komissarov, it is most likely that the mass penetration of the Mongoloids into the Western Region began with the Yanblak culture.

The burial ground Upa (Ubao) from the same area similar in burial rite and ceramics, but somewhat earlier in time (about 1200 BC), there were both the Caucasoids and the Mongoloids among the buried, with the Mongoloids predominating. The mixture of Caucasoid and Mongoloid traits is also fixed in the anthropological materials of the Hanzigou burial ground, which dates back to the second half of the Chunqiu period (late VII - beginning of the 5th century BC) and represents a later version of the Yanblak culture.

In the southern foothills of the Central Tien Shan, a culture of the Scythian epoch, dating back to its early stages both in terms of inventory characteristics and radiocarbon dates, represented by the Chauhu and Qunbake burial grounds, was revealed. The received radiocarbon dates determine the interval of its existence within the period of 1000-500 BC and the half of the

burials in the marked cemeteries refers to the early period. In the burial ground Chauhu, on the surface of the burial, they were marked, as a rule, by stone embankments, lay-outs or fences, under which there were from one to several tombs.

The grave pits, which were covered with stone slabs or wooden plaques, often had a short and shallow dromos, and burials were often group secondary. Among the methods of burial, two stand out: crooked on their sides, head to the northwest and stretched out on their backs head to the west with deviations to the north or south. The graves of adults were often accompanied by child burials and sacrificial holes with skulls of horses, bulls, camels or skeletons of dogs. The funeral inventory is represented by ceramics, iron and bronze articles - knives, bits, including stapes with an additional hole, clips, mirrors with a loop in the center of the back, arrowheads, objects decorated in «Scythian» animal style, etc.

The Tsunbake burial ground (Chunbak) belongs to one of the variants of the Chauhu culture as well. The surface of the burial was marked with stone embankments, under which were located one or several grave pits, covered with wooden plaques. There are also grave pits with short dromos. In a few cases, a chamber with a corridor was erected from logs on the day surface, after which an earth burial mound was poured over it. The grave was covered with stone slabs or wooden plaques. The bottom of the pits could be lined with poles or mats from the grass. Group secondary graves predominate; bones and wooden structures, as a rule, are strongly burned. Near the graves there were sacrificial pits with bones (mostly skulls) of horses and camels. Burials were also found where the dead were laid on their backs with their legs bent upwards, head north or northwest, or crookedly on their sides. The funeral inventory is represented, in addition to ceramics, with various products made of bronze, iron, wood and bone. Among the bronze items are the bits with staggered ends, including those with additional holes, three-lobed petiolate arrowheads, a mirror in the form of a flat disc without a handle or with a long side handle that has an hole at the end.

In the burial grounds Yanghai 1 and 2 (Xinjiang), burials occurred in simple ground pits, pits with a ledge along one of the walls or pits with shoulder straps. The deceased were placed directly on the bottom of the pit or on special wooden beds crookedly on their sides, stretched out on their backs or on their backs with knees bent at the knees, their head mostly to the southeast. Burials are single, paired and tiered. Together with the deceased, parts of carcasses were placed in the grave, most often heads of small and large cattle. Among the

funerary implements are painted ceramic vessels of various types, wooden containers and large dishes, bone combs, bronze knives, trimmings, armament and harness, tools for obtaining fire and so on. Of particular interest are knives, bits and pendants, wooden containers with images of animals in animal style. Both burial grounds are preliminarily referred to the period of 2000-1000 BC by Chinese archaeologists. P.I. Shulga, believes that burials in these burial grounds were made in the VIII-III centuries BC.

The position of the buried "stretched on the back" head to the west is distinguished, with the prevalence of burials in the position "on the side", in the burial ground Kizil (Xinjiang), attributed to 1000-600 BC. There are also ring or sub-rectangular fences around the grave pits, built of horizontally laid stones. The kurgan was occasionally filled with a ring fence from flattened stones or partially covered with a stone shell.

The simple ground pits of the burial ground Lushui on the southern outskirts of the Takla-Makan desert in the foothills of the Kunlun Ridge (Xinjiang) in most cases contained the remains of several people buried layer by layer one above the other. According to a series of calibrated radiocarbon dates, the cemetery dates from the period 910-770 BC. The dead were placed on their backs with their legs bent at the knees, their head to the east. On the surface, the burial places were marked with concentric walls, built of large boulders, or with stone outlines. On the east side, a circle of smaller diameter, usually containing ash and charred remains of animals, usually adjoined a large circle. The funeral inventory is represented by flat-bottomed and round-bottomed ceramic vessels with carved and combed ornamentation, bronze double-bladed socketed arrowheads, knives, donkeys, bronze mirrors, bronze and gold ornaments (earrings, bracelets). In general, it should be noted that Northern China is part of the Central Plain and its so-called northern border belt from the Gansu province in the west to the river. Liaohé (Manchuria) in the east is almost the only region in the eastern part of Eurasia, where one can trace the continuous development of horse equipment from the 11th to the 5th centuries BC.

According to Yu. F. Kiryushina and A.A. Tishkina, the tradition of making mirrors with a rim and a central handle-loop first came to the Altai and Kazakhstan in the 7th-16th centuries BC from China, where it was first mentioned in the VIII-VII centuries BC and then spread further. G.N. Kurochkin having a similar point of view, points out the appearance of mirrors with a looped handle in the north of China from the XIII-XII centuries BC in the monuments of Western Zhou (late XI - early VIII centuries BC), such mirrors sometimes have a rim. In his opinion it is possible to directly compare the

earliest mirrors with the rim and the central handle-loop from Altai with Chou mirrors.

A.A. Kovalev points out the appearance of images of coiled and lying panthers, deer "on tiptoes," wild boars, heads of a bird of prey in a typical Scythian-Siberian animal style, as well as mirrors with a rim in the monuments of the Nanshangen type in North China as early as the 9th-8th centuries BC. S. Bogdanov draws attention to the fact that to the north of the Great Wall of China there is a whole group of small plastic art objects that can rightly be called the early examples of the Scythian-Siberian animal style and date them as well within the IX-VIII centuries BC. This group includes weapons, sewing plaques and plates with images of coiled and lying panthers, tiptoes, wild boars, heads of predatory birds in Nanshangen-type monuments, a bronze mirror depicting a curled wolf-like predator. This includes jade pendants in the form of deer (random findings in North China), a bronze tube from the collection of I.G. Anderson (Ordos).

At the present time, there are also sufficient grounds for the idea that the image of a predator curled into a ring is formed in the territory of Inner Asia on the basis of Chinese zoomorphic ring-shaped compositions. Bronze mirrors with a "border" and a handle in the form of a loop in the center of the disk with engraved images of the curled animals originate from Xinjiang. The panther, curled into a ring, is also depicted on a mirror with a long side handle from Izmailovka in East Kazakhstan. From the Inner Asia, the motif of a curled predator penetrates into the more western regions of Eurasia.

In our opinion today the most acceptable theory is the emergence and genesis of Scythian animal art in the steppes of Eurasia. It was outlined in the work of G.N. Kurochkin. He represents this development as a series of successive stages. At the first, Central Asian stage, the main core of those images that are pivotal for the entire Scythian world was formed. These are the stories: a boar "on tiptoe" or in a "sudden stop" position, standing "on the pointe", or "flying" deer, curled in a ring or fallen to the ground of a panther. The next stage is characterized by the distribution of the indicated plots from Altai to the Urals. The subsequent stages in the development of Scythian animal art are associated with the appearance of Scythians in Southeast Europe, their stay in the Near East and the development of the Northern Black Sea region after the return from the Asiatic campaigns.

According to M.V. Gorelik, the formation of a classic Eurasian coinage occurred, most likely, in Southern Siberia or in Ordos. The volumetric image of the bird's head under the blade, the curved beak, forming the ring for suspension testify to its eastern origin. Considering

the origin of the Aldy-Belsky chisels N. Yu. Smirnov singled out two cultural traditions. One of them is oriented to Northwest China and Mongolia, the second, somewhat later, to the Sayan-Altai region. They are both genetically related to the tradition of the Chinese yarn weapons of the melee Yin era. Prototypes of the Sayan-Altai chisels themselves, in his opinion, should be looked for in the traditions of China and its immediate "barbaric" environment.

Some very interesting materials were obtained by the Chinese archaeologists during the excavation of the burial ground Shankunlin - the "state cemetery" of the Go homeland (North Go), which functioned during the reign of Xuan-wang (827-782 BC). Among the numerous funerary implements here are products of "northern origin" - bronze mirrors, armor plates and, the belt, recruited from gold plaques, should be mentioned as well. As S.A. Komissarov points out, the belt is a unique phenomenon for China, whereas in a later era it is widely represented among the peoples of the northern steppe zone.

The most reasonable at the present time, according to A.I. Ivanchik, is the hypothesis about the origin of cast bronze helmets of the "Kuban" type from North China. Finds of very close specimens are known here in the era of Western Zhou, and they are associated with nomadic ethnoses inhabiting the north of the ancient Chinese lands. In our opinion, K.V. Chugunov's view saying that arrows with petiolate embouchment appeared in China of the Western Zhou which was inhabited by the nomadic tribes in its the southern regions of the steppe zone, is fair. However, bronze two-bladed petioled arrowheads are known in China already in the Late Yin period.

According to S.S. Tur craniological materials of Altai indicate the extreme morphological and, accordingly, genetic heterogeneity of the Early Scythian population of the Altai. In the craniological series of this period, Mongoloid and Europeoide complexes of characters are distinguished, as well as Caucasoid-Mongoloid types of mixed origin.

Considering the Scythian-Saka population, V.P. Alekseev singled out in his composition a special racial variant, represented in the Syr Darya, in East Kazakhstan and in the Altai. This option, in his opinion, is similar to the modern South Siberian race, which has a mixed origin and formed on a vast territory from Mongolia in the east to Kazakhstan in the west, beginning with the era of the late bronze iron. The penetration of the Mongoloid elements into the Syr Darya basin, East Kazakhstan and the Altai mountains took place, in his opinion, from Central Asia. In addition, V.P. Alekseev noted that, based on paleoanthropological data, one can speak in

favor of the point of view of those researchers who see many features of Central Asian origin in the culture of the Saka tribes of Kazakhstan and Altai.

Summing up the anthropological studies of the early Saka population of the Southern Aral Sea region and speaking about the Sakarchagin group, L. Yablonsky emphasizes that the eastern direction of genetic connections in this case is the only possible one. Based on the similarity of this group to the Karasuk population of the Minusinsk depression, he makes the assumption that some groups of the Karasuk population could take part in the development of the anthropological appearance of the Saka population in Northern Kazakhstan and the Aral Sea region.

The anthropological analysis of the craniological materials of the Early Saka time of the Eastern Aral region also revealed the presence of skulls in which the Mongoloid impurity is established with a sufficient degree of reliability. The penetration of the Mongoloids into the population of the early Saka time of the Aral Sea, Kazakhstan and Kirghizia, in the opinion of V.V. Ginzburg and T.A. Trofimov, could occur both at the expense of the movement of the Mongoloid and mixed populations from the Altai, and the migrations of Mongoloid groups from Central Asia through the Dzungar gate and along the river valleys (Irtysh, Ili).

Thus, the Mongoloid admixture, with varying degrees of severity, is recorded in all early Saka craniological samples of the Aral Sea, both in the South and in the East. Moreover, a tangible Mongoloid admixture in the population appeared here at the initial stage of the development of Saka cultures, in absolute dates - in the 8th-6th centuries BC. The fact that the population of the Early Saka time appeared in the South Aral Sea as a result of migration is not in doubt, because in the Bronze Age, due to environmental reasons, this area was completely empty. The appearance of a Mongoloid admixture in the Aral Sea, simultaneously with the appearance of the nomadic communities of the Early Saxon type, makes it quite logical, according to L.T. Yablonsky, that these communities were representatives of the Mongoloid characteristics.

All this corresponds to the conclusions made by V.P. Alekseev and I.I. Gokhman about the spread of the features of the representatives of the Mongoloid complex together with brachicranian Caucasoids, from east to west. L.T. Yablonsky stated that a more or less pronounced Mongoloid admixture, most likely of Central Asian origin, was first recorded in the eastern steppe at the time of Saka cultures development. He also notes that, perhaps, the solution of the problem of the origin of the Mongoloid component in the population of the early Saka time in the steppes of Central Asia and Kazakhstan

is associated with the study of paleoanthropological materials from the territory of Xinjiang and the southern regions of Dzungaria.

The studies of craniological materials of the Early Saka period of the Southern Transural Region showed, firstly, the presence of a Mongoloid admixture in this epoch and, secondly, that the genesis of the "Saka" population who left the cemeteries in this territory is not connected with the population of the previous final stage of the Bronze Age. This, in the opinion of E.P. Kitov and A.A. Khokhlov, suggests that the emergence of the physical appearance of the population of the Trans-Urals at an early stage of the early Iron Age depended on the influx of people who left the monuments of the Tasmola culture in Central Kazakhstan. However, it is impossible to deny the participation of the local people in the formation of the anthropological type of the nomadic society of the South Trans Ural area, albeit very few, people.

The craniological materials of the Tasmola culture speak about the extreme heterogeneity of the population of Central Kazakhstan in the early Saka period, their mixing at least at the level of several generations of the Caucasoid and Mongoloid (or already mixed Europoid-Mongoloid) population. This, according to E.P. Kitov and A.A. Khokhlov at least part of their representatives are from Central Asia. Ways of penetration, probably lay through the Dzungar Depression from the territory of Xinjiang, with the possible process of biological contacts with the local population that left the monuments of Begazy-Dandybai type.

The craniological materials from the elite burial ground Taldy-2 belonging to the early Saka time, which differ greatly in their morphological originality against the background of other skulls of the Tasmola culture draw much attention. The closest to the Taldin range is the series from the "valley of the river Or »(Xinjiang, China). The set of the same series of the Tasmola culture is among the series of the Saka of the Aral Sea, Northern and Eastern Kazakhstan. The Taldin series is characterized by "pseudo-Mongoloidity," which, according to A.Z. Beisenov and E.P. Kitov, was formed on the basis of the population of the Caucasoid form at the junction with groups that have the Mongoloid component, which was introduced long enough and managed to form specific Euro- Mongoloid features, with the domineering role of the first. The territory on which these specific features could be formed covers Eastern Kazakhstan, Altai, Xinjiang and Tuva. It is interesting that in the burials of the early nomads of these regions the tradition of posthumous trephination of skulls is fixed. Moreover, in Tuva, it is close to the technique of execution, fixed in the monuments of

the Tasmola culture, which may indicate the common origins of this tradition.

It is also noteworthy that the craniological series from Taldy-2 fixes the most "eastern" signs not only among the population of the Tasmola culture, but also among the other Saka series of the Eastern Aral, Gorny Altai, and Xinjiang. Tuva, Western Mongolia and the Minusinsk Basin. This again confirms the point of view expressed by many anthropologists that the population of Central Kazakhstan has a connection with the "eastern impulse" in general and with the territory of Altai or Xinjiang in particular.

It seems that the E.P. Kitov and A.Z. Beisenov's ideas on the anthropology of the population of the early Saka period of Central Kazakhstan do not contradict the conclusions of earlier studies. As a result anthropological studies of a series of skulls from the monuments of the first stage of the Tasmola culture of Central Kazakhstan, conducted by O. Ismagulov, showed that the anthropological type of both male and female skulls is European in general, with some admixture of Mongoloid elements. The appearance of the latter is due to the penetration of the Mongoloid groups. The closest morphological similarity of the "Tasmola people" is found, on the one hand, with the Saka tribes of the Aral Sea and, on the other hand, with the "Scythians" of the Altai. This similarity is due to the fact that they absorbed, probably, the same Mongoloid components. As Ismagulov believes, the penetration of the Mongoloid component into Kazakhstan and Central Asia is originated from Central (Inner) Asia not only through the Altai, but also from the Dzungarian Basin. The anthropological study of a small series of skulls from the Early Usolinsky monuments, conducted by A.S. Ismagulova and A.Z. Beisenov, showed that the characteristics of the male skulls are closest to the series of skulls from the Mountainous and Piedmont Altai and Tuva. Similarity is also observed with cranial materials from the Aral Sea region. This data, according to the authors of the study, allow us to conclude that there are certain contacts of the population of Central Kazakhstan with the Mongoloid population of the eastern regions of Central (Inner) Asia.

In our opinion, the activeness of the nomads on the borders of the Eastern and Western Chou and their migration to both north and west should be connected, first of all, with changes in environmental conditions in the steppes of Mongolia, North and North-West China.

As the data of paleoclimatic studies show, the period near the turn of the II-I millennium BC on the whole territory of the steppe from the Urals to the Khyngan is characterized as an epoch with quite pronounced arid climatic conditions. In the future the era of pronounced

ecological crisis in the steppes of Mongolia and the period of desertification of North and North-West China correspond to optimal ecological conditions in Central Kazakhstan, South Trans Ural area and South Aral. Almost simultaneously in the steppes of Mongolia and Northern Kazakhstan there is a transition to more favorable conditions. However, in Northern Kazakhstan this transition was more pronounced and proceeded much faster than in Mongolia.

The paleoclimatic data seem to show, first, the ecological conditionality of the direction of migration of the nomads of Inner Asia at the beginning of the first millennium BC. And, secondly, the reasons why their resettlement to North and Central Kazakhstan and the Southern Aral Sea could not have happened earlier - at the end of the 9th - beginning of the 8th centuries BC.

So, the expanses of the Zhayik-Irtysh interfluvial steppes in the VIII-VI centuries BC were occupied by the representatives of three related cultures - Tasmola of Central Kazakhstan, Ulubaev-Tasmola of Northern Kazakhstan and Bobrov-Tasmola of the South Trans-Ural. All of them were a part of the Tasmola historical and ethnographic community, the leading role in which, was undoubtedly, paid by the tribes from Central Kazakhstan.

According to their basic parameters, the funeral complexes of the Tasmola community are quite different from the monuments that were left behind by the nomads of adjacent territories - the Southern Ural, the Aral Sea, East Kazakhstan and the Altai.

At the same time, the funerary monuments of these regions also fix a certain closeness of the cultures of the early nomads from Altai to the Urals. It manifests itself in the similarity of the elements of the funeral rite, and, mainly, in the vicinity of the funerary inventory. At the heart of this proximity lies, in our opinion, the process of the formation of the early Saka cultures of the steppe Eurasia.

The comparative analysis of funerary monuments of the end of the II - first half of the I millennium BC of the Zhayik-Irtysh interfluvial steppes leads us to the conclusion that it is impossible to remove the cultures of the early nomads of the region from the earlier cultures of the late Bronze Age. The issue of the emergence of heterogeneous associations of migrant riders on the territory of Central Asia and Kazakhstan can be touched upon here, which do not have their own ethnogenetic roots and brought the elements of their own ethnic culture and a new genome that phenotypically includes a complex of Mongoloid craniological characters.

The initial territory of migrations was, in our view, areas of Inner Asia (North and North-Western China and Mongolia). This assumption is currently confirmed

not only by the data of archeology, but, as it seems, of anthropology too.

The movement of nomadic tribes from Inner Asia occurred, probably, in several stages and had different intensity which was directed to different regions. The first wave of migration, in the late IX - early VIII centuries BC was apparently directed mainly to Tuva, the Minusinsk hollow, and also to the mountainous regions of the Altai. Perhaps, from the same time, the development of the steppes of Central Kazakhstan also begins. The second, more massive, wave of migration occurred, in all likelihood, in the second half - the end of the VIII century BC or at the turn of the VIII-VII centuries BC. One group of the nomads of this wave, passing through the Dzungar Gate and the Alakol Depression, rushed through Semirechie in the Aral Sea region. The path of the other group, according to the planned model of the movement of nomads in the Zhayik-Irtysh interfluvial steppes, ran through the Dzhungar depression and the Black Irtysh valley, along the western (East Kazakhstan) and northwestern foothills of Altai to Central and Northern Kazakhstan and further into the steppes of the South Trans Ural area. Separate, apparently small, groups of migrants of this wave penetrated into the mountainous regions of Altai.

General ways of resettlement of the nomad related group in the second half of the VIII century BC or at the turn of the VIII-VII centuries BC were the basis for the proximity of the funerary monuments of these regions, as it is noted by many researchers. The heterogeneous composition of the migrants, as well as the heterogeneous composition of the aboriginal population, which had its own regional peculiarities in funeral rituals, determined the formation of the peculiarities of the cultures of the early Saka time of a particular territory.

The reason for these migrations, in our opinion, not in political events on the border of China and the nomadic world but in the change in environmental conditions in the steppes of Inner Asia.

The basis for the development and functioning of the community of the early nomad culture of Kazakhstan and Central Asia, including the Tasmola historical-ethnographic community, was a pasture-nomadic system or a system of seasonal distribution of pastures and water sources. Having appeared in the era of late bronze, it existed in a number of areas of the Eurasian steppe without any major changes until the beginning of the twentieth century.

The functioning and genesis of the nomadic type of economic activity with all its variants, which was a peculiar form of human adaptation to specific environmental conditions in certain spatial and historical boundaries, depended to a large extent on the special

climatic and natural conditions of the arid zone of Eurasia and were dictated by the need to organize a normal reproduction of the herd to ensure as the least necessary product for working individuals. In the natural and climatic conditions of the Eurasian steppes, semi-deserts and deserts, including the steppes of the Zhayik-Irtysh interfluvium, the nomadic economy was the only possible and economically justified in the pre-capitalistic era. In addition, this type of economy was the most rational and most fully corresponded to the natural and climatic conditions at the existing level of development of the productive forces. As N.E. Masanov emphasizes, no other form or mode of management could offer any realistic alternative to the development of the vast expanses of the Eurasian temperate belt. As a result, nomadism in the Eurasian steppes, semi-deserts and deserts, having formed at the end of the Bronze Age, existed until the end of the XIX - beginning of the XX century.

The specifics of the extensive nomadic economy, which has changed little over time, and ecologically similar conditions that lead to the development of the same type of nomadic economy, make it possible to attract data on nomadic peoples in the recent past for the reconstruction of the economy, culture, socio-economic structures of the ancient nomads of the Eurasian steppes, semi-deserts and deserts. The most interesting in this regard is the nomadic society of the Kazakhs of the XVIII - early XX centuries, various aspects of the economy, material culture and social organization of which have been studied in details. And their system of conducting a nomadic cattle-breeding economy, as K.A. Akishev outlined, differed little from the practice of economic activities of ancient nomads.

When using historical and ethnographic data, it is necessary to take into account the fact that they mostly refer to the second half of the XIX - beginning of the XX century. However, already in the middle of the 18th century, the gradually growing process of settling the nomadic Kazakhs began, which was largely connected with Kazakhstan's accession to Russia. It was caused both by internal, occurring inside the Kazakh society, and external reasons. The development of the settled way went along the path of reducing the radius of nomadism and the transition to semi-nomadic economy. Moreover, this should be specially emphasized, subsidence initially took place mainly in the northern steppe areas in the territories adjacent to the Russian border lines, that is, in the areas of the former summer pastures. Hence the numerous references to winter pastures in the steppe zone of Kazakhstan, contained in the sources of the XIX - early XX century. These sources often give a characterization of the Kazakh cattle farm

without dividing them into nomadic and semi-nomadic. However, it should be remembered that if during the 18th and early 19th centuries the absolute majority of the main population of Kazakhstan was a "pure nomad", then in the second half of the 19th and beginning of the 20th century only about a quarter of the total population of Kazakhstan carried on the traditional nomadic way of life. The most common type of economy among the Kazakhs of this time was semi-nomadic cattle. It is characterized by a pasture-stabling system of livestock keeping - during the spring, summer, autumn, and partly winter cattle were kept at the fodder. In unfavorable winter time, pets were left in stalls and fed with hay. Haymaking, therefore, was one of the significant features of the Kazakh semi-nomadic cattle farm. Haymaking was more developed in East Kazakhstan, in Semirechie and in a number of other regions, where semi-nomadic cattle breeding predominated. However, in the steppe zone of Kazakhstan, haymaking was widespread among the semi-nomadic Kazakhs only in the second half of the 19th century, and was largely borrowed from immigrants from European Russia, mainly from the peasants.

Another important feature of semi-nomadic cattle is agriculture. Initially, the poor began to occupy themselves with it, and only later a fairly well-to-do part of the population passes to it.

For the semi-nomadic pastoral economy of the Kazakhs the presence of a permanent dwelling on wintering grounds is also common - from dugouts and semi-earthly houses to houses made of wood, adobe brick and stone. Here it should be emphasized that in the northern half of Kazakhstan the first permanent winter dwellings appeared at the end of the XVIII - beginning of the XIX century. They were built mainly by the impoverished, deprived livestock of the Egenshy who remained in the north. Since the middle of the XIX century, the construction of long-term winter dwellings in the marginal areas of Kazakhstan, near the Russian border lines, is gaining mass character. However, until the end of the XIX century, the Kazakh cattle breeders were absolutely dominated by a temporary type of settlements, represented by seasonal camps, the basis for the formation of which were demountable dwellings (yurts, huts) and mobile (non-separable) dwellings on wagons, as well as portable collapsible cattle pens. In connection with the development of haymaking and farming, some changes occur in the composition of the herd. Unlike nomads, among the semi-nomadic people cattle occupies a significant place.

Among the external causes leading to the settling of the nomads and their transition to semi-nomadic economy, it is necessary to highlight the narrowing of pasture spaces primarily due to the reduction of

summer pastures as a result of the construction of border fortified lines, the organization of a network of support bases penetrating into the depths of the steppes, both in fortified outposts and in the form of the Cossack villages. A further significant reduction in the area of summer pastures used by the nomadic Kazakhs occurred in the second half of the 19th and beginning of the 20th century as a result of summer settlements and also because by this time many summer territories were occupied by winter pastures, hayfields and arable lands by the Kazakhs leading a semi-nomadic and settled way of life. This caused a violation of the traditional ways of nomadism, led to a further reduction in the distance of nomadic movements. The seizure of land in the north led to changes in the location of winter pastures and traditional roaming routes.

Before describing the nomadic economy of the Kazakhs of the Zhayik-Irtysh interfluvium, it should be noted that the landscape and climatic conditions of most of the I millennium BC in the steppes of the Zhayik-Irtysh interfluvium are not more favorable for the nomads compared to the XVIII-XIX centuries. And, what is especially important to emphasize, these conditions were more unfavorable than in the XX century, especially in its second half.

One of the main features of the economy of the nomadic Kazakhs was the pasture-nomadic system, or the seasonal distribution of pastures and water sources, with year-round roaming in the meridional direction, with permanent areas of summer and winter pastures (a closed cycle of nomadic migration). The formation of this system was due to natural and climatic factors (air temperature, height and density of the snow cover, the number and seasonal distribution of precipitation, etc.); zonality and seasonal features of the productive period with active vegetation and its low fodder productivity; pronounced aridity and uneven distribution of water sources, their seasonality; periodicity of eating cattle meager vegetation. All these factors determined not only the dynamic state of nomads, who were forced to move in search of natural grass and water sources, but also to a large extent the time and the specific direction of these movements, that is, the seasonal nature of the use of pastures.

The distribution of pastures based on the seasons of the year focused mainly on the effective use of such natural and climatic features as the zoning of the vegetation period of the vegetation cover, the seasonal nature of its highest productivity, the frequency of eating grasses by domestic animals. As a result the ephemera and ephemeroids dominate in the south in the deserts, the development of which is associated with winter-early spring humidification. In May, their green

mass, containing 75 to 90% moisture, dries, retaining, to a large extent, its nutritional value. But any rain in the summer, late autumn or warm winter immediately gives rise to a green mass (otawa). In the wormwood associations of the northern deserts and semi-deserts, the green mass reaches a maximum only by the middle of autumn, and wormwood is mostly eaten after the first colds, when their essential oils volatilize. Therefore, pastures with wormwood associations located in the south of Kazakhstan are especially valuable only in late autumn, when they perform the role of "pasturing" pastures.

In addition, for each season there were other criteria for selecting pastures. In winter, besides the quality of the grass the density and height of the snow cover were of the greatest importance, in the summer-autumn period - the availability of water sources. For livestock farming, not only a uniform network of water sources is needed, but also the possibility of rapid single use of water. A large influence on the choice of seasonal pastures was provided by the composition of the herd. Different species of animals required different conditions for water supply and morphologically diverse types of vegetation cover.

Winter pastures are especially valuable for the nomads due to the sharply continental climate of the steppes, semi-deserts and deserts of Kazakhstan, the lowest productivity of natural grass. Therefore, they had to meet special requirements. The places of winter pastures of the nomads of steppes and semi-deserts of Zhayik-Irtysh interfluvium have been determined, in the opinion of K.A. Akishev, even in the early Iron Age (VIII-IV centuries BC), and the best of them did not change during the whole period of existence of nomadism in Kazakhstan. They were located mainly in south of the ones used in summer - in the northern deserts of Kazakhstan and Central Asia. In the areas of Semirechie (Zhetysay), due to the peculiarities of the natural and climatic conditions, the winter pastures were in the north from the summer, but also in the desert zone.

The location of winter pastures in the desert zone was determined by the natural geographical conditions of the region and the biological characteristics of domestic animals. In this zone, the frost-free period is longer, the thickness and density of the snow cover is less, and the duration of its stable bedding. There is less danger of snowdrifts, blizzards and snowstorms.

The studies of climatic conditions hampering the grazing of domestic animals, in particular sheep, which form the basis of the nomad herd, enabled climatologists to introduce the concept of «non-grazing day» and with its help to determine the possibility of using pastures

in winter in various regions of Kazakhstan. A large number of non-grazing days, that is, long periods of pasture fodder due to weather conditions, creates a difficult situation for livestock breeding, often leading to jute - the massive depletion and death of wild and domestic animals. The average number of non-grazing days in winter conditions for sheep in the semi-desert and steppe zones of Kazakhstan increases from south to north. The greatest number of non-grazing days in the northern regions of Kazakhstan is in January-March, in the central - in February-March, in the southern - in January-February. The maximum number of non-grazing days reaches 90-120 days and 60-90 in the Pribalkhash region, 120-150 in Central Kazakhstan, 120-150 in North Kazakhstan, 140-160 days in the South Trans Ural area (Kustanai oblast). And the probability of the onset of winters with the maximum number of non-grazing days varies in the range of 5-10%, that is, similar winters occur once in 20-10 years.

It should be noted that the data given on the number of non-grazing days are common for lowland pastures. Local peculiarities of the territory can make a noticeable change in the conditions of pasturing cattle in the same weather conditions. Thus, in conditions of rough terrain, even in the case of an unfavorable weather situation, partial sheep grazing on the southern and western slopes is almost always possible, since the thickness of the snow cover here is usually much less than on the northern slopes and in the depressions. The southern slopes, in addition, differ by the shorter duration of snow cover. This determines the instability of ice crusts and somewhat better conditions for grazing sheep in winter than on the slopes of another exposure, especially northern ones. In inter-ridge depressions, the wind regime is more favorable for grazing. In case of proper organization of grazing in areas with rough terrain, where grazing conditions are different from ones in the plains, the non-grazing period can be reduced through selective grazing in certain pasture areas, taking into account local conditions.

Based on the mentioned above data, the ordinary winter settlement of ungulate animals of most species (including horses and sheep without procurement of fodder) in the steppes of the Zhayik-Irtysh interfluvium is impossible. However, judging by historical and ethnographic data, nomadic Kazakhs of the 17th and early 20th centuries did not prepare food for winter, except for a very small amount, for maintaining young animals, especially horses and cattle, and camels for especially severe winters. This is due to the fact that in the semi-desert and desert zones, procurement of fodder as an insurance feed does not justify itself. Only the rough, least eatable fodder was prepared for

harvesting here, and even in small quantities, due to the short stature and thinness of the grass, only the skirts of the steppes of the Northern Black Sea region, the Savromat-Sarmatians of the Northern Caspian, the bulk of the early nomads of the Southern Priurals, Lower Volga and South Trans Ural area.

In addition to the listed above climatic features, the use of southern regions for winter pastures was also determined by the fact that ephemeral and wormwood vegetation prevailed there; the productivity of such pastures in the autumn-winter period reached its peak. The lack of water sources, which significantly limited the use of deserts in the summer, was replaced by snow in winter.

The nomads of modern times especially appreciated the winter pastures on the right bank of the lower reaches of the Chu, in the Kyzylkum, the sands Sam, Samtai, Karyn-yaryk, Soygyr-kum and Tumbach in Ustyurt, in sandy massifs and mountain areas of Mangyshlak and Buzachi.

In the interfluvium of the Volga and Zhayik, the best winter settlements were mainly near the Kamysh-Samara Lakes, between the Bolshaya and Maly Uzen rivers, in Ryn-sands, near the coast of the Caspian Sea. In winter there was not much snow in these places. Thick reed vegetation along the rivers, lakes, delta areas and on the coasts of the Aral and Caspian seas saved from cold, winds and snow storms.

Some of the best winter pastures have been in the Kyzylkum since ancient times, which are 80-90% covered with grass. Another feature of them is that they are mostly drawn by the right rows of hills, between which there are deep hollows. In the winter months there are no strong winds, blizzards and snowstorms. All this made Kyzylkum an indispensable winter pasture even during a severe winter with deep snow.

Summer pastures of the nomads of steppes and semi-deserts of Zhayik-Irtysh interfluvium are located mainly in the north, in the zone of steppes and semi-deserts. In the foothill and mountain regions of Kazakhstan, summer pastures were, as a rule, in the mountains. This arrangement of pastures was due to the fact that the main criterion for their selection was the availability of water sources. The most convenient summer pastures were in the steppe and forest-steppe zones, where the bulk of precipitation is recorded in the warm season, a fairly dense river network, there are a large number of different lakes, but fresh and slightly saline groundwater prevails. Places of the best summer pastures, as well as winter pastures, were defined quite early and remained unchanged for thousands of years. Not only winter, but also summer pastures were assigned to a certain tribe or tribal association.

Spring pastures were, as a rule, on the way of the nomad's movement to the north - summer pastures. Usually they were used as autumn pastures, where the people stopped during the migrations to wintering settlements. In spring the aridity factor receded into the background - the demand for water was fully covered by melting snow, flooding rivers, filling lakes and other natural reservoirs with thawed waters and precipitation. In the spring, the nomads tried to use primarily those pastures, which are less supplied with water. In the spring the nomads passed waterless pastures in desert regions, such as Betpak-Dala and Ustyurt.

The choice of autumn pastures was determined primarily by the availability and quality of the grass and the conditions of water supply. In the autumn, grasses of the autumn vegetation, saltwort and wormwood associations were used, which at that time reached a high degree of productivity.

The majority of the steppe semi-deserts nomads from the Zhayik-Irtysh interfluvium throughout the entire period of existence here nomadism roamed in the meridional direction.

Here it is necessary to emphasize that during almost the entire history of nomadism in the steppes, processes of sedentarization and nomadization were observed simultaneously within the same society. The tendency toward sedentarization was determined by internal socio-economic reasons (impoverishment of a part of nomads, political or economic interests of the social elite, etc.), as well as by a number of other factors (climate change, unfavorable political situation, influence of agricultural civilizations, etc.). The development of the processes of sedentarization and nomadization was closely dependent on the concrete historical situation, and in various periods of history, a particular trend prevailed. Therefore, in the composition of the same nomadic tribe, some part of it was semi-nomadic and even sedentary, apparently the elements of settled life and agriculture always accompany nomadic cattle-breeding. Despite the absolute predominance of nomadic cattle breeding, in some regions that are favorable in naturally geographic conditions - in Semirechie, in the south of Kazakhstan (on the outskirts of agricultural oases, in the lower reaches and deltas of the Amudarya, Syr Darya, Talas, Chu, etc.), in the forest-steppe zone, Mountain ranges of Central Kazakhstan (Ulutau, Bayan-Aul, Karkaralinsk, Chingiztau, etc.), in the lower reaches of Irgiz, Turgai, Emba, Zhayik - part of the population since ancient times led a semi-nomadic way of life, engaged only in cattle breeding or combining cattle breeding with agriculture.

During the entire period of the existence of nomadism in the steppes of the Zhayik-Irtysh interfluvium and semi-

deserts, especially in Western and Central Kazakhstan, not only the system of meridional nomadism, but also the location of seasonal pastures, and roaming routes remained unchanged. Only in conditions of prolonged juts, invasions and prolonged civil strife the nomads did not have permanent, firmly established nomadic sites. But as soon as the attacks and civil strife cease, there is certainty in using the same pastures, a pasture-nomadic system with its clearly defined seasonal pastures and roaming routes is restored.

For the Kazakhs of the first half of the nineteenth century, under normal, normal conditions, deviations from the traditional path of nomadism were very rare. Certain extraordinary circumstances led to it, special reasons that made it impossible to use the previously developed lands. Often, internecine clashes among the nomads were caused precisely by the change in some kind of place of their permanent pastures or even routes of migrations.

The choice of routes and the amplitude of nomadism were determined by the landscape, the hydrographic network, the availability of water sources and their seasonal distribution, the remoteness of seasonal pastures from each other, taking into account the nature of seasonal migrations of ungulates (horses, saigas, kulans) in steppes and semi-deserts.

Thus, the choice of seasonal pastures, the direction and routes of migrations of the nomads of the steppes and semi-deserts of the Zhayik-Irtysh interfluvium have been determined by the natural-geographical environment and biological characteristics of the animals being bred and remained practically unchanged during the whole period of the existence of nomadism in this region.

The study of nomadic cattle breeding among the Sarmatians and Kalmyks led A.M. Khazanova to the conclusion that the same or similar ecological environment inevitably leads to the development of the same type of nomadic economy. Both peoples (Sarmatians and Kalmyks), separated by two and a half millennia and completely different ethnically and culturally, but roaming in the same territory, are similar in the directions of migrations and even specific routes.

V.N. Yagodin, having analyzed the monuments of the early nomads of Ustyurt, comes to the conclusion that in the conditions of the desert plateau of Ustyurt we deal with the situation when the reality, fixed by ethnography, is in many cases a direct analogue of past archaeological reality. Data on the ethnography of the nomads from Ustyurt, as well as the deserts of the temperate belt of Eurasia, in general, coincide surprisingly with the information that archeology gives us. In his view, in Ustyurt in the second half of the 1st millennium BC there was another archeological

culture - the Savromat-Sarmatian in its version known in science as the Samaro-Ural group or region which was a parallel to the culture of burials on the horizon, the culture of cattle breeding tribes, nomadic, using both the pasture and winter territories of the Ustyurt plateau and the surrounding areas. A part of the population of the "Samar-Ural region" led a nomadic way of life with a year-round cycle of nomadism. The paths used by the nomads moved in the meridional direction and came out in the south to the boundaries of the ancient urban and settled-agricultural civilizations of Khorezm and the south of Turkmenistan.

According to S. E. Azhigali, already from the middle of the 1st millennium BC the arid-steppe of the Aral-Caspian region got the importance of a single economic and cultural zone, in which, with the inevitable character of extensive pastoralism, long meridional migrations could not but play an appreciable role. In this case, nonstationary (as a rule) winter settlements could be located in the areas of Mangyshlak, the sands of Northern Ustyurt and the Aral Sea, while the ice in the valleys of Emba, Uila, and Mugodzhary (and possibly to the north). Such an order of nomadism, he notes, was the main one in the Middle Ages and modern times, during the period of relative political stability in the region.

Proceeding from the foregoing and relying on historical and ethnographic data, it seems possible to determine the ways of seasonal migrations of early nomads of the steppes and semi-deserts of the Zhayik-Irtysh interfluvium, the place of their summer and winter pastures.

Winter pastures of the early nomads of Western Kazakhstan and the Southern Urals could be found in the lower reaches of Emba, Mangyshlak, Ustyurt, in the lower reaches of the Amu Darya. For the summer, one part of them may have stayed here, the other migrated northward to the tributaries of Ori, Zhayik, Ilek, Emba, Saghiz, Temir, to the Mugodzhary mountains. Individual groups could have summer pastures in the foothill and mountainous areas of the Ural Bashkiriya.

Nomads that wintered in the Kyzylkum, in the middle and lower Syr Darya, in the Northern and North-Eastern Aral regions (the Sands of the Great and Lesser Barsukas, the Aral Karakum), in the foothills of Karatau, the lower reaches of the Chu and Sarysu, and in the northwestern Pribalkhash (Moyynkum, Foothills of Aytay), probably went far to the north in the summer. Their summer pastures were located along the tributaries of the upper reaches of Zhayik, Tobol, Irgiz, Turgai, Ishim, Sarysu, Nury, in the Irtysh valley, reaching the forest steppe in the north (South Trans Ural area, Northern and Central Kazakhstan).

Some of the pastoralists, wintering in the sands of Moyynkum, in the foothills of Karatau, also migrated to Central and Northern Kazakhstan in the summer, part rose to the mountains of Karatau and Zailiyskiy Alatau. In the same mountains, as well as in the Dzungarian Alatau and on the northern spurs of the Tien Shan, pastoralists used to stay in the winter in the sands of the Southern Balkhash region, in the valleys of Talas, Chu, Ili.

Thus, the main wintering area of the early nomads of the Zhayik-Irtysh interfluvium was a strip of deserts and foothills from the Caspian Sea to the Balkhash and Alakol lakes: Mangyshlak, Ustyurt, the lower reaches of the Amu and Syr Darya, the Kyzylkum, the Aral Sea, the lower reaches of the Sarysu, the valleys of the Talas, or, foothills of Karatau, sands Moyynkum and Southern Pribalkhash (Taukum, Saryesik-Atyrau). Here in winter, the bulk of the nomadic population of the steppes and semi-deserts of the Zhayik-Irtysh interfluvium was concentrated, which facilitated communication between related nomadic tribal associations, at another time of the year, disunited and isolated the vast territory of Kazakhstan. After all, often nomadic groups that winter in the neighborhood, had their summer pastures in various regions of Kazakhstan, as it was in the Kazakhs in XVIII-XIX centuries.

Moving in the steppes and semi-deserts of the Zhayik-Irtysh interfluvium for the winter nomads in the Central Asian-Kazakh deserts interacted with the nomadic and semi-nomadic population who lived there permanently. This population was not always ethnically distinct from them. It could include a part of the nomadic nationality or tribal association, for whatever reasons roaming or settling there and leading a semi-nomadic or sedentary lifestyle.

The meetings of nomads occupying different regions of Kazakhstan could also take place at the places of summer settlements. So, judging by ethnographic data, the tribes wintering in Ustyurt, Mangyshlak, in the lower reaches of the Amu Darya, spent the summer in the foothills of the Urals, on the western slopes of Mugodzhary (the upper reaches of Emba and Ori). Separate groups of the nomads, who had winter pastures in the lower reaches of the Syr Darya, the Kyzylkumakh and the Northeast Priaralye, were located on the ice on the eastern slopes of Mugodzhary (tributaries of Irgiz), in the Eastern Orenburg region (on the tributaries of Zhayik and Ori), reaching the upper reaches of Emba and Ori. There was a nomadic summer in the immediate neighborhood of the nomads of Western Kazakhstan and the Southern Urals.

Coming to the summer settlements located in the north of the steppe zone, the nomads entered into various contacts, including military ones, with semi-

nomadic forest-steppe population, striving to use the rich pasture opportunities of the steppe zone.

The contacts of the early nomads of the steppes and semi-deserts of the Zhayik-Irtysh interfluvium and nomads of the Central Asian-Kazakh deserts and foothills, caused by their concentration in the desert zone, at the places of winter pastures, the location of the annals of individual groups in the immediate vicinity, determined the rapid transfer of innovations in the field of material culture and horse harness. A single genetic basis and a similar level of social and economic development contributed to these contacts, facilitated borrowing not only in the field of material production, but also in the spiritual sphere. All this ultimately led to a leveling of the cultures of the early nomads, which are part of a single Saka historical and ethnographic region.

The location of the winter pastures near the agricultural oases of Central Asia favored the active contacts of nomadic and sedentary populations, the establishment of close economic, cultural and political ties. These connections arose from the moment of the formation of nomadic cattle breeding - the nomads could not exist without the products of agriculture and crafts. Therefore, they were interested in exchanging their products (cattle, leather, wool, etc.) even more than the inhabitants of the agricultural areas, who did not have such a one-sided economy as the nomads.

Economic, cultural and political ties also existed between the nomads of the steppes and semi-deserts and the semi-settled and sedentary population of the forest-steppe. At the same time, the nomads were also a link between the agricultural and semi-nomadic populations of the south and the tribes of the forest-steppe. It is interesting to note that caravan routes linking Central Asia and the Urals, the Trans-Urals and Western Siberia in the Middle Ages and modern times, in many respects repeated the routes of seasonal movements of individual groups of nomads.

In the I millennium BC in the steppes of the Zhayik-Irtysh interfluvium, there were also military campaigns, conquests, and strife, and various movements and regroupings of individual tribes that were not connected with roaming routes, which, of course, left their mark on spiritual and material culture. However, the main, pivotal role in the historical, cultural and ethnic processes taking place in this, as well as at a later time in the steppes of Kazakhstan, was played by internal and external economic, cultural and political ties and interactions caused by a pasture-nomadic system with all its inherent features.

According to natural conditions, the Kazakhstani steppes and semi-deserts are currently divided into three large, rather isolated natural geographical regions:

West Kazakhstan and South Urals; South Trans-Urals, North and Central Kazakhstan; Semirechie. The natural and landscape conditions of these large regions predetermined the specifics of the population's economy, ways of roaming, the places of summer and winter pastures, the preferential direction of economic, cultural and political ties, a specific historical environment, etc. All this was reflected in the peculiarities of the funeral rite, and in art, and in material culture, that is, in ethnic features, determined the features of the historical development of the population of each region. As N.E. Masanov rightly notes, considering the ethnogenesis of the Kazakhs, in the process of developing the ecosystem, a commonality of economic and non-economic interests was developed as a substrate basis for ethnogenetic processes. Accumulation in conditions of a similar habitat and a similar type of economic activity with the same level of development of productive forces, homogeneous ethnic characteristics in the sphere of everyday, material and spiritual culture found its objective expression in the simultaneous formation of various kinds of ethno-cultural communities in the territory of Kazakhstan.

Three natural-geographical areas of the Zhayik-Irtysh interfluvium, semi-deserts and deserts in the early I millennium BC corresponded to three historical and ethnographic communities: the Saka tribes of the Southern Aral Sea in the lower reaches of the Amu and Syr Darya and, possibly, the cattle-breeding tribes of the Southern Urals; early nomads of the South Trans Ural area, Northern and Central Kazakhstan (Tasmola community); Semirechie Saka (Zhetysu).

Natural conditions, which were the main factors in the choice of seasonal migrations for the nomads of the Zhayik-Irtysh steppes, summer and winter pastures and, ultimately, their inclusion in the Tasmola historical-ethnographic community that we identified, determined the similarity of the rite and inventory that is clearly traced in the analysis of funerary monuments of the South Trans Ural area, Northern and Central Kazakhstan. As N. N. Masanov notes, the peculiarities of farming and functioning of culture in specific conditions of the habitat entail the accumulation of special traits, properties and attributes that ultimately determine the unique combination of ethnic stereotypes that further determine the ethnos as a historical and cultural phenomenon. This process is based on the fact that in the process of production a symbiosis develops between the population and the habitat it has mastered, which determined the specifics of human social activity, an autonomous complex of interrelated structural components of culture, a unique information field that functions on the basis of an optimal balance in natural

and socio-economic processes, which led to a special nature of information circulation within this social organism.

The location of the winter pastures of the nomads of the Tasmola community in the immediate vicinity of the lower reaches of the Syr Darya, contacts with the Syr Darya Saka tribes, who were a part of another historical and ethnographic community, determined the proximity of the burial inventory and individual elements of the funeral rite, which can be traced between the monuments of the Zhayik-Irtysh interfluvium and the burial mounds of the Uigarak cemeteries, South Tagisken, Sakar-chaga. Among the rare inventory categories, known mainly from the nomads of the Zhayik-Irtysh interfluvium, Altai and Tuva steppes and found in the Saka tribes of the lower reaches of the Syr Darya, belts with bronze clips, "mirrors" with long knife-like handles, some types of socketed and petiolate arrowheads should be noted. In the Aral Sea area, Northern and Central Kazakhstan, in the early Saka times, slender asymmetric-diamond-shaped rhombic arrowheads were distributed, often with convex ridges on the faces.

The similarities between the nomads of the steppes of the Zhayik-Irtysh interfluvium and the Aral Sea is also traced when comparing the objects of their art. South Trans Ural area, Northern and Central Kazakhstan, and also the Aral Sea in the VII-VI centuries BC served as the main areas of distribution of oval altars without legs or with four short, round in cross section legs. Apparently, only the nomads of the steppes of Zhayik-Irtysh interfluvium and the Saka tribes of the Aral Sea in VII-VI centuries BC used beak shaped altars or in the form of a stylized head of a bird of prey.

Among the bronze disc-like mirrors with the rim and the central handle-loop, mirrors with a loop-trapezium stand out as an independent version. They are found in the South Trans Ural area, Northern Kazakhstan and in the South-Eastern Aral area. To the west of the Urals, individual mirrors of this variant are known in the Central Caucasus, in the Northern Ciscaucasia, on the Upper and Lower Don and in the forest-steppe Dnieper. To the east of the Irtysh they are met in the Minusinsk Basin and Tuva.

The relations of the early nomads of Northern Kazakhstan with the population of the Aral Sea is reflected, in our opinion, by a finding of a vessel with a tubular spout in the burial ground. The stability of these connections is indicated by the found vessels similar to ones in Central Asia, including vessels with a tubular spout, in a number of settlements of the 8th-7th centuries BC in Central Kazakhstan.

Describing in general the contacts between the nomads of the Zhayik-Irtysh interfluvial steppes and

the lower Syr Darya tribes, we note, first of all that they were direct and acted in the form of interaction (mutual influence). They were at the peak, mainly, during the winter period in adjacent territories, that is periodically, and probably covered the broad strata of society. By the way of realization, contacts could be both peaceful and military, connected with the struggle for better pastures, the desire to enrich themselves at the expense of neighbors, etc. From a functional point of view these contacts were most likely not only economic, rather technological, but also political and spiritual-ideological. Samples of weapons and horse harness were mainly borrowed. Potestary-political contacts were expressed in the conclusion of alliances, treaties, sending of embassies. The result of spiritual and ideological contacts is, in our view, the proliferation of similar objects of worship, in particular altars and mirrors, the closeness of the art of contacting societies.

The relationships between the Amudarya Saka tribes and the nomads of Northern and Central Kazakhstan were mediated, because they were carried out mainly through the tribes of the Lower Syr Darya or the South Trans Ural area. The immediate episodic political and political contacts are also possible. Proceeding from the assumption of existence already in VII-VI centuries BC of a nomadic cycle of the Aral Sea - the Urals, one can assume that the nomads of the South Trans Ural area developed direct contacts with the Amu-Darya Saka tribes at the places of summer settlement, in the eastern and northern regions of the Southern Urals. In this case, the contacts of the nomads of the South Trans Ural area with the nomadic tribes of the Southern Aral Sea (the lower reaches of the Amu Darya) differed little from contacts with the Sakas of the South-Eastern Aral Sea (the lower reaches of the Syr Darya) in their nature, way of carrying out and functional orientation.

If one direction of the relationships of the nomads of the Tasmola historical and ethnographic community - the links with the nomads and semi-nomads of Central Asia and, in particular, the Aral Sea was due to the location of winter pastures, then the other - with the forest-steppe tribes of the Trans-Urals and Western Siberia was determined by the location of summer settlements.

L.N. Koryakova includes all forest-steppe crops and types of ceramics from the early Iron Age of the Transural and Western Siberia from the Urals to Baraba into the Tobol-Irtysh cultural and historical province. The determining role in the formation of the archaeological situation of the beginning of the Iron Age in the province belonged, in her opinion, to the Sargatian culture, which predetermined the singling out of the Sargatian community. In her opinion, in the VII-VI centuries BC

(Pre-Sasar stage) in the western (trans-Urals) area of the Tobol-Irtysh province, several lines of cultural development, several traditions associated with various generations and intermingling in various types of ceramics, intertwined.

The first, Itkul line, unites the monuments close to Itkul: Vorobyev, Nosilov, and Zelenomyss. They form a kind of community, or Iset association. It is characterized by the predominance of combed ornamentation with the inclusion of pit patterns in the decoration of ceramics, semi-earthly and land-based buildings of a small area, a combination of open settlements, fortified production sites and fortifications. The appearance of these groups was facilitated by the division of the Mezhovsk-Barkhatov substrate by segmentation of communities and their transition to a certain economic specialization in the leading sectors: metallurgy, cattle breeding, hunting and fishing. At the pre-Saharan stage this line of development was the leading one in the trans-Urals area.

The second, Baitov line of development is marked by complexes containing ceramics with a predominance of pitted-pointed patterns. It occupies an intermediate place at the junction of the western and eastern ranges of the Tobol-Irtysh province between the Iset community and the emerging Sargatian, more tending to the former. The Baitov line of development belonged, most likely, to the Suzgun-Barkhat generation. Chronologically, the Bait type coincides with the pre-Saharan stage, entering the Sargat-Gorokhov period (V-III centuries BC). On the Tobol, the Bait groups co-existed on some chronological interval with the Nosilov, Vorobiev, Itkul and Gorokhov.

The third line of development is represented by Gorokhov antiquities. It is characterized by: fortified and unfortified settlements with a complex architecture of residential and defensive structures, cemeteries with an explicit socio-property differentiation of the buried, talcous ceramics with the predominance of rough carved patterns. This cultural complex took shape at the end of the pre-Sargat stage. According to L. N. Koryakova, the Gorokhov culture is the result of a genetic process in which part of the local population, belonging to the community fossil but having Sargarin-Mezh roots, under the influence of a number of reasons, moved to mobile cattle breeding. The nomads, being also participants in this process, played the role of a kind of catalyst. The appearance of the Gorokhov culture marked the beginning of a cultural leveling in the western area of the province, but it did not break the system of ties centering around the Itkul metallurgical center. Therefore, the Zauralian monuments demonstrate the variegated ceramic traditions.

If in the west of the Tobol-Irtysh province the main role in the formation of cultures belonged to the circle of traditions of the Iset (Itkul) association, on which the Gorokhov culture was superimposed, then in the East a similar process was carried out on the Late Irmenian basis. Irmenian culture (community), among others, gave rise to Bolsherechen and Sargatian. A certain influence on the addition of the Sargat ceramic complex was provided by other cultural entities.

Describing the historical situation in the Tobol-Irtysh province in the pre-Sargasso time, it should be noted that in the forest-steppe zones at this time there was a struggle for the predominance of northern, forest by origin, and southern, steppe cultures. The situation stabilized by the fifth century BC when the forest-steppe completely entered the sphere of influence of steppe societies. This process went along with the assertion of the Sargat cultural stereotypes that coexisted in the beginning with others, but longest with the Gorokhov.

In the VII-VI centuries BC in the mountain forest zone of the Urals and in the Trans-Urals the Itkul culture appeared, on the basis of which a powerful center of non-ferrous metallurgy started developing. In the eastern regions of the trans-Ural forest-steppe there is a gradual transformation of the societies of the inter-Andijan-Barkhatian stratum into a group of pre-Saharan cultures (Noselov, Baitov, Vorobyev), accompanied by the predominant development of semi-nomadic cattle.

In the VIII-VII centuries BC the Trans-Ural-West Siberian forest-steppe was still weakly connected with the Saka culture in the steppes of the Zhayik-Irtysh interfluvium. In L.N. Koryakova's opinion internal relations remained, moreover, it was pressured from the north by forest cultures of origin. However, if in the VIII century BC the influence on the forest-steppe population that left the monuments of the Nosilov, Baitov, Vorobiev types, Itkul and Gamayun cultures, from the nomadic world of the steppe was barely perceptible, then as early as the 7th century BC the impact of the Saka world has greatly increased.

Favorable climatic conditions of VII-VI centuries BC contributed to the widespread development of nomads of the steppe and southern forest-steppe zones. Judging by the location of the barrows, the early nomads at that time occupied very extensive territories within the modern trans-Ural-West Siberian forest-steppe. In the Southern Trans-Ural they mastered the entire modern southern forest-steppe to the Miass River in the north. Apparently, Miass was the natural boundary that separated the forest-steppe Zaural population from the restless nomadic world. In northern Kazakhstan in the VIII-VI centuries BC the border between the forest-

steppe and steppe worlds passed along the breadth of the modern city of Petropavlovsk.

The contacts of the forest-steppe population with the Steppe in the early Saka times are evidenced by the materials of settlements and settlements located in the forest-steppe of the Trans-Urals, Pritobolia and the Tobol-Irtysh interfluvium. These are: bronze mirrors with a central loop on the back; bronze knives with slightly seen handle, sometimes with a hole at its end or with a ringed pommel, and molds for casting them; bronze double-bladed padded, two- and three-lobed petioled arrowheads and molds for casting them; bronze amulets-castors; iron pins; harness articles. Through the territory of the South Trans Ural area or Northern and Central Kazakhstan, bimetallic coins and bronze daggers penetrated into the depths of the forest-steppe. It is necessary to note

It is necessary to emphasize that the absolute majority of objects that have analogies in the nomadic world derive from the monuments of the Itkul culture, the main metalliferous culture of the Urals.

Probably, there was a direct penetration of military contingents of the nomads into the Trans-Ural-West Siberian forest-steppe. This, in our opinion, is evidenced by the early (VII - first half of the 6th century BC) burial of the burial ground Prygovsky in Middle Iset. However, these penetrations did not lead to the settling of the nomads in the forest-steppe. The burials left by the nomads in the modern forest-steppe zone were marked only by the extreme limits of their summer nomadic years, being a kind of symbol of the «sphere of interests».

Considering the contacts of the nomads of the Zhayik-Irtysh interfluvial steppes with the tribes of the Trans-Ural-West Siberian forest-steppe, it should be borne in mind that the form, intensity, nature, mode of implementation and their functional orientation among the tribes of Northern Kazakhstan and the South Trans Ural area were different.

Forest-steppe expanses of Western Siberia, due to the poverty of mineral resources, were not very attractive for the nomads of Northern Kazakhstan. The need to expand pastures in the VII-VI centuries BC due to favorable natural conditions in the Northern Kazakhstan, probably still absent. Therefore, contacts of the nomads of this region with the tribes of the forest-steppe of Western Siberia, although they were direct, they were carried out, most likely, irregularly and hardly covered wide sections of the society. According to the mode of implementation on the part of the nomads, they were primarily military, military-predatory, aimed at obtaining production. However, it seems to us, technological contacts connected with the spread of

weapons and skills cannot be ruled out. Probably, there were some forms of matrimonial relations.

The relations between the nomads of the South Trans Ural area and the tribes of the forest-steppe Ural and Tobol developed differently. At the turn of the VIII-VII centuries BC in the forest-steppe of the South Trans Ural area, the first settlements appeared, at first Gamayun, then Itkul. Among the reasons that led to their construction - the need to consolidate the «Gamayun residents» on the developed lands and the need to protect the means of metallurgical production, technical secrets and the product produced by the Itkul people, the main determining factor is the need for effective protection from the nomads. The construction of fortifications was a natural reaction of the forest-steppe population of the Trans-Urals to the aggressiveness of their steppe neighbors. As it is noted by V.A. Borzunov, the chain of Gamayun and Itkul fortifications, formed in the VI-IV centuries BC along the rivers Bagaryak, Sinara, the middle Iset defended the inner forest areas from the expansion of nomadic tribes.

What attracted the South Urals nomads about the Ural forest-steppe? It is unlikely that it could supply the nomads with the products of agriculture, which if it existed there, could not have, due to specific natural conditions, widespread distribution. Cattle breeding played the main role in the economy of the forest-steppe Transurals. The role of hunting was really big, the main commercial animals were moose and roe deer. Fishing of fur-bearing species had a solid significance only in the trans-Ural forest-steppe, among the tribes of the eastern slope of the Urals (Itkul, Gamayun culture), it was very small and limited, apparently, only for own consumption.

The main thing that attracted the nomads of the South Trans Ural area, for what they sought to the north, was obviously metal - copper and iron, for those tribes that are better provided with metal receive an advantage over their neighbors. It was the need for metal that stimulated their movement to the northern borders of their territory. It is significant in this respect that most of the objects that have analogies in the nomadic world occur, as already indicated, from the monuments of Itkul culture. Its settlements and settlements are stretched along the eastern slope of the Ural ridge from the upper reaches of the River Rezh to Lake Chebarkul, the eastern border runs roughly along the mouth of the Sinara River.

It is in the territory of the localization of Itkul culture - the eastern slopes of the Ural range - where large reserves of copper ore were concentrated, the development of which began in the Bronze Age. Copper deposits were also in the territory occupied by early nomads of the South Trans Ural area, and they also actively developed in the Bronze Age. However, there

is no evidence of their exploitation in the early Iron Age. Since the end of the Bronze Age, the exploitation of the Tash-Kazgan and Nikol mines in the South Trans Ural area and since the beginning of the early Iron Age, the Kargalinsky Mining and Metallurgical Complex in the Southern Urals has ceased. There is also no evidence of exploitation in the early Iron Age of copper deposits in Mugodzhary.

If the nomads were engaged in the extraction of metal, as it is evidenced by archaeological, historical and ethnographic data, they were forced to do this, since it was more profitable and rational for the nomads to receive metal from their neighbors, exchanging it for livestock and livestock products. And if there were no such neighbors or metal mining was poorly developed, the nomads themselves developed ore deposits. It apparently was the case with the nomads of Central and Northern Kazakhstan. Their northern and northeastern neighbors in the West Siberian Lowland did not have large reserves of copper ores. Obtaining the necessary amount of metal from the Altai, which lies away from the traditional ways of seasonal migration, was difficult in the territory controlled by other nomadic tribes. Therefore, the cattle-breeding tribes of Central and Northern Kazakhstan continued the development of copper deposits known from the Bronze Age.

The nomads of the South Trans Ural area in VII-VI centuries BC mainly received metal and products from it from the closest mining and metallurgical centers - Central Kazakhstan. The ore sources of Central Kazakhstan and the more eastern regions were in the hands of nomadic tribes, so the flow of metal from here was, most likely, the manifestation of various forms of exchange and was hardly the result of trade operations. The only thing that the nomads produced in quantities far exceeding domestic needs - cattle and livestock products - could not act as a commodity in trade or exchange between the nomads (especially since the same natural conditions of the South Trans Ural area and Central Kazakhstan stipulated the same composition of the herd). Non-economic methods of obtaining metal, in particular military incursions, although they provided some of its inflows, could not fully provide the relatively equal level of military affairs and military organization, ensure sustainable and in the required quantities of its receipt due to the general level of socioeconomic development. The raids by their nature were an unreliable and unstable channel of self-reliance in general, too dependent on the balance of forces at each particular historical moment.

The need for metal was constant. It was needed for the manufacture of weapons, jewelry, tools, horse harness, etc. That is why it was extremely important

to have its regular and sufficient intake. Therefore, the nomads of the South Trans Ural area, probably already in the 7th-6th centuries BC set on their closest producers - the tribes of the Trans-Ural forest-steppe, in particular the tribes of the Itkul culture.

For the Itkul tribes, who were able to provide themselves in sufficient quantities not only with metal, but also livestock and cattle-breeding products, these ties were not so necessary as for their southern neighbors. Naturally, under favorable conditions, nomads were not averse to forcefully obtain the metal they needed by means of grabbing raids. This was one of the reasons, along with domestic, socio-economic factors, the development of local societies, the emergence and widespread distribution of fortified settlements in the forest-steppe Ural. As noted by V.A. Borzunov, the construction of fortified settlements was a natural reaction of the forest-steppe population of the Trans-Urals to the aggressiveness of the steppe inhabitants.

In our opinion, one of the earliest evidence of military activity of the nomads on the southern borders of the Itkul world is the burial 3 in kurgan 2 of the burial ground Irtyash 14, dating from the second half of the 7th century BC. Early penetration of the nomads into the area of the Itkul culture is proved by the finds of a crotch buckle in the form of a cat-like predator curled from the shores of Lake Irtyash, a bronze plaque of the same form from Lake Uvildy, a horse harness with a girth buckle in the form of a coiled predator from Lake Travakul.

On the shores of the lakes Irtyash and Bolshaya Nanoga there are several strongholds of Itkul culture (Irtyash I and II, Semenovsk and others). These monuments together with Itkul I fortification on Lake Itkul, 30 km north of Lake Irtyash, are included in the Irtyash nest of culture, which functioned in the 7th-4th centuries BC. The earliest monument of the nest is the Itkul I fortification - it is also one of the primary metallurgical centers of the Itkul hotbed of copper metallurgy.

The coincidence in the time of the formation of Itkul culture and the metallurgical focus functioning on its base and the beginning of the active penetration of the nomads into the forest-steppe, in particular, into the area of the emerging Itkul culture draws much attention. It seems that it was the need of the nomadic world in non-ferrous metal that determined the formation and stimulated the further development of the Itkul culture and the Itkul focus of metallurgy, which in the future was closely associated with the Steppe.

However, the raids, as already noted, could not provide regular and in the required volumes of metal supplies; when both parties, nomads and sedentary population, retain their political independence, exploitation of this kind is not reliably guaranteed, it

does not have any strictly fixed forms. In addition, and perhaps most importantly, the raids did not stimulate the production of metal, and not only metal, concealing in itself the possibility of destroying the very foundations of the economic life of a settled population. Therefore, the raids could not serve the satisfaction of the ever growing needs of the nomads of the South Trans Ural area in the metal.

One of the ways to ensure the uninterrupted and sufficient supply of products necessary for the nomads (earth, crafts, metallurgy) on the most favorable conditions for them, the way to which all nomads aspired under favorable conditions and implemented was an extra-economic subordination (conquest) of their producers. In this case, the products necessary for the nomads came in the form of a regular tribute in exchange for protection from other nomads, etc. A characteristic feature of tributary relations as a form of exploitation was that in the tributary relations the matter concerned seizing the surplus (and sometimes the part of the necessary) of the product in the vanquished collectives, which nevertheless, in the main, retained their integrity as socially-potential and economic commonalities.

Thus, the result of the military activity of the South Ural nomads in the 7th-6th centuries BC in the Trans-Ural forest-steppe was the establishment, in all likelihood, of a system of tributary relations - in exchange for guarantees of "protection" the Itkul tribes supplied non-ferrous metals and products from nomads to nomads. At the same time, "Itkul tribes", obviously, preserved their integrity as a socially-impooverished and economic community.

The military-predatory nature of the first contacts, and in the future also the tributary relations, led to the almost complete absence of cultural-ideological contacts between the Itkul people and the nomads. Their mutual relations, not touching the sphere of spiritual culture, were limited only to constant economic contacts, in which individual, primarily elite, groups of the population entered.

The situation that took place in the 7th and early 6th centuries BC in the area of Itkul culture, was close, in our opinion, to the situation that developed in Cimmerian time on the right bank of the forest-steppe Middle Dnieper. There are three main groups of Cimmerian monuments. This, firstly, burials, secondly, the objects of the Cimmerian clothing complex in the settlements of the autochthonous population and, thirdly, numerous random finds, among which the military accessories prevail. The reason why the Cimmerians, and later the Scythians, moved northward into the forest-steppe limits, the researchers see in the desire to master the source of the metal, which played a huge role in the

paramilitary life of the nomads. It is possible that the search for sources of metal production was one of the main reasons that prompted the "Cimmerians," and then the early Scythians, to penetrate the territory of the Southern Urals.

We associate the "Cimmerian" in the Southern Urals with a deer stone from the Great Gumarov Kurgan, which belongs to the same tradition as the pre-Caucasian and some Black Sea stelae. Under the influence of the "Cimmerians" in the South Trans Ural area appeared a kind of bronze "Cimmerian" daggers

The presence of the early Scythians in the South Ural, first of all, the burial of the Great Gumarov Kurgan, as well as the burial of the kurgan 1 of the 59th Tselinnyi burial ground (the end of VII - the first half of the 6th century BC), and the burial of the burial mound 17 of the burial ground Pokrovka 2 (not later than the middle of the 6th century BC) on Ilek.

The inclusion of the early nomads of the South Trans Ural area VII-VI centuries BC into the historical and ethnographic region in our opinion, allows us to take a somewhat different view of the relationship of the Ananyin tribes with the Saka world. Their existence does not cause doubts and they are documented by the finds in Volgo-Kamia of numerous items characteristic of the eastern regions of Eurasia - items of armament (daggers, coins, arrowheads), bits, accessories, mirrors, belt sets, jewelry, etc.

Most likely, in VII-VI centuries BC the relationships of the Ananyin tribes with the Saka world (including East Kazakhstan and Altai) were carried out in two ways. The first, western, passed through the Western (Priuralskaya) Bashkiria, the Southern Urals and the Aral Sea (the lower reaches of the Amu Darya and the Syr Darya). The second, the eastern one, went through the forest-steppe Ural (Itkul culture), the South Trans Ural area and the lower reaches of the Syr Darya, Chu and Sarysu. The direction of these links coincides with the routes of annual migrations of the nomads of the Southern Urals (or South Priaralye) and the nomadic population of the South Trans Ural area.

As it was already noted, the nomads who wintered in Ustyurt, Mangyshlak, the lower reaches of the Amu Darya for the summer migrated far to the north - to the areas of the Southern Urals, and some of their groups were flying in the Urals Bashkortostan. Here they could enter into contact with the tribes of the Kurmantau culture, and through them with the Ananyin world. Descending for the winter to the south, the nomadic tribes of the Southern Urals and the Urals Bashkiria on the sites of traditional winter pastures directly neighbor with the nomadic and semi-nomadic tribes of Central Asia, who spent the summer in the same region - in Ustyurt,

Mangyshlak, Southern Priaralye. This neighborhood, naturally, led to the closest ties of various nomadic and semi-nomadic tribes. The concentration of the nomads in the strip of deserts and foothills from the Caspian Sea to Balkhash and Semirechie contributed to the close interaction of the nomads of the Zhayik-Irtysh interfluvial steppes not only with the tribes of Central Asia but also with the tribes of Eastern Kazakhstan and the Altai. It is on this path that, in our opinion, could penetrate from these remote territories in the Urals, tribes of Ananyin culture, innovations primarily in the field of weapons and horse harness and related ideological views.

The discoveries of Saka subjects (imported or made by local masters on imported samples) in the southern Urals and Ural Bashkortostan: bronze petiolate arrowheads, bronze, iron and bimetallic coins testify to the possibility of such a direction of relations.

The importance of this direction especially increases from the second half of the VI century BC when, as a result of the movements, the Ananyin tribes settle on the banks of the Belaya River to the city of Ufa and even slightly to the south. Significant changes in socio-economic relations and resettlement occur in this period and in the early nomads of the Southern Urals. All this created the conditions for direct contact of the Ananyin tribes with their south-eastern neighbors, and through them with the nomadic and sedentary world of Central Asia. And if for the first phase of the Ananyin focus of metallurgy and metalworking (the end of the VIII - the end of the 6th centuries BC), ties with the early nomads of the Southern Urals were neither deep nor dominant, then in the second phase (the end of the VI-IV centuries BC AD) they become very intense and dominant.

The second, eastern, way of linking tribes of Ananyin culture with the Saka world passed through the forest-steppe Zauralye (Itkul culture), the South Trans Ural area and the lower reaches of the Syr Darya, Chu and Sarysu. Groups of early nomads of the South Trans Ural area, whose protuberances were located in the Tobol basin, the upper Zhayyk, Uya, the interfluvium of Uya and Miass, had winter pastures in the desert zone between the Syrdarya and Balkhash. On the same territory, nomadic people of Northern and Central Kazakhstan, nomads and semi-nomads of a number of areas of Central (Central) Asia also wintered. This, naturally, favored various kinds of ties between the tribes, the exchange of achievements in the field of material production, spiritual life. Moreover, there were more opportunities for ties with nomads of East Kazakhstan, Altai, Tuva and Minusinsk depression in the tribes of the Tasmola historical and ethnographic community than in the nomads of the Southern Urals and the Aral Sea. This, in particular, can be evidenced by the composition

of the metal of certain objects of the 7th-16th centuries BC from Northern and Central Kazakhstan. So, according to T.B. Bartseva, with the Altai manufacturing centers, North Kazakhstan mirrors with a central loop-handle, a mint from the Alypakash burial ground and a bit with stony ends and additional round holes from the Zhabai-Pokrovka burial ground are connected with the Altai manufacturing centers. In the South Trans-Urals, most of the analyzed items of the Early Saka time from burials and random finds are made of tin or even high-tin bronze. As noted by S.V. Kuzminykh and A.D. Degtyarev, it can be assumed that the ore sources of low-arsenic or antimony-arsenic copper, as well as tin, as in the Bronze Age, were developed in the Kazakhstan and Sayan-Altai mining and metallurgical regions. The analysis of the composition of the non-ferrous metal of the Ananyin burial ground showed that the ore sources of low-arsenic or antimony-arsenic copper, as well as most of the tin and tin-bronze bronzes, are associated with the producing centers of the Kazakhstan and Sayan-Altai mining and metallurgical regions.

Itkul metallurgists, who, quite probably, already in VII - VI centuries BC were one of the suppliers of metal and products from it to the early nomads of the South Trans Ural area, were well acquainted with the complex of Saka armament and horse harness, objects of worship and art. The ties of the Itkul tribes with the "Ananyin" are originated from the Bronze Age, when various contacts and movements of the tribes of the eastern and western slopes of the Urals are traced. These connections are documented with finds of both common objects for these crops and products characteristic of the Ananyin people on the eastern slope of the Urals, Ananyin ceramics on the Itkul monuments and talc (sauralsk) ceramics in the Urals.

G.V. Beltikova, having compared the Itkul culture with a number of cultures of the Urals and Western Siberia, came to the conclusion that the neighboring Ananyin culture is the closest to the Itkul region on a number of characteristics. In particular, some coincidences of samples of chemical and metallurgical groups of non-ferrous metals, similarity of their chemical composition, have been stated. General technological methods of metal working, morphological similarity of things are also fixed. All this, in her opinion, distinguishes such an Itkul-Ananyin community, which assumes regular ties. Contacts between these two cultures were realized in the form of borrowing the ideas of technology and shaping, as well as the exchange of products, including, obviously, ore and metallic copper. As S. Kuzminykh notes, the state of normal permanent ties with the population of the Middle and Southern Urals had for the "Ananyin people" of VIII-VI centuries BC nodal

significance: hence, obviously, the main flow of non-ferrous metal to the smith-casters of Volgo-Kamya was received. It seems that the Itkul metallurgists remained the main suppliers of copper to the tribes of the southern taiga and in the V-IV centuries BC.

Thus, the Itkul tribes maintained contact with both the early nomads of the South Trans Ural area, and through them with the entire Saka world, and with the population of the Volga-Kamya. It seems that the Itkul metallurgists played the role of the link that connected the "Ananyin people" with the nomads of the Saka historical-ethnographic region.

The possibility of the existence of Ananyin-Saka contacts through the territory of the South Trans Ural area is evidenced by the finding here a sword that is analogous to the sword from the Lugovskoy burial ground of Ananyin culture, as well as the finds of the daggers typologically close to them in the Pamirs and East Kazakhstan. Evidences of this can apparently also be found in the revealed objects (in addition to the two-bladed hinged, three-lobed and trihedral petiolate arrowheads, mirrors with a loop on the back) of dial-up belts with bronze, iron or gold clips in Tuva, Altai, Pamir, Central Kazakhstan, South Trans Ural area and the Mari region of the Volga. This is also evidenced by the spread of daggers of North Kazakhstan type - Altai, Northern and Central Kazakhstan, South Trans Ural area, Kama.

The possibility of penetration of the bronze coins into the Volga-Kama through the South Trans Ural area may be indicated by the discovery of the coin in the burial ground Irtyash-14, as well as the discovery of a fragment of the mold for the casting of the coin in the settlement of Itkul culture. Bimetallic coinage found at the former village of Shantarino in the Southern Trans-Ural region can be considered as a result of the Anan-Sak ties.

The reality of the ties of the Ananyin people with the Saka world through the South Trans Ural area may, albeit indirectly, testify also to the data on the trade routes linking the Volga Bulgaria, and then the Kazan Khanate with Central (Middle) Asia. One of them came from Central (Middle) Asia according to Tobol, then through Ture and its tributaries to the passes through the Urals, and from there along the tributaries of Kama and along it to the Volga. Other routes ran from Karatau or the lower reaches of the Syr Darya through the Turgai steppes to the South Urals and further to the Urals along the "transural route", which runs approximately where the Chelyabinsk-Birsk (Chelyabinsk-Chebarkul-Miass-Zlatoust-Satka-Mesyagutovo-Caraidel Birsk) road runs now - laid along the ancient route. The discovery near the Yukalikulov I settlement in the Mesyagutov forest-steppe of the Ural Mountains of the bronze dagger with

a flat slotted handle and a roof-like cutaway (frame) crosshair, similar to the blades from the Miriinsk village in the Southern Ural and the village of Rassvet in Northern Kazakhstan speaks on the functioning of the "transural way" as early as in the 7th-6th centuries BC.

In terms of the Ananyin-Saka ties along the "transural route", a bimetallic dagger with an iron blade and a hilt and a bronze pommel and a crosshair connected by two bronze platens, stored in the funds of the museum of the city of Zlatoust, Chelyabinsk region, is of great interest. It was made in the first half of the VII century BC in the area, most likely, of Ananyin culture.

It is difficult to say which of the two planned ways of connection of the Ananyin tribes with the Saka world, eastern or western, was crucial. Most likely, in different historical periods the role of this or that way was different. It depended on a multitude of factors that were not always perceptible to us-economic, political, natural, and so on.

As it was already noted, in VII-VI centuries BC on the vast expanses of the Zhayik-Irtysh interfluvial steppes, the leading force was evidently the unification of the tribes of Central Kazakhstan. It was this that determined the direction and nature of cultural changes in the region, being a kind of "fashion legislators" not only in material, but, obviously, in spiritual culture. It was a time of flourishing and power of the Tasmola historical-ethnographic community. The leading position of the Central Kazakhstanian tribes in this community was based, in our opinion, on the control over the sources of nonferrous metal - copper deposits of Central Kazakhstan, the development of which continued in the early Iron Age.

Spectroanalytical study of non-ferrous metal from the monuments of VII-VI centuries BC from the territory of the Chelyabinsk region shows complete dominance of the metal of the Saka circle at that time, not connected with the South Ural sources. Most likely, at that time the nomads of the South Trans Ural area received both finished products and raw materials for their own metalworking production mainly from their eastern neighbors - the tribes of Central Kazakhstan.

When analyzing metal objects from the monuments of the VII-VI centuries BC products from tin, tin-arsenic and arsenic bronzes have been identified in northern Kazakhstan. Among them, the products of tin bronzes are absolutely dominant. Products made of tin-arsenic bronzes are just over a quarter, single from arsenic bronzes.

In Central Kazakhstan, out of a significant number of bronze objects analyzed from the monuments of the first and second stages of the Tasmola culture, according to E.F. Kuznetsova, over half are made of tin bronzes,

one-fifth of arsenic-tin and arsenic bronzes, even less tin-lead and only a few pieces of copper. From more than fifty bronze objects of VIII-V centuries BC of the Tasmola culture, for which the analysis of selected samples was carried out in the Department of Scientific and Technological Expertise of the State Hermitage, the absolute majority is made of tin bronze. The remaining items are made of arsenic bronze.

A situation similar to Central Kazakhstan is also noted in Semirechie (Zhetysay), where tin bronzes predominated throughout the Late Bronze Age and in the early Iron Age, but the use of arsenic was noted.

T. Bartseva associates products made of tin bronzes with local, Kazakh centers, the use of which in Kazakhstan dates back to the Late Bronze Age. Objects from arsenic bronze, in particular mirrors with a central handle-loop, mint and bit with staggered ends and additional round holes from the North Kazakhstan complexes, in her opinion, are connected, possibly, with the Altai production centers. However, according to A.D. Degtyarev, imported, apparently, was raw from arsenic bronzes, which came from the eastern regions of the Sayan-Altai. However, products from them, judging by the skills of metalworking, were manufactured on site. However, according to M.K. Kadyrbaev, in the territory of Central Kazakhstan - in the Northern Balkhash region, probably already in the Andronov and quite definitely in the Saka times a large center of mining and metallurgy, based on the copper ore deposits of the Sayak group, functioned. The ores of these deposits are among the rarest - with natural impurities containing arsenic minerals - and are the ready-made natural raw materials for smelting arsenic bronzes.

The question of tin sources for the tribes of Northern and Central Kazakhstan, as well as of the South Trans Ural area is being resolved ambiguously. On the one hand, there are a lot of tin deposits in Central Kazakhstan, some of which were already developed in antiquity. On the other hand, most researchers postulate the receipt of tin ore from the deposits of Rudny Altai. The advanced metallurgy and metalworking of the Tasmola tribes certainly required a considerable amount of tin. In our opinion, the demand for it was satisfied not only by internal reserves (deposits of Central Kazakhstan), but also by external (deposits of Rudny Altai). And this, in turn, determined the diverse ties of the population of the Tasmola community with the tribes of Eastern Kazakhstan and the Altai.

The steppes of Zhayik-Irtysh interfluvial, Altai and Tuva in the VII-VI centuries BC were the zone of distribution of many uniform parts of horse harness, arrowheads, mirrors, knives, etc. Without considering them in details, we will mention only rare or, in our

opinion, remarkable types of objects that seem to be an indicator of the existence of various kinds of interrelations.

One such rare types of product is a "mirror" with a long side handle in the form of a knife or pointed at the end of the pin. We still know eight such "mirrors": four from the South Trans Ural area, and one from the South-Eastern Aral Sea, North, Central and Eastern Kazakhstan. Mirrors with a short side handle and a loop on one side of the handle or a hole on it from the South Trans Ural area, North and East Kazakhstan are close on the design features to such "mirrors".

The group of daggers of Nurmanbet type includes daggers from the South Trans Ural area, Northern and Central Kazakhstan. They are characterized by a flat wide handle with a wavy edge, often decorated with spiral ornament, pommel in the form of a flat segment, sometimes approaching in shape to a bar with rounded edges, or a triangle with rounded corners. In addition to the steppes of the Zhayik-Irtysh interfluvial, daggers of the Nurmanbet type were found in East Kazakhstan and in the Kama region.

Despite the vivid peculiarity of each dagger of the Nurmanbet type, they can be divided into two versions based on the form of a crosshair. The first version includes daggers with a "kidney-shaped" unseparated crosshair. The second option includes daggers with a marked "butterfly-shaped" or a cross-shaped shape that is close to it.

The group of daggers of Nurmanbet type it is possible, in our opinion, to include the dagger of VII - the first half of the 6th cc BC from the Bobrovka burial ground in the South Trans Ural area, as well as a similar dagger, or rather his hilt, from the Kurgan region. They are distinguished from the Nurmans, only by a different, but also figured, design of the hilt. On the other features - the general outline, the size, the shape of the top, the crosshair and the blade, the presence of the pod under the pommel - they do not differ from daggers of the Nurmanbet type.

Among the daggers of the Early Saka period, one can distinguish a separate group of blade weapons of the Balandin-Uigarak type, including daggers from Balandin in Northern Kazakhstan, Shiderty in Central Kazakhstan, and the Uigarak cemetery in the Aral Sea area. The same group includes daggers from the Altai Museum in Xinjiang and the burial ground Arzhan-2 in Tuva. They have a segmented or flattened flat pommel, a "butterfly" or "kidney" crosshair that is poorly marked or cast in the same relief with a handle, a smooth wide flat-oval cross-section arm, the width of which is equal to or almost equal to the width of the blade, often a pad under the shoulder of a triangular shape. A variant of

this type can be considered to be daggers with a bar-shaped top, “butterfly-shaped” or “cordate-kidney” cross, smooth wide flat-oval or complex cross-section handle, the width of which is equal to the width of the blade, an elongated blade with parallel blades. Daggers of this variant are found in Northern Kazakhstan and the South Trans Ural area, as well as in the Middle Syr Darya. A variant of this type is represented by two bronze daggers from the village Saru in Kyrgyzstan. Daggers of the Balendin-Uigarak type probably existed simultaneously with daggers of the Nurmanbet type - in the 7th-6th centuries BC.

A separate group of melee weapons are two iron daggers with a bar-shaped top and a “butterfly” crosshair from the South Trans Ural area. One of them was found in the Argayash district of the Chelyabinsk region. This is an iron dagger with a bar-shaped top, a “butterfly-shaped” crosshair and a bronze cuff on the handle. Almost complete analogy to it is the sword from the Lugovsk burial ground of the Ananyin culture. A sword from Argayash is very close to an iron dagger from the vicinity of the village of Varshavskiy, Chelyabinsk region. They have the same shape of a blade and a crosshair. In both, the rib in the form of a roller passes through the entire product. The Warsaw dagger features only an iron clip under the top and a pommel shape which is slightly curved and bar-shaped.

Iron swords from the South Trans Ural area and the Kama region are close to the bronze dagger found near the village Ushbiik in the Semipalatinsk region. The bronze clip is functionally analogous to Akinaki clutches of the Lugovsk type, although it is narrower and unornamented, and is worn on the handle of an iron dagger with a “butterfly-shaped” crosshair and a bronze bar-shaped top from the kurgan of the burial ground Zhaman-Togai in the Middle Syr Darya. So far only in the South Trans Ural area and Northern Kazakhstan are known bronze daggers with zoomorphic top, flat slotted handle and a roof-like cutaway (frame) crosshair, decorated in the form of a broken frame in the middle. The kinks form downwardly padded blades, in the protruding part of which there are slits in the form of a parallelogram. This group of blade weapons can probably include a bronze dagger found on the surface of the settlement of the inter-culture culture of the Yukalikulyov bronze epoch in the Mesyagutovskaya forest-steppe (Southern Urals).

Bronze coins found in the burial ground Alykpash and in the area of the Borovsk lakes in Northern Kazakhstan, in the burial ground Irtyash-14 in the Southern Trans-Ural region, also refer to the melee weapons of the nomads of the Zhayik-Irtysh interfluvium. The bronze chisel was probably placed in the kurgan Berezhki V6 at

the Argazin Reservoir (South Trans-Urals). However, as a result of the robbery, only his flow and a bone piece with the head of a ram or a saiga reached us.

The bronze chisel from the burial ground Alykpash has a short, rounded bushing, a four-sided cross-section in the cross-section of shoes and a straight, eight-hexagonal cross-section, with a sharp quadrangular end. Through holes in the middle of the sides of the bushing are made to fix the wooden handle. At the end of the hammer handle, a bronze thread was put on. It has straight expansive lateral facets, a convex, sharpened end. Through-holes for fastening the handle are made on the facets of the wiring. Alykpash chisel is very peculiar and does not find direct analogies either in Tagar or Ananyin monuments. However, the hexagonal cross-section of the striker with its tetrahedral pointed end is marked on a number of Ananyin coins. The same beetles are also known on the earliest Tagar coins of the 7th-6th centuries BC.

The bronze chisel from the burial ground Irtyash-14 has a lowered nave that is oval in section and head of the bird of prey in the corner between the nave and the striker. The chisel has a flat, rectangular cross-section, a shoe and straight, round in cross section side with a sharp tetrahedral end. Through holes in the middle of the lateral sides of the bushing are made to fasten the handle. At the end of the same hilt, a bronze sintered thread was worn. It has concave, widening lateral facets and a convex, sharpened end. Through the top edge on both facets of the worm hole through holes. On one of the faces there is another through hole. The chisel from the Irtyash-14 cemetery in its shape and design is closest to the coin from the New Ufa cemetery. Almost similar to the Ufa stamping was found near the fortress Kara-Abyz.

Two bimetallic chisels also originate from the territory of the South Trans Ural area: from the cemetery of Kichigino I and a random find in the village of Shantarino in the Troitsk region. Shantary chisel has an iron blade and a bronze bushing. The blade is a single iron trapezoidal plate in plan, passing through the bushing. In the corner between the hub and the hammer there is a loop formed in the form of a head of a bird of prey with a curved beak. Bimetallic coins were found in Western Siberia, the Eastern Priaralye, the Southern Urals, the Volga-Kamye, the Caucasus and Asia Minor. Chekan from Shantarino is closest to the specimens from the Uigarak cemetery, from the Sulak mountain near Orenburg and the environs of Orekhovo village, Lugansk region.

The coin from Kichigino has iron barrels and a boot and a bronze bushing. The pane is straight, in section, most likely, round or polyhedral. Flat in the cross-section

of the shoe extends to the rounded end. The iron part of the product covers the upper part of the bronze bushing. Kichigino chisel is still the only one whose iron warhead covers a bronze bush, and does not pass through it like the rest of bimetallic coins.

All-bronze samples from the burial ground Ust-Khadyny I (7th century BC) and the male accompanying graves of the kurgan Arzhan-2 in Tuva, the Irtyash 14 burial ground (VII century BC) in the South Ural area, the Perm Museum are close to the Kichigino coin in the form. They have a flat in the cross section of the shoe, which extends to the rounded end, and is round or polyhedral in the cross section of the firing pin. At some of them the bushing in its upper part is covered by a relief rim, which, as it were, joins the pier and the boot. In some cases, in the corner between the hub and the striker the head of a bird of prey is placed.

From other categories of inventory of the nomads of the Zhayik-Irtysh interfluvial steppes it is possible to note a bronze knife with a pommel of the “arch on the bracket” type from the kurgan of the VIII-VII centuries BC at the station Shiderty in Central Kazakhstan. The closest analogies it has in the materials of the Zevakin burial ground in East Kazakhstan.

The steppes of the Zhayik-Irtysh interfluvium are, in our opinion, one of the main regions of the distribution of sword belts with bronze or iron clips. They existed, in his opinion, in the VII-VI centuries BC, but can also be found in burials of the 5th century BC. We have previously divided the belts of this type into two groups. The first group is characterized by metal clips of rectangular shape with different design of the front surface. Their reverse side is smooth or slotted, with one or two loops or loop-like projections. The second group includes set-up belts with metal figured X-shaped solid or slotted cages. New materials from burials and random finds in the Zhayik-Irtysh interfluvial steppes, obtained in the last decade, make it possible to divide the clips of the belt belts of the Early Saka period of this region into four groups: rectangular, figured, zoomorphic, multi-ringed (strapped).

Belts with bronze or iron clips of rectangular shape were found in four South Uraurian burials. In Central Kazakhstan, such belts originate from the cemeteries of Tasmola VI, Nurmanbet IV, Maykuben 3. All of them date back to the 7th-16th centuries BC.

Among the figured clips there is a subgroup of X-shaped solid or slotted ones. Sword belts with such clips are found in the burial grounds Tasmola II and Taldy-2 in Central Kazakhstan, Alykpash in Northern Kazakhstan.

In the South Trans Ural area, belts with figured clips of the second subgroup (not X-shaped) are represented

by a belt found accidentally in the Troitsk region of the Chelyabinsk region. In addition, one belt clip of this subgroup comes from the neighborhoods of the village Osipovka of the same Troitsk district. In Central Kazakhstan, to the belts of this subgroup, we can refer, as we see it, the belt from the burial ground Mikouben 3. This belt with seven bronze clips had a quiver containing five bronze triangular arrowheads and a bronze knife with a ring-shaped pommel. The quiver was suspended to a bronze hook, which, with the help of a rawhide strap was decorated with two bronze perforations, and a bronze rod was fastened to the belt. A large bronze cylindrical protrusion and two bronze cone-shaped rings are also connected to the belt. In addition, when buried, two flat plate linings and a bronze double-bladed saddle arrowheads are found.

The third group of belt clips, which is zoomorphic, is represented by a belt from the burial grounds Kichigino I (South Trans-Ural) and Tegiszhol (Central Kazakhstan).

The clips of the Kichigino belt are decorated with images of the opposing heads of saigas. In the same manner as in the Kichigino clips, the head of the saiga was transferred on gold plaques depicting this animal in a flying canter from the burial mound 66 of Southern Tagisken. The belt clips from Kichigino are closest to the bronze plaque found in the sands of the Kurmangazy district of the Atyrau region in West Kazakhstan.

Figured clips from the burial ground Tegasyol are made in the form of a double-beam swastika inscribed in an oval. The rays are decorated in the form of stylized images. On one of them, the contours of the head and beak of the griffin are transmitted by a twisting line. Another ray depicts a profile of a horse's head with a mane in the form of a relief of three oval ledges. This belt includes, in addition to zoomorphic clips, clips of the first group - rectangular, one side of which is smooth, and on the second there is a loop-like protrusion similar to the clips from the burial ground Tasmola in Central Kazakhstan and Kyzyl-Telan I in Tuva.

Sword belts with rectangular-shaped clips, in addition to the Zhayik-Irtysh interfluvial steppes, also occur from the Akhmylov burial ground in the Mariiskii Volga region, burial grounds South Tagisken in the South-Eastern Aral, Tegermans I in the Eastern Pamirs. All of them date from the VIII-VI centuries BC.

Bronze belt clip of rectangular shape, one side of which is smooth, and the other has a loop, was found together with a set of horse equipment of the early Saka time near the village of Barshatas, located on the southern slope of the Akshatau ridge in the eastern part of the Kazakh Upland. The same clips also originate from the burial mound 4 of the burial ground Aksuat I

on the northern slopes of the Tarbagatai ridge in East Kazakhstan.

A leather belt with five rectangular bronze clips, which have a loop on the back, was found in the grave of the 9th Gilyovo-10 burial ground, group 4 (Gilevsky Bridge) in the south of the Altai on the border with Kazakhstan. The complex of this grave is dated by P.I. Shul'ga to the first half of the 6th century BC. As on the belt from the burial ground Nurmanbet IV, a thin leather strap passed along the central part of the belt. It should be also noted that the man buried here was laid out on his back, his head to the north, and on the wooden overlap of the pit, the skull and cervical vertebrae of the horse and bones of the carcass of the sheep were preserved. The rhombic cross-section of the bronze saddle arrowhead from this burial finds the closest analogies in the quiver from the Alypakash burial ground in Northern Kazakhstan.

The belt with bronze clips made in the form of a stylized figure of an eagle with outstretched wings, comes from the grave 12 of the same burial ground Gilyovo-10. The burial is made in a stone box, on the slabs of which the skull of a ram is found. The deceased was laid out stretched on the back, head to the north. The inventory system allows to confidently date the burial in the first half of the 6th century BC. It is noteworthy that the belt from the grave 12 had a bronze clasp-clasp, as well as in burial mounds Bobrovsky, Irtyash 14 and Kichigino I in the South Trans Ural area and the cemetery Tasmola II in Central Kazakhstan.

A belt with smooth rectangular clips was found in Tuva in the kurgan 6 and, possibly, in the kurgan 2 of Bai-Dag 6 of the early stage of the Aldy-Bela culture of the 7th-6th centuries BC. Belts with rectangular clips are found in the burial ground Yuhuangmiao in North China. Their front side is not smooth, it has an ornament in the form of one or a double S-shaped figure with variations. The presence of the ornament brings them closer to the belt clips from Tuva, which have relief images on the front surface. Like ones from Tuva they also have a rectangular cutout on the reverse side. There are belts with openwork clips with two connected twin S-shaped figures, very close to the belt clip in this burial ground from the kurgan Arzhan 2.

The collection of the sword belts with the clips of the first subgroup of the second group (with figured X-shaped) includes, in addition to the belts from the burial grounds of Tasmola II, Taldy-2 and Alypakash, the belt from the barrows near the villages of Vavilovo (Babylonka) and Pyaniy Yar, the burial ground Aksuat-I in the East Kazakhstan.

In addition, a dagger, a knife, a mirror with a side handle, bronze arrowheads, a set of belts with bronze clips - burials in the villages of Vavilovo and Pyaniy Yar

are close to a series of burials of the 7th-16th centuries BC from the South Trans Ural area, Central Kazakhstan and the Aral Sea.

Sword belts with figured clips of the second subgroup of the second group were found in the burial grounds of South Tagisken in the South-East Aral and Mozhutash II in the Eastern Pamir. Belts with a figured, crenellated, shield are also known in the North Chinese burial ground of Yuhuangmiao.

Simultaneously with the above-described belts in the VII-VI centuries BC the nomads of Central Kazakhstan, as well as the Aral Sea, Kulunda, Altai and Northern China, used belts consisting of three to six parallel leather straps, for the fastening of which multi-ringed bone or bronze clips were used. These are belts from the burial grounds Tasmola V and Kopa in Central Kazakhstan, Uigarak, Zhol-Kuduk, Tytkeskene-6, Yuuhuangmyao.

The belt from Tasmola V included a horn clasp, four curly bone clips in the form of five rings connected to each other. A bone crutch with a stapesque top, probably a bronze crutch, hung on a belt from the burial ground Tasmola II was probably hanging to the belt. The bone buckle of the belt is stylistically close to the buckles of the belts from the burial grounds Gilyovo-10 in the Altai, Demir-Sug II and the Arzhan-2 mound in Tuva.

Bone clips, similar to ones from Tasmola, but not with five, but with four ring-shaped holes for the straps, were a part of the belt from the Jol-Kuduk burial ground. The presence in the materials of this barrow those bone clips, ornamented on one side by 5-6 rollers, suggests that in this case we are dealing with a combined belt. Its middle part, which was on its back, was from an integral belt, and the edges - from four straps.

According to P. I. Shulga, under the influence of strap straps, clips of one-piece belts from the burial ground Mikubeni (Central Kazakhstan) and the burial ground Bystryansk (the northern foothills of the Altai) are decorated. Moreover, bronze clips of the Bystryansk burial ground, ornamented from the outer and inner sides by five rollers, imitate five successively located rings on horny clips from the burial ground Tasmola V.

Both in the North and Central Kazakhstan, stone ring fences are known from vertically installed or horizontally laid slabs or large stones without grave pits inside them and any traces of human burial. Objects of horse harness were placed inside the fence or under its stones. In East Kazakhstan, this type of monuments may include a finding in the fence of 17 Izmaylov cemetery. Here, in the microdistrict of Ust-Kamenogorsk there is a rectangular fence (Bar VIII, fence 29), to the east wall of which a rounded altar containing a set of horse bridle was installed. In the South Altai, in the burial ground

Koksu I, a ring made of large stones was examined. In its center, in a small depression, along with fragments of the horse bones, a bridle set consisting of bits, pendants, and buckle was found and threaded for cross straps. Psalias with T-shaped protrusions from Koksu are similar to psalias from Northern Kazakhstan. In our opinion, this type of monuments includes a ring of seven massive stone blocks, researched in the south-west of the kurgan 2 of Mayemir. Here, under the largest block, a "treasure" ("Mayemir treasure"), consisting of harness items, including five golden rounded plates depicting a carnivorous predator is found. As a rule, the majority of these complexes in the grounds of horse harnesses date back to the second half of the VIII-VII cc. BC.

The stone structures of the rounded form, most often consisting of eight stones, sometimes with items of horse harness inside them, discovered on the territory of the Central Tien Shan are dated to this time. Some of them are almost unrelated to the burial grounds, and some are tied to concrete burial mounds, arcuately surrounding them.

Among the monuments of the Altai Biyken culture there is a group of ritual objects in the form of rounded, oval or square structures lined or paved with stone. They can be divided into two subgroups: ring-laying (limited by stones laid out along the perimeter) and paving (inside are filled in one or two layers with small pebbles, and around the perimeter are sometimes limited by larger stones). Calcined bones of animals, fragments of ceramics, traces of fireplace were found under the stones of some calculations and hollows. In some cases, within these structures, in the pits there were horse graves, horse heads or parts thereof. Various calculations and pavements, often with horse heads, are also found on the territory of Tuva, Mongolia and Trans Baikal.

The ordinary burials of the Aldy-Bela culture of Tuva, unlike elite, there are no horse burials. However, the burial rite of this culture provided a room in the land structure of the kurgan, most often under the stones of the fence, a set of equestrian equipment. Such ritual treasures were found in the burial grounds of Aldy.

The parts of horse harness (bit, psaltery, buckle, etc.) from the burials of the early nomads from the Zhayik-Irtysh interfluvial steppes, mainly Central Kazakhstan, have numerous analogies not only in the monuments of the Aral Sea area, but mainly in Altai and Tuva. However, among the diverse items of harness from Central Kazakhstan, there are products that have the closest analogies mainly only in the monuments of the Altai, less often Tuva or Minusinsk Basin.

Thus, the bit found in Taldysay (Central Kazakhstan) is two-ringed with two-planar holes, the outer ring of

which is made in the form of stapes-like endings - as the closest analogue. A.Z. Beisenov and Zh. E. Smailov take as a sample the bit from Izmailov complex in East Kazakhstan. Probably, the same type of bit includes the bit from the Ak-Mustafa burial ground (Central Kazakhstan). The bit, similar to Izmaylov, and also Taldysay, but with two rings at the end, were found in the Minusinsk hollow. A significant number of bits with large round holes for the psaltery and smaller holes, including stapes, to attach the halter, but located in the same plane, occur from the territory of North China.

Bronze psalias with a T-shaped protrusion in the center and holes along the edges are known in single specimens in Northern Kazakhstan, the Aral Sea (Uigarak), the Minusinsk Basin and Tuva. The main area of their distribution is the western and north-west foothills of the Altai.

Some parallels between the South Trans Ural area, North and Central Kazakhstan, on the one hand, and Altai and the adjacent territories, on the other, can also be traced in the funeral rite, as it was discussed above. The burials "stretched out on the back", made at the level of the ancient surface, in a simple pit or pit with a lining along a long wall should be mentioned here. Often in the grave pit, along with the deceased, a horse or its mock-up (skin with head) was placed. The inventory of these burials, first of all is the equipments of the horse. The closest analogies are present in the monuments of the Tasmola community or the Tasmola culture. On this basis, Tasmola complexes are close to burials in the cemeteries of the Mayemer II and Tar-Asu cemeteries from the Kazakh Altai. The tip of Mayemer II - tetrahedral with a rhombic form of a feather and a hidden sleeve - has the closest analogies in the Aral and Northern Kazakhstan complexes. Gold earrings with hinges of a truncated-conical shape decorated with a false grain, and a gold figure of a cat predator from the burial ground of Tar-Asu find the closest analogies in the monuments of Central Kazakhstan. Such earrings, in addition to the citadel of Gilanda and Tar-Asu, were found in a number of VIII-V cc. BC complexes from Central Kazakhstan, Altai and its foothills, the Kuznetsk Basin, Tuva, as well as the Southern Urals and the Lower Volga.

The absolute quantitative predominance of this type of earrings in Tuva and Altai makes it possible, in K.V. Chugunov's opinion, to consider them as characteristics of the Aldy-Belian culture of Tuva and the tribes of the Early Scythian time of the Altai. Their distribution is associated with the promotion of the tradition bearers of their manufacture from east to west, or with contacts of the population of Kazakhstan and Sayano-Altai, as a result of which the technology of granulation appears in the Altai and in Tuva from the territory of Central and

Eastern Kazakhstan. This technique probably developed together with innovations that led to the formation of the Aldy-Bela cultural complex of Tuva. On the other hand, the finds of this type, primarily in Tuva and Altai, as well as the discovery in the East Altai of monuments comparable primarily with the Aldy-Belsky burials, prove the hypothesis of infiltration into the Sayan-Altai population with a single cultural basis formed outside of it and connected with Mongolia and the northern regions of China. In connection with this conclusion, it should be noted that in North and North-Western China, earrings with cone-shaped pendants, extremely close to Tuvan, Altaic and Kazakhstan, are also known.

A set of items used for equipping the horse and weapons from the cemetery Chekanov Log X (north-western foothills of the Altai) finds closest parallels in the materials of Central Kazakhstan and Gorny Altai. The proximity of the inventory (crocheted buckles and accessories of the bit), as well as some features of the funeral rite (the position of the buried stretched on the back, head to the northeast, the placement of the skins of two horses in his feet) was traced to the monuments of the Tasmola culture of Central Kazakhstan and for burial in the mound 2 Chesnokov 1 burial ground on the Charysh river (second half of the VII or beginning of the 6th centuries BC). This proximity served as even the basis for the initial conclusion that the native from Kazakhstan steppes was buried here.

The woman accompanied by a saddled and bridled horse was buried in the burial pit with a pile along the long wall of kurgan 1 of the burial ground Mashenka 1 in the northwestern foothills of the Altai in the late 7th - early 6th centuries BC. The deceased was laid stretched out on the back, head directed to the north. To the right of her belt there was a leather handbag with a bronze mirror, a bone tube, a bone comb, a piece of processed wood and a leather bag with red and black paints. The closest analogies to the burial rite and the inventory of this burial mound are found by P.I. Shulga in the monuments of Central Kazakhstan.

The presence of bright Saka features in the funeral inventory demonstrate, according to A.L. Kungurov, complexes of the early stage (the end of VII-VI centuries BC) of the Old-Ale culture from the cemeteries of the Small Gonbinsk Cordon near Barnaul. These include bronze mirrors with or without a rim with a central handle-loop, bronze two-bladed saddle and three-lobed petiolate arrowheads, bronze and iron pins, stone oval altars without legs, gold patch plaques depicting lions.

All analogies to this "set can be traced in the southern and southwestern regions of Eurasia." It should also be noted that for these complexes, the position of the buried stretched out on the back, head to the south-west

is common. According to A.L. Kungurov, the funerary inventory characterizes this Early Scythian complex as "alien in the Upper Ob area". Arrived in the VII century BC in the the Upper Ob region, these settlers, who "have the Saka-type culture," have gradually pushed the tribes of Bolsherechen people to the upper reaches of the Ob River. The collisions arising in the region are also evidenced by the fact that all the bronze arrowheads found in the graves of the Bolsherechen served the role of amulets or they were used to kill the buried people. At the same time, the tips from the cemeteries of the Little Gongbin Cordon were a part of the quiver kits.

Through the territory of East Kazakhstan and Altai, probably, ties between the tribes of the Tasmola historical-ethnographic community and with more eastern territories, primarily with Tuva, developed. These connections are especially evident when comparing objects decorated in the traditions of the bestial style from elite burials of the South Trans Ural area, Central and Eastern Kazakhstan, Semirechie (Zhetisu) and Tuva.

The proximity of the pictorial tradition to territories that are far from each other suggests the existence of handicraft centers at the borders of the nomadic world, specializing in servicing the nomadic elite. Such centers could be, as K.V. Chugunov suggests, on the territory of modern China or in the Aral Sea region on the sites of archaic Khorezm. Without rejecting the possibility of the functioning of the nomad handicraft workshops in Ancient Khorezm, we believe that it is highly unlikely that they existed there in the early Saka time. Judging by the distribution and degree of concentration of highly artistic jewelry in the Asian part of the Eurasian steppes, these centers were located somewhere in the borderland of the nomadic world and Chow China in the early Saka period.

In addition to the proximity of the pictorial tradition of the various connections of the Zhayik-Irtysh interfluvium and Tuva nomads through the territories of East Kazakhstan and Altai, other categories of burial equipment testify as well. Thus, in Tuva in the burial-ground of Ust-Hadyiny I (VII century BC), along with a leather belt with bronze rectangular clips decorated with images of a pair of mountain rams, a bronze mint was found with a round striker in the cross section, ending with a tetrahedral point, with a bushing, covered by a relief rim, equal in width to the diameter of the striker and the shoe, and with the head of a bird of prey in the corner between the bushing and the striker. In its form it is very close to the coinage from the Irtyash-14 cemetery in the South Trans Ural area, where a belt with bronze smooth rectangular clips is also found. Remains of belts with bronze or gold rectangular clips are found in several monuments of

Tuva. It should be noted that here, in addition to belts with smooth clips, a large number of belts are found, the clips of which are decorated with animal images or complex geometric patterns. This detail distinguishes the Tuva belts from their belts from other regions of the steppe Eurasia and brings them closer to the belts from Xinjiang and Northern China.

On both sides the clips from the burial ground Sypuchy Yar (not later than the turn of the 7th-16th centuries BC) pairs of mountain rams are depicted. The belt clips belonging to the same time from the burial ground Demir-Sug II are adorned from two sides by the interlacing of S-shaped figures. The belt from Demir-Sug II is almost similar to the belt from the kurgan 5 of the burial ground Arzhan-2, whose clips, made of gold, are not solid, but are slotted. In the accompanying male grave 26 of this kurgan a belt with rectangular clips decorated with images of a pair of mountain rams, similar to clips from Ust-Khadyny, was found. From the accompanying grave 20 from the kurgan Arzhan-2 there is also a belt, rectangular clips of which are decorated with pairs of standing cat predators. A weapon was fixed on this belt - it burns with a bow and arrows and a bronze chase. The latter, as well as the mint from the burial Irtyash-14 in the South Trans Ural area, has a round section with a four-edged point, a flat shoe, rounded at the end, a head of a bird of prey between the hub and a hammer.

It should also be noted that belt buckles-fasteners, similar to the fasteners from the burial ground Kichigino I in the South Trans Ural area are found in the North-West Altai (Gilyovo-10) and in Tuva (Demir-Sug II, Arzhan-2). The closest to Kichigino shape and belt fastening system are belt fasteners from the burial ground Gilyovo-10 (the first half of the sixth century BC) and the burial chamber of the 5th burial mound Arzhan-2 (second half of the 7th century BC). The burial of 1 kurgan 1 of the burial ground Demir-Sug II should also be dated to the second half of the VII century BC judging by the bronze belt clips, similar to the gold clips from the burial chamber 5 of Arzhan-2. A slightly different fastening system was used for buckle-fastener from the accompanying 26 burials of the burial ground Arzhan-2. In our opinion, a badly worn waist-shaped clasp-clasp from the kurgan 5 of the burial ground Taldy-2 had a form close to Kichigino. The belt from the kurgan 3 of the burial ground Tasmola V is stylistically close to the Tuvan and Altai bone buckle.

Another belt with bronze clips in a complex with a bronze coin and a set of 10 arrows comes from the burial mound of the Sarig-Bulun cemetery. In the burial mound 1 of the same burial ground, as well as in the complex on the river Khut, bronze socketed arrowheads were found, typologically close to the tips of the Irtyash-14 cemetery in the South Trans Ural area.

According to the P. I. Shulga's data in Xinjiang «three belt clips from the published ones» reliably relate to the early Saka time. Moreover, one of them with a smooth front surface and a zigzag-like lateral edge, resembles the belt clips from random finds in the South Trans Ural area, included into the second subgroup of the second group of belt belts of the Zhayik-Irtysh interfluvium. On the shield of the second belt clip from Xinjiang, the image of the stylized head of a ram with swirled horns is depicted, thus it can be considered together with zoomorphic clips of the South Trans Ural area and Central Kazakhstan. On the shield of the third Xinjiang clip there is an S-shaped figure, which makes it possible to compare it with the clips of the belts from North China and Tuva. A characteristic feature of the belt clips from Xinjiang, as well as the clip from Northern China (Yuhuangmiao burial ground), according to P.I. Shulga, is a large figure-shaped shield and a thin bar on the back. In this regard, it should be noted that in the barrow of the 5th burial ground of Kichigino I, part of the belt clips have a shield in the form of opposing heads of saigas and a thin bar on the back.

In the burial of the kurgan 2, burial ground 4 Sypuchy Yar in Tuva, dated by the time not later than the turn of the VII-VI cc BC two horseshoe bronze plaques with protoids of camels, fastened to the belt with the help of two buttons were revealed. They performed, probably, the same function as the plate with the protoms of horses from the cemetery of Kichigino I - served to suspend various objects to the belt. A gold horseshoe-shaped belt buckle with multidirectional heads of birds of prey, which served to suspend the mountain, was found in the grave 5 of the kurgan Arzhan-2. To the belt, it was attached by two cuff-shaped pegs, located on its reverse side. Besides, in Tuva, in the burial ground Tchkalovka, a horseshoe-shaped belt buckle was found for suspending a quiver with protoms of two horses stylistically extremely close to depicting horses on the Kichigin waist plaque.

Similar to Tuva horseshoe-shaped plaques, but with griffin protoms, originate from the Chauhugou burial grounds in Eastern Turkestan. Close in form to Kichigino, but without zoomorphic endings, a bronze plaque was found in another burial ground of Eastern Turkestan - Qunbaka.

Close in form to the above described, a bronze belt with two lanyards protruding from the strap with two buttons with rounded shields was found in the looted burial mound of the burial mound of the village of Bystryansk in the northern foothills of the Altai. It dates back to the beginning or the first half of the 6th century BC. Obviously, the complex of the kurgan 40 on the Begira River in Tuva, where a bronze horseshoe

decoration with two buttons for fastening to the belt, as well as a bronze three-blade petiolated arrowhead and a gold earring with a cone-shaped decorated with a grain suspension, should also be dated by the same time.

Proceeding from the foregoing, P.I. Shulga's opinion on the fact that the complexes of Altai and Tuva with horseshoe belt «buckles» (plaques) can be dated from the second half of the VII th - first half of the VI th centuries BC is fair.

A feature of the socketed quadrangular arrowheads from the kurgan 5 of the burial ground Kichigino I is the way they are fastened to the shafts. They all at the bottom of one of the faces have a round hole of 0.2 cm in diameter. Through this hole a birch clove (dowel) was driven into the birch arm of the arrow, the upper part of which was cut flush with the edge. The dowel prevented the tip from flying off the shaft. Bronze socketed quadrangular rhombic cross-section arrowheads with the same holes in the lower part of one of the faces were found in the burial ground Taldy-2, kurgans Arzhan-2 and Ching-Tay I. The tip of the same type with an opening on one of the faces was also found on the territory of Ordos.

A number of researchers allow the probability of migration in the VII century BC of some tribal groups from the northwestern foothills of Altai to the upper reaches of the Yenisei (Tuva). Its indicator is the spread of bridles with Y-shaped psalias and psalms with a T-shaped peg. This movement is associated with the appearance of such a bridle on Katun in the northern foothills of the Altai. According to A. A. Tishkin, the tribes that migrated from the 7th c. BC from the territory of the Altai Mountains, served as the basis for the development of the Bystryanskaya culture there.

According to K.V. Chugunov bronze arrowheads with a petiolate form of the top appear in Tuva together with the representatives of the Alda-Belian tradition. He thinks that the initial territory, from where the petiolate tips came to Tuva, is the Aral Sea region, where, as he points out, their two-bladed forms are widely represented. However, it should be noted that the two-bladed petiolate tip, together with trilobate and trihedral cilia and double-bladed saddle, is part of the complex of the VII century BC kurgan 5zh of the burial ground Karamurun I. In the kurgan near the station Shiderty, dated within the VIII-VII centuries BC a two-bladed petiolate tip was found in combination with trilobate and trihedral-trilobate petiolate. Only in the Aral area K.V. Chugunov finds an analogy to the Tuvinian socketed tips with a tetrahedral rhombic cross-section with a point passing in the lower part of the lateral ribs into two narrow blades, descending in the form of spines below the cutoff of the bush. In the South Trans Ural area,

all arrows from the barrow of the 2 Irtyash-14 cemetery belong to this type. A tip, completely analogous to Tuvan and Irtysh, was found near the village of Akkol in the upper reaches of the Irgiz River in the Aktyubinsk region (the first half of the 6th century BC).

The unique findings for Tula diamonded arrowheads in the Aral Sea region and Eastern Kazakhstan, according to K.V. Chugunov, mark further movement of the Aldy-Bela culture representatives, whose genesis is connected with the regions of Kazakhstan, from west to east. The tips of this type or the tips close to them without convex oval ridges on the faces in single specimens are met not only in East Kazakhstan, but also in the Altai, Upper Ob region and in the south of Kulunda. Tips similar to those found in Tuva and Altai are found in Central and Northern Kazakhstan. And in the burial of VII century BC of the kurgan 13 of the Alypakash burial ground in Northern Kazakhstan, they form the basis of the quiver, while in the Aral Sea area, in East Kazakhstan and in the Altai, these are single tips.

Bits with a rectangular ending and an emphasis, and the psaltery, known in the monuments of the Tasmola culture, were also found in the Early Saka complexes of the Aral Sea, Kirghizia and Semirechie, and they were found in Eastern Kazakhstan. It is interesting that the complex of the bridle from Barshatas in East Kazakhstan includes plaques for cross belts with solar-vortex ornamentation, similar to the Central Kazakhstan from the cemeteries of Tasmola V and Bakybulak.

According to M.K. Kadyrbaev, there is reason to believe that the area of settlement of the Saka-Massagetae tribes of Southern Kazakhstan and Semirechie was the area of final formation of this type of bridle. From here it spread to the north-eastern regions of Kazakhstan. K.V. Chugunov, supporting this point of view, pointed to the emergence of the original type of construction of this kind in the south of Central Asia in the third quarter of the II millennium BC. Until recently, a bridle of this type was considered a specific feature of Kazakhstan monuments.

However, recent studies in Tuva have shown that this is far from the real situation. In the kurgan Arzhan-2 in the burial places of the bridled horses, 13 sets were found, consisting of bits with rectangular ends with an emphasis and wearing on them pendulous psalms. The same sets were found in several ritual treasures, studied in the cromlech construction of this kurgan. Bridle-bits, one link of which ends in a rectangular stapes with an emphasis, are part of the "treasure" of the kurgan 16th burial ground Chinge. In the same "treasure" there is also a pair of arcuate bipedal psalias with a T-shaped peg in the center. It is noteworthy that the bits from Arzhan-2 and Bakybulak "represent varieties of one

casting method, characteristic of a single production culture." Probably the same method was used to cast a bit from the kurgan 19 of Tasmola I and the mound 3 of Tasmola V.

Thus, the similarity of the monuments of Tuva and Central Kazakhstan is revealed, mainly, when the inventory complexes are compared; at the same time, as A.D. Grach noted, the construction and burial ritual of the kurgans of the Tasmola culture are distinct from the Aldy-Bel. Here it should be recalled that for the early Scythian time of Tuva, the position of the buried people is crooked on their sides. Sometimes, however, burials occur in the extended position on the back, but they, as A.M. Mandelstam notes, are very rare and are known mainly in relatively early graves. Proceeding from this, we believe that the assumption put forward by K.V. Chugunov about the promotion of the representatives of the Aldy-Belian traditions from west to east, from the Aral Sea, North or Central Kazakhstan to Tuva through the territory of the Gorny Altai requires further studies. In the meantime, the perception of the population of Tuva, probably through the tribes of Altai, innovations in armament and horse harness can be talked about.

The similarity of the art of the early nomads of Zhayik-Irtysh interfluvium and Sayan-Altai testifies to the closeness of their ideological beliefs. The closeness of the inventory sets in the burials of representatives of the same social level among the population of different territories proves, probably, that in the nomadic societies of the Early Saka Eurasia there was a well-developed and, to some extent, generally accepted marking of the status of the individual, primarily the military one.

The connections of the early nomads of the Tasmola community and the tribes of the Altai and adjacent territories in the 7th-6th cc BC. were based, in our opinion, firstly on the commonality of origin and, secondly, on the economic interests of the tribes of the Tasmola culture of Central Kazakhstan, through which these ties were basically carried out. Contacts of the Tasmola population of Central Kazakhstan with the Altai tribes acted in the form of direct permanent interaction. They obviously covered different spheres of life of nomadic societies and, in their functional orientation, were both economic, mainly technological (the proliferation of weapons and tools, as well as skills), and social, covering, above all, the elite strata.

There were, probably, also various kinds of potestary and political contacts - we cannot exclude the possibility of uniting separate clans or tribes into military alliances, embassies' parcels, exchanging gifts, etc. Perhaps, such gifts are cherry and loch fruits found in the corner of the burial chamber of the grave 5 of the burial ground Arzhan-2, the area of growth of which

covers Kazakhstan, including the North, and the territory of the flat Altai. However, found in the same corner two stone altars without legs, one of which is a beak-shape, prove the existence of other forms of contact. As it is noted above, shrimp-shaped altars were used almost exclusively by the nomads of the Zhayik-Irtysh interfluvium and the Saka people of the Aral Sea area.

Obviously, contacts between the tribes of the Zhayik-Irtysh interfluvium and Altai steppes were not only peaceful, but also military, primarily military predatory ones prevailed. In our opinion, migration contacts also took place, that is, the resettlement of individual clans or clan groups both from Altai in the steppes of Zhayik-Irtysh interfluvium, and in the opposite direction.

With such a variety and consistency of connections, infiltration contacts - the movement of small groups (primarily military ones) and individuals, including mixed marriages - undoubtedly took place. Perhaps, it is just this displacement of small groups of people from the territory of the Sayan to the territory of Kazakhstan that can explain the presence of a few arsenic bronzes in the monuments of North and Central Kazakhstan and their limited assortment.

The proximity of origin and intensive ties, covering various strata of society, contributed to the development of spiritual and ideological contacts.

All of the above refers to the connection between the Tasmola population of Central Kazakhstan and the tribes of Altai. The contacts of the Northern Kazakhstan nomads and the Southern Trans-Ural region with the population of Altai were, of course, mediated and carried out through the nomads of Central Kazakhstan. This circumstance was another factor that provided the leading role of the Tasmola tribes in the nomadic society of the Zhayik-Irtysh interfluvial steppes.

So, at the end of the VIII century BC or at the turn of the VIII-VII cc BC steppes of Zhayik-Irtysh interfluvium after a long period of relative desolation were re-inhabited but by migrants from North and North-West China and Mongolia. The genetic proximity of migrants and the natural geographical features of the steppes of the Zhayik-Irtysh interfluvium have led to the development of Tasmola historical-ethnographic community as early as in the 7th century BC, which includes three large nomadic associations - the North Kazakhstan (Ulubai-Tasmola culture), the Central Kazakhstani (Tasmola culture) and the South Saury (monuments of Bobrov or Bobrov-Tasmola culture). The leading role in the Tasmola community in the 7th-6th centuries BC was undoubtedly played by the tribes of Central Kazakhstan. The dominant position of the central Kazakhstani nomads in the community was based on control over the sources of nonferrous metal - copper deposits of the region.

The basis of not only the development but also the functioning of the Tasmola historical-ethnographic community was the pasture-nomadic system, or the system of seasonal distribution of pastures and water sources. This system largely determined the connections of the early nomads of the steppes of the Zhayik-Irtysh interfluvium with the nomadic and semi-nomadic tribes of Central Asia, primarily the nomads of the Aral Sea area, and the population of the forest-steppe of the Trans-Urals and Western Siberia.

The natural geographical features of the two large regions of the Zhayik-Irtysh interfluvial steppes, the South Trans Ural area, on the one hand, and Northern and Central Kazakhstan, on the other, determined the specifics of the economy of their population, the places of seasonal pastures and, ultimately, cultural and potestary-political relations, concrete historical environment.

The main vector of interests of Northern and Central Kazakhstan nomads was directed to the south-west, in the Aral Sea, and to the southeast, to the Altai. Relations with the forest-steppe tribes of Western Siberia (Tobol-Irtysh interfluvium) were rather weak and sporadic. Western Siberia during this period did not raise any interest in the nomadic society.

If the relationships of the Northern and Central Kazakhstan nomads with the Aral Sea were largely due to the pasture-nomadic system, in particular the location of the winter pastures, then the economic interests-the need for non-ferrous metal, first of all in tin for own metallurgical production-lay at the heart of the interrelationships with the tribes of Altai. Genetic relationship with the tribes of Altai facilitated these interrelations, making them more profound, encompassing not only the economy, but also the political, political and spiritual-ideological spheres.

For the nomads of the Southern Trans-Ural region, the relations with the tribes of the Aral Sea region were also conditioned by the pasture-nomadic system - the location of winter and summer pastures. However, the main vector of their interests was directed to the north, to the forest-steppe Trans-Ural, primarily to the area of the Itkul culture origins. The need for non-ferrous metal, the desire for independence from the central-Kazakh tribes in its acquisition, the closeness of metal sources stimulated the military activity of the South Ural nomads in this direction. It is probable that already in the VI c. BC tribes of Itkul culture fell into a certain, most likely, tributary, dependence on nomads. The need for a nomadic world in metal, along with the internal development of forest-steppe societies, stimulated the development of the Itkul focus on metallurgy and metalworking. It is likely that through the carriers of the

Itkul culture and nomads of the South Trans Ural area, the connections of the population of the Volga-Kamya (Anan'in culture) with the Saka world were realized.

In the era of the late antiquity and the Middle Ages, numerous ethno-cultural transformations were noted in the Eurasian steppes, the nomads of Inner Asia, the spaces from Altai to Tibet and from Hingan to Pamir, acted as a generator. In the I millennium BC the nomadic world of this subregion was weakly influenced by the Chinese civilization, where there was not a single centralized state yet. This gives us an opportunity to build a model of ethno-cultural transformations without taking into account the influence of the external political factor, in relation to nomadic societies.

The transition of the population of Inner Asia to semi-nomadic and nomadic cattle breeding showed its dependence on natural conditions, in particular climate change. Favorable climatic conditions for cattle breeding led to an increase in the demographic capacity of the territory. The deterioration of the conditions caused, first of all, by aridization, there was a relative overpopulation, which led to outflow of population outside of Inner Asia. The consequence of this was a decrease in population in the region and its emergence to a new level of equilibrium with the environment. Thus, the history of the nomads of Inner Asia is cyclical. These are certain demographic cycles.

A significant role in global climate changes is played by solar activity, the manifestations of which are associated with solar cycles of different periodicity. Among them, a century-old, more precisely - a quasi-century (about 100 years) cycle can be traced quite well, which determines the global age-old climatic rhythm. This rhythm corresponds to the age cycle in the development of nature and society. In our opinion, this cycle caused periodic quasi-centuries-old outflows of the nomadic population from Inner Asia, which, due to geographical features of the region, was directed to the Sayan-Altai mountainous country and the steppes to the west of it.

Forms of outflow of the population could have a different character: migration, infiltration or resettlement. Migrations should be understood as the movement of relatively large groups of people in a relatively short period of time, in contrast to infiltration - the movements of small groups or individuals in a short period of time, and relocations - the time-extended movement of groups of people to new territories.

Migration, as it seems, can be divided into local, regional and global. Local migrations (traditional and extraordinary) are movements of the population within the historical and cultural region, the boundaries of which

were determined by its natural conditions. Traditional migration is determined-

As it was already noted, due to geographical features of the region, the outflow of nomadic population from Inner Asia was directed, in most cases, primarily to the Sayan-Altai mountainous country. Therefore, the transformation of cultural stereotypes began here a little earlier than in other regions of the steppe Eurasia. The latter circumstance may serve as a basis for ideas about the migration of the nomadic peoples of the Sayan-Altai to the west and the transformation of the cultures of the population of the steppes of Central Eurasia under their influence. However, it seems that the proximity of the material culture and, in part, the funeral rites of the nomads of the steppes of Eurasia and Sayan-Altai was primarily caused by the proximity of the culture of people from Inner Asia.

The movement to the west took place through the steppes of the Zhayik-Irtysh interfluvium, which are fenced off from Inner Asia by an almost continuous chain of ridges separated by two main passages: the Irtysh valley and the Dzungar gates. Passing through them, the nomads rushed to the West by the southern route - through Semirechie and the Middle Syr Darya to the Lower Syr Darya, then through the Southern Urals to the Volga steppes.

In cases when the geopolitical situation did not allow the nomads of Inner Asia to move westward through Semirechie and the Aral Sea area (the southern route), the relocation proceeded first to the northwest - along the western and northwestern foothills of the Altai to the Ob-Irtysh interfluvium. Further settlers, mastering the Tobol-Ishimo-Irtysh

Further settlers, opening up the Tobol-Ishim-Irtysh interfluvium (Northern and Central Kazakhstan), went to the South Trans Ural area and the Urals. Hence, if the situation permitted, they moved to the Volga-Ural interfluvium and further to the Volga-Don steppes up to Ciscaucasia.

In the 1st millennium BC migration and resettlement of the nomads to the West took place mainly by the

southern route. The northern one was involved, probably only once - at the end of VIII or at the turn of the VIII-VII cc BC. The predominant use of the southern route was apparently due to the presence of sufficiently powerful nomadic or semi-nomadic associations in the steppes of Northern and Central Kazakhstan and / or in the Trans-Ural-West Siberian forest-steppes that prevented mass migrations through the territories controlled by them. In the subsequent history, along the northern route, there was the resettlement of the Kypchaks and Kalmyks.

And the last, global migrations and resettlements caused by them, originated in Inner Asia, affected not only the Asian part of the Eurasian steppes, their echoes in the form of impulses from the eastern zone of the Eurasian steppes are quite clearly recorded in the Eastern European steppe.

The impetus that caused the restructuring of the retinue of the cultures of the Early Saka period was, obviously, the events of the second quarter - the middle of the VI cc. BC in Inner Asia, associated with the aggravation of the demographic situation, conditioned by the long favorable climatic conditions of the region. The regrouping of forces that took place there, obviously, caused the general movement of the population from east to west. In the course of it, the nomadic population of East Turkestan and South-East Kazakhstan, adjacent to East Turkestan and making up a single historical and cultural space with it, was partially ousted from this region. One part, moving along the foothills of the Altai, reached the Upper Ob region, where it was entrenched in the territories formerly occupied by the tribes of Bolsherechen culture. The second part moved west through Semirechie, Middle and Lower Syr Darya to the South Urals. This movement, most likely, had the character of gradual settlement. The result of which was the development of the Semirechie, the entry of certain groups of migrants into the nomadic and semi-nomadic associations of the South-Eastern Prearalie, the Southern Trans-Ural and the Urals.

К главе I

¹ Мы не включаем в число характерных памятников тасмолинской культуры курганы с каменными грядами (курганы с «усами»), так как в свете имеющихся в настоящее время материалов считаем, что они относятся ко времени не ранее V в. н. э. (Боталов и др., 2006; Грудочко, Епимахов, 2015; Грудочко, 2016; 2016а).

² Радиоуглеродный анализ фрагментов кожаных и деревянных деталей колчана показал, что «колчан мог быть изготовлен либо в первой половине VIII в. до н. э., либо в VII – начале второй половины VI в. до н. э., но при этом ранняя дата является более предпочтительной» (Зайцева и др., 2001, с. 131).

³ Рассматривая элементы конского снаряжения раннесакского времени, необходимо, на наш взгляд, учитывать следующее обстоятельство. Наибольшая временная изменчивость присуща псалям и гораздо меньшая удилам (Марсадалов, 1998, с. 5–12; Шульга, 1998, с. 33–35). Но достаточно стабильными, традиционными оставались принадлежности уздечки, не связанные с конструкцией удила и псаляев (распределители, пронизки, застежки, пряжки и т. п.). Различаются они лишь размерами и деталями внешнего оформления. И именно эти принадлежности уздечки демонстрируют наибольшую схожесть почти на всем протяжении раннесакской эпохи на разных территориях восточной части степной Евразии (Степанова, 1996, с. 67; Боковенко, 1998; Бородаев, 1998; Кубарев, 1998; Шульга, 1998). Как представляется, принадлежности уздечки, не связанные с конструкцией удила и псаляев, являются одним из показателей генетической близости культур кочевников этих регионов.

⁴ Пришлый характер населения, оставившего погребальные комплексы Малого Гоньбинского Кордона, признает и Д.В. Папин (2003, с. 343).

⁵ Критический разбор точки зрения Н.В. Полосмак на происхождение суннуской культуры дал А.В. Варенов (1995, с. 123–125). Он, в частности, указал, что в суннуском могильнике Даодуньцзы выкладки

из черепов животных в погребениях «находятся в жесткой взаимной корреляции с захоронениями в подбоях, то есть два эти элемента обряда, подбоя и черепа животных, друг без друга не встречаются». Обратная ситуация, как мы уже отмечали, фиксируется для Южного Зауралья и Центрального Казахстана.

⁶ Следует отметить, что М.К. Кадырбаев, как, впрочем, и ряд других исследователей, в дандыбай-бегазинскую (бегазы-дандыбаевскую) культуру включал прежде всего яркие погребальные сооружения – мавзолеи – явно нерядового населения.

⁷ Подробнее этот вопрос рассмотрен В.В. Варфоломеевым (1988, с. 80–82; 1991, с. 5, 6).

⁸ Мы не будем останавливаться на вопросах, связанных с правомерностью выделения дандыбай-саргаринской культуры, тем более что в дальнейшем В.В. Варфоломеев отказался от такого ее наименования (Евдокимов, Варфоломеев, 2002, с. 59, 87) и объединил погребения первой и второй группы в рамках единой саргаринско-алексеевской культуры. Одновременно он, констатируя синонимичность названий «бегазы-дандыбаевская культура» и «саргаринско-алексеевская культура», предложил в качестве третьего синонима название «дандыбаевская культура» (Варфоломеев, 2003, с. 272, 274; 2006, с. 97). Не будем мы касаться и вопросов, связанных с феноменом бегазы-дандыбая, по которым за последние десятилетия накопилась уже достаточно обширная литература (Кореняко, 1990; Исмагил, 1998; Молодин, 1998, с. 287, 288; Михайлов, 2001, с. 172–174; Ткачев, 2002, с. 202–208; 2003, с. 371–378; Ситников, 2004, с. 129–144; Федорук, 2006, с. 127–147; Бегазы-дандыбаевская..., 2013; Бейсенов и др., 2014).

⁹ Маргулан А.Х. при описании погребальных памятников бегазы-дандыбаевской культуры отмечает шесть случаев, когда погребенные лежали вытянуто на спине: Дандыбай, 11, 12; Сангру I, 12; Айшрак, 7; Бегазы, плиточная ограда 5; Айдарлы, ограда 4 (Маргулан и др., 1966, с. 174, 185). Курган-ограда 7

комплекса Айшрак, во-первых, по набору инвентаря и керамики К.А. Акишевым и А.Х. Маргуланом включен в число памятников атасуского этапа андроновской культуры Центрального Казахстана (переходного этапа от средней бронзы к поздней) (Маргулан и др., 1966, с. 97; Маргулан, 1979, с. 27, 28). Во-вторых, здесь «выявлены кости ступней с фалангами пальцев и обломки голени человека, которые не были потревожены». И, судя по ним, «покойник лежал на спине с вытянутыми ногами, головой на запад или юго-запад». Размеры каменного ящика, в котором совершенно захоронение, не приведены, но, судя по рисунку, длина его не превышала 1,5 м (Маргулан и др., 1966, с. 97, рис. 31).

В ограде 4 комплекса Айдарлы выявлена грунтовая могильная яма, обложенная каменными плитами. На дне погребальной камеры «обнаружен совершенно истлевший костяк человека, лежавший на спине, вытянуто, головой на юг, ногами на север. От черепа остался лишь белый порошок... Камера, видимо, была рассчитана на двоих, но ее западная половина оказалась пустой. На дне ее подняты обломки грубой керамики, подобной керамике этой (могильника Айдарлы. – А.Т.) группы» (Маргулан и др., 1966, с. 183–185). Вполне вероятно, что данное погребение является вводным в разрушенной могиле эпохи бронзы. Об этом, как нам кажется, свидетельствуют наличие обломков керамики в западной, пустой половине ямы и отсутствие таковых при погребенном.

Ограда 12 могильника Сангру I достаточно сильно отличается от других погребальных сооружений бегазы-дандыбаевской культуры. Это квадратная вымостка размером 3×3 м из крупных камней, лежащих в один слой. По ее углам находились врытые вертикально плиты. Погребение совершено в яме, оставшейся от разрушенного каменного ящика. После ограбления в могильной яме сохранились спинные позвонки, часть поясницы и нижняя часть ног погребенного. «Судя по положению костей, человек был ориентирован головой на север, лежал с раздвинутыми ногами и поднятыми вверх коленями... Единственный датирующий материал – обломки черепков, подобранные на дне камеры» (Маргулан и др., 1966, с. 135). На наш взгляд, в данном случае умерший был уложен на спину с согнутыми в коленях ногами – «слабо скорченно, на спине», подобно некоторым южнозауральским захоронениям поздней бронзы (Гарустович, 2000, с. 124). По мнению А.Х. Маргулана, данное погребение хронологически относится к раннесакскому времени и отделено от основной группы погребений могильника 40–50 годами. Этот комплекс, отмечает А.Х. Маргулан, с одной

стороны, «еще связан с культурной традицией эпохи Бегазы, с другой – с него начинается новый этап развития племен Центрального Казахстана, связанный с переходом к кочевому скотоводству (VIII–VII вв. до н. э.)» (Маргулан и др., 1966, с. 135).

В ограбленной погребальной камере ограды 11 могильника Дандыбай «скелет человека находился в полном беспорядке, череп отсутствовал» (Маргулан, 1979, с. 148). М.П. Грязнов отмечал, что «когда они (мародеры. – А.Т.) снимали с полуразложившегося трупа ценные украшения, труп развалился на части, которые оказались в разных местах южной половины могилы» (Грязнов, 1952, с. 132).

Сооружение 4 могильника Уйтас-Айдос по конструкции и особенно по форме могильной ямы сильно отличается от остальных сооружений памятника. Могильная яма имела подпрямоугольную форму, ориентировку по линии СЗ–ЮВ, размер ее 1,5×0,5 м при глубине 0,9 м. На дне полностью разграбленной ямы «в неповрежденном состоянии были расчищены кости голени. Судя по их положению, погребенный был уложен на спину, головой на северо-запад». Инвентарь в могильной яме, как и вообще в сооружении, отсутствовал (Усманова, Варфоломеев, 1998, с. 50, 51, рис. 6). В свете этого причисление сооружения 4 к памятникам эпохи поздней бронзы выглядит достаточно сомнительно.

¹⁰ Под Внутренней Азией понимается пространство от Алтая на севере до Тибета на юге и от Хингана на востоке до Памира на западе, включая территории Северного и Северо-Западного Китая (Восточного Туркестана) и Монголии.

¹¹ На территории Монголии и Северного Китая, как в эпоху бронзы, так и в скифское время, встречаются погребения, в которых покойные лежат как скорченно на боку, так и вытянуто на спине, причем иногда в составе одного могильника (Асеев, 1975, с. 183; Погребова, Раевский, 1988, с. 179, 184; Новгородова, 1989, с. 245, 263; Варенов, 1984; 1999б, с. 14; Каоги, 1991, № 8, р. 689, 690; Коновалов, 1999, с. 54).

¹² О датировке культуры плиточных могил см.: Шульга, 2010; Цибикуров, 2012, с. 283; 2012а, с. 16.

¹³ Следует отметить, что в этом могильнике исследованы и погребения раннесакского времени. Так, в могиле М17м2 выявлено вводное погребение, совершенное в каменном ящике эпохи бронзы. Погребенный лежал скорченно на боку, головой на восток, в сопровождении костяных и бронзовых втульчатых и черешковых наконечников стрел и бронзового ножа. В могиле М22 в прямоугольной могильной яме исследовано парное захоронение в сопровождении лошади, помещенной на специальный обожженный

приступок. Умершие лежали скорченно на боку, головами на восток. Сопроводительный инвентарь представлен бронзовым зеркалом с бортиком и центральной ручкой-петелькой, керамическим сосудом, двумя железными ножами, бронзовым гвоздем и листками золотой фольги (Варенов, 1999, с. 26–30).

¹⁴ Радиоуглеродные датировки могильников см.: <http://sati.archaeology.nsc.ru/mapserver/china/5.htm>

¹⁵ Ковалев А.А. для могильника Чауху-4 (Чауху-гоу I) приводит даты по С¹⁴ – 990–625 гг. до н. э. (Ковалев, 1996, с. 126) и 980–530 Cal BC (с вероятностью 68,2%) (Ковалев, 2014, с. 130). Для могильника Цюньбакэ в китайской публикации приводятся даты по С¹⁴ – 955–585 гг. до н. э. и 810–610 гг. до н. э. (Каогу, 1991, № 8, р. 701). По С.А. Комиссарову (2002, с. 345), с учетом калибровки все даты непосредственно по комплексу могильников Чауху объединяются в промежутке 990–625 гг. до н. э., а по могильнику Цюньбакэ (Чунбак) – 950–625 гг. до н. э. Даже при отказе от калибровки, как подчеркивает С.А. Комиссаров, все даты по культуре чауху концентрируются в районе XI–VI вв. до н. э. А последние данные по Чаухускому могильнику в районе Кызыльского водохранилища уводят ранние даты (после калибровки) в XI и даже в XII в. до н. э. (Ларичев, Комиссаров, 2002).

¹⁶ Подробная и тщательно выверенная характеристика погребальных комплексов Синьцзяна раннего железного века дана в монографии П.И. Шульги, приложившего немало усилий для ознакомления российских коллег с материалами из Северного и Северо-Западного Китая (Шульга, 2010). Отдавая должное огромной работе, проделанной П.И. Шульгой, мы, однако, не можем полностью согласиться с его хронологическими построениями. П.И. Шульга практически игнорирует результаты радиоуглеродного датирования на том основании, что некоторые даты «находятся за пределами реального», а другие даты «имеют слишком широкий диапазон» (Шульга, 2010, с. 36, 41, 45). Для датировки материалов Синьцзяна он использует саяно-алтайскую хронологию и периодизацию, датируя синьцзянские комплексы на основании аналогий из Саяно-Алтая и Казахстана (Шульга, 2010, с. 12, 15, 17–19, 30, 37, 41 и др.). Это приводит не только к расхождениям с датировками, предложенными как китайскими, так и российскими исследователями, но и к некоторым нестыковкам. Так, могильники в Чаухугоу датированы китайскими и российскими исследователями X–VI вв. до н. э., что, по мнению П.И. Шульги, невозможно, ибо «если считать по устоявшейся в России и Казахстане хронологии, то они должны были бы функционировать в эпоху поздней бронзы, в раннескифское и частично

в скифское время... Такая хронология могильников не может быть принята». Согласно П.И. Шульге, могильник Чаухугоу 4 датируется примерно с середины – конца VIII в. до н. э. до середины V в. до н. э. (Шульга, 2010, с. 39, 41, 42). Правда, в другой своей работе он датирует могильник VIII – началом V в. до н. э. (Шульга, 2015, с. 111). Синхронизация материалов Северного и Северо-Западного Китая служит основанием для утверждения о том, что гипотеза о массовых миграциях населения из Внутренней Азии на запад в Казахстан, Южное Зауралье и на Алтай «пока не находит явного подтверждения в известных нам археологических источниках» (Шульга, 2010, с. 23). Этот вывод П.И. Шульги уже нашел отклик у исследователей, недостаточно критично воспринявших его хронологические построения (Бесетаев, 2016, с. 47).

¹⁷ Согласно П.И. Шульге, могильник Чаухугоу 1 синхронен могильнику Чаухугоу 4 и датируется примерно с середины – конца VIII в. до н. э. до середины V в. до н. э. (Шульга, 2010, с. 42).

¹⁸ Радиоуглеродные датировки могильников см.: <http://sati.archaeology.nsc.ru/mapserver/china/5.htm>

¹⁹ В этом же могильнике (могила IM17) найдено бронзовое колесико с пятью спирально закрученными спицами (рис. 20, 25). Такое же колесико, но с тремя спицами, происходит из вышеописанного могильника Яньблак (рис. 18, 27) (Комиссаров, 1999, рис. 2, 24).

²⁰ Сводка бронзовых безорнаментальных зеркал с бортиком и центральной петелькой второй половины IX – первой половины VIII в. до н. э. с территории Синьцзяна и восточной части Внутренней Монголии приведена в работе А.В. Варенова (1999, с. 30). О более ранних орнаментированных зеркалах с петелькой культуры Цицзя (XXI–XVI вв. до н. э.) см.: Прокопьев, 1994, с. 49, 51.

²¹ О других точках зрения на происхождение мотива свернувшегося хищника см.: Погребова, Раевский, 1992, с. 104–122; Полидович, 2001; Погребова, 2006, с. 178, 179.

²² Заметим, что эта точка зрения В.П. Алексеева в настоящее время оспаривается Т.А. Чикишевой. Она, в частности, отмечает, что «в противоречие с представлениями о прямом проникновении групп монголоидного населения из Центральной Азии последовательно на Алтай, а затем к западу, вплоть до юго-восточного Приаралья, вступают опубликованные к настоящему времени палеоантропологические материалы предскифского и скифского времени с... территории Тувы и Западной Монголии». Здесь, так же как и на Алтае, фиксируется преобладание европеоидных черт в антропологическом типе

погребенных, а доля монголоидного компонента не превышает его показатель для пазырыкского или сакского населения (Чикишева, 1997, с. 315; 2000, с. 37). Однако В.П. Алексеев нигде, насколько нам известно, не писал о проникновении «монголоидного населения из Центральной Азии последовательно на Алтай, а затем к западу».

²³ Следует отметить, что для межгруппового сопоставления краниологические материалы Северного Тагискена не привлекались, вероятно, в силу их крайней малочисленности (Яблонский, 1996, с. 53, 57).

²⁴ Однако, ознакомившись с работой Т.А. Чикишевой (2012), Л.Т. Яблонский скорректировал свою точку зрения, выдвинув «восточную диффузионную» гипотезу. Согласно ей появление монголоидной примеси в Приаралье и Казахстане явилось результатом постепенной диффузии представителей южной евразийской антропологической формации, основное ядро которой охватывало Саяно-Алтай и прилегающие территории (Яблонский, 2015, с. 108–110).

²⁵ Напомним, что для карасукских могильников Южной Сибири характерно положение погребенных как скорченно на боку, так и вытянуто на спине, головой на северо-восток (преобладает) или восток (Киселев, 1951, с. 114; Зяблин, 1977, с. 18). По мнению Э.А. Новгородовой (1970, с. 170, 171), обряд погребения вытянуто на спине, головой на северо-восток или восток появился в Минусинской котловине в результате переселения сюда племен из Центральной Азии.

²⁶ Наличие бегазы-дандыбаевских черт в карасукской культуре Минусинской котловины Н.Л. Членова объясняет результатом «каких-то миграций из Казахстана».

²⁷ Подробнее о тюркском элементе в составе ранних кочевников восточной части евразийских степей см.: Пьянков И. В., 2005; 2006а; 2006б; 2014; 2015.

²⁸ О бегазы-дандыбаевских мавзолеях как могилах представителей родоплеменной верхушки см.: Кореняко, 1990, с. 32, 33.

²⁹ Впоследствии В.В. Варфоломеев пришел к выводу о том, что вся та керамика, которая считается бегазы-дандыбаевской, имела суперстратное происхождение и являлась импортной (Евдокимов, Варфоломеев, 2002, с. 59). Мавзолеи же принадлежат обитателям поселений с керамикой валикового типа. «Бегазы-дандыбаевские могильники оставлены тем же населением, которое жило на поселениях и в быту пользовалось валиковой посудой, то есть в период ОКВК на территории Сарыарки обитали племена, оставившие одну археологическую культуру». Ряд внутренних факторов способствовал выделе-

нию элиты, археологическими памятниками которой и являются мавзолеи (Варфоломеев, 2013, с. 190, 191).

³⁰ Следует также напомнить, что Л.Р. Кызласов (1977, с. 75) с продвижением носителей карасукской традиции увязывал распространение оленных камней в западных районах Евразии.

³¹ Как отмечает Х.Г. Крил (2001, с. 166), в подлинных «Бамбуковых книгах» упоминаются семь военных конфликтов с варварами в период правления Сюань-вана, и все – с жунами.

³² О политических событиях на границах кочевого мира и Чжоу см.: Васильев Л.С., 1995, с. 303–311; 2000, с. 35–141; Васильев К.В., 1998, с. 161–163; Пьянков, 2006а.

³³ При хронологических построениях специалисты-естественники опираются чаще всего на радиоуглеродные датировки (по С¹⁴, отсчет «лет назад» (п. н.) ведется от 1950 г.), не всегда уточняя, используют они их калиброванные значения или некалиброванные.

³⁴ Данное обстоятельство, на наш взгляд, весьма примечательно. На фоне общего потепления существенное увеличение количества весенних осадков даже при их уменьшении в зимний период приводит к достаточно бурным весенним половодьям, что мы и наблюдаем в последние годы в бассейнах Тобола и Ишима. Определенную роль в этом, очевидно, играют и континентальность климата, и деградация травянистой растительности в условиях аридизации и перевыпаса, и вырубка лесов, особенно пойменных, и другие факторы. В таком случае становится понятным, почему на фоне резко выраженной аридизации в Приишимье на ряде поселений конца эпохи бронзы (Новоникольское I, Петровка II, Ильинка I, Саргары) фиксируются следы неоднократных наводнений (Хабдулина, Зданович, 1984, с. 153).

³⁵ На рисунке 2 в этой же работе указывается на уменьшение увлажненности на 50–100 мм/год (Иванов, 2006, рис. 2)

³⁶ Однако этот посыл вступает в противоречие с материалами, полученными другими исследователями для восточного склона Среднего и Южного Урала.

³⁷ Таким образом, расположение поселений поздней бронзы и переходного времени от эпохи бронзы к раннему железу на высоких гипсометрических уровнях, у заболоченных низин, вдалеке от водного зеркала современных водоемов вовсе не свидетельствует о начале или продолжении гумидной климатической фазы (Зах и др., 2005, с. 110–112).

³⁸ Вероятно, к концу этого ритма относится время заселения «цитадели» городища Чича-1. Форми-

рование же культурного слоя периферийной части городища пришлось, очевидно, на следующий, тепло-влажный интервал, чем и объясняется наличие здесь рвов, выполнявших функцию дренажа (Молодин и др., 2009, с. 42, 43; Шнеевайс и др., 2007, с. 164).

³⁹ Таким образом, эти данные частично соответствуют динамике увлаженности, показанной на рисунке 2 работы И.В. Иванова (2006).

⁴⁰ Во второй половине XVI в. хошуты занимали самую восточную часть ареала расселения ойратов: юго-восток Западной Монголии, между северными подножиями Тянь-Шаня и южными Монгольского Алтая – в меридиональном направлении, между озером Баркуль и восточными отрогами Джунгарского Алатау – в широтном. Чоросы населяли самую западную часть ойратского ареала: от озера Иссык-Куль до южных берегов озера Балхаш – в меридиональном направлении, от западных отрогов Джунгарского Алатау до западной оконечности озера Балхаш – в широтном. Торгуты кочевали к северу от хошуты и северо-востоку от чоросов, где сходились Джунгария и Западная Монголия, по Тарбагатаю, от озера Алаколь до озера Зайсан – в меридиональном направлении, от западных отрогов Монгольского Алтая до восточной оконечности озера Балхаш – в широтном. Кочевья хошуты, чоросов и торгутов сходились у Джунгарских ворот – прохода в Джунгарском Алатау, который соединял Джунгарскую котловину с Семиречьем (Жетису). Дербены жили на северо-западной оконечности ойратских владений: к северу от Черного Иртыша, который разделял их с торгутами, на западных склонах Монгольского Алтая (Колесник, 2003, с. 40).

⁴¹ Как отмечает И.Я. Златкин, движение на северо-запад диктовалось самой обстановкой. Дорога на север была закрыта владениями Алтын-хана, на восток – восточномонгольскими племенами, на запад путь преграждали казахи, стремившиеся полностью вытеснить ойратов из Семиречья и прилегающих к нему областей. Лишь одно направление – северо-западное – было более или менее открыто для ойратской миграции. «И они по нему пошли, освоив в первую очередь районы, прилегающие к современным городам – Семипалатинску, Павлодару и к северо-востоку от Акмолинска (Астаны. – А. Т.)» (Златкин, 1964, с. 118, 119).

⁴² Впрочем, еще в 1556 г. ногайский бий Шейх-Мамай извещал Ивана IV об отражении нападения калмыков. Где именно произошло это столкновение, не уточняется. Но в 1560 г. астраханские стрельцы встретили и пленили «калматцких людей многих» в низовьях Яика у Сарайчука. Однако во второй поло-

вине XVI в. калмыки только изредка, эпизодически появлялись в пределах ногайских кочевий, постоянно обитая в Западной Монголии и Джунгарии (Колесник, 2003, с. 39, 40).

⁴³ Зимой 1630 г. уфимский воевода напомнил калмыкам Далая: «...чтобы в башкирских вотчинах по Ембе и х Казачьей орде и по Яицким вершинам не кочевали... а по Яику бы вниз и по Ембе и по Тоболу не кочевали, а кочевали б они, калмыцкие тайши... на старых кочевьях в Ыртышских вершинах» (цит. по: Колесник, 2003, с. 52). Позднее российское правительство пошло навстречу калмыкам и в сентябре 1648 г. предписало уфимскому воеводе созвать в Уфе съезд башкирских старшин, на котором объявить о том, что калмыки станут кочевать по Яику, Ори, Килу, Сакмарю и другим рекам. Однако уже в следующем, 1649 г. правительство в специальной грамоте призывало Дайчина отойти за Яик и Эмбу, а по Ори, Килу, Сакмарю и другим не кочевать, а «...сойтить в дальние свои прежние кочевья на Черные Пески и на Иргиз-реку, и где ты преж сего кочевал» (Ланцанова, 2006, с. 77; Колесник, 2003, с. 53).

⁴⁴ Отдельные группы ногаев, подчинившись калмыкам, остались на прежних местах и кочевали вместе с новыми хозяевами Волго-Уральских степей. В 1649 г. торгоутский тайша Дайчин заявил русскому послу: «А как де мы под Стараханью ногайских, едсанских и елбулутцких мурз и улусных их татар за саблю взяли, и мы де по тем река и урочищам с теми ногайцы посполу и кочуем вместе по-прежнему, потому что де они, ногайцы, ныне стали наши холопы» (цит. по: Колесник, 2003, с. 54). Оставшиеся в Волго-Уральских степях ногайцы так и кочевали вместе с калмыками вплоть до 1771 г., пока заволжские калмыки не ушли в Джунгарию (Колесник, 2003, с. 61).

⁴⁵ Часть калмыков вернулась в Западную Монголию, где в 1635 г. чоросы образовали Джунгарское ханство. Основной же причиной переселения калмыков из степей Тоболо-Ишимо-Иртышья и Обь-Иртышского междуречья на запад, на Яик и Волгу, было, очевидно, давление со стороны русского и татарского населения Сибири и активные действия в степи Казахской орды.

К главе II

¹ Положение о возможности применения исторических и этнографических данных для реконструкции хозяйства древних номадов различных регионов евразийской степи, выдвинутое К.А. Акишевым, А.М. Хазановым и В.Н. Ягодиным и методически обоснованное К.А. Акишевым, стало общепризнанным (Мажитов, 1977, с. 147, 148; Железчиков, 1983, с. 55; 1984, с. 10–12; Юсупов, 1987, с. 127–130; Полось-

мак, 1994, с. 14; Поноженко, 1995; Молодин и др., 1996, с. 133; Ажигали, 2002а; Дубман и др., 2003, с. 48–50; Очир-Горяева, 2005, с. 19–20; Крадин, 2006, с. 31). Оно применено, в частности, для реконструкции системы хозяйствования древнего и средневекового населения Волго-Уральского междуречья (Дубман и др., 2003; Дубман, 2005; Мышкин, 2007) и этнокультурной ситуации в лесостепном Алтае (Фролов, 2008).

Так, Н.В. Полосьмак, анализируя порядок кочевания южных алтайцев, приходит к выводу, что их способ кочевания «позволяет рационально использовать пастбищные угодья и, скорее всего, мало чем отличается от способа кочевания пазырыкцев Южного Алтая в V–III вв. до н. э.» (Полосьмак, 1994, с. 14). В.И. Молодин с соавторами отмечают, что казахи-кочевники, появившиеся в приграничной зоне Алтая в конце XIX в., освоили историко-культурное пространство плато Укок. «Их кочевые маршруты пролегали по древним трассам, отмеченным памятниками различных археологических культур. Эколого-ландшафтными условиями плато Укок были заданы векторы сезонных перекочевов в рамках вертикальной системы кочевания. Изучение археологических и этнографических объектов вдоль этих путей... показало, что они действовали по крайней мере с эпохи раннего железа, а возможно, и с периода ранней поры бронзового века» (Молодин и др., 1996, с. 133). Н.Н. Крадин, характеризуя кочевое хозяйство бурят Агинских степей в юго-восточном Забайкалье, отмечает: «Можно предполагать, что состав стада, численность животных, а также многие важнейшие черты хозяйства, социальной организации, быта кочевников Агинских степей были детерминированы специфической экологией обитания подвижных скотоводов аридных зон и в своей основе мало изменились со времени глубокой древности вплоть до рубежа Нового – Новейшего времени» (Крадин, 2006, с. 31).

² Впрочем, в ряде районов Казахстана оседание началось, вероятно, еще в предшествующем столетии. Так, сохранившиеся народные предания относят заселение и оседание казахских родов на территории Павлодарского уезда к XVII в. До этого павлодарские, каркаралинские, акмолинские и северо-казахстанские степи служили местом летних кочевов для основных племен Среднего жуза, зимовки которых находились на Сырдарье и в горах Каратау (Востров, Муқанов, 1968, с. 179–181).

³ Однако масштаб региональных колебаний температуры может отличаться от глобальных не только величиной, но и знаком. Так, данные палеоклиматических реконструкций свидетельствуют о том, что

небольшие (до 1°–1,5° С) глобальные потепления сопровождаются гораздо более значительным потеплением в умеренных и высоких широтах (до 2°–3° С), слабыми изменениями температуры в северных субтропиках и похолоданием (на несколько десятых градуса) в южно-субтропических и тропических областях. Еще более существенными были региональные и сезонные изменения, которые могут превышать среднегодовые полушарные значения в семь-восемь раз. Палеоклиматические реконструкции показали, что амплитуда колебаний региональных среднесезонных температур могла достигать 10° С, а колебания количества осадков – до 300 мм в год.

Кроме того, колебания температуры и осадков в различных регионах происходят не вполне синхронно с колебаниями глобального климата и друг с другом. Региональные колебания могут как опережать глобальные, так и отставать от них по времени. Максимальные отклонения в положении глобальных и региональных климатических экстремумов могут достигать 25 лет, а между отдельными регионами – до 30 лет. Следует подчеркнуть, что значительные изменения климата неоднократно происходили за время в 25–30 лет, то есть на глазах одного поколения (Клименко, 1998, с. 6; 2000, с. 13–16, 26; 2003, с. 9–12). Анализируя ход изменения температур по разным районам лесостепной, степной и пустынной зон Евразии, можно говорить об их одновременности и однонаправленности, но не об их абсолютной синхронности. В изменении же среднего годового количества осадков в этих районах полная синхронность и однонаправленность явно не наблюдается. Таким образом, изменение температур (потепление, похолодание) носит глобальный характер, а изменение условий увлаженности, являющихся результатом соотношения тепла и влаги, имеет более региональный характер (Иванов, Луковская, 1997, с. 79; 1998, с. 284). Более подробно о региональных особенностях динамики ландшафтно-климатических условий степной и лесостепной Евразии см.: Таиров, 2003, с. 19–44.

⁴ В последнее время были получены данные, позволяющие поставить вопрос о кочевом хозяйстве в степях Казахстана в III тыс. до н. э. (Логвин и др., 1989, с. 78–81; Калиева, Логвин, 1997, с. 113–123; 2006, с. 381; Калиева, 1998, с. 225). Причем уже в это время «практиковались пути кочевий и распределение пастбищ, в принципе сопоставимые с зафиксированными здесь в исторический период» (Логвин и др., 1989, с. 81).

⁵ О выборе зимних пастбищ см.: Бларамберг, 1948, с. 25, 29, 67, 75–88, 93, 94; Медведский, 1862,

с. 289–295; Потапов, 1949, с. 45; Толыбеков, 1971, с. 78, 519, 520; Джантюрин, 1883, с. 17, 18; Масанов, 1984, с. 46–48; Курылев, 1998, с. 79–86.

⁶ О системе выпаса зимой см.: Толыбеков, 1957, с. 24–38, 62–70; 1971, с. 519–544; Масанов, 1984, с. 54–75; Ажигали, 2002, с. 156–164.

⁷ О летних пастбищах казахов и о системе выпаса скота в летний период см.: Толыбеков, 1957, с. 46–56; 1971, с. 555–565; Хозяйство казахов..., 1980; Материалы..., 1912, с. 146, 147, 155; Барминцев, 1958, с. 36, 37; Масанов, 1984, с. 48–50, 75–94; Курылев, 1998, с. 116–120; Ажигали, 2002, с. 167–170.

⁸ О весенних и осенних пастбищах и о системе выпаса скота в это время см.: Материалы..., 1902, с. IV, VIII; 1903, с. 90, 96, 98, 124–127; Скалов, 1911, с. 90, 91; Масанов, 1984, с. 75–94; Толыбеков, 1957, с. 39–46, 56–61; 1971, с. 544–555, 565–572; Курылев, 1998, с. 137–141; Ажигали, 2002, с. 164–166, 170, 171.

⁹ На наш взгляд, данное наблюдение С.К. Богоявленского чрезвычайно важно при анализе письменных источников Средневековья и Нового времени. В них часто при сообщении о местонахождении хана или султана не указывается, кочует ли он с небольшим числом улусных людей или со всем своим улусом. Что, естественно, не одно и то же.

¹⁰ Почти теми же словами писал о калмыках в 1852 г. П. Небольсин: «Постигнув укорененную временем и обычаями систему перекочевки, изменяемую только вследствие особенных топографических условий и сокращения числа удобных для кочевания мест, почти всегда наверняка можно знать, где именно род или известная часть его в данное время занимает степь своими кибитками» (цит. по: Хазанов, 2000, с. 130).

¹¹ Хотя некоторые из этих авторов, как отмечал С.З. Зиманов, «несколько преувеличивают строгость режима эксплуатации пастбищных угодий, но в целом передают правильно то, что имело место в действительности. Их свидетельства говорят о том, что в производственном освоении пастбищного пространства существовал определенный порядок, установившийся веками и соблюдаемый из поколения в поколение» (Зиманов, 1958, с. 33).

¹² Четко установленных границ между родами не было и у казахов-кочевников Восточного Казахстана до присоединения их к России. Однако кочевали в основном в установленных традицией территориальных пределах (Зверева, Калиновская, 1989, с. 72).

¹³ Кустанайский уезд включал территории современных Кустанайской, Челябинской (крайний юг) и Оренбургской (северо-восток) областей (Материалы...

Т. V, 1903. Карты).

¹⁴ О влиянии монгольского нашествия на расселение некоторых башкирских племен см.: Маннапов, 2006, с. 84.

¹⁵ В 1540-х гг. ногайский мирза Исмаил летом приводил улусы в казанские пределы и ставил лагерь «на Каме за 60 верст от Казани». Еще раньше, в 1536 г., ногайский мирза Урак б. Алчагир отмечал: «Сами ныне по лету кочуючи, х Казани докочевали... Занеже то извечное наше кочевие – х Казани кочевати» (Трепавлов, 2004, с. 178–180). Отпущенный в конце лета 1552 г. из орды Исмаила московский посланник К. Кудинов сообщал, что Исмаил мирза кочевал «...на Ике реке от Камы днищ с пять. А назавтрее его приезде Исмаил пошел к Самару на зимовище под Астарахань» (Дубман, 2012, с. 25).

¹⁶ Подробнее о размещении улуса Шибана см.: Костюков, 1998, с. 215–217.

¹⁷ Реконструкция В.Н. Ягодина почти полностью совпадает с данными о кочевом хозяйстве казахов Темирского уезда в конце XIX – начале XX в., приводимыми Б. Скаловым (Скалов, 1911, с. 90, 91).

К главе III

¹ О составе порошка в трубочке из этого кургана, а также из других погребальных памятников Южного Зауралья и Северного Казахстана см.: Таиров, Бушмакин, 2001; 2001а.

² К сожалению, в сводку Т.М. Кузнецовой вошла неточность. Зеркало из кургана 2 могильника Бектениз, содержащего лишь одно погребение, на самом деле имеет петельку-сегмент (сравни: Кузнецова Т.М., 2002, табл. 14, 53, и рис. 6, 11). Петельку-трапецию имеет зеркало из этого же могильника, но из кургана 10 (рис. 6, 17).

³ О формах контактов см.: Первобытная периферия..., 1978, с. 239–259; История первобытного общества..., 1988, с. 477–495.

⁴ Следует отметить, что небольшие овальные жертвенники без ножек или с четырьмя короткими, круглыми в сечении ножками найдены и в памятниках VI–V вв. до н. э. Южного Приуралья и Нижнего Поволжья (Васильев, 1998, с. 26; Мошкова, 2000, с. 207, 208; Федоров, 2000, рис. 1, 2). Причем появление их в памятниках Нижнего Поволжья связывается с проникновением на запад из Самаро-Уральской области носителей восточного варианта «савроматской» культуры (Смирнов К.Ф., 1964, с. 170; Кореняко, 1982а, с. 227).

⁵ Вероятно, следствием давления со стороны кочевников в конце VI – начале V в. до н. э. стал отток части иткульского и гамаюнского населения далеко на восток, в Ишимо-Иртышское лесостепное между-

речье и Среднее Прииртышье (Полеводов, Плешков, 1998, с. 51, 52; Шерстобитова, 2012, с. 185). Отдельные гамаюнские и иткульские общины мигрировали, судя по всему, и на северо-восток Башкирии (долины рек Ай и Юрюзаны) (Борзунов, 1992, с. 97).

⁶ Следует подчеркнуть, что металл группы ЗаУ (Зауральские месторождения), являющийся основным для иткульской культуры, трудно отличим от металла группы ЕУ (Еленовско-Ушкатынская группа месторождений) (Бельтикова, 2002, с. 148, 149).

⁷ Позднее Р.Б. Исмаилов, исходя из постулируемой им гипотезы о переселении в третьей четверти V в. до н. э. «скифов царских» из Семиречья в Северное Причерноморье, отказался от отождествления населения VIII–VII вв. до н. э. Южного Приуралья с «отложившимися скифами», перенес этот этноним на носителей прохоровской археологической культуры (Исмаилов, 1996, с. 43; Исмаил, 1996, с. 186).

⁸ На наш взгляд, вполне очевидно, что как в сложении, так и в процессах трансформации ананьинской культуры принимали участие выходцы из Центральной Азии. Сохранившиеся же «кочевнические» традиции в культуре ананьинского населения не только облегчали, но и поддерживали взаимосвязи с номадами евразийских степей.

⁹ Следует отметить, что в Прикамье, Западной Сибири, на Южном Урале и в Восточном Приуралье найдено девять из семнадцати известных нам по публикациям биметаллических чеканов.

¹⁰ По мнению Э.Ф. Кузнецовой, вариант использования тасмолинцами руд месторождения Саяк недостаточно доказателен. Скорее всего, ими использовались руды территориально более близких месторождений экибастузской группы, Майкаина и Шуптыкуля (Кузнецова Э.Ф., 1993, с. 176).

¹¹ Аналогичная ситуация, по-видимому, сложилась в начале железного века в Синьцзяне. Здесь имелись месторождения как медных, так и оловянных руд, правда, прямых свидетельств разработ-

ки касситерита нет. По мнению С.А. Комиссарова, вполне возможно, что металлурги культуры чауху получали олово, вероятно, в виде обогащенного концентрата, с Рудного Алтая (Комиссаров, 2002, с. 347).

¹² Данный кинжал в монографии Ю.Ф. Кирюшина и А.А. Тишкина (1997, с. 85, рис. 60, 4) обозначен как случайная находка из Шемонаихи. В подписях к иллюстрациям дается ссылка на таблицу, помещенную в томе «Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992», где этот кинжал обозначен М.П. Грязновым как случайная находка у города Змеиногорска (Грязнов, 1992, с. 345, табл. 61, 1).

¹³ Членова Н.Л. приводит еще один кинжал из «Восточного Казахстана, окрестностей г. Павлодара», который удивительно напоминает кинжал из села Песчаное. При этом она ссылается на книгу-альбом П. Агапова и М. Кадырбаева «Сокровища древнего Казахстана. Алма-Ата: Жалын, 1979» (Членова, 1993, рис. 16, 4). Рисунок указанного Н.Л. Членовой кинжала на с. 96 является, по нашему мнению, «художественной» прорисовкой кинжала из села Песчаное. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить «художественную» прорисовку кинжала из могильника Айдабуль, помещенную на с. 97 данного издания, с рисунком К.А. Акишева (Акишев, 1959, рис. 15).

¹⁴ По мнению Л.С. Марсадолова (2000, с. 22), данный курган сооружен в конце VIII – VII в. до н. э.

¹⁵ О вариациях датировки этого памятника см.: Шульга и др., 2012; Шульга, 2015, с. 111–117.

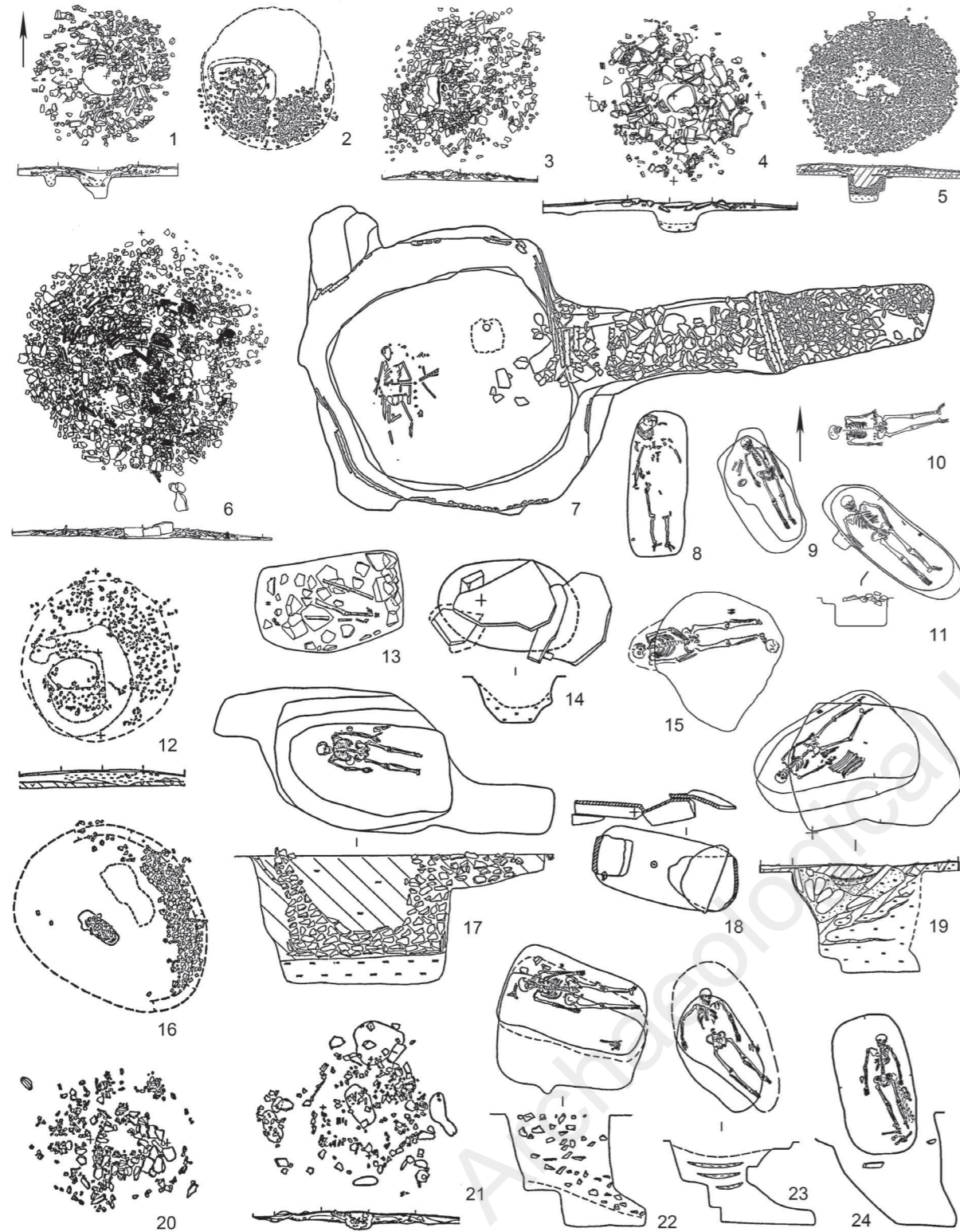
¹⁶ Следует, впрочем, особо подчеркнуть, что в пределах степей Жайык-Иртышского междуречья не отмечено ни одного случая помещения в могильную яму с подбоями лошади, ее макета или символа (набор упряжи).

¹⁷ По мнению К.В. Чугунова (2000, с. 226), датировка могильника Усть-Хадынных I серединой VII в. до н. э. «в свете последних разработок выглядит несколько завышенной».

**СУРЕТТЕР
ИЛЛЮСТРАЦИИ
ILLUSTRATIONS**

1 Орал сыртының оңтүстігіндегі бобров-тасмола мәдениетінің ескерткіштері.

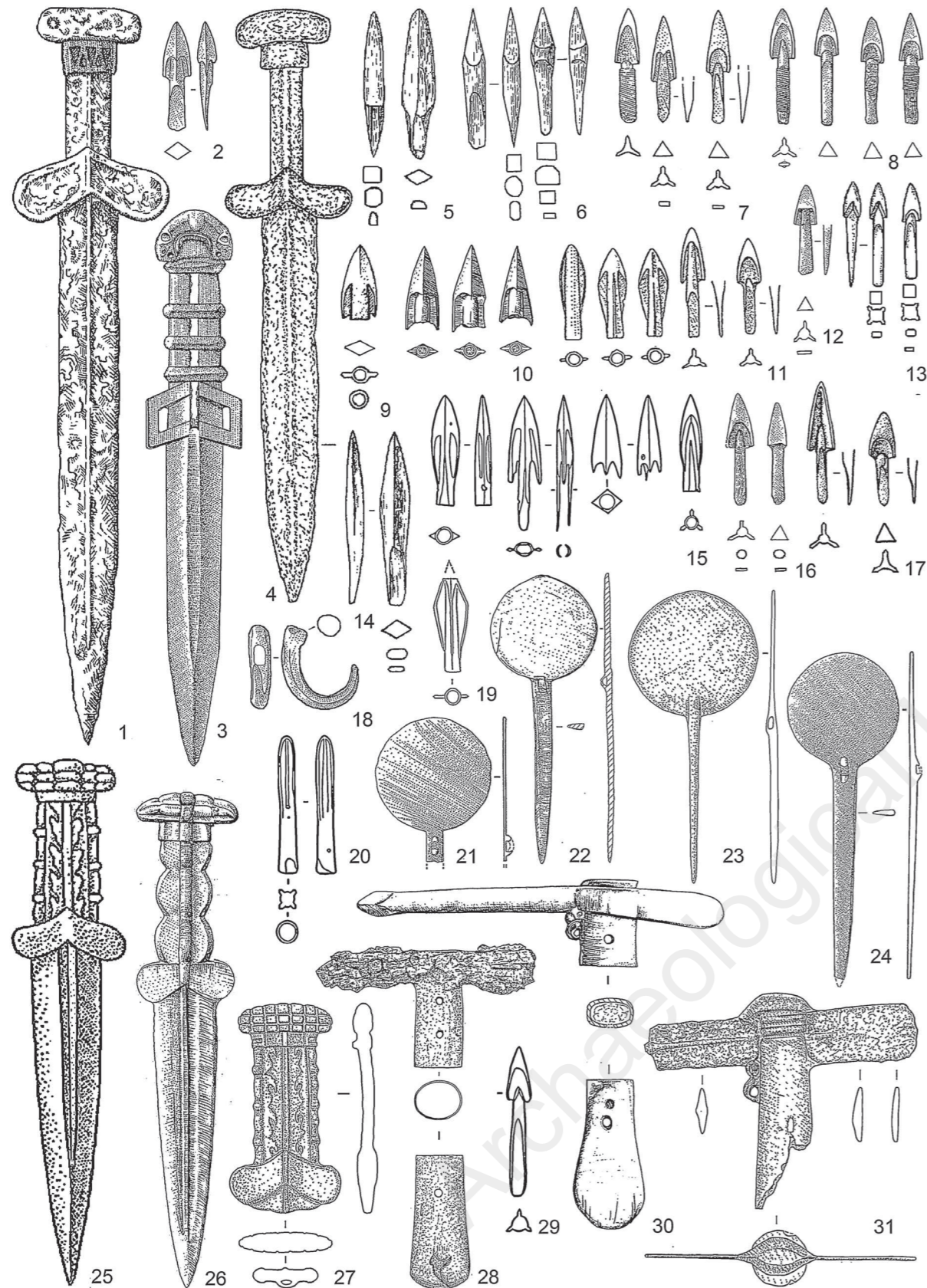
Жерлеу құрылыстары және жерлеу ғұрпы: 1, 4, 14, 20 – Путиловская Заимка I обасы [1– 5 қорған, жалпы жоспары; 4, 14–1 қорған (4 – жалпы жоспары; 14 – қабір шұңқыры); 20 – 4 құрылым, жалпы жоспары]; 2, 11, 12, 16, 22, 24 – Варнендік қорғандар [2, 24 – 2 қорған (2 – жалпы жоспары; 24 – 2 қабір); 11, 16 – қорған 1 (11 – қабір шұңқыры; 16 – жалпы жоспары); 12, 22 – 4 қорған (12 – жалпы жоспары; 22 – қабір шұңқыры)]; 3, 6, 18 – Система I обасы [3 – 1 қорған, жалпы жоспары; 6, 18 – 17 қорған (6 – жалпы жоспары, 18 – қабір шұңқыры)]; 5, 17 – Құмкөл обасы, 3 қорған (5 – жалпы жоспары; 17 – қабір шұңқыры); 7 – Кичигино I обасы, 5 қорған, 1 қабір шұңқыры; 8 – Березки-Vб қорғаны, 2 қабірі; 9, 21 – Солнце-Талика обасы, 4 қорған (9 – 1 қабірі; 21 – жалпы жоспары); 10 – Николаевка II обасы, 1 қорған, 2 қабірі; 13 – Лисаковский обасы, IV қазба, 1 қорған, 1 қабірі; 15 – Кесене жерлеу кешені, 12 қорған, 1 қабір шұңқыры, 2 қабірі; 19 – Иртяш 14 обасы, 2 қорған, 3 қабірі; 23 – Шатрово обасы, 1 қорған, 1 қабір шұңқыры, 2 қабірі. 3, 6, 18 – (Костюков, 1991) бойынша; 8 – (Шорин, 1979) бойынша; 9, 21 – (Виноградов, 1985) бойынша

Monuments of the Borbov-Tasmola culture of the South Trans-Ural area.

Burial constructions and funeral rites: 1, 4, 14, 20 - Burial ground Putilovskaya Zaimka I [1 - kurgan 5, general plan; 4, 14 - kurgan 1 (4 - general plan, 14 - grave pit); 20 - construction 4, general plan]; 2, 11, 12, 16, 22, 24 - Varina kurgans [2, 24 - kurgan 2 (2 - general plan, 24 - burial 2); 11, 16 - kurgan 1 (11 - grave pit, 16 - general plan); 12, 22 - kurgan 4 (12 - general plan, 22 - grave pit)]; 3, 6, 18 - burial ground System I [3 - kurgan 1, general plan; 6, 18 - kurgan 17 (6 - general plan, 18 - grave pit)]; 5, 17 - burial ground Kumkul, kurgan 3 (5 - general plan, 17 - a grave pit); 7 - burial ground Kichigino I, kurgan 5, grave pit 1; 8 - kurgan Berezki-Vb, burial 2; 9, 21 - burial ground Solntse-Talika, kurgan 4 (9 - burial 1; 21 - general plan); 10 - burial ground Nikolaiivka II, kurgan 1, burial 2; 13 - burial ground Lisakovskiy, excavation IV, kurgan 1, burial 1; 15 - funeral complex Kesene, kurgan 12, grave pit 1, burial 2; 19 - burial ground Irtyash 14, kurgan 2, burial 3; 23 - burial ground Shatrovo, kurgan 1, grave pit 1, burial 2. 3, 6, 18 - on: (Kostyukov, 1991); 8 - on: (Shorin, 1979); 9, 21 - on: (Vinogradov, 1985)

Памятники бобровско-тасмолинской культуры Южного Зауралья.

Погребальные сооружения и погребальный обряд: 1, 4, 14, 20 – могильник Путиловская Заимка I [1 – курган 5, общий план; 4, 14 – курган 1 (4 – общий план; 14 – могильная яма); 20 – конструкция 4, общий план]; 2, 11, 12, 16, 22, 24 – Варненские курганы [2, 24 – курган 2 (2 – общий план; 24 – погребение 2); 11, 16 – курган 1 (11 – могильная яма; 16 – общий план); 12, 22 – курган 4 (12 – общий план; 22 – могильная яма)]; 3, 6, 18 – могильник Система I [3 – курган 1, общий план; 6, 18 – курган 17 (6 – общий план, 18 – могильная яма)]; 5, 17 – могильник Кумкуль, курган 3 (5 – общий план; 17 – могильная яма); 7 – могильник Кичигино I, курган 5, могильная яма 1; 8 – курган Березки-Vб, погребение 2; 9, 21 – могильник Солнце-Талика, курган 4 (9 – погребение 1; 21 – общий план); 10 – могильник Николаевка II, курган 1, погребение 2; 13 – могильник Лисаковский, раскоп IV, курган 1, погребение 1; 15 – погребальный комплекс Кесене, курган 12, могильная яма 1, погребение 2; 19 – могильник Иртяш 14, курган 2, погребение 3; 23 – могильник Шатрово, курган 1, могильная яма 1, погребение 2. 3, 6, 18 – по: Костюков, 1991; 8 – по: Шорин, 1979; 9, 21 – по: Виноградов, 1985

2 Орал сыртының оңтүстігіндегі бобров-тасмола мәдениетінің ескерткіштері.

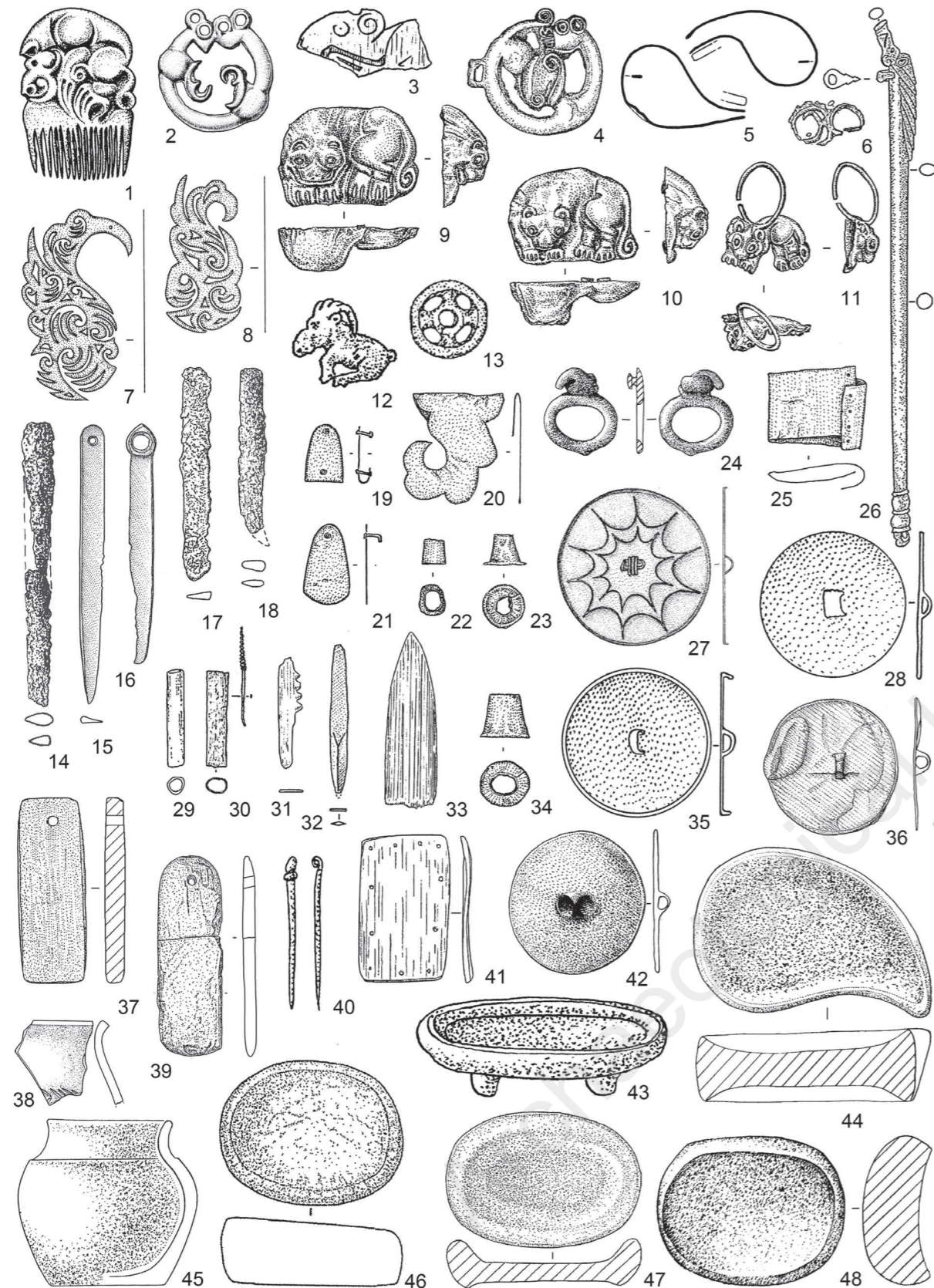
Қару-жарақтар және әбзелдер: 1 – Аргаяш ауданы, кездейсоқ табылған зат; 2 – Николаевка II обасы, 1 қорған, 2 қабірі; 3 – Челябинск облысы, Брединск ауданы, Мариинское селосы, кездейсоқ табылған зат; 4 – Челябинск облысындағы Карталиңск ауданының Варшавское селосы, кездейсоқ табылған зат; 5, 11, 13 – Варнендік қорғандар (4, 13 – 1 қорған; 11 – 4 қорған); 6, 16, 18 – Путиловская Заимка I обасы, 4 құрылым; 7, 9, 14 – Шатрово обасы, 1 қорған, 1 қабір шұңқыры, 2 қабірі; 8, 12 – Кесене жерлеу кешені, 12 қорған, 1 қабір шұңқыры, 2 қабір; 10, 22, 26, 30 – Иртыш 14 обасы, 2 қорған, 3 қабірі; 15, 23, 28 – Кичигино I обасы, 5 қорған, 1 қабір шұңқыры; 17 – Лисаковский обасы, IV қазба, 1 қорған, 1 қабірі; 19 – Челябинск облысы, Брединск ауданы Степной кенті, кездейсоқ табылған зат; 20 – Челябинск облысы Уйск ауданы, кездейсоқ табылған зат; 21 – Давлетшинский обасы, 1 қорған; 24, 25 – Бобровский обасы, 4 қорған; 27 – Қорған облысындағы Шумихинск ауданының Горшково селосы, кездейсоқ табылған зат; 29 – Челябинск облысының Увельск ауданының Кичигино селосы, кездейсоқ табылған зат; 31 – Челябинск облысындағы Троицк ауданының Шантарино селосы, кездейсоқ табылған зат. 1, 28, 31 – темір, қола; 2, 3, 7–13, 15–27, 29, 30 – қола; 4 – темір; 5, 6, 14 – сүйек. 5 – (Булдашов, 1995) бойынша; 21 – (Савельев, 2000) бойынша; 25 – (Матвеева, 1964) бойынша

Monuments of the Bobrov-Tasmola culture of the South Trans-Ural area.

Weapons and ammunition: 1 - Argayash district, random finding; 2 - burial ground Mykolaivka II, kurgan 1, burial 2; 3 - v. Mariinsky in the Bredinsky district of the Chelyabinsk region, random finding; 4 - v. Varshavskoe in Kartalinsky district of the Chelyabinsk region, random finding; 5, 11, 13 - Varna kurgans (4, 13 - kurgan 1, 11 - kurgan 4); 6, 16, 18 - burial ground Putilovskaya I, construction 4; 7, 9, 14 - Burial ground Shatrovo, kurgan 1, grave pit 1, burial 2; 8, 12 - funerary complex Kesene, kurgan 12, grave pit 1, burial 2; 10, 22, 26, 30 - burial ground Irtyash 14, kurgan 2, burial 3; 15, 23, 28 - burial ground Kichigino I, kurgan 5, grave pit 1; 17 - burial ground Lisakovskiy, excavation IV, kurgan 1, burial 1; 19 - v. Stepnoy of the Bredinsky district of the Chelyabinsk region, random finding; 20 - Ujsky area of the Chelyabinsk area, random finding; 21 - Davletshinsky burial ground, kurgan 1; 24, 25 - burial ground Bobrovsky, kurgan 4; 27 - v. Gorshkovo of the Shumikhinsky district of the Kurgan region, random finding; 29 - v. Kichigino in the Uvelsky district of the Chelyabinsk region, random finding; 31 - v. Shantarino of the Troitsky district of the Chelyabinsk region, random finding. 1, 28, 31 - iron, bronze; 2, 3, 7-13, 15-27, 29, 30 - bronze; 4 - iron; 5, 6, 14 - bone. 5 - by: (Buldashov, 1995); 21 - on: (Saveliev, 2000); 25 - on: (Matveeva, 1964)

Памятники бобровско-тасмолинской культуры Южного Зауралья.

Оружие и амуниция: 1 – Аргаяшский район, случайная находка; 2 – могильник Николаевка II, курган 1, погребение 2; 3 – с. Мариинское Брединского р-на Челябинской обл., случайная находка; 4 – с. Варшавское Карталиңского р-на Челябинской обл., случайная находка; 5, 11, 13 – Варненские курганы (4, 13 – курган 1; 11 – курган 4); 6, 16, 18 – могильник Путиловская Заимка I, конструкция 4; 7, 9, 14 – могильник Шатрово, курган 1, могильная яма 1, погребение 2; 8, 12 – погребальный комплекс Кесене, курган 12, могильная яма 1, погребение 2; 10, 22, 26, 30 – могильник Иртыш 14, курган 2, погребение 3; 15, 23, 28 – могильник Кичигино I, курган 5, могильная яма 1; 17 – могильник Лисаковский, раскоп IV, курган 1, погребение 1; 19 – пос. Степной Брединского р-на Челябинской обл., случайная находка; 20 – Уйский р-н Челябинской обл., случайная находка; 21 – Давлетшинский могильник, курган 1; 24, 25 – могильник Бобровский, курган 4; 27 – с. Горшково Шумихинского р-на Курганской обл., случайная находка; 29 – с. Кичигино Увельского р-на Челябинской обл., случайная находка; 31 – с. Шантарино Троицкого р-на Челябинской обл., случайная находка. 1, 28, 31 – железо, бронза; 2, 3, 7–13, 15–27, 29, 30 – бронза; 4 – железо; 5, 6, 14 – кость. 5 – по: Булдашов, 1995; 21 – по: Савельев, 2000; 25 – по: Матвеева, 1964

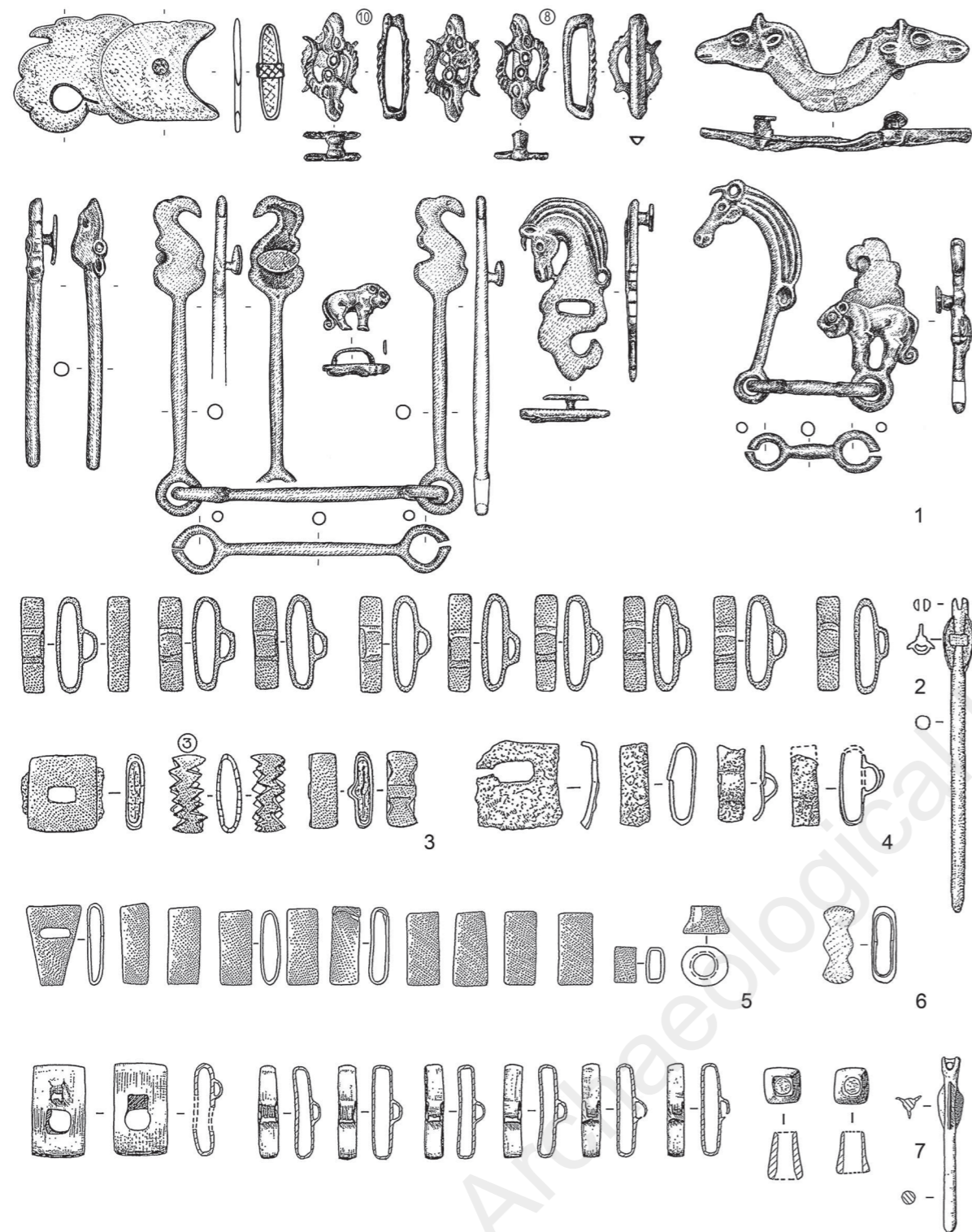
3 Орал сыртының оңтүстігіндегі бобров-тасмола мәдениетінің ескерткіштері.
 Құрал-жабдықтар: 1, 5, 13, 17, 29, 31–33, 41, 47 – Варнендік қорған (1, 5, 13, 29, 31, 33, 41, 47 – 2 қорған, 2 қабір; 17, 32 – 4 қорған); 2 – Увильды келі, Челябинск облысының Аргаяш ауданы, кездейсоқ табылған зат; 3 – Березки-Vб қорған, 2 қабір; 4 – Иртяш келі, Челябинск облысының Каслинск ауданы, кездейсоқ табылған зат; 6, 27, 30, 46 – Құмкөл обасы, 3 қорған; 7–11, 19–23, 25, 34, 39 – Кичигино I обасы, 5 қорған, қабір 1 шұңқыры; 12, 26, 37 – Бобровский обасы, 4 қорған; 14, 18 – Шатрово обасы, 1 қорған, 1 қабір шұңқыры, 2 қабір; 15 – Николаевка II обасы, 1 қорған, 2 қабір; 16 – Путиловская Заимка I обасы, 4 құрылым; 24, 42, 44, 45 – Система I обасы (24, 45 – 1 қорған; 42, 44 – 17 қорған); 28 – Сухомесово кентінің маңайындағы 7 қорған; 35, 40, 43 – Целинный кентінің маңайындағы қорғандар, 2 қорған; 36 – Кичигино II обасы, 1 қорған, 1 қабір шұңқыры, 3 қабір; 38, 48 – Солнце-Талика обасы, 4 қорған, 1 қабір. 1, 3, 29, 31, 33, 40, 41 – сүйек; 2, 4, 6, 12, 13, 15, 16, 24, 26–28, 32, 35, 36, 40, 42 – қола; 5, 7–11, 19–23, 25, 34 – алтын; 14, 17, 18 – темір; 30 – сүйек, қола; 37, 39, 43, 44, 46–48 – тас; 38, 45 – қыш бұйым. 3 – (Шорин, 1979) бойынша; 4 – (Политович, 1994) бойынша; 12 – (Матвеева, 1964) бойынша; 24, 42, 44, 45 – (Костюков, 1991) бойынша; 35, 40, 43 – (Пшеничнюк, 1983) бойынша; 38, 48 – (Виноградов, 1985) бойынша

Monuments of the Bobrov-Tasmola culture of the South Trans-Ural area.

InVENTORY: 1, 5, 13, 17, 29, 31–33, 41, 47 –; Varna kurgans (1, 5, 13, 29, 31, 33, 41, 47 - kurgan 2, burial 2, 17, 32 - kurgan 4); 2 - Lake Uvildy, Argayash district of the Chelyabinsk region, random finding; 3 - kurgan Berezki-Vb, burial 2; 4 - Irtyash Lake, Kasli District, Chelyabinsk, random finding; 6, 27, 30, 46 - burial ground Kumkul, kurgan 3; 7-11, 19-23, 25, 34, 39 - burial ground Kichigino I, kurgan 5, grave pit 1; 12, 26, 37 - burial ground Bobrovsky, kurgan 4; 14, 18 - burial ground Shatrovo, kurgan 1, grave pit 1, burial 2; 15 - burial ground Nikolaivka II, kurgan 1, burial 2; 16 - burial ground Putilovskaya Zaimka I, construction 4; 24, 42, 44, 45 - burial ground System I (24, 45 - kurgan 1, 42, 44 - kurgan 17); 28 - kurgan 7 near the village Suhomesova; 35, 40, 43 - kurgans near the village Tselinnyi, kurgan 2; 36 - burial ground Kichigino II, kurgan 1, grave pit 1, burial 3; 38, 48 - burial ground Solntse-Talika, kurgan 4, burial 1. 1, 3, 29, 31, 33, 40, 41 - bone; 2, 4, 6, 12, 13, 15, 16, 24, 26-28, 32, 35, 36, 40, 42 - bronze; 5, 7-11, 19-23, 25, 34 - gold; 14, 17, 18 - iron; 30 - bone, bronze; 37, 39, 43, 44, 46-48 - stone; 38, 45 - ceramics. 3 - on: (Shorin, 1979); 4 - on: (Polidovich, 1994); 12 - by: (Matveeva, 1964); 24, 42, 44, 45 - by: (Kostyukov, 1991); 35, 40, 43 - on: (Pshenichnyuk, 1983); 38, 48 - on: (Vinogradov, 1985)

Памятники бобровско-тасмолинской культуры Южного Зауралья.

Инвентарь: 1, 5, 13, 17, 29, 31–33, 41, 47 – Варненские курганы (1, 5, 13, 29, 31, 33, 41, 47 – курган 2, погребение 2; 17, 32 – курган 4); 2 – оз. Увильды, Аргаяшский р-н Челябинской обл., случайная находка; 3 – курган Березки-Vб, погребение 2; 4 – оз. Иртяш, Каслинский р-н Челябинской обл., случайная находка; 6, 27, 30, 46 – могильник Кумкуль, курган 3; 7–11, 19–23, 25, 34, 39 – могильник Кичигино I, курган 5, могильная яма 1; 12, 26, 37 – могильник Бобровский, курган 4; 14, 18 – могильник Шатрово, курган 1, могильная яма 1, погребение 2; 15 – могильник Николаевка II, курган 1, погребение 2; 16 – могильник Путиловская Заимка I, конструкция 4; 24, 42, 44, 45 – могильник Система I (24, 45 – курган 1; 42, 44 – курган 17); 28 – курган 7 у пос. Сухомесово; 35, 40, 43 – курганы у пос. Целинный, курган 2; 36 – могильник Кичигино II, курган 1, могильная яма 1, погребение 3; 38, 48 – могильник Солнце-Талика, курган 4, погребение 1. 1, 3, 29, 31, 33, 40, 41 – кость; 2, 4, 6, 12, 13, 15, 16, 24, 26–28, 32, 35, 36, 40, 42 – бронза; 5, 7–11, 19–23, 25, 34 – золото; 14, 17, 18 – железо; 30 – кость, бронза; 37, 39, 43, 44, 46–48 – камень; 38, 45 – керамика. 3 – по: Шорин, 1979; 4 – по: Политович, 1994; 12 – по: Матвеева, 1964; 24, 42, 44, 45 – по: Костюков, 1991; 35, 40, 43 – по: Пшеничнюк, 1983; 38, 48 – по: Виноградов, 1985

4 Орал сыртының оңтүстігіндегі бобров-тасмола мәдениетінің ескерткіштері.

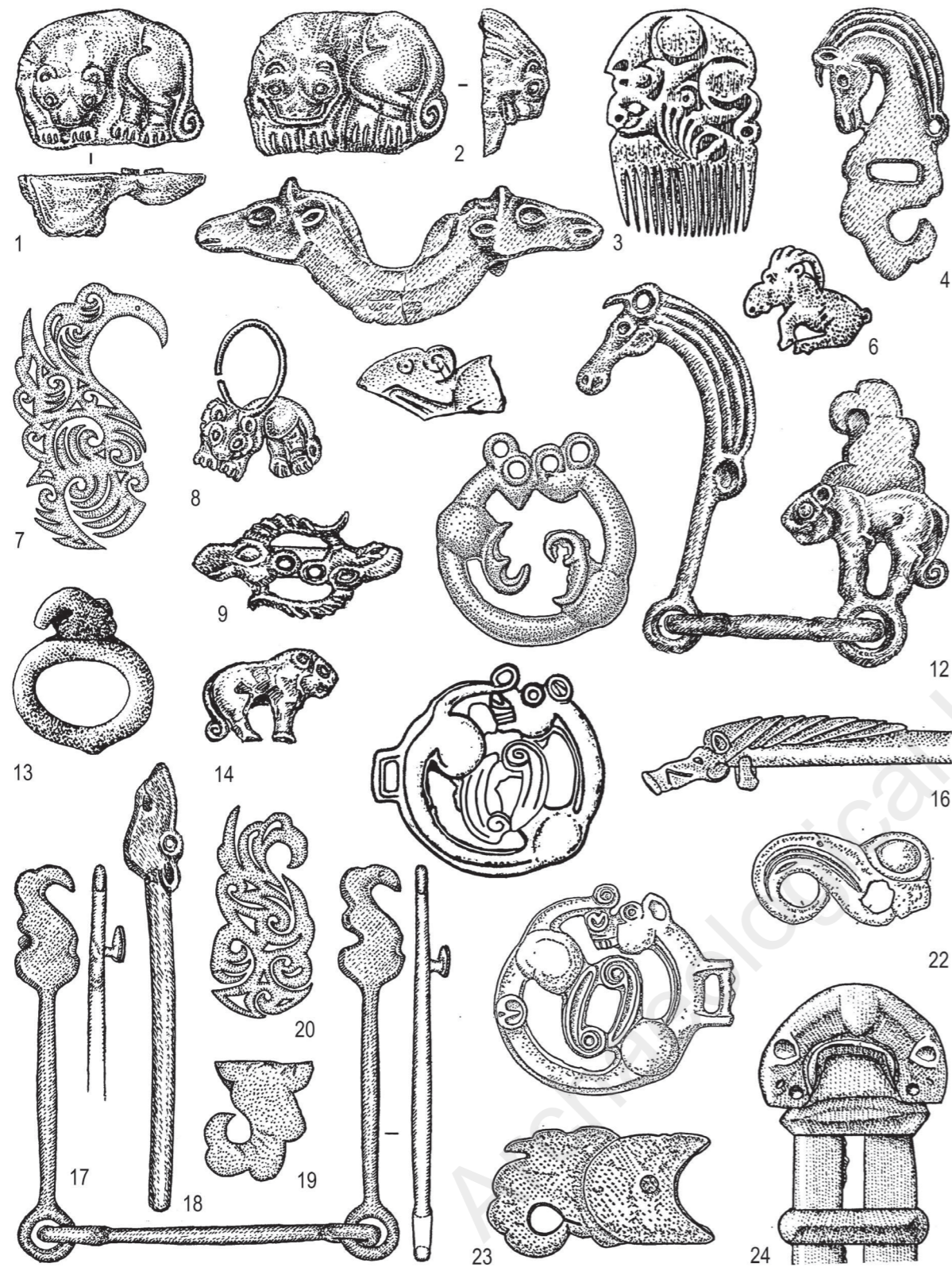
Белдік жиынтықтары: 1 – Кичигино I обасы, 5 қорған, 1 қабір шұңқыры; 2 – Бобровский обасы, 4 қорған; 3 – Челябинск облысының Троицк ауданы, кездейсоқ табылған зат; 4 – Варнендік қорғандар тобы, 4 қорған; 5 – Николаевка II обасы, 1 қорған, 2 қабір; 6 – Челябинск облысы Троицк ауданындағы Осиповка селосының маңы, кездейсоқ табылған зат; 7 – Иртыш 14 обасы, 2 қорған, 3 қабір. 1–4, 5–7 – қола; 4 – темір

Monuments of the Bobrov-Tasmola culture of the South Trans-Ural area.

Belt sets: 1 - burial ground Kichigino I, kurgan 5, grave pit 1; 2 - burial ground Bobrovsky, kurgan 4; 3 - Troitsky district of the Chelyabinsk region, random finding; 4 - Varna group of kurgans, kurgan 4; 5 - burial ground Nikolaevka II, kurgan 1, burial 2; 6 - neighborhood of the village Osipovka of the Troitsky district of the Chelyabinsk region, random finding; 7 - burial ground Irtyash 14, kurgan 2, burial 3. 1-4, 5-7 - bronze; 4 - iron

Памятники бобровско-тасмолинской культуры Южного Зауралья.

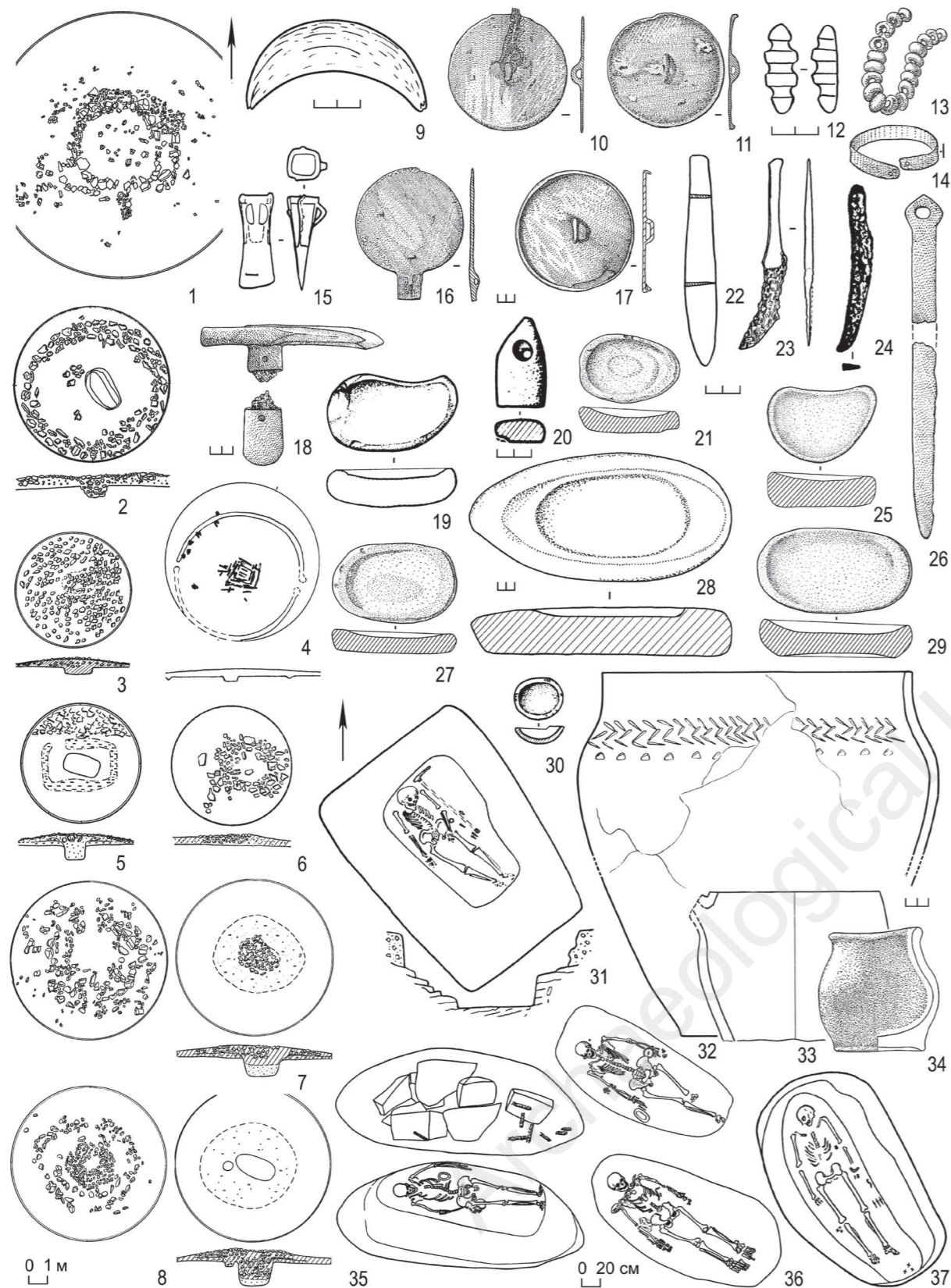
Поясные наборы: 1 – могильник Кичигино I, курган 5, могильная яма 1; 2 – могильник Бобровский, курган 4; 3 – Троицкий р-н Челябинской обл., случайная находка; 4 – Варненская группа курганов, курган 4; 5 – могильник Николаевка II, курган 1, погребение 2; 6 – окрестности с. Осиповка Троицкого р-на Челябинской обл., случайная находка; 7 – могильник Иртыш 14, курган 2, погребение 3. 1–4, 5–7 – бронза; 4 – железо

5 Орал сыртының оңтүстігінің ерте сақ ескерткіштеріндегі аң стилі:
 1, 2, 4, 5, 7-9, 12, 14, 17-20, 23 – Кичигино I обасы, 5 қорған, 1 қабір шұңқыры; 3 – Варнендік қорғандар тобы, 2 қорған, 2 қабір; 6, 16 – Бобровский обасы, 4 қорған; 10 – Березки-Vб қорғаны, 2 қабір; 11 – Увильды келі, кездейсоқ табылған зат; 13 – Система I обасы, 1 қорған; 15 – Иртяш келі, кездейсоқ табылған зат; 21, 22 – Травакуль келі, кездейсоқ табылған зат; 24 – Маринское селосы, кездейсоқ табылған зат.
 6, 16 – (Матвеева, 1964) бойынша; 10 – (Шорин, 1979) бойынша; 15 – (Политович, 2001) бойынша

Animal style of the Early Saka monuments of the South Trans-Ural area:
 1, 2, 4, 5, 7-9, 12, 14, 17-20, 23 - burial ground Kichigino I, kurgan 5, grave pit 1; 3 - Varna group of kurgans, kurgan 2, burial 2; 6, 16 - burial ground Bobrovsky, kurgan 4; 10 - kurgan Berezki-Vb, burial 2; 11 - Lake Uvildy, random finding; 13 - burial ground System I, kurgan 1; 15 - Lake Irtyash, random finding; 21, 22 - Lake Travakul, random finding; 24 - village Marinskoe, random finding. 6, 16-by: (Matveeva, 1964); 10 - on: (Shorin, 1979); 15 - by: (Polidovich, 2001)

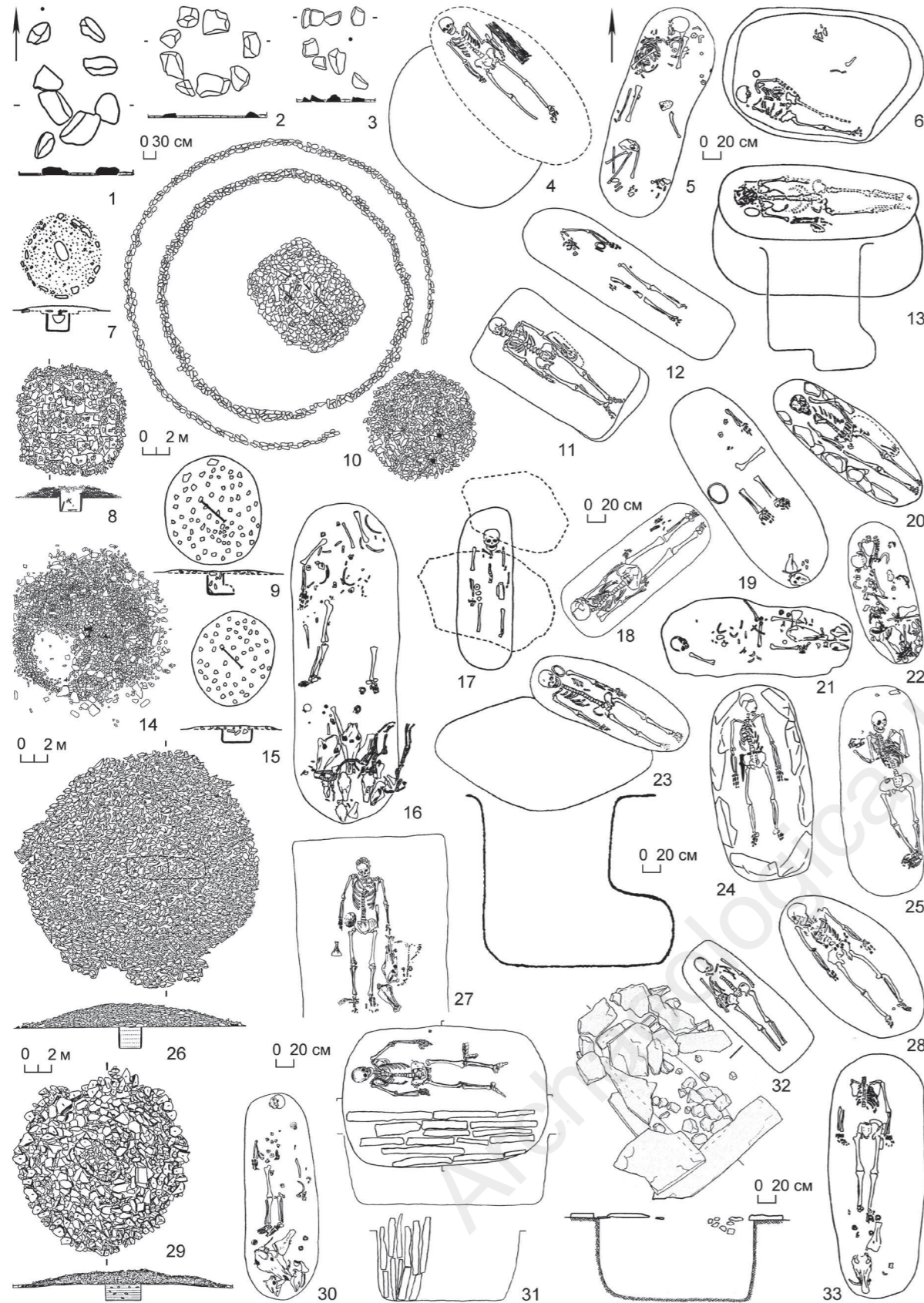
Звериный стиль раннесакских памятников Южного Зауралья:
 1, 2, 4, 5, 7-9, 12, 14, 17-20, 23 – могильник Кичигино I, курган 5, могильная яма 1; 3 – Варненская группа курганов, курган 2, погребение 2; 6, 16 – могильник Бобровский, курган 4; 10 – курган Березки-Vб, погребение 2; 11 – оз. Увильды, случайная находка; 13 – могильник Система I, курган 1; 15 – оз. Иртяш, случайная находка; 21, 22 – оз. Травакуль, случайная находка; 24 – с. Мариинское, случайная находка.
 6, 16 – по: Матвеева, 1964; 10 – по: Шорин, 1979; 15 – по: Политович, 2001

6 Солтүстік Қазақстанның б.д.д. VII–VI ғғ. ескерткіштері: 1, 7, 8, 10, 11, 13, 14, 17, 21, 24, 27, 29, 34–37 – Бектеңіз обасы (1, 24–3 қорған; 7, 11, 14, 29, 36–2 қорған; 8, 21, 37–1 қорған; 10, 27, 35–7 қорған; 13, 17, 34–10 қорған); 2, 6, 9, 18, 19, 22, 23, 26, 31, 38 –Алыпқаш обасы (2, 9, 23, 38–13 қорған; 6, 19, 22–11 қорған; 18, 26, 31–1 қорған); 3, 5, 15, 20, 28, 30, 33 –Ұлыбай обасы (3, 15, 20, 28, 33–7 қорған; 5–2 қорған; 30–7 қорған); 4, 12, 32 –Бірлік обасы (4, 12–1 қорған; 32–5 қорған); 16, 25 – Графские развалины обасы (16–9 қорған; 25–1 қорған). 9 – сүйек; 10, 11, 15–18, 22, 26 – қола; 12, 19–21, 25, 27–30 – тас; 13 – фаянс; 14 – алтын; 23 – қола, темір; 24 – темір; 32–33 – қыш бұйым.
1–38 –(Хабдулина, 1987; 1993; 1994) бойынша

Monuments VII-VI cc BC of North Kazakhstan: 1, 7, 8, 10, 11, 13, 14, 17, 21, 24, 27, 29, 34-37 - burial ground Bekteniz (1, 24 - kurgan 3; 7, 11, 14, 29, 36 - kurgan 2, 8, 21, 37 - kurgan 1, 10, 27, 35 - kurgan 7, 13, 17, 34 - kurgan 10); 2, 6, 9, 18, 19, 22, 23, 26, 31, 38 - burial ground Alypkash (2, 9, 23, 38 - kurgan 13, 6, 19, 22 - kurgan 11; 18, 26, 31 - kurgan 1); 3, 5, 15, 20, 28, 30, 33 - burial ground Ulubai (3, 15, 20, 28, 33 - kurgan 7, 5 - kurgan 2, 30 - kurgan 7); 4, 12, 32 - burial ground Berlik (4, 12 - kurgan 1, 32 - kurgan 5); 16, 25 - Grafskie razvaliny (16 - kurgan 9, 25 - kurgan 1). 9 - bone; 10, 11, 15-18, 22, 26 - bronze; 12, 19-21, 25, 27-30 - stone; 13 - faience; 14 - gold; 23 - bronze, iron; 24 - iron; 32-33 - ceramics. 1-38 - on: (Khabdulina, 1987, 1993, 1994)

Памятники VII–VI вв. до н. э. Северного Казахстана: 1, 7, 8, 10, 11, 13, 14, 17, 21, 24, 27, 29, 34–37 – могильник Бектеңіз (1, 24 – курган 3; 7, 11, 14, 29, 36 – курган 2; 8, 21, 37 – курган 1; 10, 27, 35 – курган 7; 13, 17, 34 – курган 10); 2, 6, 9, 18, 19, 22, 23, 26, 31, 38 – могильник Алыпқаш (2, 9, 23, 38 – курган 13; 6, 19, 22 – курган 11; 18, 26, 31 – курган 1); 3, 5, 15, 20, 28, 30, 33 – могильник Улубай (3, 15, 20, 28, 33 – курган 7; 5 – курган 2; 30 – курган 7); 4, 12, 32 – могильник Берлік (4, 12 – курган 1; 32 – курган 5); 16, 25 – могильник Графские развалины (16 – курган 9; 25 – курган 1). 9 – кость; 10, 11, 15–18, 22, 26 – бронза; 12, 19–21, 25, 27–30 – камень; 13 – фаянс; 14 – золото; 23 – бронза, железо; 24 – железо; 32–33 – керамика.
1–38 – по: Хабдулина, 1987; 1993; 1994

7 Орталық Қазақстанның ерте көшпелілерінің б.д.д. VII-VI ғғ. ескерткіштері.

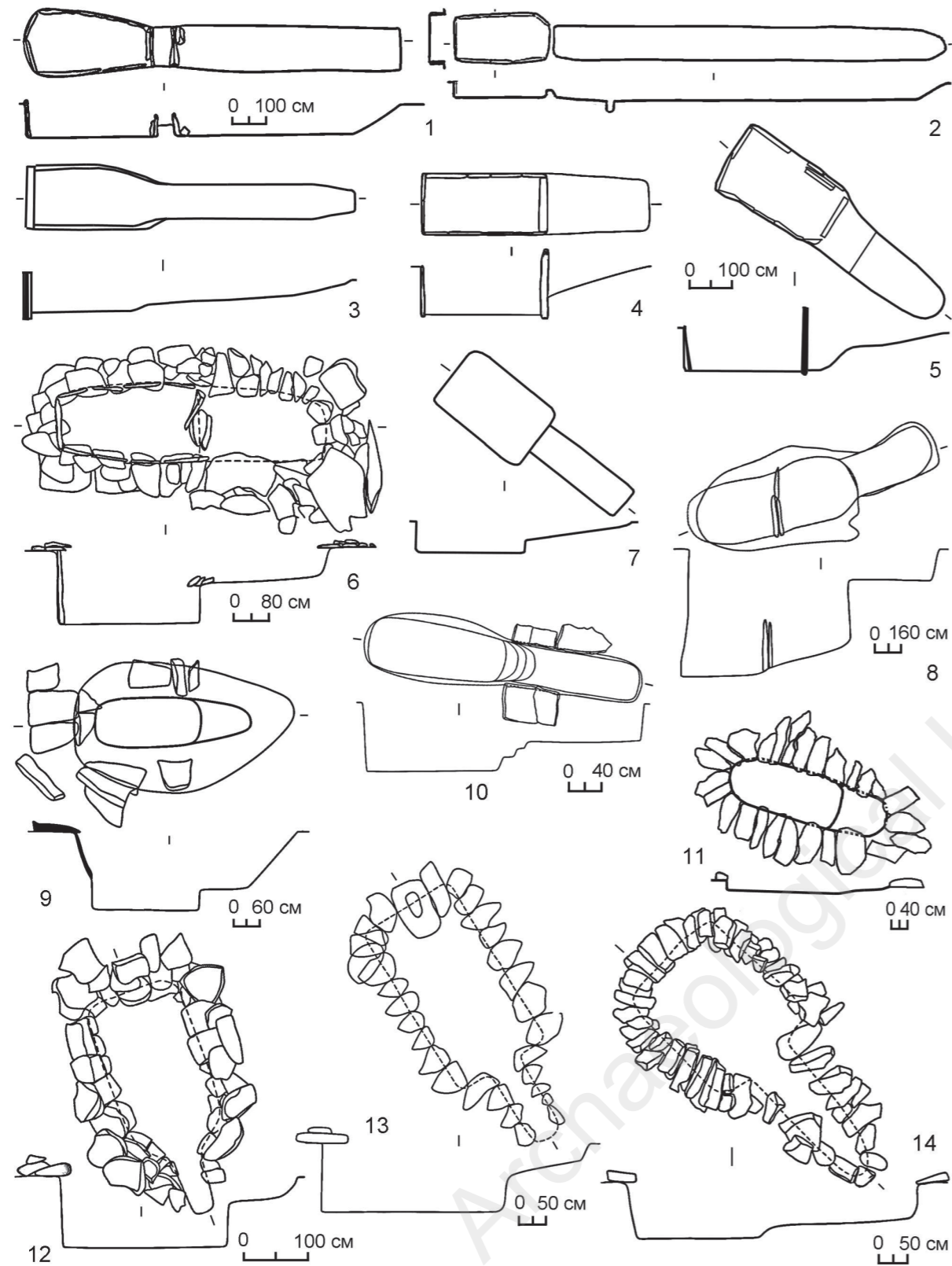
Жерлеу құрылыстары және жерлеу ғұрпы: 1-3, 26, 29 – Бақыбұлақ обасы (1 – 5 құрбандық тақтасы; 2 – 6 құрбандық тақтасы; 3 – 4 құрбандық тақтасы; 26 – 12 қорған; 29 – 9 қорған); 4, 9 – Қарамұрын I обасы, 5ж қорған; 5, 17, 22 – Тасмола VI обасы (5 – 3 қорған; 17 – «а» қабірі; 22 – 2 қорған); 6 – Майкөбен 1 обасы, 5 қорған; 7, 16, 19, 25, 30, 33 – Тасмола V обасы (7, 33 – 1 қорған; 16 – 3 қорған; 19 – 2 қорған; 25 – 4 қорған; 30 – 6 қорған); 8 – Назар-2 обасы, 1 қорған; 10 – «Мұртты» кешеннің Назар қорғаны; 11 – Едірей-3 обасы, 3 қорған; 12 – Нұрманбет I обасы, 2 қорған; 13, 23 – Майкөбен 2 обасы (13 – 15 қорған; 23 – 14 қорған); 14, 31 – Тегісжол обасы, 27 қорған, 1 қабір; 15, 24, 28 – Нұрманбет IV обасы (15, 28 – 3 қорған; 24 – 1 қорған); 18 – Шідерті бекетінің маңайындағы қорған; 20 – Майкөбен 3 обасы, 12 қорған; 21, 27 – Тасмола I обасы (21 – 24 қорған; 27 – 19 қорған); 32 – Борлы қорғаны. 1-3 – (Бейсенов, 2015а) бойынша; 4, 5, 7, 9, 12, 15, 19, 21, 22, 25, 27, 28, 30, 33 – (Кадырбаев, 1962; Марғұлан және басқалар, 1966) бойынша; 6, 13, 20, 23 – (Бейсенов, 2001) бойынша; 8, 10 – (Бейсенов, 2016а) бойынша; 11 – (Бейсенов, Исмагулова, 2007) бойынша; 14, 31 – (Варфоломеев, 2011) бойынша; 18 – (Пересветов, Куропятникова, 2002) бойынша; 26, 29 – (Бейсенов және басқалар, 2015) бойынша; 32 – (Кукушкин, Ломан, 2013) бойынша

Monuments of the early nomads of Central Kazakhstan VII-VI cc BC.

Burial grounds and funeral rites: 1-3, 26, 29 - burial ground Bakybulak (1 - altar 5, 2 - altar 6, 3 - altar 4, 26 - kurgan 12, 29 - kurgan 9); 4, 9 - burial ground Karamurun I, kurgan 5; 5, 17, 22 - burial ground Tasmola VI (5 - kurgan 3, 17 - burial «a», 22 - kurgan 2); 6 - burial ground Maykuben 1, kurgan 5; 7, 16, 19, 25, 30, 33 - burial ground Tasmola V (7, 33 - kurgan 1, 16 - kurgan 3, 19 - kurgan 2, 25 - kurgan 4, 30 - kurgan 6); 8 - burial ground Nazar-2, kurgan 1; 10 - kurgan of the complex with the «moustache» Nazar; 11 - burial ground Yedirei-3, kurgan 3; 12 - burial ground Nurmanbet I, kurgan 2; 13, 23 - burial ground Maykuben 2 (13 - kurgan 15, 23 - kurgan 14); 14, 31 - burial ground Teiszhol, kurgan 27, burial 1; 15, 24, 28 - burial ground Nurmanbet IV (15, 28 - kurgan 3, 24 - kurgan 1); 18 - kurgan near the station Shiderty; 20 - burial ground Maykuben 3, kurgan 12; 21, 27 - burial ground Tasmola I (21 - kurgan 24, 27 - kurgan 19); 32 - kurgan Borly. 1-3 - by: (Beisenov, 2015a); 4, 5, 7, 9, 12, 15, 19, 21, 22, 25, 27, 28, 30, 33 - on: (Kadyrbaev, 1962; Margulan et al., 1966); 6, 13, 20, 23 - on: (Beisenov, 2001); 8, 10 - on: (Beisenov, 2016a); 11 - on: (Beisenov, Ismagulova, 2007); 14, 31 - on: (Varfolomeev, 2011); 18 - on: (Peresvetov, Kuropatykova, 2002); 26, 29 - by: (Beisenov et al., 2015); 32 - on: (Kukushkin, Loman, 2013)

Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана VII-VI вв. до н. э.

Погребальные сооружения и погребальный обряд: 1-3, 26, 29 – могильник Бақыбулак (1 – жертвенник 5; 2 – жертвенник 6; 3 – жертвенник 4; 26 – курган 12; 29 – курган 9); 4, 9 – могильник Карамурун I, курган 5ж; 5, 17, 22 – могильник Тасмола VI (5 – курган 3; 17 – погребение «а»; 22 – курган 2); 6 – могильник Майкубен 1, курган 5; 7, 16, 19, 25, 30, 33 – могильник Тасмола V (7, 33 – курган 1; 16 – курган 3; 19 – курган 2; 25 – курган 4; 30 – курган 6); 8 – могильник Назар-2, курган 1; 10 – курганы комплекса с «усами» Назар; 11 – могильник Едірей-3, курган 3; 12 – могильник Нұрманбет I, курган 2; 13, 23 – могильник Майкубен 2 (13 – курган 15; 23 – курган 14); 14, 31 – могильник Тегісжол, курган 27, погребение 1; 15, 24, 28 – могильник Нұрманбет IV (15, 28 – курган 3; 24 – курган 1); 18 – курган у ст. Шідерты; 20 – могильник Майкубен 3, курган 12; 21, 27 – могильник Тасмола I (21 – курган 24; 27 – курган 19); 32 – курган Борлы. 1-3 – по: Бейсенов, 2015а; 4, 5, 7, 9, 12, 15, 19, 21, 22, 25, 27, 28, 30, 33 – по: Кадырбаев, 1962; Марғұлан и др., 1966; 6, 13, 20, 23 – по: Бейсенов, 2001; 8, 10 – по: Бейсенов, 2016а; 11 – по: Бейсенов, Исмагулова, 2007; 14, 31 – по: Варфоломеев, 2011; 18 – по: Пересветов, Куропятникова, 2002; 26, 29 – по: Бейсенов и др., 2015; 32 – по: Кукушкин, Ломан, 2013

8 Орталық Қазақстанның ерте көшпелілерінің ескерткіштері.

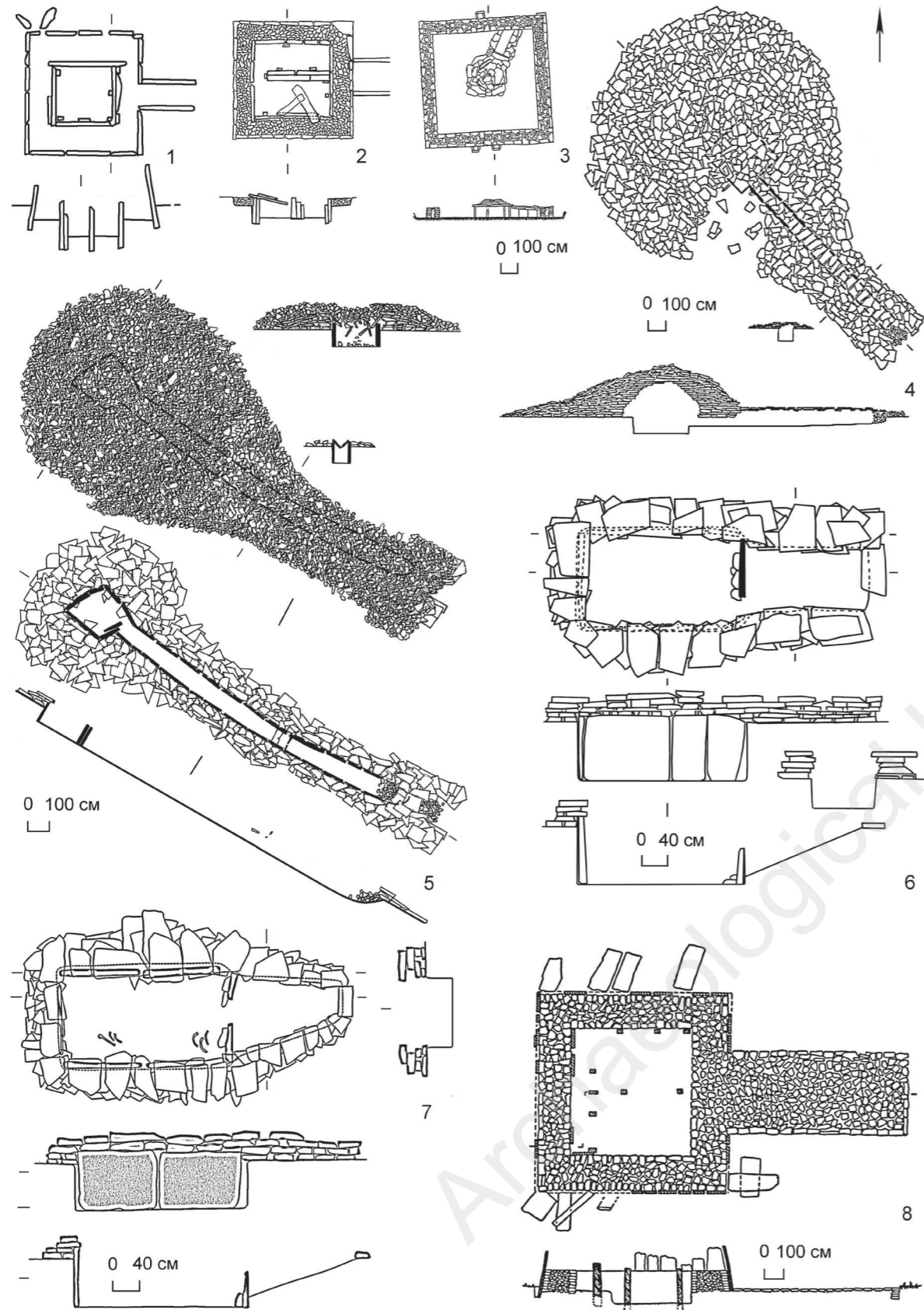
Дромосты қабір шұңқырлары: 1 – Талды-2, 1 қорған; 2 – Талды-2, 2 қорған; 3 – Талды-2, 6 қорған; 4, 5 – Назар «мұртты» қорғаны; 6 – Бақыбұлақ, 12 қорған; 7 – Қопа, 2 қорған; 8 – Серекті-1, 10 қорған; 9 – Бақыбұлақ, 15 қорған; 10 – Шерубай, 1 қорған; 11 – Бәйке-2 обасы, 11 қорған; 12 – Қарашоқы, 9 қорған; 13 – Қарашоқы, 1 қорған; 14 – Қарашоқы, 8 қорған. 1, 4, 6, 8, 10, 12 – (Бейсенов, 2016) бойынша; 2, 3, 5, 7 – бойынша (Beisenov, 2014); 9, 13, 14 – (Бейсенов және басқалар, 2015) бойынша; 11 – (Бейсенов, Дүйсенбай, 2015) бойынша. 2, 3, 7 – масштабсыз

Monuments of the early nomads of Central Kazakhstan.

Grave pits with dromos: 1 - Taldy-2, kurgan 1; 2 - Taldy-2, kurgan 2; 3 - Taldy-2, kurgan 6; 4, 5 - kurgan with «moustache» Nazar; 6 - Bakybulak, kurgan 12; 7 - Kopa, kurgan 2; 8 - Sereky-1, kurgan 10; 9 - Bakybulak, kurgan 15; 10 - Cherubai, kurgan 1; 11 - burial ground Baike-2, kurgan 11; 12 - Karashoky, kurgan 9; 13 - Karashoky, kurgan 1; 14 - Karashoky, kurgan 8. 1, 4, 6, 8, 10, 12 - on: (Beisenov, 2016); 2, 3, 5, 7 - on: (Beisenov, 2014); 9, 13, 14 - on: (Beisenov et al, 2015); 11 - on (Beisenov, Duisenbai, 2015). 2, 3, 7 - without scale

Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана.

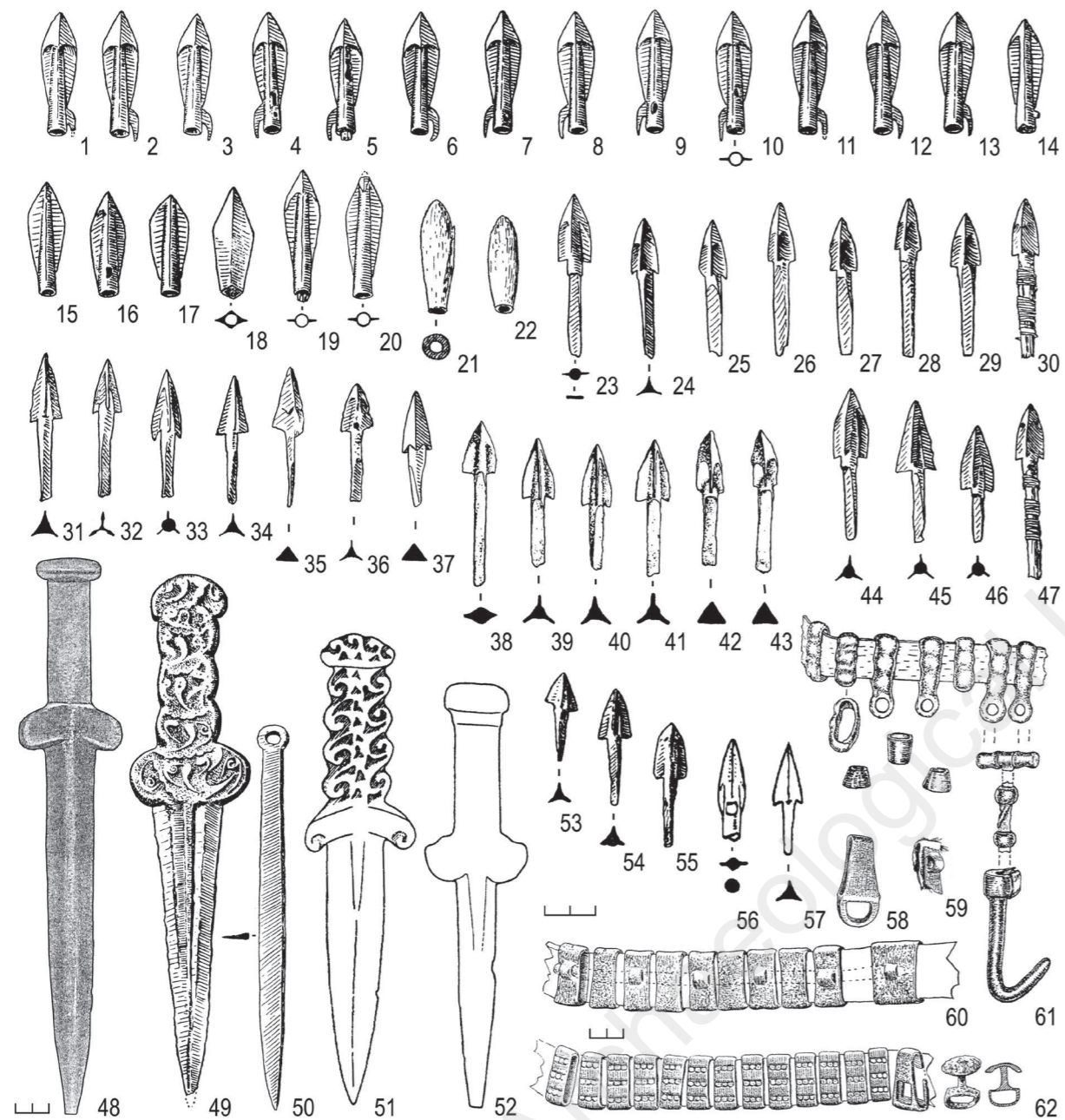
Могильные ямы с дромосом: 1 – Талды-2, курган 1; 2 – Талды-2, курган 2; 3 – Талды-2, курган 6; 4, 5 – курган с «усами» Назар; 6 – Бакыбулак, курган 12; 7 – Копа, курган 2; 8 – Серекты-1, курган 10; 9 – Бакыбулак, курган 15; 10 – Шерубай, курган 1; 11 – Байке-2, курган 11; 12 – Карашоқы, курган 9; 13 – Карашоқы, курган 1; 14 – Карашоқы, курган 8. 1, 4, 6, 8, 10, 12 – по: Бейсенов, 2016; 2, 3, 5, 7 – по: Beisenov, 2014; 9, 13, 14 – по: Бейсенов и др., 2015; 11 – по Бейсенов, Дүйсенбай, 2015. 2, 3, 7 – без масштаба

9 Қола дәуірінің кесенелері және Орталық Қазақстанның ерте көшпелілерінің дромостық құрылымдары: 1-3, 8 – қола дәуірінің кесенелері (1, 2 – Беғазы обасы [1 – 6 кесене; 2 – 5 кесене; 8 – 1 кесене]; 3 – Бұғылы III кесене); 4-7 – дромосты құрылыстар (4, 5 – Нұркен-2 обасы [4 – 2 қорған; 5 – 1 қорған]; 6, 7 – Назар-2 обасы [6 – 1 қорған; 7 – 2 қорған]). 1-3 – (Бейсенов және басқалар, 2014) бойынша; 4, 5 – (Бейсенов, 2016б) бойынша; 6, 7 – (Бейсенов, 2016а) бойынша; 8 – (Ломан, 2013) бойынша

Mausoleums of the Bronze Age and dromos structures of the early nomads of Central Kazakhstan: 1-3, 8 – mausoleums of the Bronze Age (1, 2 – burial ground Begazy [1 – mausoleum 6, 2 – mausoleum 5, 8 – mausoleum 1], 3 – mausoleum Buguly III); 4-7 – dromos structures (4, 5 – burial ground Nurken-2 [4 – kurgan 2, 5 – kurgan 1], 6, 7 – burial ground Nazar-2 [6 – kurgan 1, 7 – kurgan 2]). 1-3 – on: (Beisenov et al, 2014); 4, 5 – on: (Beisenov, 2016b); 6, 7 – on: (Beisenov, 2016a); 8 – on: (Loman, 2013)

Мавзолеи эпохи бронзы и дромосные конструкции ранних кочевников Центрального Казахстана: 1-3, 8 – мавзолеи эпохи бронзы (1, 2 – могильник Бегазы; 1 – мавзолей 6; 2 – мавзолей 5; 8 – мавзолей 1); 3 – мавзолей Бугулы III); 4-7 – дромосные конструкции (4, 5 – могильник Нуркен-2 [4 – курган 2; 5 – курган 1]; 6, 7 – могильник Назар-2 (6 – курган 1; 7 – курган 2)). 1-3 – по: Бейсенов и др., 2014; 4, 5 – по: Бейсенов, 2016 б; 6, 7 – по: Бейсенов, 2016а; 8 – по: Ломан, 2013

10 Орталық Қазақстанның ерте көшпелілерінің б.д.д. VII-VI ғғ. ескерткіштері.

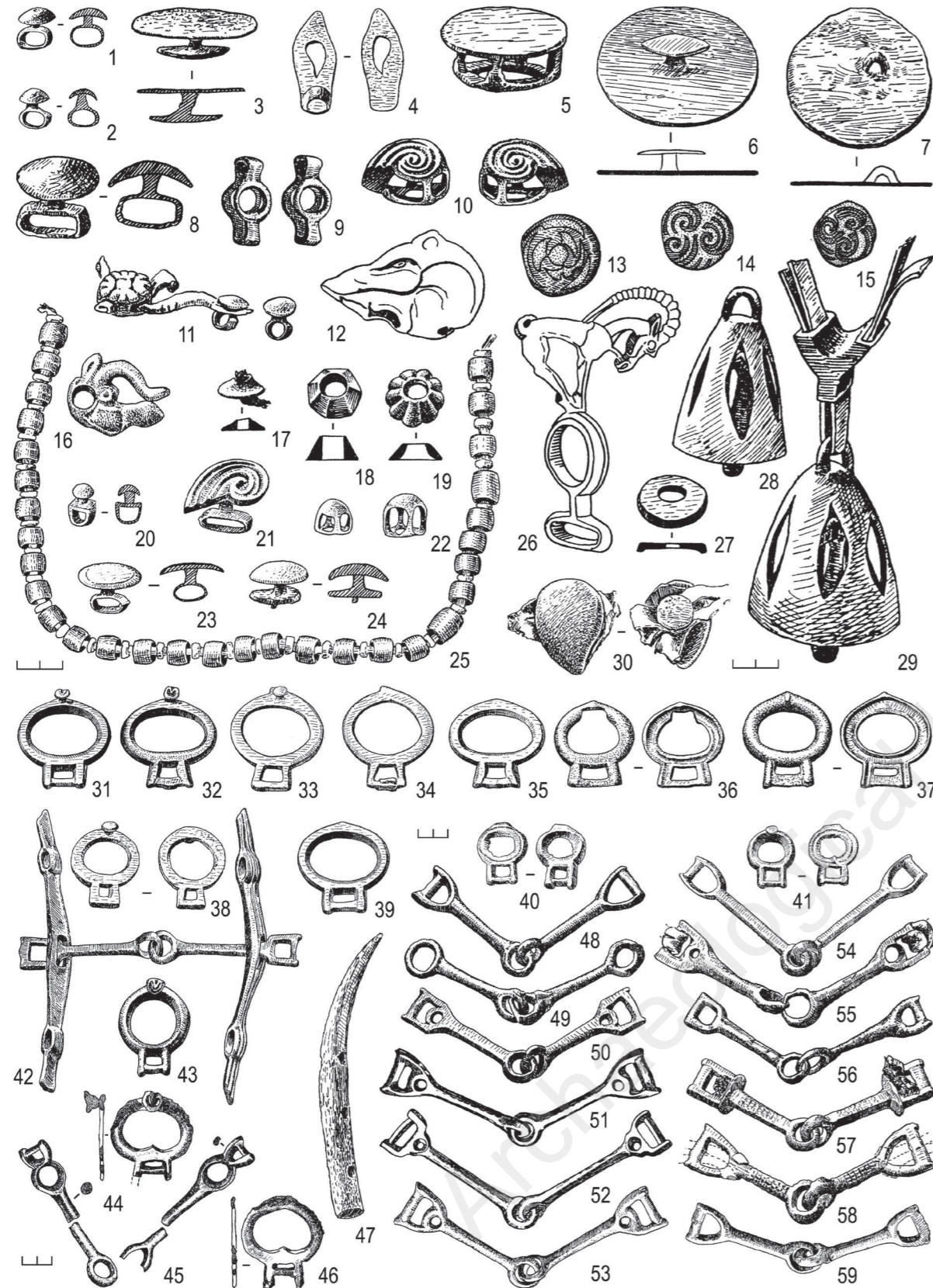
Қару-жарақтар: 1-30 – Қарамұрын I, 5ж қорған; 31-33, 44-47 – Нұрманбет I, 1 қорған; 34-36 – Ақбұлақ I, 1 қорған; 37 – Тасмола V, 3 қорған; 38-43 – Шідерті бекетінің маңайындағы қабір; 48 – Степняк қаласының түбінен кездейсоқ табылған зат; 49, 50, 53-55, 60, 62 – Нұрманбет IV (48, 50, 53-55, 60 – 1 қорған; 62 – 3 қорған); 51 – Павлдар түбіндегі Песчаное селосының маңайынан кездейсоқ табылған зат; 52 – Шідерті өзенінің жағасындағы қорған; 56, 57, 61 – Майкөбен 3, 12 қорған; 58, 59 – Тасмола VI, 1 қорған. 1-20, 23-58 – қола; 21, 22 – сүйек; 59, 60-62 – қола, былғары. 1-37, 44-47, 49, 50, 53-55, 58-60, 62 – бойынша (Марғұлан және басқалар, 1966); 38-43 – (Пересветов, Куропятникова, 2002); 48 – бойынша (Черников, 1954) бойынша; 51, 52 – (Грязнов, 1956) бойынша; 56, 57, 61 – (Бейсенов, 2001) бойынша

Monuments of the early nomads of Central Kazakhstan VII-VI cc BC.

Weapon: 1-30 – Karamurun I, kurgan 5j; 31-33, 44-47 – Nurmanbet I, kurgan 1; 34-36 – Ak-Bulak I, kurgan 1; 37 – Tasmola V, kurgan 3; 38-43 – burials near the station Shiderty; 48 – random finding near the city Stepnyak; 49, 50, 53-55, 60, 62 – Nurmanbet IV (48, 50, 53-55, 60 – kurgan 1; 62 – kurgan 3); 51 – random finding near the village Peschanoe, Pavlodar; 52 – kurgan on the bank of the river Shiderty (Chiderty); 56, 57, 61 – Maykuben 3, kurgan 12; 58, 59 – Tasmola VI, kurgan 1. 1-20, 23-58 – bronze; 21, 22 – bone; 59, 60-62 – bronze, leather. 1-37, 44-47, 49, 50, 53-55, 58-60, 62 – on: (Margulan and etc. 1966); 38-43 – on: (Peresvetov, Kuropyatnikova, 2002); 48 – on: (Chernikov, 1954); 51, 52 – on: (Gryaznov, 1956); 56, 57, 61 – on: (Beisenov 2001)

Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана VII-VI вв. до н. э.

Оружие: 1-30 – Карамурун I, курган 5ж; 31-33, 44-47 – Нурманбет I, курган 1; 34-36 – Ак-Булак I, курган 1; 37 – Тасмола V, курган 3; 38-43 – погребение у ст. Шидерты; 48 – случайная находка у г. Степняка; 49, 50, 53-55, 60, 62 – Нурманбет IV (48, 50, 53-55, 60 – курган 1; 62 – курган 3); 51 – случайная находка у с. Песчаное близ г. Павлодара; 52 – курган на берегу р. Шидерты (Чидерты); 56, 57, 61 – Майкубен 3, курган 12; 58, 59 – Тасмола VI, курган 1. 1-20, 23-58 – бронза; 21, 22 – кость; 59, 60-62 – бронза, кожа. 1-37, 44-47, 49, 50, 53-55, 58-60, 62 – по: Марғұлан и др., 1966; 38-43 – по: Пересветов, Куропятникова, 2002; 48 – по: Черников, 1954; 51, 52 – по: Грязнов, 1956; 56, 57, 61 – по: Бейсенов, 2001

11 Орталық Қазақстанның ерте көшпелілерінің б.д.д. VII-VI ғғ. ескерткіштері.

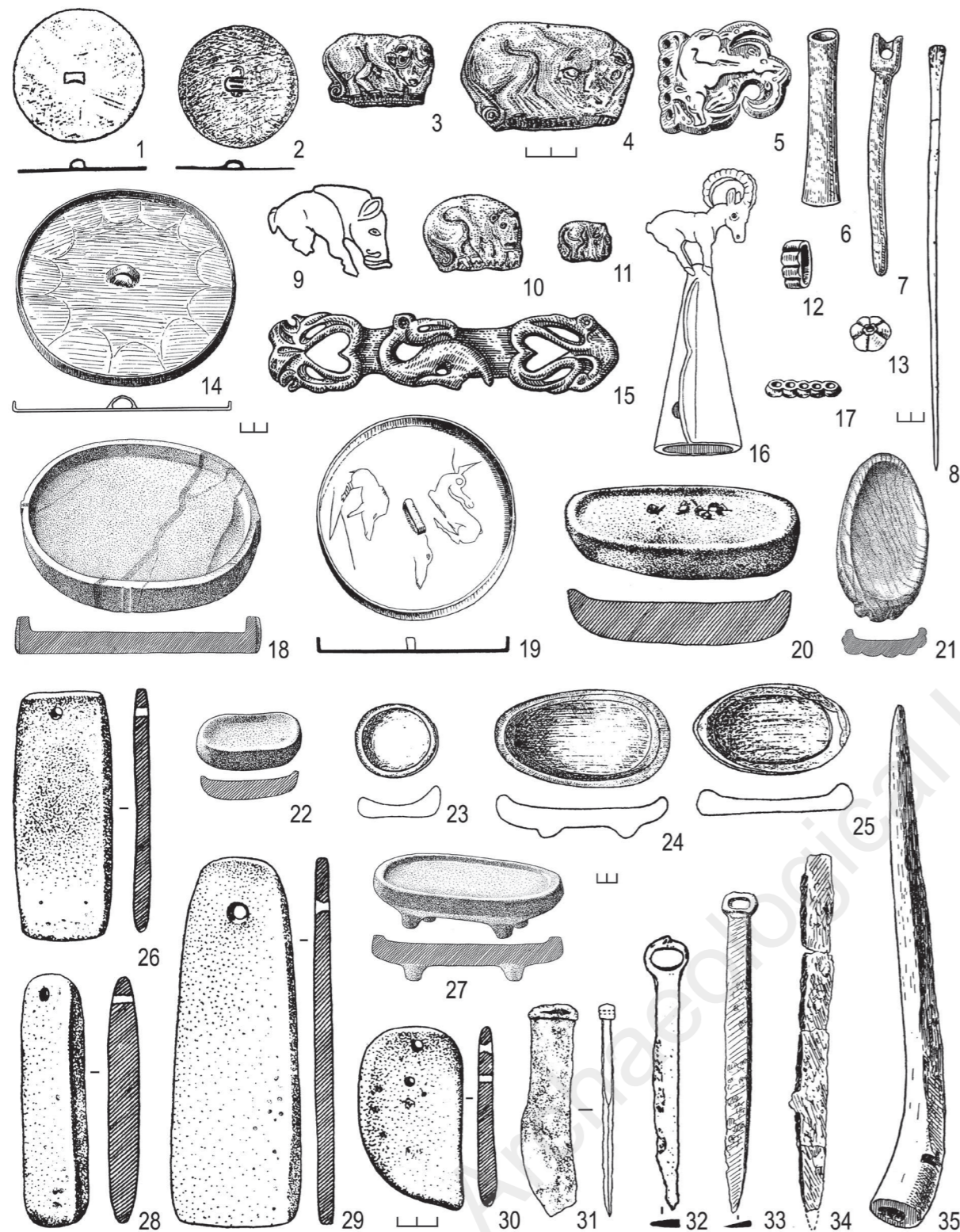
Жүген бөліктері: 1-4, 9, 10, 16, 20-25, 36-38, 40-42, 59 – Тасмола I (1, 3, 4, 9, 10, 16, 21, 22, 25, 40-42 – 19 қорған; 2, 20, 36, 37, 59 – 24 қорған; 23, 24, 38 – 22 қорған); 5, 6, 8, 13-15, 17-19, 26-29, 31, 32, 35, 39, 47-50, 55, 57, 58 – Тасмола V (5, 8, 26-29, 47-50 – 2 қорған; 6, 13-15, 17-19, 31, 39, 57, 58 – 3 қорған; 32, 35, 55 – 6 қорған); 7, 11, 30, 33, 34, 54, 56 – Тасмола VI (7 – «а» қабірі; 11, 30, 33, 34, 54 – 1 қорған; 56 – 2 қорған); 12, 43 – Нұрманбет II (12 – 3 қорған; 43 – 4 қорған); 44-46 – Талдысай қазынасы; 51, 53 – Толағай; 52 – Қарқаралы ауданы. 1-10, 16, 18-24, 26-29, 31-46, 48-59 – қола; 11, 17, 25, 30 – қола, былғары; 12, 47 – сүйек; 13-15 – темір, алтын. 1-12, 16-43, 47-50, 53-59 – (Марғұлан және басқалар, 1966) бойынша; 13-15 – (Вишневецкая, 1992) бойынша; 44-46 – (Бейсенов, Смаилов, 1998) бойынша; 51, 52 – (Кадырбаев, 1958) бойынша

Monuments of the early nomads of Central Kazakhstan VII-VI cc BC.

Parts of a bridle: 1-4, 9, 10, 16, 20-25, 36-38, 40-42, 59 – Tasmola I (1, 3, 4, 9, 10, 16, 21, 22, 25, 40-42 – kurgan 19; 2, 20, 36, 37, 59 – kurgan 24; 23, 24, 38 – kurgan 22); 5, 6, 8, 13-15, 17-19, 26-29, 31, 32, 35, 39, 47-50, 55, 57, 58 – Tasmola V (5, 8, 26-29, 47-50 – kurgan 2; 6, 13-15, 17-19, 31, 39, 57, 58 – kurgan 3; 32, 35, 55 – kurgan 6); 7, 11, 30, 33, 34, 54, 56 – Tasmola VI (7 – burial «a»; 11, 30, 33, 34, 54 – kurgan 1; 56 – kurgan 2); 12, 43 – Nurmanbet II (12 – kurgan 3; 43 – kurgan 4); 44-46 – Taldysay treasures; 51, 53 – Tolagay; 52 – Karkalinsk. 1-10, 16, 18-24, 26-29, 31-46, 48-59 – bronze; 11, 17, 25, 30 – bronze, leather; 12, 47 – bone; 13-15 – iron, gold. 1-12, 16-43, 47-50, 53-59 – on: (Margulan and etc. 1966); 13-15 – on: (Vishnevskaya, 1992); 44-46 – on: (Beisenov, Smailov, 1998); 51, 52 – on: (Kadyrbaev, 1958)

Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана VII-VI вв. до н. э.

Уздечные принадлежности: 1-4, 9, 10, 16, 20-25, 36-38, 40-42, 59 – Тасмола I (1, 3, 4, 9, 10, 16, 21, 22, 25, 40-42 – курган 19; 2, 20, 36, 37, 59 – курган 24; 23, 24, 38 – курган 22); 5, 6, 8, 13-15, 17-19, 26-29, 31, 32, 35, 39, 47-50, 55, 57, 58 – Тасмола V (5, 8, 26-29, 47-50 – курган 2; 6, 13-15, 17-19, 31, 39, 57, 58 – курган 3; 32, 35, 55 – курган 6); 7, 11, 30, 33, 34, 54, 56 – Тасмола VI (7 – погребение «а»; 11, 30, 33, 34, 54 – курган 1; 56 – курган 2); 12, 43 – Нурманбет II (12 – курган 3; 43 – курган 4); 44-46 – Талдысайский клад; 51, 53 – Толағай; 52 – р-н Карқаралинска. 1-10, 16, 18-24, 26-29, 31-46, 48-59 – бронза; 11, 17, 25, 30 – бронза, кожа; 12, 47 – кость; 13-15 – железо, золото. 1-12, 16-43, 47-50, 53-59 – по: Марғұлан и др., 1966; 13-15 – по: Вишневецкая, 1992; 44-46 – по: Бейсенов, Смаилов, 1998; 51, 52 – по: Кадырбаев, 1958

12 Орталық Қазақстанның ерте көшпелілерінің б.д.д. VII-VI ғғ. ескерткіштері.

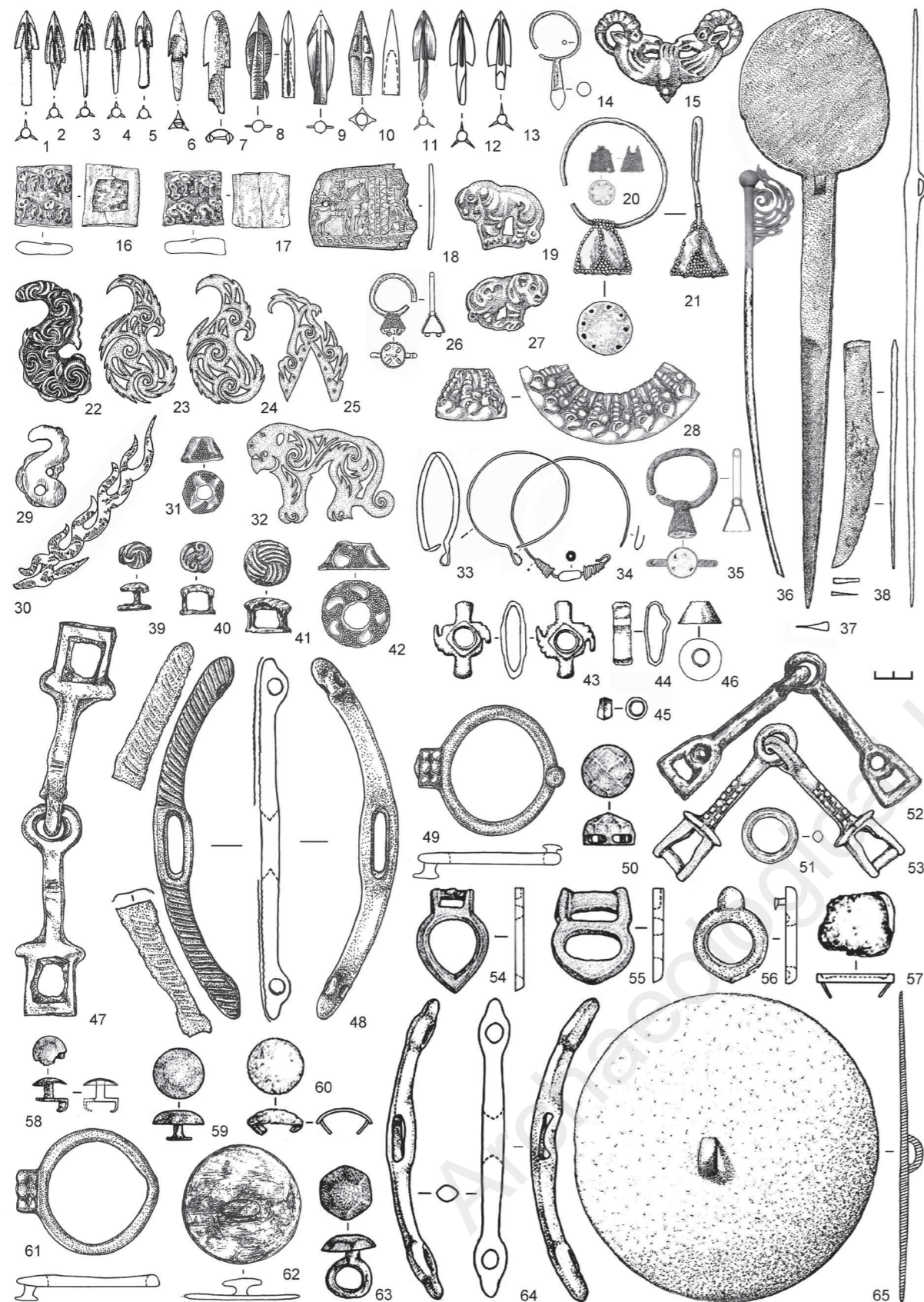
Құрал-жабдықтар: 1, 8, 25 – Майкөбен 2, 15 қорған; 2, 23 – Майкөбен 1, 5 қорған; 3-5, 7, 10-13, 17, 18, 35 – Тасмола V (10, 11 – 6 қорған; 3, 5, 7, 12, 13, 17, 35 – 3 қорған; 4 – 4 қорған; 18 – 2 қорған); 6, 20, 26, 29, 33 – Тасмола VI (6, 20, 29, 33 – «а» қабірі; 26 – 1 қорған); 9, 16 – Қарқаралы түбіндегі «Комсомол-шины» ұжымжарының маңайынан кездейсоқ табылған зат; 14, 21, 28, 30, 34 – Тасмола I (14, 28, 34 – 19 қорған; 21 – 22 қорған; 30 – 24 қорған); 15, 22 – Нұрманбет I, 2 қорған; 19 – Жыланды, 1 қорған; 24 – Майкөбен 2, 14 қорған; 27 – Даныбай, 3 қорған; 31 – Шідерті бекетінің маңайындағы қабір; 32 – Майкөбен 3, қорған. 1, 2, 9, 14-16, 19, 31-34 – қола; 3, 4, 10, 11 – алтын; 5-8, 12, 13, 17, 35 – сүйек; 18, 20-30 – тас. 1, 2, 8, 23-25, 33 – (Бейсенов, 2001) бойынша; 3, 4, 10, 11, 15 – (Вишневская, 1992) бойынша; 5-7, 12-14, 17, 18, 20-22, 26-30, 33-35 – (Марғұлан және басқалар, 1966) бойынша; 9, 16 – (Грязнов, 1956) бойынша; 19 – (Кадырбаев, 1974) бойынша; 31 – (Пересветов, Куропятникова, 2002) бойынша

Monuments of the early nomads of Central Kazakhstan VII-VI cc BC.

Inventory: 1, 8, 25 – Maykuben 2, kurgan 15; 2, 23 – Maykuben 1, kurgan 5; 3-5, 7, 10-13, 17, 18, 35 – Tasmola V (10, 11 – kurgan 6; 3, 5, 7, 12, 13, 17, 35 – kurgan 3; 4 – kurgan 4; 18 – kurgan 2); 6, 20, 26, 29, 33 – Tasmola VI (6, 20, 29, 33 – burial «a»; 26 – kurgan 1); 9, 16 – random finding near the village «Komsomol-shiny» near Karkalinsk; 14, 21, 28, 30, 34 – Tasmola I (14, 28, 34 – kurgan 19; 21 – kurgan 22; 30 – kurgan 24); 15, 22 – Nurmanbet I, kurgan 2; 19 – Жиланды, kurgan 1; 24 – Maykuben 2, kurgan 14; 27 – Danybai, kurgan 3; 31 – burial near the station Shiderty; 32 – Maykuben 3, kurgan 12. 1, 2, 9, 14-16, 19, 31-34 – bronze; 3, 4, 10, 11 – gold; 5-8, 12, 13, 17, 35 – bone; 18, 20-30 – stone. 1, 2, 8, 23-25, 33 – on: (Beisenov 2001); 3, 4, 10, 11, 15 – on: (Vishnevskaya, 1992); 5-7, 12-14, 17, 18, 20-22, 26-30, 33-35 – on: (Margulan and etc. 1966); 9, 16 – on: (Gryaznov, 1956); 19 – on: (Kadyrbaev, 1974); 31 – on: (Peresvetov, Kuropyatnikova, 2002)

Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана VII-VI вв. до н. э.

Инвентарь: 1, 8, 25 – Майкубен 2, курган 15; 2, 23 – Майкубен 1, курган 5; 3-5, 7, 10-13, 17, 18, 35 – Тасмола V (10, 11 – курган 6; 3, 5, 7, 12, 13, 17, 35 – курган 3; 4 – курган 4; 18 – курган 2); 6, 20, 26, 29, 33 – Тасмола VI (6, 20, 29, 33 – погребение «а»; 26 – курган 1); 9, 16 – случайная находка у колхоза «Комсомол-шины» близ Каркаралинска; 14, 21, 28, 30, 34 – Тасмола I (14, 28, 34 – курган 19; 21 – курган 22; 30 – курган 24); 15, 22 – Нурманбет I, курган 2; 19 – Жиланды, курган 1; 24 – Майкубен 2, курган 14; 27 – Даныбай, курган 3; 31 – погребение у ст. Шидерты; 32 – Майкубен 3, курган 12. 1, 2, 9, 14-16, 19, 31-34 – бронза; 3, 4, 10, 11 – золото; 5-8, 12, 13, 17, 35 – кость; 18, 20-30 – камень. 1, 2, 8, 23-25, 33 – по: Бейсенов, 2001; 3, 4, 10, 11, 15 – по: Вишневская, 1992; 5-7, 12-14, 17, 18, 20-22, 26-30, 33-35 – по: Марғұлан и др., 1966; 9, 16 – по: Грязнов, 1956; 19 – по: Кадырбаев, 1974; 31 – по: Пересветов, Куропятникова, 2002

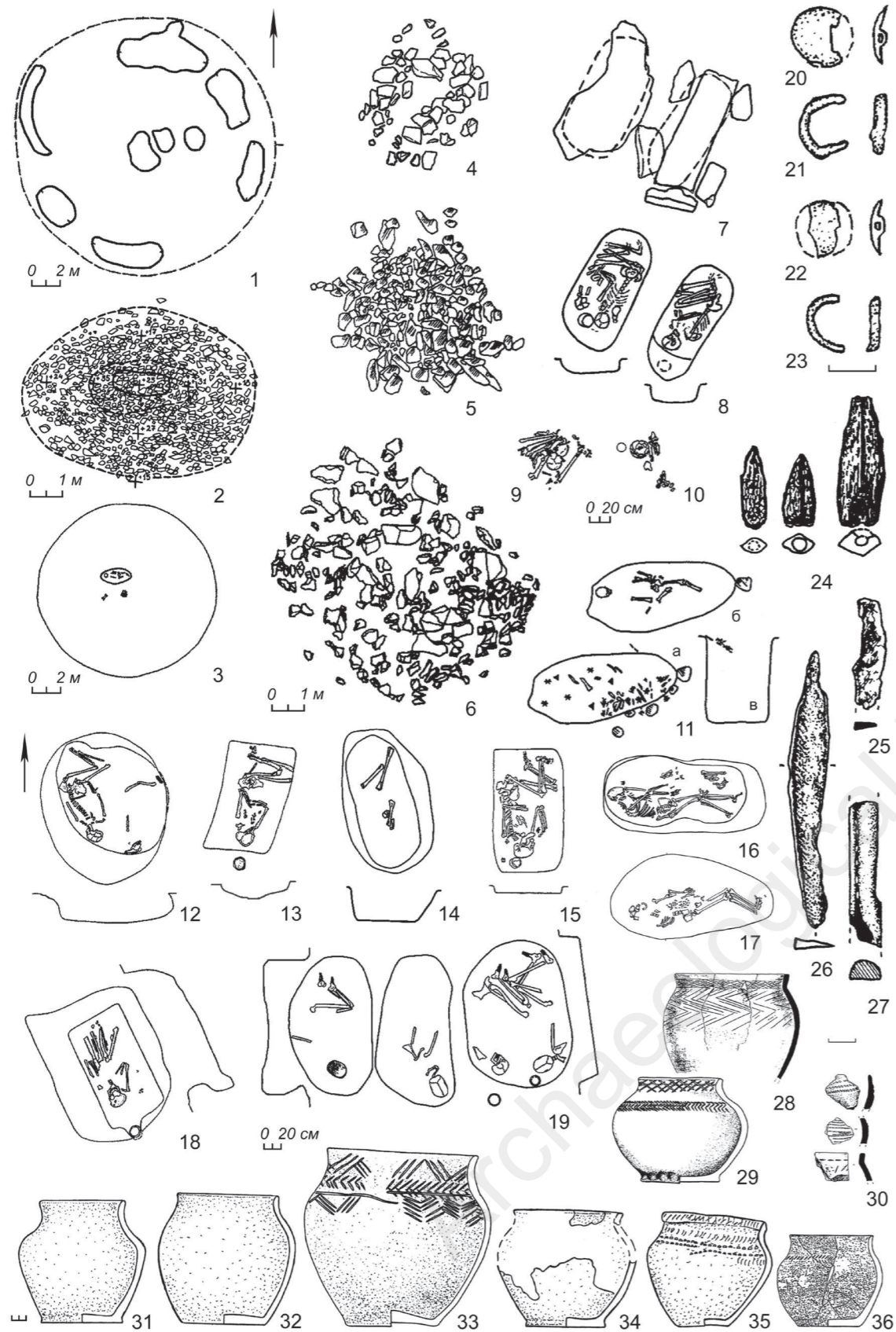
13 Орталық Қазақстанның ерте көшпелілерінің б.д.д. VII-VI ғғ. ескерткіштері.
 Құрал-жабдықтар: 1-5, 43-46 – Тегісжол обасы, 27 қорған, 1 қабір; 6, 7, 37, 38 – Едірей-3 обасы, 3 қорған; 8-13, 20, 39-41, 47-49, 52, 61, 62 – Бақыбұлақ обасы (8-13-9 қорған; 20-15 қорған; 39-41, 47, 48 – 4 құрбандық тақтасы; 49, 52, 61, 62 – 5 құрбандық тақтасы); 14, 16 – Ақбейіт обасы (14-7 қорған; 16-1 қорған); 15, 17, 19, 22, 26-28, 30, 31, 42 – Талды-2 обасы (15, 17, 19, 22, 27, 28, 30, 31, 42 – 5 қорған; 26-1 қорған); 18 – Нұркен-2 обасы, 2 қорғанның құрбандық тақтасы; 21 – Бектауата обасы, 1 қорған; 23-25 – Шерубай обасы, 1 қорған; 29, 32, 35 – Қарашоқы обасы (29-9 қорған; 32 – 8 қорған; 35 – 1 немесе 8 қорған); 33 – Қаратал-2 обасы, 1 қорған; 34 – Сабындыкөл обасы, 1 қорған; 36, 56 – Бәйке-2 обасы (36 – 3 немесе 7 қорған; 56 – 11 қорған); 50, 51, 53-55, 57-60, 63, 64 – Ақмұстафа обасы, 96Б қоршау; 65 – Борлы қорғаны. 1-5, 43-46 – (Варфоломеев, 2011) бойынша; 6, 7, 37, 38 – (Бейсенов, Исмагулова, 2007) бойынша; 8-11, 22, 39-41, 47-49, 52, 61, 62 – (Бейсенов және басқалар, 2015) бойынша; 12-14, 20, 21, 23, 26, 29, 32 – (Бейсенов, 2015в) бойынша; 15, 19, 27, 28, 30 – (Бейсенов, Базарбаева, 2013) бойынша; 16, 17 – (Бейсенов, Китов, 2014в) бойынша; 18 – (Бейсенов, 2016б) бойынша; 24, 25, 31, 42 – (Бейсенов, Базарбаева, 2014) бойынша; 33, 34 – (Бейсенов, 2014) бойынша; 35 – (Бейсенов және басқалар, 2015; Бейсенов, 2015в) бойынша; 36 – (Бейсенов, Дүйсенбай, 2015) бойынша; (Бейсенов және басқалар, 2015) бойынша; 50, 51, 53-55, 57-60, 63, 64 – (Бейсенов, 2015в); 56 – бойынша (Бейсенов, Дүйсенбай, 2015) бойынша; 65 – (Кукушкин, Ломан, 2013) бойынша.

Monuments of the early nomads of Central Kazakhstan VII-VI cc BC.

Inventory: 1-5, 43-46 – Burial ground Tegiszhol, kurgan 27, burial 1; 6, 7, 37, 38 – burial ground Edirey-3, kurgan 3; 8-13, 20, 39-41, 47-49, 52, 61, 62 – burial ground Bakybulak (8-13 – kurgan 9; 20 – kurgan 15; 39-41, 47, 48 – altar 4; 49, 52, 61, 62 – altar 5); 14, 16 – burial ground Akbait (14 – kurgan 7; 16 – kurgan 1); 15, 17, 19, 22, 26-28, 30, 31, 42 – burial ground Taldy-2 (15, 17, 19, 22, 27, 28, 30, 31, 42 – kurgan 5; 26 – kurgan 1); 18 – burial ground Nurken-2, altar kurgan a 2; 21 – burial ground Bektauata, kurgan 1; 23-25 – burial ground Sherubai, kurgan 1; 29, 32, 35 – Burial ground Karashoky (29 – kurgan 9; 32 – kurgan 8; 35 – kurgan 1 or 8); 33 – Burial ground Karatal-2, kurgan 1; 34 – burial ground Sabynkol, kurgan 1; 36, 56 – Burial ground Baike-2 (36 – kurgan 3 or 7; 56 – kurgan 11); 50, 51, 53-55, 57-60, 63, 64 – Burial ground Akmustafa, fence 96B; 65 – kurgan Borly. 1-5, 43-46 – on: (Varfolomeev, 2011); 6, 7, 37, 38 – on: (Beisenov Ismagulova, 2007); 8-11, 22, 39-41, 47-49, 52, 61, 62 – on: (Beisenov and etc., 2015); 12-14, 20, 21, 23, 26, 29, 32 – on: (Beisenov 2015b); 15, 19, 27, 28, 30 – on: (Beisenov, Bazarbaeva, 2013); 16, 17 – on: (Beisenov, Kitov 2014b); 18 – on: (Beisenov 2016b); 24, 25, 31, 42 – on: (Beisenov Bazarbaeva, 2014); 33, 34 – no: (Beisenov 2014); 35 – no: (Beisenov and etc., 2015; Beisenov 2015в); 36 – on: (Beisenov, Duisenbai, 2015; Beisenov and etc., 2015); 50, 51, 53-55, 57-60, 63, 64 – on: (Beisenov 2015в); 56 – on: (Beisenov, Duisenbai 2015); 65 – on: (Kukushkin, Loman 2013)

Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана VII-VI вв. до н. э.

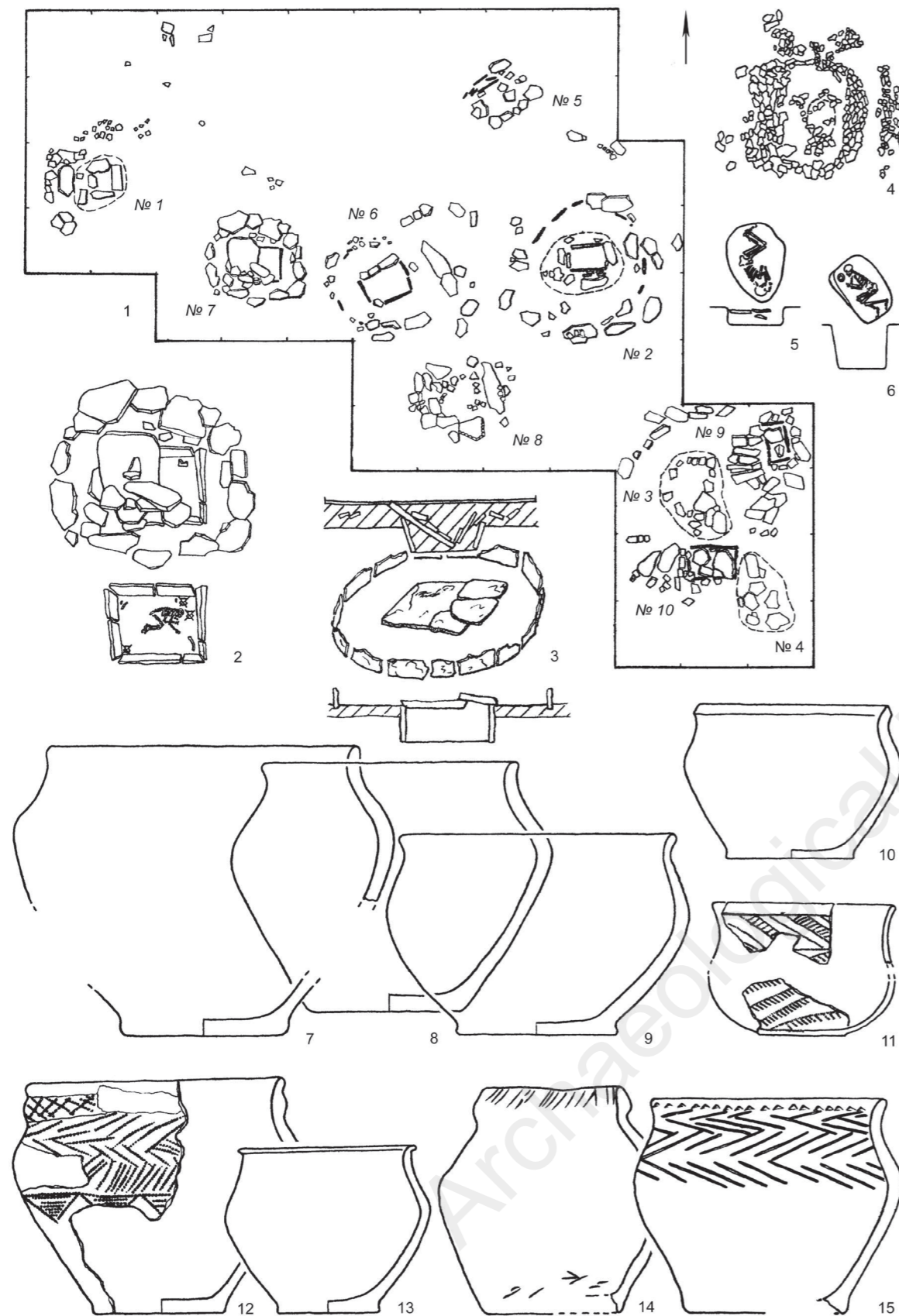
Инвентарь: 1-5, 43-46 – могильник Тегизжол, курган 27, погребение 1; 6, 7, 37, 38 – могильник Едірей-3, курган 3; 8-13, 20, 39-41, 47-49, 52, 61, 62 – могильник Бақыбулак (8-13 – курган 9; 20 – курган 15; 39-41, 47, 48 – жертвенник 4; 49, 52, 61, 62 – жертвенник 5); 14, 16 – могильник Ақбейіт (14 – курган 7; 16 – курган 1); 15, 17, 19, 22, 26-28, 30, 31, 42 – могильник Талды-2 (15, 17, 19, 22, 27, 28, 30, 31, 42 – курган 5; 26 – курган 1); 18 – могильник Нұркен-2, жертвенник кургана 2; 21 – могильник Бектауата, курган 1; 23-25 – могильник Шерубай, курган 1; 29, 32, 35 – могильник Карашоқы (29 – курган 9; 32 – курган 8; 35 – курган 1 или 8); 33 – могильник Каратал-2, курган 1; 34 – могильник Сабындыкөл, курган 1; 36, 56 – могильник Бәйке-2 (36 – курган 3 или 7; 56 – курган 11); 50, 51, 53-55, 57-60, 63, 64 – могильник Ақмұстафа, ограда 96Б; 65 – курган Борлы. 1-5, 43-46 – по: Варфоломеев, 2011; 6, 7, 37, 38 – по: Бейсенов, Исмагулова, 2007; 8-11, 22, 39-41, 47-49, 52, 61, 62 – по: Бейсенов и др., 2015; 12-14, 20, 21, 23, 26, 29, 32 – по: Бейсенов, 2015; 15, 19, 27, 28, 30 – по: Бейсенов, Базарбаева, 2013; 16, 17 – по: Бейсенов, Китов, 2014в; 18 – по: Бейсенов, 2016б; 24, 25, 31, 42 – по: Бейсенов, Базарбаева, 2014; 33, 34 – по: Бейсенов, 2014; 35 – по: Бейсенов и др., 2015; Бейсенов, 2015в; 36 – по: Бейсенов, Дүйсенбай, 2015; Бейсенов и др., 2015; 50, 51, 53-55, 57-60, 63, 64 – по: Бейсенов, 2015в; 56 – по: Бейсенов, Дүйсенбай, 2015; 65 – по: Кукушкин, Ломан, 2013

14 Орал сыртының оңтүстігіндегі қола дәуірінің соңғы кезеңінің жерлеу орындары: 1, 12, 13, 18, 20–23, 33 – «У поворота...» обасы (1, 12, 18, 20–23, 33 – 1 қорған (12, 20–22 – 2 қабір шұңқыры); 18, 23, 33 – 1 қабір шұңқыры); 13 – 2 қорған, 1 қабір шұңқыры); 2, 16, 17, 24, 26 – Верблюжь Горки қорғандар тобы (2, 16, 24, 26 – 2 қорған; 17 – 1 қорған); 3, 11, 25, 28, 30 – Мекен I дара қорғаны; 4, 15, 36 – Ильяский II обасы, 1 қорған; 5, 14, 27 – Сукраковский II обасы, 1 қорған; 6, 9, 10, 29 – Сарыболат-2 обасы, 2 қорған; 7, 8, 34, 35 – Белоключевка-7 обасы; 19, 31, 32 – Соколов қорған. 20–23 – қола; 24 – сүйек; 25, 26 – темір; 27 – тас; 28–36 – қыш бұйым. 1, 6, 9, 10, 12, 13, 18, 20–23, 29, 33 – (Костюков және басқалар, 1996) бойынша; 2, 16, 17, 24, 26 – (Костюков, Ражев, 2004) бойынша; 3, 5, 11, 14, 25, 27, 28, 30 – (Гарустович, 2000) бойынша; 7, 8, 34, 35 – (Vinogradov, Epimakhov, 2000) бойынша

Funerary monuments of the late Bronze Age of the South Trans Ural area : 1, 12, 13, 18, 20–23, 33 – burial ground «At the turn...» (1, 12, 18, 20–23, 33 – kurgan 1 (12, 20–22 – grave pit 2; 18, 23, 33 – grave pit 1); 13 – kurgan 2, grave pit 1); 2, 16, 17, 24, 26 – kurgan group of Verblizhya Gorka (2, 16, 24, 26 – kurgan 2; 17 – kurgan 1); 3, 11, 25, 28, 30 – single kurgan Meken I; 4, 15, 36 – burial ground II Ilyass, kurgan 1; 5, 14, 27 – Surkarov II burial ground, kurgan 1; 6, 9, 10, 29 – burial ground Sarbulat-2, kurgan 2; 7, 8, 34, 35 – burial ground Belorochevka-7; 19, 31, 32 – kurgan Sokolok. 20–23 – bronze; 24 – bone; 25, 26 – iron; 27 – stone; 28–36 – ceramics. 1, 6, 9, 10, 12, 13, 18, 20–23, 29, 33 – on: (Kostukov and etc., 1996); 2, 16, 17, 24, 26 – on: (Kostukov, Razhev, 2004); 3, 5, 11, 14, 25, 27, 28, 30 – on: (Garustovich, 2000); 7, 8, 34, 35 – on: (Vinogradov, Epimakhov, 2000)

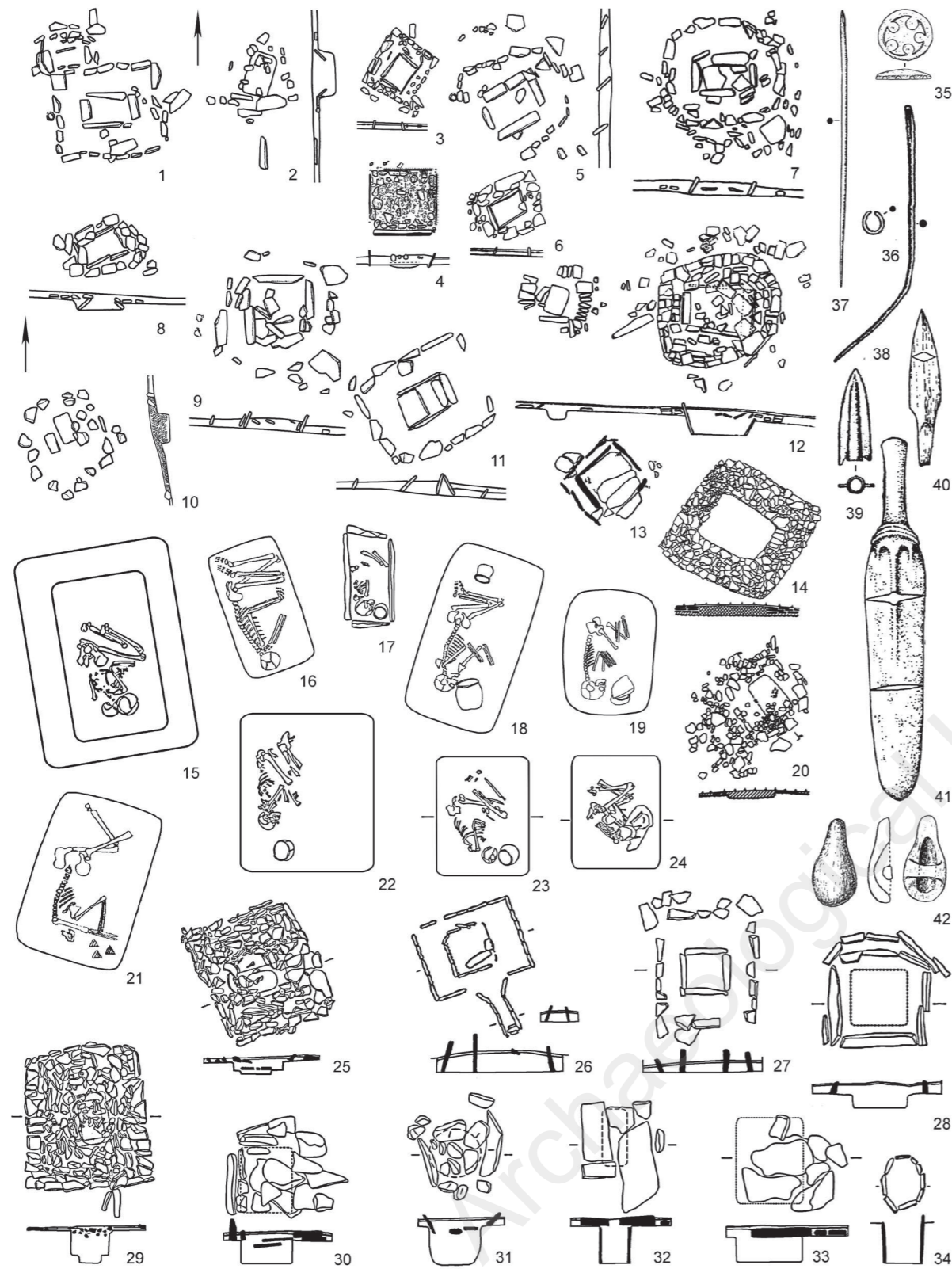
Погребальные памятники поздней бронзы Южного Зауралья: 1, 12, 13, 18, 20–23, 33 – могильник «У поворота...» (1, 12, 18, 20–23, 33 – курган 1 (12, 20–22 – могильная яма 2; 18, 23, 33 – могильная яма 1); 13 – курган 2, могильная яма 1); 2, 16, 17, 24, 26 – курганная группа Верблюжь Горки (2, 16, 24, 26 – курган 2; 17 – курган 1); 3, 11, 25, 28, 30 – одиночный курган Мекен I; 4, 15, 36 – могильник II Ильяский, курган 1; 5, 14, 27 – Сукраковский II могильник, курган 1; 6, 9, 10, 29 – могильник Сарбулат-2, курган 2; 7, 8, 34, 35 – могильник Белоключевка-7; 19, 31, 32 – курган Соколов. 20–23 – бронза; 24 – кость; 25, 26 – железо; 27 – камень; 28–36 – керамика. 1, 6, 9, 10, 12, 13, 18, 20–23, 29, 33 – по: Костюков и др., 1996; 2, 16, 17, 24, 26 – по: Костюков, Ражев, 2004; 3, 5, 11, 14, 25, 27, 28, 30 – по: Гарустович, 2000; 7, 8, 34, 35 – по: Vinogradov, Epimakhov, 2000

15 Солтүстік Қазақстандағы Қола дәуірінің соңғы кезеңінің жерлеу орындары: 1–3, 7–15 – Жүкей II обасы (1 – қазбаның жалпы жоспары; 2 – жерлеу құрылысы № 7; 3 – № 7 жерлеу құрылысының жаңғыртпасы; 7–15 – қыш бұйым (7 – № 9 құрылыс; 8, 10, 14 – № 7 құрылыс; 9, 11 – № 8 құрылыс; 13, 15 – № 5 құрылыс; 12 – № 6 құрылыс); 4–6 – Сарғара обасы. 1–3, 7–15 – (Мартынюк, Зданович, 1985) бойынша; 4–6 – (Зданович Г. Б., 1988) бойынша

Funerary monuments late Bronze Age of the North Kazakhstan : 1–3, 7–15 – burial ground Zhukei II (1 – general excavation plan; 2 – funeral construction № 7; 3 – reconstruction of funeral construction № 7; 7–15 – ceramics (7 – construction № 9; 8, 10, 14 – construction № 7; 9, 11 – construction № 8; 13, 15 – construction № 5; 12 – construction № 6); 4–6 – burial ground Sargaly . 1–3, 7–15 – on: (Martynuk, Zdanovich, 1985); 4–6 – on: (Zdanovich G.B. , 1988)

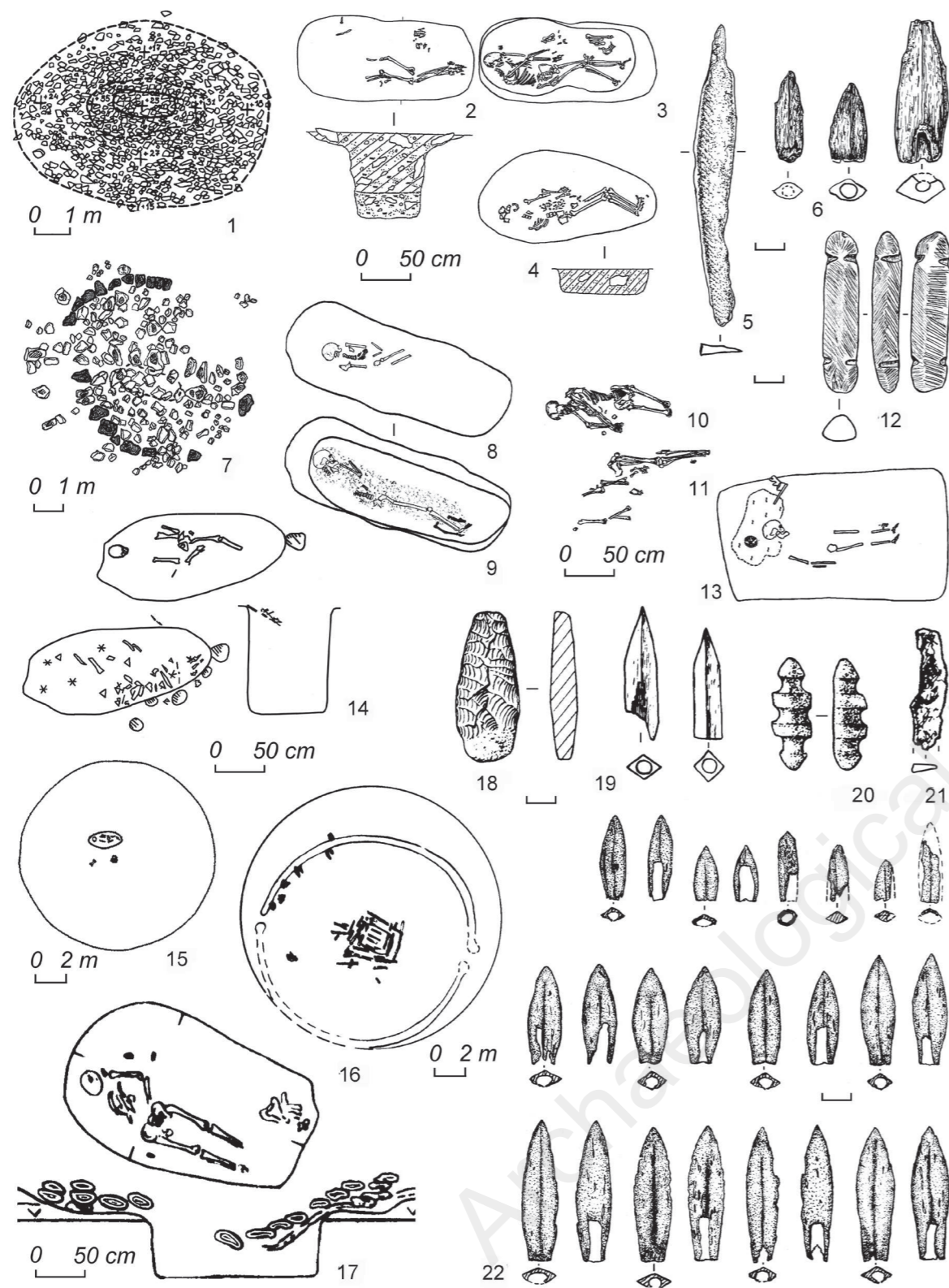
Погребальные памятники поздней бронзы Северного Казахстана: 1–3, 7–15 – Могильник Жукей II (1 – общий план раскопа; 2 – погребальная конструкция № 7; 3 – реконструкция погребальной конструкции № 7; 7–15 – керамика (7 – конструкция № 9; 8, 10, 14 – конструкция № 7; 9, 11 – конструкция № 8; 13, 15 – конструкция № 5; 12 – конструкция № 6); 4–6 – могильник Саргары. 1–3, 7–15 – по: Мартынюк, Зданович, 1985; 4–6 – по: Зданович Г.Б., 1988

16 Орталық Қазақстандағы Қола дәуірінің соңғы кезеңінің жерлеу орындары: 1, 2, 5, 7, 8, 9, 11, 12, 18, 21, 35, 37, 42 – Ақтопырақ обасы (1–5 қоршау; 2, 18–1 қоршау; 5–2 қоршау; 7–9 қоршау; 8–6 қоршау; 9, 37–7 қоршау; 11–8 қоршау; 12–3 және 4 қоршаулар; 21–3 қоршау; 35–4 қоршау; 42–10 қоршау); 3, 6 – Доңғал обасы (3–17 қоршау; 6–12 қоршау); 4, 13, 36, 38, 39 – Қарағаш обасы [4–4 тас жәшік; 13–2 қоршау; 36–1 қоршау; 38, 39–1 қорған (38–1 қабір; 39–үйме)]; 10, 16 – Красные Горы обасы, 1 қоршау; 14, 20, 40, 41.– Үйтас-Айдос обасы (14–3 құрылыс; 20, 41–13 құрылыс; 40–4 құрылыс); 15, 17, 22–25, 29–33 – Қызыл обасы (15, 29–2 құрылыс; 17, 32–4 құрылыс; 22–6 құрылыс; 23, 30–7 құрылыс; 24, 33–8 құрылыс; 25–1 құрылыс; 31–5 құрылыс); 19 – Темиртау обасы, 1 мола; 26, 27 – Сарыкөл обасы (26–7 құрылыс; 27–5 құрылыс); 28, 34 – Бегазы обасы (28–76 құрылыс; 34–7а құрылыс). 35, 40, 42 – сүйек; 36–39, 41 – қола; 1, 2, 5, 7–12, 16, 18, 19, 21, 35 – (Ткачев, 2002а) бойынша; 3, 6 – (Варфоломеев, 1988) бойынша; 4, 13, 36, 38, 39 – (Варфоломеев, 1982) бойынша; 14, 20, 40, 41 – (Усманова, Варфоломеев, 1998) бойынша; 15, 17, 22–25, 29–33 – (Бейсенов және басқалар, 2013) бойынша; 26–28, 34 – (Бейсенов және басқалар, 2014) бойынша

Funerary monuments of the late Bronze Age of Central Kazakhstan: 1, 2, 5, 7, 8, 9, 11, 12, 18, 21, 35, 37, 42 – burial ground Aktoprak (1 – fence 5; 2, 18 – fence 1; 5 – fence 2; 7 – fence 9; 8 – fence 6; 9, 37 – fence 7; 11 – fence 8; 12 – fences 3 u 4; 21 – fence 3; 35 – fence 4; 42 – fence 10); 3, 6 – burial ground Dongal (3 – fence 17; 6 – fence 12); 4, 13, 36, 38, 39 – burial ground Karagash [4 – stone box 4; 13 – fence 2; 36 – fence 1; 38, 39 – kurgan 1 (38 – grave 1; 39 – mound)]; 10, 16 – burial ground Krasnye Gory, fence 1; 14, 20, 40, 41 – Burial ground Uitas-Aidos (14 – construction 3; 20, 41 – construction 13; 40 – construction 4); 15, 17, 22–25, 29–33 – burial ground Kyzyl (15, 29 – construction 2; 17, 32 – construction 4; 22 – construction 6; 23, 30 – construction 7; 24, 33 – construction 8; 25 – construction 1; 31 – construction 5); 19 – burial ground Temirtau, grave 1; 26, 27 – burial ground Sarykol (26 – construction 7; 27 – construction 5); 28, 34 – burial ground Begazy (28 – construction 76; 34 – construction 7a). 35, 40, 42 – bone; 36–39, 41 – bronze; 1, 2, 5, 7–12, 16, 18, 19, 21, 35 – on: (Tkachev, 2002a); 3, 6 – on: (Varfolomeev, 1988); 4, 13, 36, 38, 39 – on: (Varfolomeev, 1982); 14, 20, 40, 41 – on: (Usmanova, Varfolomeev, 1998); 15, 17, 22–25, 29–33 – on (Beisenov and etc., 2013); 26–28, 34 – on (Beisenov and etc., 2014)

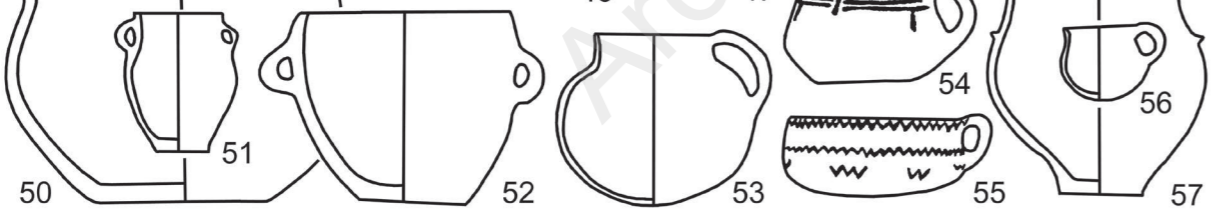
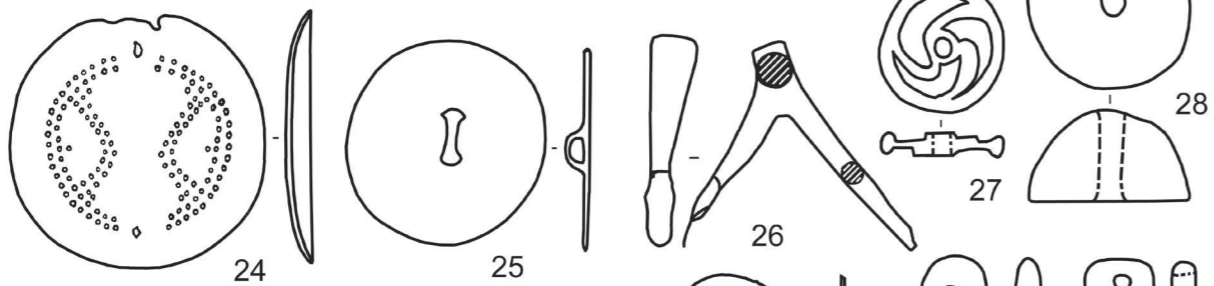
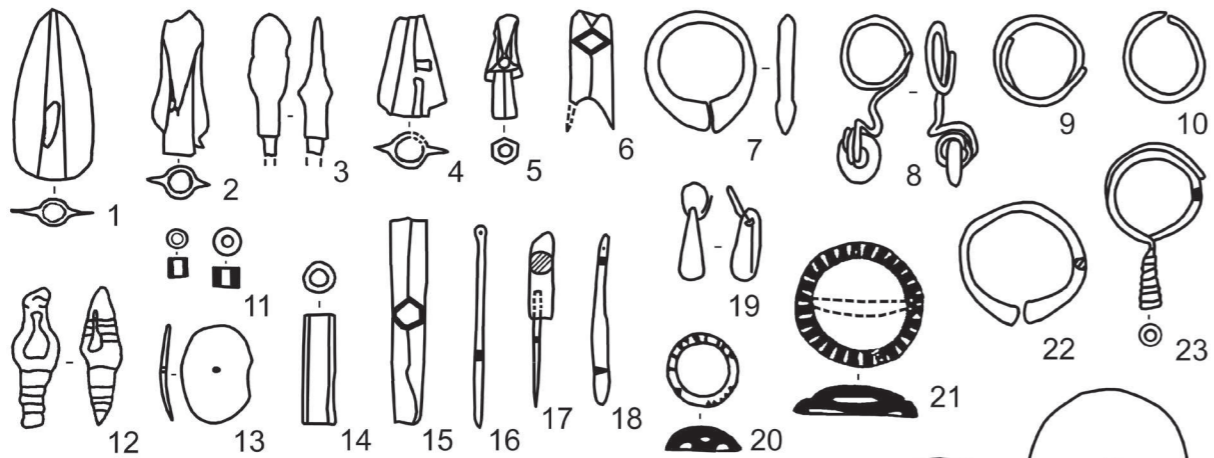
Погребальные памятники поздней бронзы Центрального Казахстана: 1, 2, 5, 7, 8, 9, 11, 12, 18, 21, 35, 37, 42 – могильник Ақтопрак (1 – ограда 5; 2, 18 – ограда 1; 5 – ограда 2; 7 – ограда 9; 8 – ограда 6; 9, 37 – ограда 7; 11 – ограда 8; 12 – ограды 3 и 4; 21 – ограда 3; 35 – ограда 4; 42 – ограда 10); 3, 6 – могильник Доңғал (3 – ограда 17; 6 – ограда 12); 4, 13, 36, 38, 39 – могильник Қарағаш [4 – каменный ящик 4; 13 – ограда 2; 36 – ограда 1; 38, 39 – курган 1 (38 – могила 1; 39 – насыпь)]; 10, 16 – могильник Красные Горы, ограда 1; 14, 20, 40, 41 – могильник Үйтас-Айдос (14 – сооружение 3; 20, 41 – сооружение 13; 40 – сооружение 4); 15, 17, 22–25, 29–33 – могильник Қызыл (15, 29 – сооружение 2; 17, 32 – сооружение 4; 22 – сооружение 6; 23, 30 – сооружение 7; 24, 33 – сооружение 8; 25 – сооружение 1; 31 – сооружение 5); 19 – Темиртауский могильник, могила 1; 26, 27 – могильник Сарыкөл (26 – сооружение 7; 27 – сооружение 5); 28, 34 – могильник Бегазы (28 – сооружение 76; 34 – сооружение 7а). 35, 40, 42 – кость; 36–39, 41 – бронза; 1, 2, 5, 7–12, 16, 18, 19, 21, 35 – по: Ткачев, 2002а; 3, 6 – по: Варфоломеев, 1988; 4, 13, 36, 38, 39 – по: Варфоломеев, 1982; 14, 20, 40, 41 – по: Усманова, Варфоломеев, 1998; 15, 17, 22–25, 29–33 – по: Бейсенов и др., 2013; 26–28, 34 – по: Бейсенов и др., 2014

17 Жайық-Ертіс қосөзен аралығындағы қола дәуірінің соңғы кезеңінің жерлеу орындары: 1–6 – Верблюжьи Горки қорғандар тобы (1–3, 5, 6 – 2 қорған; 4 – 1 қорған); 7–9 – Кудрявая Сопка-1 обасы, 2 қорған; 10, 11, 22 – Илекшар I обасы, 6 қорған; 12, 13 – Лисаковский обасы, IV қазба, 1 қорған, кіріс қабірі 2; 14, 15, 21 – Мاکан I дара қорғаны; 16–20 – Бірлік обасы, 1 қорған. 5, 21 – темір; 6, 12, 19, 22 – сүйек; 18, 20 – тас. 1–6 – Костюков, Ражев, 2004 бойынша; 7–9 – Ломан, Кукушкин, 2009 бойынша; 10, 11, 22 – Гуцалов, Бисембаев, 2005 бойынша; 14, 15, 21 – Гарустович, 2000 бойынша; 16–20 – Хабдулина, 1987 бойынша

Funerary monuments of the final Bronze Age of the Zhayik-Irtysh Interfluvium: 1–6 – kurgan group of Verbluzhaya Gorka (1–3, 5, 6 – kurgan 2; 4 – kurgan 1); 7–9 – burial ground Kudryavaya Sopka -1, kurgan 2; 10, 11, 22 – burial ground Ilekshar I, kurgan 6; 12, 13 – burial ground Lisakovsk, excavation IV, kurgan 1, burial 2; 14, 15, 21 – single kurgan Makan I; 16–20 – burial ground Berlik, kurgan 1. 5, 21 – iron; 6, 12, 19, 22 – bone; 18, 20 – stone. 1–6 – on: Kostukov, Razhev, 2004; 7–9 – on: Loman, Kukushkin, 2009; 10, 11, 22 – on: Gutsalov, Bisembaev 2005; 14, 15, 21 – on: Garustovich, 2000; 16–20 – on: Khabdullina, 1987

Погребальные памятники финала бронзового века Жайык-Иртышского междуречья: 1–6 – курганная группа Верблюжьи Горки (1–3, 5, 6 – курган 2; 4 – курган 1); 7–9 – могильник Кудрявая Сопка-1, курган 2; 10, 11, 22 – могильник Илекшар I, курган 6; 12, 13 – Лисаковский могильник, раскоп IV, курган 1, вводное погребение 2; 14, 15, 21 – одиночный курган Мاکан I; 16–20 – могильник Берлик, курган 1. 5, 21 – железо; 6, 12, 19, 22 – кость; 18, 20 – камень. 1–6 – по: Костюков, Ражев, 2004; 7–9 – по: Ломан, Кукушкин, 2009; 10, 11, 22 – по: Гуцалов, Бисембаев, 2005; 14, 15, 21 – по: Гарустович, 2000; 16–20 – по: Хабдулина, 1987

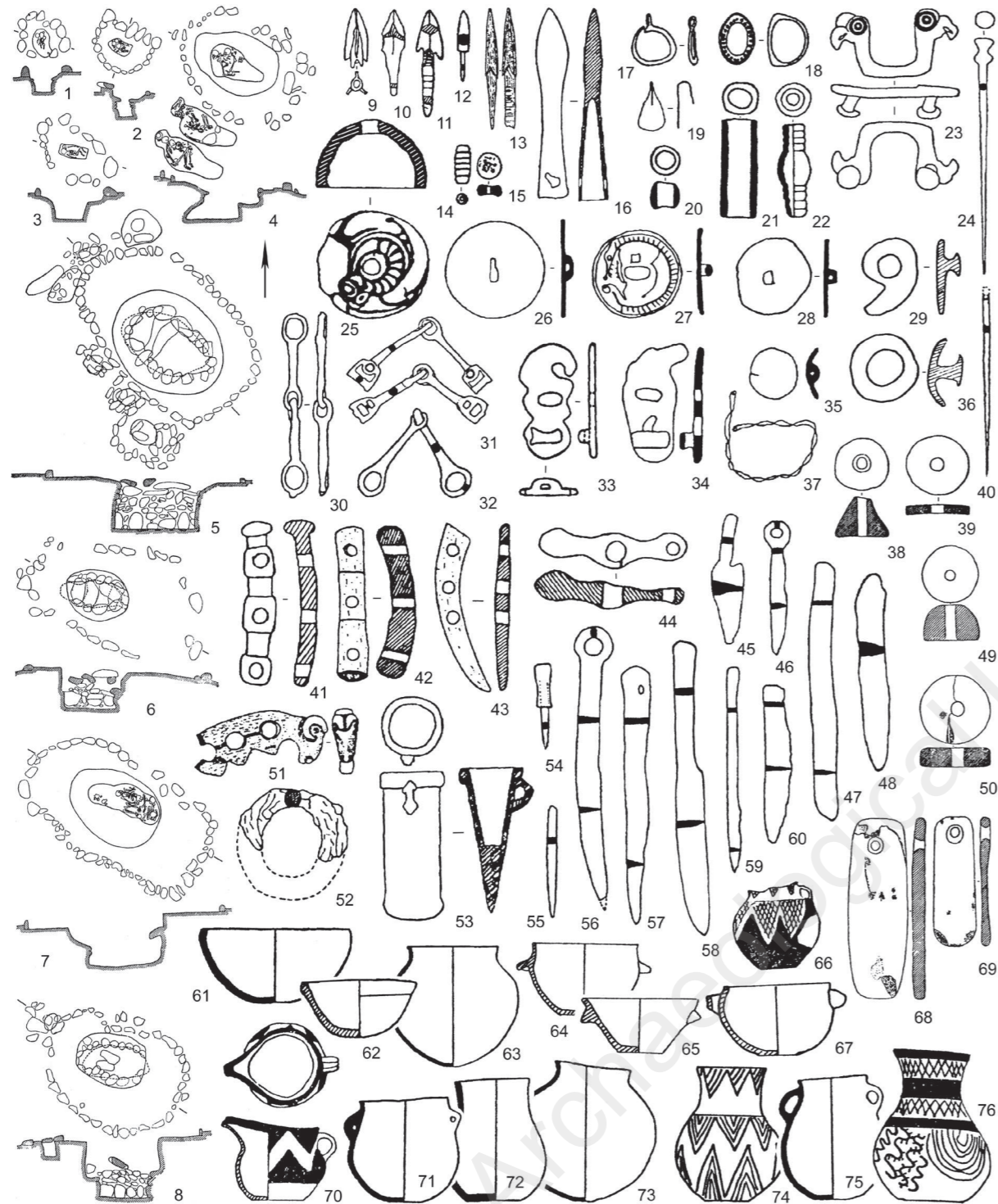

18 Яньблак обасы, Шығыс Түркістан: 1–7, 9–16, 18, 20–27, 29–35 – қола; 8, 19 – қола, тас; 17 – қола, сүйек; 28, 36, 37, 42 – тас; 38–41, 43–57 – қыш бұйым. (Li, 2002; New Achievements..., 1995) бойынша

Burial ground Yanblak, East Turkestan: 1–7, 9–16, 18, 20–27, 29–35 – bronze; 8, 19 – bronze, stone; 17 – bronze, bone; 28, 36, 37, 42 – stone; 38–41, 43–57 – ceramics. On: (Li, 2002; New Achievements..., 1995)

Могильник Яньблак, Восточный Туркестан: 1–7, 9–16, 18, 20–27, 29–35 – бронза; 8, 19 – бронза, камень; 17 – бронза, кость; 28, 36, 37, 42 – камень; 38–41, 43–57 – керамика (по: Li, 2002; New Achievements..., 1995)

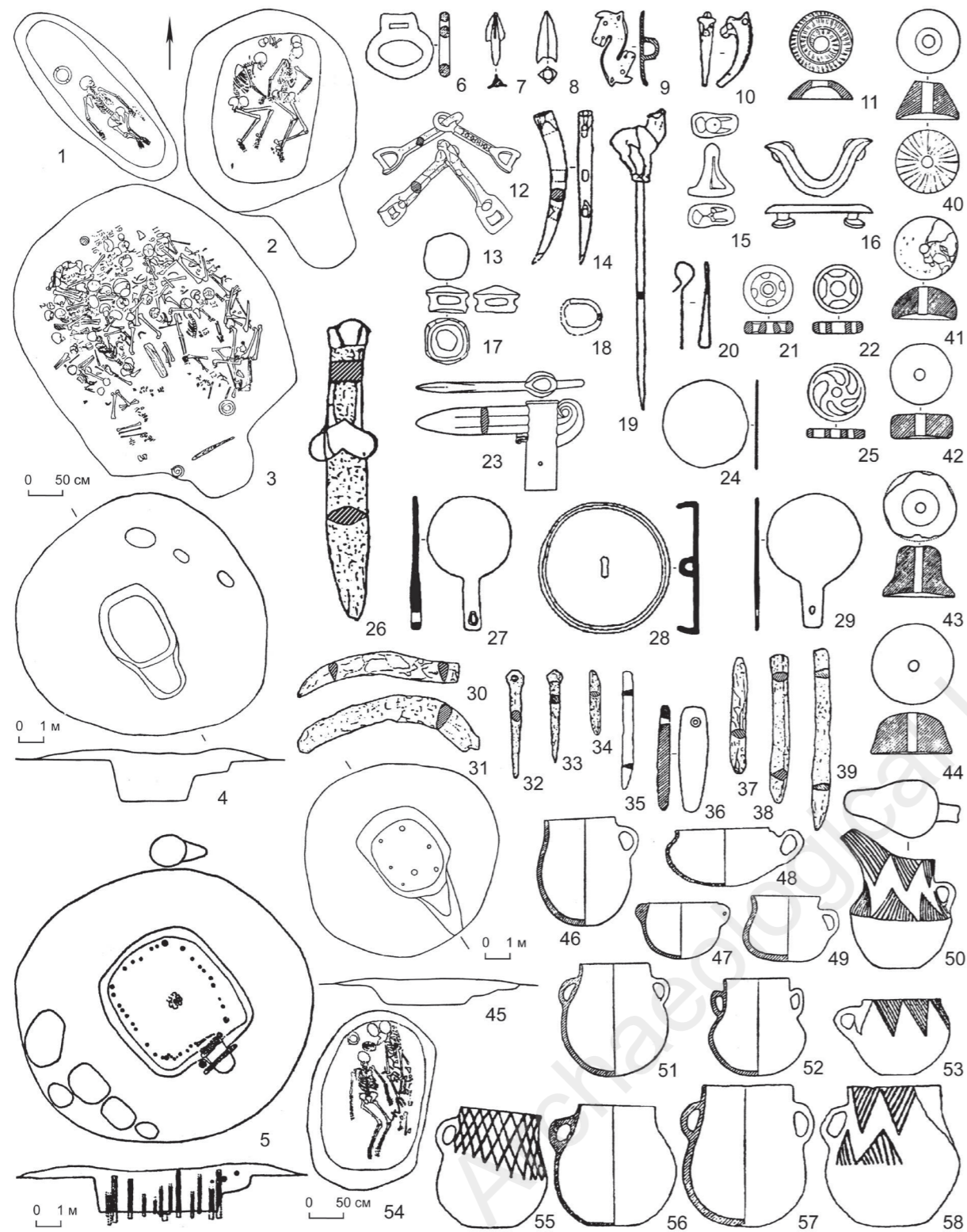

19 Чауху-4 обасы (Чаоухугоу), Шығыс Түркістан: 9–12, 16, 18, 22–36, 40, 44–48, 53, 54, 56–60, 62 – мыс және қола; 13, 20, 21, 41–43, 51 – сүйек; 14, 15, 49, 50, 68, 69 – тас; 17, 19, 37 – алтын; 38, 39, 61, 63–67, 70–76 – қыш бұйым; 52, 55 – темір. (Mei, Shell, 2002; New Achievements..., 1995) бойынша

Burial ground Chauhu -4 (Chaouhugou), East Turkestan : 9–12, 16, 18, 22–36, 40, 44–48, 53, 54, 56–60, 62 – copper and bronze ; 13, 20, 21, 41–43, 51 – bone ; 14, 15, 49, 50, 68, 69 – stone ; 17, 19, 37 – gold ; 38, 39, 61, 63–67, 70–76 – ceramics ; 52, 55 – iron . On: (Mei, Shell, 2002; New Achievements..., 1995)

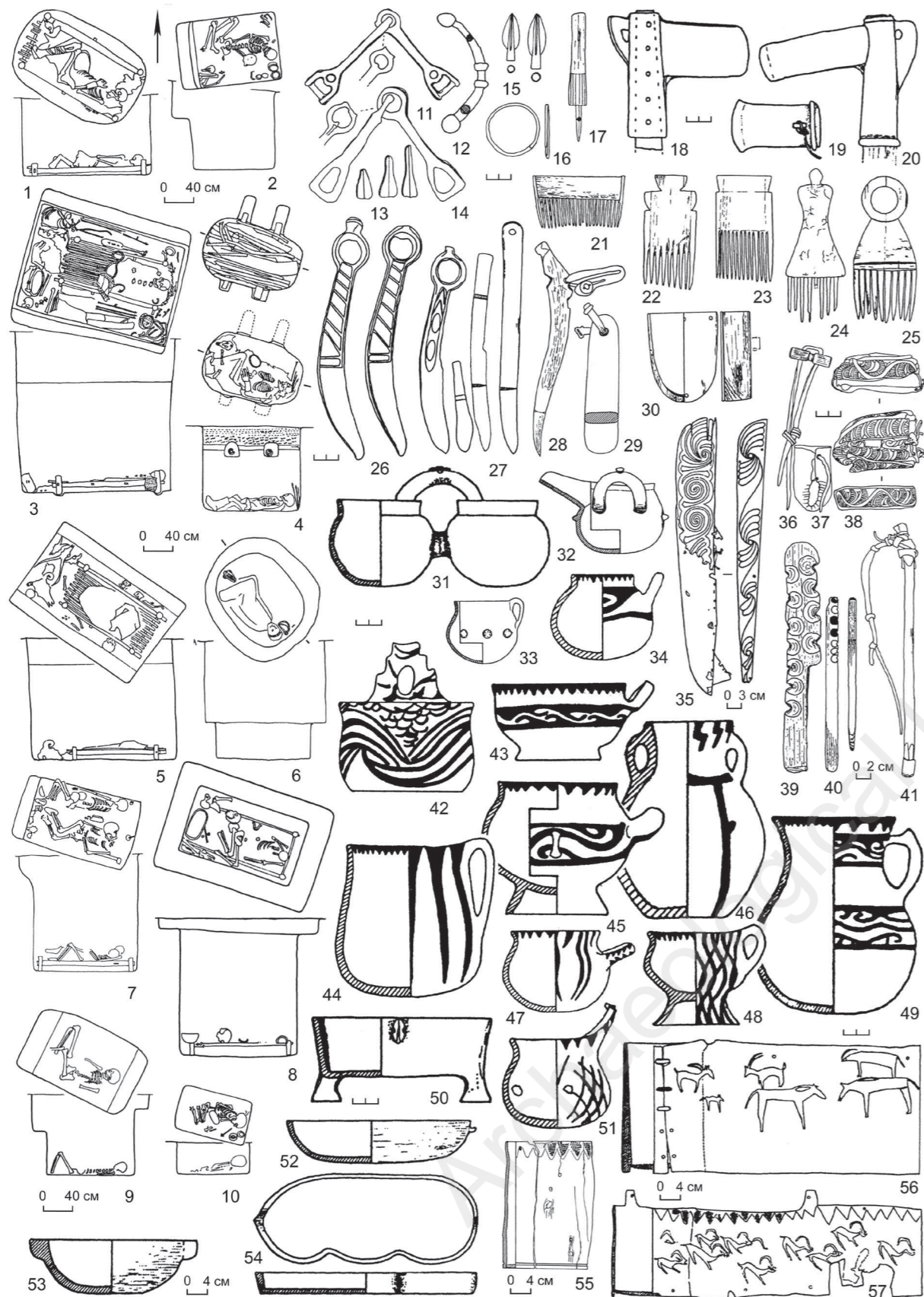
Могильник Чауху-4 (Чаоухугоу), Восточный Туркестан: 9–12, 16, 18, 22–36, 40, 44–48, 53, 54, 56–60, 62 – медь и бронза; 13, 20, 21, 41–43, 51 – кость; 14, 15, 49, 50, 68, 69 – камень; 17, 19, 37 – золото; 38, 39, 61, 63–67, 70–76 – керамика; 52, 55 – железо (по: Mei, Shell, 2002; New Achievements..., 1995)

20 Цюньбакэ обасы, Шығыс Түркістан: 6-9, 11-13, 15-18, 21-25, 27-29, 35 – қола; 10, 14, 19 – сүйек;
20 – алтын; 26, 30-34, 37-39 – темір; 36 – тас;
40-56 – саз балшық. (Mei, Shell, 2002; Каоги, 1991. № 8) бойынша

Burial ground Tsyunbake, East Turkestan : 6-9, 11-13, 15-18, 21-25, 27-29, 35 – bronze ; 10, 14, 19 – bone ;
20 – gold ; 26, 30-34, 37-39 – iron ; 36 – stone ; 40-56 – clay . On: (Mei, Shell, 2002; Каоги, 1991. № 8)

Могильник Цюньбакэ, Восточный Туркестан: 6-9, 11-13, 15-18, 21-25, 27-29, 35 – бронза;
10, 14, 19 – кость; 20 – золото; 26, 30-34, 37-39 – железо; 36 – камень;
40-56 – глина (по: Mei, Shell, 2002; Каоги, 1991. № 8)

21 Янхай 1 обасы, Шығыс Түркістан: 11–20, 26, 27 – қопа; 21–25, 28 – сүйек; 29 – тас, былғары; 30, 35, 39, 40, 52–57 – ағаш; 36, 41 – ағаш, былғары; 37, 38 – былғары; 31–34, 42–51 – саз балшық. (Cultural Relics..., 2004. № 1; Turfanological Research, 2004. № 1) бойынша

Burial ground Yanghai1, East Turkestan : 11–20, 26, 27 – bronze ; 21–25, 28 – bone ; 29 – stone , leather ; 30, 35, 39, 40, 52–57 – tree ; 36, 41 – tree , leather ; 37, 38 – leather ; 31–34, 42–51 – clay . On: (Cultural Relics..., 2004. № 1; Turfanological Research, 2004. № 1)

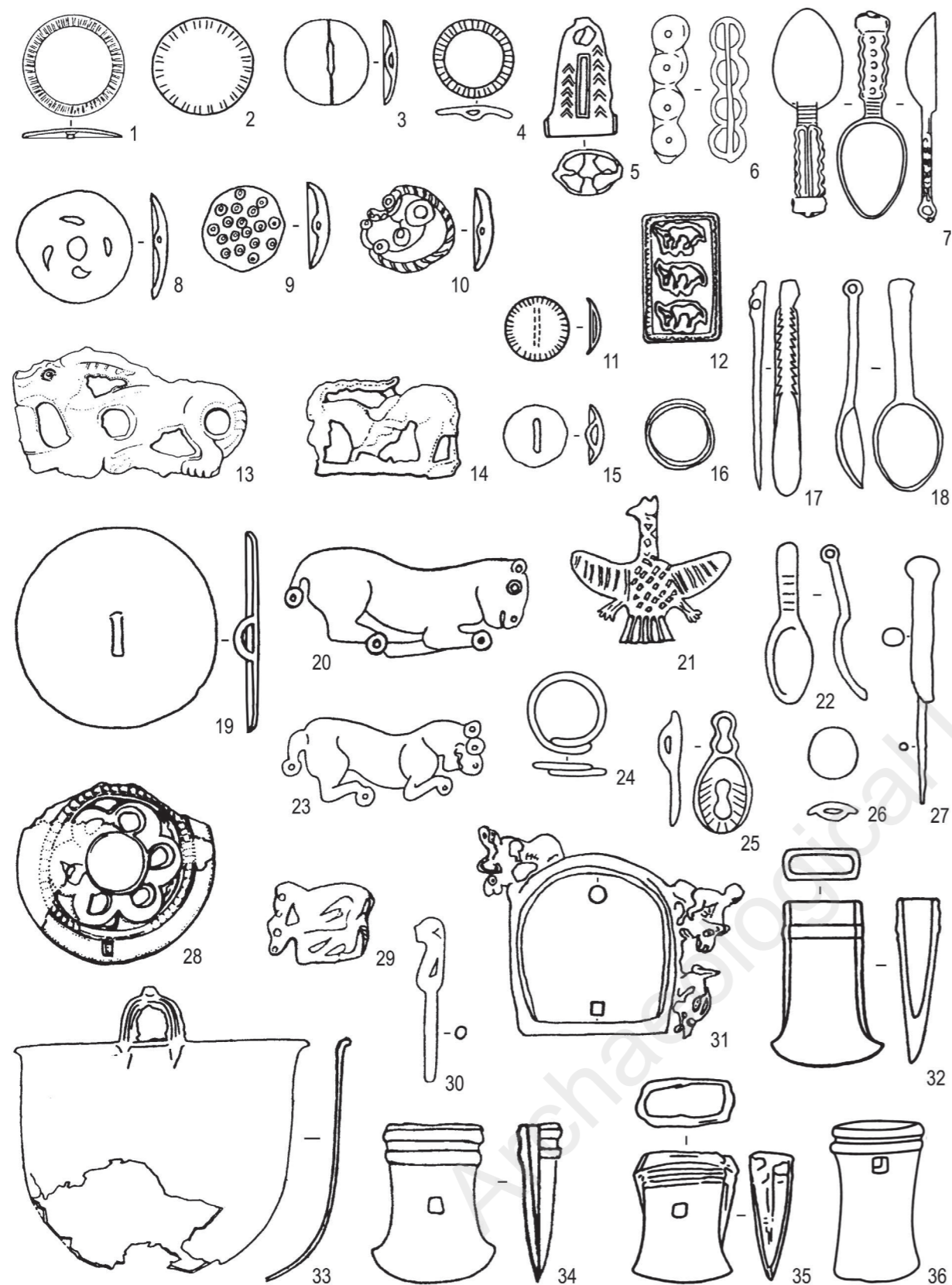
Могильник Янхай 1, Восточный Туркестан: 11–20, 26, 27 – бронза; 21–25, 28 – кость; 29 – камень, кожа; 30, 35, 39, 40, 52–57 – дерево; 36, 41 – дерево, кожа; 37, 38 – кожа; 31–34, 42–51 – глина (по: Cultural Relics..., 2004. № 1; Turfanological Research, 2004. № 1)

22 Янхай 2 обасы, Шығыс Түркістан: 7, 16, 29, 30, 34, 35, 39-45 – ағаш; 8, 17-28, 31-33, 36, 37 – саз балшық; 9-13 – қола; 14, 15, 38 – тас. (Cultural Relics..., 2004a. № 1; Turfanological Research, 2004. № 1) бойынша

Burial ground Yanghai 2, East Turkestan : 7, 16, 29, 30, 34, 35, 39-45 – tree; 8, 17-28, 31-33, 36, 37 – clay; 9-13 – bronze ; 14, 15, 38 – stone . On: (Cultural Relics..., 2004a. № 1; Turfanological Research, 2004. № 1)

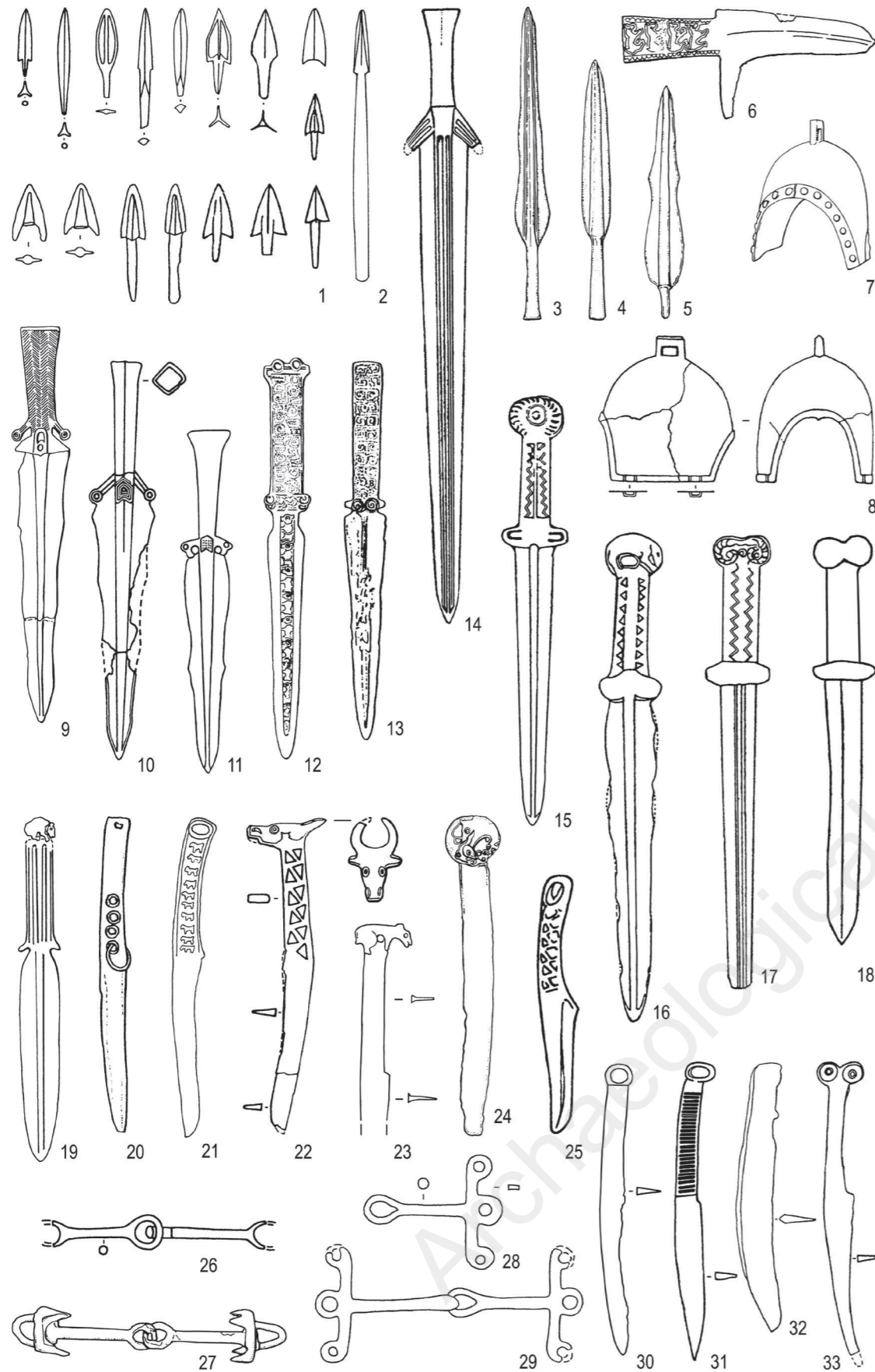
Могильник Янхай 2, Восточный Туркестан: 7, 16, 29, 30, 34, 35, 39-45 – дерево; 8, 17-28, 31-33, 36, 37 – глина; 9-13 – бронза; 14, 15, 38 – камень (по: Cultural Relics..., 2004a. № 1; Turfanological Research, 2004. № 1)

23 «Наньшаньгэнь үлгісіндегі» ескерткіштер.
Құрал-жабдықтар: Қола. (Маоqinggou, 1992) бойынша

Monuments of the « Nanshangeng type». I
Inventory : Bronze . По: (Маоqinggou, 1992)

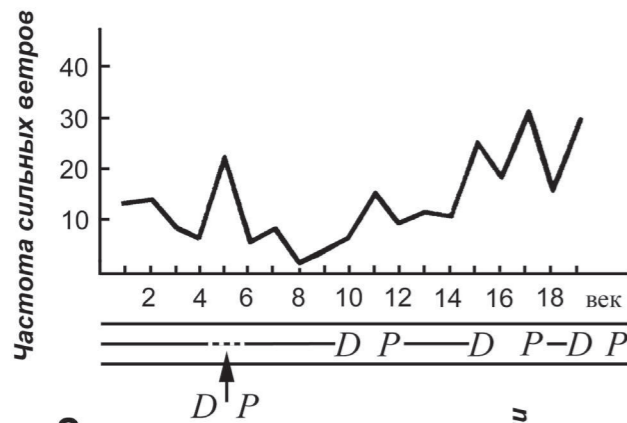
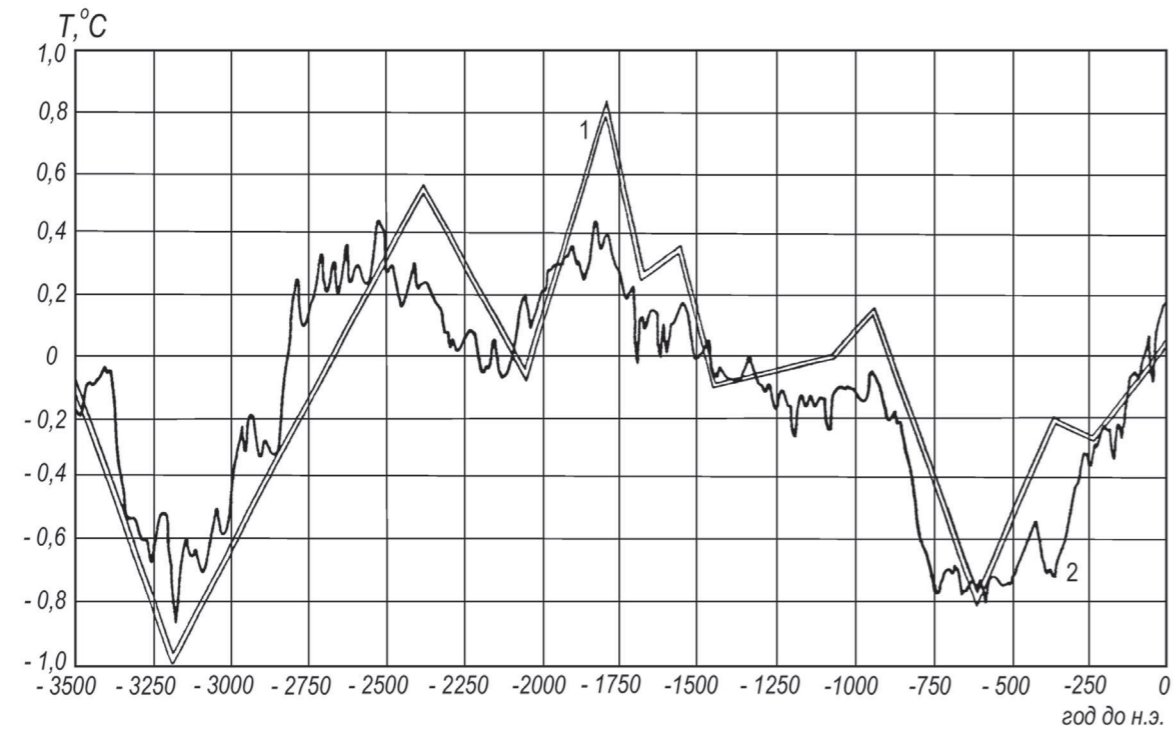
Памятники «типа Наньшаньгэнь».
Инвентарь: бронза (по: Маоqinggou, 1992)

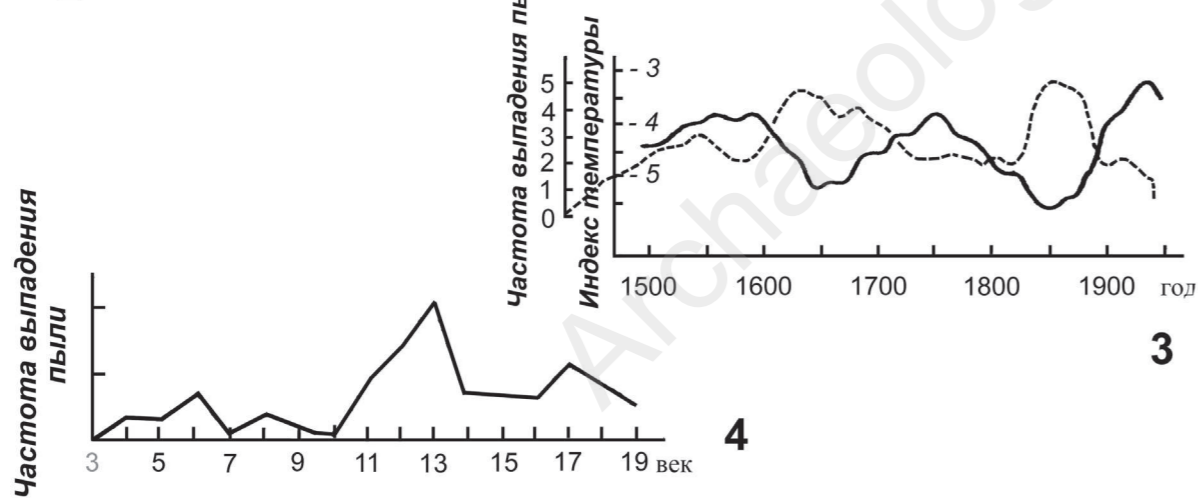
24 «Наньшаньгэнь үлгісіндегі» ескерткіштер. Қару-жарақтар және ат-әбзелдері:
Қола. (Маоqinggou, 1992) бойынша

Monuments of the «Nanshangen type». Ammunition and harness details: Bronze.
On: (Maoqinggou, 1992)

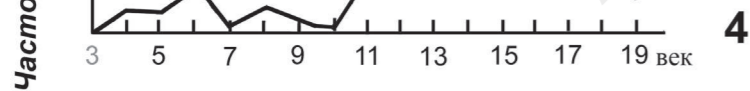
Памятники «типа Наньшаньгэнь». Предметы вооружения и конской упряжи:
бронза (по: Маоqinggou, 1992)

2

3

4

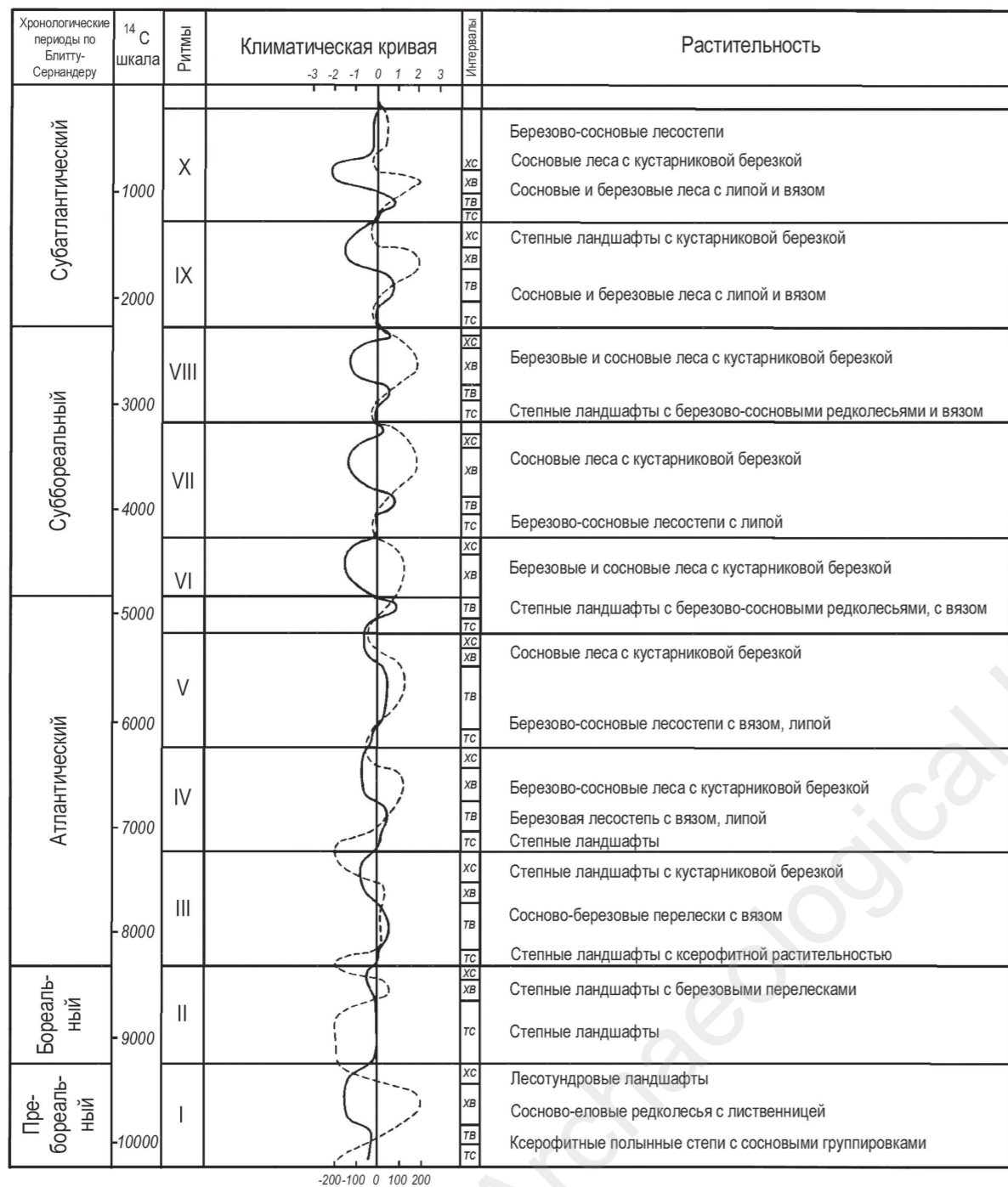
1

25 Тарихи кезеңдерде Солтүстік жартышардағы орташа температураның өзгеруі (1) және Қытайдың шөлді және сарғыш топырақты облыстарындағы табиғат жағдайлары (2–4): Солтүстік жарты шардың б.д.д IV-I мыңжылдықтағы жылдық орташа температурасының 1 - жаңғыртпасы (1) және үлгілік есептері (2). Температура 1951-1980 жылдардағы түрлі орташа есебінен есептеліп алынды. Үлгілік температуралар 11-жылдық мәнінің орташа есебімен берілген ([Клименко, 1998, сур. 1]) бойынша; 2 – шөлейттену кезеңдері (DP – шөлейттену кезеңдері); 3 – соңғы 500 жыл ішінде температураның өзгеруі мен шаң түсу жиілігінің арақатынасы (нүктелі сызық); 4 – шаң түсу жиілігі ([Лю Дуншен және басқалар, 1984]) бойынша

Changes in the average temperature of the North Hemisphere (1) and the nature of the desert and loessic areas of China in historical time (2-4): 1 -reconstruction (1) and model calculations (2) of the average annual temperature of the North Hemisphere in the IV-I c. BC. The temperature was calculated for the period 1951-1980.

Model temperatures are shown by smoothed 11-year values (on : [Klimenko, 1998, Fig.1]); 2 - periods of desertification (DP - periods of desertification); 3 - correlation of the frequency of dust deposition (dashed line) with temperature changes over the past 500 years; 4 - frequency of dust deposition (on: [Liu Dongshen et al., 1984])

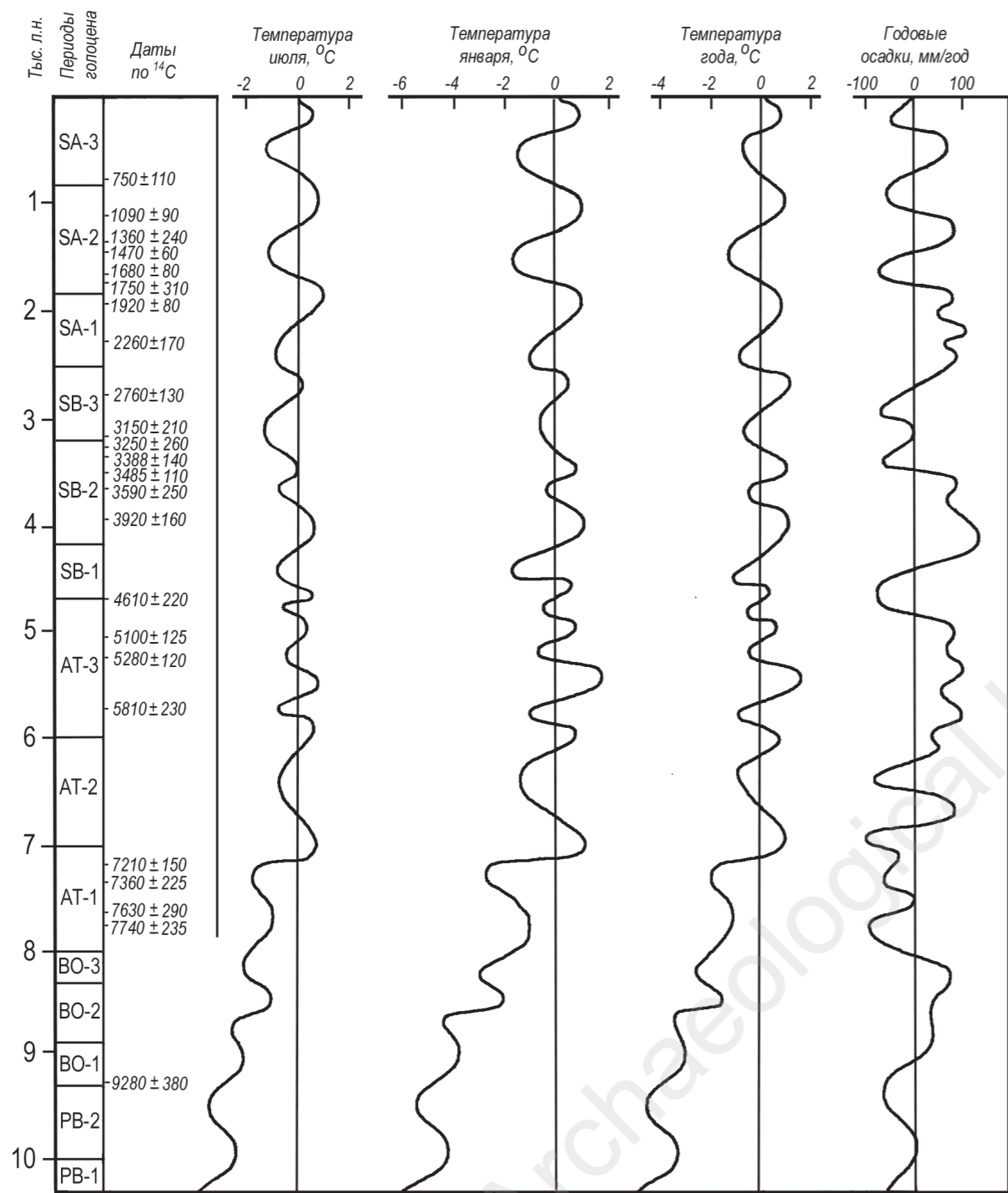
Изменение средней температуры Северного полушария (1) и природная обстановка пустынных и лессовых областей Китая в историческое время (2–4): 1 – реконструкция (1) и модельные расчеты (2) среднегодовой температуры Северного полушария в IV–I тыс. до н. э. Температура отсчитана в разностях от средней за 1951–1980 гг. величины. Модельные температуры представляют собой сглаженные 11-летние значения (по: Клименко, 1998, рис. 1); 2 – периоды опустынивания (DP – периоды опустынивания); 3 – корреляция частоты выпадения пыли (пунктирная линия) с изменениями температуры за последние 500 лет; 4 – частота выпадения пыли (по: Лю Дуншен и др., 1984)

26 Батыс Сібірдің оңтүстігінің голоцендегі климаты мен өсімдіктері: Тұтас сызық – жыл температурасы; нүктелі сызық – жауын-шашынның жылдық көлемі, мм/жыл; XC – суық-құрғақ, XV – суық-ылғалды, TV – жылы-ылғалды, TC – жылы-құрғақ климат ([Зыкин және басқалар, 2000, 4 сур.; 2000а. 4 табл.]) бойынша

Climate and vegetation in the south of West Siberia in the Holocene: Solid line – temperature of the year; dotted average annual precipitation, mm / year; CD -cold-dry, CM= cold-moist, WH- warm-humid, HT-hot-dry climate (on: [Zykin et al, 2000, Fig.4, 2000a., Table 4])

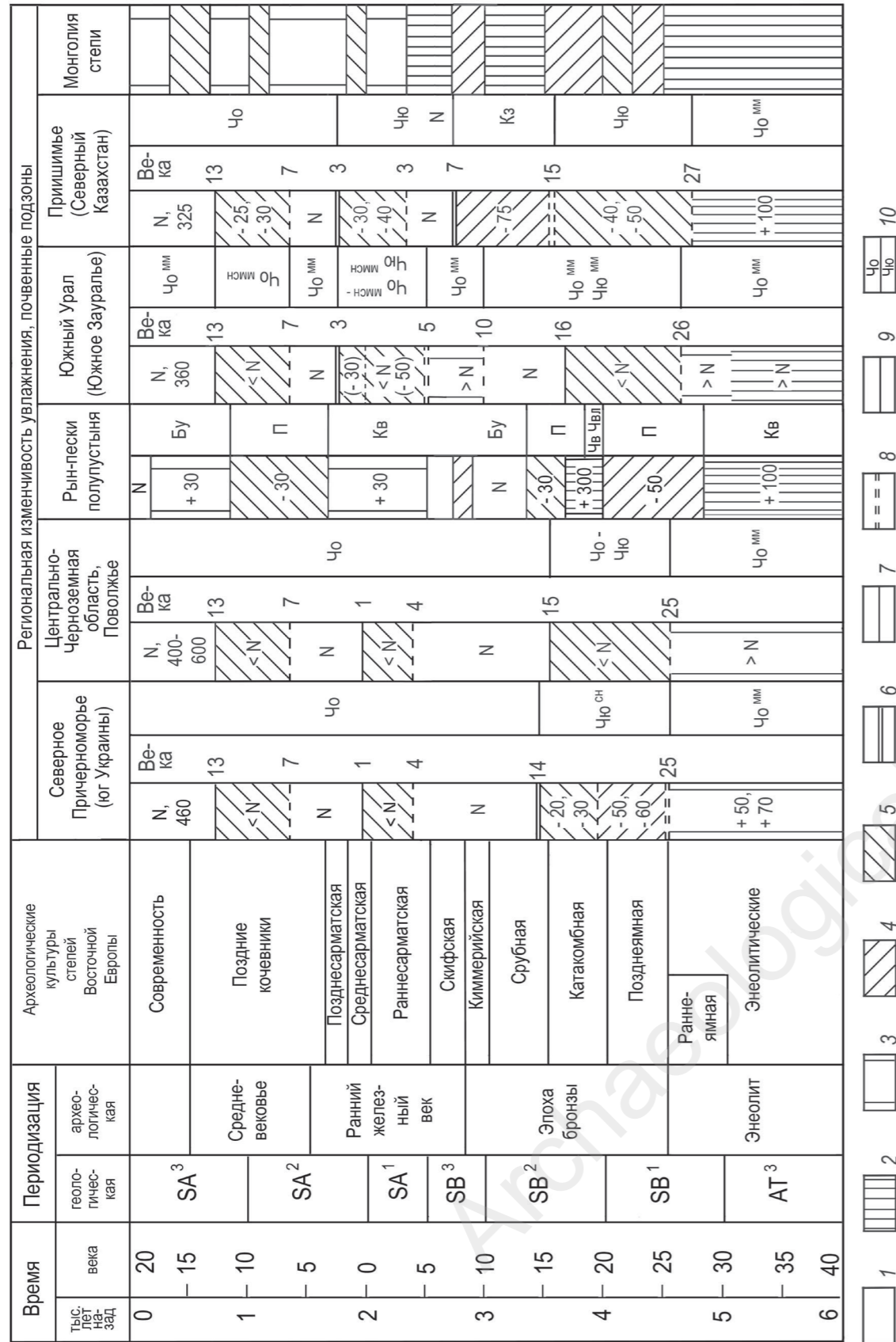
Климат и растительность юга Западной Сибири в голоцене: сплошная линия – температура года; пунктирная – среднегодовая сумма осадков, мм/год; XC – холодно-сухой, XV – холодно-влажный, TV – тепло-влажный, TC – тепло-сухой климат (по: Зыкин и др., 2000, рис. 4; 2000а. Табл. 4)

27 Солтүстік және Орталық Қазақстанның далалық аймақтарындағы голоценнің палеоклиматтық орташа қисықтары (заманауи мәнімен салыстырғанда ауытқушылықтары бар болып келеді) (бойынша [Тарасов, 1992, с. 23 б; Климанов және басқалар, 1994, 3 сур.])

Average paleoclimatic curves of the Holocene (in deviations from present values) for the steppe zone of the Northern and Central Kazakhstan (on: Tarasov, 1992, p.23; Klimanov et al., 1994, Fig.3)

Средние палеоклиматические кривые голоцена (в отклонениях от современных значений) для степной зоны Северного и Центрального Казахстана (по: Тарасов, 1992, с. 23; Климанов и др., 1994, рис. 3)

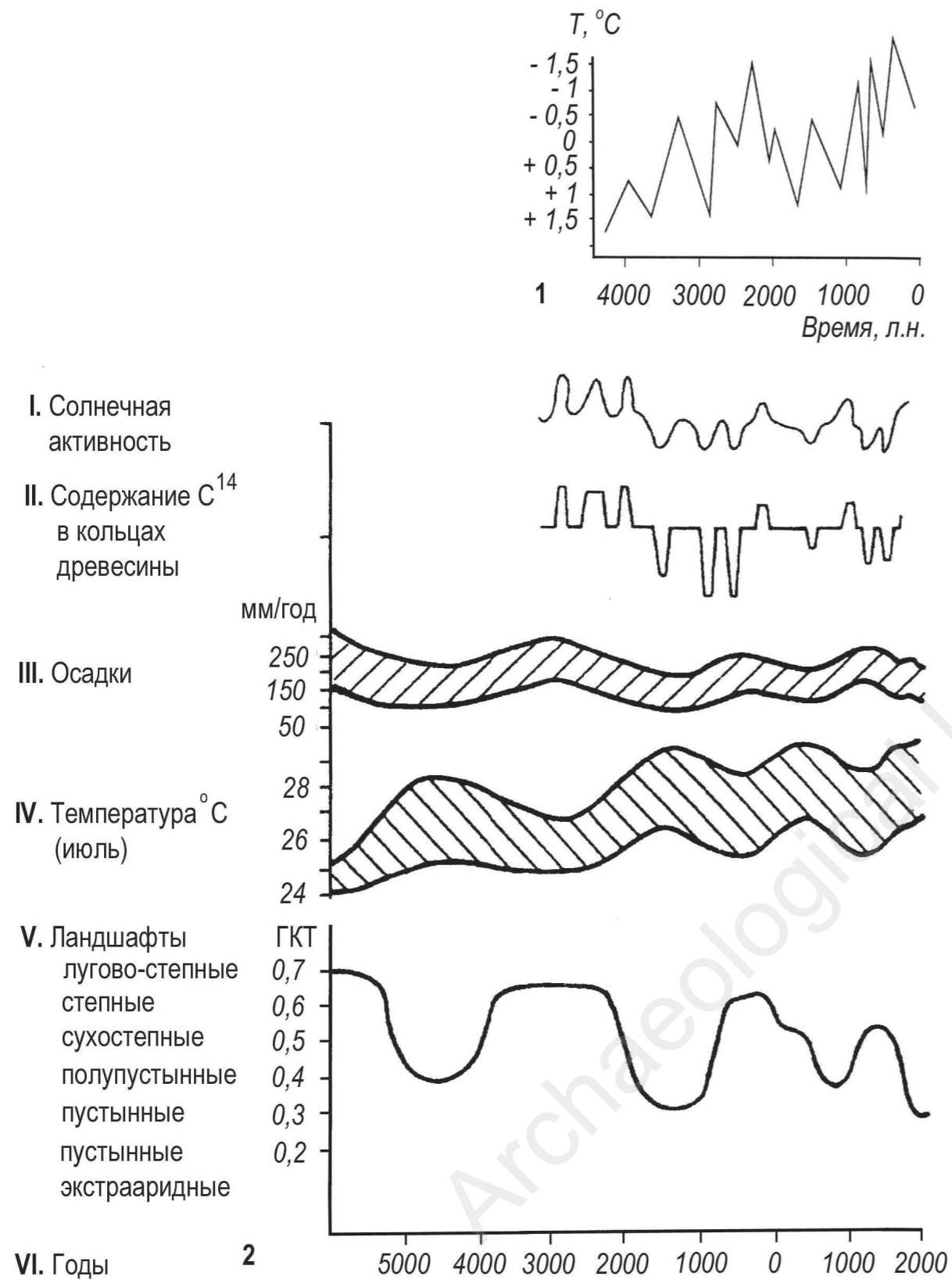

28 Соңғы 6000 жыл ішінде Еуразияның далалық аумақтарындағы ылғалдықтың құбылмалылығы. Көпғасырлық экологиялық дәуірлер: 1 – қалыпты; 2 – анық байқалған оңтайлысы; 3 – жай байқалған оңтайлысы, аз байқалған оңтайлысы; 4 – анық байқалған дағдарыстысы; 5 – аз байқалған дағдарыстысы. Экологиялық жағдайлардың өзгеруі: 6 – бірден жақсару; 7 – біртіндеп жақсару; 8 – бірден нашарлау; 9 – біртіндеп нашарлау. Атмосфералық жауын-шашынның мөлшері: N, 460 – заманауи (қалыпты), мм/жыл; N, > N, < N, – 50 – заманауиға жақын, қалыптыдан жоғары, қалыптыдан төмен, қалыптыға қарағанда қатысты, мм/жыл; 10 – топырақтың уақыт шеңберінде (ғасырларда) өзгеруі. Жер қыртысының жағдайы: Cho – кәдімгі орташақұнарлы қаратопырақтар; ChoMM – кәдімгі азқұнарлы қаратопырақтар; Чю – оңтүстік қаратопырақтары; Чюсн – оңтүстіктің тұзды қаратопырақтары; Чв – қаратопырақтестестері; Кз – қою-қызылт түстілері; Кв – қызғылт түстілері; Бу – шөлдалалық құба түстілері; Чвл – шалғындық қаратопырақтестестері; П – шағылды шөлдер ([Иванов, Васильев, 1995. Табл. 25; Иванов, Чернянский, 1996, сур. 1; 2000, с. 12–13] бойынша)

Variability of humidification in the steppe zone of Eurasia for the last 6000 years. Centuries-old ecological epochs: 1-normal; 2-optimum pronounced; 3-optimum less pronounced; 4-crisis, highly-pronounced; 5-crisis, less pronounced. Changes in environmental conditions: 6-sharp improvement; 7-gradual improvement; 8-sharp deterioration; 9-gradual deterioration. Amount of precipitation: N, 460-modern (norm), mm/year; N, > N, < N, – 50- near modern, above the norm, below the norm, relative to the norm, mm/year; 10- changes in the state of the soil in time (in the centuries). Soil condition: Cho- ordinary medium-power black soil; ChoMM-Small low-power black soil; Chu- southern black soil; ChyCH- south alpine soils; ChV- like black soil; Kz- of dark chestnut color; Qv-chestnut-shaped; Bu- brown deserted; Chlv meadow black soil; P-deserts with sandy soils (on: [Ivanov, Vasiliev, 1995. Table 25; Ivanov, Chernyansky, 1996, Fig.1; 2000, pp. 12-13])

Изменчивость увлажнения в степной зоне Евразии за последние 6000 лет. Многовековые экологические эпохи: 1 – нормальные; 2 – оптимальные ярко выраженные; 3 – оптимальные менее выраженные; 4 – кризисные ярко выраженные; 5 – кризисные менее выраженные. Изменения экологических условий: 6 – улучшение резкое; 7 – улучшение постепенное; 8 – ухудшение резкое; 9 – ухудшение постепенное. Количество атмосферных осадков: N, 460 – современное (норма), мм/год; N, > N, < N, – 50 – близкое современному, выше нормы, ниже нормы, относительно по сравнению с нормой, мм/год; 10 – изменение состояния почв во времени (в веках). Состояние почв: Cho – черноземы обыкновенные среднemocные; ChoMM – черноземы обыкновенные маломощные; Чю – черноземы южные; Чюсн – черноземы южные солонцеватые; Чв – черноземовидные; Кз – темно-каштановые; Кв – каштановидные; Бу – бурые пустынно-степные; Чвл – лугово-черноземовидные; П – пустыни с пескоземами (по: Иванов, Васильев, 1995. Табл. 25; Иванов, Чернянский, 1996, рис. 1; 2000, с. 12–13)

29 Оңтүстік Арал бойының климаты мен ландшафтының голоцендегі өзгерістері: 1 – Арал ауданында ауа температурасының өзгеруі (воздуха в районе Арала) ([Клиге және басқалар, 1998, 8.12.2 сур.] бойынша); 2 – Голоцен дәуірінде Амударияның Сарықамыс бойы сағасындағы табиғаттың даму кезеңділігі ([Глушко, 1996, 2 сур.] бойынша)

Changes in the climate and landscapes of the South Aral Sea region in the Holocene: 1 – change in air temperature in the Aral region (on: [Klige et al, 1998, Fig.8.12.2]); 2 – cyclic nature development in the Sarykamysh Delta of the Amu Darya in the Holocene (on: [Glushko, 1996, Fig.2])

Изменения климата и ландшафтов Южного Приаралья в голоцене: 1 – изменение температуры воздуха в районе Арала (по: Клиге и др., 1998, рис. 8.12.2); 2 – цикличность развития природы в Присарыкамьшской дельте Амударьи в голоцене (по: Глушко, 1996, рис. 2)

лет назад	Периоды голоцена	Южный и Средний Урал						Северный и Центральный Казахстан	Пришимье (Северный Казахстан)	Тоболо-Ишимское междуречье	Барабинска низменность					
		лес	лесостепь	лес и лесостепь	степь	степь	степь									
2500	SA ₁	••	••	••	••	••	••	••	••	••	••	••	••	••	••	••
	SB ₃	••	••	••	••	••	••	••	••	••	••	••	••	••	••	••
3000	SB ₂	••	••	••	••	••	••	••	••	••	••	••	••	••	••	••
		••	••	••	••	••	••	••	••	••	••	••	••	••	••	••
4000		••	••	••	••	••	••	••	••	••	••	••	••	••	••	••
Источник		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15

•• - а ••| - б ••| - в | | - г

30 Орал-қазақстан далаларының және оралсырты-батыссібір орманды-далалы жерлерінің ылғалдық өзгерістері: Ылғалдану дәрежесі: а – қазіргісінен аз; б – ылғалдылықтың артуы, бірақ қазіргісінен төмен; с – қазіргісіне жақын; d – қазіргісінен көп.

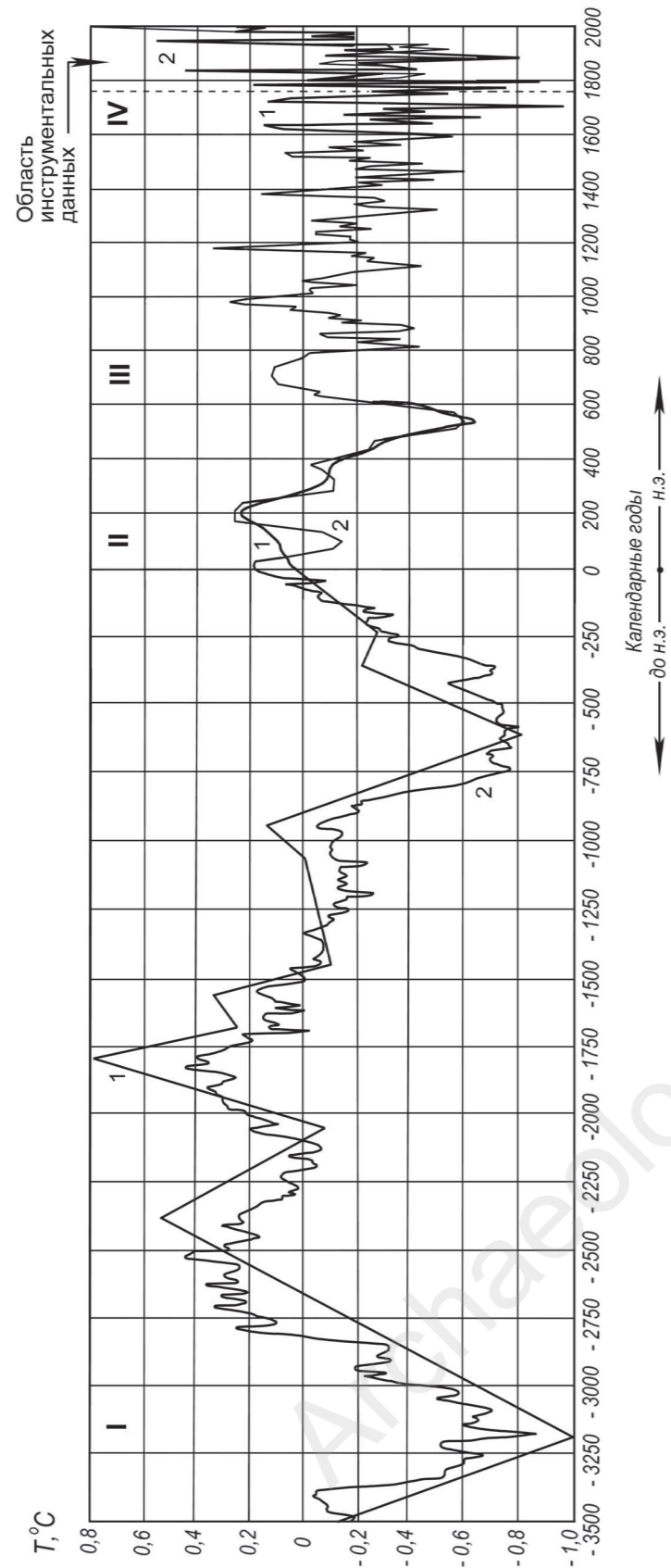
Деректер: 1 – Панова, 2001; 2 – Дерягин, 1999; 3 – Зах және басқалар, 2008; Рябогина, Иванов, 2007; 4 – Иванов, Чернянский, 1996; 2000; 5 – Дерягин, Марков, 2004; 6 – Рысков, 1996; Рысков, Демкин, 1997; 7 – Тарасов, 1992; Климанов және басқалар, 1994; 8 – Белодеденко, Варущенко, 1988; 9 – Иванов, Чернянский, 1996; 2000; Иванов, Луковская, 1998; 10 – Иванов, 2006; 11 – Зах, Рябогина, 2005; Зах және басқалар, 2008; 12 – Кременецкий және басқалар, 1994; 13 – Зыкин және басқалар, 2000а; 2000б; Левина, Орлова, 1993; 14 – Иванов, 2006: 2 сур.; 15 – Хазина, 2008.

Dynamics of moisture content in the Ural-Kazakh steppes and the Ural-West Siberian forest-steppe: degree of moisture: a - less modern; B - increase of moisture content, but lower than modern; C - near modern; D - more modern.

Sources: 1 - Panova, 2001; 2 - Deryagin, 1999; 3 - Zach et al., 2008; Ryabogina, Ivanov, 2007; 4 - Ivanov, Chernyansky, 1996; 2000; 5 - Deryagin, Markov, 2004; 6 - Ryskov, 1996; Ryskov, Demkin, 1997; 7 - Tarasov, 1992; Klimanov et al., 1994; 8 - Belodedenko, Varushchenko, 1988; 9 - Ivanov, Chernyansky, 1996; 2000; Ivanov, Lukovskaya, 1998; 10 - Ivanov, 2006; 11 - Zach, Ryabogina, 2005; Zach et al., 2008; 12 - Kremenetsky et al, 1994; 13 - Zykin et al., 2000a; 2000b; Levin, Orlova, 1993; 14 - Ivanov, 2006: Fig.2; 15 - Khazina, 2008.

Динамика увлаженности в урало-казахстанских степях и Зауральско-Западносибирской лесостепи: степень увлажненности: а – меньше современной; б – повышение увлажненности, но ниже современной; с – близка современной; d – больше современной.

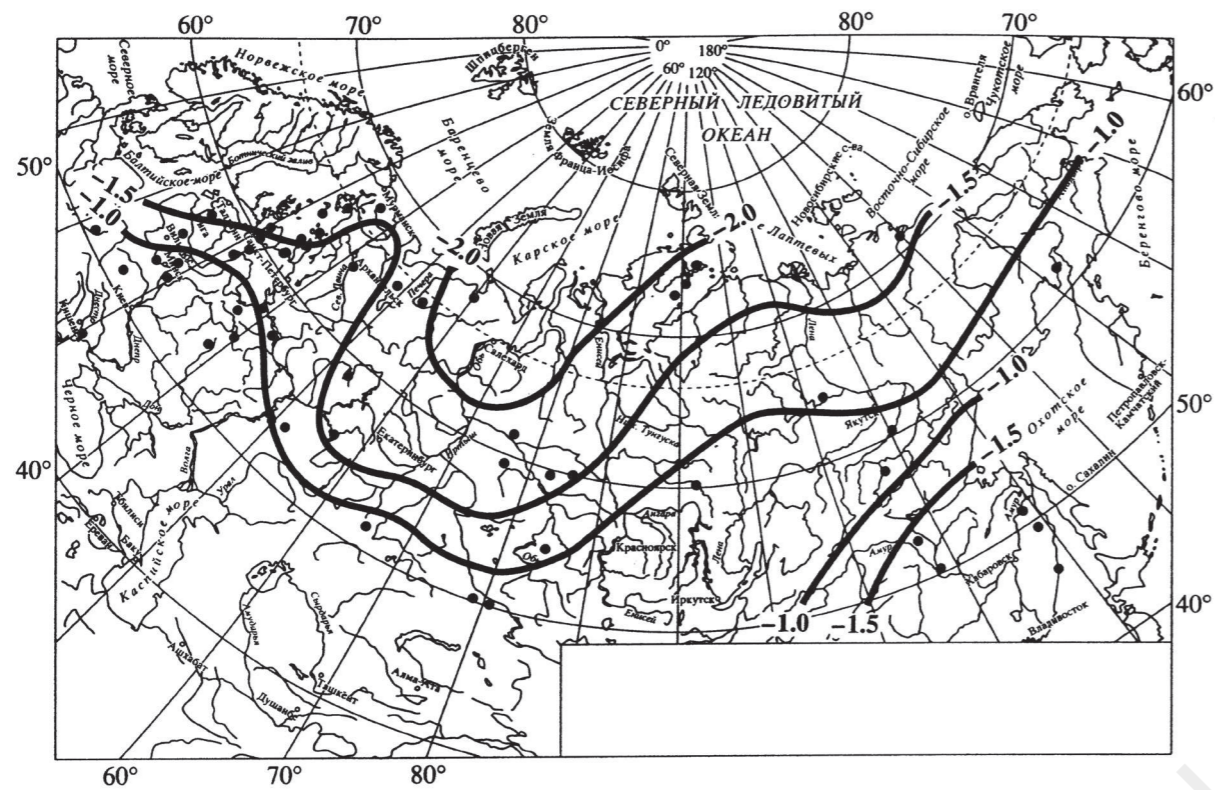
Источники: 1 – Панова, 2001; 2 – Дерягин, 1999; 3 – Зах и др., 2008; Рябогина, Иванов, 2007; 4 – Иванов, Чернянский, 1996; 2000; 5 – Дерягин, Марков, 2004; 6 – Рысков, 1996; Рысков, Демкин, 1997; 7 – Тарасов, 1992; Климанов и др., 1994; 8 – Белодеденко, Варущенко, 1988; 9 – Иванов, Чернянский, 1996; 2000; Иванов, Луковская, 1998; 10 – Иванов, 2006; 11 – Зах, Рябогина, 2005; Зах и др., 2008; 12 – Кременецкий и др., 1994; 13 – Зыкин и др., 2000а; 2000б; Левина, Орлова, 1993; 14 – Иванов, 2006, рис. 2; 15 – Хазина, 2008

31 Солтүстік жарты шардың б.д.д. 3500 ж. – б.д. 2000 ж. аралығындағы жылдық орташа температурасының өзгеруі: Солтүстік жарты шардың б.д.д IV–I мыңжылдықтардағы жылдық орташа температурасының I – жаңғыртпасы (1) және үлгілік есептері (2). Үлгілік температуралар 11-жылдық мәнінің орташа есебімен берілген. ([Клименко, 1998. Сур. 1]) бойынша. Температура 1951-1980 жылдардағы түрлі орташа есебінен есептеліп алынды; II – Солтүстік жарты шардың б.д. I – VI мыңжылдықтарындағы жылдық орташа температурасының (Клименко және басқалар, 1996а) 1 – уақытты радиокөміртекті шкаладан күнтізбелік шкалаға ауыстыру арқылы алынған мәліметтер; 2 – тәптіштелген мәліметтер. Температура 1951-1980 жылдардағы түрлі орташа есебінен есептеліп алынды ([Клименко, 2000. 1 сур.] бойынша); III – Солтүстік жарты шардың б.д. VII–XVI ғасырларындағы жылдық орташа температурасының жаңғыртпасы. Температура 1951-1980 жылдардағы түрлі орташа есебінен есептеліп алынды ([Клименко, 2003. 1 сур.] бойынша). IV – Орыс жазығының XVII–XX ғасырлардағы (орта есеппен он-он жылдан алынған) жылдық орташа ауа температурасының ауытқушылықтары (1) қазіргі мәнінен ауытқулары және оларды құрылғыдан алынған мәліметтермен салыстыру (2) ([Клименко, Слепцов, 2003. 1 сур.] бойынша)

Change in the average annual temperature of the North Hemisphere in 3500 BC - 2000 AD: I - reconstruction (1) and model calculations (2) of the average annual temperature of the North Hemisphere in the IV-I millennium BC. Model temperatures indicate 11-year values. The temperature is read in the difference from the average for 1951-1980. Model temperatures are smoothed by 11-year values (on: [Klimenko, 1998. Fig.1]); II - reconstruction of the average annual temperature of the North Hemisphere in the I-VI centuries. N. E. 1 - data (Klimenko et al, 1996a), recalculated from radiocarbon in the calendar time scale; 2 - detailed data. The temperature is read in the difference from the average for 1951-1980. Values (on: [Klimenko, 2000. Fig.1]); III - reconstruction of the average annual temperature of the North Hemisphere in the VII-XVI centuries. The temperature is read in the difference from the average for 1951-1980. Values (on: [Klimenko, 2003. Fig.1]). IV - deviations of the mean annual air temperature (1) from the current values and their comparison with instrumental data (2) for the territory of the Russian Plain (averaged over 10 years) for the XVII-XX centuries. (On: [Klimenko, Sleptsov, 2003. Fig.1])

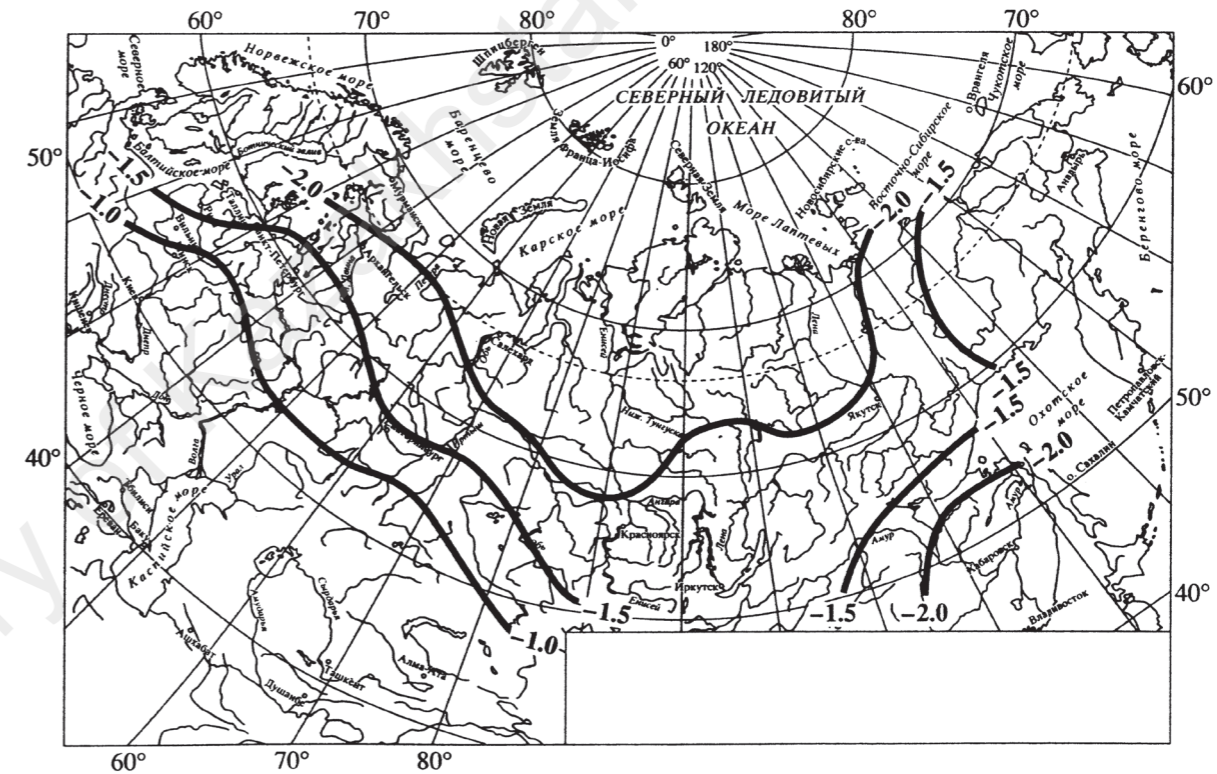
Изменение среднегодовой температуры Северного полушария в 3500 г. до н. э. – 2000 г. н. э.: I – реконструкция (1) и модельные расчеты (2) среднегодовой температуры Северного полушария в IV–I тыс. до н. э. Модельные температуры представляют собой сглаженные 11-летние значения. Температура отсчитана в разности от средней за 1951–1980 гг. величины (по: Клименко, 1998. Рис. 1); II – реконструкция среднегодовой температуры Северного полушария в I–VI вв. н. э. 1 – данные (Клименко и др., 1996а), пересчитанные из радиоуглеродной в календарную шкалу времени; 2 – детализированные данные. Температура отсчитана в разности от средней за 1951–1980 гг. величины (по: Клименко, 2000. Рис. 1); III – реконструкция среднегодовой температуры Северного полушария в VII–XVI вв. Температура отсчитана в разности от средней за 1951–1980 гг. величины (по: Клименко, 2003. Рис. 1). IV – отклонения средней годовой температуры воздуха (1) от современных значений и их сравнение с инструментальными данными (2) для территории Русской равнины (осредненное по 10-летиям) для XVII–XX вв. (по: Клименко, Слепцов, 2003. Рис. 1)

32 Шілде айындағы орташа температураның неогляциаль кезеңі (шамамен 2500 жыл бұрын) мен заманауи мәнін салыстырғандағы ауытқуы ([Климанов, 2002. 1 сур.] бойынша)

Deviation of the average July temperatures in the neoglacial (about 2500 y.a.) from their modern values (on: [Klimanov, 2002. Fig. 1])

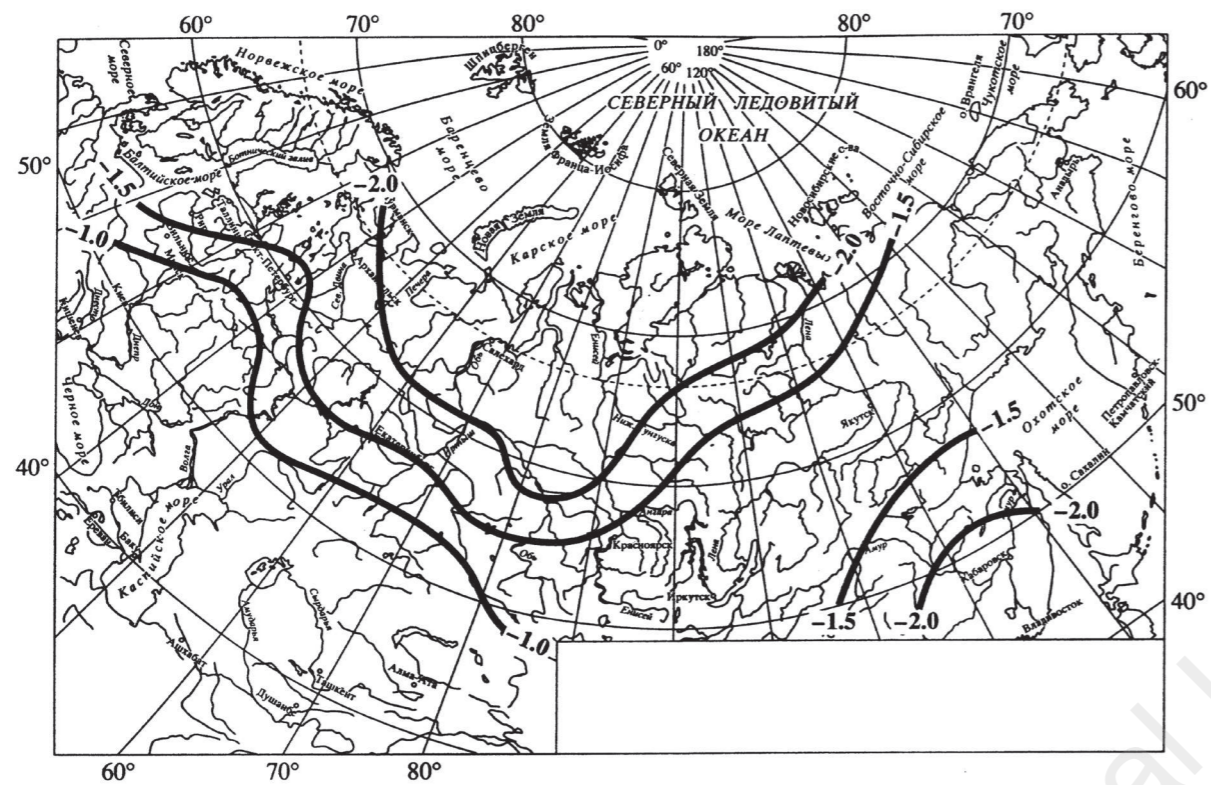
Отклонение средних температур июля в неогляциале (около 2500 л. н.) от современных их значений (по: Климанов, 2002. Рис. 1)

33 Қаңтар айындағы орташа температураның неогляциаль кезеңі (шамамен 2500 жыл бұрын) мен заманауи мәнін салыстырғандағы ауытқуы ([Климанов, 2002. 2 сур.] бойынша)

Deviation of the average January temperatures in the neoglacial (about 2500 y.a.) from their modern values (on: [Klimanov, 2002. Fig.2])

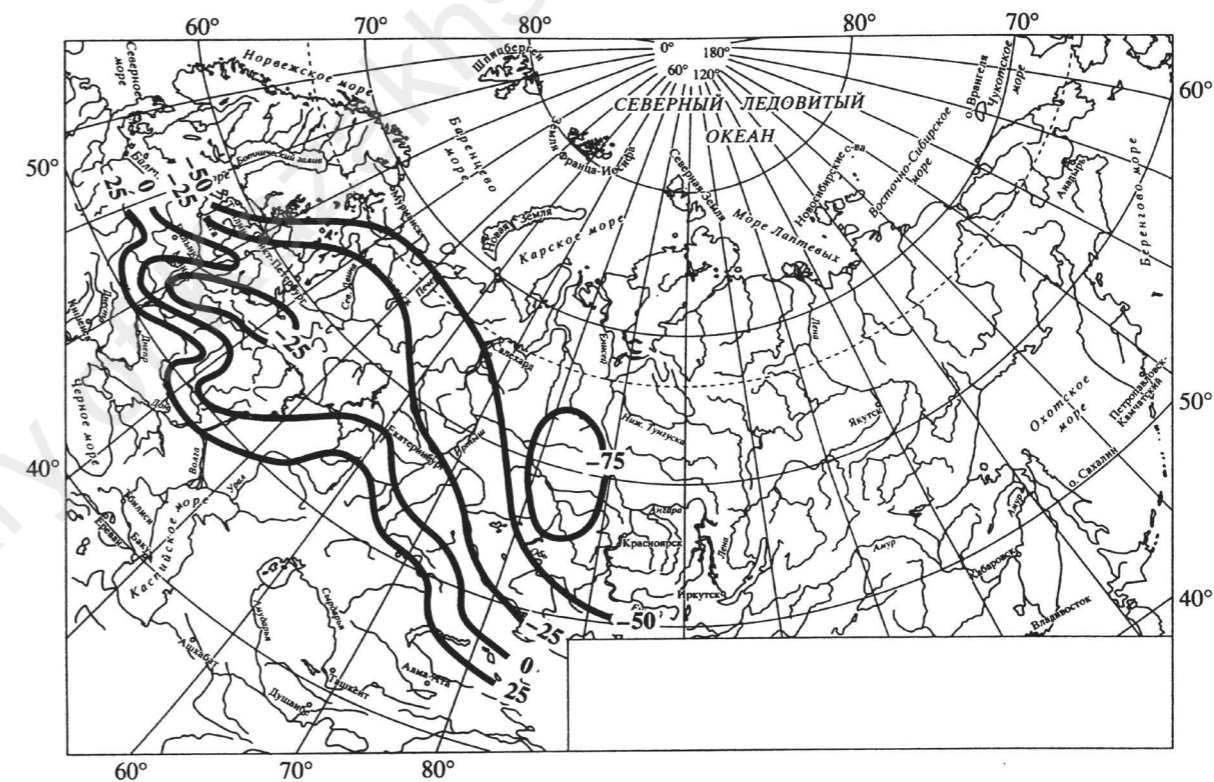
Отклонение средних температур января в неогляциале (около 2500 л. н.) от современных их значений (по: Климанов, 2002. Рис. 2)

34 Жылдық орташа температураның неогляциаль кезеңі (шамамен 2500 жыл бұрын) мен заманауи мәнін салыстырғандағы ауытқуы ([Климанов, 2002. 3 сур.] бойынша)

Deviation of the average temperatures of the year in the neoglacial (about 2500 y.a.) from their current values (on: [Klimanov, 2002. Fig.3])

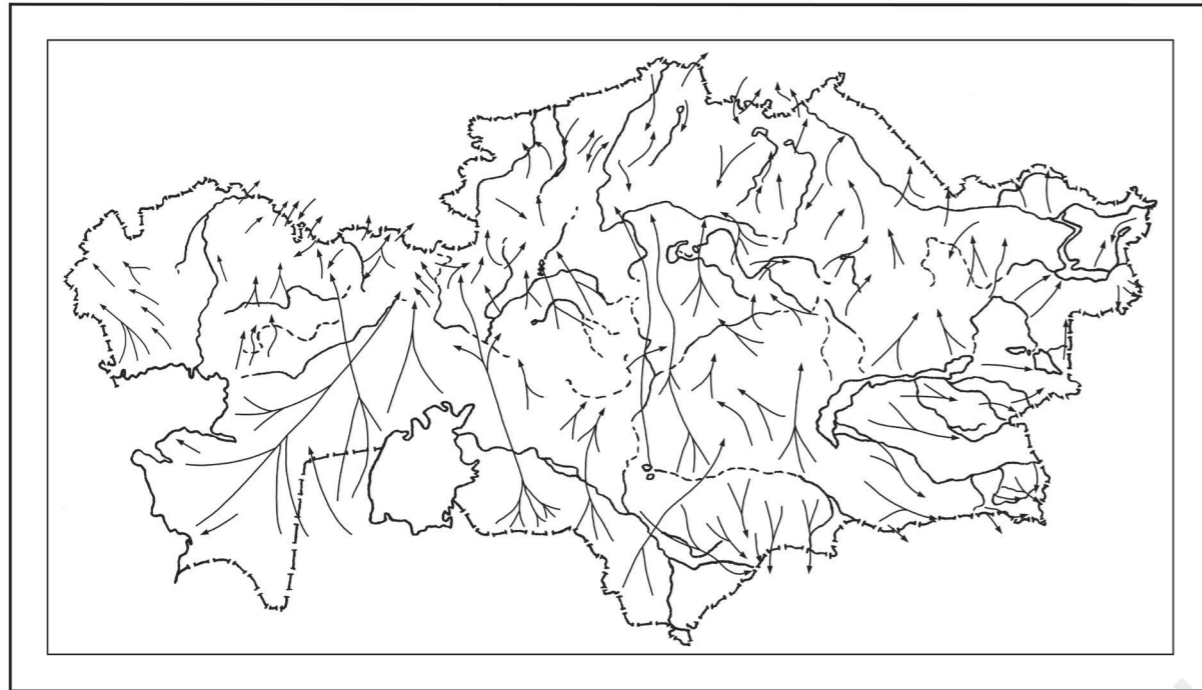
Отклонение средних температур года в неогляциале (около 2500 л. н.) от современных их значений (по: Климанов, 2002. Рис. 3)

35 Жылдық орташа жауын-шашын көлемінің неогляциаль кезеңі (шамамен 2500 жыл бұрын) мен заманауи мәнін салыстырғандағы ауытқуы ([Климанов, 2002. 4 сур.] бойынша)

Deviation of the average annual amount of precipitation in the neoglacial (about 2500 hp) from their present values (according to: [Klimanov, 2002. Fig.4])

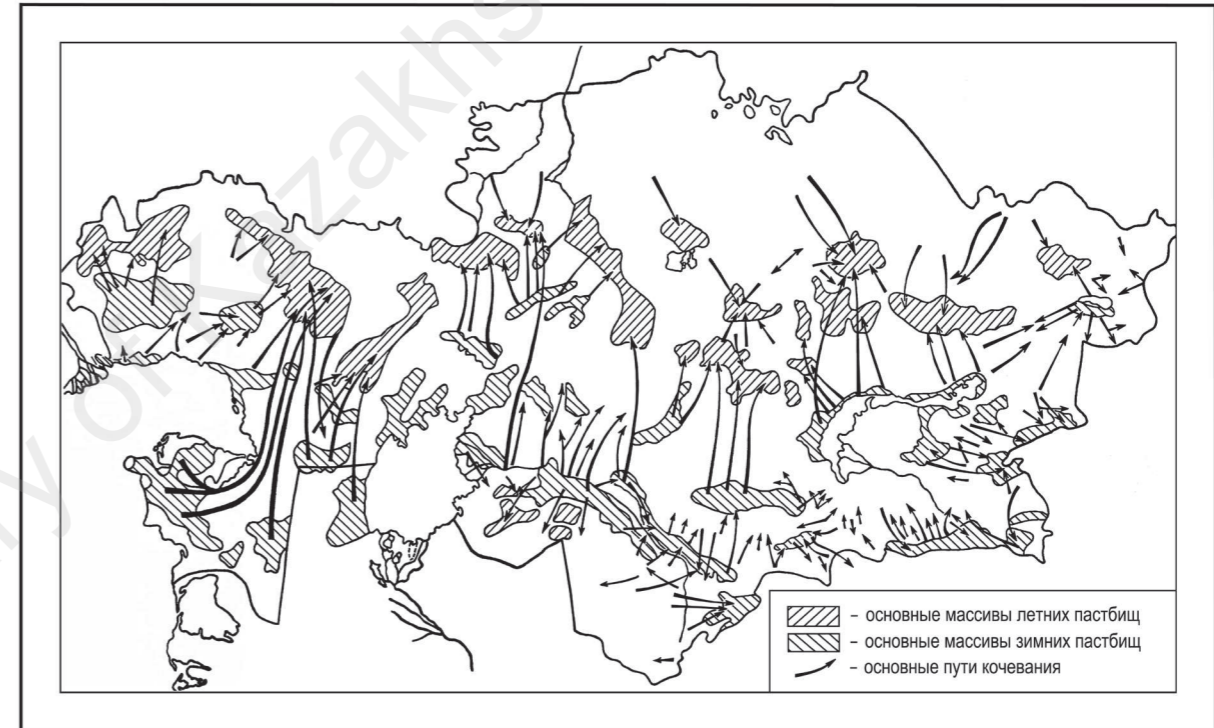
Отклонение средней годовой суммы осадков в неогляциале (около 2500 л. н.) от современных их значений (по: Климанов, 2002. Рис. 4)

36 Қазақстандағы көші-қон жолдарының XIX ғасырдың аяғы – XX ғасырдың басындағы бағыттары (жолдардың қыстаудан жайлауға дейінгі негізгі бағыттары ғана нұсқармен көрсетілген) ([Хозяйство казахов..., 1980] бойынша)

Direction of nomadic paths in Kazakhstan at the end of the XIX - the beginning of the XX century (arrows show only the main directions of the routes from winter pastures to summer ones) (on: [Kazakh economy ..., 1980])

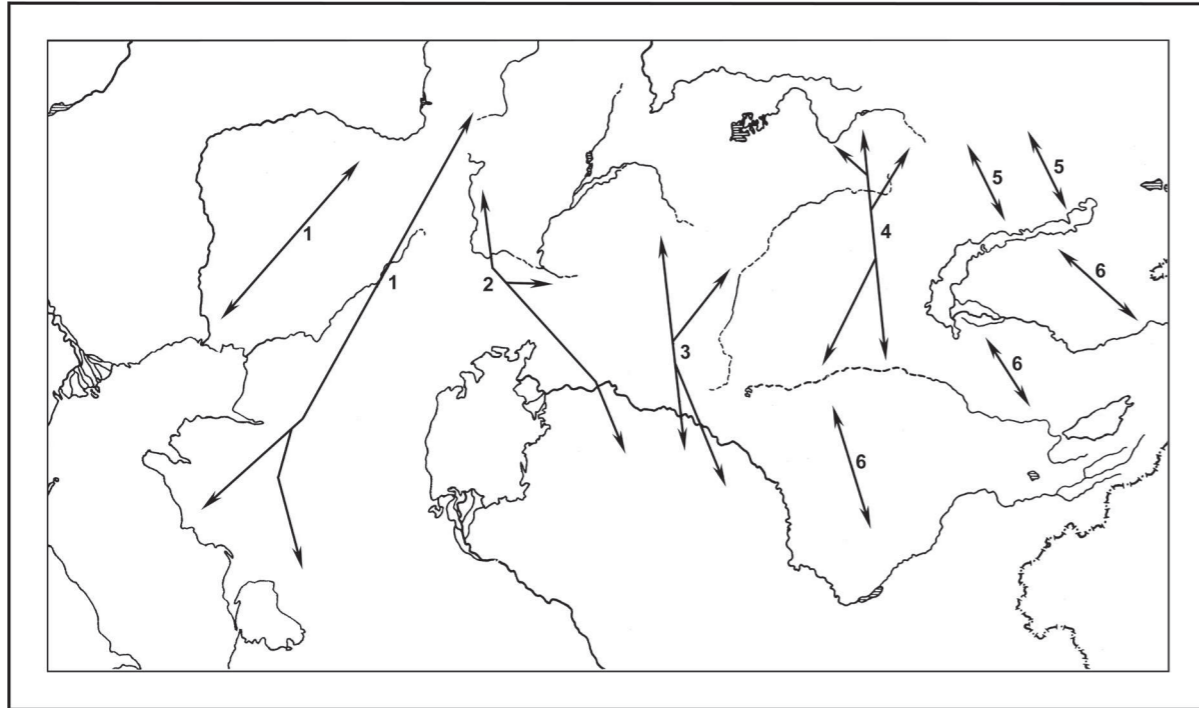
Направление кочевых путей в Казахстане в конце XIX – начале XX в. (стрелками показаны только основные направления путей от зимних пастбищ к летовкам) (по: Хозяйство казахов..., 1980)

37 Қазақстандағы 1926-1930 жылдардағы негізгі жайылымдық алаптар мен көші-қон жолдарының сызбасы ([Федорович, 1973] бойынша)

Scheme of the main pasture massifs and ways of nomadic migration in 1926-1930. In Kazakhstan (on: [Fedorovich, 1973])

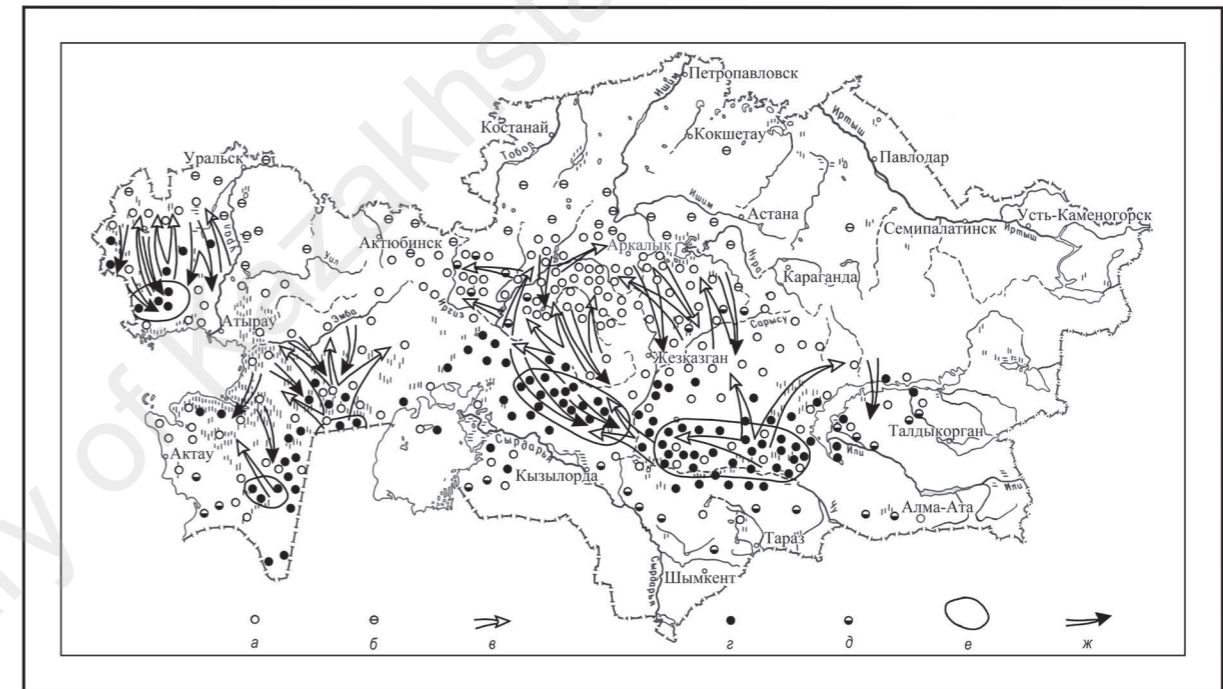
Схема основных пастбищных массивов и путей кочеваний в 1926–1930 гг. в Казахстане (по: Федорович, 1973)

38 Қазақстандағы жылқы табындарының XX ғасырдың басындағы маусымдық көші-қон орындары. (Баскин, 1976) бойынша: 1 – Каспий маңы ойпаты – Ойыл өзені және Мұғалжар таулары; 2 – Қызылқұм және Арал бойы Қарақұмы – Ырғыз өзені; 3 – Қызылқұм – Ұлытау таулары; 4 – Шу өзенінің төменгі ағысы – Сарыарқа; 5 – Балқаш бойы – Сарыарқа; 6 – Талас және Шу өзендерінің төменгі ағыстары – Тянь-Шань таулары ([Баскин, 1976] бойынша)

Seasonal migrations of horse herds in Kazakhstan at the beginning of the XX century: 1 - Caspian lowland - river Uil and Mugodzharskiy mountains; 2 - Kyzylkum and the Aral Sea Karakum - river Irgiz; 3 - Kyzylkum - Mount Ulutau; 4 - lower reaches of the river Chu - Sary Arka; 5 - Balkhash area - Sary Arka; 6 - lower reaches of the Talas and Chu rivers - Tien-Shan mountains (on: [Baskin, 1976])

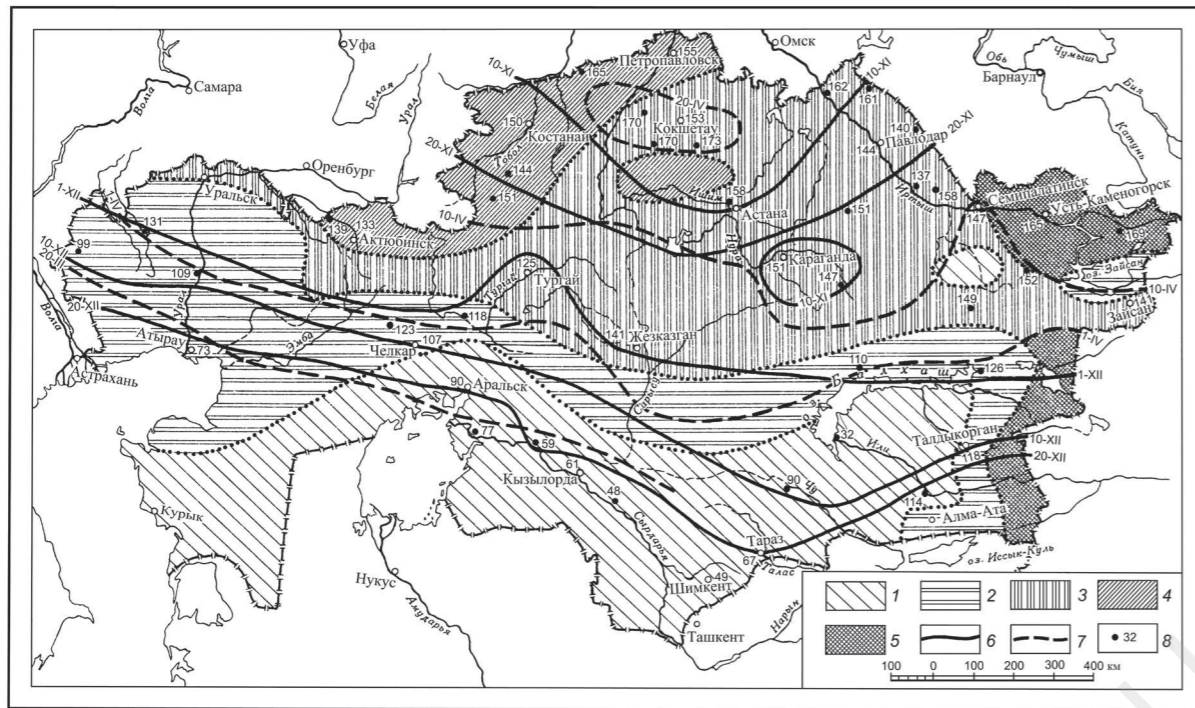
Сезонные перекочевки табунных лошадей в Казахстане в начале XX в.: 1 – Прикаспийская низменность – р. Уил и Мугоджарские горы; 2 – Кызылқұм и Приаральские Каракумы – р. Ирғиз; 3 – Кызылқұм – горы Улутау; 4 – низовья р. Чу – Сары-Арқа; 5 – Прибалхашье – Сары-Арқа; 6 – низовья рек Талас и Чу – горы Тянь-Шаня (по: Баскин, 1976)

39 Қазақстан территориясындағы киіктердің маусымдық миграциясы, б – жануарлардың жазғы келісі; в – көктемгі-жазғы миграцияларының негізгі бағыттары; г – киіктердің қыстайтын жерлері; д – жануарлардың қысқы келістері; е – жануарлардың қыстап шығу үшін көптеп шоғырланатын аудандары; ж – күзгі-қысқы миграцияларының негізгі бағыттары ([Атлас..., 1982] бойынша)

Seasonal migrations of saiga on the territory of Kazakhstan: a - places of saiga summer habitat, b - summer animal visits; c - basic directions of spring-summer migration; d - places of saiga winter settlements; e - winter visits of animals; f - areas of significant concentrations of animals on winter habitat; - the main directions of autumn-winter migration (according to: [Atlas ..., 1982])

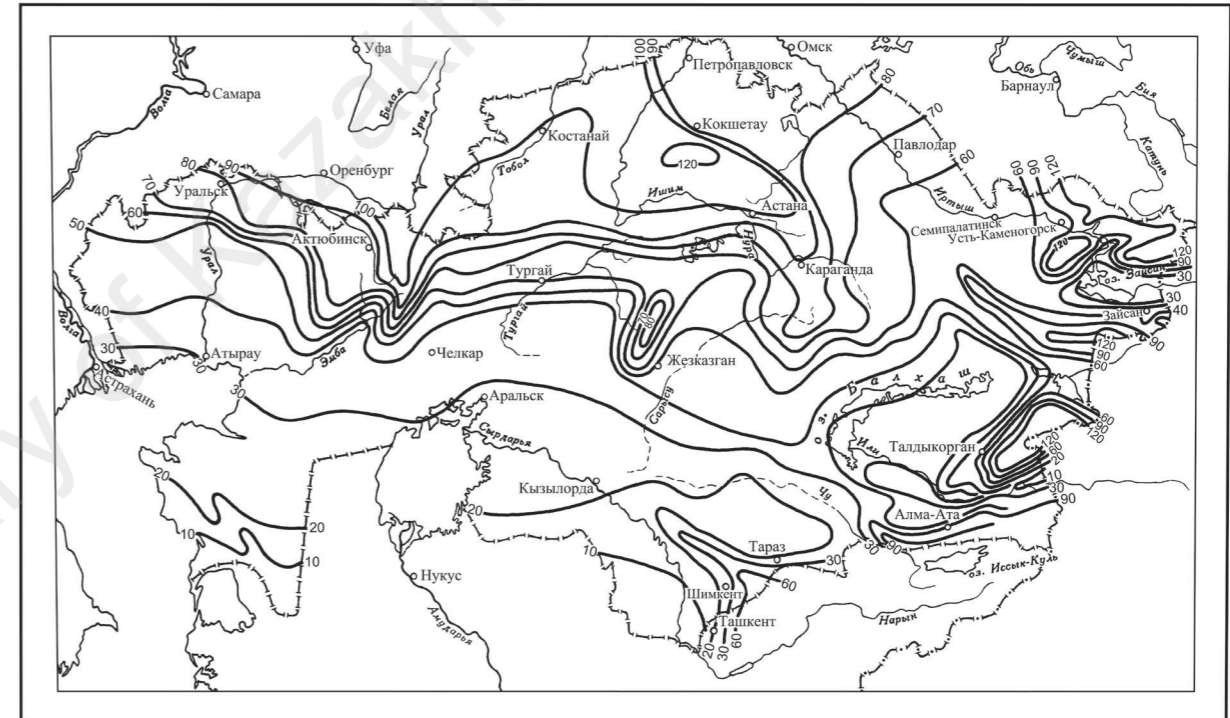
Сезонные миграции сайгака на территории Казахстана: а – места летовок сайгака, б – летние заходы животных; в – основные направления весенне-летней миграции; г – места зимовок сайгака; д – зимние заходы животных; е – районы значительного скопления животных на зимовках; ж – основные направления осенне-зимней миграции (по: Атлас..., 1982)

40 Қазақстандағы қар жабындысы. Қар жабындысының орташа биіктігі, қараңыз (1940–1954): 1 – 0–5; 2 – 6–10; 3 – 11–15; 4 – 16–20; 5 – >20; 6 – тұрақты қар жабындысының қалыптасуының орта есеппен алынған күні; 7 – қар жабындысының көшуінің орта есеппен алынған күні; 8 – жылдың қар жабындысы болатын күндерінің саны ([Шварева, 1969] бойынша)

Snow cover in Kazakhstan. The average height of the snow cover, see (1940–1954): 1 - 0–5; 2 - 6–10; 3 - 11–15; 4–16–20; 5 - > 20; 6 - average dates of formation of a stable snow cover; 7 - the same, the descent of the snow cover; 8 - number of days in a year with snow cover (on: [Shvareva, 1969])

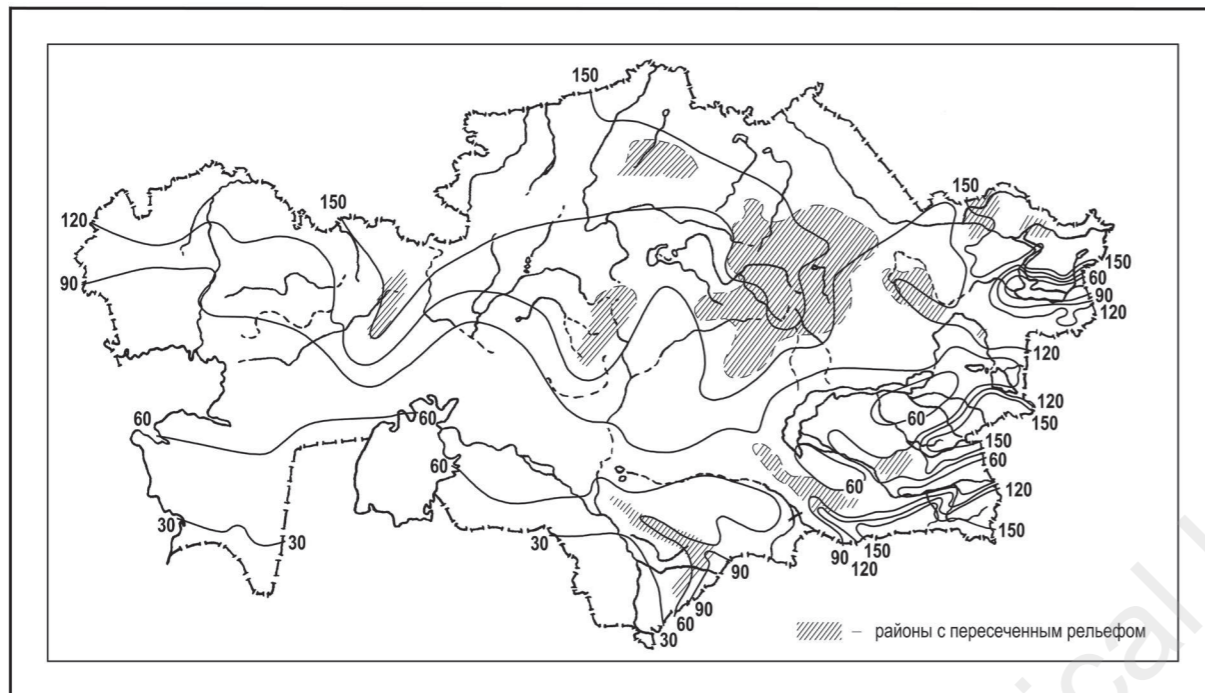
Снежный покров в Казахстане. Средняя высота снежного покрова (см. 1940–1954): 1 – 0–5; 2 – 6–10; 3 – 11–15; 4 – 16–20; 5 – >20; 6 – средние даты образования устойчивого снежного покрова; 7 – то же, схода снежного покрова; 8 – число дней в году со снежным покровом (по: Шварева, 1969)

41 Қазақстанның жайылымды аудандарында қыс мезгілінде қою жаюға қолайсыз күндердің орташа саны. ([Федосеев, 1959; Шварева, 1969] бойынша)

Average number of non-grazing days in winter for sheep in pastures of Kazakhstan (on: [Fedoseev, 1959, Shvareva, 1969])

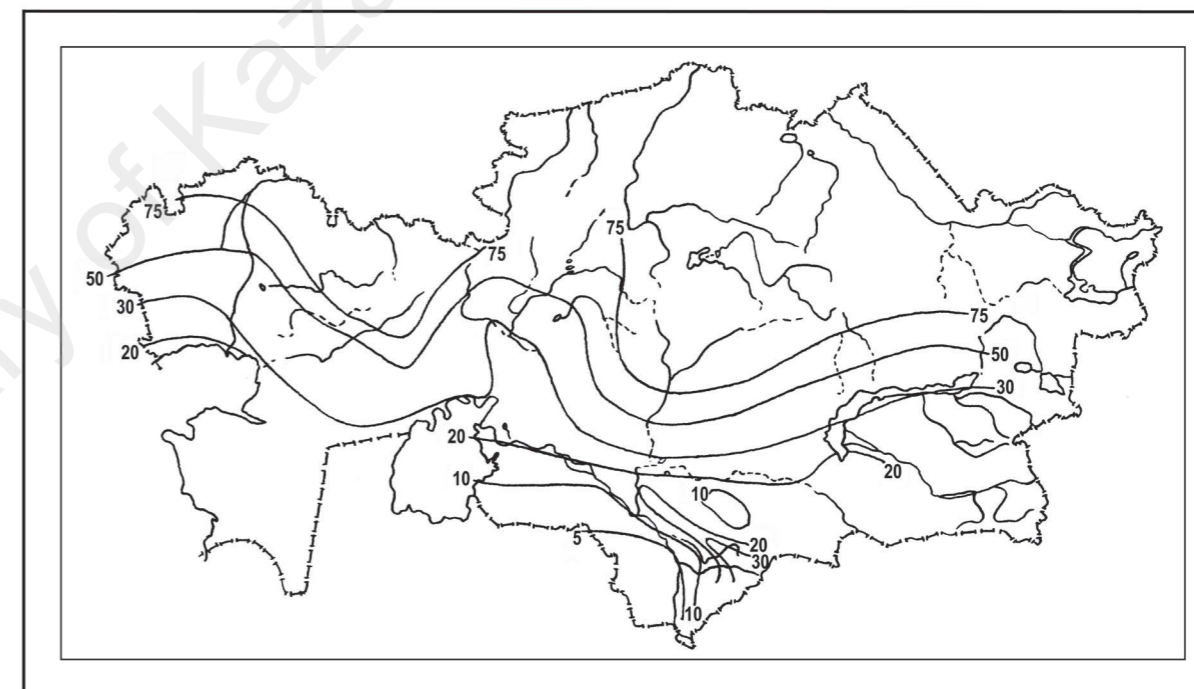
Среднее число невыпасных дней по погодным условиям зимы для овец в пастбищных районах Казахстана (по: Федосеев, 1959; Шварева, 1969)

42 Қыс мезгілінде қою жаюға қолайсыз күндердің ең жоғарғы саны
([Федосеев, 1959] бойынша)

Maximum number of non-grazing days for sheep based on the winter
(on: [Fedoseev, 1959])

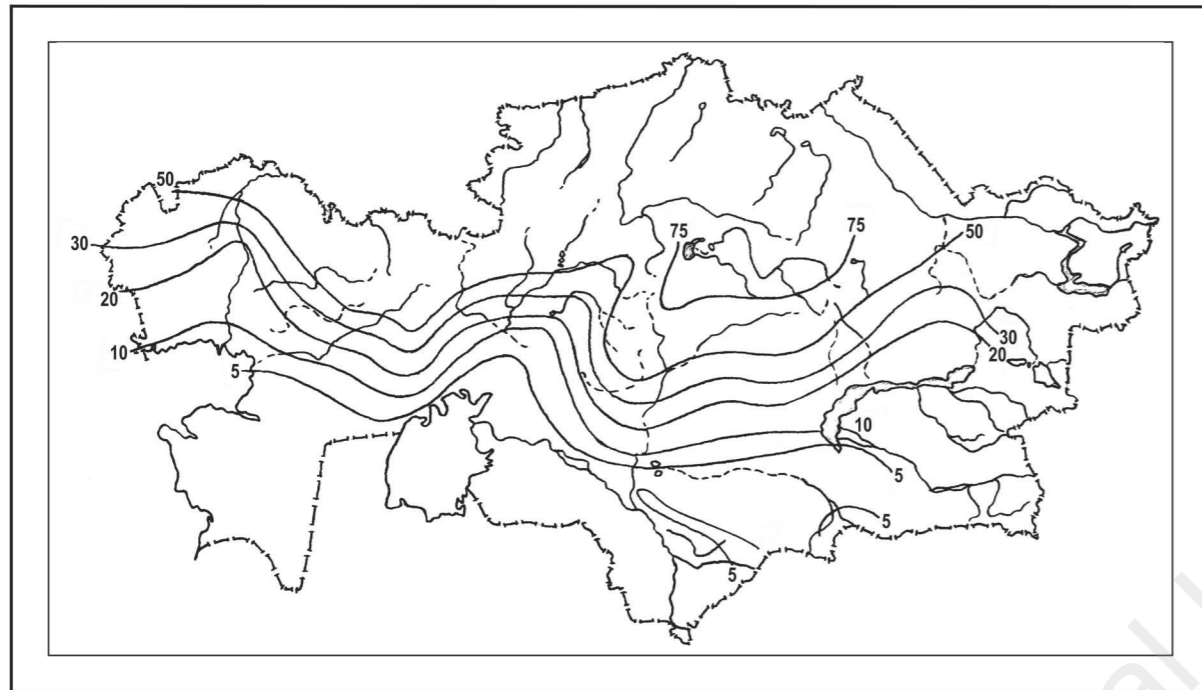
Максимальное число невыпасных дней для овец по погодным условиям зимы
(по: Федосеев, 1959)

43 Мал жаюға қолайсыз күндері көп болатын қыстың түсу ықтималдығы ≥ 30 күн, %
([Федосеев, 1953] бойынша)

Probability of winters with duration of non-grazing periods by weather conditions ≥ 30 days, %
(on: [Fedoseev, 1953])

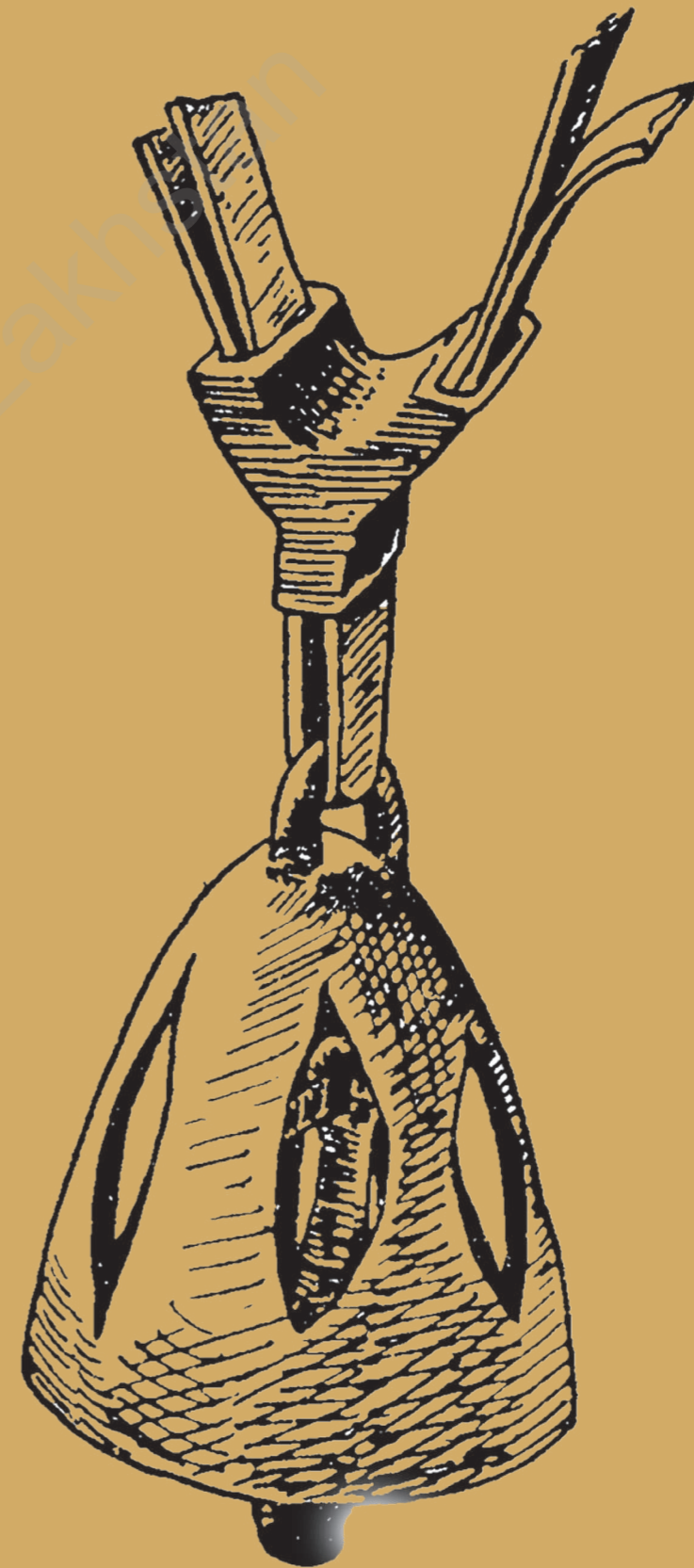
Вероятность зим с продолжительностью невыпасных периодов по погодным условиям ≥ 30 дней, %
(по: Федосеев, 1953)

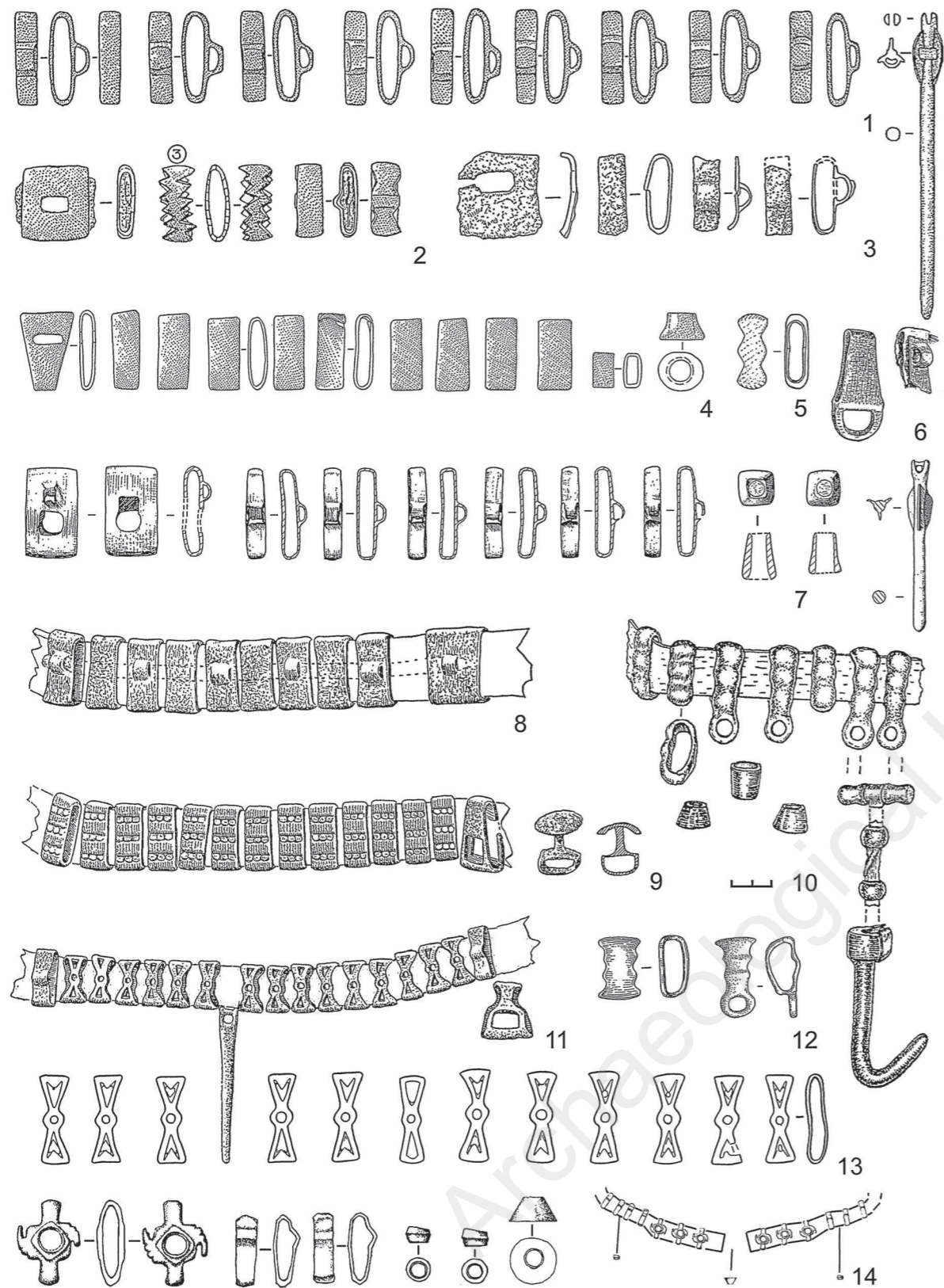

44 Мал жаюға қолайсыз күндері көп болатын қыстың түсу ықтималдығы ≥ 60 күн, %.
 ([Федосеев, 1953] бойынша)

Probability of winters with duration of non-grazing periods by weather conditions ≥ 60 days, %
 (on: [Fedoseev, 1953])

Вероятность зим с продолжительностью невыпасных периодов по погодным условиям ≥ 60 дней, %
 (по: Федосеев, 1953)

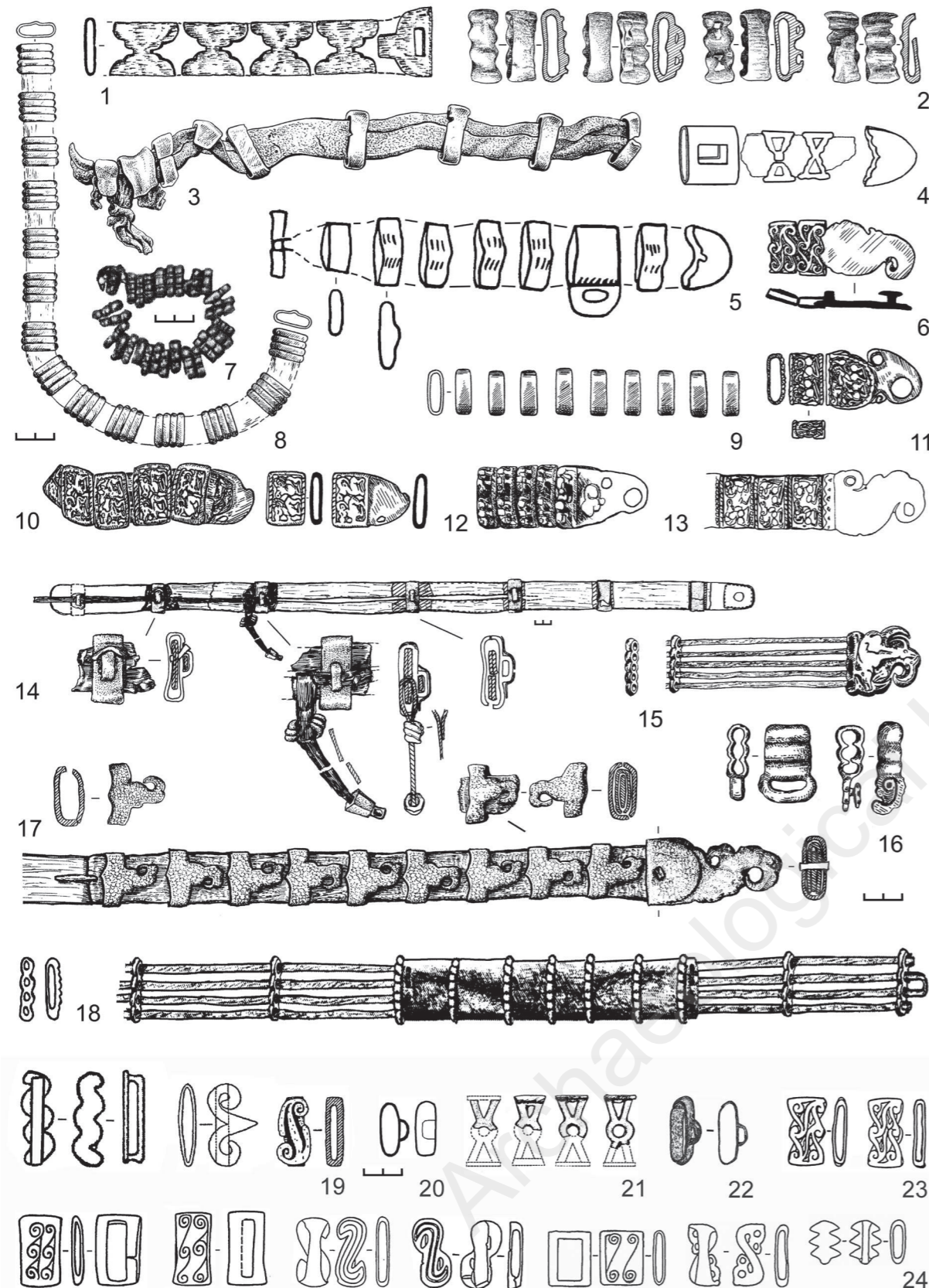

45 Орал сыртының оңтүстігі, Арал бойы, Солтүстік және Орталық Қазақстанның ерте сақ дәуіріне тән белдік жиынтықтары: 1 – Бобровский обасы, 4 қорған; 2 – кездейсоқ табылған зат, Челябинск облысының Троицк ауданы; 3 – Варнендік қорғандар тобы, 4 қорған; 4 – Николаевка II обасы, 1 қорған; 5 – Челябинск облысы Троицк ауданындағы Осиповка селосының маңы, кездейсоқ табылған зат; 6 – Тасмола VI обасы, 1 қорған; 7 – Иртыш 14 қорғандар тобы, 2 қорған, 3 қабір; 8 – Нұрманбет IV обасы, 1 қорған; 9 – Нұрманбет IV обасы, 3 қорған; 10 – Майкөбен 3 обасы, 12 қорған; 10 – Тасмола II обасы, 1 қорған; 12 – Оңтүстік Түгіскен обасы, 42 қорған; 13 – Алыпқаш обасы, 2 қорған; 14 – Тегісжол обасы, 27 қорған, 1 қабір. 1, 2, 4–12 – қола; 3 – темір. 6, 8, 9, 11 – (Марғұлан және басқалар, 1966) бойынша; 10 – (Бейсенов, 2001) бойынша; 12 – (Итина, Яблонский, 1997) бойынша; 13 – (Хабдулина, 1994) бойынша; 14 – (Варфоломеев, 2011) бойынша

Set-up belts of the Early Saka period of the Southern Trans-Urals area, Aral Sea, North and Central Kazakhstan: 1 - burial ground Bobrovsky, Kurgan 4; 2 - random finding, Troitsky district, Chelyabinsk region; 3 - Varna group of burial mounds, kurgan 4; 4 - Burial ground Mykolaivka II, mound 1; 5 - neighborhood of the village Osipovka of the Troitsky district of the Chelyabinsk region, random finding; 6 - burial ground Tasmola VI, kurgan 1; 7 - kurgan group Irtyash 14, kurgan 2, burial 3; 8 - burial ground Nurmanbet IV, kurgan 1; 9 - burial ground Nurmanbet IV, kurgan 3; 10 - burial ground Maykuben 3, kurgan 12; 10 - burial ground Tasmola II, kurgan 1; 12 - burial ground South Tagisken, kurgan 42; 13 - burial ground Alypkash, kurgan 2; 14 - burial ground Tejszhol, kurgan 27, burial 1. 1, 2, 4-12 - bronze; 3 - iron. 6, 8, 9, 11 - on: (Margulan et al., 1966); 10 - on: (Beisenov, 2001); 12 - on: (Itina, Yablonsky, 1997); 13 - on: (Khabdulina, 1994); 14 - on: (Varfolomeev, 2011)

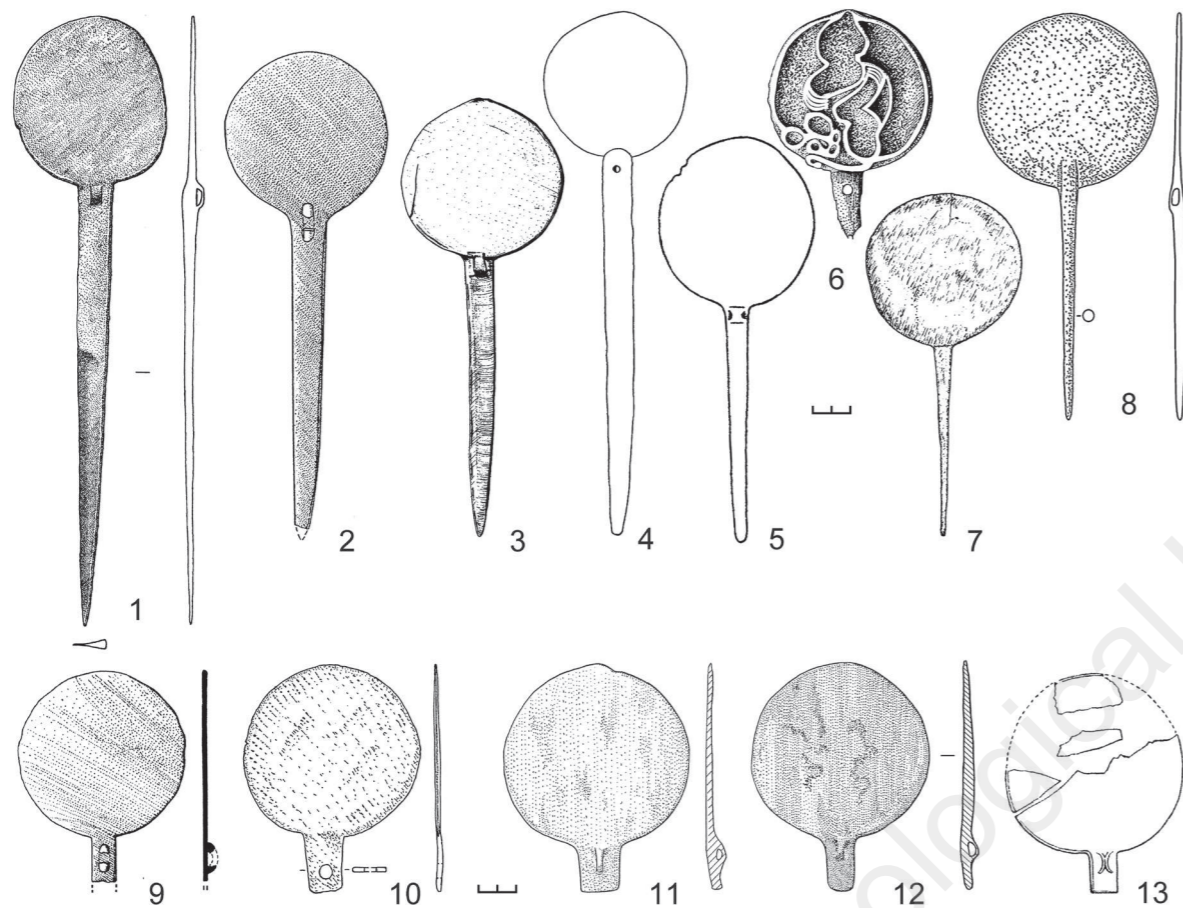
Наборные пояса раннесакского времени Южного Зауралья, Приаралья, Северного и Центрального Казахстана: 1 – могильник Бобровский, курган 4; 2 – Троицкий р-н Челябинской обл., случайная находка; 3 – Варненская группа курганов, курган 4; 4 – могильник Николаевка II, курган 1; 5 – окрестности с. Осиповка Троицкого р-на Челябинской обл., случайная находка; 6 – могильник Тасмола VI, курган 1; 7 – курганная группа Иртыш 14, курган 2, погребение 3; 8 – могильник Нурманбет IV, курган 1; 9 – могильник Нурманбет IV, курган 3; 10 – могильник Майкубен 3, курган 12; 10 – могильник Тасмола II, курган 1; 12 – могильник Южный Тагискен, курган 42; 13 – могильник Алыпқаш, курган 2; 14 – могильник Тегісжол, курган 27, погребение 1. 1, 2, 4–12 – бронза; 3 – железо. 6, 8, 9, 11 – по: Марғұлан и др., 1966; 10 – по: Бейсенов, 2001; 12 – по: Итина, Яблонский, 1997; 13 – по: Хабдулина, 1994; 14 – по: Варфоломеев, 2011

46 Ерте сақ дәуіріне тән белдік жиынтықтары: 1 – Пьяный Яр селосы маңындағы қорған; 2 –Тегермансу I обасы, 7 қорған; 3 – Можуташ II обасы, 4 қорған; 4 –Вавилово селосының маңындағы қорған; 5 – Кызык-Телань I обасы, 6 қорған; 6 – Демир-Суг II обасы, 1 қорған, 1 қабір; 7 –Усть-Кузнгин қолатындағы мола; 8, 9 – Старший Ахмыловский обасы, 704 қабір; 10 – Сыпучий Яр обасы, 4 қорған, 1 қабір; 11 – Усть-Хадынных I обасы, 4 қорған, 3 мола; 12, 13 – Аржан-2 қорғаны, ілеспелі еркек молалары; 14 – Гилево-10 обасы, 9 қабір шұңқыры; 15 –Тасмола V обасы, 3 қорған; 16 – Ұйғарақ обасы, 14 қорған; 17 – Гилево-10 обасы, 12 қабір шұңқыры; 18 – Жол-Құдық обасы, 9 қорған; 19 – Шыңжаң обалары; 20 –Аксуат I обасы, 4 қорған; 21 – Аксуат I обасы, 4а қорған, 2 қабір; 22 – Баршатас селосы, кездейсоқ табылған зат; 23, 24 – обасы Юйхуанмяо. 1 – күміс; 2–14, 16, 17, 19–24 – қола; 15, 18 – сүйек. 1 – (Алехин және басқалар, 1992) бойынша; 2, 3 –(Литвинский, 1972) бойынша; 4 – (Киселев, 1951) бойынша; 5 – (Суразаков, 1983) бойынша; 6, 10 – (Семенов, 2001) бойынша; 7 – (Гришин, 1981) бойынша; 8, 9 –(Патрушев, Халиков, 1982) бойынша; 11 – (Виноградов, 1980; Семенов, 2001) бойынша, 12, 13 – (Аржан..., 2004; Рукавишникова, 2006) бойынша; 14, 15, 17, 18 –(Шульга, 2007) бойынша; 16 –(Вишневская, 1973) бойынша; 19 – (Шульга, 2010) бойынша; 20 –(Оралбай, 2013) бойынша; 21 – (Кариев, Оралбай, 2013) бойынша; 22 – Бесетаев бойынша, 2016); 23, 24 – (Шульга, 2015) бойынша

Belt of the early Saka time: 1 - kurgan near the village Pyanyi Yar; 2 - burial ground Tegermans I, kurgan 7; 3 - burial ground Mozhutash II, kurgan 4; 4 - kurgan near the village Vavilovo; 5 - burial ground Kizyk-Telan I, kurgan 6; 6 - burial ground Demir-Sug II, kurgan 1, burial 1; 7 - grave in the Ust-Cuenginsky padi; 8, 9 - Senior Ahmylov burial ground, burial 704; 10 - Burial ground Sypuchi Yar, kurgan 4, burial 1; 11 - burial ground Ust-Khadyny I, kurgan 4, tomb 3; 12, 13 - kurgan Arzhan-2, male accompanying graves; 14 - burial ground Gilevo-10, grave pit 9; 15 - burial ground Tasmola V, kurgan 3; 16 - burial ground Uigarak, kurgan 14; 17 - burial ground Gilevo-10, grave pit 12; 18 - burial ground Jol-Kuduk, kurgan 9; 19 - burial ground in Xinjiang; 20 - burial ground Aksuat I, kurgan 4; 21 - burial ground Aksuat I, kurgan 4a, burial 2; 22 - v. Barshatas, random finding; 23, 24 - burial ground of Yuihuangmiao. 1 - silver; 2-14, 16, 17, 19-24 - bronze; 15, 18 - bone. 1 - on: (Alekhin et al., 1992); 2, 3 - on: (Litvinsky, 1972); 4 - on: (Kiselev, 1951); 5 - on: (Surazakov, 1983); 6, 10 - on: (Semenov, 2001); 7 - on: (Grishin, 1981); 8, 9 - on (Patrushev, Khalikov, 1982); 11 - on: (Vinogradov, 1980; Semenov, 2001), 12, 13 - on: (Arzhan ..., 2004; Rukavishnikova, 2006); 14, 15, 17, 18 - on: (Shulga, 2007); 16 - on: (Vishnevskaya, 1973); 19 - on: (Shulga, 2010); 20 - on: (Oralbai, 2013); 21 - on: (Kariev, Oralbai, 2013); 22 - on Besetaev, 2016); 23, 24 - on: (Shulga, 2015)

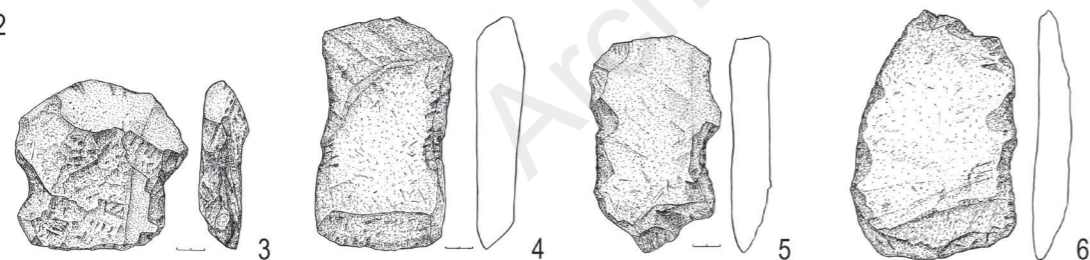
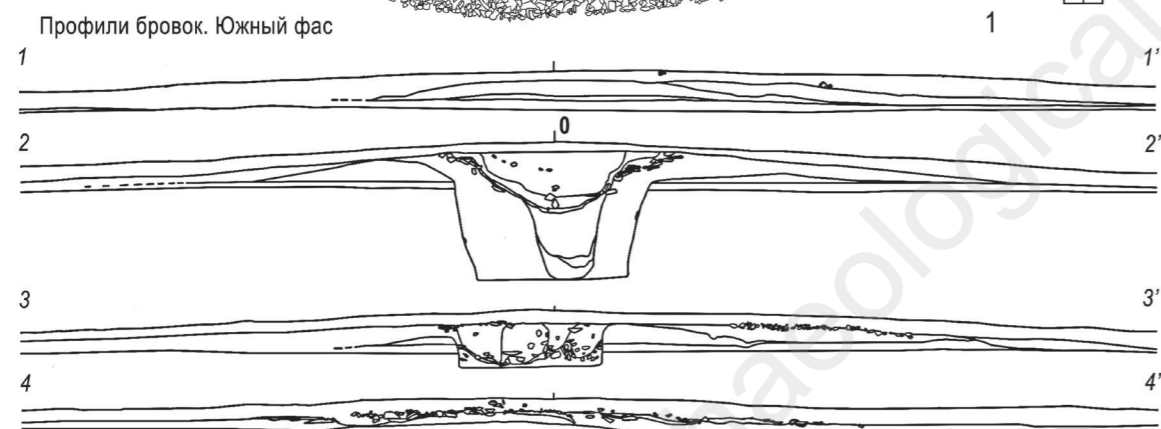
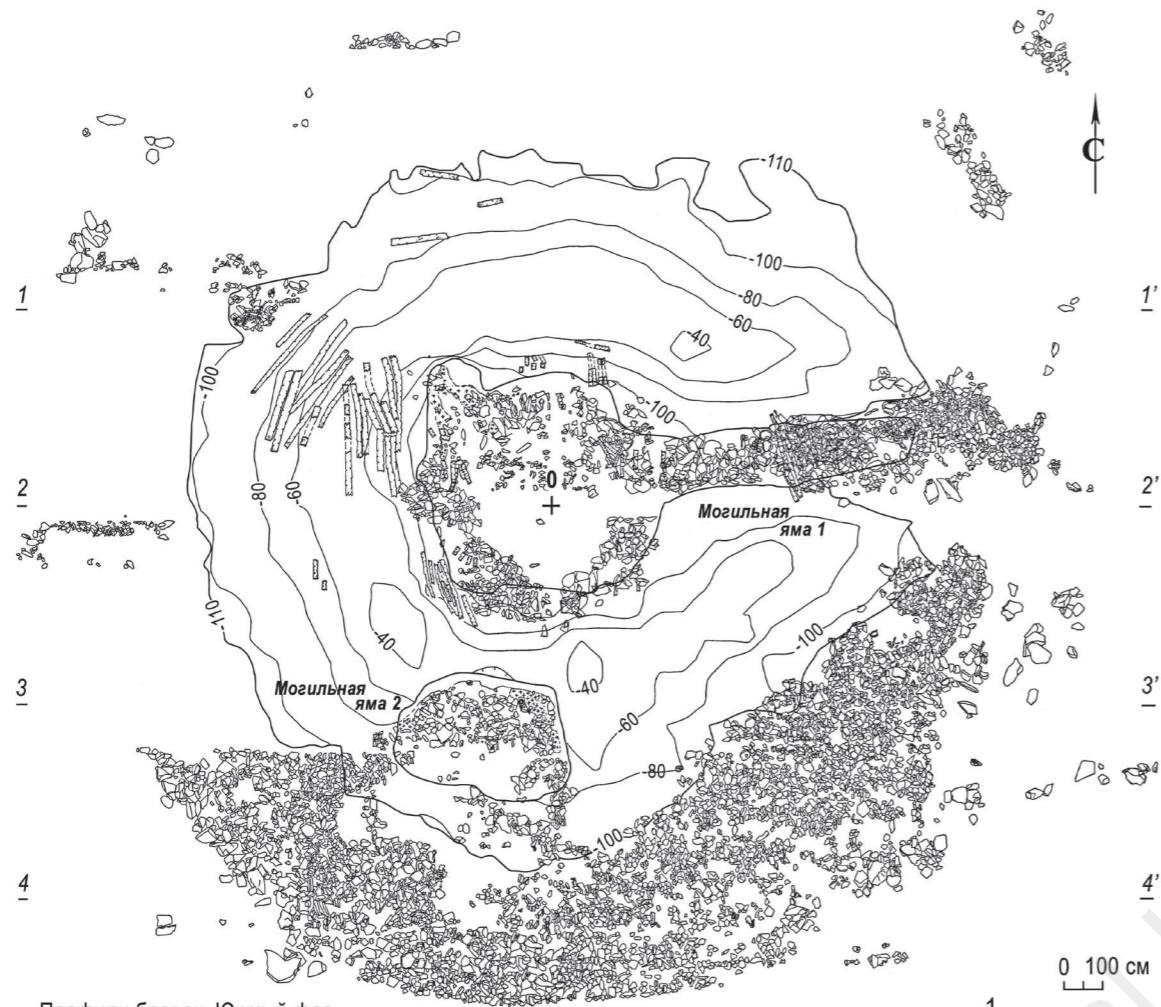
Наборные пояса раннесакского времени: 1 – курган у с. Пьяный Яр; 2 – могильник Тегермансу I, курган 7; 3 – могильник Можуташ II, курган 4; 4 – курган у с. Вавилово; 5 – могильник Кызык-Телань I, курган 6; 6 – могильник Демир-Суг II, курган 1, погребение 1; 7 – могила в Усть-Кузнгинской пади; 8, 9 – Старший Ахмыловский могильник, погребение 704; 10 – могильник Сыпучий Яр, курган 4, погребение 1; 11 – могильник Усть-Хадынных I, курган 4, могила 3; 12, 13 – курган Аржан-2, мужские сопроводительные могилы; 14 – могильник Гилево-10, могильная яма 9; 15 – могильник Тасмола V, курган 3; 16 – могильник Уйгарак, курган 14; 17 – могильник Гилево-10, могильная яма 12; 18 – могильник Жол-Кудук, курган 9; 19 – могильники Синьцзяна; 20 – могильник Аксуат I, курган 4; 21 – могильник Аксуат I, курган 4а, погребение 2; 22 – с. Баршатас, случайная находка; 23, 24 – могильник Юйхуанмяо. 1 – серебро; 2–14, 16, 17, 19–24 – бронза; 15, 18 – кость. 1 – по: Алехин и др., 1992; 2, 3 – по: Литвинский, 1972; 4 – по: Киселев, 1951; 5 – по: Суразаков, 1983; 6, 10 – по: Семенов, 2001; 7 – по: Гришин, 1981; 8, 9 – по: Патрушев, Халиков, 1982; 11 – по: Виноградов, 1980; Семенов, 2001; 12, 13 – по: Аржан..., 2004; Рукавишникова, 2006; 14, 15, 17, 18 – по: Шульга, 2007; 16 – по: Вишневская, 1973; 19 – по: Шульга, 2010; 20 – по: Оралбай, 2013; 21 – по: Кариев, Оралбай, 2013; 22 – по: Бесетаев, 2016; 23, 24 – по: Шульга, 2015

47 Ерте сақ дәуірінің пышақ және істік тәрізді бүйір тұтқалары бар қола «айналары» және бүйір тұтқалары қысқа болып келген айналары: 1 – Едірей-3 обасы, 3 қорған; 2 – Бобровский обасы, 4 қорған; 3 – Иртыш 14 қорғандар тобы, 2 қорған, 3 қабір; 4 – Ұйғарақ обасы, 21 қорған; 5 – Маринское, Солтүстік Қазақстан; 6 – Измайловка селосы, қорған; 7 – Пьяный Яр селосы маңайындағы қорған; 8 – Кичигино I обасы, 5 қорған, 1 қабір шұңқыры; 9 – Давлетшино обасы, 1 қорған; 10 – Троицк ауданы, кездейсоқ табылған зат; 11 – Графские развалины обасы, 9 қорған; 12 – Қоңырсу обасы, 2 қорған; 13 – Вавилово селосының маңайындағы қорған. 1 – (Бейсенов, Исмагулова, 2007) бойынша; 4 – (Вишневецкая, 1973) бойынша; 5 – (Грязнов, 1956) бойынша; 6 – (Ермолаева, 1985) бойынша; 7 – (Алехин және басқалар, 1992) бойынша; 9 – (Савельев, 2000) бойынша; 11, 12 – (Хабдулина, 1994) бойынша; 13 – (Киселев, 1951) бойынша

Early Saka bronze «mirrors» with a side handle in the form of a knife and a pin and a mirror with a short side handle: 1 - burial ground Yedirei-3, kurgan 3; 2 - burial ground Bobrovsky, kurgan 4; 3 - kurgan group Irtyash 14, kurgan 2, burial 3; 4 - burial ground Uigarak, kurgan 21; 5 - Marinskoye, North Kazakhstan; 6 - v. Izmailovka, kurgan; 7 - kurgan near the village Pyanyi Yar; 8 - burial ground Kichigino I, kurgan 5, grave pit 1; 9 - burial ground Davletshino, kurgan 1; 10 - Troitsky district, random finding; 11 - burial ground Grafskie razvaliny, kurgan 9; 12 - burial ground Konursu, kurgan 2; 13 - kurgan near the village Vavilovo. 1 - on: (Beisenov, Ismagulova, 2007); 4 - on: (Vishnevskaya, 1973); 5 - on: (Gryaznov, 1956); 6 - on: (Ermolaeva, 1985); 7 - on: (Alekhin et al., 1992); 9 - on: (Saveliev, 2000); 11, 12 - on: (Khabdulina, 1994); 13 - on: (Kiselev, 1951)

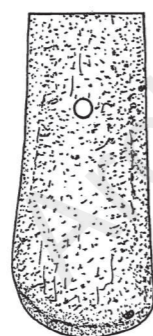
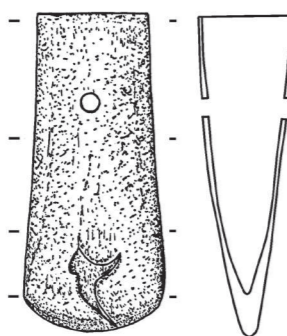
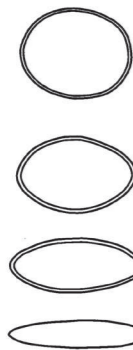
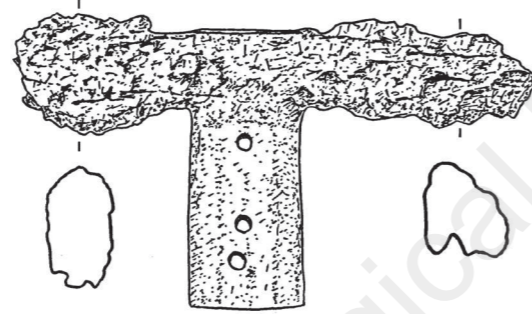
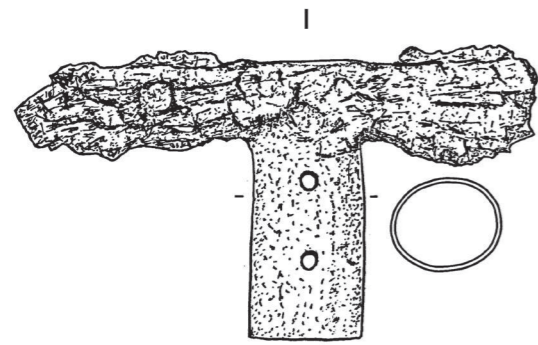
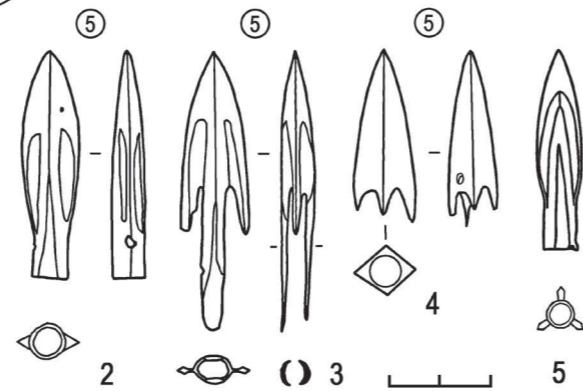
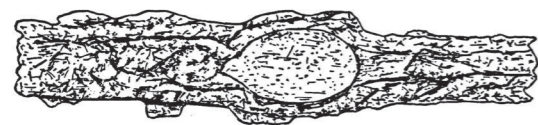
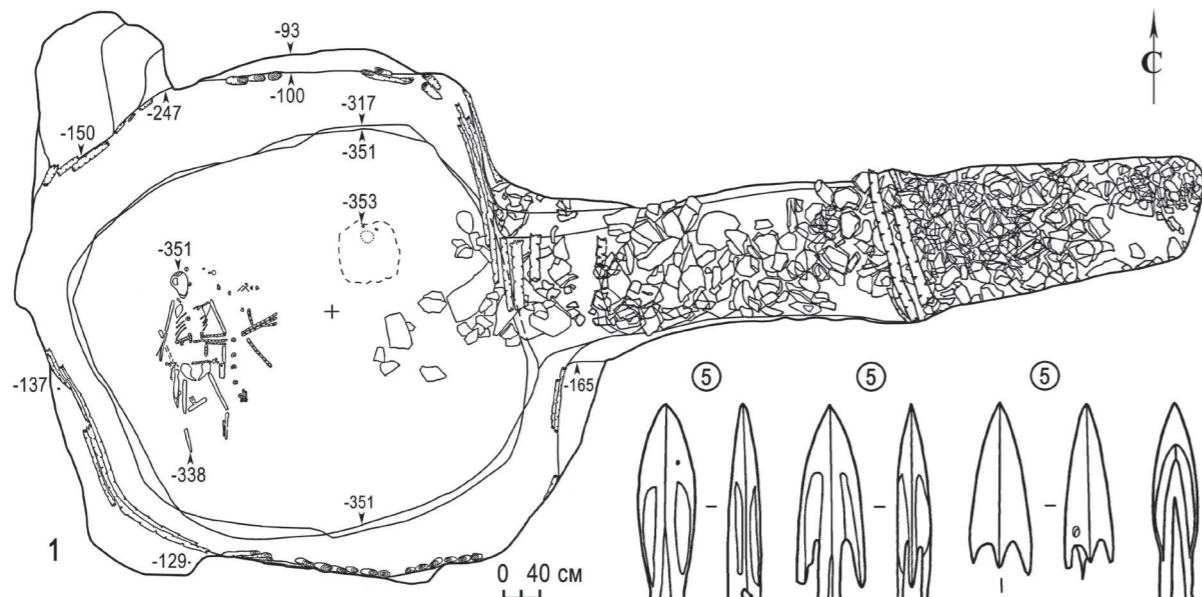
Раннесакские бронзовые «зеркала» с боковой ручкой в виде ножа и штыря и зеркала с короткой боковой ручкой: 1 – могильник Едірей-3, курган 3; 2 – могильник Бобровский, курган 4; 3 – курганная группа Иртыш 14, курган 2, погребение 3; 4 – могильник Ұйғарақ, курган 21; 5 – с. Маринское, Северный Қазақстан; 6 – с. Измайловка, курган; 7 – курган у с. Пьяный Яр; 8 – могильник Кичигино I, курган 5, могильная яма 1; 9 – могильник Давлетшино, курган 1; 10 – Троицкий р-н, случайная находка; 11 – могильник Графские развалины, курган 9; 12 – могильник Конурсу, курган 2; 13 – курган у с. Вавилово. 1 – по: Бейсенов, Исмагулова, 2007; 4 – по: Вишневецкая, 1973; 5 – по: Грязнов, 1956; 6 – по: Ермолаева, 1985; 7 – по: Алехин и др., 1992; 9 – по: Савельев, 2000; 11, 12 – по: Хабдулина, 1994; 13 – по: Киселев, 1951

48 Кичигино I обасы, 5 қорған. 1 – жалпы жоспары; 2 – жиектің пішіні; 3–6 – шығарылған үйіндінің солтүстік бөлігінен табылған заттар. 3–6 – тас

Burial ground Kichigino I, kurgan 5. 1 - general plan; 2 - profiles of the pins; 3-6 - findings in the northern part of the throwing shaft. 3-6 - stone

Могильник Кичигино I, курган 5. 1 – общий план; 2 – профили бровок; 3–6 – находки в северной части вала-выкида. 3–6 – камень

7

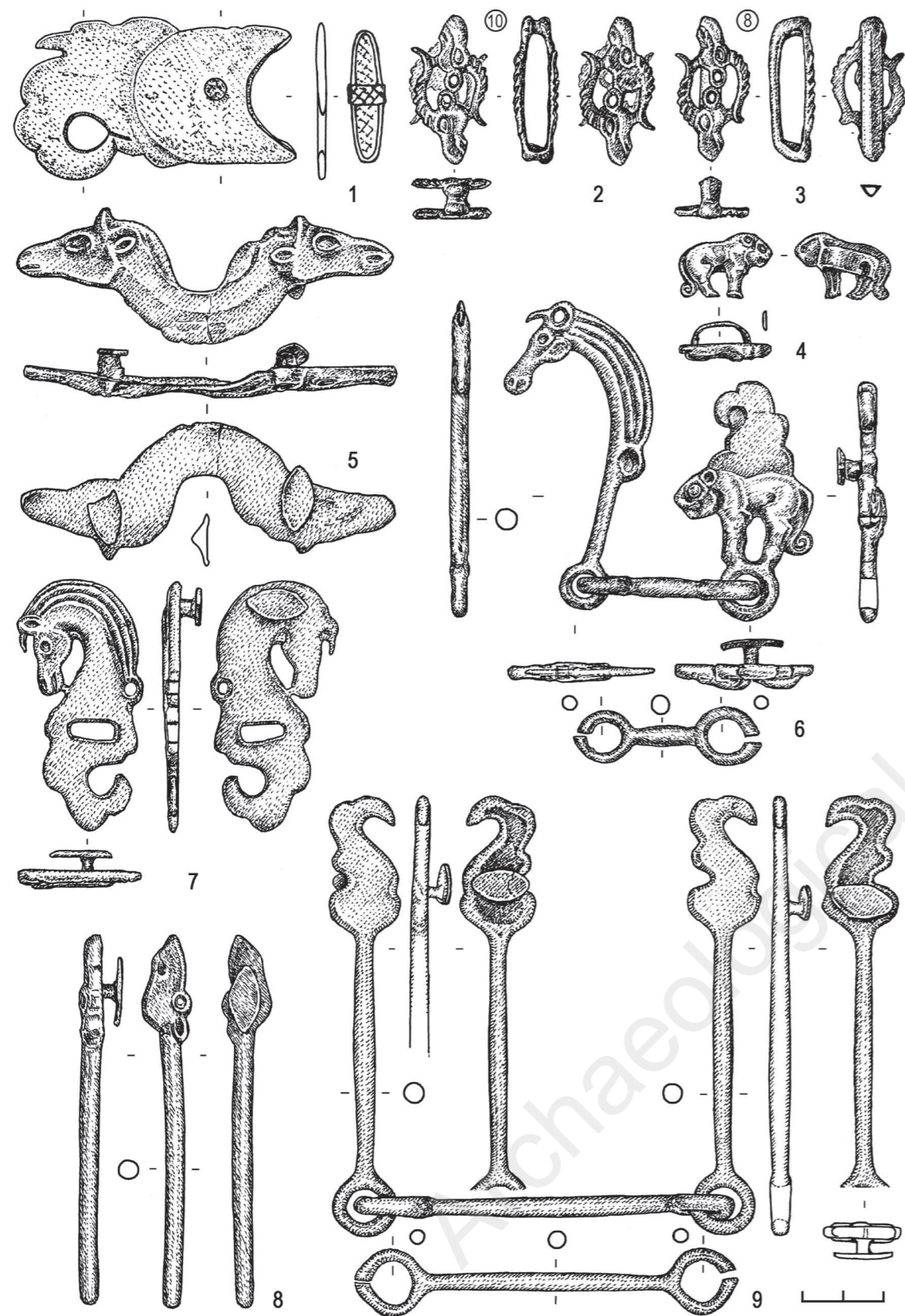

8

49 Кичигино I обасы, 5 қорған, 1 қабір шұңқыры. 1 – қабір шұңқырының жоспары; 2–8 – құрал-жабдықтар. 2–5, 7 – қола; 6 – қола, темір; 8 – тас

Burial ground Kichigino I, kurgan 5, grave pit 1. 1 - grave pit plan; 2-8 - inventory. 2-5, 7 - bronze; 6 - bronze, iron; 8 - stone

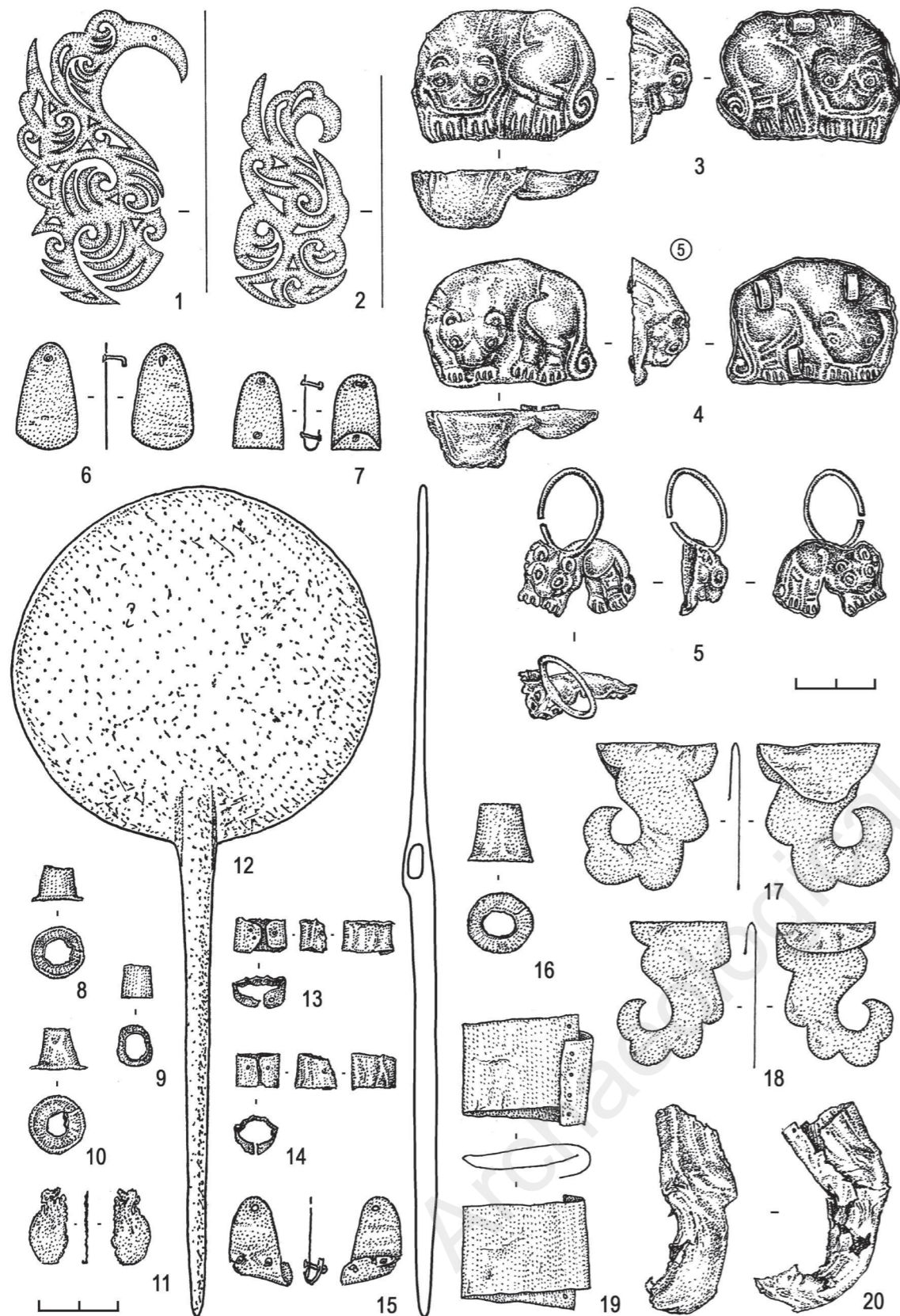
Могильник Кичигино I, курган 5, могильная яма 1. 1 – план могильной ямы; 2–8 – инвентарь. 2–5, 7 – бронза; 6 – бронза, железо; 8 – камень

50 Кичигино I обасы, 5 қорған, 1 қабір шұңқыры. Белдік жиынтығы. 1-9 – қола

Burial ground Kichigino I, kurgan 5, grave pit 1. Belts. 1-9 – bronze

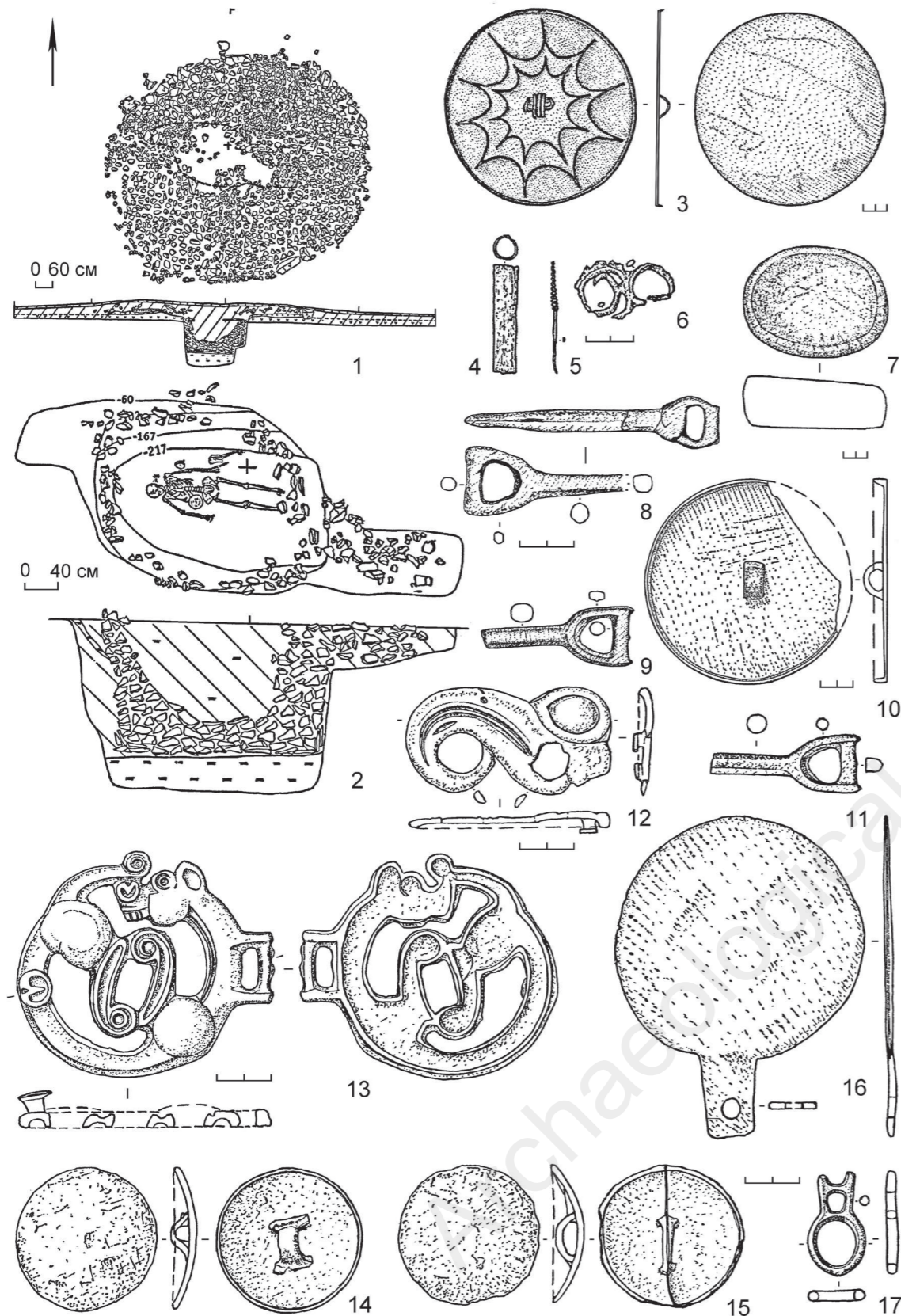
Могильник Кичигино I, курган 5, могильная яма 1. Поясной набор. 1-9 – бронза

51 Кичигино I обасы, 5 қорған, 1 қабір шұңқыры. Құрал-жабдықтар. 1–11, 13–20 – алтын; 12 – қола

Burial ground Kichigino I, kurgan 5, grave pit 1. Inventory. 1–11, 13–20 - gold; 12 – bronze

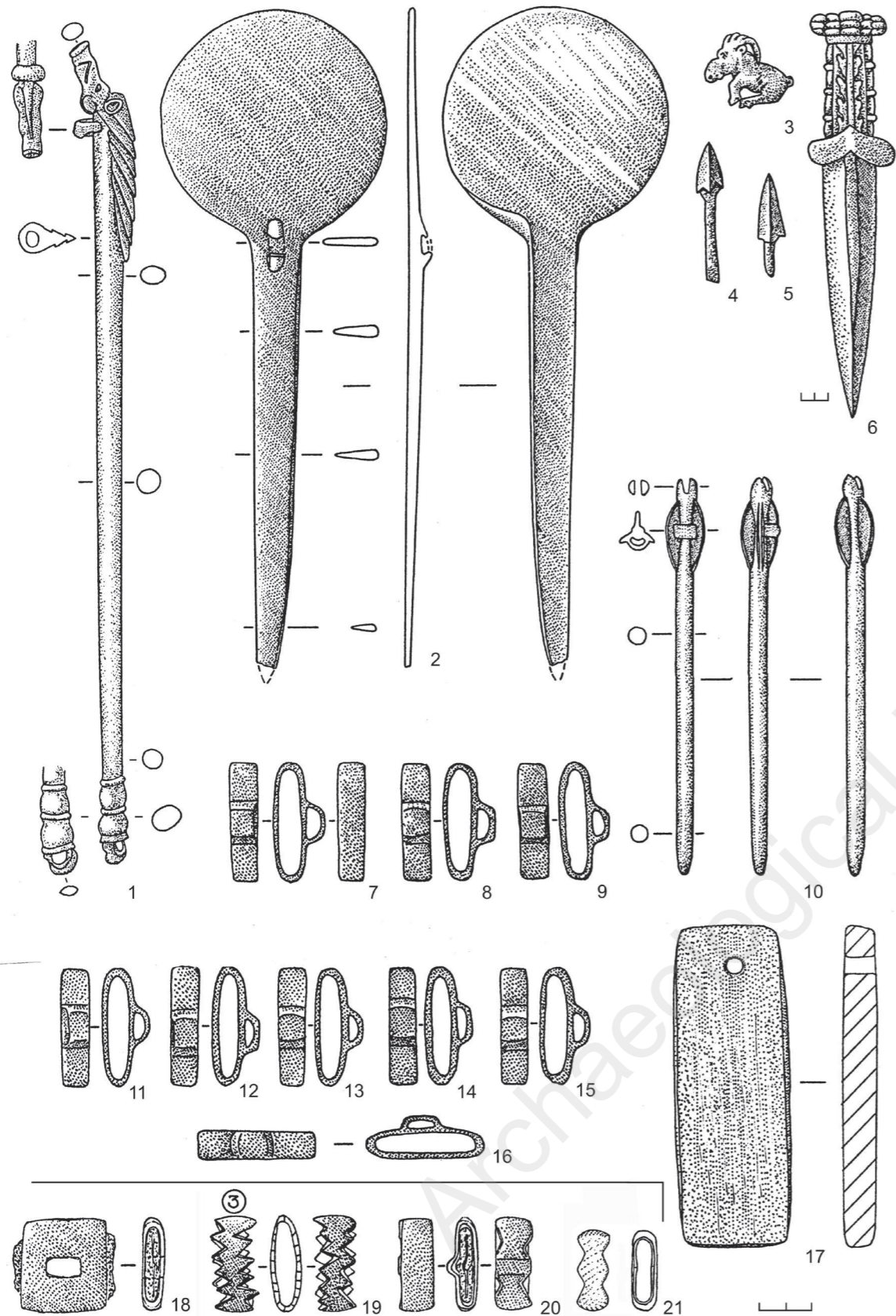
Могильник Кичигино I, курган 5, могильная яма 1. Инвентарь. 1–11, 13–20 – золото; 12 – бронза

52 Орал сыртының оңтүстігінің б.д.д. VII-VI ғғ. жерлеу кешендері мен кездейсоқ табылған заттары: 1-7 – Құмкөл обасы, қорған 3; 8, 11, 16, 17 – Челябинск облысының Троицк ауданы, кездейсоқ табылған заттар; 9 – Хомутинино селосы (Челябинск облысының Увельский ауданы), кездейсоқ табылған зат; 10 – Бобровский обасы (Челябинск облысының Троицк ауданы), кездейсоқ табылған зат; 12-15 – Травакуль көлі, кездейсоқ табылған зат. 3, 5, 8-17 – қола; 4 – сүйек; 6 – қорғасын, қалайы; 7 – тас. 1-7 – (Боталов және басқалар, 2016) бойынша

Burial complexes and random findings of VII-VI cc BC South Trans-Ural Region: 1-7 - burial ground Kumkul, kurgan 3; 8, 11, 16, 17 - Troitsky district of the Chelyabinsk region, random findings; 9 - v. Khomutinino (Uvelsky district, Chelyabinsk region), random finding; 10 - burial ground Bobrovsky (Troitsky district, Chelyabinsk region), random finding; 12-15 - Lake Travakul, random finding 3, 5, 8-17 - bronze; 4 - bone; 6 - lead, tin; 7 - stone. 1-7 - on: (Botalov et al., 2016)

Погребальные комплексы и случайные находки VII-VI вв. до н. э. Южного Зауралья: 1-7 – могильник Кумкуль, курган 3; 8, 11, 16, 17 – Троицкий р-н Челябинской обл., случайные находки; 9 – с. Хомутинино Увельского р-на Челябинской обл., случайная находка; 10 – могильник Бобровский, Троицкий р-н Челябинской обл., случайная находка; 12-15 – оз. Травакуль, случайная находка. 3, 5, 8-17 – бронза; 4 – кость; 6 – свинец, олово; 7 – камень. 1-7 – по: Боталов и др., 2016

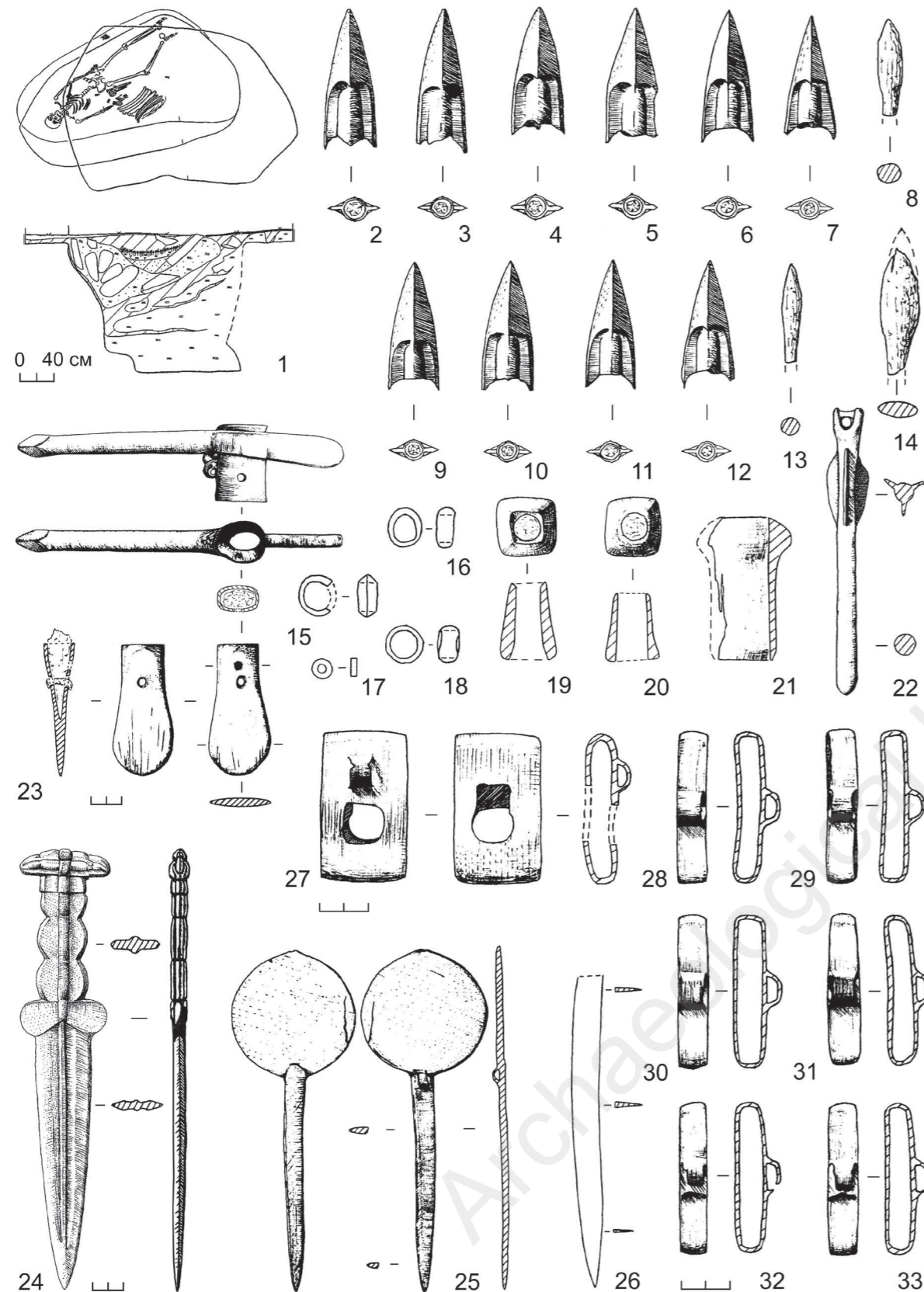

53 Бобровский обасының 4 қорғанынан табылған құрал-жабдықтар (1–17) және Троицк ауданынан кездейсоқ табылған заттар (18–21): 1–16, 18–21 – қола; 17 – тас. 1, 2, 7–20 – (Боталов, Таиров, 1996) бойынша, 3–6 – (Матвеева Г. И., 1964) бойынша

Inventory of the kurgan 4, burial ground Bobrovsky (1-17) and random findings in the Troitsky district (18-21): 1-16, 18-21 - bronze; 17 - stone. 1, 2, 7-20 - on: (Botalov, Tairov, 1996), 3-6 - on: (Matveeva GI, 1964)

Инвентарь кургана 4 могильника Бобровский (1–17) и случайные находки в Троицком р-е (18–21): 1–16, 18–21 – бронза; 17 – камень. 1, 2, 7–20 – по: Боталов, Таиров, 1996; 3–6 – по: Матвеева Г.И., 1964

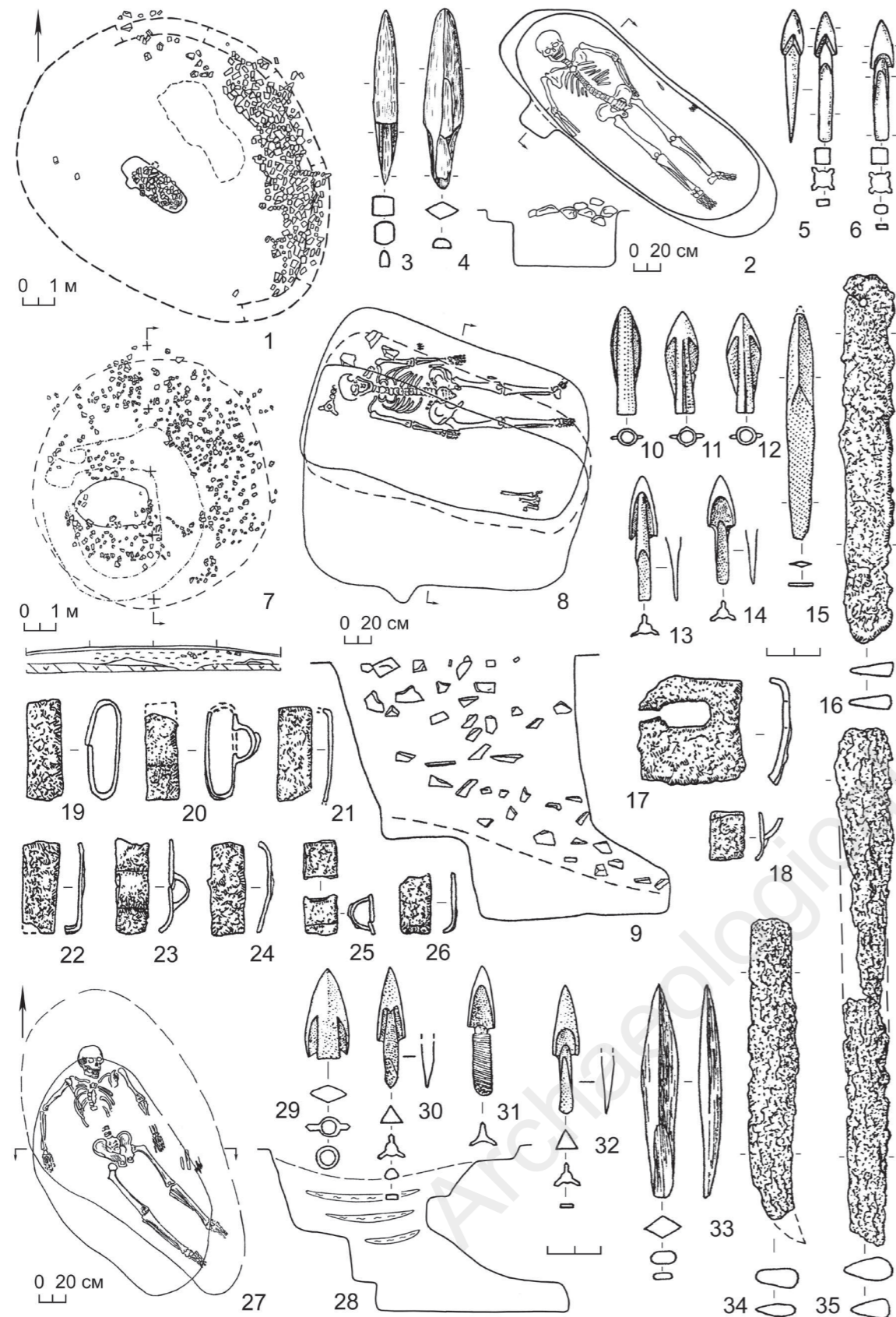

54 Иртыш 14 қорғандар тобы, 2 қорған, 3 қабірі: 1 – қабір шұңқырының жобасы мен қимасы; 2–33 – құрал-жабдықтар. 2–7, 9–12, 15, 16, 18–20, 22–25, 27–33 – қола; 8, 13, 14 – ағаш; 17 – шыны; 21 – сүйек; 26 – темір

Kurgan group Irtyash 14, kurgan 2, burial 3: 1 - plan and section of the grave pit; 2-33 - inventory. 2-7, 9-12, 15, 16, 18-20, 22-25, 27-33 - bronze; 8, 13, 14 - the tree; 17 - glass; 21 - bone; 26 - iron

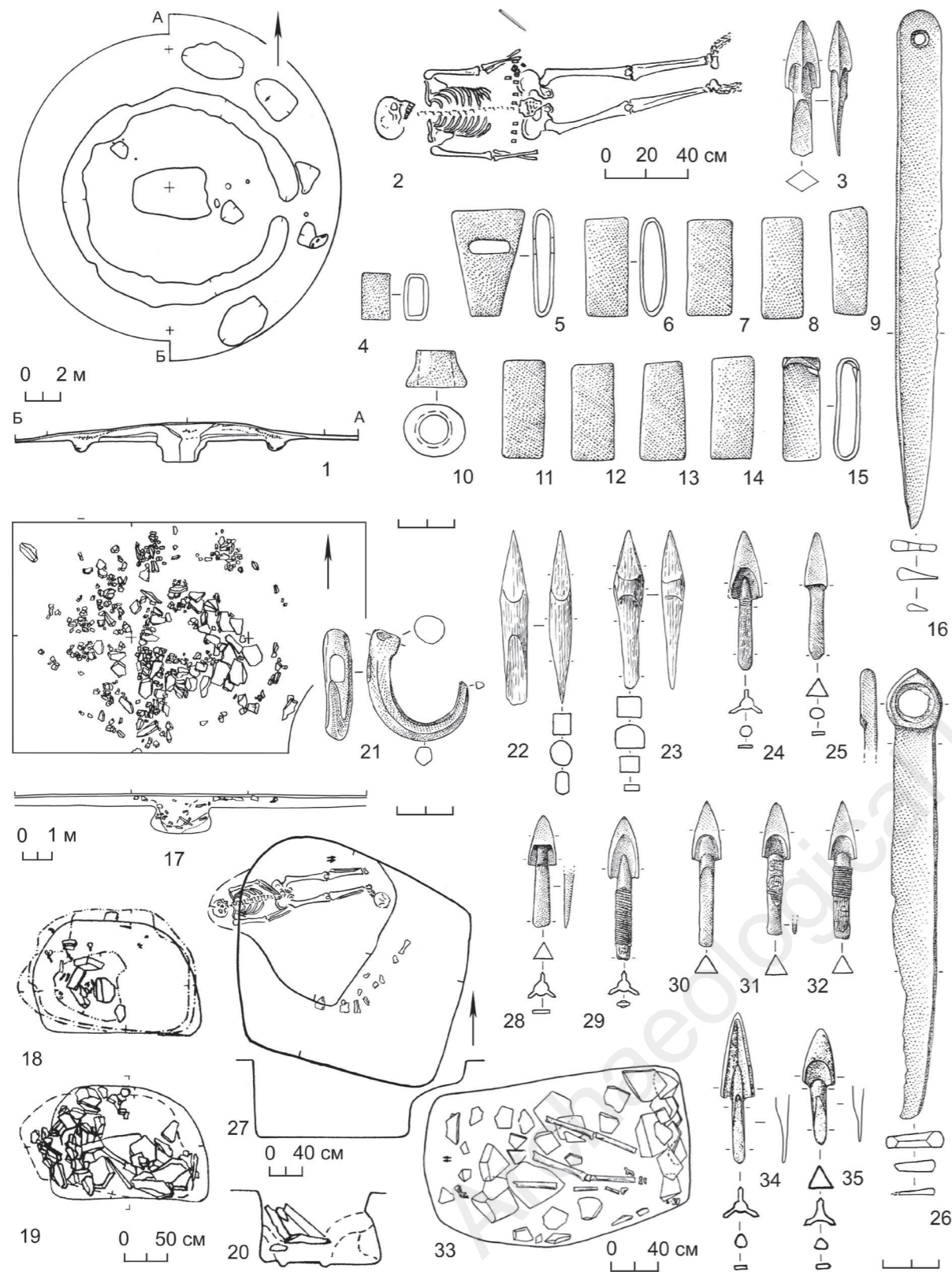
Курганная группа Иртыш 14, курган 2, погребение 3: 1 – план и разрез могильной ямы; 2–33 – инвентарь. 2–7, 9–12, 15, 16, 18–20, 22–25, 27–33 – бронза; 8, 13, 14 – дерево; 17 – стекло; 21 – кость; 26 – железо

55 Орал сыртының оңтүстігіндегі б.д.д. VII-VI ғғ. жерлеу кешендері: 1-26 – Варнендік қорғандар тобы (1-6 – 1 қорған; 7-26 – 4 қорған); 27-35 – Шатрово обасы, 1 қорған, 1 қабір шұңқыры, 2 қабір. 3, 4, 33 – сүйек; 5, 6, 10-15, 29-32 – қола; 16-26, 34, 35 – темір

Burial complexes of VII-VI cc BC South Trans-Ural: 1-26 - Varna group of kurgans (1-6 - kurgan 1, 7-26 - kurgan 4); 27-35 - burial ground Shatrovo, kurgan 1, burial pit 1, burial 2. 3, 4, 33 - bone; 5, 6, 10-15, 29-32 - bronze; 16-26, 34, 35 - iron

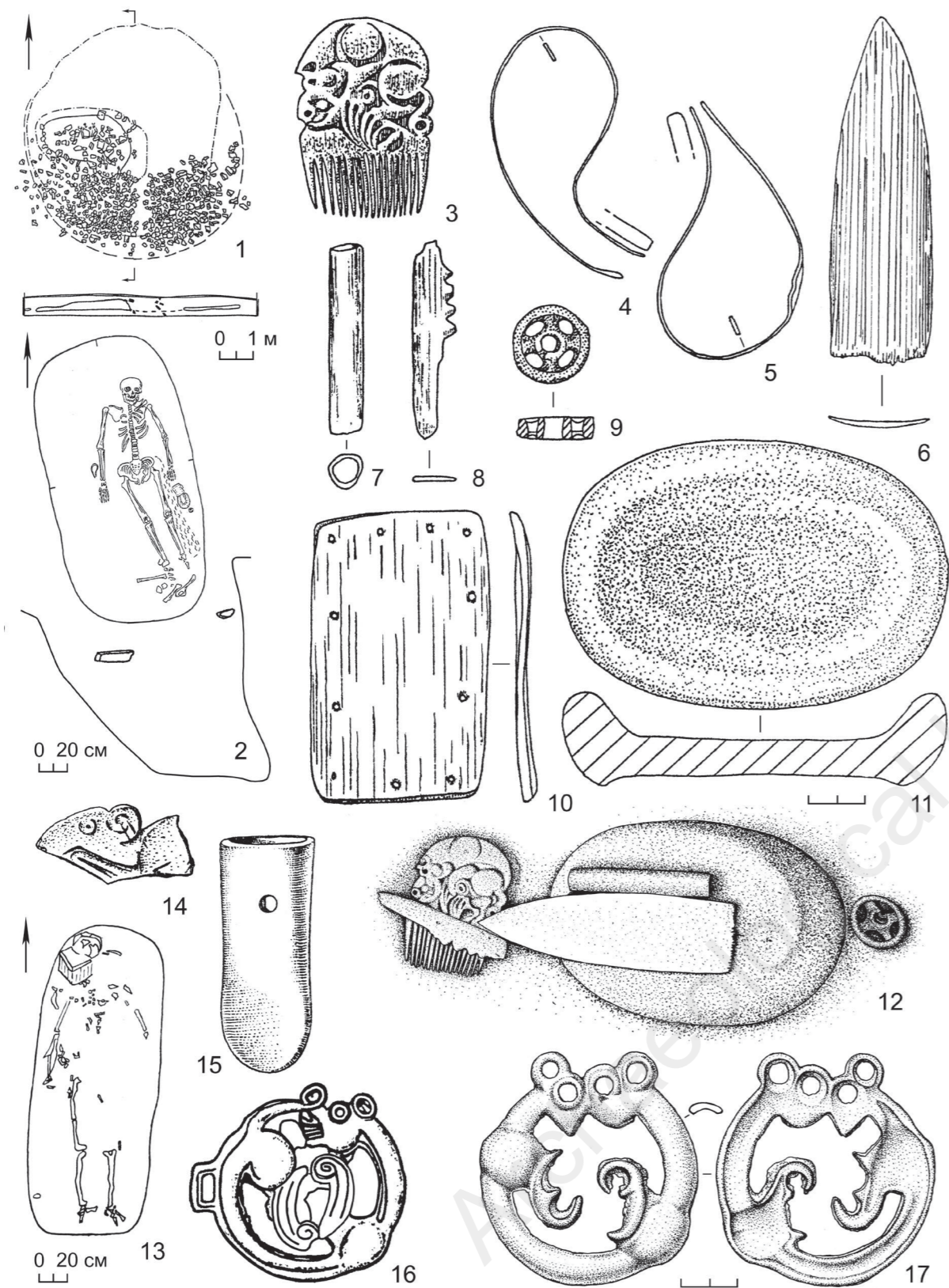
Погребальные комплексы VII-VI вв. до н. э. Южного Зауралья: 1-26 – Варненская группа курганов (1-6 – курган 1; 7-26 – курган 4); 27-35 – могильник Шатрово, курган 1, могильная яма 1, погребение 2. 3, 4, 33 – кость; 5, 6, 10-15, 29-32 – бронза; 16-26, 34, 35 – железо

56 Орал сыртының оңтүстігіндегі б.д.д. VII-VI ғғ. жерлеу кешендері: 1-16 – Николаевка II обасы, 1 қорған, 2 қабір; 17-26 – Путиловская Заимка I обасы, 4 құрылыс; 27-32 – Кесене жерлеу кешені, 12 қорған, 1 шұңқыр, 2 қабір; 33 – Лисаковский обасы, IV қазба, 1 қорған, 1 кіріс қабірі

Burial complexes of VII-VI cc BC South Trans-Ural area: 1-16 - burial ground Nikolaevka II, kurgan 1, burial 2; 17-26 - burial ground Putilovskaya I-Zaimka, construction 4; 27-32 - funeral complex Kesene, kurgan 12, pit 1, burial 2; 33 - burial ground Lisakovskiy, excavation IV, kurgan 1, opening burial

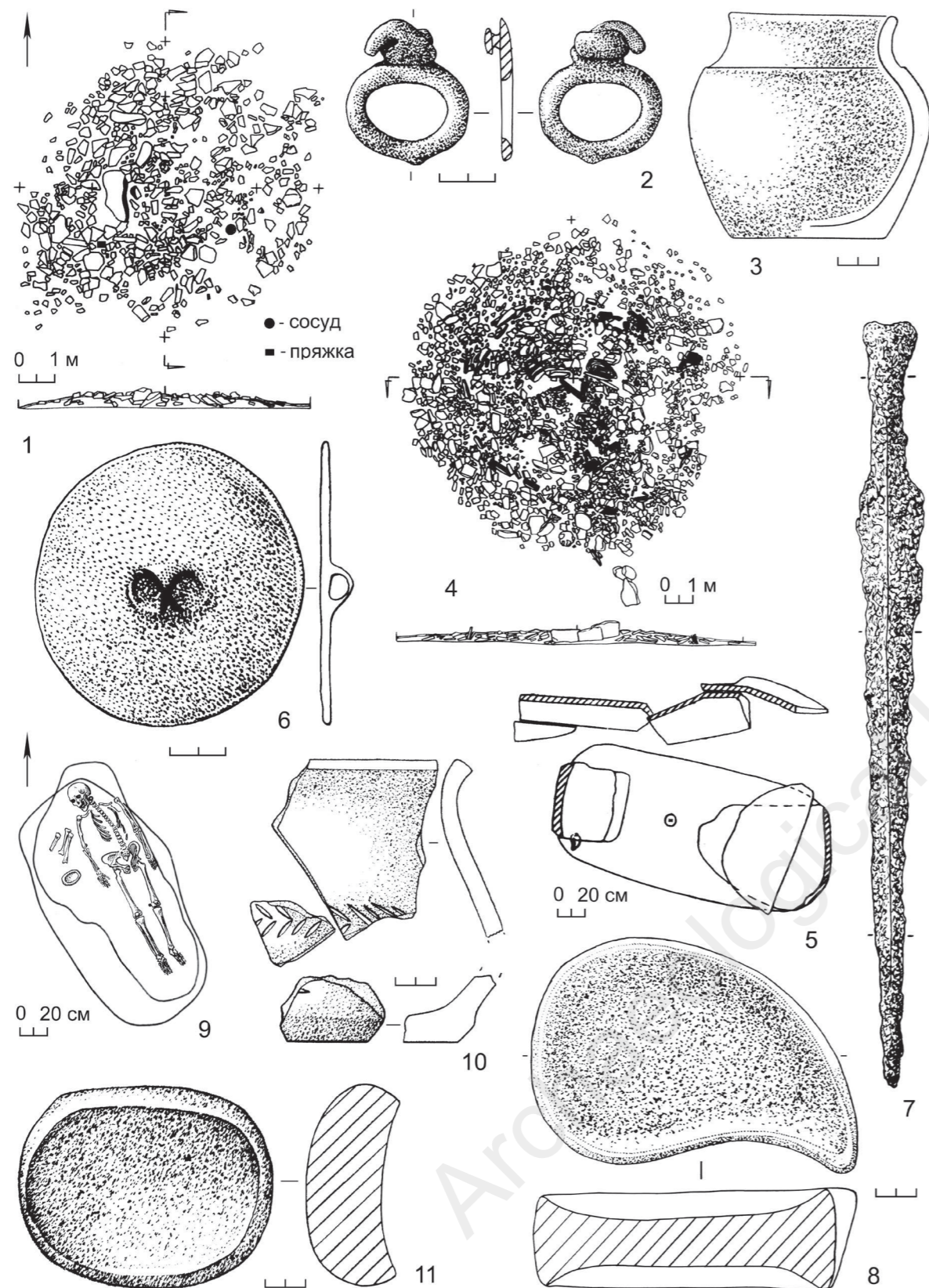
Погребальные комплексы VII-VI вв. до н. э. Южного Зауралья: 1-16 – могильник Николаевка II, курган 1, погребение 2; 17-26 – могильник Путиловская Заимка I, конструкция 4; 27-32 – погребальный комплекс Кесене, курган 12, яма 1, погребение 2; 33 – Лисаковский могильник, раскоп IV, курган 1, вводное погребение 1. 3-16, 21, 24-26, 28-32, 34, 35 – бронза; 22, 23 – кость

57 Орал сыртының оңтүстігіндегі б.д.д. VII-VI ғғ. жерлеу кешендері мен кездейсоқ табылған заттар: 1-12 – Варнендік қорғандар тобы, 2 қорған, 2 қабір; 13-15 – Березки-Vб қорған, 2 қабірі; 16 – Иртыш көлі, кездейсоқ табылған зат; 17 – Увильды көлі, кездейсоқ табылған зат. 3, 6, 7, 8, 10, 14 – сүйек; 4, 5 – алтын; 9, 15-17 – қола; 11 – тас. 13-15 – (Шорин, 1979) бойынша; 16 – (Политович, 1994; 2001) бойынша

Burial complexes and random findings of VII-VI cc BC South Trans-Ural: 1-12 - Varna group of kurgans, kurgan 2, burial ground 2; 13-15 - kurgan Birch-Vb, burial 2; 16 - Lake Irtyash, random finding; 17 - Lake Uvildy, random finding. 3, 6, 7, 8, 10, 14 - bone; 4, 5 - gold; 9, 15-17 - bronze; 11 - stone. 13-15 - on: (Shorin, 1979); 16 - on: (Polidovich, 1994; 2001)

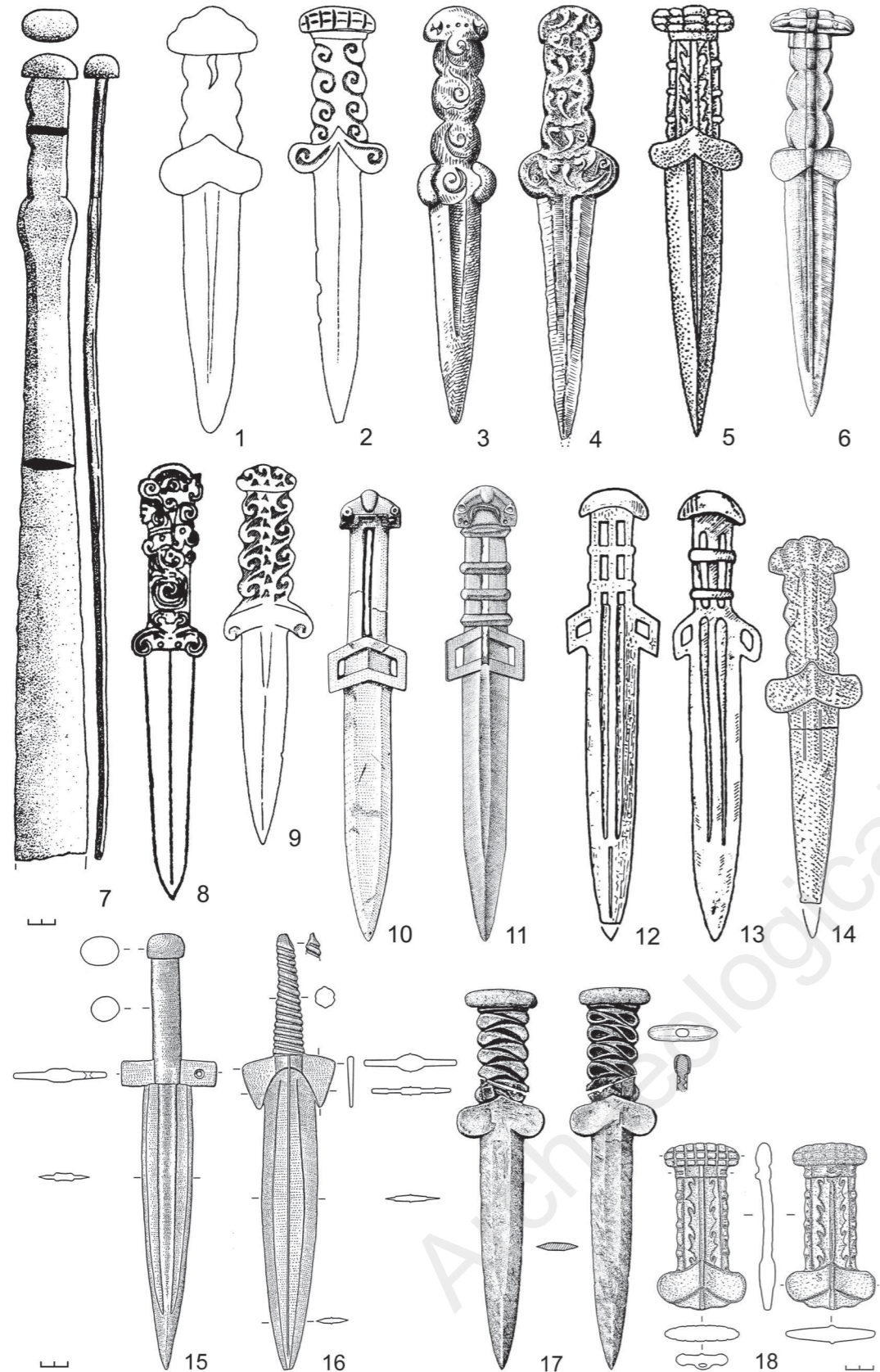
Погребальные комплексы и случайные находки VII-VI вв. до н. э. Южного Зауралья: 1-12 – Варненская группа курганов, курган 2, погребение 2; 13-15 – курган Березки-Vб, погребение 2; 16 – оз. Иртыш, случайная находка; 17 – оз. Увильды, случайная находка. 3, 6, 7, 8, 10, 14 – кость; 4, 5 – золото; 9, 15-17 – бронза; 11 – камень. 13-15 – по: Шорин, 1979; 16 – по: Политович, 1994; 2001

58 Орал сыртының оңтүстігіндегі б.д.д. VII-VI ғғ. жерлеу кешендері: 1-8 - Система I обасы (1-3 - 1 қорған; 4-8 - 17 қорған); 9-11 - Солнце-Талика обасы, 4 қорған, 1 қабір. 2, 6 - қола; 3, 10 - саз балшық; 7 - темір; 8, 11 - тас

Burial complexes of VII-VI cc BC South Trans-Ural: 1-8 - burial ground System I (1-3 - kurgan 1, 4-8 - kurgan 17); 9-11 - Burial ground Solntse-Talika, kurgan 4, burial 1. 2, 6 - bronze; 3, 10 - clay; 7 - iron; 8, 11 - stone

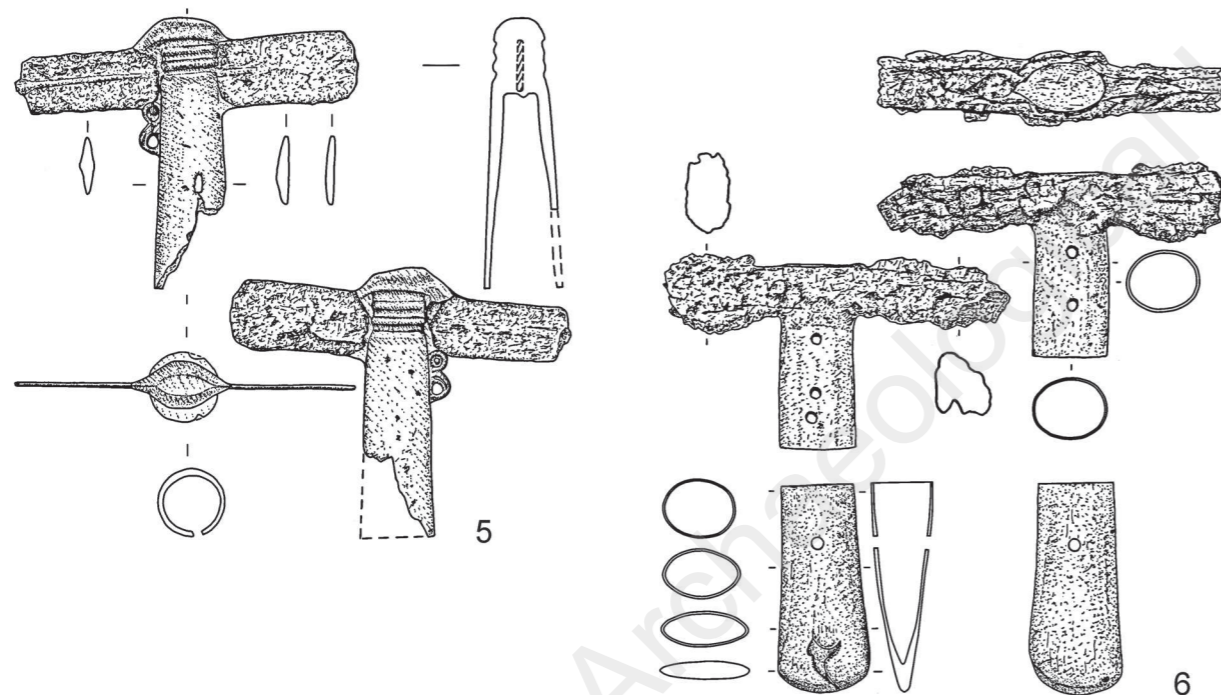
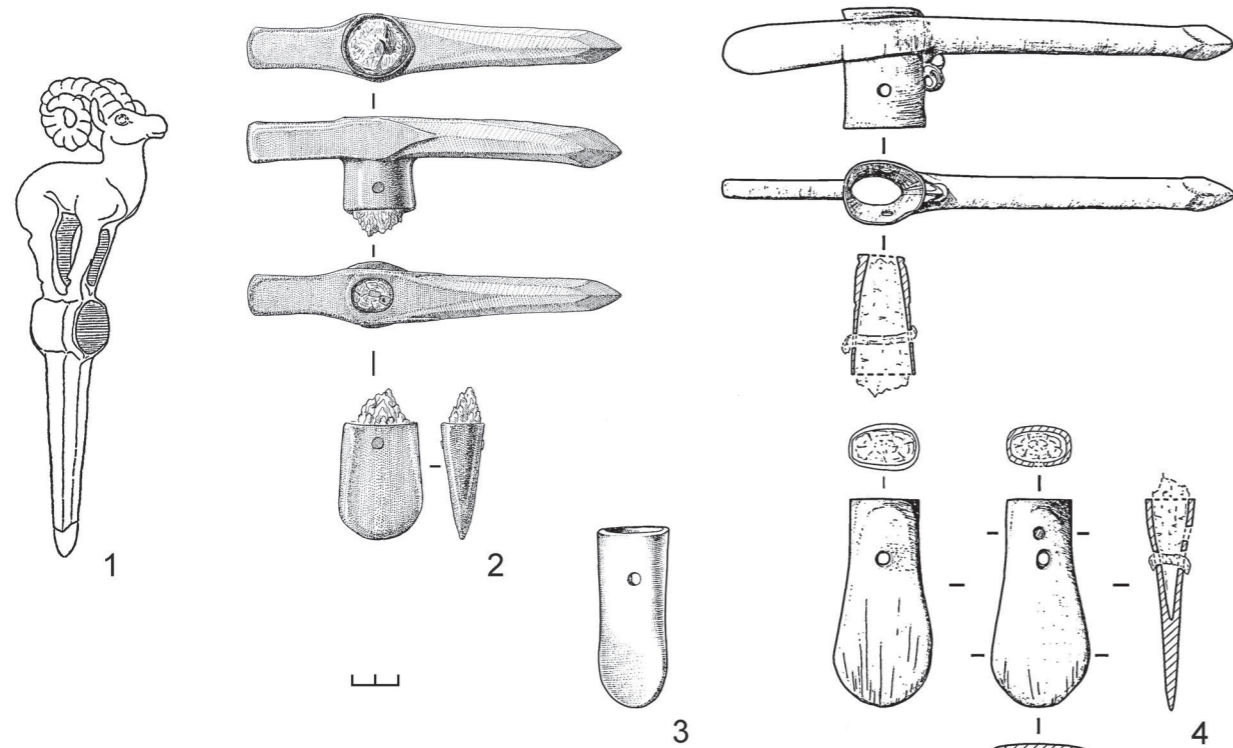
Погребальные комплексы VII-VI вв. до н. э. Южного Зауралья: 1-8 - могильник Система I (1-3 - курган 1; 4-8 - курган 17); 9-11 - могильник Солнце-Талика, курган 4, погребение 1. 2, 6 - бронза; 3, 10 - глина; 7 - железо; 8, 11 - камень

59 Б.д.д. IX–VI ғғ. тән қола қанжарлар: 1 – кездейсоқ табылған зат, Көкшетауға жақын жердегі Маринское селосының маңайы ([Грязнов, 1956] бойынша), 2 – кездейсоқ табылған зат, Змеиногорск қ. ([Грязнов, 1956] бойынша), 3 – Ананьинск обасының қабірі ([Збруева, 1952] бойынша), 4 – Нұрманбет IV обасының 1 қорғаны ([Марғұлан және басқалар, 1966] бойынша), 5 – Бобровка обасының 4 қорғаны ([Матвеева Г. И., 1964] бойынша), 6 – Иртыш-14 обасының 2 қорғанының 3 қабірі ([Гаврилюк, Таиров, 2002: 2006] бойынша), 7 – кездейсоқ табылған зат, Алматы облысының Николаевка селосы ([Исмагил, 2000] бойынша), 8 – Юйцунь 1 қабірі ([Кан Ин Ук, бойынша 1999]), 9 – кездейсоқ табылған зат, Павлодарға жақын жердегі Песчаное селосы ([Грязнов, 1956] бойынша), 10 – кездейсоқ табылған зат, Рассвет селосы ([Хабдулина, Рубе, 1984] бойынша), 11 – кездейсоқ табылған зат, Мариинское селосы ([Таиров, Ульянов, 1996] бойынша), 12, 13 – табылған жері белгісіз Таганрог музейінде сақтаулы (12 – [Членова, 1982] бойынша, 13 – [Лукьяшко, 1999] бойынша), 14 – кездейсоқ табылған зат, Воронцовский алтынқұмды кен орыны ([Тау-кен музейі] бойынша); 15 – кездейсоқ табылған зат, Магнитогорск қаласының маңайы; 16 – кездейсоқ табылған зат, Құсмұрын бекетіне жақын Балықтыкөл көлі; 17 – кездейсоқ табылған зат, Таулы Алтай ([Тишкин, 2008] бойынша); 18 – кездейсоқ табылған зат, Қорған облысының Шумихин ауданының Горшково селосы ([Таиров, Никитин, 2014] бойынша)

Bronze daggers of IX-VI cc. BC : 1 - random finding, v. Marinskoe near the city of Kokchetav (on: [Gryaznov, 1956]), 2 - a random finding, Zmeinogorsk (on: [Gryaznov, 1956]), 3 - burial from the Ananyin Burial ground (on: [Zbrueva, 1952]), 4 - burial mound 1 Burial ground and Nurmanbet IV (according to: Margulan et al, 1966), 5 - kurgan 4 Burial ground Bobrovka (on: [Matveeva G.I., 1964]), 6 - burial of the kurgan 3 2 Burial ground Irtyash-14 (on: [Gavrilyuk, Tairov, 2002: 2006]), 7 - random finding, v. Nikolaevka of Alma-Ata region (on: [Ismagil, 2000]), 8 - burial 1 Yucun (on: [Kang In Uk, 1999]), 9 - random finding, v. Peshannoe near Pavlodar (on: [Gryaznov, 1956]), 10 - a random finding, v. Rassvet (on: [Khabdulina, Rube, 1984]), 11 - a random finding Mariinsky (on: [Tairov, Ulyanov, 1996]), 12, 13 - the place of the finding is unknown, it is kept in the Taganrog Museum (12 - on [Chlenova, 1982], 13 - on: [Lukyashko, 1999]), 14 - random finding, Vorontsovsky gold-sandy mine (on: [Mining Museum]); 15 - random finding, neighborhood of Magnitogorsk; 16 - random finding, Lake Balyktykol near the station Kushmurun; 17 - random finding, Mountain Altai (on: [Tishkin, 2008]); 18 - random finding Gorshkovo of the Shumikhinsky district of the Kurgan region (on: [Tairov, Nikitin, 2014])

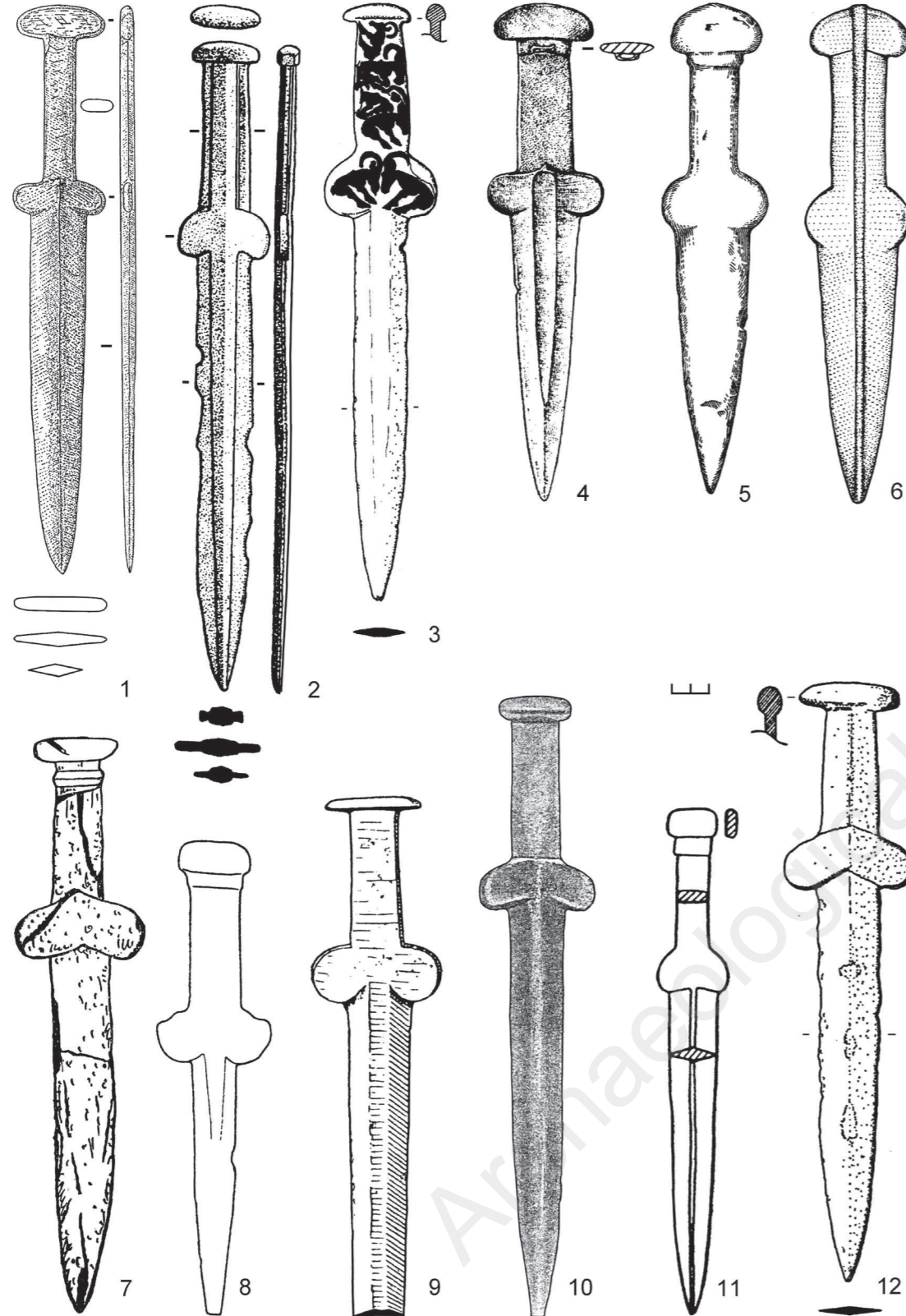
Бронзовые кинжалы IX–VI вв. до н. э.: 1 – случайная находка, с. Маринское близ г. Кокчетав (по: Грязнов, 1956); 2 – случайная находка, г. Змеиногорск (по: Грязнов, 1956); 3 – погребение с Ананьинского могильника (по: Збруева, 1952); 4 – курган 1 могильника Нурманбет IV (по: Марғұлан и др., 1966); 5 – курган 4 могильника Бобровка (по: Матвеева Г.И., 1964); 6 – погребение 3 кургана 2 могильника Иртыш-14 (по: Гаврилюк, Таиров, 2002; 2006); 7 – случайная находка, с. Николаевка Алма-Атинской обл. (по: Исмагил, 2000); 8 – погребение 1 Юйцунь (по: Кан Ин Ук, 1999); 9 – случайная находка, с. Песчаное близ г. Павлодара (по: Грязнов, 1956); 10 – случайная находка, с. Рассвет (по: Хабдулина, Рубе, 1984); 11 – случайная находка, с. Мариинское (по: Таиров, Ульянов, 1996); 12, 13 – место находки неизвестно, хранится в Таганрогском музее (12 – по: Членова, 1982, 13 – по: Лукьяшко, 1999); 14 – случайная находка, Воронцовский золотопесчаный прииск (по: Горный музей); 15 – случайная находка, окрестности г. Магнитогорска; 16 – случайная находка, оз. Балықтыколь близ ст. Кушмурун; 17 – случайная находка, Горный Алтай (по: Тишкин, 2008); 18 – случайная находка, с. Горшково Шумихинского р-на Курганской обл. (по: Таиров, Никитин, 2014)

60 Жайық-Ертіс қосөзен аралығының қола және қосметалды шақандары: 1 – Бурабай көлінің маңайынан кездейсоқ табылған зат ([Грязнов, 1956] бойынша), 2 – Алыпкаш обасының 1 қорғаны ([Хабдулина, 1993] бойынша және М. К. Хабдулинаның суреттері бойынша), 3 – Березки V6 қорғанының 2 қабірі ([Шорин, 1979] бойынша), 4 – Иртыш-14 обасы, 2 қорған, 3 қабір ([Гаврилюк, Таиров, 2002] бойынша және А. Г. Гаврилюктің суреттері бойынша); 5 – Челябинск облысының Троицк ауданының Шантарино селосы, кездейсоқ табылған зат; 6 – Кичигино I обасы, 5 қорған, 1 қабір шұңқыры. 1–4 – қола, 5, 6 – қола, темір

Bronze and bimetallic chisels of Zhaiyk-Irtysh interfluve: 1 - random finding near the lake Borovoye (on: [Gryaznov, 1956]), 2 - kurgan 1 burial ground Alypakash (on [Khabdulina, 1993] and drawing by M.K. Khabdulina), 3 - burial of 2 kurgan Beryozki Vb (on: [Shorin, 1979]), 4 - Burial ground Irtyash-14, kurgan 2, burial 3 (on: [Gavrilyuk, Tairov, 2002] and drawing by A.G. Gavrilyuk); 5 - v. Shantarino of the Troitsky district of the Chelyabinsk region, random finding; 6 - Burial ground Kichigino I, kurgan 5, grave pit 1. 1-4 - bronze, 5, 6 - bronze, iron

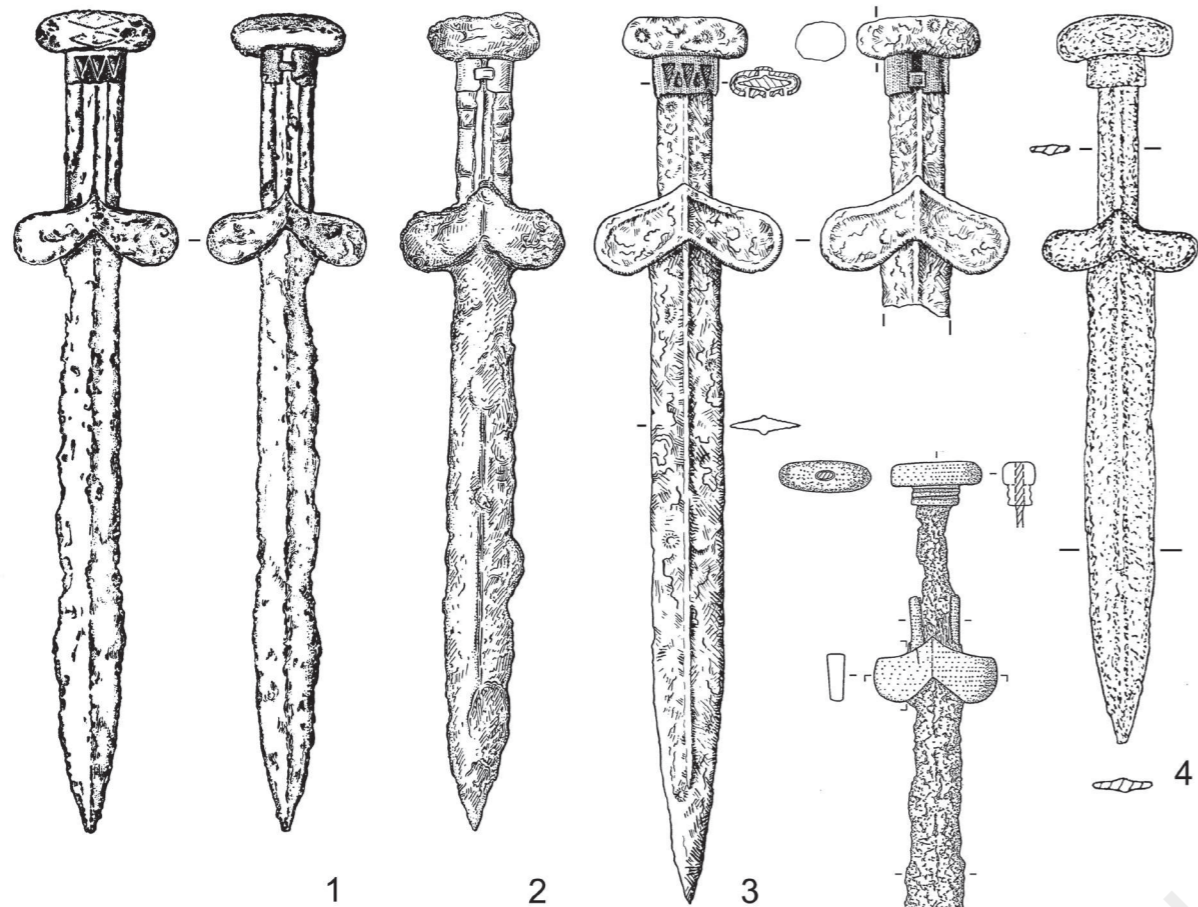
Бронзовые и биметаллические чеканы Жайык-Иртышского междуречья: 1 – случайная находка у оз. Боровое (по: Грязнов, 1956); 2 – курган 1 могильника Алыпкаш (по: Хабдулина, 1993 и прорисовке М.К. Хабдулиной); 3 – погребение 2 кургана Березки V6 (по: Шорин, 1979); 4 – могильник Иртыш-14, курган 2, погребение 3 (по: Гаврилюк, Таиров, 2002 и прорисовке А.Г. Гаврилюка); 5 – с. Шантарино Троицкого р-на Челябинской обл., случайная находка; 6 – могильник Кичигино I, курган 5, могильная яма 1. 1–4 – бронза, 5, 6 – бронза, железо

61 Б.д.д. VII–VI ғғ. тән қола қанжарлар: 1 – Үлкен Нанога көлінің жағасынан кездейсоқ табылған зат, 2 – Сергеевка селосының маңайынан кездейсоқ табылған зат (бойынша [Исмагил, 2000]), 3, 12 – Сару селосының маңайынан кездейсоқ табылған зат ([Табалдиев, 2007] бойынша), 4 – Баландино селосының маңайынан кездейсоқ табылған зат ([Хабдулина, 1994] бойынша), 5 – Ұйғарақ обасының 50 қорғаны ([Вишневская, 1973] бойынша), 6 – Шыңжаңдағы Алтай қаласының музейінен ([A Grand view..., 1999] бойынша), 7 – Жаман-Тоғай обасының 1 қорғаны ([Максимова және басқалар, 1968] бойынша), 8 – Шідерті өзенінің жағасындағы қорған ([Грязнов, 1956] бойынша), 9 – Қазақстанның Орталық музейінен ([Максимова, 1956] бойынша), 10 – Степняк қаласының маңайынан кездейсоқ табылған зат ([Черников, 1954] бойынша), 11 – Бахмутино ауылының маңайынан кездейсоқ табылған зат ([Горбунов, Исмагилов, 1976] бойынша)

Bronze daggers of VII–VI cc BC: 1 - random finding find on the shore of the lake. Bolshaya Nanoga, 2 - random finding from the vicinity of the village Sergeevka (on: [Ismagil, 2000]), 3, 12 - random findings in the village Saru (on: [Tabaldiev, 2007]), 4 - random finding from Balandino (on: [Khabdulina, 1994]), 5 - kurgan 50 burial ground Uigarak (on: [Vishnevskaya, 1973]), 6 - museum of the Altai city in Xinjiang (on: [A Grand view ..., 1999]), 7 - kurgan 1 burial ground Zhaman-Togai (on: [Maksimova et al, 1968]), 8 - kurgan on the bank of the river Shiderty (Chiderty) (on: [Gryaznov, 1956]), 9 - from the Central Museum of Kazakhstan (on: [Maksimova, 1956]), 10 - random finding in the city of Stepnyak (on: [Chernikov, 1954]), 11 - a random finding near the village of Bakhmutino (on: [Gorbunov, Ismagilov, 1976])

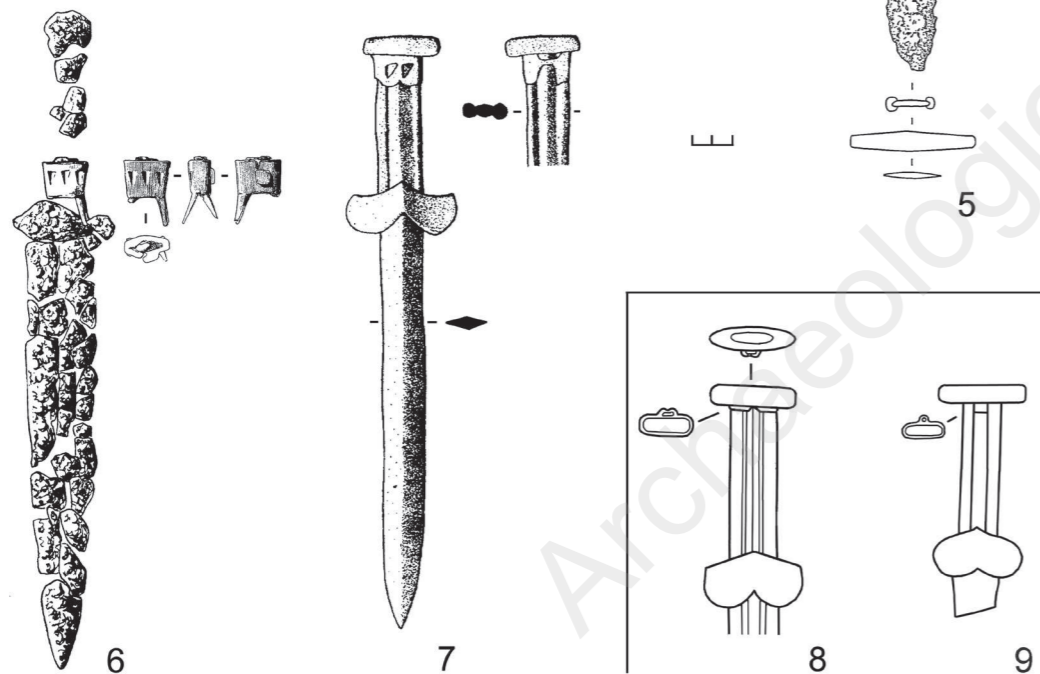
Бронзовые кинжалы VII–VI вв. до н. э.: 1 – случайная находка на берегу оз. Большая Нанога; 2 – случайная находка из окрестностей с. Сергеевка (по: Исмагил, 2000); 3, 12 – случайные находки у с. Сару (по: Табалдиев, 2007); 4 – случайная находка у с. Баландино (по: Хабдулина, 1994); 5 – курган 50 могильника Уйгарак (по: Вишневская, 1973); 6 – музей г. Алтая в Синьцзяне (по: A Grand view..., 1999); 7 – курган 1 могильника Жаман-Тогай (по: Максимова и др., 1968); 8 – курган на берегу р. Шидерты (Чидерты) (по: Грязнов, 1956); 9 – из Центрального музея Казахстана (по: Максимова, 1956); 10 – случайная находка у г. Степняка (по: Черников, 1954); 11 – случайная находка у д. Бахмутино (по: Горбунов, Исмагилов, 1976)

62 Б.д.д. VII-VI ғғ. тән қанжарлар: 1, 2 – Луговский обасының 57 қабірі (1 – [Збруева, 1947] бойынша, 2 – [Збруева, 1952] бойынша), 3 – Аргаяш ауданы, кездейсоқ табылған зат ([Таиров, Ульянов, 1996] бойынша), 4 – Варшавское селосы, кездейсоқ табылған зат ([Булдашов, 1995] бойынша), 5 – Златоуст қаласының музей қоры, кездейсоқ табылған зат: 6 – Памирская I обасының 10 қорғаны ([Бернштам, 1952] бойынша), 7 – Үшбиік селосының маңайынан кездейсоқ табылған зат (бойынша [Исмагил, 2000]), 8 – Киевтан табылған зат ([Белозор, Скорый, 1985] бойынша), 9 – Полтавск өлкетану музейінің жинағынан ([Белозор, Скорый, 1985] бойынша); 1-3, 5, 6 – темір, қола, 4, 8, 9 – темір, 7 – қола

Daggers VII-VI cc BC : 1, 2 - burial of 57 the burial ground Lugovskiy (1 - on: [Zbrueva, 1947], 2 - on: [Zbrueva, 1952]), 3 - Argayash district, random finding (on: [Tairov, Ulyanov, 1996]), 4 - v. Varshavskoe, random finding (on: [Buldashov, 1995]), 5 - fundings of the museum of Zlatoust, random finding: 6 - kurgan 10, burial ground Pamiorskaya I (on: [Bernshtam, 1952]), 7 - random finding in the vicinity of the village Ushbiyk (on: [Ismagil, 2000]), 8 - sword from Kiev (on [Belozor, Skory, 1985]), 9 - sword from the collection of the Poltava Museum of Local History (on: [Belozor, Skory, 1985]); 1-3, 5, 6 - iron, bronze, 4, 8, 9 - iron, 7 - bronze

Кинжалы VII-VI вв. до н. э.: 1, 2 – погребение 57 Луговского могильника (1 – по: Збруева, 1947, 2 – по: Збруева, 1952); 3 – Аргаяшский р-н, случайная находка (по: Таиров, Ульянов, 1996); 4 – с. Варшавское, случайная находка (по: Булдашов, 1995); 5 – фонды музея г. Златоуста, случайная находка; 6 – курган 10 могильника Памирская I (по: Бернштам, 1952); 7 – случайная находка в окрестностях с. Ушбилик (по: Исмагил, 2000); 8 – меч из Киева (по: Белозор, Скорый, 1985); 9 – меч из собрания Полтавского краеведческого музея (по: Белозор, Скорый, 1985). 1-3, 5, 6 – железо, бронза, 4, 8, 9 – железо, 7 – бронза

ӘДЕБИЕТ
ЛИТЕРАТУРА
LITERATURE

Абдулганеев М.Т., Панин Д.В. Памятники раннескифского времени в междуречье Бии и Катунь // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1999. – С. 5–13.

Абдулганеев М.Т., Тишкин А.А. Погребальные комплексы скифского времени левобережья низовьев Катунь // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайского гос. ун-та, 1999. – № 4. – С. 99–111.

Абрамова М.Б., Стефанов В.И. Памятники инбернского типа (о своеобразии перехода к железному веку в лесостепном Прииртышье) // Вопросы археологии Урала. – Свердловск, 1981. – С. 92–97.

Агапов П., Кадырбаев М. Сокровища древнего Казахстана. – Алма-Ата: Жалын, 1979. – 252 с.

Агеева Е.И. Хроника археологических раскопок и находок в Казахстане в 1948–49 гг. // Известия АН КазССР. Сер. Археология. – 1951. – Вып. 3 (108). – С. 130–133.

Агроклиматические ресурсы Актюбинской области Казахской ССР. – Л.: Гидрометеоздат, 1974. – 153 с.

Агроклиматические ресурсы Башкирской АССР. – Л.: Гидрометеоздат, 1976. – 236 с.

Агроклиматические ресурсы Гурьевской и Мангышлакской областей Казахской ССР. – Л.: Гидрометеоздат, 1978. – 107 с.

Агроклиматические ресурсы Джезказганской области Казахской ССР. – Л.: Гидрометеоздат, 1976а. – 106 с.

Агроклиматические ресурсы Кустанайской области. – Алма-Ата: Алма-Атинская гидрометеорологическая обсерватория, 1969. – 201 с.

Агроклиматические ресурсы Оренбургской области. – Л.: Гидрометеоздат, 1971. – 122 с.

Агроклиматические ресурсы Семипалатинской области Казахской ССР. – Л.: Гидрометеоздат, 1975. – 141 с.

Агроклиматические ресурсы Челябинской области. – Л.: Гидрометеоздат, 1977. – 152 с.

Агроклиматический справочник по Гурьевской области. – Л.: Гидрометеоздат, 1962. – 153 с.

Агроклиматический справочник по Джамбульской области. – Л.: Гидрометеоздат, 1961. – 143 с.

Агроклиматический справочник по Западно-Казахстанской области. – Л.: Гидрометеоздат, 1960. – 127 с.

Агроклиматический справочник по Карагандинской области. – Л.: Гидрометеоздат, 1962а. – 170 с.

Агроклиматический справочник по Кустанайской области. – Л.: Гидрометеоздат, 1958. – 145 с.

Агроклиматический справочник по Павлодарской области. – Л.: Гидрометеоздат, 1958. – 131 с.

Аджигалиев С. Культурно-исторические инновации в традиционной системе скотоводческого поселения казахов в середине XIX века (к вопросу о генезисе стационарных кыстау) // Культура кочевников на рубеже веков (XIX–XX, XX–XXI вв.): Проблемы генезиса и трансформации: Материалы Междунар. конф. – Алматы, 1995. – С. 133–162.

Ажигали С.Е. Традиционная система скотоводческого поселения казахов (в историческом развитии) // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума (Т. 5). – Новосибирск: Наука, Сиб. предпр. РАН, 2002. – С. 143–190.

Ажигали С.Е. Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). – Алматы: Гылым, 2002а. – 654 с.

Ажигали С.Е. Эпоха культурно-исторического перелома в казахской степи: середина XIX в. // Труды Центрального музея: музейное дело, история, этнология, фольклористика, археология, антропология, историография, источниковедение, нумизматика. – Алматы: Гылым, 2004. – С. 67–71.

Акишев К. А. Памятники старины Северного Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР. – 1959. – Т. 7. Археология. – С. 3–25.

Акишев К.А. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана // Поиски и раскопки в Казахстане. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1972. – С. 31–46.

Акишев К.А. Саки азиатские и скифы европейские (Общее и особенное в культуре) // Археологические исследования в Казахстане. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1973. – С. 43–58.

Акишев К.А. Экономика и общественный строй Южного Казахстана и Северной Киргизии в эпоху саков и усуней (V в. до н. э.–V в. н. э.): Науч. доклад, представленный в качестве дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1986. – 48 с.

Акишев К.А. Конные номады древнего Казахстана // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций: Тез. докладов советско-французского симпозиума по археологии Центральной Азии и соседних регионов. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1987. – С. 11, 12.

Акишев К.А., Акишев А.К. Проблемы хронологии раннего этапа сакской культуры // Археологические памятники Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1978. – С. 37–62.

Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. – 321 с.

Акишев К.А., Хабдулина М.К. Экология и историческая топография археологических памятников // Экология древних и современных обществ: Тез. докладов конф., посв. 275-летию РАН. – Тюмень, 1999. – С. 177–179.

Александров Н.А. Философские проблемы устойчивого развития России: некоторые вопросы теории и практики общественного развития // Национальная безопасность и геополитика России. – 2000. – № 10, 11 (16, 17). – С. 66–75.

Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н. э. – СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2003. – 416 с.

Алексеев В.П. Этногенез. – М.: Высшая школа, 1986. – 176 с.

Алексеев В.П. Историческая антропология и этногенез. – М.: Наука, 1989. – 445 с.

Алексеев В.П., Гохман И. И. Антропология Азиатской части СССР. – М.: Наука, 1984. – 208 с.

Алехин Ю.П., Демин М.А., Илюшин А.М. Исследования 1989 г. в Семипалатинской области // Маргулановские чтения-1990: Сб. материалов конф. – М., 1992. – Ч. 1. – С. 124–128.

Алехин Ю.П., Шульга П.И. Курган Кондратьевка XXI – новый памятник раннескифского времени на Рудном Алтае // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайского гос. ун-та., 2003. – № 10. – С. 62–70.

Андрианов Б.В. Неоседлое население мира (историко-этнографическое исследование). – М.: Наука, 1985. – 280 с.

Андрианов В.Б. Проблема исторического взаимодействия кочевых культур и древних земледельческих цивилизаций в свете концепции о хозяйственно-культурных типах (по материалам Приаралья) // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций: Тез. докладов советско-французского симпозиума по археологии Центральной Азии и соседних регионов. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1987. – С. 13–15.

Андрианов В.Б. Историческое взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций в свете концепции о хозяйственно-культурных типах // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1989. – С. 8–21.

Аргынбаев Х. Некоторые особенности хозяйства казахов Копальского уезда Семиреченской области (в конце XIX – начале XX в.) // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана: Труды ИЭ. Новая серия. – Л.: Наука, Ленинградское отд., 1973. – Т. ХСVIII. – С. 154–160.

Аргынбаев Х. Образование казахских жузов и их дальнейшая этнополитическая судьба // Проблемы

этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана: Тез. докладов Всесоюзной конф. – М., 1988. – С. 16–19.

Аржан. Источник в Долине царей. Археологические открытия в Туве. – СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2004. – 64 с.

Арсланова Ф.Х. Новые материалы VII–VI вв. до н. э. из Восточного Казахстана // Бронзовый и железный век Сибири. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1974. – С. 77–83.

Арсланова Ф.Х. Погребальный комплекс VIII–VII веков до нашей эры из Восточного Казахстана // В глубь веков. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1974а. – С. 46–60.

Арсланова Ф.Х. К вопросу о культурных связях Прииртышских племен с населением Поволжья и Приуралья в эпоху железа // Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азии и Казахстаном в эпоху железа: Тез. докладов и сообщений. – Уфа, 1976. – С. 49, 50.

Асеев И.В. О раннемонгольских погребениях // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века (История и культура востока Азии. Т. 3). – Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1975. – С. 178–187.

Атлас Казахской ССР. Т. I. Природные условия и ресурсы. – М.: ГУГК, 1982. – 81 с.

Атушева С.Б. Джуты в Казахстане в конце XIX – начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – 07.00.02. Отечественная история (История Республики Казахстан). – Алматы, 2000. – 30 с.

Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. – Алматы: Гылым, 1995. – 296 с.

Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. – М.: Наука, 1965. – 196 с.

Ахмеров Р.Б. Археологические памятники Башкирии ананьинского времени // КСИИМК. – 1952. – Вып. 48. – С. 25–35.

Ахмеров Р.Б. Новый Уфимский могильник ананьинско-пьянборского времени (По данным исследований 1952–1956 гг.) // СА. – 1959. – № 1. – С. 156–167.

Ашмарин А. Кочевые пути, зимовья и летовки (Историческое описание) // Советская Киргизия. – 1925. – № 5, 6. – С. 11–124.

Багашев А.Н. Палеоантропология Западной Сибири: лесостепь в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 2000. – 374 с.

Багашев А.Н. Сложение уральских народов в свете антропологических данных // Северный археологический конгресс: Доклады. – Екатеринбург: Академкнига, 2002. – С. 18–29.

Базарбаева Г.А. Искусство древних кочевников Центрального Казахстана: образы, сюжеты, компо-

зиции // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. – 2013. – Т. 13. – № 2. – С. 12–17.

Базарбаева Г.А., Джумабекова Г.С. Знаки-символы в раннесакском искусстве // Архаическое и традиционное искусство: проблемы научной и художественной интерпретации: Материалы Всероссийской (с междунар. участием) науч. конф. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2014. – С. 4–6.

Байпаков К.М. Археологические исследования в Казахстане и реконструкция процессов взаимодействия скотоводческих культур и оседлых цивилизаций // Вестник АН КазССР. – 1988. – № 3. – С. 27–35.

Барминцев Ю.Н. Эволюция конских пород в Казахстане. – Алма-Ата: Казахское гос. изд-во, 1958.

Барцева Т.Б. Цветной металл из Среднего Приишимья (по материалам Северо-Казахстанской экспедиции) // Ранний железный век и средневековые Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Изд-е Башкирского ун-та, 1987. – С. 65–83.

Барцева Т.Б. Раннескифский цветной металл в Предкавказье (комплекс «Красное Знамя») // Естественнонаучные методы в археологии. – М.: Наука, 1989. – С. 109–117.

Басин В.Я., Керимбаев Т. Из истории приаральских и присырдарьинских казахов конца XVIII – начала XIX вв. // Известия АН КазССР. Сер. общественные науки. – 1969. – № 2. – С. 51–62.

Баскин Л.М. Поведение копытных животных. – М.: Наука, 1976. – 296 с.

Баскин Л.М. Этология стадных животных. – М.: Знание, 1986. – 192 с.

Батмаев М.М. Калмыки в XVII–XVIII вв. События, люди, быт. – Кн. 1. Восхождение на гору Сумеру. – Элиста: Калмкнигоиздат, 1992. – 204 с.

Батнасан Г. Некоторые особенности перехода к оседлому образу жизни в Монгольской Народной Республике // СЭ. – 1977. – № 2. – С. 68–76.

Батраков В.С. Хозяйственные связи кочевых народов с Россией, Средней Азией и Китаем (с XV до половины XVIII века) // Труды Среднеазиатского государственного университета. Новая серия. – 1958. – Вып. 126. Экономические науки. – Кн. 3. – 104 с.

Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии: Сб. науч. статей, посв. 65-летию Ж. Курманкулова. – Алматы, 2013. – 494 с.

Бедельбаева М.В. Изучение поселений раннего железного века Казахстана. К историографии вопроса // Вестник Карагандинского государственного университета. – 2008. – [Электронный ресурс]. URL: <http://articlekz.com/article/5057> (дата обращения: 19.04.2015).

Бедельбаева М., Варфоломеев В. Кыштан – центральноказахстанское поселение эпохи раннего железа // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи: Сб. материалов Междунар. науч. конф. – Астана, 2008. – С. 241–245.

Бейсенов А.З. Майкубенские курганы середины I тысячелетия до н. э. в Центральном Казахстане // Известия МОН РК, НАН РК. Сер. Общественные науки. – 2001. – № 1. – С. 66–71.

Бейсенов А.З. К проблеме поиска и изучения поселений раннего железного века Центрального Казахстана // Исторична наука: проблеми розвитку: Матеріали Міжнародної конференції. Археологія. – Луганськ: Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2002. – С. 9–12.

Бейсенов А.З. Ранний железный век // Восточная Сарыарка. Каркаралинский регион в прошлом и настоящем. – Алматы: Эверо, 2004. – С. 210–225.

Бейсенов А.З. Поселение Сарыбуйрат – памятник раннего железного века Центрального Казахстана // Вестник университета «Кайнар». – 2009. – № 4/2 (75). – С. 8–12.

Бейсенов А.З. Поселения раннего железного века Центрального Казахстана и некоторые вопросы этнографии // Этнос. Общество. Цивилизация: II Кузеевские чтения: Материалы Междунар. науч.-практич. конф., посв. 80-летию Р.Г. Кузеева. – Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2009а. – С. 79–82.

Бейсенов А.З. Исследование поселений – новое направление в археологии раннего железного века Центрального Казахстана // Вестник КарГУ. – 2009б. – [Электронный ресурс]. URL: <http://articlekz.com/article/4490> (дата обращения: 19.04.2015).

Бейсенов А.З. К изучению особенностей раннего железного века Центрального Казахстана // Кадрыбаевские чтения-2010: Материалы II Междунар. науч. конф. – Актобе, 2010. – С. 77–79.

Бейсенов А.З. Талды-2 и памятники раннесакского времени степной Евразии // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии: Тез. докладов круглого стола, посв. 20-летию Независимости Республики Казахстан. – Караганда, 2011. – С. 14–20.

Бейсенов А.З. Сарыарка – колыбель степной цивилизации. – Алматы, 2011а. – 32 с.

Бейсенов А.З. Сарыарқа сақтары мәдениетінің жаңа деректері // Археология и история Сарыарки. – Караганда: Изд-во Карагандинского гос. ун-та, 2012. – С. 223–241.

Бейсенов А.З. Предметы искусства ранних саков Сарыарки как свидетельства взаимодействия культур // Вестник Кемеровского государственного уни-

верситета. Сер. История. – 2013. – № 3 (55). – Т. 4. – С. 13–17.

Бейсенов А.З. Серьги сакской эпохи // Вестник Томского государственного университета. История. – 2014. – № 6 (32). – С. 121–128.

Бейсенов А.З. Древние сокровища Сарыарки. Книга-альбом. – Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана; «Бегазы-Тасмола» ТАҒЗО, 2014а. – 196 с.

Бейсенов А.З. Центральный Казахстан в раннем железном веке // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Т. 7. Ч. 2. – № 6. – С. 22–31.

Бейсенов А.З. Околокурганые жертвенники как разновидность памятников тасмолинской культуры // Вестник Томского государственного университета. История. – 2015а. – № 4 (36). – С. 96–104.

Бейсенов А.З. Памятники верховьев реки Атасу в Центральном Казахстане // Вестник Томского государственного университета. История. – 2015б. – № 3 (35). – С. 111–122.

Бейсенов А.З. Поселения и могильники сакской эпохи Центрального Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015в. – С. 11–38.

Бейсенов А.З. Памятники раннего этапа тасмолинской культуры // Вестник Томского государственного университета. История. – 2016. – № 1 (39). – С. 119–126.

Бейсенов А.З. Дромосные курганы сакской эпохи урочища Назар (Центральный Казахстан) // Самарский научный вестник. – 2016а. – № 1 (14). – С. 84–93.

Бейсенов А.З. Дромосные курганы сакской эпохи на реке Жарлы (Центральный Казахстан) // Самарский научный вестник. – 2016б. – № 3 (16). – С. 77–86.

Бейсенов А.З., Базарбаева Г.А. Искусство древних кочевников Центрального Казахстана: образы, сюжеты, композиции // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. – 2013. – Т. 13. – № 2. – С. 12–17.

Бейсенов А.З., Базарбаева Г.А. Орнамент в культуре саков Центрального Казахстана // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2014. – Т. 16. – № 3 (2). – С. 597–604.

Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В., Кенесалин А.Е. Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. – Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. – 192 с.

Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. Образ А.М. Оразбаева в отечественной науке

и вопросы археологии сакской культуры Сарыарки // Казахстанская археология и этнология: прошлое, настоящее и будущее: Материалы Междунар. науч.-практич. конф. «VII Оразбаевские чтения». – Алматы: Қазақ университеті, 2015. – С. 60–66

Бейсенов А.З., Дубягина Е.В., Мусаева Р.С. Жилища начала раннего железного века на поселении Талдысай (Центральный Казахстан) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2013а. – С. 180–183.

Бейсенов А.З., Дуйсенбай Д.Б. Исследования на могильнике Байке-2 Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. – С. 72–76.

Бейсенов А.З., Исмагулова А.О. Археолого-антропологические данные из могильника Едирей-3 // Историко-культурное наследие Сарыарки. – Караганда, 2007. – С. 164–170.

Бейсенов А.З., Исмагулова А.О., Китов Е.П., Китова А.О. Население Центрального Казахстана в I тысячелетии до н. э. – Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. – 188 с.

Бейсенов А.З., Китов Е.П. Могильник тасмолинской культуры Талды II в Центральном Казахстане (краниологический анализ) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2014а. – № 4 (28). – С. 71–85.

Бейсенов А.З., Китов Е.П. Посмертная трепанация черепов в элитных захоронениях сакской эпохи Центрального Казахстана // Известия Алтайского государственного университета. – 2014б. – № 4 (84). – Т. 2. – С. 31–41.

Бейсенов А.З., Кожаков Д.А. Тасмола и хуннский аспект // Материалы I и II науч. чтений памяти В.П. Юдина (1993–1994). – Алматы: Дайк-Пресс, 1999. – С. 27–30.

Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Вопросы изучения поселений раннего железного века Центрального Казахстана // Известия НАН РК. Сер. общественных наук. – 2006. – № 1. – С. 36–45.

Бейсенов А.З., Ломан В.Г. О керамике поселений раннего железного века Керегетас-2, Едирей-1, Едирей-3 (Центральный Казахстан) // Историко-культурное наследие Сарыарки. – Караганда, 2007. – С. 156–163.

Бейсенов А.З., Ломан В.Г. К проблеме сложения раннесакских поселенческих комплексов Центрального Казахстана // Вестник университета «Кайнар». – 2009. – № 4/2 (75). – С. 12–15.

Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. – Алматы: «Инжу-Маржан» полиграфия, 2009а. – 264 с.

Бейсенов А.З., Ломан В.Г., Касеналин А.Е. Новое в археологии Сарыарки: донгальские погребения могильника Кызыл // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. – Алматы, 2013. – С. 59–73.

Бейсенов А.З., Мерц В.К. К изучению памятников района реки Шидерты // Известия НАН РК. Сер. общественных наук. – 2010. – № 1. – С. 40–45.

Бейсенов А.З., Минасян Р.С. Зеркало из тасмолинского могильника Бирлик // Вестник Дагестанского научного центра. – 2015. – № 58. – С. 58–62.

Бейсенов А.З., Смаилов Ж.Е. Талдысайские удила раннетасмолинского времени в Центральном Казахстане // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия: Материалы Междунар. археологической конф. – Алматы, 1998. – С. 271–274.

Бейсенов А.З., Хаврин С.В. Металлические изделия тасмолинских памятников Центрального Казахстана // Известия Самарского научного центра РАН. – 2015. – Т. 17. – № 3. – С. 526–531.

Бейсенов А.З., Чотбаев А.Е. Погребение воина сакского времени из могильника Майкубень-3 в Центральном Казахстане // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий: Материалы ХLI региональной археолого-этнографич. студенческой конф. (Барнаул, 25–30 марта 2001 г.). – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2001. – С. 290–293.

Бейсенов А.З., Шаблавина Е.А. Особенности литья предметов конского снаряжения тасмолинской культуры // Вестник Томского государственного университета. История. – 2015. – № 4 (36). – С. 105–112.

Белобеденко М.В., Варущенко А.Н. Изменение увлажненности аридных районов Евразии в голоцене // Известия АН СССР. Сер. географическая – 1988. – № 2 – С. 31–41.

Белозор В.П., Скорый С.А. Архаический скифский меч из Киева // СА. – 1985. – № 1. – С. 255, 256.

Бельгибаев М.Е., Белый А.В. Аридизация почв и ландшафтов семиаридной зоны Казахстана // География и природные ресурсы. – 2002. – № 3. – С. 134–139.

Бельтикова Г.В. Иткульские поселения // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири // ВАУ. – 1977. – Вып. 14. – С. 119–133.

Бельтикова Г.В. О зауральской металлургии VII–III вв. до н. э. // ВАУ. – 1981. – Вып. 15. – С. 118–125.

Бельтикова Г.В. Металлические наконечники стрел с иткульских памятников // Археологические исследования Севера Евразии. – Свердловск, 1982. – С. 65–77.

Бельтикова Г.В. Иткульское I городище – место древнего металлургического производства // Проблемы Урало-Сибирской археологии. – Свердловск: Изд-во Уральского гос. ун-та, 1986. – С. 63–78.

Бельтикова Г.В. Памятник металлургии на острове Малый Вишневый // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: Изд-во Уральского гос. ун-та, 1988. – С. 103–117.

Бельтикова Г.В. Развитие иткульского очага металлургии // ВАУ. – 1993. – Вып. 21. – С. 93–106.

Бельтикова Г.В. Зауральский (Иткульский) очаг металлургии (VII–III вв. до н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1997. – 23 с.

Бельтикова Г.В. Иткульский очаг металлургии: ориентация, связи // Уральский исторический вестник. – № 8. Древние и средневековые культуры Урала в евразийском культурном пространстве. – Екатеринбург: Академкнига, 2002. – С. 142–163.

Бельтикова Г.В. Среда формирования и памятники Зауральского (иткульского) очага металлургии // Археология Урала и Западной Сибири: К 80-летию со дня рожд. В.Ф. Генинга. – Екатеринбург, 2005. – С. 162–186.

Бельтикова Г.В., Борзунов В.А., Корякова Л.Н. Некоторые проблемы археологии раннего железного века Зауралья и Западной Сибири // ВАУ. – 1991. – Вып. 20. – С. 102–114.

Бельтикова Г.В., Стоянов В.Е. Городище Думной горы место специализированного металлургического производства (Предварительное сообщение) // Древние поселения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: Изд-во Уральского гос. ун-та, 1984. – С. 130–144.

Берденов С.А. Древнее горное дело Казахстана // Древнейшие этапы горного дела и металлургии в Северной Евразии: Каргалинский комплекс: Материалы симпозиума. – М.: Институт археологии РАН, 2002. – С. 81, 82.

Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. – 1952. – № 26. – 347 с.

Бернштам А.Н. Спорные вопросы истории кочевых народов Средней Азии в древности // КСИЭ. – 1957. – Вып. XXVI. – С. 18–21.

Бесетаев Б.Б. Случайные находки деталей конского снаряжения и воинская поясная гарнитура раннесакского времени из Восточного Казахстана // Казахстанская археология и этнология: прошлое, настоящее и будущее: Материалы Междунар. науч.-практич. конф. «VII Оразбаевские чтения». – Алматы: Қазақ университеті, 2015. – С. 352–356.

Бесетаев Б.Б. Случайные находки бронзовых вещей раннесакского времени из Восточного Казахстана // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2016. – № 2 (33). – С. 41–52.

Бларамберг И.Ф. Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) орды Оренбургского ведомства // Военно-статистический обзор Российской империи. – СПб., 1948. – Т. 14. Ч. 3. – 204 с.

Бобров В.В. К проблеме историко-археологического развития в начале I тыс. до н. э. на территории Южной Сибири // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1999. – С. 245–250.

Богданов Е.С. Уникальная находка раннескифского времени из Ордоса // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2002 г. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2002. – Т. 8. – С. 243–248.

Богданов Е.С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2006. – 240 с.

Богоявленский С.К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII века // Исторические записки. – М.: Изд-во АН СССР, 1939. – Вып. 5. – С. 48–101.

Боковенко Н.А. Один из вариантов конской узды скифской эпохи в Центральной Азии // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1998. – С. 50–55.

Боковенко Н.А. Начало скифо-сакской эпохи в Центральной Азии: проблемы хронологии и культурной интеграции // Современные проблемы археологии России. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2006. – Т. 2. – С. 3, 4.

Боковенко Н.А., Заднепровский Ю.А. Ранние кочевники Восточного Казахстана // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 140–148.

Борзунов В.А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). – Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. ун-та, 1992. – 189 с.

Борзунов В.А. Укрепленные поселения Западной Сибири каменного, бронзового и первой половины железного веков // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Т. 1. Кн. I. Поселения и жилища. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1995. – С. 203–244.

Борзунов В.А., Новиченков Н.Н. Ранние укрепленные поселения финно-угров Урала // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1988. – С. 88–103.

Борзунов В.А., Нохрина Т.И. Березки II – поселение эпохи раннего железа в горно-лесном Зауралье // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1981. – С. 52–62.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Функциональный анализ металлических защитных наголовий древних номадов Центральной Азии // Степи Евразии в древности и средневековье: Материалы Междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рожд. М.П. Грязнова. – СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2003. – Кн. 2. – С. 22–24.

Бородаев В.Б. Местонахождение Вакулиха-1 // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул, 1993. – Ч. 1. – С. 150–155.

Бородаев В.Б. Вакулихинский клад (Комплекс находок раннескифского времени с местонахождения Вакулиха-1) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1998. – С. 56–73.

Боталов С.Г. Хунны и гунны // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 1 (13). – С. 106–127.

Боталов С.Г. Урало-Казахстанские степи в гунно-сарматское и раннетюркское время (II–VIII века н. э.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2003а. – 56 с.

Боталов С.Г., Костюков В.П., Плешанов М.Л. Раннесакские памятники VII – первой половины VI века в лесостепном Зауралье // Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (проблемы культурогенеза). Сер. Этногенез уральских народов. – Челябинск: Рифей, 2016. – С. 341–357.

Боталов С.Г., Таиров А.Д. Памятники раннего железного века в окрестностях села Варна // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала: Труды музея-заповедника «Аркаим». – Челябинск: Каменный пояс, 1996. – С. 117–138.

Боталов С. Г., Таиров А. Д., Любчанский И. Э. Курганы с «усами» урало-казахстанских степей. – Челябинск: Южно-Уральский филиал ИИА УрО РАН, 2006. – 232 с.

Булдашов В.А. Случайные находки трех кинжалов на территории Челябинской области // Проблемы истории, филологии, культуры. – М.: Магнитогорск, 1995. – Вып. 2. – С. 34–38.

Бышев В.И., Нейман В.Г., Романов Ю.А. Природные факторы глобальной изменчивости современ-

ного климата // Известия РАН. Сер. географическая. – 2009. – № 1. – С. 7–13.

Вайнберг Б.И. Памятники куюсайской культуры // Кочевники на границах Хорезма. – Труды ХАЭЭ. – 1979. – Т. XI. – С. 7–16.

Вайнберг Б.И. Модели взаимодействия скотоводов и земледельцев по археологическим материалам из Хорезма и сопредельных областей Средней Азии // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций: Тез. докладов советско-французского симпозиума по археологии Центральной Азии и соседних регионов. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1987. – С. 15–18.

Вайнберг Б.И. Роль экологического фактора в формировании этнической территории (по материалам из Восточного Прикаспия и Приаралья) // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана: Тез. докладов Всесоюзной конф. – М., 1988. – С. 40–43.

Валиханов Ч.Ч. О кочевках киргиз // Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч.: В 5 т. Т. 4. – Алма-Ата: Наука, 1985. – С. 105–109.

Вальчак С.Б. Некоторые особенности наконечников стрел прэдскифского периода // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы V Междунар. науч. конф. (Харьков, 4–6 ноября 2004 г.). – Харьков: НМЦ «МД», 2004. – С. 23, 24.

Варенов А.В. О функциональном предназначении «моделей ярма» эпохи Инь и Чжоу // Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1984. – С. 42–51.

Варенов А.В. Скифские памятники Алтая, Ордоса и происхождение сюннуской культуры // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая: Тез. науч.-практич. конф. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1995. – С. 123–125.

Варенов А.В. Чжукайгоу – памятник эпохи Шан из Ордоса с «карасук-тагарским» кинжалом // Гуманитарные науки в Сибири. – 1996. – № 3. – С. 97–112.

Варенов А.В. Скифские материалы из китайской части Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1999. – С. 26–30.

Варенов А.В. Новая культура эпохи бронзы из Северного Синьцзяна // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: Материалы Всероссийской науч.-практич. конф. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1999а. – Вып. X. – С. 184–189.

Варенов А.В. Материалы новой культуры эпохи бронзы из могильника Кээрмуци в Северном Синьцзяне // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. – Вып. 2. Горизонты Евразии. – Новосибирск, 1999б. – С. 11–28.

Варенов А.В. Новая культура эпохи бронзы из китайской части Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – № 4. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайского гос. ун-та, 1999в. – С. 53–59.

Варенов А.В. Чаодаогоу и Янхэ – памятники эпохи Шань-Инь с ордосскими бронзами // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VII Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН, 1999 г. – Новосибирск: Изд-во ИИАЭ СО РАН, 1999. – Т. 5. – С. 306–311.

Варенов А.В. Шанское погребение с «карасукским» ножом на могильнике Дасыкунцунь в Аньяне // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2003 г., посв. 95-летию со дня рожд. академика А.П. Окладникова). – Новосибирск: Изд-во ИИАЭ СО РАН, 2003. – Т. 9. Ч. 1. – С. 289–293.

Варфоломеев В.В. О культурной принадлежности памятников с валиковой керамикой Сары-Арки // Проблемы археологии урало-казахстанских степей. – Челябинск: Изд-е Башкирского ун-та, 1988. – С. 80–99.

Варфоломеев В.В. Сарыарка в конце бронзовой эпохи: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Алма-Ата, 1991. – 21 с.

Варфоломеев В.В. Саргаринские могильники Сары-Арки // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях: Тез. науч. конф., посв. 90-летию со дня рожд. К.В. Сальникова. – Уфа: Изд-во Башкирского гос. ун-та, 1991а. – С. 27–29.

Варфоломеев В.В. Погребения эпохи поздней бронзы Кентского микрорайона (типология конструкций) // Маргулановские чтения-1990. – М., 1992. – Ч. 1. – С. 72–76.

Варфоломеев В.В. Культура валиковой керамики Алтайско-Казахстанских степей // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2003. – Кн. I. – С. 269–274.

Варфоломеев В.В. Дермен – могильник Кентской округи // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. – Павлодар: Эко, 2006. – С. 88–99.

Варфоломеев В.В. Погребения культуры валиковой керамики в урочище Темиркаш // Кадырбаевские чтения: Материалы Междунар. науч. конф. – Актобе: ПринтА, 2007. – С. 50–57.

Варфоломеев В.В. Тасмолинское погребение с наборным поясом из могильника Тегисжол // Вопро-

сы археологии Казахстана. – Алматы, 2011. – Вып. 3. – С. 315–324.

Варфоломеев В.В. Керамика суперстратного облика из памятников бегазы-дандыбаевской культуры // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии: Сб. науч. статей, посв. 65-летию Ж. Курманкулова. – Алматы, 2013. – С. 167–197.

Варфоломеев В.В. Находки бронзы у Караганды и Каркаралинска // Маргулановские чтения-2014: Материалы Междунар. науч.-практич. конф., посв. 110-летию академика А.Х. Маргулана. – Алматы; Павлодар, 2014. – С. 141–144.

Васильев В.Н. К вопросу о сарматских каменных жертвенниках кочевников Южного Урала // Уфимский археологический вестник. – 1998. – Вып. 1. – С. 25–43.

Васильев К.В. Истоки китайской цивилизации. – М.: Восточная литература РАН, 1998. – 318 с.

Васильев Л.С. Древний Китай. Т. 1: Предыстория, Шан-Инь, Западное Чжоу (до VIII в. до н. э.). – М.: Восточная литература РАН, 1995. – 379 с.

Васильев Л.С. Древний Китай. Т. 2: Период Чуньцю (VIII–V вв. до н. э.). – М.: Восточная литература РАН, 2000. – 623 с.

Васильев Ст. А. Искусство древнего населения Волго-Камья в ананьинскую эпоху (истоки и формирование): Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 – археология. – СПб., 2002. – 513 с.

Васильев Ст. А. Ананьинский звериный стиль. Истоки, основные компоненты и развитие // Археологические вести. – № 11. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2004. – С. 275–297.

Васильева Г.П. О некоторых общих элементах в культуре туркмен и башкир в связи с их этногенезом // АЭБ. – Т. IV. – 1971. – С. 199–204.

Васильченко И. Еще раз об особенностях феодализма у кочевых народов // ВИ. – 1974. – № 4. – С. 192–198.

Васина Ю.В., Таиров А.Д. Скальное святилище на озере Травакуль // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. – 2016. – Т. 16. – № 3. – С. 13–20

Васютин А.С., Садовой А.Н. К проблеме реконструкции традиционных систем жизнеобеспечения в раннескифское время (Восточный Алтай – могильник Коо-1) // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1999. – С. 35–38.

Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А., Рогов Е.Я. Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов // ВДИ. – 1980. – № 4. – С. 155–161.

Викторов С.В. Индикация старых путей кочевания казахских родов Табын и Адай и ее значение для современного освоения Устюрта // Известия Всесоюзного географического общества. – 1971. – Т. 103. – Вып. 5. – С. 444–451.

Викторова В.Д. Пути и формы взаимодействия населения лесной полосы Зауралья (эпохи неолита и раннего железного века) // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Прикамья: Материалы Междунар. науч. конф. к 30-летию Камско-Вятской археологической экспедиции. – Ижевск: Изд-во института экономики и управления Удмуртского гос. ун-та, 2002. – С. 36–41.

Винников К.Я., Гройсман П.Я. Эмпирическая модель современных изменений климата // Метеорология и гидрология. – 1979. – № 3. – С. 25–36.

Виноградов А.В. Памятники алды-бельской культуры в Туве // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. – Кызыл, 1980. – С. 60–64.

Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV вв. до н. э.). – Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1972. – 392 с.

Виноградов Н.Б. Отчет о полевых археологических исследованиях на территории Челябинской и Курганской областей в 1985 году. – Челябинск, 1985 // Архив ИА РАН Р-1, №10677.

Виноградов Ю.А., Марченко К.К. Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории // РА. – 1991. – № 1. – С. 145–155.

Вишневецкая О.А. Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в VII–V вв. до н. э. (по материалам Уйгарака) // Труды ХАЭЭ. – 1973. – Т. VIII. – 160 с.

Военно-статистическое обозрение Российской империи. – Т. XIV. Оренбургский край и земли киргизкайсаков. – СПб., 1848. – 157 с.

Воробьева С.Л. Происхождение и время появления в лесостепи Приуралья поясных накладок с изображением голов грифонов // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2010. – № 2 (28). – С. 52–59.

Восточная Сарыарка. Каркаралинский регион в прошлом и настоящем. – Алматы: Эверо, 2004. – 564 с.

Востров В.В. Казахи Джаныбекского района Западно-Казахстанской области (Историко-этнографический очерк) // Труды ИИАЭ АН КазССР. Т. 3. Этнография. – Алма-Ата, 1956. – С. 5–104.

Востров В.В. Новые материалы по этнографии казахов-адаевцев // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР. – Алма-Ата, 1960. – Т. 8. – С. 158–176.

Востров В.В. Родоплеменной состав и расселение казахов на территории Семиреченской области

(конец XIX – начало XX в.) // Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана: Труды ИИАЭ АН КазССР. – Алма-Ата, 1961. – Т. 12. – С. 119–135.

Востров В.В. Родоплеменной состав и расселение казахов на территории Тургайской области (конец XIX – начало XX в.) // Вопросы этнографии и антропологии Казахстана: Труды ИИАЭ АН КазССР. – Алма-Ата, 1962. – Т. 16. – С. 72–94.

Востров В.В. Некоторые вопросы этнографии казахов Кызыл-Ординской области // Материалы и исследования по этнографии казахского народа: Труды ИИАЭ АН КазССР. – Алма-Ата, 1963. – Т. 18. – С. 30–50.

Востров В.В., Муканов М.С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX – начало XX в.). – Алма-Ата: Наука КазССР, 1968. – 256 с.

Вяткин М.П. Очерки по истории Казахской ССР. – Т. 1. С древнейших времен до 1870 г. – М.: Госполитиздат, 1941. – 368 с.

Гаврилюк А.Г., Таиров А.Д. Курганы у с. Обручевка в Южном Зауралье // Кочевники урало-казахстанских степей. – Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. – С. 53–67.

Гаврилюк А.Г., Таиров А.Д. Кочевническое погребение VII в. до н. э. в ареале иткульской культуры // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Тез. докладов региональной науч.-практич. конф. – Челябинск: Изд-во Челябинского гос. ун-та, 2002. – С. 19–22.

Гаврилюк А.Г., Таиров А.Д. Иртыш-14 – погребальный комплекс степных кочевников в зауральской лесостепи // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). – Челябинск: Рифей, 2006. – С. 225–245.

Гаврилюк Н.А. Домашнее производство и быт степных скифов. – Киев: Наук. думка, 1989. – 112 с.

Галанина Л.К. К вопросу о кубанском очаге раннескифской культуры // ВДИ. – 1997. – № 3. – С. 125–137.

Гарустович Г.Н. Погребения переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку в Башкирском Зауралье // Уфимский археологический вестник. – 2000. – Вып. 2. – С. 123–128.

Гвоздецкий Н.А., Николаев В.А. Казахстан. Очерк природы. – М.: Мысль, 1971. – 295 с.

Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. Курганы у озера Фоминцево // ВАУ. – 1969. – Вып. 8. – С. 90–101.

Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. – М.: Наука, 1972. – 372 с.

Глушко Е.В. Цикличность ландшафтообразования Южного Приаралья в голоцене // География и природные ресурсы. – 1996. – № 4. – С. 30–37.

Горбунов В.С., Исмагилов Р.Б. Новые находки мечей и кинжалов савромато-сарматского времени в Башкирии // СА. – 1976. – № 3. – С. 229–247.

Горбунова Н.Г. Конская упряжь ранних саков Центральной Азии (Средняя Азия и Казахстан, кроме Западного) // Древние цивилизации Евразии. История и культура. – М.: Восточная литература РАН, 2001. – С. 179–200.

Горелик М.В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н. э.). – М.: Наука, Изд. фирма «Восточная литература», 1993. – 349 с.

Горный музей. Санкт-Петербургский горный университет. <http://old.spmi.ru/node/2979> и <http://www.spmi.ru/system/files/lib/museum/zali/kinzhal.jpg>

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. – М.: Наука, 1980. – 256 с.

Гришин Ю.С., Тихонов Б.Г. Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа // МИА. – 1960. – № 90. – 208 с.

Грудочко И.В. Вопросы культурной принадлежности и хронологии курганов с «усами» // Наука ЮУрГУ: Материалы 68-й науч. конф. Секции социально-гуманитарных наук. – Челябинск: Изд. центр Южно-Уральского гос. ун-та, 2016. – С. 291–299.

Грудочко И.В. К вопросу о хронологии курганов с «усами» урало-казахстанских степей // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание): Материалы Всероссийской (с междунар. участием) науч. конф. – Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2016а. – С. 216–219.

Грудочко И.В., Епимахов А.В. Хронология курганов с «усами»: сравнительный анализ радиоуглеродных и археологических датировок // Казахское ханство в потоке истории: Сб. науч. статей, посв. 550-летию образования Казахского ханства. – Алматы, 2015. – С. 534–541.

Грязнов М.П. Памятники майэмирского этапа ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. – 1947. – Вып. 18. – С. 9–17.

Грязнов М.П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане // СА. – 1952. – 16. – С. 129–162.

Грязнов М.П. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников // КСИИМК. – 1956. – Вып. 61. – С. 8–16.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. – 1956а. – № 48. – 228 с.

Грязнов М.П. Восточное Приаралье // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. – М.; Л.: Наука, 1966. – С. 233–238.

Грязнов М.П. Пастушеские племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы // КСИА. – 1970. – Вып. 122. – С. 37–43.

Грязнов М.П. Алтай и приалтайская степь // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 161–178.

Гумилев Л.Н., Эрдейи И. Единство и разнообразие степной культуры Евразии в средние века (опыт анализа) // Народы Азии и Африки. – 1969. – № 3. – С. 78–87.

Гуркин С.В. О предках кыпчаков и кимаков // Донская археология. – 2000. – № 3, 4. – С. 6–22.

Гуцалов С.Ю. Курган раннескифского времени на Илеке // АПО. – 1998. – Вып. 2. – С. 127–136.

Гуцалов С.Ю. Культура ранних кочевников Орско-Уральского междуречья в VII–I вв. до н. э.: Дис. ... канд. ист. наук. – Уфа, 2000. – 189 с.

Гуцалов С.Ю. О роли скифов в формировании прохоровской культуры // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: Материалы IV Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». – Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000а. – Вып. 2. – С. 58–74.

Гуцалов С.Ю. Кочевники Южного Урала в конце V–III вв. до н. э. // XV Уральское археологическое совещание: Тез. докладов Междунар. науч. конф. – Оренбург: Оренбургская губерния, 2001. – С. 128–129.

Гуцалов С.Ю. Скифы на Южном Урале // Этнопаранама. – 2001а. – № 1. – С. 55–59.

Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н. э. – Уральск, 2004. – 136 с.

Гуцалов С.Ю. Ярусные погребения Южного Приуралья // Уфимский археологический вестник. – 2004. – Вып. 5. – С. 135–152.

Гуцалов С.Ю., Бисембаев А.А. Погребения предскифского времени с территории орско-илецких степей // Вопросы археологии Западного Казахстана. – Вып. 2. – Актобе, 2005. – С. 78–82.

Давыдова Л.П. Организация пастбищного хозяйства в степном табунном коневодстве. – М.: Сельхозгиз, 1939. – 184 с.

Дараган М.Н. Происхождение и хронология псалий типа Уашхиту-Жаботин в контексте центральноазиатских инноваций комплекса РСК-1 // Снаряжение кочевников Евразии. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2005. – С. 99–103.

Даценко Н.М., Сонечкин Д.М. Реконструкция синхронных вековых колебаний на западе и востоке Северного полушария за последние 2000 лет и их связь

с солнечной активностью // Известия РАН. Сер. географическая. – 2009. – № 4. – С. 40–48.

Дворниченко В.В., Плахов В.В., Очир-Горяева М.А. Погребения ранних кочевников из Нижнего Поволжья // РА. – 1997. – № 3. – С. 127–131.

Дежярева А.Д. Металлообработка раннего железного века Среднего Приишимья // Западная Сибирь – проблемы развития. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 1994. – С. 20–31.

Демин М.А., Гельмелю Ю.И. Курганное погребение раннескифского времени из Горного Алтая // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. – Барнаул, 1992. – С. 29–34, 170–175.

Демин М.А., Ситников С.М. Некоторые новые находки раннескифского времени с берегов Гилевского водохранилища // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1999. – С. 43–47.

Денисов В.П., Коренюк С.Н. Чекан с р. Сарабаихи // Археология и этнография Среднего Приуралья. – Березники, 2001. – Вып. 1. – С. 137–142.

Дерендяев Д.С. Взаимодействие ананьинских групп Прикамья (по материалам поселений) // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья: Материалы Междунар. науч. конф. к 30-летию Камско-Вятской археологической экспедиции. – Ижевск: Изд-во института экономики и управления Удмуртского гос. ун-та, 2002. – С. 197–199.

Дерягин В.В. Озерные геосистемы восточного склона Южного Урала и их изменение в зоне техногенного воздействия: Дис. ... канд. географ. наук. – Пермь, 1999.

Дерягин В.В., Марков С.С. Некоторые проблемы палеоэкологических реконструкций среды обитания населения озер Южного Зауралья второй половины голоцена // Вестник ЧГПУ. Сер. 1. Исторические науки. – 2004. – № 2. – С. 88–104.

Джантюрин С. Очерки киргизского коневодства // Журнал коннозаводства. – 1883. – № 7. – С. 26–33.

Дирксен В.Г., Кулькова М.А., van Geel B. и др. Изменение климата и растительности Южной Сибири в голоцене и динамика археологических культур // Современные проблемы археологии России. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2006. – Т. 1. – С. 198–200.

Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. ун-та, 1990. – 164 с.

Добросмыслов А.И. Скотоводство в Тургайской области. – Оренбург, 1895. – 360 с.

Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк // Известия Оренбургского отдела ИРГО. – Вып. 17. – Тверь, 1902. – С. 257–524.

Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. – М.: Наука, 1982. – 455 с.

Дрябина Л.Н. Отчет о раскопках стоянки Дружный XIV и могильника Дружный XIVa в Варненском районе Челябинской области в 1978 году // Архив ИА РАН. – P-I, № 7064.

Дубман Э.Л. Особенности системы кочевания у ногайского сообщества середины XVI в. (на примере ногаев Волго-Уральского междуречья) // Краеведческие записки. – Самара, 2005. – Вып. XII. – С. 140–168.

Дубман Э.Л. Юго-Восток Европейской России. Ч. I. Поволжский фронт в середине XVI–XVII вв. Очерки истории. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2012. – 236 с.

Дубман Э.Л., Мышкин В.Н., Матвеев В.И. и др. Некоторые особенности хозяйственного использования степных пастбищ Самарского Заволжья скотоводческими племенами // Краеведческие записки. – Самара, 2003. – Вып. 11. – С. 46–81.

Дударев С.Л. К вопросу о месте «киммерийских» комплексов из Западной Азии в системе хронологических и культурных связей Причерноморья, Кавказа и восточных районов Евразии // ВДИ. – 1998. – № 4. – С. 77–93.

Дуке Х. О некоторых параллелях тагискенской и карасукской керамики // История материальной культуры Узбекистана. – Ташкент: Фан, 1969. – Вып. 8. – С. 63–68.

Дэвлет М.А. Курганы скифского времени «Тора-Хем Вторая поляна» в Тоджинском хошуне Тувы // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2005. – С. 104–112.

Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана: Учебное пособие. – Караганда: Изд-во Карагандинского гос. ун-та, 2002. – 138 с.

Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология. – СПб., 2005. – 290 с.

Епимахов А.В. Завершающие века эпохи бронзы Южного Зауралья: штрихи к портрету // Проблемы археологического изучения Южного Урала. – Челябинск: АБРИС, 2009. – С. 72–82.

Епимахов А.В. «Темные века» эпохи бронзы Южного Зауралья // РА. – 2010. – № 2. – С. 39–50.

Епимахов А.В., Таиров А.Д. К вопросу о переходе от бронзового к раннему железному веку в Урало-Иртышском междуречье (степь и лесостепь)

// Российский археологический ежегодник. – № 3. – 2013. – С. 212–232.

Ермолаева А.С. Исследования на левом берегу Иртыша в Восточном Казахстане // АО 1983 г. – М.: Наука, 1985. – С. 509, 510.

Ермолаева А.С. Памятники переходного периода от эпохи бронзы к раннему железу // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1987. – С. 64–94.

Ермолаева А.С. Измайловский погребальный комплекс переходного периода от бронзы к раннему железу из Восточно-Казахстанского Прииртышья // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Изд-е Башкирского ун-та, 1987а. – С. 154–163.

Жданко Т.А. Проблема полуседлого населения в истории Средней Азии и Казахстана // СЭ. – 1961. – № 2. – С. 53–62.

Жданко Т.А. Номадизм в Средней Азии и Казахстане (некоторые исторические и этнографические проблемы) // История, археология и этнография Средней Азии. – М.: Наука, 1968. – С. 247–281.

Жданко Т.А. О близости некоторых исторических традиций у каракалпаков и башкир // АЭБ. – Т. IV. – 1971. – С. 161–173.

Железчиков Б.Ф. Ранние кочевники Южного Приуралья: Дис. ... канд. ист. наук // Архив ИА РАН. – P-2, № 2261–2263. – М., 1979. – 189 с.

Железчиков Б.Ф. Экология и некоторые вопросы хозяйственной деятельности сарматов Южного Приуралья и Заволжья в VI в. до н. э. – I в. н. э. // История и культура сарматов. – Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 1983. – С. 48–59.

Железчиков Б.Ф. Некоторые вопросы развития скотоводческого хозяйства сарматов Южного Приуралья // Памятники кочевников Южного Урала.– Уфа: БФ АН СССР, 1984. – С. 3–17.

Железчиков Б.Ф., Джубанов А.А. Животноводство населения эпохи раннего железа в Северном Прикаспии // Археология восточно-европейской степи. – Саратов, 1989. – С. 101–106.

Жумангабетов Т.С. Право собственности на землю у средневековых кочевников // Восток. – 2003. – № 4. – С. 113–116.

Жунисханов А. Погребальный обряд населения Восточного Казахстана раннесакского времени // Всадники Великой степи: традиции и новации. – Астана: Изд. группа ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2014. – Т. IV. – С. 139–141.

Завадский-Краснопольский А.К. При-Аральский край. Природа, население и ее особенности // Туркестанский Сборник. – СПб., 1874. – Т. 70. – С. 229–270.

Завитухина М.П. Курганы у с. Быстрянского в Алтайском крае // АСГЭ. – 1966. – Вып. 8. – С. 61–77.

Заднепровский Ю.А. Ранние кочевники Южного Казахстана и Ташкентского оазиса // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 101–107.

Заднепровский Ю.А., Бушков В.И. Предметы кочевников эпохи раннего железа в Эйлтанском районе Ферганы // РА. – 1998. – № 3. – С. 136–141.

Зайцева Г.И., Алексеев А.Ю., Боковенко Н.А., Васильев С.С., Дергачев В.А., Кук Г., Лебедева Л.М., ванн дер Плихт Х., Аосснерт Г., Семенцов А.А., Скотт М., Чузунов К.В. Археологическая и радиоуглеродная хронология памятников скифского времени Нижнего Поволжья и Южного Урала // XV Уральское археологическое совещание: Тез. докладов Междунар. науч. конф. – Оренбург: Оренбургская губерния, 2001. – С. 130–132.

Зах В.А., Зимина О.Ю., Рябогина Н.Е., Сковина С.Н., Усачева И.В. Ландшафты голоцена и взаимодействия культур в Тоболо-Ишимском междуречье. – Новосибирск: Наука, 2008. – 212 с.

Зах В.А., Зимина О.Ю., Сковина С.Н., Усачева И.В. Геоморфология поселений эпохи неолита – средневековья в Тоболо-Ишимье (на примере Андреевского и Мергенского археологических микрорайонов) // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. – Вып. 6. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2005. – С. 108–117.

Зах В.А., Рябогина Н.Е. Ландшафты и человек в среднем и позднем голоцене лесостепного Тоболо-Ишимья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 4. – С. 85–100.

Захаров И.В. Материальная культура казахов-колхозников юго-восточного Казахстана (По материалам Алма-Атинской и Джамбульской областей) // Труды ИИАЭ АН КазССР. – Алма-Ата, 1956. – Т. 3. Этнография.– С. 105–189.

Збруева А.В. О датировке акинака из Луговского могильника // КСИИМК. – 1947. – Вып. 15. – С. 142–145.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. – 1952. – № 30. – С. 321 с.

Зверева Ю.И., Калиновская К.П. Традиционные кочевые скотоводы Восточного Казахстана XIX – первой трети XX вв. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. – 1989. – № 3. – С. 71–81.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. – 184 с.

Зданович С.Я. Могильник эпохи бронзы Бурлук I // По следам древних культур Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1970. – С. 154–163.

Зданович С.Я. Саргаринская культура – заключительный этап бронзового века в Северном Казахстане: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1979. – 19 с.

Зиманов С.З. Общественный строй казахов первой половины XIX века. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1958. – 296 с.

Златкин И.Я. К вопросу о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов // ВИ. – 1955. – № 4. – С. 72–80.

Златкин И.Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). – М.: Наука, 1964. – 482 с.

Златкин И.Я. Основные закономерности развития феодализма у кочевых скотоводческих народов // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. – М.: Наука, 1982. – С. 255–268.

Зуев В.Ю. Ритуал очищения у скифов и массагетов в аспекте проблемы культурно-исторического единства евразийской Скифии VII–V вв. до н. э. // Маргулановские чтения: Сб. материалов конф. – Алма-Ата, 1989. – С. 132–137.

Зуев В.Ю., Исмагилов Р.Б. Курганы у дер. Гумарово в Южном Приуралье // АПО. – 1999. – Вып. 3. – С. 105–123.

Зуев Ю.А. Историческая проекция казахских генеалогических преданий (К вопросу о пережитках триальной организации у кочевых народов Центральной Азии) // Казахстан в эпоху феодализма (Проблемы этнополитической истории). – Алма-Ата: Наука КазССР, 1981. – С. 63–78.

Зыкин В.С., Зыкина В.С., Орлова Л.А. Природная среда и климат теплых эпох четвертичного периода юга Западной Сибири // Геология и геофизика. – 2000а. – Т. 41. – № 3. – С. 297–317.

Зыкин В.С., Зыкина В.С., Орлова Л.А. Стратиграфия и основные закономерности изменения природной среды и климата в плейстоцене и голоцене Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000б. – № 1 – С. 3–22.

Зяблин Л.П. Карасукский могильник Малые Копены 3. – М.: Наука, 1977. – 143 с.

Ибрагимов С.К. «Михман наме-и-Бухара» Рубеихана как источник по истории Казахстана XV–XVI вв. // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. – Алма-Ата, 1960. – Т. 8. – С. 141–157 (Труды ИИАЭ АН КазССР).

Иванов В.А. О роли племен Зауралья и Поволжья в сложении населения Башкирии эпохи раннего ананьина // Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа: Тез. докладов и сообщений. – Уфа, 1976. – С. 30–32.

Иванов В.А. Культурные связи оседлых племен Приуралья с кочевниками великого пояса степей в эпоху раннего железа (к постановке проблемы) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство: Материалы I Всесоюзной археологической конф. – Кемерово: Изд-во Кемеровского гос. ун-та, 1980. – С. 74–84.

Иванов В.А. Вооружение и военное дело финноугров Приуралья в эпоху раннего железа (I тыс. до н. э. – первая половина I тыс. н. э.). – М.: Наука, 1984. – 88 с.

Иванов Г.Е. Два бронзовых кинжала раннескифского времени из степного Алтая // Западная и Южная Сибирь в древности. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2005. – С. 72–76.

Иванов И.В. Эволюция почв степной зоны как индикатор изменений климатических условий в голоцене // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена. – М.: Наука, 1989. – С. 68–75.

Иванов И.В. Эволюция почв степной зоны в голоцене. – М.: Наука, 1992. – 143 с.

Иванов И.В. Причины колебаний уровня Каспийского моря в голоцене по данным палеогеографии и палеопочвоведения // Водные ресурсы. – 2000. – Т. 27. – № 3. – С. 267–272.

Иванов И.В. Динамика атмосферного увлажнения и эволюция почв аридной области умеренного пояса Севера Евразии в голоцене // Почвенные процессы и пространственно-временная организация почв. – М.: Наука, 2006. – С. 7–34.

Иванов И.В., Васильев И.Б. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. – М.: Интеллект, 1995. – 264 с.

Иванов И.В., Лисецкий Ф.Н. Связь ритмов почвообразования с периодичностью солнечной активности за последние 5 тысяч лет // Доклады Академии наук. – 1994. – Т. 334. – № 2. – С. 230–233.

Иванов И.В., Луковская Т.С. Роль пространственно-временных изменений экологических условий евразийских степей в развитии древних культурно-исторических общностей // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей: Материалы Междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рожд. П.Д. Рау (1897–1997) (г. Энгельс Саратовской обл.). – Саратов, 1997. – Ч. 2. – С. 79–86.

Иванов И.В., Луковская Т.С. Динамика природных условий, почвообразования и взаимодействие природы о общества в степях Евразии, некоторые вопросы палеогеографии голоцена // Экология и почвы. Избранные лекции I-VII школ (1991–1997). – Пущино, 1998. – Т. 1. – С. 283–302.

Иванов И.В., Чернянский С.С. Общие закономерности развития черноземов Евразии и эволюция черноземов Зауралья // Почвоведение. – 1996. – № 9. – С. 1045–1055.

Иванов И.В., Чернянский С.С. Вопросы археологического почвоведения и некоторые результаты палеопочвенных исследований в заповеднике Аркаим // Археологический источник и моделирование древних технологий: Труды музея-заповедника «Аркаим». – Челябинск, 2000. – С. 3–16.

Иванов С.Н., Рябогина Н.Е. Реконструкция природного окружения населения Южного Зауралья в бронзовом и раннем железном веках (по спорово-пыльцевым материалам из культурных слоев) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М.: ИА РАН, 2008. – Т. III. – С. 356–358.

Иванов С.С. Кинжалы ранних кочевников Семиречья и Тянь-Шаня // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. – Барнаул: Азбука, 2008. – С. 37–40.

Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. – М., 2001. – 324 с.

Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII–IV вв. до н. э. – Киев: Наук. думка, 1983. – 380 с.

Исмагил Р. Сарматское окно в Европу // Вопросы археологии Западного Казахстана. – Самара, 1996. – С. 176–211.

Исмагил Р. Бегазы-дандыбаевский феномен и его типологические параллели // Уфимский археологический вестник. – 1998. – Вып. 1. – С. 3–7.

Исмагил Р. Клинковое оружие досакского и сакского времени из Центральной и Северо-Западной Азии // Этносы и культуры на стыке Азии и Европы. – Уфа: Гилем, 2000. – С. 127–145.

Исмагилов Р.Б. К вопросу о памятниках гумаровского типа в Восточной Европе (древнейший скифский курган из Южного Приуралья) // Скифская эпоха Алтая: Тез. докладов к конф. – Барнаул, 1986. – С. 62–64.

Исмагилов Р.Б. Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема происхождения скифской культуры // АСГЭ. – 1988. – Вып. 29. – С. 29–47.

Исмагилов Р.Б. К этимологии Massagetarum и Phryssagetarum // Маргулановские чтения: Сб. материалов конф. – Алма-Ата, 1989. – С. 137–141.

Исмагилов Р.Б. Сарматское окно в Европу // Актуальные проблемы древней истории и археологии Южного Урала. – Уфа: Восточный университет, 1996. – С. 32–72.

Исмагулов О. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности (Палеоантропологическое исследование). – Алма-Ата: Наука КазССР, 1970. – 240 с.

Исмагулова А.С., Бейсенов А.З. К изучению антропологического типа населения Центрального Казахстана раннекочевнического времени // 100 лет гуннской археологии. Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен: Тез. докладов Междунар. конф. – Улан-Удэ, 1996. – Ч. 1. – С. 110–115.

История археологии Южного Зауралья / В.С. Мосин, С.А. Григорьев, А.Д. Таиров, С.Г. Боталов, Г.Х. Самигулов. – Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 2002. – С. 113–186.

История Казахской ССР (С древнейших времен до наших дней). – Алма-Ата: Наука КазССР, 1977. – Т. 1. – 479 с.

История Казахской ССР (С древнейших времен до наших дней). – Алма-Ата: Наука КазССР, 1979. – Т. 2. – 424 с.

История Казахской ССР (С древнейших времен до наших дней). – Алма-Ата: Наука КазССР, 1979а. – Т. 3. – 544 с.

История первобытного общества. Эпоха классового образования. – М.: Наука, 1988. – 568 с.

Итина М.А. Ранние саки Приаралья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 31–47.

Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). – М.: РОССПЭН, 1997. – 187 с.

Итина М.А., Яблонский Л.Т. Мавзолеи Северного Тагискена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. – М.: Восточная литература РАН, 2001. – 295 с.

Кадомцев А.В. Отчет о поездке в Киргизские степи Европейской и Азиатской России с целью исследования условий и причин развития и распространения скотских падежей / Ветеринарного врача А.В. Кадомцева. – СПб., 1877. – 107 с.

Кадырбаев М.К. О некоторых памятниках ранних кочевников Центрального Казахстана // Известия АН КазССР. Сер. История, археология и этнография. – 1958. – Вып. 1 (6). – С. 95–104.

Кадырбаев М.К. Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннежелезного века Казахстана // Новое в археологии Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1968. – С. 21–36.

Кадырбаев М.К. Могильник Жиланды на реке Нуре // В глубь веков. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1974. – С. 25–45.

Кадырбаев М.К. Курганы Котанэмеля // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, Ленинградское отд., 1975. – С. 127–132.

Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках (Сборник документов и материалов). – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961. – 739 с.

Казахстан. – М.: Наука, 1969. – 482 с. (Природные условия и естественные ресурсы СССР).

Казахстан. Общая физико-географическая характеристика. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 491 с.

Калиева С.С. Поселение Кожай 1. – Алматы, 1998. – 255 с.

Калиева С.С., Логвин В.Н. Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры. – Кустанай, 1997. – 180 с.

Калиева С.С., Логвин В.Н. Культурогенетические процессы III тыс. до н. э. в степях Зауралья и Северного Казахстана // Современные проблемы археологии России. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2006. – Т. 1. – С. 380–382.

Калиновская К.П., Марков Г.Е. Скотоводы Азии и Африки. Проблемы исторической типологии и периодизации // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. – 1983. – № 3. – С. 59–71.

Кан Ин Ук. Проблема выделения кинжала «типа Цинь» из ордосских комплексов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. 5. Материалы VII Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН (декабрь 1999 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1999. – С. 372–379.

Кариев Е., Оралбай Е. Х-образные поясные накладки из Восточного Казахстана // Известия НАН РК. Сер. общественных наук. – 2013. – № 3 (289). – С. 50–60.

Каруц Р. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. – СПб., 1910. – 188 с.

Килуновская М.Е. Памятники раннескифского времени Тувы (по материалам раскопок ТАЭ в 2011–2013 гг.) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Материалы V Междунар. науч. конф.: в 2 ч. – Кызыл, 2014. – Ч. I. – С. 88–93.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. – Ч. 1: Культура населения в раннескифское время. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1997. – 232 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Изучение курганов раннескифского времени, раскопанных на могильнике Тыткескень–VI в Горном Алтае // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1997а. С. 162–171.

- Киселев С.В.* Алтай в скифское время // ВДИ. – 1947. – № 2. – С. 157–172.
- Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 642 с.
- Китов Е.П., Бейсенов А.З.* Черепа с трепанациями из курганов раннего железного века Сарыарки // Вестник Московского университета. Сер. XXIII. Антропология. – 2015. – № 1. – С. 37–48.
- Китов Е.П., Хохлов А.А.* К палеоантропологии заключительного этапа эпохи бронзы – начала железного века Южного Зауралья // Этнические взаимодействия на Южном Урале. – Челябинск: Рифей, 2013. – С. 277–282.
- Климанов В.А.* Климат Северной Евразии в позднеледниковье и голоцене (по палинологическим данным): Автореф. дис. ... д-ра географ. наук. – М., 1996. – 46 с.
- Климанов В.А.* Климат Северной Евразии в неогляциале (около 2500 лет назад) // Доклады Академии наук. – 2002. – Т. 386. – № 5. – С. 676–680.
- Климанов В.А., Тарасов П.Е., Тарасова И.В.* Колебания климата степной зоны Казахстана в голоцене (по данным споро-пыльцевого анализа) // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. – 1994. – № 1. – С. 99–104.
- Климат Казахстана.* – Л.: Гидрометеиздат, 1959. – 360 с.
- Клименко В.В.* Климат и история в эпоху первых высоких культур (3500–500 гг. до н. э.) // Восток. – 1998. – № 4. – С. 5–24.
- Клименко В.В.* Климат и история от Конфуция до Мухаммада // Восток. – 2000. – № 1. – С. 5–32.
- Клименко В.В.* Климат и история в средние века // Восток. – 2003. – № 1. – С. 5–41.
- Клименко В.В., Климанов В.А.* Холодный климат ранней субатлантической эпохи в Северном полушарии // Доклады Академии наук. – 2003. – Т. 391. – № 3. – С. 393–397.
- Клименко В.В., Слепцов А.М.* Комплексная реконструкция климата Восточной Европы за последние 2000 лет // Известия РГО. – 2003. – Т. 135. – Вып. 6. – С. 45–53.
- Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Казахстан. Летопись трех тысячелетий. – Алма-Ата: Рауан, 1992. – 375 с.
- Ковалев А.А.* Происхождение скифов согласно данным археологии // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э.: Материалы конф., посвященные 100-летию со дня рожд. А.А. Иессена. – СПб., 1996. – С. 121–127.
- Ковалев А.А.* О происхождении оленных камней западного региона // Археология, палеоэкология и

- палеодемография Евразии. – М.: ГЕОС, 2000. – С. 138–180.
- Ковалев А.А.* Происхождение скифов из Джунгарии: основания гипотезы и ее современное состояние // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: Сб. статей, посвященный памяти Е.Е. Кузьминой. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2014. – С. 124–136.
- Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д.* Поздний бронзовый век и начало раннего железного века Монголии в свете открытий международной центрально-азиатской археологической экспедиции // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Материалы Междунар. науч. конф. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2010. – С. 104–117.
- Колесник В.И.* Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII–XVIII веках. – М.: Восточная литература, 2003. – 286 с.
- Комиссаров С.А.* Новая датировка начала железного века в Китае // III годовая итоговая сессия Института археологии и этнографии СО РАН (ноябрь 1995 г.): Тез. докладов. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1995. – С. 67, 68.
- Комиссаров С.А.* Бронзовое зеркало с узором из Восточного Туркестана (Синьцзяна) // Международная конф. по первобытному искусству: Тез. докладов. – Кемерово: Изд-во Кемеровского гос. ун-та, 1998. – С. 101, 102.
- Комиссаров С.А.* О культуре яньбулак (Восточный Туркестан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. 5. Материалы VII Годовой юбилейной сессии Института археологии и этнографии СО РАН (декабрь 1999 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1999. – С. 397–402.
- Комиссаров С.А.* Культура раннего железного века в Южном Притяньшанье на территории Восточного Туркестана (Синьцзяна) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. 6. Материалы Годовой юбилейной сессии Института археологии и этнографии СО РАН (декабрь 2000 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2000. – С. 303–307.
- Комиссаров С.А.* Культура Чаухугоу Восточного Туркестана (Синьцзяна) // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. – Т. 1. Археология. Этнология: Материалы Междунар. науч. конф. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000а. – С. 106–108.
- Комиссаров С.А.* О бронзовых изделиях культуры чауху (Восточный Туркестан) // Проблемы археоло-

- гии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. 8. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2002 г. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2002. – С. 345–349.
- Коновалов П.Б.* Этнические аспекты истории Центральной Азии (Древность и средневековье). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – 214 с.
- Коренюк С.Н.* О связях ананьинских племен Прикамья с населением Казахстана и Южной Сибири // XIV Уральское археологическое совещание: Тез. докладов. – Челябинск: Рифей, 1999. – С. 122–123.
- Коренюк С.Н.* Ананьинская культура в трудах А.П. Смирнова и новые данные в ее изучении // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья: Материалы науч. конф. // Труды ГИМ. – Вып. 122. – М., 2000. – С. 68–79.
- Кореняко В.А.* О погребениях времени перехода от бронзы к железу в Приуральских степях // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. – Уфа: БФ АН СССР, 1982. – С. 38–51.
- Кореняко В.А.* Погребение савроматского времени на Восточном Маньчже // СА. – 1982а. – № 2. – С. 223–229.
- Кореняко В.А.* О социологической интерпретации памятников бронзового века (погребения дандыбайбегазинского типа) // СА. – 1990. – № 2. – С. 28–40.
- Кореланов К.И.* Особенности генезиса звериного стиля в прикладном искусстве Среднего Поволжья и Прикамья в VII–III вв. до н. э. // Проблемы скифосибирского культурно-исторического единства: Тез. докладов Всесоюзной археологической конф. – Кемерово, 1979. – С. 140–145.
- Королюк Е.А., Артемов И.А.* Растительные остатки в захоронении Аржан-2 (Тува) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 2 (10). – С. 124–126.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И.* Заключительный этап бронзового века в Тюменском Притоболье (краткая характеристика комплексов бархатовской культуры) // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях: Тез. науч. конф., посвященный 90-летию со дня рожд. К.В. Сальникова. – Уфа: Изд-во Башкирского гос. ун-та, 1991. – С. 59–62.
- Корякова Л.Н.* Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1988. – 240 с.
- Корякова Л.Н.* Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири (Тоболо-Иртышская провинция на ранней и средней стадиях железного века): Дис. ... д-ра ист. наук в форме научного доклада. – Новосибирск, 1993. – 72 с.

- Корякова Л.Н.* Гаевский могильник в контексте эволюции саргатской культурной общности // Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Гаевский могильник саргатской общности: антропологическое исследование. – Екатеринбург, 1997. – С. 138–154.
- Косинцев П.А.* Особенности хозяйства восточного склона Урала в раннем железном веке // Проблемы Урало-Сибирской археологии. – Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1986. – С. 79–89.
- Костенко Л.* Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. – СПб., 1871. – 358 с.
- Костюков В.П.* Отчет о полевых археологических исследованиях в Карталинском и Чесменском районах Челябинской области в 1990 г. – Челябинск, 1991. – Т. II // Архив археологической лаборатории ЧГПУ.
- Костюков В.П.* Улус Шибана в XIII–XIV вв. (по письменным источникам) // Проблемы истории, филологии, культуры. – М.: Магнитогорск, 1998. – Вып. 6. – С. 210–224.
- Костюков В.П.* Новые материалы к проблеме мировоззрения населения финальной бронзы Южного Зауралья // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н. э.: региональные особенности в свете универсальных моделей: Материалы к конф. – Челябинск: Изд-во Челябинского гос. ун-та, 1999. – С. 258–262.
- Костюков В.П., Епимахов А.В.* Проблема культурной интерпретации памятников финальной бронзы Южного Зауралья // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2003. – Кн. 1. – С. 278–282.
- Костюков В.П., Епимахов А.В.* Хронология и культурная интерпретация памятников финальной бронзы Южного Зауралья // Вопросы археологии Западного Казахстана. – Актобе, 2005. – Вып. 2. – С. 70–77.
- Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В.* К вопросу о памятниках Южного Зауралья эпохи финальной бронзы // Новое в археологии Южного Урала. – Челябинск: Рифей, 1996. – С. 151–163.
- Костюков В.П., Ражев Д.И.* Погребения из курганной группы Верблюжьей горки и некоторые проблемы перехода от эпохи бронзы к раннему железному веку в Южном Зауралье // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Сер. 1. Исторические науки. – 2004. – № 2. – С. 129–149.
- Кочеев В.А.* Оружейный комплекс раннескифского времени Горного Алтая (проблема реконструкции военного дела) // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. – № 7. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайского гос. ун-та, 2001. – С. 110–120.

Крадин Н.Н. Археолого-этнографические комплексы Агинских степей: к постановке проблемы // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Омск: ООО «Издательский дом Наука», 2006. – Т. 9. – С. 27–39.

Кранихфельд В.П. Степное киргизское хозяйство в Уральском уезде (Отчет по поездке в степь заведующего делопроизводством Уральского Областного Статистического Комитета В.П. Кранихфельда) // Памятная книжка и Адрес-Календарь Уральской области на 1898 г. – Саратов, 1898. – С. 87–129.

Крашенинников И.М. Растительный покров и хозяйственное использование территории // Казахское хозяйство в его естественно-исторических и бытовых условиях. – 1926. – С. 27–51.

Кременецкий К.В., Тарасов П.Е., Черкинский А.Е. История островных боров Казахстана в голоцене // Ботанический журнал. – 1994. – Т. 79. – № 3. – С. 13–29.

Крил Х.Г. Становление государственной власти в Китае. Империя Западная Чжоу / Пер. с англ. Р.В. Котенко. – СПб.: Евразия, 2001. – 480 с.

Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 520 с.

Кубарев В.Д. Погребение раннескифского времени на реке Каракол // Гуманитарные науки в Сибири. – 1997. – № 3. – С. 6–10.

Кубарев В.Д. Погребение раннескифского времени на р. Каракол // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1998. – С. 74–77.

Кубарев В.Д. Древние зеркала Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 3 (11). – С. 63–77.

Кубарев В.Д., Гребенщиков А.В. Курганы Чуйской степи (по материалам работ Восточноалтайского отряда в полевом сезоне 1975 г.) // Сибирь в древности. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1979. – С. 61–75.

Кузеев Р.Г. Развитие хозяйства башкир в X–XIX вв. (к истории перехода башкир от кочевого скотоводства к земледелию) // АЭБ. – 1968. – Т. 3. – С. 261–321.

Кузеев Р.Г. Краткий очерк этнической истории Башкирского народа // АЭБ. – 1973. – Т. 5. – С. 32–60.

Кузеев Р.Г., Бикбулатов Н.В., Шитова С.Н. Зауральские башкиры (этнографический очерк быта и культуры конца XIX – начала XX в.) // АЭБ. – 1962. – Т. 1. – С. 171–267.

Кузнецова Т.М. Этюды по скифской истории. – М., 1991. – 150 с.

Кузнецова Т.М. Зеркала Скифии VI–II вв. до н. э. – М.: Индрик, 2002. – Т. 1. – 352 с.

Кузнецова Э.Ф. Бронзовые предметы из могильника Сынтас по данным спектрального анализа // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1976. – С. 157–162.

Кузнецова Э.Ф. Изучение продуктов древнего производства из поселения Атасу (по данным спектрального анализа) // Археологические исследования в Отраре. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1977. – С. 116–124.

Кузнецова Э.Ф. Состав металла наконечников стрел Казахстана сакско-савроматского времени // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1980. – С. 152–164.

Кузнецова Э.Ф. Спектроаналитическое изучение металлического инвентаря из тасмолинских памятников Центрального Казахстана // Проблемы реконструкции хозяйства и технологий по данным археологии. – Петропавловск, отдел «Археология Северного Казахстана» ИА НАН РК, 1993. – С. 172–178.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарины? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М.: Изд-во МГП «Калина» ВИНТИ РАН, 1994. – 464 с.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (Медь и бронза). – М.: Наука, 1983. – 256 с.

Кузьминых С.В. Евразийская металлургическая провинция и цветная металлообработка раннего железного века: проблема соотношения // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: Тез. докладов XII Уральского археологического совещания. – Екатеринбург: ИИА УрО РАН; УрГУ, 1993. – С. 119–122.

Кузьминых С.В., Агапов С.А. Медистые песчаники Приуралья и их использование в древности // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. – Екатеринбург: УрО АН СССР, 1989. – С. 178–197.

Кузьминых С.В., Дегтярева А.Д. Технология цветной металлообработки иткульской культуры // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание): Материалы Всероссийской (с междунар. участием) науч. конф. – Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2016. – С. 168–171.

Кукушкин И.А., Ломан В.Г. Курган Борлы // Археологические исследования степной Евразии. – Караганда: «TENGR Ltd», 2013. – С. 192–195.

Кумеков Б. О соотношении этнонима и этноса кыпчак (V–XIII вв.) // Культура кочевников на рубеже веков (XIX–XX, XX–XXI вв.): Проблемы генезиса и трансформации: Тез. докладов Междунар. конф. – Алматы, 1995. – С. 25, 26.

Кунгуров А.Л. Погребальный комплекс раннескифского времени МГК-I в Приобье // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та. 1999. – С. 92–98.

Курманкулов Ж. Новые материалы VIII–VII вв. до н. э. из Центрального Казахстана // Маргулановские чтения: Сб. материалов конф. – Алма-Ата, 1989. – С. 145–147.

Курочкин Г.Н. Ранние этапы формирования скифского искусства (новый фактический материал и необходимость построения эффективной теоретической модели) // Кочевники евразийских степей и античный мир (проблемы контактов): Материалы II археологического семинара. – Новочеркасск, 1989. – С. 102–119.

Курочкин Г.Н. Начальная дата тагарской культуры // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: Тез. докладов Всесоюзной науч. конф. – Барнаул, 1991. – С. 103–105.

Курочкин Г.Н. Скифское искусство звериного стиля и художественные бронзы Луристана // РА. – 1992. – № 2. – С. 102–122.

Курочкин Г.Н. Изображения свернувшегося хищника в тагарском искусстве // КСИА. – 1993. – Вып. 207. – С. 59–67.

Курочкин Г.Н. Богатые курганы скифской знати на юге Сибири (Большой Новоселовский и Большой Полтаковский курганы). – СПб.: ИИМК РАН, 1993а. – Вып. 7. – 94 с. (Археологические изыскания).

Курочкин Г.Н. Золотые изделия из Большого Новоселовского кургана // КСИА. – 1993б. – Вып. 196. – С. 66–72.

Курочкин Г.Н. Раскопки скифского «царского» кургана на юге Сибири // Археологические вести. – 1993в. – № 2 – С. 31–43.

Курочкин Г.Н. Раннескифские зеркала с центральной ручкой: происхождение, распространение, назначение // Тез. докладов Междунар. конф. «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья», посв. 95-летию со дня рожд. профессора Б.Н. Гракова. – Запорожье, 1994. – С. 103.

Курочкин Г.Н., Субботин А.В. Боевые чеканы (клевы) с головкой хищной птицы между бойком и втулкой в азиатской и европейской частях скифского мира (к проблеме происхождения и распростране-

ния) // Античная цивилизация и варварский мир. – Новочеркасск, 1993. – Ч. 2. – С. 59–64.

Курьлев В.П. Кочевая группа западных казахов-адаевцев // Новое в этнографических и антропологических исследованиях: Итоги полевых работ Института этнографии в 1972 г. – М., 1974. – Ч. 1. – С. 82–90.

Курьлев В.П. Опыт типологии скотоводческого хозяйства казахов (вторая половина XIX – начало XX в.) // Проблемы типологии в этнографии. – М.: Наука, 1979. – С. 166–173.

Курьлев В.П. Скот, земля, община у кочевых и полукочевых казахов (вторая половина XIX – начало XX в.). – СПб.: МАЭ РАН, 1998. – 296 с.

Курфтин Б.А. Киргиз-казаки. Культура и быт. – М.: Изд-во Центрального музея народоведения, 1926. – 48 с.

Кушаев Г.А. Ранние погребения Алакульской впадины // Новое в археологии Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1968. – С. 135–145.

Кызласов Л.Р. Памятники поздних кочевников Центрального Казахстана (Из работ Центрально-Казахстанской археологической экспедиции 1948 года) // Известия АН КазССР. Сер. Археология. – 1951. – Вып. 3 (108). – С. 53–63.

Кызласов Л.Р. Уюкский курган Аржан и вопрос о происхождении сакской культуры // СА. – 1977. – № 2. – С. 69–86.

Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). – М.: Наука, 1979. – 207 с.

Ланцанова Л.Ю. Калмыцко-башкирские отношения в XVII–XIX вв. и калмыцкий след в этногенезе башкир // Этнос. Общество. Цивилизация: Кузеевские чтения: Материалы Междунар. науч.-практич. конф. – Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2006. – С. 76–81.

Ларичев В.Е., Комиссаров С.А. Драконический мир, драконическое время (к проблеме семантики свернутого кольца хищника) // История и культура Востока Азии: Материалы Международной науч. конф. (Новосибирск, 9–11 декабря 2002 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2002. – Т. 1. – С. 181–192.

Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // СЭ. – 1955. – № 4. – С. 3–17.

Левина Т.П., Орлова Л.А. Климатические ритмы голоцена юга Западной Сибири // Геология и геофизика. – 1993. – Т. 34. – № 3. – С. 38–55.

Левшин А. Описание Киргиз-Казачьих или Киргиз Кайсакских орд и степей. – СПб., 1832. – Ч. I. – 353 с.

Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. – Алматы: Санат, 1996. – 656 с.

Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». – М.: Наука, Глав. ред. восточной литературы, 1972. – 269 с.

Лихачева О.С. Комплекс вооружения большереченской культуры // Известия Алтайского государственного университета. – 2013. – № 4. – С. 175–180.

Лихачева О.С. Эволюция стрелкового комплекса населения Лесостепного Алтая в раннем железном веке // Война и оружие. Новые исследования и материалы: Труды V Международной науч.-практ. конф. – СПб.: ВИМАИВиВС, 2014. – Ч. 3. – С. 31–54.

Логвин В.Н., Калиева С.С., Гайдученко Л.Л. О номадизме в степях Казахстана в III тыс. до н. э. // Маргулановские чтения: Сб. материалов конф. – Алма-Ата, 1989. – С. 78–81.

Ломан В.Г. К датировке донгальского типа керамики // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2003. – Кн. 1. – С. 290–293.

Ломан В.Г. О культурных типах памятников финала эпохи бронзы Казахстана // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии: Сб. науч. статей, посвящ. 65-летию Ж. Курманкулова. – Алматы, 2013. – С. 247–259.

Ломан В.Г., Бейсенов А.З., Евдокимов В.В., Толлеуов Т.С. Археологическая карта Каркаралинского района Карагандинской области. – Алматы: Ил-техкитап, 2004. – 256 с.

Ломан В.Г., Кукушкин И.А. Могильник Кудрявая Сопка 1 // Изучение историко-культурного наследия Центральной Евразии: Маргулановские чтения-2008. – Караганда, 2009. – С. 91–96.

Лукьяшко С.И. Предскифский период на Нижнем Дону // Донские древности. – Азов: Азовский краеведческий музей, 1999. – Вып. 7. – 240 с.

Лю Душиэн, Дун Гуанжун, Ан Чжишэн Природная обстановка пустынных и лессовых областей Китая // Доклады 27-го Междунар. геологического конгресса. Секция С.03. Четвертичная геология и геоморфология. – М.: Наука, 1984. – С. 82–88.

Любчанский И.Э., Наумов А.М. Городище Иртышское II // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала: Труды музея-заповедника «Аркаим». – Челябинск: Каменный пояс, 1996. – С. 159–174.

Мажитов Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. – М.: Наука, 1977. – 239 с.

Мак-Гахан Военные действия на Оксусе и падение Хивы. – М., 1875. – 304 с.

Макимова А.Г. Предметы эпохи ранних кочевников в Центральном музее Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР. – 1956. – Т. 1. Археология. – С. 253–261.

Макимова А.Г., Мерциев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары (Археологические

исследования в зоне Чардаринского водохранилища). – Алма-Ата: Наука КазССР, 1968. – 264 с.

Мандельштам А.М. Ранние кочевники скифского времени на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 178–196.

Маннапов М.М. Некоторые проблемы расселения древнебашкирских племен в Степном Заволжье // Этнос. Общество. Цивилизация: Кузеевские чтения: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2006. – С. 83–86.

Маратканов С.Н. К вопросу об одном типе клецов ананьинской культурно-исторической области // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание: Материалы Междунар. науч. конф. – Пермь, 2003. – С. 122.

Маргулан А.Х. Археологические разведки в бассейне р. Сары-су // Вестник АН КазССР. – 1947. – № 7 (28). – С. 17–22.

Маргулан А.Х. Древние караванные пути через пустыню Бетпак-Дала // Вестник АН КазССР. – 1949. – № 1. – С. 68–79.

Маргулан А.Х. Отчет о работах Центрально-Казахстанской археологической экспедиции в 1947 году // Известия АН КазССР. Сер. Археология. – 1949а. – № 67. – Вып. 2. – С. 3–36.

Маргулан А.Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1950. – 122 с.

Маргулан А.Х. Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане. Отчет экспедиции 1948 года // Известия АН КазССР. Сер. Археология. – 1951. – № 108. – Вып. 3. – С. 3–52.

Маргулан А.Х. Горное дело в Центральном Казахстане в древние и средние века // Поиски и раскопки в Казахстане. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1972. – С. 3–30.

Маргулан А.Х. Дзезказган – древний металлургический центр (Городище Милыкудук) // Археологические исследования в Казахстане. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1973. – С. 3–42.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1979. – 360 с.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К. и др. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1966. – 435 с.

Марков Г.Е. Оседание кочевников и формирование у них территориальных групп // Расы и народы. – М.: Наука, 1974. – Вып. 4. – С. 27–42.

Марсадолов Л.С. Основные тенденции в изменении форм удил, псалиев и пряжек коня на Алтае в VIII–V веках до н. э. // Снаряжение верхового коня

на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1998. – С. 5–24.

Марсадолов Л.С. Археологические памятники IX–III веков до н. э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры): Автореф. дис. ... д-ра культурологии. – СПб., 2000. – 56 с.

Марсадолов Л.С. Глиняные сосуды Горного Алтая VIII–III веков до н. э. // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск, 2004. – Вып. 2. – С. 37–51.

Марсадолов Л.С. Контакты Саяно-Алтая и Китая в VIII–IV вв. до н. э. // VIII исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2008. – С. 107–115.

Мартынов А.И., Алексеев В.П. История и палеоантропология скифо-сибирского мира: Учебное пособие. – Кемерово: Изд-во Кемеровского гос. ун-та, 1986. – 144 с.

Мартынюк О.И., Зданович С.Я. Погребальные памятники позднего бронзового века в Кокчетавской области // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Изд-е Башкирского ун-та, 1985. – С. 142–152.

Масанов Н.Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII–XIX веков. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1984. – 176 с.

Масанов Н.Э. Эволюция кочевого хозяйственно-культурного типа и проблема этногенеза казахского народа // Вестник АН КазССР. – 1987. – № 8. – С. 27–30.

Масанов Н.Э. Этногенез казахов: проблема исторической преемственности // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана: Тез. докладов Всесоюзной конф. – М., 1988. – С. 84–86.

Матвеев А.В. К проблеме этногеографии Западно-Сибирской лесостепи в скифскую эпоху // Скифская эпоха Алтая: Тез. докладов к конф. – Барнаул, 1986. – С. 85–88.

Матвеева Г.И. Погребение воина савроматского времени близ г. Троицка // АЭБ. – 1964. – Т. 2. – С. 212–214.

Матвеева Н.П. Начальный этап раннего железного века в Тоболо-Ишимской лесостепи // Западно-сибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. – Тюмень, 1989. – С. 77–103.

Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. – Новосибирск: Наука, Сиб. изд. фирма РАН, 1994. – 152 с.

Матвеева Н.П. Край в раннем железном веке и средневековье // История Курганской области (с

древнейших времен до 1861 года). – Курган: Изд-во Курганского пед. ин-та, 1995. – Т. 1. – С. 76–112.

Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке. – Новосибирск: Наука, Сиб. изд. фирма РАН, 2000. – 399 с.

Материалы по киргизскому землепользованию Сыр-Дарьинской области, собранные и разработанные под руководством П.А. Скрыплева в 1906–1912 гг. – Т. IV. Перовский уезд. – Ташкент, 1912. – 640 с.

Материалы по киргизскому землепользованию Сыр-Дарьинской области, собранные и разработанные под руководством П.А. Скрыплева в 1906–1912 гг. – Т. V. Казалинский уезд. – Ташкент, 1913. – 386 с.

Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. – Т. II. Акмолинская область, Атбасарский уезд. – Воронеж, 1902. – IV+XXXIV+494 с.

Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. – Т. V. Тургайская область, Кустанайский уезд. – Воронеж, 1903. – V+154+III + 375 с.

Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. – Т. VII. Тургайская область, Актюбинский уезд. – Воронеж, 1903а. – V+570 с.

Матющенко В.И. К изучению культурно-исторических параллелей населения Приобья и Урала в эпоху железа // Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа: Тез. докладов и сообщений. – Уфа, 1976. – С. 24–26.

Мачинский Д.А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ. – 1971. – Вып. 13. – С. 30–54.

Медведская И.Н. Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана // СА. – 1972. – № 3. – С. 76–89.

Медведский П. Внутренняя киргизская орда в хозяйственно-статистическом отношении // Журнал Министерства государственного имущества. – 1862. – Ч. 80, август, отд. 2. – С. 285–308.

Мингулов Н.Н. К некоторым вопросам изучения истории Ак-Орды // Казахстан в эпоху феодализма (Проблемы этнополитической истории). – Алма-Ата: Наука КазССР, 1981. – С. 79–95.

Митряков А.Е., Решетников И.Л., Черных Е.М. Усть-Нечкинское I поселение – новый памятник позднего бронзового и раннего железного века в

Среднем Прикамье // Уфимский археологический вестник. – 2010. – Вып. 10. – С. 22–35.

Михайлов Н.Н., Чернова Г.М., Амосов М.И., Денисенков В.П., Козырева М.Г. Впадины Юго-Западного Алтая в среднем и позднем голоцене // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 7. Геология. География. – 1992. – Вып. 1. – С. 88–92.

Михайлов Ю.И. Мироззрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. – 363 с.

Могильников В.А. Курганы Кер-Кечу (к вопросу об этническом составе населения Горного Алтая второй половины I тыс. до н. э.) // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1988. – С. 60–107.

Могильников В. А. Лесостепь Зауралья и Западной Сибири // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 274–311.

Могильников В.А. К характеристике раннего железного века северо-западных предгорий Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1999а. – С. 134–138.

Могильников В.А., Суразаков А.С. Исследование курганов долины Кызыл-Телань // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайского гос. ун-та, 2003. – № 11. – С. 35–37.

Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи (XVII–XVIII вв.). – Алма-Ата: Гылым, 1991. – 238 с.

Молодин В.И. Находки керамики бегазы-дандыбаевской культуры в Синьцзяне и их значимость для понимания культурно-исторических процессов в западных районах Центральной Азии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VI Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН (декабрь 1998 г.). – Новосибирск: Изд-во ИИАЭ СО РАН, 1998. – С. 286–289.

Молодин В.И., Гаркуша Ю.Н., Гришин А.Е., Жемерикин Р.В., Марченко Ж.В. К археологической карте Западной Барабы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. 5. Материалы VII Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН (декабрь 1999 г.). – Новосибирск: Изд-во ИИАЭ СО РАН, 1999. – С. 439–445.

Молодин В.И., Комиссаров С.А. Соотношение древних культур Восточного Туркестана и Сибири (к историографии проблемы) // Восток – Россия – Запад. Исторические и культурологические исследо-

вания. К 70-летию академика В.С. Мясникова. – М.: Памятники исторической мысли, 2001. – С. 273–301.

Молодин В.И., Октябрьская И.В., Черемисин Д.В. К изучению историко-культурных ландшафтов Горного Алтая // 100 лет гуннской археологии. Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен: Тез. докладов Междунар. конф. – Улан-Удэ, 1996. – Ч. 1. – С. 132–134.

Молодин В.И., Парцингер Г., Кривоногов С.К., Казанский А.Ю., Чемякина М.А., Матасова Г.Г., Васильевский А.Н., Овчаренко А.С., Гришин А.Е., Ермакова Н.В., Дергачева Н.И., Феденева И.Н., Некрасова О.А., Мильникова Л.Н., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Зубова А.В., Чикишева Т.А., Поздняков Д.В., Пилипенко А.С., Ромащенко А.Г., Куликов И.В., Кобзев В.Ф., Новикова О.И., Васильев С.К., Шнеевайс Й., Приват К., Болдырев В.В., Дребушак В.А., Дребушак Т.Н., Деревянко Е.И., Бородовский А.П., Боургарит Д., Реухе И., Кузьминых С.В., Марченко Ж.В. Чича – городище переходного времени от бронзы к железу в Барабинской лесостепи. – Новосибирск: Изд-во ИИАЭ СО РАН, 2009. – Вып. 3. – 248 с.

Моргунова Н.Л., Дойникова И.В., Краева Л.А. I курганный могильник у с. Буранчи // АПО. – Оренбург: Изд-во Оренбургского гос. пед. ун-та, 2004. – Вып. 6. – С. 3–15.

Мохов И.И., Безверхний В.А., Елисеев А.В., Карпенко А.А. Взаимосвязь изменений глобальной приповерхностной температуры с изменениями солнечной активности по данным наблюдений и реконструкций для XVII–XX веков и по модельным расчетам // Доклады Академии наук. – 2006. – Т. 409. – № 1. – С. 115–119.

Мошкова М.Г. Работы Казахстанского отряда Южноуральской экспедиции в 1964 г. // КСИА. – 1966. – Вып. 107. – С. 44–46.

Мошкова М.Г. Хозяйство, общественные отношения, связи сарматов с окружающим миром // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1989. – С. 202–214.

Мошкова М.Г. Еще раз о каменных «жертвенниках» и «савроматской» археологической культуре // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология. – М.: ИА РАН, 2000. – С. 201–215.

Мукажанов М.Ф. Поселение раннего железного века Кызылсуир-2 в Карагандинской области // Древняя и традиционная культура Казахстана в исследованиях молодых ученых: Тез. докладов. – Караганда: Изд-во «Санат», 2004. – С. 77–79.

Муканов М.С. К вопросу о родорасселении казахов на территории Казалинского и Перовского уез-

дов Сыр-Дарьинской области (вторая половина XIX в.) // Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана: Труды ИИАЭ АН КазССР. – 1961. – Т. 12. – С. 136–147.

Муканов М.С. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1974. – 200 с.

Муканов М.С. Этническая территория казахов в XVIII – начале XX веков. – Алма-Ата: Казахстан, 1991. – 64 с.

Мурзин В.Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. – Киев: Наук. думка, 1984. – 134 с.

Мурзин В.Ю. Происхождение скифов: Основные этапы формирования скифского этноса. – Киев: Наук. думка, 1990. – 88 с.

Мышкин В.Н. К проблеме реконструкции системы сезонных перекочевок кочевников Волго-Уральского междуречья в VI–I вв. до н. э. // АПО. – Оренбург: Изд-во Оренбургского гос. пед. ун-та, 2007. – Вып. VIII. – С. 81–87.

Мясников М.Н. Новые находки ананьинского времени с территории Чувашии // «Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы». Сер. Археология евразийских степей. – Казань: Отечество, 2014. – Вып. 20. – С. 276–280.

Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. – М.: Наука, 1968. – 76 с.

Народы Средней Азии и Казахстана. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 2. – 779 с.

Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – 386 с.

Науомов А.М. Фортификация и планиграфия Иртышских городищ иткульской культуры // Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (проблемы культурогенеза). Сер. Этногенез уральских народов. – Челябинск: Рифей, 2016. – С. 188–318.

Ниязклычев К. О скотоводческом и земледельческом хозяйстве Юго-Западного Туркменистана конца XIX – начала XX в. // Труды ИИАЭ ТуркССР. – 1963. – Т. 7. – С. 58–70.

Новгородова Э.А. Центральная Азия и карасукская проблема. – М.: Наука, 1970. – 190 с.

Новгородова Э.А. Древняя Монголия. – М.: Наука, Глав. ред. восточной литературы, 1989. – 383 с.

Новоженев В.А. Древнейшие кузнецы Евразийской степи (карасукская культура и происхождение бегазы-дандыбаевского феномена) // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии: Сб. науч. статей, посв. 65-летию Ж. Курманкулова. – Алматы, 2013. – С. 321–329.

Обыденнов М.Ф. Межовская культура. – Уфа: Изд-во БЭК, 1998. – 201 с.

Оразов А. Некоторые вопросы скотоводческого хозяйства в Северо-Западной Туркмении в конце XIX – начале XX в. // Труды ИИАЭ ТуркССР. Сер. Этнография. – Ашхабад, 1962. – Т. 4. – С. 290–303.

Оразов А. Некоторые формы скотоводства в до-революционной Туркмении // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана: Труды ИЭ. Новая серия. – Л.: Наука, Ленинградское отд., 1973. – Т. ХCVIII. – С. 70–74.

Оралбай Е.К. Тарбағатай теріскейіндегі 2013 ж. қазба жұмыстарының қорытындылары // Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. – Астана: Изд. группа ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2013. – Т. II. – С. 131–139 (на каз. яз.).

Оралбай Е.К. Некоторые особенности памятников раннего железного века северных склонов Тарбағатай // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. – С. 196–201 (на каз. яз.).

Очир-Горяева М.А. Некоторые наблюдения по географическому распространению археологических памятников в Нижнем Поволжье // НАВ. – Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2005. – Вып. 7. – С. 15–33.

Павленко Ю.В. Формирование раннеклассовых отношений на территории Украины // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР: Тезис доповідей XX Республіканської конференції. – Київ: Наукова думка, 1989. – С. 165–167.

Панова Н.К. История озер и растительности в центральной части Среднего Урала в позднее- и послеледниковое время // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. – Вып. 4. – С. 48–59.

Пань Джиянгли, Хуань Чунчанг, Чжань Чжаньпин. Микроморфологические и геохимические признаки изменений климата в почвах лёссового плато в голоцене // Почвоведение. – 2003. – № 2. – С. 145–157.

Папин Д.В. Проблема сложения археологических культур в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку на Верхней Оби // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2003. – Кн. 1. – С. 341–343.

Папин Д.В., Федорук А.С. Погребальный обряд древнего населения степного Обь-Иртышья в эпоху поздней бронзы // Кадырбаевские чтения: Материалы Междунар. науч. конф. – Актобе: ПринтА, 2007. – С. 81–85.

Папин Д.В., Фролов Я.В. О формировании культур скифского круга на Верхней Оби // *Современные проблемы археологии России.* – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2006. – Т. 2. – С. 49–51.

Патрушев В.С. Марийский край в VII–VI вв. до н. э. (Старший Ахмыловский могильник). – Йошкар-Ола: Марийское гос. кн. изд-во, 1984. – 230 с.

Патрушев В.С. Древние культурные связи финно-угров Поволжья в I тыс. до н. э. // *Проблемы археологии степной Евразии: Тез. докладов.* – Кемерово, 1987. – Ч. 2. – С. 35–36.

Патрушев В.С., Халиков А.Х. Волжские ананьинцы (Старший Ахмыловский могильник). – М.: Наука, 1982. – 278 с.

Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий (проблемы исторических контактов). – М.: Наука, Глав. ред. восточной литературы, 1978. – 301 с.

Переводчикова Е.В. Еще раз о юго-восточных связях Филипповских курганов // *Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий.* – М.: ТАУС, 2010. – С. 295–298.

Переводчикова Е.В. Произведения скифского звериного стиля из кургана № 5 у с. Кичигино в контексте искусства кочевников восточных областей Евразии // *Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями.* – СПб.: ИИМК РАН, Периферия, 2012. – Кн. 1. – С. 238–243.

Переводчикова Е.В., Тауров А.Д. Искусство раннесакского времени Южного Урала и его восточные параллели // *Stratum plus.* Археология и культурная антропология. – 2015. – № 3. – С. 121–141.

Пересветов Г.Ю. Некоторые вопросы происхождения тасмолинской культуры (по итогам новых исследований в Павлодарской области) // *Историико-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий: Материалы ХLI региональной археолого-этнографич. студенческой конф. (Барнаул, 25–30 марта 2001 г.).* – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2001. – С. 282–285.

Пересветов Г.Ю. Типы погребальных сооружений тасмолинской культуры // *Сб. материалов науч.-практич. конф. «Наследие академика А.Х. Маргулана», посв. 100-летию юбилею ученого.* – Экибастуз, 2004. – С. 40–44.

Пересветов Г.Ю., Куропятникова С.В. Тасмолинское погребение у станции Шидерты // *Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья.* – Павлодар: ЭКО, 2002. – С. 126–130.

Першиц А.И. Некоторые особенности классового формирования и раннеклассовых отношений у кочев-

ников-скотоводов // *Становление классов и государства.* – М.: Наука, 1976. – С. 280–313.

Петренко В.Г. К вопросу о хронологии раннескифских курганов Центрального Предкавказья // *Проблемы скифо-сарматской археологии.* – М.: Наука, 1990. – С. 60–81.

Пиотровский Б.Б. Скифы и Урарту // *ВДИ.* – 1989. – № 4. – С. 3–10.

Погребова М.Н. Памятники скифской культуры в Закавказье // *Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (История и культура).* – М.: Наука, 1981. – С. 42–58.

Погребова М.Н. Центральноазиатская гипотеза происхождения скифской материальной культуры и скифского этноса // *Древности скифской эпохи.* – М.: ИА РАН, 2006. – С. 172–193.

Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранний железный век // *Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории.* – М.: Наука, Глав. ред. восточной литературы, 1988. – С. 156–189.

Погребова М.Н., Раевский Д.С. К вопросу об «отложившихся скифах» // *ВДИ.* – 1989. – № 1. – С. 40–65.

Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и Древний Восток: К истории становления скифской культуры. – М.: Наука, Глав. ред. восточной литературы, 1992. – 263 с.

Погребова М.Н., Раевский Д.С. «Уйгаракский аргумент» в контексте дискуссии о генезисе звериного стиля скифской эпохи // *РА.* – 2001. – № 4. – С. 45–52.

Подобед В.А., Ключнев М.Н. Биметаллический чекан // *Каталог случайных находок из археологических собраний Донецкой области.* – Археологический альманах. – № 1. – Донецк, 1993. – С. 45–46.

Поздняков Д.В., Комиссаров С.А. К антропологии культуры яньблэк (Восточный Туркестан) // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАиЭ СО РАН.* – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2003. – Т. 9. Ч. 2. – С. 168–172.

Полеводов А.В., Плешков Е.А. Археологический микрорайон к северу от Больших Крутихинских озер // *Археологические микрорайоны Западной Сибири: Материалы науч. конф.* – Омск: Изд-во Омского ун-та, 1998. С. 48–53.

Политович Ю.Б. О мотиве свернувшего хищника в скифском «зверином стиле» // *РА.* – 1994. – № 4. – С. 63–78.

Политович Ю.Б. К истокам скифского искусства: происхождение мотива свернувшегося хищника // *РА.* – 2001. – № 3. – С. 25–34.

Политович Ю.Б. Об одной изобразительной традиции в искусстве народов скифского мира // *Нома-*

ды казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты Евразии скифо-сакской эпохи. – Астана, 2008. – С. 39–59.

Политович Ю.Б. Находки в тувинском кургане Аржан-2 и «звериный стиль» Северного Причерноморья: поиск соответствий // *Древние культуры Евразии: Материалы Междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рожд. А.Н. Бернштама.* – СПб.: Инфо-ол, 2010. – С. 217–224.

Политович Ю.Б. Изображения горного козла в сакском искусстве архаического периода // *Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии: Сб. науч. статей, посв. памяти археолога К.А. Акишева.* – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. – С. 215–230.

Полін С.В. Хронологія ранньоскіфських пам'яток // *Археологія.* – 1987. – Вып. 59. – С. 17–36.

Полосьмак Н.В. Некоторые аналогии погребениям в могильнике у деревни Даодуньзы и проблема происхождения сюннуской культуры // *Китай в эпоху древности.* – Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1990. – С. 101–107.

Полосьмак Н.В. «Стережущие золото грифы» (акалахинские курганы). – Новосибирск: Наука, Сиб. изд. фирма, 1994. – 125 с.

Поноженко Е.А. Кочевой цикл и регламентация пастбищного землепользования у средневековых ногайцев // *Циклы природы и общества: Материалы III Междунар. конф. «Циклы природы и общества».* – Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 1995. – Вып. 1, 2. – С. 265–270.

Попов С.А. Археологические находки на территории Оренбургской области // *АЭБ.* – 1964. – Т. 2. – С. 260–264.

Потапов Л.П. Особенности материальной культуры казахов, обусловленные кочевым образом жизни // *Сборник МАЭ.* – 1949. – Т. 12. – С. 43–70.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. – М.: Наука, 1985. – 376 с.

Природа Челябинской области. – Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1964. – 244 с.

Прокопьев Ю.В. Культура Цицзя и ранние бронзовые изделия в Китае // *Гуманитарные науки в Сибири.* – 1994. – № 3. – С. 47–53.

Путешествие в восточные страны Пляно Карпини и Гильома де Рубрука. – Алматы: Гылым, 1993. – 248 с.

Пшеничнюк А.Х. Кара-Абызская культура (Население Центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // *АЭБ.* – 1973. – Т. 5. – С. 162–243.

Пшеничнюк А.Х. Старший Шиповский могильник ананьинской культуры в Центральной Башкирии //

Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. – Уфа: БФ АН СССР, 1982. – С. 94–105.

Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. – М.: Наука, 1983. – 200 с.

Пшеничнюк А.Х. Памятники ананьинской и пьаноборской культур в низовьях р. Белой // *Археологические работы в низовьях Белой.* – Уфа: БФ АН СССР, 1986. – С. 26–44.

Пшеничнюк А.Х. Исследования по раннему железному веку // *Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала.* – Уфа: БФ АН СССР, 1987. – С. 67–76.

Пьянков А.В. Биметаллический чекан из окрестностей ст. Пластуновской (Краснодарский край) // *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа.* – Армавир, 2005. – Вып. 5. – С. 280–282.

Пьянков И.В. Массажеты Геродота // *ВДИ.* – 1975. – № 2. – С. 46–70.

Пьянков И.В. Движение степного населения в Евразийской полосе степей и проблемы этнической истории древнейших индоиранцев // *Материальная культура Таджикистана.* – 1987. – Вып. 4. – С. 71–84.

Пьянков И.В. Античные авторы о Средней Азии и Скифии (Критический обзор работ Дж. Р. Гардинера-Гардена) // *ВДИ.* – 1994. – № 4. – С. 191–207.

Пьянков И.В. Аристей: путешествие к исседонам // *Исседон: альманах по древней истории и культуре.* – Екатеринбург, 2005. – Т. III. – С. 15–35.

Пьянков И.В. Жуны и ди, аримаспы и амазонки // *Записки Восточного отделения Российского археологического общества.* – СПб., 2006а. – Т. II (XXVII). – С. 215–238.

Пьянков И.В. Западные динлины – первый тюркоязычный народ на территории Казахстана // *Арал-Каспийский регион в истории и культуре Евразии: Материалы Междунар. науч. конф.* – Актобе: ПринтА, 2006б. – Ч. 2. – С. 13–17.

Пьянков И.В. Средняя Азия и Евразийская степь в древности. – СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2013. – 736 с. – (Исторические исследования).

Пьянков И.В. К вопросу об этнической ситуации в степях Евразии в бронзовом и раннежелезном веках // *Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: Сб. статей, посв. памяти Е.Е. Кузьминой.* – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2014. – С. 147–151.

Пьянков И.В. Этнокультурные процессы в евразийских степях (конец II – первой половины I тыс. до н. э.) // *Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Ев-*

- разии. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. – С. 233–245.
- Радлов В.В.* Из Сибири: Страницы дневника. – М.: Наука, 1989. – 749 с.
- Раевский Д.С.* Об этнониме «саки» в системе археологической терминологии // Тез. докладов Всесоюзной науч. конф. «Культура и искусство Киргизии». – Л., 1983. – Вып. 1. – С. 33–35.
- Раевский Д.С.* Ранние скифы: среда обитания и хозяйственно-культурный тип // ВДИ. – 1995. – № 4. – С. 87–96.
- Рахимов Е.К.* К вопросу о возникновении у казахов постоянных зимовок-кыстау и стационарных построек на них // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Красноярск; Омск: Наука, 2006. – С. 109–111.
- Россия. Полное географическое описание нашего Отечества.* – Т. 19. Туркестанский край. – СПб., 1913. – 861 с.
- Руденко С.И.* Горноалтайские находки и скифы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 268 с.
- Руденко С.И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 402 с.
- Рукавишникова (Тришина) И.В.* Многофигурные изображения на предметах раннего железного века Тувы и некоторые композиции в зверином стиле из кургана Аржан 2 // Древности скифской эпохи. – М.: ИА РАН, 2006. – С. 297–313.
- Рысков Я.Г.* Реконструкция истории развития почв и природной среды степного Предуралья в голоцене (с использованием методов геохимии стабильных изотопов): Автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Пушкино, 1996. – 23 с.
- Рысков Я.Г., Демкин В.А.* Развитие почв и природной среды степей Южного Урала в голоцене (опыт реконструкции с использованием методов геохимии стабильных изотопов). – Пушкино, ОНТИ ПНЦ РАН, 1997. – 166 с.
- Рычков П.И.* Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым. – СПб., 1762. – Ч. 1. – 331 с.
- Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии // Оренбургские степи в трудах П.И. Рычкова, Э.А. Эверсмана, С.С. Неуструева. – М.: Географиз, 1949. – С. 41–204.
- Рябогина Н.Е., Иванов С.Н.* Сходства и различия в палеогидрологической динамике озер и рек Тоболо-Ишимья // Экология древних и традиционных обществ: Доклады конф. – Тюмень: Вектор Бук, 2007. – Вып. 3. – С. 66–69.

- Рябогина Н.Е., Иванов С.И., Цембалюк С.И.* Реконструкция природного окружения бархатовского, баитовского и иткульского населения Притоболья // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Материалы Всероссийской конф. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2009. – Т. 1. – С. 20–23.
- Савельев Н.С.* Каменные курганы восточных предгорий Южного Урала и некоторые вопросы формирования прохоровской культуры // Уфимский археологический вестник. – 2000. – Вып. 2. – С. 17–48.
- Савельев Н.С.* «Трансуральский путь» и формирование этнокультурной карты лесостепи Южного Урала в эпоху раннего железа // XV Уральское археологическое совещание: Тез. докладов Междунар. науч. конф. – Оренбург: Оренбургская губерния, 2001. – С. 140–141.
- Савельев Н.С.* Формирование иткульского металлургического очага в свете кочевнических миграций раннескифского времени // Международное (XIV Уральское) археологическое совещание: Материалы Междунар. науч. конф. – Пермь: Ред.-изд. отдел Пермского гос. ун-та, 2003. – С. 130–131.
- Савельев Н.С.* Месягутовская лесостепь в эпоху раннего железа. – Уфа: Гилем, 2007. – 260 с.
- Савельев Н.С.* Раннесакские поселения Южного Зауралья // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. – С. 246–254.
- Савинов Д.Г.* Возможности синхронизации письменных и археологических дат в изучении культуры Южной Сибири скифо-сарматского времени // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: Тез. докладов к Всесоюзной науч. конф. – Барнаул, 1991. – С. 93–96.
- Садыкова М.Х.* Сарматы на территории Башкирии: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 1968 // Архив ИА РАН. – Р-2, № 2007.
- Сальников К.В.* Бронзовый век Южного Зауралья // МИА. – 1951. – № 21. – С. 94–151.
- Сальников К.В.* Древнейшие памятники истории Урала. – Свердловск: Свердловиз, 1952. – 158 с.
- Сальников К.В.* Иткульская культура (К вопросу о «Зауральском ананьине») // Краеведческие записки. – Челябинск: Челябинское кн. изд-во, 1962. – Вып. 1. – С. 21–47.
- Сальников К.В.* Очерки древней истории Южного Урала. – М.: Наука, 1967. – 408 с.
- Самашев З.С., Жумабекова Г., Ермолаева А., Омаров Г.* Раннесакские наконечники стрел из Казахского Алтая // Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспек-

- тиве: Материалы Междунар. конф. – СПб., 1998. – С. 155–160.
- Самашев З.С., Франкфорт А.П., Ермолаева А.С., Жумабекова Г.С., Гий Э., Сунгатай С., Жетибаев Ж.М., Омаров Г.К.* Исследование культуры древних кочевников Казахского Алтая // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия: Материалы Международной археологической конф. – Алматы, 1998. – С. 174–202
- Сапрыкина И.А., Кузьминых С.В., Пельгунова Л.А., Холмквист Э.* Исследование химического состава цветного металла Ананьинского могильника: итоги и перспективы // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): Материалы Междунар. конф. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2016. – С. 69–72.
- Сверчков Л.М.* Тохары. Древние индоевропейцы в Центральной Азии. – Ташкент: SMI-ASIA, 2012. – 240 с.
- Семенов А.А.* К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана // Труды АН ТаджССР. – 1953. – Т. 12. – С. 3–37.
- Семенов Вл. А.* Синхронизация и хронология памятников алды-бельского типа в Туве // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1999. – С. 165–169.
- Семенов Вл. А.* Сыпучий Яр – могильник алды-бельской культуры в Туве // Евразия сквозь века. – СПб.: Филол. фак-т Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2001. – С. 167–172.
- Семенов Вл. А.* «Клады» конского снаряжения из погребальных комплексов алды-бельской культуры Тувы // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. – Т. I. – С. 381–383.
- Семенов Вл. А.* Новые находки конского снаряжения алды-бельской культуры в Туве // Записки ИИМК РАН. – 2012. – № 7. – С. 88–94.
- Семенюк Г.И.* Опыт кочевого скотоводства в Казахстане в XVIII – начале XIX в. // Из исторического опыта сельского хозяйства СССР. – М.: Наука, 1969. – С. 117–137.
- Ситников С.М.* Поселение Советский Путь-1 и некоторые вопросы происхождения и культурно-исторических контактов саргаринско-алексеевского населения // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2004. – С. 125–144.
- Скалов Б.А.* Естественно-исторический и хозяйственный очерк кочевых волостей юга Темирского уезда // Известия Оренбургского отд. ИРГО. – Оренбург, 1911. – Вып. XXII. – С. 61–119.

- Скорый С.А.* К этнокультурной истории Украинской Правобережной Лесостепи в скифскую эпоху // Киммерийцы и скифы: Тез. докладов Всесоюзного семинара, посв. памяти А.И. Тереножкина. – Кировоград, 1987. – Ч. II. – С. 70–72.
- Скорый С.А.* Киммерийцы в украинской лесостепи // Вторая Кубанская археологическая конференция: Тез. докладов. – Краснодар, 1993. – С. 90–93.
- Слудский А.А.* Сайгак в Казахстане // Труды Института зоологии АН КазССР. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1955. – Т. 4. – С. 18–55.
- Слудский А.А.* Джуты в евразийских степях и пустынях // Материалы по фауне и экологии наземных позвоночных Казахстана (млекопитающие и птицы). – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. – С. 5–88.
- Сляднев А.М.* Погребальные памятники финальной бронзы Южного Зауралья // Материалы XXXIII Урало-Поволжской археологической студенческой конф. – Ижевск: Регулярная и хаотическая динамика, 2001. – С. 33–35.
- Смирнов К.Ф.* Вооружение савроматов // МИА. – 1961. – № 101. – 162 с.
- Смирнов К.Ф.* Савроматы. Ранняя история и культура сармат. – М.: Наука, 1964. – 380 с.
- Смирнов К.Ф., Петренко В.Г.* Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ. – 1963. – Вып. Д1–9. – 40 с.
- Смирнов Н.Ю.* К вопросу о чеканах раннескифского времени Саяно-Алтая // Альманах молодых археологов – 2004. – СПб., 2004. – С. 41–53.
- Смирнов Н.Ю.* Центральноазиатский комплекс вооружения эпохи ранних кочевников (к вопросу о субстратных элементах в сложении алды-бельской культуры Тувы) // Древние кочевники Центральной Азии (история, культура, наследие): Материалы Междунар. науч. конф. (Улан-Удэ, 23–29 августа 2005 г.). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. – С. 34–38.
- Соболев Л.Н.* Растительность. Растительный покров и его использование // Казахстан. – М.: Наука, 1969. – С. 227–248.
- Сокровища сарматских вождей* [Материалы раскопок Филипповских курганов]. – Оренбург: Печатный дом «Димур», 2008. – 144 с.
- Сорокин С.С.* Древние скотоводы Ферганских предгорий // Исследования по археологии СССР. – Л.: Наука, Ленинградское отд., 1961. – С. 160–166.
- Сорокин С.С.* Новый памятник VII–VI вв. до н. э. на Южном Алтае // СА. – 1969. – № 2. – С. 249–252.
- Сорокин С.С.* Цепочка курганов времени ранних кочевников на правом берегу Кок-су (Южный Алтай) // АСГЭ. – 1974. – Вып. 16. – С. 62–91.

Степанова Н.Ф. Погребения в каменных ящиках и их датировка // Погребальный обряд древних племен Алтая. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1996. – С. 54–69.

Стоянов В.Е. Зауральские лесостепные поселения раннего железного века // КСИА. – 1969. – Вып. 119. – С. 52–61.

Стоянов В.Е. Некоторые черты социально-экономической организации древнего населения Зауральско-Западносибирской лесостепи (ранний железный век) // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. – Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1977. – С. 152–159.

Сулейменов Р.Б. Этногенез и этническая история казахского народа: проблема и метод // Вестник АН КазССР. – 1987. – № 8. – С. 15–20.

Суразаков А.С. Курганы эпохи раннего железа в могильнике Кызык-Телань I (к вопросу о выделении кара-кобинской культуры) // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. – Горно-Алтайск, 1983. – С. 42–52.

Табалдиев К.Ш. Археологические памятники ранних кочевников Тенир-Тоо и некоторые новые сведения // «Манас» Университети. Коомдук илимдер журналы. – Бишкек, 2002. – С. 283–311.

Табалдиев К.Ш. «Восьмикаменные» памятники и «оленные» камни Тянь-Шаня // Современные проблемы археологии России – Новосибирск: Изд-во ИИАЭ СО РАН, 2006. – Т. II. – С. 55–57.

Табалдиев К.Ш. Кинжалы и клад бронзовых изделий из Кыргызстана // Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 2007. – С. 47–57.

Таиров А.Д. Новые памятники раннего железного века из Южного Зауралья // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Изд-е Башкирского ун-та, 1987. – С. 25–37.

Таиров А.Д. Пастбищно-кочевая система и исторические судьбы кочевников урало-казахстанских степей в начале I тысячелетия до новой эры // Скифо-сибирский мир (социальная структура и общественная организация): Тез. докладов Всесоюзной археологической конф. – Кемерово, 1989. – Ч. 2. – С. 27–30.

Таиров А.Д. Пастбищно-кочевая система и исторические судьбы кочевников урало-казахстанских степей в I тысячелетии до новой эры // Кочевники урало-казахстанских степей. – Екатеринбург: Наука, 1993. – С. 3–23.

Таиров А.Д. Торговые коммуникации в западной части Урало-Иртышского междуречья. Препринт. – Челябинск, 1995. – 43 с.

Таиров А.Д. Погребальный обряд ранних кочевников Южного Зауралья // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: Материалы IV Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». – Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. – Вып. 2. – С. 5–14.

Таиров А.Д. Ранний железный век // Древняя история Южного Зауралья. – Т. 2. Ранний железный век и средневековье. – Челябинск: Изд-во Южно-Уральского гос. ун-та, 2000а. – С. 4–205.

Таиров А.Д. Прохоровская культура Южного Урала: генезис и эволюция // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: Материалы IV Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». – Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000б. – Вып. 1. – С. 16–28.

Таиров А.Д. «Киммерийские» кинжалы из Южного Зауралья // НАВ. – 2002. – Вып. 5. – С. 194–200.

Таиров А.Д. К вопросу о взаимодействии племен степи и лесостепи Южного Зауралья в раннем железном веке // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Тез. докладов региональной науч.-практ. конф. – Челябинск: Изд-во Челябинского гос. ун-та, 2002а. – С. 107–109.

Таиров А.Д. О двух направлениях ананьинско-сакских связей в VII–VI вв. до н. э. // Древние этнокультурные связи финно-угров: Материалы российской археологической конф., посв. 30-летию Марийского государственного университета и 10-летию Центра археолого-этнографических исследований. – Йошкар-Ола, 2002б. – С. 99–102.

Таиров А.Д. Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II–I тыс. до н. э.: Материалы к историческим реконструкциям. – Челябинск: Рифей, 2003. – 68 с.

Таиров А.Д. К вопросу о связях ананьинских племен с сакским миром // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. 1. История. – 2003а. – № 2. – С. 22–29.

Таиров А.Д. Кочевники Урало-Иртышского междуречья в системе культур раннесакского времени восточной части степной Евразии // Степная цивилизация Восточной Евразии. – Т. 1. Древние эпохи. – Астана: Култегін, 2003б. – С. 157–179.

Таиров А.Д. Климат и становление номадизма в урало-казахстанских степях // Экология древних и современных обществ: Доклады конф. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003в. – Вып. 2. – С. 176–178.

Таиров А.Д. Периодизация памятников ранних кочевников Южного Зауралья VII–II вв. до н. э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии: Доклады к V Междунар. конф. «Пробле-

мы сарматской археологии и истории». – Краснодар, 2004. – С. 3–21.

Таиров А.Д. Раннесакские боевые пояса // РА. – 2004. – № 1. – С. 140–145.

Таиров А.Д. Ранние кочевники урало-казахстанских степей в VII–II вв. до н.э.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2005. – 54 с.

Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н. э. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – 274 с.

Таиров А.Д. Ритмы степной Евразии: импульс VI в. до н. э. // Наука ЮУрГУ: Материалы 60-й юбилейной науч. конф. Секция естественно-научных и гуманитарных наук. – Челябинск: Изд-во Южно-Уральского гос. ун-та, 2008. – Т. 1. – С. 160–164.

Таиров А.Д. Северный путь движения кочевого населения в евразийском поясе степей // Челябинский гуманитарий. – 2009. – № 2 (8). – С. 107–112.

Таиров А.Д. Биметаллический чекан из Южного Зауралья // Челябинский гуманитарий. – 2010. – № 4 (13). – С. 101–108.

Таиров А.Д. К вопросу о распространении кинжалов с бронзовыми деталями рукояти раннескифского времени // Челябинский гуманитарий. – 2011. – № 1 (14). – С. 162–169.

Таиров А.Д. Перечитывая классиков археологии // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана: Сб. науч. статей, посв. 90-летию со дня рожд. выдающегося археолога К.А. Акишева. – Астана: Сарыарка, 2014. – С. 82–89.

Таиров А.Д. Изучение памятников ранних кочевников Северного и Центрального Казахстана в первом десятилетии XXI века // Наука ЮУрГУ: Материалы 66-й научной конф. Секции социально-гуманитарных наук. – Челябинск: Изд. центр Южно-Уральского гос. ун-та, 2014а. – С. 578–584.

Таиров А.Д. Интерпретация поселенческих памятников Северного и Центрального Казахстана раннего железного века в современной казахстанской археологии // Наука ЮУрГУ: Материалы 67-й науч. конф. Секции социально-гуманитарных наук. – Челябинск: Изд. центр Южно-Уральского гос. ун-та, 2015. – С. 1349–1355.

Таиров А.Д. Комплекс раннесакского времени кургана 5 могильника Кичигино I в Южном Зауралье // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии: Сб. науч. статей, посв. памяти археолога К.А. Акишева. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015а. – С. 300–319.

Таиров А.Д. Внутренняя Азия и культурные трансформации в степной Евразии I тысячелетия до н.э. // Древние культуры Северного Китая, Монго-

лии и Байкальской Сибири: Сб. трудов VI Междунар. науч. конф. – Хух-Хото, 2015б. – Т. III. – С. 997–1001.

Таиров А.Д. Южное Зауралье в раннесакское и савроматское время // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии: Материалы IX Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории», посв. 1000-летию со дня рожд. К.Ф. Смирнова. – Оренбург: Изд-во Оренбургского гос. пед. ун-та, 2016. – С. 275–279.

Таиров А.Д., Боталов С.Г. Аристократическое погребение сакского времени из Южного Зауралья // Маргулановские чтения-2009: Материалы Междунар. науч. конф. (Петропавловск, 22–25 апреля, 2009 г.). – Петропавловск: М. Қозыбаев атындағы СҚМУ, 2009. – Т. 1. – С. 209–214.

Таиров А.Д., Боталов С.Г. Погребение сакского времени могильника Кичигино I в Южном Зауралье // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. – М.: ТАУС, 2010. – С. 339–354.

Таиров А.Д., Бушмакин А.Ф. Минеральные порошки из курганов Южного Урала и Северного Казахстана и их возможное использование // РА. – 2001. – № 1. – С. 66–75.

Таиров А.Д., Бушмакин А.Ф. Минеральные порошки из курганов Южного Урала и Северного Казахстана // Уфимский археологический вестник. – Уфа: НМ РБ, 2001а. – Вып. 3. – С. 168–177.

Таиров А.Д., Гуцалов С.Ю. Этнокультурные процессы на Южном Урале в VII–II вв. до н. э. // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Сер. Этногенез уральских народов. – Челябинск: Рифей, 2006. – С. 312–341.

Таиров А.Д., Никитин А.Ю. Кинжал раннесакского времени из Южного Зауралья // Теория и практика археологических исследований. – 2014. – № 1 (9). – С. 87–90.

Таиров А.Д., Ульянов И.В. Случайные находки оружия ближнего боя из коллекции лаборатории археологических исследований Челябинского университета // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала: Труды музея-заповедника «Аркаим». – Челябинск: Каменный пояс, 1996. – С. 139–147.

Тарасов П.Е. Палеогеография степной зоны Северного и Центрального Казахстана в голоцене.: Автореф. дис. ... канд. географ. наук. – М., 1992. – 25 с.

Тарасов П.Е., Кременецкий К.В. Взаимодействие природы и человека в степной зоне Казахстана в голоцене // Водные ресурсы. – 1995. – Т. 22. – № 3. – С. 343–347.

Тасмагамбетов И. Кентавры Великой степи. Художественная культура древних кочевников. – Алматы: Берел, 2003. – 336 с.

Тереножкин А.И. Бронзовые кинжалы предскифского времени // Кавказ и Восточная Европа в древности. – М.: Наука, 1973. – С. 121–125.

Тереножкин А.И. Киммерийцы. – Киев: Наук. думка, 1976. – 224 с.

Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. – СПб.: Тип. Меркульева, 1875. – 354 с.

Тишкин А.А. Погребальные сооружения курганного могильника Бийке в Горном Алтае и культура населения, оставившего их // Погребальный обряд древних племен Алтая. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1996. – С. 20–54.

Тишкин А.А. Находки некоторых элементов конского снаряжения скифской эпохи в предгорной зоне Алтая // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1999. – С. 78–90.

Тишкин А.А. Украшения раннескифского времени из Горного Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1999. – С. 184–190.

Тишкин А.А. Проблема происхождения бийкенской культуры Алтая раннескифского времени и выделение основных этапов ее развития // Социогенез в Северной Азии. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. – Ч. 1. – С. 322–327.

Тишкин А.А. Алтай в эпоху поздней древности, раннего и развитого средневековья (культурно-хронологические концепции и этнокультурная история) – Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Барнаул, 2006. – 54 с.

Тишкин А.А. Этапы развития бийкенской культуры Алтая // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2006. – Вып. 3. – С. 146–158.

Тишкин А.А. Бронзовый кинжал раннескифского времени с Алтая // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст: Материалы тематической науч. конф. (Санкт-Петербург, 16–9 декабря 2008 г.). – СПб., 2008. – С. 79–84

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Значение лошади в культуре населения Горного Алтая скифской эпохи // Сибирь в панораме тысячелетий: Материалы Международного симпозиума. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 581–591.

Тишкин А.А., Папин Д.В. Комплекс вооружения раннескифского времени на Алтае (по материалам Бийского краеведческого музея) // Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и со-

циальной перспективе: Материалы Междунар. конф. – СПб., 1998. – С. 179–182.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. – Тюмень: Изд-во Тюменского гос. нефтегазового ун-та, 2002. – Ч. 1. – 289 с.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. – Тюмень: Изд-во Тюменского гос. нефтегазового ун-та, 2002а. – Ч. 2. – 243 с.

Ткачев А.А. Дандыбаевская культура: проблема происхождения и датировки // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2003. – Кн. 1. – С. 371–378.

Ткачев А.А., Тишкин А.А. Курганы раннескифского времени на могильнике Герасимовка в Восточном Казахстане // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1999. – С. 194–198.

Ткачев А.А., Ткачева Н.А. Итоги исследования археологических памятников Усть-Каменогорского микрорайона (1994–1998 гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень: ИПСО СО РАН, 1999. – Вып. 2. – С. 136–145.

Толстов С.П. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах // Известия ГАИМК. – 1934. – Вып. 103. – С. 165–190.

Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. – М.: Изд-во восточной литературы, 1962. – 324 с.

Толстов С.П., Жданко Т.А., Итина М.А. Работы Хорезмской археологической экспедиции АН СССР в 1958–1960 гг. // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958–1961 гг. – МХЭ. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Вып. 6. – С. 3–90.

Толыбеков С.Е. Вопросы экономики и организации кочевого скотоводческого хозяйства казахов в конце XIX – начале XX веков // Труды Института экономики АН КазССР. – 1957. – Т. 2. – С. 3–91.

Толыбеков С.Е. Кочевое хозяйство казахов в XVII – начале XX века: Политико-экономический анализ. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1971. – 635 с.

Трепаелов В. Падение Казанского ханства и Ногайская орда // Проблемы истории Казани: современный взгляд. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2004. – С. 177–199.

Тур С.С. Краниологические материалы из раннескифских могильников Алтая // Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. Скифская эпоха Горного Алтая. – Ч. 1. Культура населения в раннескифское время. Приложение. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1997. – С. 136–147.

Тур С.С. Краниологические материалы из Боровского могильника большереченской культуры переходного времени от эпохи бронзы к эпохе же-

леза (VIII–VI вв. до н. э.) в свете этногенетических проблем древнего населения Верхнего Приобья // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии, № 7. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайского гос. ун-та, 2001. – С. 67–82.

Турсунбаев А. Переход к оседлости кочевников и полукочевников Средней Азии и Казахстана // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана: Труды ИЭ АН СССР. Новая серия. – Л.: Наука, Ленинградское отд., 1973. – Т. ХСVIII – С. 223–234.

Турсунова М.С. Из истории казахов Мангышлака во второй половине XIX в. // Материалы и исследования по этнографии казахского народа: Труды ИИАЭ АН КазССР. – 1963. – Т. 18. – С. 122–152.

Турсунова М.С. Казахи Мангышлака во второй половине XIX века (вопросы социально-экономической и политической истории). – Алма-Ата: Наука КазССР, 1977. – 184 с.

Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь. Бронзы ордосского стиля. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1986. 402 с. (на кит. яз).

Усманова Э.Р., Варфоломеев В.В. Уйдас-Айдос – могильник эпохи бронзы // Вопросы археологии Казахстана. – М.: Алматы: Гылым, 1998. – Вып. 2. – С. 46–60.

Усть-Урт кара-калпакский: Его природа и хозяйство: Итоги Усть-Уртской комплексной экспедиции (1944–1945 гг.). – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1949. – 231 с.

Фадеев В.А., Слудский А.А. Сайгак в Казахстане: Экология, хозяйственное значение. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1982. – 160 с.

Фаркаш Э. М.И. Ростовцев и скифское искусство // ВДИ. – 1992. – № 3. – С. 163–171.

Федоров В.К. О функциональном назначении так называемых «савроматских жертвенников» Южного Приуралья (I) // Уфимский археологический вестник. – 2000. – Вып. 2. – С. 49–75.

Федорович Б.А. Пути развития животноводства в полупустынях и пустынях // Казахстан. – М.: Наука, 1969. – С. 450–456.

Федорович Б.А. Природные условия аридных зон СССР и пути развития в них животноводства // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана: Труды ИЭ АН СССР. Новая серия. – Л.: Наука, Ленинградское отд., 1973. – Т. ХСVIII. – С. 207–222.

Федорук А.С. Бегазы-дандыбаевский феномен: история изучения и историография // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. – Павлодар: Эко, 2006. – С. 127–147.

Федосеев А.П. Метеорологические условия образования зимней пастбищной бескормицы в Казахстане // Труды Казахстанского научно-исследовательского гидрометеорологического института. – Л., 1953. – Вып. 1. – С. 55–82.

Федосеев А.П. Климатические условия зимнего выпаса овец на пастбищах Казахстана // Труды Казахстанского научно-исследовательского гидрометеорологического института. – Вып. 13. Сельскохозяйственная метеорология. – М.: Гидрометеоздат (отделение), 1959. – С. 3–11.

Фельдструп Ф.Ф. Скотоводство и кочевание в части степей Западного Казахстана // Казаки. Антропологические очерки: Сборник II (Материалы особого комитета по исследованию союзных и автономных республик). – Л.: Изд-во АН СССР, 1927. – Вып. 2 – С. 78–107.

Формозов А.Н. Животный мир Казахстана. – М.: Наука, 1987. – 149 с.

Фролов Я.В. К вопросу о формировании старорейской культуры (по данным погребальной обрядности) // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2007. – Вып. 3. – С. 16–31.

Фролов Я.В. К вопросу о реконструкциях этнокультурной ситуации в лесостепном Алтае в эпоху раннего железа // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М.: ИА РАН, 2008. – Т. II. – С. 95–97.

Фролов Я.В., Папин Д.В. О трансформации культурных традиций населения Кулундинской равнины в VIII–VI вв. до н.э. // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2004. – С. 31–42.

Хабдулина М.К. Погребальный обряд населения раннего железного века Северного Казахстана (VIII–II вв. до н. э.) // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Изд-е Башкирского ун-та, 1987. – С. 3–25.

Хабдулина М.К. Хронология наконечников стрел раннего железного века Северного Казахстана // Кочевники урало-казахстанских степей. – Екатеринбург: Наука, 1993. – С. 24–43.

Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. – Алматы: Гылым, Ракурс, 1994. – 170 с.

Хабдулина М.К. Поселения раннесакского времени на реке Селеты // Степная цивилизация Восточной Евразии. – Т. 1. Древние эпохи. – Астана: Култегін, 2003. – С. 189–214.

Хабдулина М.К. Тасмолинская археологическая культура: современное состояние // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – 2007. – № 2. – С. 181–194.

Хабдулина М.К., Зданович Г.Б. Ландшафтно-климатические колебания голоцена и вопросы культурно-исторической ситуации в Северном Казахстане // *Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья*. – Челябинск: Изд-е Башкирского ун-та, 1984. – С. 136–158.

Хабдулина М.К., Рубе А.А. Кинжал раннесакского времени из Петропавловского Приишимья // *Древности Евразии в скифо-сарматское время*. – М.: Наука, 1984. – С. 227–231.

Хабдулина М.К., Ярыгин С.А. История изучения раннего железного века Сарыарки // *Археологическое исследование степной Евразии*. – Караганда: «TENGR Ltd», 2013. – С. 173–182.

Хазанов А.М. Сармато-калмыцкие параллели (К вопросу об однотипности кочевого хозяйства в одинаковом экологическом окружении) // *Проблемы алтаистики и монголоведения: Тез. докладов и сообщений Всесоюзной конф.* – Элиста, 1972. – С. 108.

Хазанов А.М. Характерные черты кочевых обществ евразийских степей // *Доклады советской делегации. IX МКАЭН*. – М., 1973. – С. 16.

Хазанов А.М. О периодизации истории кочевников евразийских степей // *Проблемы этногеографии Востока*. – М., 1973а. – С. 5–10.

Хазанов А.М. Эпоха древних кочевников в евразийских степях // *Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана: Краткие тез. докладов на конф.* – Л.: Наука, Ленинградское отд., 1975. – С. 23–25.

Хазанов А.М. Социальная история скифов: Основные проблемы развития древних кочевников Евразийских степей. – М.: Наука, Глав. ред. восточной литературы, 1975а. – С. 344.

Хазанов А.М. Роль рабства в процессах классовообразования у кочевников Евразийских степей // *Становление классов и государства. – Основные проблемы развития*. – М.: Глав. ред. восточной литературы изд-ва «Наука», 1976. – С. 249–279.

Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. – Алматы: Дайк-Пресс, 2000. – 604 с.

Хазина И.В. Растительность и климат в голоцене юго-восточной части Западной Сибири (по палинологическим данным): Автореф. дис.... канд. геол.-минерал. наук. – Новосибирск, 2008. – 16 с.

Халиков А.Х. О юго-восточных связях населения Среднего Поволжья в эпоху бронзы и железа // *Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа: Тез. докладов и сообщений*. – Уфа, 1976. – С. 3–6.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н. э.). – М.: Наука, 1977. – 262 с.

Ходжайев Т.К. Антропологическая характеристика территориальных групп населения Восточного Памира в сакское время // *Археология, этнография и антропология Евразии*. – 2008. – № 3 (35). – С. 143–156.

Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX веков: Материалы к историко-этнографическому атласу. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1980. – 254 с.

Хохлов А.А., Фризен С.Ю. Новые краниологические материалы Южного Урала савроматского времени // *Вопросы археологии Урала и Поволжья*. – Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2004. – Вып. 2. – С. 257–266.

Худяков Ю.С., Комиссаров С.А. Кочевая цивилизация Восточного Туркестана: Учебное пособие. – Новосибирск, 2002. – 156 с.

Цзянцзюнь Ю, Цзян Ма. Алтай и соседние регионы в период около VIII в. до н. э. (по данным курганов Восточного Талейда) // *Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана*. – Астана: Изд. группа ФИА им. А. Х. Маргулана в г. Астана, 2013. – Т. I. – С. 78–86.

Цыбиктаров А.Д. Бурятия в древности. История (с древнейших времен до XVII века). – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 1999. – Вып. 3. – С. 266.

Цыбиктаров А.Д. Древние миграции в Центральной Азии в эпоху бронзы и раннего железа: причины и последствия // *Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Материалы III Междунар. науч. конф.* (Улан-Батор, 5–9 сентября 2012 г.). – Улан-Батор, изд-во Монгольского гос. ун-та, 2012. – Вып. 3. – С. 283–292.

Цыбиктаров А.Д. Особенности исторического развития населения степных районов Монголии и Забайкалья в эпоху бронзы и раннем железном веке (середина II – середина I тыс. до н. э.) // *Вестник Бурятского государственного университета*. – 2012а. – № 7. – С. 13–19.

Черемисин Д.В. Разведки на Катунь // *Охрана и изучение культурного наследия Алтая: Тез. науч.-практич. конф.* – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1993. – Ч. 2. – С. 140–144.

Черненко Е.В. Древнейшие скифские парадные мечи (Мельгунов и Келермесс) // *Скифия и Кавказ*. – Киев: Наук. думка, 1980. – С. 7–30.

Черников С.С. Древнее горное дело в районе г. Степняк (По материалам обследования 1938 г.) // *Известия АН КазССР. Сер. Археология*. – 1948. – Вып. 1 (46). – С. 13–32.

Черников С.С. Поселение эпохи бронзы в Северном Казахстане // *КСИИМК*. – 1954. – Вып. 53. – С. 29–49.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // *МИА*. – 1960. – № 88. – С. 272.

Черников С.С. Загадка золотого кургана (где и когда зародилось скифское искусство?). – М.: Наука, 1965. – 188 с.

Чернова Г.М., Михайлов Н.Н., Денисенко В.П., Козырева М.Г. Некоторые вопросы палеогеографии голоцена юго-западного Алтая // *Известия Всесоюзного географического общества*. – 1991. – Вып. 2. Т. 123. – С. 140–146.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // *МИА*. – 1970. – № 172. – С. 180.

Черных Е.Н. Курганы – крупнейший горнометаллургический комплекс Северной Евразии в древности (структура центра, история открытия и изучения) // *РА*. – 1997. – № 1. – С. 21–36.

Черных Е.Н. Курганы. Забытый мир. – М.: Наука, 1997а. – С. 177.

Чернянский С.С., Иванов И.В., Демкин В.А., Тауров А.Д. Черноземы и солонцы Зауралья во второй половине голоцена: результаты почвенно-археологических исследований // *Курган с «усами» Солончанка I*. – Челябинск: Изд-во Челябинского гос. ун-та, 1999. – С. 98–133.

Чжун Сук-Бэ. Кинжалы эпохи раннего железа из Северного Китая // *Античная цивилизация и варварский мир: Материалы VI археологического семинара*. – Краснодар, 1998. – Ч. 1. – С. 23–29.

Чжун Сук-Бэ. О хронологии комплексов с кинжалами эпохи поздней бронзы из Северного Китая // *Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии*. – М.: ГЕОС, 2000. – С. 110–137.

Чикишева Т.А. К вопросу об антропологическом сходстве населения пазырыкской культуры и сакской этнокультурной общности // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы V Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН* (декабрь 1997 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1997. – С. 314–320.

Чикишева Т.А. Антропология носителей пазырыкской культуры // *Феномен алтайских мумий*. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2000. – С. 35–49.

Чикишева Т.А. Вопросы происхождения кочевников Горного Алтая эпохи раннего железа по данным антропологии // *Археология, этнография и антропология Евразии*. – 2000а. – № 4 (4). – С. 107–121.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. – М.: Наука, 1967. – 300 с.

Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи // *МИА*. – 1972. – № 182. – С. 248.

Членова Н.Л. Карасукские находки на Урале и в Восточной Европе // *СА*. – 1973. – № 2. – С. 191–204.

Членова Н.Л. Карасукские кинжалы. – М.: Наука, 1976. – 103 с.

Членова Н.Л. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века // *Проблемы Западносибирской археологии. Эпоха железа*. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1981. – С. 4–42.

Членова Н.Л. Четыре древних кинжала из Казахстана // *КСИА*. – 1982. – Вып. 170. – С. 34–40.

Членова Н.Л. Предыстория «торгового пути Геродота» (из Северного Причерноморья на Южный Урал) // *СА*. – 1983. – № 1. – С. 47–66.

Членова Н.Л. Северокавказские оленные камни и Новомордовские стелы // *Антропоморфные изображения. Первобытное искусство*. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1987. – С. 133–149.

Членова Н.Л. О культурной принадлежности Старшего Ахмыловского могильника, Новомордовских стелах и «отделившихся скифах» // *КСИА*. – 1988. – Вып. 194. – С. 3–11.

Членова Н.Л. Тагарская культура // *Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время*. – М.: Наука, 1992. – С. 206–224.

Членова Н.Л. О степени сходства компонентов материальной культуры в пределах «Скифского мира» // *ПАВ*. – 1993. – № 7. – С. 49–77.

Членова Н.Л. Алтайские бронзы раннескифской эпохи из собрания ГИМ // *Изучение памятников археологии Алтайского края: Материалы науч.-практич. конф.* – Барнаул, 1995. – Вып. 5. Ч. 2. – С. 91–96.

Членова Н.Л. Центральная Азия и скифы. I. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. – М., 1997. – 98 с.

Членова Н.Л. Минусинская котловина и Сибирь: контакты и изоляция // *Сибирь в панораме тысячелетий: Материалы Междунар. симпозиума*. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 670–683.

Членова Н.Л. Северный Кавказ – Синьцзян – Монголия («Общевразийские» оленные камни) // *Археологические памятники раннего железного века Юга России*. – М., 2004. – С. 220–244.

Чотбаев А. Вооружение древних кочевников казахских степей. Астана. – Астана: Изд. группа ФИА им. А. Х. Маргулана в г. Астана, 2013. – 200 с.

Чугунов К.В. Бронзовые наконечники стрел скифского времени Тувы // *Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура*. – СПб., 2000. – С. 213–238.

Чугунов К.В. К вопросу о формировании колчанного набора в восточных регионах скифского мира // *Сохранение и изучение культурного наследия Ал-*

тая. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2000а. – Вып. 11. – С. 165–168.

Чулунов К.В. Локально-хронологические особенности культуры Тувы в середине I тысячелетия до н. э. // Евразия сквозь века. – СПб.: Филол. фак-т Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2001. – С. 173–178.

Чулунов К.В. Херексуры Центральной Азии (к вопросу об истоках традиции) // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2002. – С. 142–149.

Чулунов К.В. Серьги раннескифского времени Саяно-Алтая (происхождение традиции и типологическое развитие) // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2003. – Кн. 1. – С. 386–395.

Чулунов К.В. Уздечные комплекты алды-бельской культуры в контексте развития конского снаряжения // Снаряжение кочевников Евразии. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2005. – С. 103–109.

Чулунов К.В. Некоторые особенности искусства кургана Аржан 2 // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М.: ИА РАН, 2008. – Т. II. – С. 98–101.

Чулунов К.В. Синхронизация археологических культур раннесакского времени Казахстана и Тувы // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии: Тез. докладов круглого стола, посв. 20-летию Независимости Республики Казахстан. – Караганда, 2011. – С. 69–77.

Чулунов К.В. Искусство Аржана-2: стилистика, композиция, иконография, орнаментальные мотивы // Европейская Сарматия. – СПб.: Нестор-История, 2011а. – С. 39–60.

Чулунов К.В. Дискретность постройки «царских» мемориалов Тувы и хронология раннескифского времени // «Terra Scythica»: Материалы Междунар. симпозиума «Terra Scythica». – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2011б. – С. 358–369.

Чулунов К.В. Культурные связи населения Тувы в раннескифское время (по материалам кургана Аржан-2) // Маргулановские чтения-2011: Материалы Междунар. археологической конф. (Астана, 20–22 апреля 2011 г.). – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2011в. – С. 177–182.

Чулунов К.В. Переход от эпохи бронзы к эпохе раннего железа на территории Саяно-Алтая (презентация концепции) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Казань, 2014. – Т. 1. – С. 679–683.

Чулунов К.В. Искусство раннесакского времени Тувы и Казахстана: опыт сравнительного анализа и хронология // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии: Сб. науч. статей, посв. памяти археолога К.А. Акишева. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. – С. 389–404.

Чулунов К.В. Формирование культур ранних кочевников в Казахстане и Саяно-Алтае (к постановке проблемы) // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 77. Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы. – СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2015а. – С. 457–486.

Чулунов К.В., Парцингер Г., Наглер А. Элитные погребения эпохи ранних кочевников в Туве (предварительная публикация полевых исследований российско-германской экспедиции в 2001 г.) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 2 (10). – С. 115–126.

Чулунов К.В., Парцингер Г., Наглер А. Золотые звери из долины царей. Открытия российско-германской археологической экспедиции в Туве. – СПб., 2004. – 16 с.

Чулахин В.М. Физическая география Казахстана. – Алма-Ата: Мектеп, 1968. – 260 с.

Шакурова Ф.А., Шаяхметов Ф.Ф. К проблеме вариативности перехода кочевников к оседлости и земледелию // II Междунар. конф. этнографов и антропологов: Резюме докладов и сообщений. – Уфа, 1997. – Ч. 1. – С. 193–194.

Шалекенов У. О сочетании скотоводства и земледелия в разных географических зонах Каракалпакии в конце XIX – начале XX в. // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана: Труды ИЭ АН СССР. Новая серия. – Л.: Наука, Ленинградское отд., 1973. – Т. ХСVIII. – С. 161–171.

Шамшин А.Б., Фролов Я.В., Медникова Э.М. Бобровский грунтовый могильник // Погребальный обряд древних племен Алтая. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1996. – С. 69–88.

Шарапова С.В. Курганы начальной стадии железного века на Средней Исети // Россия и Восток: археология и этническая история: Материалы IV Междунар. науч. конф. «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». – Омск: Омский филиал Объединенного института истории, филологии и философии, 1997. – С. 31–34.

Шахматов В.Ф. Казахская пастбищно-кочевая община. (Вопросы образования, эволюции и разложения). – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1964. – 207 с.

Шварева Ю.Н. Климат. Сезоны года // Казахстан. – М.: Наука, 1969. – С. 97–114.

Швецов С.П. Природа и быт Казахстана // Казахское хозяйство в его естественно-исторических и бытовых условиях. – М., 1926. – С. 93–105.

Шелелова Е.В. Ритуальные памятники кочевников Алтая поздней древности: систематика и анализ // Известия Алтайского государственного университета. – 2008. – Т. 4. – № 2. – С. 223–230.

Шерстобитова О.С. Связи с сопредельными территориями культур эпохи поздней бронзы и переходного времени Среднего Прииртышья // Человек и Север: Антропология, археология и экология: Материалы Всероссийской конф. (Тюмень, 26–30 марта 2012 г.). – Тюмень: Изд-во ИПОС РАН, 2012. – Вып. 2. – С. 184–186.

Шнайдштейн Е.В. Некоторые проблемы развития скотоводства Юго-Восточной Европы в эпоху средневековья // Вестник Калмыцкого ИЯЛИ. Сер. История. – 1974. – № 9. – С. 69–81.

Шнеевайс Й., Вагнер М., Кениг О. Человек и окружающая среда в эпоху поздней бронзы – раннего железного века Барабинской лесостепи в геофоллогическо-археологической перспективе // Экология древних и традиционных обществ: Доклады конф. – Тюмень: Вектор Бук, 2007. – Вып. 3. – С. 162–165.

Шорин А.Ф. Курган раннего железного века на Южном Урале // Сибирь в древности. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1979. – С. 57–60.

Шульга П.И. Раннескифская упряжь VII – начала VI вв. до н. э. по материалам погребения на р. Чарыш // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1998. – С. 25–55.

Шульга П.И. Группа раннескифских захоронений на реке Чарыш // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VI Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1998а. – С. 379–385.

Шульга П.И. Этнокультурная ситуация в Горном Алтае и северо-западных предгорьях в VII–III вв. до н. э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1999. – С. 245–250.

Шульга П.И. Ранние костяные наконечники стрел из курганов скифского времени на Алтае // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 2002. – С. 43–61.

Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2003. – 204 с.

Шульга П.И. Могильник Гилево-10 как памятник финала раннескифского времени // Проблемы ар-

хеологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2003а. – Т. 9. Ч. 1. – С. 521–527.

Шульга П.И. О конструкции раннескифских поясов с Алтая и прилегающих территорий // Алтае-Саянская горная страна и соседние территории в Древности. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – С. 27–40.

Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. – Ч. I: Раннескифское время. – Барнаул: Азбука, 2008. – 276 с.

Шульга П.И. Раннескифские погребальные памятники в Синьцзяне // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 409–412.

Шульга П.И. Синьцзян в VIII–III вв. до н. э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. технического ун-та, 2010. – 238 с.

Шульга П.И. Некоторые результаты изучения памятников VIII–III веков до н. э. в Синьцзяне (Китай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2010а. – Т. XVI. – С. 331–334.

Шульга П.И. О хронологии и культурной идентификации памятников VIII–VI вв. до н. э. Забайкалья и Северного Китая // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Материалы Междунар. науч. конф. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2010а. – С. 135–140.

Шульга П.И. Конское снаряжение VIII–V вв. до н. э. в восточной части Евразии // Всадники Великой степи: традиции и новации. – Астана: Изд. группа ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2014. – С. 248–263.

Шульга П.И. Погребения в подбоях на территории провинции Ганьсу Китайской Народной Республики (эпоха раннего железа) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Казань, 2014а. – Т. 2. – С. 253–257.

Шульга П.И. Могильник Юйхуанмяо в Северном Китае (VII–VI века до нашей эры). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – 303 с.

Шульга П.И., Гирченко Е.А., Шульга Д.П. О хронологии могильника Юйхуанмяо (Китай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой

сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2012 г. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2012. – Т. XVI. – С. 316–320.

Шульга П.И., Казаков А.А., Ведянин С.Д., Семин братов В.П., Ситников С.М. Аварийные работы на реке Чарыш // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: Материалы науч.-практич. конф. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1997. – Вып. 8. – С. 124–128.

Шульга П.И., Шульга Н.Ф. Новые данные по снаряжению верховой лошади из раннескифского могильника Гилево-10 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. 2005 г. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2005. – Т. 11. Ч. 1. – С. 498–502.

Эверсман Э. Естественная история Оренбургского края. – Оренбург: Тип. Казанского ун-та, 1840. – Ч. 1. – 99 с.

Эрдниева У.Э. Калмыки (конец XIX – начало XX вв.). Историко-этнографические очерки. – Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1970. – 307 с.

Юсупов Р.М. Антропологический состав башкир и его формирование // Башкиры: этническая история и традиционная культура. – Уфа: Башкирская энциклопедия, 2002. – С. 22–44.

Юсупов Х. Раннекочевнические племена на территории Северо-Западного Туркменистана // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций: Тез. докладов советско-французского симпозиума по археологии Центральной Азии и соседних регионов. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1987. – С. 129, 130.

Яблонский Л.Т. Этноисторическая ситуация в Южном Приаралье эпохи ранних саков // III Всесоюзная конф. востоковедов «Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций, культур на Востоке»: Тез. докладов и сообщений. – М.: Наука, 1988. – Т. 1. – С. 188–190.

Яблонский Л.Т. Проблема формирования культуры саков Южного Приаралья // СА. – 1991. – № 1. – С. 72–89.

Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). – М., 1996. – 186 с.

Яблонский Л.Т. К проблеме формирования крааниологического типа древнейших скотоводов Средней Азии и Казахстана // ЭО. – 1996а. – № 6. – С. 45–52.

Яблонский Л.Т. Модель раннего этногенеза в скифо-сакской контактной зоне // РА. – 1998. – № 4. – С. 35–49.

Яблонский Л.Т. Эпоха поздней бронзы – ранне-го железа в Приаралье и проблема происхождения культур сакского типа // Степи Евразии в древности и средневековье: Материалы Междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рожд. М.П. Грязнова. – СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2003. – Кн. 2. – С. 201–204.

Яблонский Л.Т. Арало-Уральские этногенетические параллели // Археологические памятники раннего железного века Юга России. – М., 2004. – С. 245–265.

Яблонский Л.Т. Материалы для классификации наконечников стрел раннесакского типа (по находкам в Южном Приаралье) // Древности скифской эпохи. – М.: ИА РАН, 2006. – С. 277–296.

Яблонский Л.Т. Проблема хронологии и типологизации сарматских культур на современном этапе их изучения (в свете новейших материалов из Южного Приаралья) // Региональные особенности раннесарматской культуры: Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. – Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2007. – Вып. II. – С. 4–36.

Яблонский Л.Т. Новое о хорошо забытом старом: некоторые теоретические подходы в современной скифо-сарматской археологии // Проблемы современной археологии. – М.: Институт археологии РАН: ТАУС, 2008. – С. 302–315.

Яблонский Л.Т. Саки в дельте Окса (теория и практика этногенетического исследования). – М.: Новое время, 2015. – 312 с.

Яблонский Л.Т., Трунаева Т.Н., Веддер Дж., Дэвис-Кимболл Дж., Егоров В.Л. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1993 году // Курганы левобережного Илека. – М., 1994. – Вып. 2. – С. 4–60.

Ягодина В.Н. К вопросу о связях Хорезма с Поволжьем и Приуральем в первой половине I тысячелетия н. э. // Археология и этнография Башкирии. – 1971. – Т. 4. – С. 103–107.

Ягодина В.Н. Устюрт и Приаральская дельта: (Некоторые итоги археологических исследований 1971–1975 гг.) // Общественные науки в Узбекистане. – 1976. – № 11. – С. 45–52.

Ягодина В.Н. Хорезм и ранние кочевники Устюрта // Античная культура Средней Азии и Казахстана: Тез. докладов Всесоюзного науч. совещания. – Ташкент: Фан, 1979. – С. 37–38.

Ягодина В.Н. Археологическое изучение курганных могильников Каскажол и Бернияз на Устюрте // Археология Приаралья. – Ташкент: Фан, 1982. – Вып. 1. – С. 39–81.

Ягодина В.Н. Бронзовые наконечники стрел из Южной Бактрии // Древняя Бактрия: Материалы советско-афганской археологической экспедиции. – М.: Наука, 1984. – Вып. 3. – С. 33–57.

Ягодина В.Н. Кочевники на северо-западных границах Хорезма // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций: Тез. докладов советско-французского симпозиума по археологии Центральной Азии и соседних регионов. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1987. – С. 133–135.

Ягодина В.Н. Стреловидные планировки Устюрта (опыт историко-культурной интерпретации) // Археология Приаралья. – Ташкент: Фан, 1991. – Вып. 5. – 204 с.

Яйленко В.П. К вопросу об идентификации рек и народов Геродотовой Скифии // СЭ. – 1983. – № 1. – С. 54–65.

Якимов А.С., Рябогина Н.Е., Иванов С.Н., Демкина Т.С., Зимина О.Ю., Цембалюк С.И. Природные условия Туро-Пышминского междуречья в X–IV вв. до н. э. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2007. – № 8. – С. 206–225.

Янгузин Р. Хозяйство башкир дореволюционной России. – Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1989. – 192 с.

Ярыгин С.А. Функциональное назначение бронзового ножа из погребения кургана 1 могильника Шагала IV и одна этнографическая черта тасмолинских племен // Всадники Великой степи: традиции и новации. – Астана: Изд. группа ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2014. – С. 279–289.

Ярыгин С.А., Сакенов С.К. Колчаный набор раннесакских племен верховьев р. Шагала // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциальных процессов Степной Евразии. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. – С. 436–440.

A Grand view of Xinjiang's Cultural Relics and Historic Sites. – Urumchi, 1999. – 432 p.

Beisenov A. Results of New Researches of the Sak Time in Central Kazakhstan // International academic conference on cultural exchange between Korea and Altai regions. – 2014. – P. 149–167.

Chugunov K.V., Parzinger H., Nagler A. Chronology and cultural affinity of the kurgan Arzan-2 complex according to archaeological data // Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia. – NATO Science Series. – Series IV: Earth and Environmental Sciences. – Vol. 42. – Kluwer Academic Publishers, 2004.

Čugunov K.V., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Arzan 2 in Tuva. Mainz, 2010 (Archäologie in Eurasien. Band 26. Steppenvölker Eurasien. band 3).

Cultural Relics..., 2002. № 3–4. – Xinjiang Institute of Cultural Relics and Archaeology. Excavation of No. 1 Cemetery at Qiongkeke in Nilek Countu // Cultural Relics of Xinjiang. – 2002. – № 3–4. – P. 13–53 (на кит. яз.).

Cultural Relics..., 2004. № 1. – Xinjiang Institute of Cultural Relics and Archaeology and Turfan Prefectural Office for Preservation of Ancient Monuments. Excavation of Cemetery No. 1 in Shanshan Countu // Cultural Relics of Xinjiang. – 2004. – № 1. – P. 1–27 (на кит. яз.).

Cultural Relics..., 2004a. № 1. – Xinjiang Institute of Cultural Relics and Archaeology and Turfan Prefectural Office for Preservation of Ancient Monuments. Excavation of Cemetery No. 2 in Shanshan Countu // Cultural Relics of Xinjiang. – 2004. – № 1. – P. 28–49 (на кит. яз.).

Cultural Relics..., 2004. № 4. – Xinjiang Institute of Cultural Relics and Archaeology. The Second Excavation of the Kizil Reservoir Cemetery in Baicheng Country // Cultural Relics of Xinjiang. – 2004. – № 4. – P. 1–14 (на кит. яз.).

Genghis Khan – The Ancient Nomadic Culture of the Northern China. – Beijing, Cultural Relics Publishing House, 2004.

IMICRA, 1997. – Inner Mongolian Institute of Cultural Relics and Archaeology. The Zhaizita Site in Jungar Banner // Papers on Cultural Relics and Archaeology in Inner Mongolia (II). – Beijing, 1997. – P. 280–326 (на кит. яз.).

IMICRA, 1997a. – Inner Mongolian Institute of Cultural Relics and Archaeology. Excavation at the Bai'aobao Cemetery in Ejin Horo Banner // Papers on Cultural Relics and Archaeology in Inner Mongolia (II). – Beijing, 1997. P. 327–337 (на кит. яз.).

Im Zeichen des goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen. – München–Berlin–London–New York, 2008.

Kaogu, 1987. № 12. – Xie Duanju. Study of the Early Catacombs in China // *Kaogu*. – 1987. – № 12. – P. 1097–1118 (на кит. яз.).

Kaogu, 1991. № 8. – Xinjiang Archaeological Team, IA, CASS and Institution for the Preservation of Ancient Monuments, Bayingolin Autonomous Mongolian Prefecture, Xinjiang. A Preliminary Report on the Second and Third Excavations of Tombs at Qunbake, Luntai County, Xinjiang // *Kaogu*. – 1991. – № 8. – P. 684–712 (на кит. яз.).

Koryakova L., Daire M.-Y., Courtaud P. and others. Burials and Settlements at the Eurasian Crossroads: joint Franco-Russian Project // Kurgans, Ritual Sites and Settlements: Unrasian Bronze and Iron Age. – BAR International Series 890. – 2000. – P. 63–74.

Li Hairong. The Research on the Bronze Objects of the Xia, Shang and Zhou Dynasties Unearthed From the Northern Frontier Area of China. – Beijing: Cultural Relics Publishing House, 2003 (на кит. яз.).

Mei, Shell, 2002. – Jianjun Mei & Colin Shell. The Iron Age Cultures in Xinjiang and their Steppe Connections // Ancient interactions: east and west in Eurasia. Edited by Katie Boyle, Colin Renfrew & Marsha Levine. – Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, 2002. – P. 213–234.

New Achievements..., 1995. – New Achievements in Archaeological Research in Xinjiang During the Time Span (1979–1989). – Xinjiang People's Publishing House, 1995. (на кит. яз.)

Shao Huiqiu. Research on Metal Bridles of Pre-Qin Period in North China // Research of China's Frontier Archaeology. – 2005. – № 3. – P. 96–114 (на кит. яз.).

Tairov A., Bushmakina A. F. The Composition, Function and Significance of the Mineral Paints from the Kurgan Burial Mounds of the South Urals and North Kazakhstan // Colouring the Past: the significance of colour in archaeological research. – Oxford–New-York, 2002. – P. 175–193.

The ancient..., 1994. – The Ancient Art in Xinjiang. – China, 1994.

The ancient Corpses ..., 2002. – The Ancient Corpses of Xinjiang. The Peoples of Ancient Xinjiang and Their Culture. 2002. – 245 p. (на кит. и англ. яз.)

The Collection..., 2004. – The Collection on the archaeological of the Ordos. Huh-Hoto, 2004 (на кит. яз.).

Turfanological Research, 2004. № 1. – Xinjiang Institute of Cultural Relics and Archaeology, Bureau of Cultural Relics of Turpan Prefecture. New Results of Archaeological Work in Turpan – Excavation of the Yanghai Graveyard // Turfanological Research. – 2004. – № 1. – P. 1–46 (на кит. яз.).

Vinogradov N. B., Epimakhov A. V. From a Settled Way of Life to Nomadism Variants in Models of Transition // Kurgans, Ritual Sites, and Settlements Eurasian Bronze and Iron Age. – BAR International Series. 890. – 2000. – P. 240–246.

Wenwu, 1980. № 7. – The Xiongnu Tombs at Xigou // Wenwu. – 1980. – № 7. – P. 1–10 (на кит. яз.).

Xinhua Wu..., 2006. – Xinhua Wu, Wagner Mayke, Görsdorf Jochen, Tarasov Pavel, Aisha Ailijiang, Jianjun Mei. Das Gräberfeld Liushui des 9. bis 7. Jahrhunderts v. Chr. im Kunlun-Gebirge, NW-China (Vorbericht über die Ergebnisse der Ausgrabungen 2002 bis 2005) // Eurasia Antiqua. 2006. Band 12. S. 173–191.

Xinjiang Chawuhu – Daxing Shizu Mudi Fajue Baogao. – Beijing, 1999. – 416 p. (на кит. яз.).

Yang Jianhua. The Formation of Northern Chinese Frontier Belt During the Spring and Autumn and Warring States Periods. Beijing, Cultural Relics Publishing House, 2004. – 220 p. (на кит. яз.).

Список сокращений

АН – Академия наук
 АО – Археологические открытия (Москва)
 АПО – Археологические памятники Оренбуржья (Оренбург)
 АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа (Ленинград, Санкт-Петербург)
 АЭБ – Археология и этнография Башкирии (Уфа)
 БНЦ – Бурятский научный центр
 БФ – Башкирский филиал
 ВАУ – Вопросы археологии Урала (Свердловск, Екатеринбург)
 ВДИ – Вестник древней истории (Москва)
 ВИ – Вопросы истории
 ВЭГУА – Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия (Уфа)
 ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет (Горно-Алтайск)
 ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры
 ГИМ – Государственный Исторический музей (Москва)
 ГУГК – Главное управление геодезии и картографии (Москва)
 ЕНУ – Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Астана)
 ИА – Институт археологии
 ИАиЭ – Институт археологии и этнографии

ИИА – Институт истории и археологии

ИИАЭ – Институт истории, археологии и этнографии

ИИМК – Институт истории материальной культуры (Санкт-Петербург)

ИПОС – Институт проблем освоения Севера (Тюмень)

ИРГО – Императорское Русское географическое общество

ИЭ – Институт этнографии.

ИЯЛИ – Институт языка, литературы, истории

КазССР – Казахская Советская Социалистическая Республика

КемГУ – Кемеровский государственный университет (Кемерово)

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры (АН СССР, Москва)

КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии (АН СССР, Москва)

МАЭ – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера, Ленинград, Санкт-Петербург)

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР (Москва, Ленинград)

МОН РК – Министерство образования и науки Республики Казахстан (Астана)

МХЭ – Материалы Хорезмской экспедиции (Москва)

НАВ – Нижневолжский археологический вестник (Волгоград)

НАН РК – Национальная академия наук Республики Казахстан (Алматы)

ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет (Оренбург)

ПАВ – Петербургский археологический вестник (Санкт-Петербург)

РА – Российская археология (Москва)

РАН – Российская академия наук

РГО – Русское географическое общество

СА – Советская археология (Москва).

САГУ – Среднеазиатский государственный университет (Ташкент)

САИ – Свод археологических источников (Москва, Ленинград)

СО – Сибирское отделение

СССР – Союз Советских Социалистических Республик

СЭ – Советская этнография (Москва)

ТаджССР – Таджикская Советская Социалистическая Республика

ТАЭ – Тувинская археологическая экспедиция

ТуркССР – Туркменская Советская Социалистическая Республика

УдГУ – Удмуртский государственный университет (Ижевск)

УрГУ – Уральский государственный университет (Свердловск, Екатеринбург)

УрО – Уральское отделение

ФИА – Филиал Института археологии

ХАЭЭ – Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция (Москва)

ЧГПУ – Челябинский государственный педагогический университет (Челябинск)

ЭО – Этнографическое обозрение (Москва)

ЮУрГУ – Южно-Уральский государственный университет (Челябинск)

Материалы и исследования по культурному наследию

ТОМ VIII

Научное издание

Александр Таиров

**РАННИЕ КОЧЕВНИКИ ЖАЙЫК-ИРТЫШСКОГО
МЕЖДУРЕЧЬЯ В VIII–VI ВВ. ДО Н. Э.**

На казахском, русском и английском языках

Редактор А. Айдарбекова
Перевод на английский язык: З. Жаханова
Перевод на казахский язык: Б. Сиражева
Дизайн и верстка: А. Исмаилова

Рекомендовано к изданию Ученым советом
Казахского научно-исследовательского института культуры

Рецензенты:
М.Н. Сдыков
Г.К. Омаров

Подписано в печать
Формат 84x108 1/16
Бумага матовая мелованная 130 г
Тираж 500 экз. Заказ №
Отпечатано с файлов заказчика в
Тел./факс: